

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

К 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А.А. МАСЛЕННИКОВА

К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА В.Д. КУЗНЕЦОВА

3 (81)

Июль – Август – Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2023

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (председатель, Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2023
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2023
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

**TO THE 75th ANNIVERSARY OF PROFESSOR
ALEXANDER A. MASLENNIKOV**

**TO THE 70th ANNIVERSARY OF PROFESSOR
VLADIMIR D. KUZNETSOV**

3 (81)

July – August – September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 r.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2023

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

2023-й год – по-своему знаменателен. Разным людям он запомнится различными событиями. Антиковедам же – археологами и историкам – он запомнится ещё и потому, что в этом году отмечают свой юбилей сразу двое наших близких коллег и друзей. 20 августа исполнилось 70 лет *Владимиру Дмитриевичу Кузнецову*, а 23 октября отмечает свой 75-й день рождения *Александр Александрович Масленников*.

Оба наших юбиляра – выходцы из провинциальных русских городов: Александр Александрович из Тулы, Владимир Дмитриевич – из Самары. А.А. Масленников, в 1970 г. окончив Тульский гос. педагогический университет, приехал в Москву и поступил в аспирантуру ИА РАН, обучение в которой завершил в 1976 г. В.Д. Кузнецов, в 1978 г. завершив образование в МГУ, оказался там же, закончив обучение в аспирантуре ИА РАН в 1983 г. С тех пор их судьба неразрывно связана с ИА РАН (СССР). Каждый в свое время успешно защитил здесь сначала кандидат-

скую (1977 и 1984 гг.), а затем и докторскую (1993 и 1996 гг.) диссертации. Итогом их научной и служебной карьеры на сегодняшний день стало заведование отделами Института археологии: А.А. Масленников долгие годы возглавляет работу Отдела полевых исследований, а В.Д. Кузнецов – Отдела классической археологии.

Оба юбиляра – страстные полевики, не пропустившие, кажется, ни одного сезона. Стаж полевых работ и межсезонных изысканий каждого исчисляется (если отбросить несущественные частности) полувеком! *Старший* из них бесчисленные годы весьма и весьма плодотворно исследует многочисленные и разнообразные археологические памятники сельской территории «европейской» части Боспорского царства. Благодаря этим работам открыты многие ранее неизвестные страницы истории Боспора. *Младший* – бесконечно предан главному памятнику своей жизни, столице Азиатского Боспора, Фанагории; здесь прошли многие годы его вдохновенных исследований древнего города. Особое внимание было уделено им изучению Фанагории архаического периода. В результате раскопано более 3000 м² города, основанного колонистами из Теоса в 540-х гг. до н.э. Но и история Фанагории средневековой в последние годы живо интересует его: остатки городской застройки этого периода активно исследуется на новом раскопе на внушительной площади – 2000 м².

Даже краткое перечисление наиболее значимых научных открытий и достижений А.А. Масленникова и В.Д. Кузнецова потребовало бы слишком много места и времени. И едва ли в этом имеется необходимость, поскольку каждый специалист по истории и археологии Боспора (и, конечно, не только) хорошо себе представляет, сколь значителен вклад каждого из них в изучение классических древностей юга России. Их книги и статьи, без преувеличения, входят в «золотой фонд» отечественной науки об античности.

Чрезвычайно велика роль этих замечательных специалистов и в области научно-организационной. А.А. Масленников на посту заведующего ОПИ, не жалея времени, сил и здоровья, стоит на страже принципов полноценного и качественно-го научного изучения памятников археологии на территории всей нашей страны. Через его руки проходят тысячи заявок и отчетов о полевых работах сотрудников научных учреждений и коммерческих организаций, получивших право проводить раскопки и разведки. И каждая такая заявка или отчет требуют не только внимания, погруженности в конкретные обстоятельства, но и личного участия, регулярного общения с людьми... Можно сказать, что все эти дела проходят не только через его руки и ум, но и через сердце. Можно также утверждать наверняка, что этот подвижнический труд А.А. Масленникова лишил нас ряда интересных книг и множества научных статей, которые он не написал, будучи перегружен заботами иного рода. Отечественная наука еще предстоит по достоинству оценить эту жертвенность, принципиальность и стойкость Александра Александровича на его посту. В числе других важных дел, которыми занят А.А. Масленников на постоянной основе или периодически, следует, пожалуй, отметить его заслугу в организации и подготовке издания ежегодника «Древности Боспора», главным редактором которого он является. То, что в этом году в печать пошел уже 28-й том данного издания – огромную роль играют личные качества нашего юбиляра, его целеустремленность и искренняя преданность делу жизни.

В.Д. Кузнецов создал крупнейшую в стране Фанагорийскую экспедицию, которая на протяжении десятилетий успешно ведет масштабные раскопки одного из наиболее значительных на территории России древнегреческих городов. Благодаря его энергии и при поддержке фонда О.В. Дерипаски «Вольное Дело», в 2012 г. состоялось открытие научного центра Фанагорийской экспедиции ИА РАН, который стал не только образцовой базой для успешной реализации амбициозных полевых и камеральных исследований, но и местом регулярного проведения конференций и круглых столов, организации специализированной научной библиотеки. В 2014 г. был создан Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», и закономерно, что В.Д. Кузнецов возглавил его работу в качестве директора. Появление данной структуры стало органичным результатом развития Фанагорийского проекта, возглавляемого Владимиром Дмитриевичем,

который никогда не терял из виду приоритета академической науки. Сотрудничество, а лучше сказать – симбиоз двух, возглавляемых Кузнецовым, структур создал прочные предпосылки для обеспечения нового уровня исследований Фанагории и популяризации ее исторического наследия. Трудно переоценить то, что, благодаря деятельности В.Д. Кузнецова на посту начальника экспедиции и директора музея-заповедника, удалось сохранить саму Фанагорию...

Полученные научные результаты Фанагорийской экспедиции находят регулярное отражение в публикациях. В том числе, в созданном по инициативе В.Д. Кузнецова серийном издании «Фанагория. Результаты археологических исследований» (с 2013 г. вышло 8 томов, готовятся к печати еще два), отв. редактором которого он является, также, как и серии из трех томов, подготовленной совместно с университетом Гёттингена. Продуктом научно-организационной деятельности В.Д. Кузнецова стал и монументальный трехтомник «Античное наследие Кубани» (2010 г.). В 2019 г. В.Д. Кузнецов сумел реализовать еще один важный издательский проект – «Нуранис. Труды отдела классической археологии ИА РАН». К настоящему времени свет увидели четыре тома этого ежегодника. Стоит упомянуть также появление по инициативе юбиляра серии научно-популярных книжек («Фанагория. Научно-популярная серия», уже опубликовано два тома), рассчитанных на массового читателя, интересующегося древностями.

Для своих учеников и младших по возрасту коллег А.А. Масленников и В.Д. Кузнецов стали непререкаемыми авторитетами, образцами служения науке, которые не только чрезвычайно плодотворно реализуют свои таланты в научных трудах и организационной деятельности, но и щедро делятся своим опытом.

Чествуя наших дорогих коллег, мы воздаем должное их трудолюбию, преданности избранной ими науке, целеустремленности и лучшим человеческим качествам. Поздравляя их с юбилеями, искренне желаем им крепкого здоровья, долгих лет жизни, душевной гармонии и благополучия.

Друзья, коллеги, ученики,
Отдел классической археологии ИА РАН,
Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2023), 9–36
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 9–36
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-2-80-9–36

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА КАТАСТРОФЫ 480–475 гг. до н.э. В ПАНТИКАПЕЕ. ПРОЩАНИЕ С ОДНОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ?

В.П. Толстиков

Государственный музей изобразительных искусств им А.С. Пушкина, Москва, Россия

E-mail: vltolstikov@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-0915-8100

В статье публикуются результаты анализа новых материалов и сопоставление их с полученными ранее в процессе многолетних раскопок Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина на раскопах Новый Верхний Митридатский (НВМ), то есть на акрополе Пантикапея, и на Центральном (Ц.), и Центральном Северном (Ц.С.) –территории Западного плато. Анализ состояния строительных объектов на северо-западном крае НВМ, специфика их перестроек указывает на то, что главной целью их было возрождение линии укреплений над значительным отрезком трассы ранней оборонительной стены, разрушенной около середины VI в. до н.э. и не восстановленной. Выявленное обрушение его внешней стены, признаки локального пожара в помещении, многочисленные наконечники стрел скифских типов в развале сырцовый кладки стены свидетельствуют, что между 480 и 475 гг. до н.э. наспех укрепленный акрополь Пантикапея, ранее не имевший стен (!), подвергся нападениям скифов царских. Сегодня есть основания полагать, что присутствие в слоях, датируемых первой половиной V в. до н.э. на территории акрополя Пантикапея предметов, декорированных скифским звериным стилем, может служить еще одним аргументом в пользу того, что скифы получили доступ на территорию акрополя и теменоса Пантикапея. Гипотеза о симмахии во главе с Пантикапеем вряд ли актуальна.

Ключевые слова: Пантикапей, акрополь, Верхнее плато, Западное плато, многокамерный комплекс, укрепления, теменос, боспорская симмахия, скифы царские, предметы в скифском зверином стиле, сфагион

Данные об авторе. Владимир Петрович Толстиков – кандидат исторических наук, заведующий Отделом искусства и археологии Античного мира ГМИИ им А.С. Пушкина, начальник Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ.

В 1980 г. увидела свет фундаментальная работа Юрия Германовича Виноградова¹, в которой, на основе обобщения идей предшествующих исследователей, а также анализе археологических и эпиграфических материалов, автором были предложены две модели формирования полиса в Северном Причерноморье: Ольвия Понтийская и Боспор Киммерийский. Позднее основные положения этого исследования были изложены Ю.Г. Виноградовым в Главе 8 коллективного труда «Античная Греция»².

Вопрос относительно роли варварского окружения и, прежде всего, значения Скифского царства в сложном процессе формирования специфической надполисной государственной структуры Боспора по-прежнему представляет особый интерес. Излагая последовательность военно-политических акций царских скифов после победы над войском Дария I (519 г. до н.э.), Ю.Г. Виноградов выстраивает следующую последовательность скифской экспансии: сначала следует завоевание Лесостепи, затем – установление протектората над Ольвийским полисом (начало V в. до н.э.), подчинение полисов Поднестровья и Истрии, после чего – вторжение на Херсонес Фракийский и серия военных столкновений с Одрисским царством: «... в 80-х годах V в., после того как первый натиск скифов на фракийцев разрешился мирным договором <...>, скифские властители поворачивают вектор экспансии на юго-восток и нацеливают его острие против полисов Боспора и земледельческих племен Таманского полуострова»³.

В 1984 г. автор этих строк попытался обобщить и проанализировать имевшийся на тот период археологический материал, содержащий данные об изменении военно-политической ситуации на Боспоре в результате предполагаемой скифской экспансии⁴.

За прошедшие 39 лет со дня выхода в свет моей работы объем археологических данных относительно рассматриваемого периода истории Боспора не просто существенно увеличился, но и пополнился фактами, заставляющими кардинально пересмотреть некоторые важнейшие положения (или предположения), казавшиеся на тот момент очевидными или весьма вероятными. Позволю себе подкрепить фактами это утверждение:

по поводу тезиса о том, что *во всех исследованных археологически населенных пунктах Боспора в слоях VI в. до н.э. отсутствуют признаки пожаров и разрушений, которые можно было бы связать с военными действиями.*

Сегодня можно считать твердо установленными факты наличия пожаров и разрушений, датируемых серединой VI в. до н.э. на Верхнем плато Первого кресла Митридата, то есть на территории первоначального ядра Пантикапея⁵, а также на акрополе Мирмекия⁶;

относительно утверждения, что *в боспорских центрах, даже наиболее крупных, отсутствуют оборонительные сооружения раннего периода.*

¹ Vinogradov 1980.

² Виноградов 1983, 394–420.

³ Виноградов 1983, 394–420.

⁴ Виноградов 1983, 400.

⁵ Толстиков 1984, 24–48.

⁶ Вахтина, Виноградов 2001, 41–43.

К настоящему времени достаточно серьезные элементы фортификации обнаружены на северном крае Верхнем плато Первого кресла Митридата⁷; на участке западного фаса скального массива акрополя Мирмекия⁸; отрезки цокольных кладок ранней оборонительной стены открыты в Порфмии⁹; весьма оригинальные в планировочном отношении сырцово-кирпичные оборонительные сооружения, датируемые третьей четвертью VI в. до н.э. открыты на северо-восточном крае Верхнего города в Фанагории¹⁰; применение в ранний период укреплений в виде валов и рвов новейшие раскопки фиксируют в ряде пунктов Таманского полуострова. Одним из наиболее ранних примеров такого рода может служить оборонительная система поселения Голубицкая 2. Ров шириной от 9,5 до 11 м был сооружен вскоре после основания поселения, т.е. в начале второй четверти VI в. до н.э., глубина его достигала 2,3–2,8 м; эскарп имел угол около 40°, контрэскарп – около 30°¹¹.

Приведенные археологические свидетельства определенно указывают на то, что ионийские первопоселенцы были осведомлены о существовании военной угрозы по обе стороны пролива, прежде всего со стороны номадов-скифов и меотов, и уже при основании апойкий стремились защитить их фортификационными сооружениями. Более того, несмотря на наличие укреплений нападения варваров бывали достаточно эффективны, что подтверждается наличием слоёв пожарищ и разрушений в перечисленных выше населенных центрах. Насколько можно судить, несмотря на спорадические конфликты с варварским окружением, боспорские апойкии, в большинстве случаев, продолжали существовать и развиваться, постепенно расширяя свои границы.

Этот процесс надежно фиксируется на примере Пантикапея. После катастрофы, имевшей место около середины VI в. до н.э., которая завершила *Первый строительный период*, на сnivelированном слое пожарища, перекрывшем остатки цокольной кладки оборонительной стены и связанного с ней здания Д-3¹², во *Второй строительный период*, возводятся новые постройки. Северный угол одной из них – Д-2 был открыт на кв. 13, 20 и 20а НВМ. Наличие этого строительного объекта служит свидетельством возрождения и продолжения жизни на Верхнем плато Первого кресла. По-видимому, в это же время здесь осуществляется и архитектурное оформление раннего теменоса¹³. Можно предполагать, что к одной из построек, возведенных близ северо-западной границы священного участка, могут относиться остатки плитовой конструкции (алтаря?) на кв. 34 и 101 НВМ¹⁴, о которой речь пойдет ниже.

⁷ Толстиков 2017, 13–15.

⁸ Вахтина, Виноградов 2001, 44–45.

⁹ Вахтина, Виноградов 2001, 41–43.

¹⁰ Кузнецов 2018, 122, 123, рис. 4.

¹¹ Журавлев и др. 2019, 183–192.

¹² Этот факт, не имеющий пока объяснения, заслуживает пристального внимания. Почему не была восстановлена ранняя оборонительная стена? Может быть, существовал запрет на её восстановление со стороны вождей номадов?

¹³ Толстиков 2017, 15–20.

¹⁴ Не исключено, впрочем, что это сооружение было возведено позднее – в Третий строительный период.

На *Второй строительный период* приходится и первые, засвидетельствованные археологически, попытки освоения территории, примыкающей с запада к скальной вершине Первого кресла Митридата – на Западном плато (раскопы Центральный, Центральный Северный). Здесь появляются первые котлованы временных, заглубленных в материковый грунт построек круглой в плане формы, а также хозяйственные ямы, фиксируются признаки выплавки металлов¹⁵.

В течение *Третьего строительного периода*, скорее всего в последнем десятилетии VI в. до н.э., на Верхнем плато сооружаются наземные, прямоугольные в плане однокамерные здания, сырцово-кирпичные стены которых покоились на цоколях из каменной кладки. Значительная часть одного из них – Д-1, ориентированного углами по сторонам света и площадью не менее 20 м², имевшего тщательно сложенные каменные цоколи, сырцово-кирпичные стены, покрытые белой обмазкой и глинобитный пол, была исследована на кв. 20 и 20а НВМ¹⁶. На этот же период приходится, по-видимому, существование здания Д-7 с подвальным помещением, облицованным каменной кладкой, южная часть которого была открыта на квадрате 100¹⁷.

Насколько можно судить, молодой полис развивается прогрессивно и, примерно, между 510–500 гг. до н.э., то есть на рубеже *Третьего строительного периода* и *Фазы I Четвертого строительного периода*, Западное плато включается в городскую территорию, а на ней сооружается архитектурный ансамбль общественного характера, образованный монументальными многокамерными зданиями МК I, II, III, IV. Функциональным и композиционным центром этого ансамбля служит толос¹⁸. Несколько ниже – на невысоких террасах северного склона (раскоп Новый Эспланадный), формируется участок жилой городской застройки, образованный иррегулярно расположенными, преимущественно однокамерными, небольшими домами, соединенными системой улиц и переулков¹⁹. (рис. 1).

Есть основания полагать, что на Верхнем плато, в пределах теменоса, в *Фазе I Четвертого строительного периода*, а именно, между 510 и 490 гг. до н.э. производится закладка монументального храма в самосском варианте ионического ордера, посвященного верховному покровителю Пантикапея Аполлону²⁰.

Этот этап знаменуется и еще одним весьма важным, можно сказать знаковым событием – началом монетной чеканки Пантикапея²¹. Свидетельством достаточно развитых финансовых отношений и институтов, а также присутствия в общине Пантикапея весьма состоятельных граждан может служить, например, находка на Центральном Северном раскопе в цистерне № 315, существовавшей до рубежа VI и V вв. до н.э., остракона-«векселя» с граффито, в котором обозначена значительная сумма в 50 статеров (видимо кизикинов), полученных неким Ипикратом²².

¹⁵ Толстиков 2017, 17–20.

¹⁶ Толстиков 2017, 20.

¹⁷ Толстиков 2017, 20–21.

¹⁸ Толстиков 2017, 29–33.

¹⁹ Марченко 1984, 3–27.

²⁰ Толстиков 2010, 175. Taf. 27, 6.

²¹ Коваленко, Толстиков 2010, 23–50.

²² Толстиков и др. 2004, 348–349.

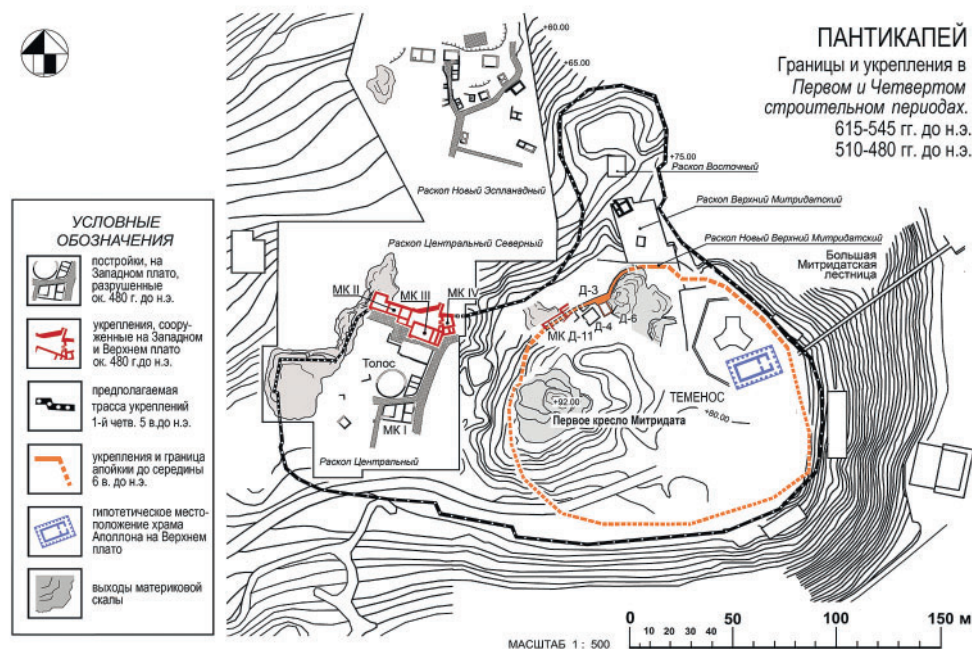

Рис. 1. Пантикапей. Границы и укрепления в Первом (615–545 гг. до н.э.) и Четвертом строительных периодах (510–480 гг. до н.э.)

Fig. 1. Panticapaeum. Borders and fortifications in the First (615–545 BC) and Fourth building periods (510–480 BC)

Материалы археологических раскопок на территории большинства эллинских центров по обоим берегам пролива свидетельствуют, что на 515–485 гг. до н.э. приходится период их интенсивной урбанизации. По-видимому, не случайно, для Пантикапея, в частности, эти годы характеризуются широкими контактами с Афинами. Захват Афинами на рубеже VI–V вв. до н.э. островов Лемноса и Имброса существенно усиливал их позиции у причерноморских проливов. (Herod. VI. 136–140). Это, в свою очередь, способствовало и упрочению экономических и культурных связей между Афинами и Пантикапеем. Для этого процесса показателен, в частности, рост импорта аттической керамики, в котором представлены все основные мастерские этого времени: вазописцы круга мастера Антимена, группы Леагра. Важным индикатором этого процесса может служить появление фрагментов панафинейских амфор мастеров Ахелоя и Евфилета. Эти призовые амфоры свидетельствуют о том, что граждане Пантикапея имели право принимать участие в Панафинейских играх в Афинах. Среди чаш хорошо представлены Кассельская группа, Безлиственная группа, класс Сегментов, скифосы группы СНС. В первой четверти V в. до н.э. широкое распространение получают произведения мастера Хаймона и его круга, а также различные вариации киликов с фризом пальметт.

В конце VI в. до н.э. в Пантикапее появляются ранние краснофигурные вазы Евфрония, мастера Пифоса, Ольтоса, Эвергида, Эпиктета, Брига²³.

Важным и, по-видимому, в данном случае позитивным демографическим фактором рассматриваемого периода, стал предполагаемый приток новых групп переселенцев-эпийков из Ионии, обусловленный, прежде всего, как напряженной обстановкой, сложившейся в Малой Азии и на островах Эгейского бассейна непосредственно перед Ионийским восстанием²⁴, так и трагическими событиями, связанными с подавлением персами этого восстания и разгромом в 494 г. до н.э. Милета – метрополии большинства боспорских полисов и основного центра сопротивления.

Охватывающий около 30 лет период подъема и относительного экономического благополучия, прерывается в результате дестабилизации военно-политической ситуации, повлекшей за собой серьезные испытания для Пантикапея и других молодых полисов Боспора Киммерийского²⁵.

Источником военной угрозы для боспорского эллинизма теперь становятся не спорадические набеги групп кочевников, но, как отмечено в цитированной в начале этой статьи работе Ю.Г. Виноградова, вторжение вооруженных формирований Скифского царства.

Появление в крымской степи к рубежу VI–V вв. до н.э. новых скифских контингентов маркируется значительным количеством погребений воинов-кочевников с оружием. Обращает на себя внимание характерный факт, фиксируемый специалистами-скифологами: «изменяется качественный и количественный состав инвентаря – обычными становятся кинжалы и мечи, появляются копья, нередко полными колчанскими наборами представлены наконечники стрел. Рассеянность одиночных могил, в которых погребены почти исключительно представители воинского сословия, позволяет соотносить эти памятники с кочевыми скифами, не имевшими родовых могильников, или, если таковые были, с их значительной удаленностью от места кочевий»²⁶.

В этой связи показательны выводы, которые позволил сделать типологический анализ предметов, выполненных в скифском зверином стиле, обнаруженных, впервые в истории археологических исследований Пантикапея, на Верхнем плато²⁷. К рассмотрению этих находок в контексте данной работы я еще вернусь. Отсылая читателя к выводам, содержащимся в цитированной статье, отмечу, что для темы нашего исследования важно то, что подавляющее большинство образцов изображений в скифском зверином стиле, происходящих с акрополя Пантикапея,

²³ Самар 2017, 173–175.

²⁴ В этой связи весьма показателен пример такого рода эмиграции, приводимый Геродотом, который сообщает, что зять милетского тирана Гистия Аристагор, будучи также тираном Милета, в 496 г. до н.э., то есть перед спровоцированным им Ионийским восстанием, покинул Милет в качестве беженца и, вместе с другими колонистами, обосновался в Миркине – области, в которой позднее возник город Амфиполь (Herod. V. 124, 126). Этот эпизод показывает, что в числе вынужденных эмигрантов были как представители богатых аристократических фамилий, так граждане других категорий. Не исключено, что среди них – и некоторое число искусных ремесленников, архитекторов и каменотесов. О возможности переселения части самосских и милетских беглецов из Занклы в Пантикапей см. также: Коваленко, Толстиков 10, 32.

²⁵ Виноградов 2002, 183–196; 2006, 36–43.

²⁶ Колотухин 2000, 68–69.

²⁷ Канторович и др. 2019, 7–31.

Рис. 2. Боспорские центры, в которых выявлены слои пожаров и разрушения первой половины V в. до н.э.

Fig. 2. Bosporan centers, in which layers of fires and destruction of the first half of the 5th century BC were revealed

находят аналогии или близкие параллели в комплексах погребений за пределами Крыма и, прежде всего, в областях Нижнего и Среднего Поднепровья, то есть на исходной территории кочевий царских скифов, откуда некая их группировка вторглась в пределы Центрального Крыма, а затем, к 490–480-м гг. до н.э., продвинулась к территории Восточного Крыма, к границам Боспора Киммерийского.

Результаты этого вторжения и последовавших за ним военных действий фиксируются археологически слоями пожаров и разрушений в Пантикапее, Порфмее, Мирмекее, Тиритаке, Нимфее²⁸, поселениях Зенонов Херсонес, Андреевка Южная, Южно-Чурубашское, а также на другой стороне пролива – в Фанагории, Кепе, Патрее, Гермонассе, поселениях Голубицкая 2, Стрелка (рис. 2). Еще одним показателем ухудшения военно-политической обстановки в этот период служит фиксируемое археологически увеличение числа греческих погребений с оружием²⁹.

На исследованной археологически территории центрального района Пантикапея этот период условно именуется как *Фаза 3 Четвертого строительного периода*. Эта фаза выделена мной специально, поскольку обнаруживает явные признаки разрушения и стагнации архитектурно-планировочной среды города и, что

²⁸ Согласно устному сообщению Нонны Леонидовны Грач в ходе раскопок некрополя Нимфея было обнаружено мужское захоронение А-44, датируемое последней четвертью-концом VI в. до н.э., в котором, в левой лопатке костяка погребенного, застрял наконечник стрелы скифского типа.

²⁹ Завойкин, Сударев 2006а; 2006б.

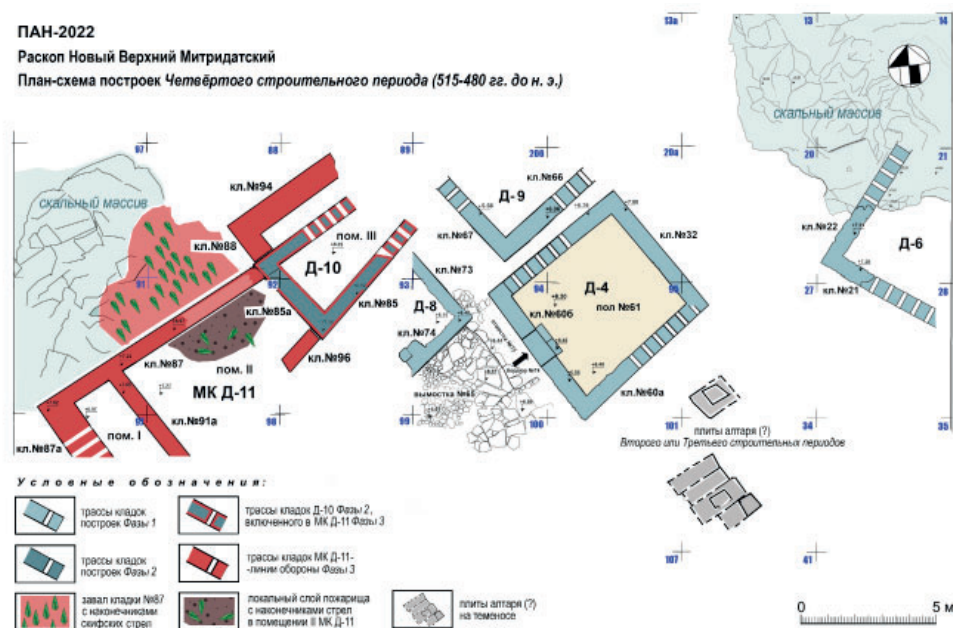

Рис. 3. Пантикапей-2022. Раскоп Новый Верхний Митридатский. План-схема построек Четвёртого строительного периода (510–480 гг. до н.э.)

Fig. 3. Panticapaeum-2022. Excavation site “New Upper Mithridates” (NUM). Plan-scheme of buildings of the Fourth building period (510–480 BC)

самое важное, также и в пределах территории первоначального ядра апойкии, на Верхнем плато – акрополе Пантикапея.

Новейшие данные, полученные в процессе исследований Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина 2021–2022 годов на раскопе Новый Верхний Митридатский (НВМ) существенно дополняют и детализируют эту драматическую картину. На кв. 20; 21, 20а, 20б, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 97(сев. часть), 98(сев. часть) раскопа НВМ в конце VI в. до н.э., в *Фазе 1 Четвёртого строительного периода*, на достаточно протяженном участке северного края Верхнего плато Первого кресла Митридата в едином строительном горизонте возводится группа прямоугольных в плане однокамерных зданий, ориентированных углами по сторонам света – Д-4, Д-6, Д-8, Д-9, Д-12. Площадь каждого из них, предположительно, не превышала 35 м². В *Фазе 2* этого периода, на рубеже VI и V вв. до н.э., происходит локальная перестройка: на месте разрушенной постройки Д-12, непосредственно на фундаментах её западного угла, сооружается новое здание Д-10 трапециевидной в плане формы. (рис. 3).

В начале V в. до н.э., между 490 и 480 гг. до н.э., в *Фазе 3 Четвёртого строительного периода*, над северо-западным краем крутого скального склона Первого кресла Митридатова холма возводится новое строение, значительно превосходящее по площади все перечисленные предыдущие – комплекс МК Д-11. Это капитальное сооружение, основания цокольных каменных кладок стен которого покоятся либо на поверхности скального массива, либо на огромных скальных

глыбах, включает в свою планировочную структуру более раннее здание Д-10, будучи пристроено встык к его юго-западному фасу. Таким образом Д-10 превращается в третье помещение многокамерного комплекса Д-11. Кроме того, к внешней – северо-западной стене бывшего здания Д-10, а ныне – помещения III комплекса МК Д-11, пристраивается встык внушительная, прямоугольная в плане конструкция, имеющая вид бастиона. Наличие этой фланкирующей конструкции, а также местоположение комплекса МК Д-11 на гребне, над крутым скальным склоном Верхнего плато холма, дают основания предполагать, что эта перестройка носила, прежде всего, фортификационный характер.

Данное предположение подкрепляется и тем обстоятельством, что именно по участку, на котором сооружается здание МК Д-11, ранее, до середины VI в. до н.э., пролегал отрезок трассы древнейшей оборонительной стены *Первого строительного периода*. После пожара и разрушения, имевших место, как показано выше, около середины этого столетия, цокольная кладка этой стены была на значительных отрезках почти полностью выбрана на камень и, что показательно, оборонительная стена более не восстанавливалась.

Создаётся впечатление, что возведение здания МК Д-11, включение в его конструкцию постройки Д-10, а также фланкирование этого комплекса бастионообразной пристройкой, свидетельствуют о попытке возродить на данном участке в видоизмененной форме прежнюю линию фортификации перед лицом новой военной угрозы. Показательно, что эта строительная акция совпадает с *Фазой 3 Четвертого строительного периода*, то есть близка по времени к моменту разрушения общественного центра с толосом на Западном плато и возведением там линии укреплений, включавших восстановленные и приспособленные для целей обороны МК II, III, IV.

В ходе раскопок в помещении II МК Д-11 было сделано важное наблюдение: в нём не было обнаружено никаких признаков покрытия пола. Отмечу, что в помещении I и во включенном в структуру МК Д-11 здании Д-10 (помещение III) остатки глинобитных полов были выявлены. Этот факт позволяет, в качестве рабочей гипотезы, предположить, что работы по возведению МК Д-11 не были завершены, поскольку, по-видимому, на завершающей стадии были прерваны военным нападением. В результате этого значительная часть внешней северо-западной стены МК Д-11 оказалась обрушена наружу, на скальный склон. Из-за обрушения образовался мощный завал камня и сырца. В этом завале, при его расчистке и разборке, наряду с датирующими фрагментами керамики, было обнаружено более 30 наконечников стрел скифских типов. Еще несколько наконечников найдены в помещении II³⁰. (рис. 4, 1). В этом же помещении выявлен слой локального пожара (рис. 5). Показательно, что в слое, заполнявшем помещение были обнаружены и человеческие костные останки – поясничные позвонки и их обломки³¹. Всё указывает на то, что нападение было, по-видимому, внезапным и сопровождалось обстрелом из луков с применением зажигательных стрел.

³⁰ В соответствии с классификацией А.И. Мелюковой, наконечники этих типов принадлежат ко II хронологической группе (VI–V вв. до н. э.). Мелюкова 1964, 13–32. Табл. 7.

³¹ Комплекс/пакет 16. Помещение II МК Д-11. Шт. 13. Определение выполнено кандидатом биологических наук А.К. Каспаровым (ИИМК), которому я, пользуясь случаем, выражаю свою глубокую благодарность.

ПАНТИКАПЕЙ. Образцы наконечников стрел скифских типов из слоев разрушений 480 г. до н. э.

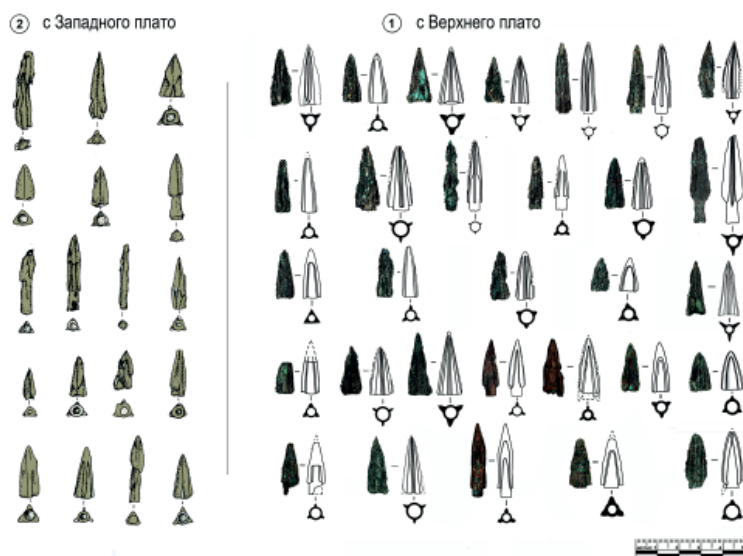

Рис. 4. Пантикапей. Наконечники стрел скифских типов из слоев разрушений около 480 г. до н.э.: 1 – Верхнее плато; 2 – Западное плато

Fig. 4. Panticapaeum. Scythian type arrowheads from layers of disaster ca. 480 BC: 1 – Upper plateau; 2 – Western plateau

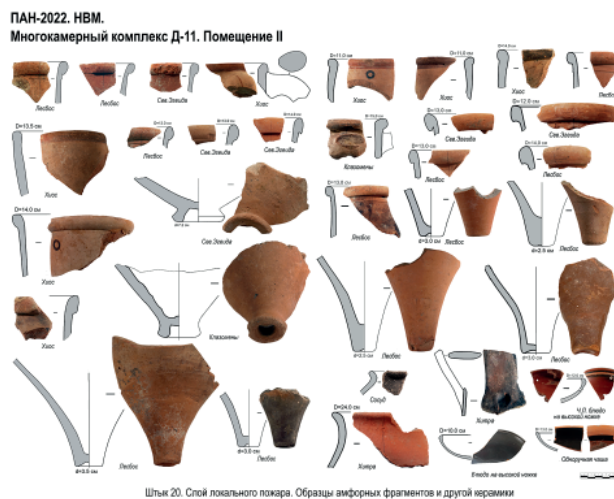

Рис. 5. Пантикапей-2022. Раскоп НВМ. Многокамерный комплекс Д-11. Помещение II. Шт. 20. Фрагменты амфор и другой керамики из слоя локального пожара. Рис. В.П. Толстикова

Fig. 5. Panticapaeum-2022. Excavation site NUM. Multi-chamber building D-11. Room II. Basket 20. Fragments of amphorae and other ceramics from a local fire layer. Drawing by V.P. Tolstikov

Здесь я подхожу к весьма важному моменту исследования. Прежде всего следует отметить, что монументальное сооружение, именуемое МК Д-11 после разрушения восстановлено не было. Его руины оказались перекрыты сбросами бытовых отходов и мусора. Исследование этих культурных напластований, проведенное по штыкам с инструментальной нивелировкой каждого, показало, что эти наслоения содержат раковины мидий, кости животных, а также обломки тарных амфор и другой керамический материал, датируемый от первой четверти до середины V в. до н.э., наряду с фрагментами более раннего времени (рис. 6). Эти же слои сбросов перекрывали обширный северо-западный участок скального склона Верхнего плато на всем протяжении перед внешним фасом кладки № 87 – стены разрушенного МК Д-11 (рис. 3).

Обращает на себя внимание и тот факт, что сбросы слоя, общая толщина которых местами превышала 3 м, содержали также весьма значительное количество обломков терракот, votивных плакеток-пинак с рельефными изображениями (рис. 7). Из этого слоя происходят и посвященные граффити на фрагментах чернофигурных, краснофигурных и чернолаковых сосудов. Эти надписи образуют богатый эпиграфический и изобразительный фонд новых данных относительно божеств, почитавшихся гражданами Пантикапея во второй половине VI – первой четверти V вв. до н.э. (рис. 8).

Но эти же находки ставят и весьма важный вопрос: откуда и при каких обстоятельствах весь этот материал, попал в мощные слои сброса?

Как было отмечено, предполагается, что во *Второй строительный период* в центральной части территории Верхнего плато вершины Первого кресла Митридатова холма формируется и получает архитектурное оформление ранний теменос Пантикапея³². К сожалению, на данный момент точная локализация границ этого священного участка затруднена, прежде всего из-за невозможности вести раскопки на основной территории плато, на которой расположены Обелиск Славы³³ и Мемориальный комплекс.

В качестве гипотезы могу высказать предположение, что с одной из культовых построек, располагавшейся близ северо-западной границы теменоса, связаны остатки конструкции из плит, обнаруженные на квадрата 34 НВМ. Определить назначение и план этого объекта не представляется возможным, поскольку весь участок в пределах кв. 27, 28, 34, 35, 100, 101 прорезан и перекрыт мощными глыбами фундамента северо-восточной части храма, сооруженного в первые века н.э. Храм был ориентирован по оси северо-восток – юго-запад и лишь прямоугольный в плане участок под пронаосом, где отсутствовал фундамент, остался доступен для раскопок (рис. 9, разрез С–В – Ю–З).

В этом шурфе (4,6 x 2,3 м), в пределах кв. 37 и 101, в культурном слое первой четверти V в. до н.э.³⁴ залегали хорошо отесанные прямоугольные известняковые плиты, часть из которых оказалась перекрыта глыбами фундамента храма, а неко

³² Толстиков 2015, 261–281.

³³ Обелиск сооружен в 1944 г. по проекту архитекторов А.Д. Киселева и М.Я. Гинзбурга солдатами 9-го мотоинженерного батальона под командованием подполковника Ф.И. Киневского в память павших воинов Отдельной Приморской Армии и в честь освобождения Крыма от фашистских захватчиков.

³⁴ В слое присутствовали и фрагменты керамики более раннего времени.

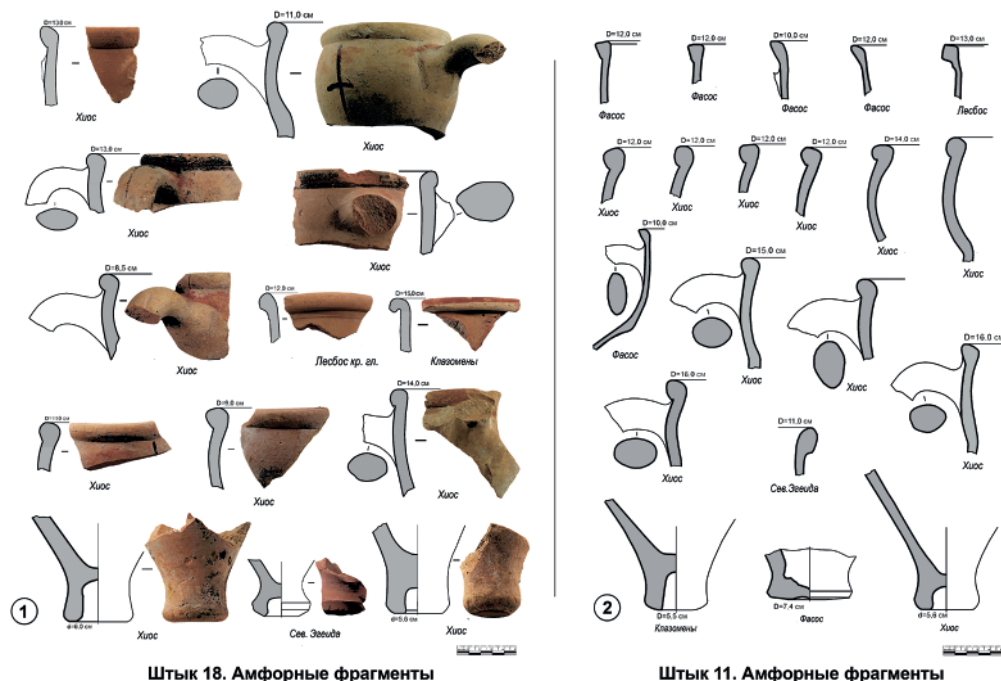

Рис. 6. Пантикапей-2022. Раскоп НВМ. Многокамерный комплекс Д-11. Амфорные фрагменты из слоев заполнения разрушенного помещения II: 1 – шт. 18; 2 – шт. 11
 Fig. 6. Panticapaeum-2022. Excavation site NUM. Multi-chamber building D-11. Fragments of amphorae from the filling layers of the destroyed Room II: 1 – basket 18; 2 – basket 11

торые, вторично использованные при закладке фундамента, как бы обрамляли это пространство. Показательно, что нижние плиты лежали горизонтально на поверхности слоя, залегавшего над слоем пожара середины VI в. до н.э. (на отметках +5.54 м – +5.50 м). Это определенно свидетельствует о том, что они принадлежат постройке, возведенной после катастрофы середины VI в. до н.э., то есть во *Второй или Третий строительные периоды* (рис. 9, фото).

Нельзя исключить, что на рассматриваемом участке раскопа НВМ мы подошли к северо-западной границе теменоса и что именно с его территории происходят обломки вотивных предметов, попавшие в слои сбросов, перекрывавшие остатки комплекса МК Д-11 и скальный склон холма к северо-западу от него. Перечислю наиболее показательные находки, полученные из этих напластований:

1. фрагмент донца чернофигурного мелкофигурного килика с посвящением Аполлону Врачу Владыке Пантикапея³⁵ (рис. 8, 8);
2. посвящения Аполлону Врачу (рис. 8, 5, 6);
3. посвящения Артемиде Пифийской³⁶ (рис. 8, 1, 2);
4. посвящения Артемиде (рис. 8, 3, 4);

³⁵ Шелов-Коведяев 2019а, 613–617.

³⁶ Шелов-Коведяев 2019b, 216–225. Agafonov, Samar 2021, 520–522, Fig. 37.

Рис. 7. Пантикапей. Раскоп НВМ. Фрагменты терракотовых статуэток и рельефных полихромных votive tablets-*pinakes* из предполагаемого слоя разрушения *теменоса* на Верхнем плато. Фото В.П. Толстикова

Fig. 7. Panticapaeum. Excavation site NUM. Fragments of terracotta figurines and relief polychrome votive tablets-*pinakes* from the alleged destruction layer of the *temenos* on the Upper Plateau. Photo by V.P. Tolstikov

Рис. 8. Пантикапей. Раскоп НВМ. Посвятительные граффити из предполагаемого слоя разрушения теменоса: 1, 2 – Артемиде Пифийской; 3, 4 – Артемиде; 5, 6 – Аполлону Врачу; 7 – Аполлону Владыке Пантикапея; 8 – Афродите; 9 – Зевсу Отеческому; 10 – Афине Эргане. Фото и прорисовка В.П. Толстикова

Fig. 8. Panticapaeum. Excavation site NUM. Dedicatory graffiti from the supposed destruction layer of the *temenos*: 1, 2 – to Artemis Pythian; 3, 4 – Artemis; 5, 6 – Apollo Ietros; 7 – Apollo the Lord of Panticapaeum; 8 – Aphrodite; 9 – Zeus the Father; 10 – Athena Ergana. Photo and drawings by V.P. Tolstikov

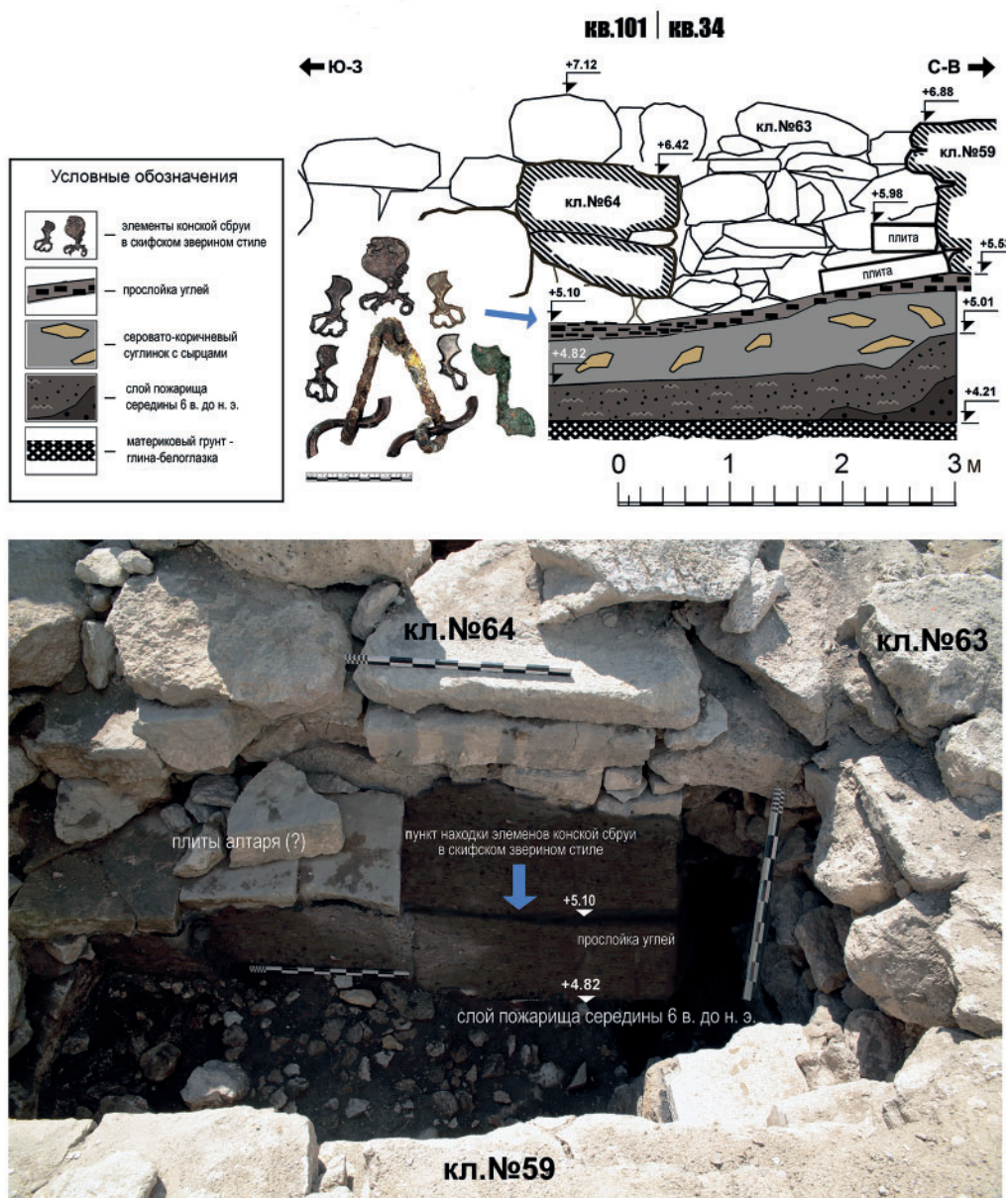

Рис. 9. Пантикапей-2017. Раскоп НВМ. Кв. 34 и 101. Разрез по оси Ю-З – С-В и вид с С-В на пункт находки группы изделий в скифском зверином стиле. Чертеж и фото В.П. Толстикова

Fig. 9. Panticapaeum-2017. Excavation site NUM. Trenches 34 and 101. Section along SW–NE axis and view from NE of the site where a group of items of the Scythian animal style was found. Drawing and photo by V.P. Tolstikov

5. посвящение Афродите (рис. 8, 7);

6. посвящение Зевсу Отеческому (рис. 8, 9);
7. посвящение Афине Эргане (рис. 8, 10)³⁷.

Особо отмечу, что в шурфе в пределах кв. 37 и 101, о котором речь шла выше, в культурном слое с материалами, датирующими его первой четвертью V в. до н. э.³⁸ и залегавшими на нём хорошо отесанными прямоугольными плитами (алтарем?), из прослойки углей, происходит группа уникальных находок. Речь идет об элементах конской сбруи, выполненных в скифском зверином стиле:

1. железный мундштук (удила) с парой бронзовых S-образных псалиев и пять ажурных бронзовых блях в виде стилизованного бедра и когтистой лапы хищной птицы (рис. 10, 1), (рис. 11, 2);
2. железный мундштук с парой железных S-образных бронзовых псалиев;
3. бронзовый S-образный псалий с уплощенными концами, стилизованными в виде копыт лося (рис. 10, 2);

Еще несколько находок, выполненных в скифском зверином стиле, были обнаружены на других участках НВМ в напластованиях первой четверти V в. до н. э.:

1. бронзовая литая уздечная бляха в форме стилизованной головы лосихи/безрогого лося вправо. На тыльной стороне – горизонтальное ушко для крепления (рис. 10, 6);
2. фрагмент скульптурного завершения костяного изделия (клыка-амулета, застежки или псалия) в виде рельефного изображения головы безрогого лося/лосихи влево (рис. 10, 5; 11, 1).
3. бронзовая поясная пряжка с оформлением противоположных сторон рамки в виде двух зеркальных голов безрогих лосей/лосих, которые можно рассматривать как одно оригинальное изображение³⁹ (рис. 10, 4).

К этому перечню добавлю налобное украшение конской сбруи в скифском зверином стиле, увенчанное миниатюрным скульптурным изображением головы олененка/оленихи с длинными поднятыми вверх ушами. Глаза выполнены в форме округлых углублений; рот приоткрыт. Под скульптурным изображением – большое сквозное эллиптическое отверстие для ремennого крепления⁴⁰ (рис. 10, 3).

Как было показано выше, образование слоя разрушения следует, по-видимому, связать с военными акциями царских скифов в период около 480 г. до н. э. Весьма яркие следы этих драматических событий были выявлены в ходе раскопок на Западном плато (раскопы Центральный и Центральный Северный). Все эти данные были детально проанализированы и опубликованы⁴¹. Поэтому охарактеризую ситуацию на этом участке территории города очень кратко.

Сооруженный в конце VI в. до н. э., то есть в *Фазе I Четвертого строительного периода*, общественный центр полиса, оформленный группой монументаль

³⁷ Специальному исследованию этого уникального граффито с эпиклезой Эрмана, ранее не встречавшегося в Северо-Понтийском регионе, посвящена статья А.В. Агафонова и М.Б. Муратовой, публикуемая в данном номере.

³⁸ Слой содержал и керамику более раннего времени, в том числе и граффито с посвящением Аполлону Врачу Владыке Пантикапея.

³⁹ Как было сказано выше, все эти предметы были всесторонне проанализированы в специальной работе: Канторович и др. 2019, 7–31.

⁴⁰ Эта находка была сделана в 2021 г. в слое IV в. до н. э.

⁴¹ Толстиков и др. 2003, 307–350; Толстиков 2017, 30–40.

Рис. 10. Предметы в скифском зверином стиле, обнаруженные на Верхнем плато на раскопе НВМ: 1 – железный мундштук с бронзовыми S-образными псалиями и бронзовые бляшки в форме бедра с когтистой лапой хищной птицы; 2 – бронзовый псалий с завершениями в форме копыта лося; 3 – бронзовое налобное украшение конской сбруи в форме головки лосенка/оленька; 4 – пряжка поясного ремня в форме стилизованных голов лося; 5 – обломок костяного амулета или застежки (?) в форме головы лося; 6 – бронзовая нашивная бляшка в форме головы лося

Fig. 10. “Scythian animal style” items found on the Upper Plateau at the NUM excavation site: 1 – iron mouthpiece with bronze S-shaped bit shanks and bronze hip-shaped plaques with the clawed paw of a bird of prey; 2 – bronze bit shank with elk hoof-shaped ends; 3 – bronze forehead decoration of a horse harness in the shape of an elk/deer head; 4 – waist belt buckle in the form of stylized elk heads; 5 – fragment of a bone amulet or clasp (?) in the shape of an elk's head; 6 – bronze plaque in the shape of an elk's head

ных зданий (МК I, II, III, IV), объединенных уличной сетью, функциональным и композиционным центром которого служил толос, подвергся разрушению около 480 г. до н.э. Этим разрушением, сопровождавшимся локальным пожаром с найденными в нем многочисленными наконечниками скифских стрел, условно именуемым как *Фаза 3*, прерывается *Четвертый строительный период* (рис. 4, 2). Вскоре после этого, по-видимому, через очень короткий промежуток времени, то есть в *Пятый строительный период*, три здания (МК II, III, IV), располагавшиеся на северном склоне Западного плато, были перестроены и с помощью куртин включены в единую трассу линии обороны, которая, надо полагать, должна была опоясывать весь периметр Западного плато (рис. 1). Показательно, что ни толос, ни МК I восстановлены не были (рис. 11).

Рис. 11. Пантикапей-2022. Раскоп НВМ, западный участок. Общий вид с северо-запада на МК Д-11: 1 и 2 – места находок изделий в скифском зверином стиле. Съёмка с квадрокоптера К. и В. Ходаковских

Fig. 11. Panticapaeum-2022. NUM excavation site, western section. General view from NW of МК D-11: 1 and 2 – places of finds of “Scythian animal style” items. Shooting from a quadcopter by K. and V. Khodakovsky

Пятый строительный период характеризуется стагнацией архитектурно-планировочной среды в данном центральном районе городской территории. Признаки этого упадка фиксируются в отсутствии возведения каких-либо значительных наземных построек и возвратом населения Пантикапея к сооружению примитивных, заглубленных в грунт структур и хозяйственных ям; заметны также признаки использования сохранившихся руинированных зданий для создания каких-то временных навесов, связанных с выплавкой металлов.

В настоящее время, благодаря информации, полученной в ходе многолетних археологических исследований на Верхнем плато вершины Первого кресла, мы впервые имеем возможность сопоставить данные относительно состояния одного из участков архитектурно-планировочной среды этой, важнейшей территории Пантикапея, его исторического ядра, со спецификой и судьбой застройки на Западном плато в *Четвертый строительный период*.

В начале 2017 г. нами были подведены итоги археологического изучения и специфики формирования архитектурно-планировочной среды на Западном плато, включенном в систему городской застройки около 515 г. до н.э., то есть на рубеже *Третьего* и *Четвертого строительных периодов*⁴². На тот момент пред

⁴² Толстиков 2017, 30–40.

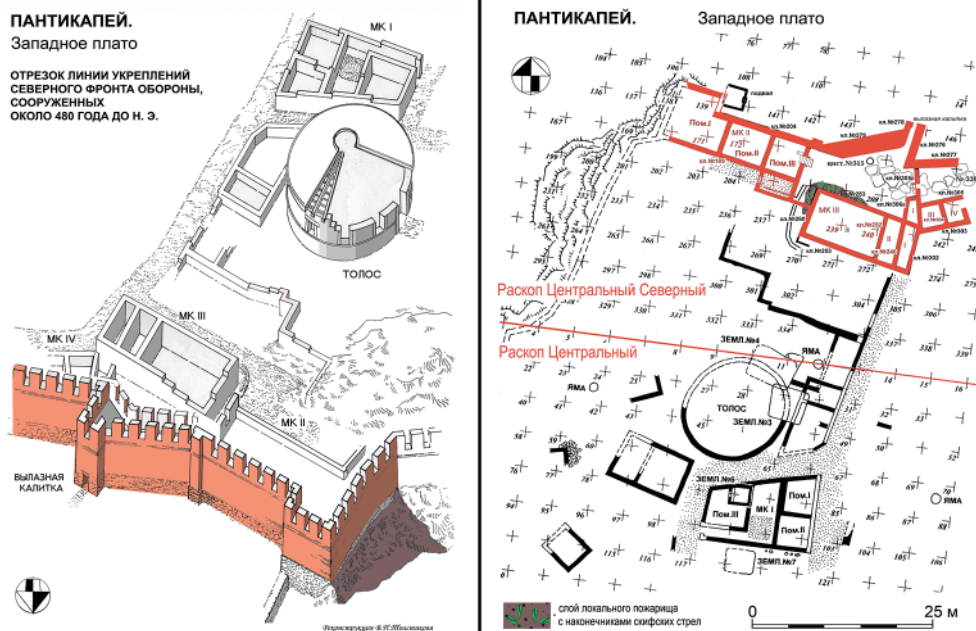

Рис. 12. Пантикапей. Западное плато. План-схема и реконструкция-аксонометрия строительных объектов и отрезка укреплений северного фронта обороны, сооруженных около 480 г. до н. э.

Fig. 12. Panticapaeum. Western plateau. Plan-scheme and reconstruction-axonometry of construction objects and a segment of the fortifications of the northern front of defense, built around 480 BC

полагалось, что эта территория, несмотря на имевшее место нападение номадов, обстрелы и вызванный ими локальный пожар, после временного отхода неприятеля, в *Пятый строительный период*⁴³, была спешно укреплена и контролировалась защитниками города. Тем не менее, основная часть населения, из-за сохранявшейся военной угрозы, вынуждена была вновь вернуться на территорию Верхнего плато под защиту укреплений акрополя, наличие которых рассматривалось автором этих строк, как само собой разумеющийся факт⁴⁴.

Как было показано выше, археологический контекст и данные стратиграфического анализа на северном и северо-западном крае Верхнего плато позволяют заключить, что после имевшего место около середины VI в. до н.э. пожара и разрушения оборонительной стены *Первого строительного периода*, представлявшей собой довольно внушительную конструкцию из каменного цоколя и сырцово-кир-

⁴³ В соответствии с новейшей периодизацией строительной истории Пантикапея, предложенной и постоянно уточняемой автором на основании новых археологических данных.

⁴⁴ Судьба еще одного участка городской застройки, располагавшегося на низких естественных террасах северного склона Западного плато (раскоп Новый Эспланадный) в этот период, пока остается невыясненной.

пичной кладки, она, по какой-то причине, не была восстановлена. Разрушенные отрезки её цокольной кладки, а также цоколи связанного с ней здания Д-3, перекрытые слоем пожарища, местами выбирались на камень, а над её бывшей трассой, перекрытой более поздними наслоениями, возводились новые постройки. Такое положение дел сохранялось на протяжении 50 лет. Создается впечатление что в течение этого весьма значительного промежутка времени (на протяжении жизни почти двух поколений!) территория Верхнего плато – акрополя Пантикапея оставалась лишенной оборонительных сооружений.

Лишь в *Фазе 3 Четвертого строительного периода*, то есть в 480-е гг. до н.э., предпринимается спешная попытка возродить на северном и северо-западном участках Верхнего плато в видоизмененной форме прежнюю линию фортификации, по-видимому, перед лицом новой военной угрозы⁴⁵. В ходе этой строительной акции был возведен многокамерный комплекс Д-11 (МК Д-11), включавший в свою структуру более раннюю постройку – Д-10, а также усиленный фланкирующей его фронт, прямоугольной в плане бастионообразной пристройкой. По-видимому, и в данном случае мы имеем дело с примером приспособления для целей обороны элементов городской застройки, располагавшихся на выгодных рубежах (рис. 3).

Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении данные раскопок, не позволяют сделать вывод о том, что предпринятые защитниками Пантикапея оборонительные меры оказались эффективны против царских скифов. Судя по всему, осадные мероприятия варваров, как и на Западном плато, достигли цели, и скифы сумели проникнуть на обороняемую территорию акрополя и в пределы теменоса на Верхнем плато. В результате расположенные здесь алтари и другие сакральные постройки, в том числе и храм Аполлона, возведение которого могло быть прервано на завершающем этапе, были повреждены. Находившиеся в святилищах многочисленные вотивы с посвящениями богам-покровителям, концентрировавшиеся здесь с третьей четверти VI в. по 480-е гг. до н.э., разбиты. Позднее обломки с фрагментами граффити, мелкие осколки вотивных пинак и терракот, фрагменты панафинейских амфор попали в сбросы мусорных напластований, перекрывших руины зданий и участок северо-западного склона Верхнего плато.

Показательно также, к примеру, что лишь в конце второй четверти V в. до н.э., то есть в *Пятом строительном периоде*, спустя не менее 30 лет (!), над погребенными под слоями мусорных сбросов руинами здания МК Д-11 сооружается некая прямоугольная в плане постройка – Д-13, цоколи которой, сложенные из мелкого рваного камня без соблюдения рядности, кое-где опираются на сохранившиеся кладки этого разрушенного комплекса. Качество строительства Д-13 может служить наглядным примером упадка, стагнации архитектурной среды на акрополе Пантикапея в этот период.

Как было отмечено выше, аналогичная картина была зафиксирована ранее на Западном плато, где со второй четверти V в. до н.э. на смену разрушенному общественному центру с толосом приходят заглубленные в культурный слой и материк, прямоугольные в плане примитивные структуры и хозяйственные ямы⁴⁶.

⁴⁵ Нельзя исключить, что Фаза 3 Четвертого строительного периода на Верхнем плато может, частично, совпадать с началом Пятого строительного периода на Западном плато.

⁴⁶ Толстиков 2017, 40-41, табл. 53-54.

Рис. 13. Пантикапей-2010. Раскоп НВМ. Кв. 29. Магическое захоронение расчленённой туши коня с украшениями нагрудного ремня в скифском зверином стиле. Общий вид сфагиона и элементы конской сбруи с прорисовкой бляхи в виде свернувшейся фигуры волка
Fig. 13. Panticapaeum-2010. Excavation site NUM. Trench 29. Magical burial of a dismembered carcass of a horse with “Scythian animal style” chest strap decorations. General view of the *sphagion* and elements of the harness with a plaque in the form of a curled-up figure of a wolf

На фоне той картины, которую позволяют сегодня воссоздать данные раскопок, присутствие в слоях, датированных первой половиной V в. до н.э. на Верхнем плато, на акрополе Пантикапея, предметов, декорированных скифским звериным стилем, на мой взгляд, может служить еще одним аргументом в пользу того, что, осторожно формулируя предположение, на какой-то период времени некий контингент скифов получил доступ на территорию акрополя и теменоса Пантикапея.

Полагаю, что существует еще один, весьма существенный аспект, заслуживающий рассмотрения в рамках данного исследования. Речь идет о таком важном и чутком индикаторе как монетная чеканка. Резонен вопрос: нашел ли отражение данный критический для Пантикапейского полиса момент в его монетном деле?

Возникновение монетной чеканки Пантикапея приходится на начало V в. до н.э.⁴⁷ По мнению С.А. Коваленко, «чеканка первых пяти выпусков пантикапейского серебра (типы I–V по классификации Н.А. Фроловой) приходится на первую четверть V в. до н.э. Для рассматриваемого периода характерно также преобладание во всех выпусках грубых примитивных изображений львиной головы, которые, очевидно, представляли собой продукцию местных резчиков. Выпуск шестого типа, с восьмилучевой звездой на реверсе, демонстрирует разрыв с предшествующей архаистической традицией передачи львиной головы – все изображения л. с. исполнены на достаточно высоком художественном уровне. Кроме того, эти монеты являются двусторонними монетами в настоящем смысле этого слова между чеканкой пятого и шестого выпусков пантикапейского серебра мог пройти определенный хронологический промежуток, т. е. после изготовления пятого выпуска чеканка была временно приостановлена.»⁴⁸ Эта пауза и изменения в монетной чеканке Пантикапея не случайны. Они, несомненно, были обусловлены итогами военного конфликта и возникшими в связи с ним проблемами экономического и политического характера в Пантикапейском полисе, которые, содействовали приходу к власти Археанактидов⁴⁹ или некоей авторитарной группы лиц, на долю которых выпало повторное основание полиса⁵⁰. В этом случае 42 года их правления должны были проходить под контролем царских скифов.

В то же время, возобновление после паузы чеканки обновленных серий серебра более высоко художественного уровня с эмблемой в виде восьмилучевой звезды на аверсе может служить показателем того, что урон, нанесенный царскими скифами Пантикапею, не имел для него катастрофических последствий. Скорее всего, как и в случае с Истрией, Никонием, Ольвией⁵¹, Нимфеем, Керкинитидой⁵², дело ограничилось установлением так называемого «протектората» властителей степи над полисом, как важным и весьма выгодным для их господствующей элиты центром заморской торговли, источником поступления ценных даров, а также различных категорий товаров, вина, изделий торевтики, оружия, предметов роскоши и т.д.

⁴⁷ Коваленко, Толстиков 2010, 44.

⁴⁸ Коваленко, Толстиков 2010, 46.

⁴⁹ Шелов-Коведяев 1985, 70–82.

⁵⁰ Шелов-Коведяев, Толстиков 2014, 452–504.

⁵¹ Андрук 1955, 60–62.

⁵² Зубарь 2003, 48.

В контексте приведенных выше данных новейших археологических исследований в центральном районе Пантикапея и на его акрополе, а также сделанных на их основании выводов и предположений еще более информативной и значимой представляется уникальная находка, полученная в ходе раскопок 2010 г. на НВМ в юго-западном углу квадрата 29.

Напомню, что речь идет о захоронении расчлененной по продольной оси и обезглавленной туши коня с сохранившимися в первоначальном положении элементами декора нагрудного ремня, выполненными в скифском зверином стиле⁵³ (рис. 13). Археологический контекст этой находки – *сфагиона*, а также стилистические особенности декора трёх ажурных блях в виде фигуры свернувшегося волка позволяют отнести следы ритуала к концу первой четверти V в. до н.э.⁵⁴. Особо следует отметить, что стратиграфическое наблюдение подтверждает эту дату. Фрагмент остова коня был захоронен в слое, который образовался после 480 г. до н.э. в результате военных разрушений *Фазы 3*, прерывающей *Четвертый строительный период*. Эта жертва, а именно – расчленённый верховой конь степной породы, со специально оставленной на нём нагрудной частью сбруи – свидетельство особого ритуала симпатической магии. По-видимому, эта экстраординарная, возможно тайная акция, осуществлённая какой-то группой пантикапейцев близ северной границы теменоса⁵⁵, была призвана ослабить мобильность и боеспособность захватчиков-скифов, которые, как теперь можно с высокой долей вероятности предполагать, получили доступ на территорию акрополя Пантикапея.

Приведенная в данной работе сумма фактов содержит отзвуки тех сложных, драматических эпизодов военно-политической истории, о которых до сих пор не обнаружено письменной информации (молчат античные авторы), но которые определяли характер отношений полиса и Скифского царства от начала V в. до н.э. и на протяжении всего столетия. По-видимому, именно в этот напряженный исторический период, который в целом оказался судьбоносным и для всего Эллинского мира, формировались основы особой, специфической формы государственности Пантикапейского полиса, а позднее и всего Боспора Киммерийского – греко-варварской державы Спартокидов.

Судя по всему, от принятия гипотезы о симмахии-амфиктионии объединенных полисов Боспора под эгидой могучего Пантикапея с храмом Аполлона⁵⁶ на акрополе пока следует воздержаться.

В заключении повторю сказанное выше: несмотря на определенный прогресс в деле изучения ранней истории Пантикапея итоги данного исследования носят предварительный характер. Потребуется еще много усилий, годы сложных, трудоёмких раскопок, для уточнения представленных здесь предположений и выводов.

⁵³ Толстиков, Муратова 2013, 176–193.

⁵⁴ Канторович и др. 2019, 12–13.

⁵⁵ Отмечу, что пункт сокрытия жертвы-сфагиона располагался, примерно, в 12 м к востоку от того места, где позднее, в 2017 г., на кв. 34, над плитами (остатками алтаря?), перекрывавшими прослойку углей, был обнаружен комплект блях от конской упряжи в скифском зверином стиле, а также два мундштука с псалиями и отдельный псалий.

⁵⁶ Виноградов 2006, 38–39.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрух, С.И. 1999: *Нижнедунайская Скифия в VI– начале I в. до н.э. (Этно-политический аспект)*. Запорожье.
- Вахтина, М.Ю., Виноградов, Ю.А. 2001: Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Ч. 1. СПб., 41–45.
- Виноградов, Ю.А. 2002: Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском. В сб.: Э.Д. Фролов (ред.), *Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире*. СПб., 183–196.
- Виноградов, Ю.А. 2006: Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху. В сб.: С.Л. Соловьев (ред.), *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. Материалы международной научной конференции. Тамань (Россия). Октябрь 2000*. СПб., 36–43.
- Виноградов, Ю.Г. 1983: Полис в Северном Причерноморье. В кн.: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Античная Греция*. Т. 1. М., 394–420.
- Журавлев, Д.В., Батасова, А.В., Шлоцауер, У. 2019: Оборонительный ров поселения Голубицкая 2. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследования* (Боспорские чтения XX). Симферополь–Керчь, 183–192.
- Завойкин, А.А., Сударев, Н.И. 2006а: Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I. *ДБ* 9, 101–151.
- Завойкин, А.А., Сударев, Н.И. 2006б: Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. II. *ДБ* 10, 263–303.
- Зубарь, В.М. 2003: Некоторые аспекты истории Северо-Западной Таврики в конце VI – на рубеже IV–III вв. до н.э. *ПИФК* XIII, 45–70.
- Канторович, А.Р., Толстиков, В.П., Шкурова, М.В. 2019: Изделия из Пантикапея, оформленные в скифском зверином стиле. (К вопросу о греко-скифских взаимодействиях). *КСИА* 255, 7–31.
- Коваленко, С.А., Толстиков, В.П. 2010: II. О начале монетной чеканки на Боспоре. *ВДИ* 4, 23–50.
- Колотухин, В.А. 2000: *Киммерийцы и скифы Степного Крыма*. Симферополь.
- Кузнецов, В.Д. 2018: Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики). В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 4* (Фанагория 7). М., 117–135.
- Марченко, И.Д. 1984: Раскопки Пантикапея в 1965–1972 годах. *СГМИИ* 7, 3–27.
- Мелюкова, А.И. 1964: *Вооружение скифов* (САИ Д1–4). М.
- Толстиков, В.П. 1984: К проблеме образования Боспорского государства. (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.). *ВДИ* 3, 24–48.
- Толстиков, В.П. 2015: Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея: о времени основания апойкии и к локализации раннего теменоса. *ПИФК* 1, 261–281.
- Толстиков, В.П. 2017: Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея в конце 7 – середине 5 в. до н.э. В сб.: В.П. Толстиков (ред.), *Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу*. М., 10–42.
- Толстиков, В.П., Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2003: Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI – V веков до н.э. *ДБ* 6, 307–350.
- Толстиков, В.П., Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2004. Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея. *ДБ* 7, 344–365.

- Толстиков, В.П., Муратова, М.Б. 2013: К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI – первой половине V в. до н.э. *ВДИ* 1, 176–193.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. В сб.: А.П. Новосельцев (ред.), *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1984. М., 5–187.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2019а: «... Владыке Пантикапея». *ДБ* 24, 613–617.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2019б: Аполлон ИТРОС и Артемида Пифийская. О двух культах милетских апойкии Причерноморья. *МАСП* 14, 216–225.
- Шелов-Коведяев, Ф.В., Толстиков, В.П. 2014: Боспор в первой четверти V в. до Р.Х. К истории Пантикапея начала эпохи классики. *ДБ* 18, 452–504.
- Agafonov, A., Samar, O. 2021: Concerning Athenian black-figure vases from Panticapaeum. In: G.R. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave (eds.), *The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th century BC–5th century AD): 20 Years On (1997–2017). Proceedings of the Sixth International Congress on Black Sea Antiquities (Constanța – 18–22 September 2017)*. Oxford, 520–522.
- Dirschedl, U. 2013: *Die griechischen Säulenbasen* (Archäologische Forschungen 28). Wiesbaden.
- Vinogradov, Ju.G. 1980: Die historische Entwicklung der Polis der nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v.Chr. *Chiron* 10, 63–100.

REFERENCES

- Agafonov, A., Samar, O. 2021: Concerning Athenian black-figure vases from Panticapaeum. In: G.R. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave (eds.), *The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th century BC–5th century AD): 20 Years On (1997–2017). Proceedings of the Sixth International Congress on Black Sea Antiquities (Constanța – 18–22 September 2017)*. Oxford, 520–522.
- Andrukh, S.I. 1999: *Nizhnedunajskaya Skifiya v VI – nachale I v. do n.e. (Etno-politicheskiy aspekt)*. [The Lower Danube Scythia in the 6th – Beginning of the 1st Century BC (Ethnopolitical Aspect)]. Zaporozhe.
- Dirschedl, U. 2013: *Die griechischen Säulenbasen* (Archäologische Forschungen 28). Wiesbaden. From the History of Panticapaeum in the Early Classical Period]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 18, 452–504.
- Kantorovich, A.R., Tolstikov, V.P., Shkurova, M.V. 2019: Izdeliya iz Pantikapeya, ofornennyye v skifskom zverinom stile (K voprosu o greko-skifskikh vzaimodeystviyakh) [Artifacts from Panticapaeum decorated in the Scythian animal style (on the problem of the Greek-Scythian interactions)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 255, 7–31.
- Kolotukhin, V.A. 2000: *Kimmeriytsy i skify Stepnogo Kryma [The Cimmerians and Scythians of Steppe Crimea]*. Simferopol.
- Kovalenko, S.A., Tolstikov V.P. 2010: II. O nachale monetnoy chekanki na Bospore [On the Beginning of Coinage on the Bosporus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 23–50.
- Kuznetsov, V.D. 2018: Domostroitelstvo Severnogo Ponta (epokha arkhaiskoy) [Dwelling building in the Northern Pontic region (the Archaic period)]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on the Archaeology and History of Phanagoria]* 4 (Fanagoriya [Phanagoria] 7). Moscow, 117–135.
- Marchenko, I.D. 1984: Raskopki Pantikapeya v 1965–1972 godakh. [Excavations at Panticapaeum in 1965–1972]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitelnykh iskusstv im. A.S. Pushkina [Transactions of the Pushkin State Museum of Fine Arts]* 7. Moscow, 3–27.

- Melyukova, A.I. 1964: *Vooruzhenie skifov* [*Armament of the Scythians*] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–4). Moscow.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 1985: Istoriya Bospora v VI–IV vv. do n.e. [The history of Bosphorus in the 6th – 4th centuries BC]. In: A.P. Novoseltsev (ed.), *Drevneyschie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i Issledovaniya. 1984* [*The Most Ancient States on the Territory of USSR. Materials and Studies. 1984*]. Moscow, 5–187.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2019a: “... Vladyke Pantikapeya” [To the Lord of Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 24, 613–617.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2019b: Apollon ИΗΤΡΟΣ i Artemida Πιθijskaya. O dvukh kul'takh miletskikh apoykiy Prichernomor'ya [Apollo ΙΗΤΡΟΣ and Artemis Pythia. Two cults of Milesian apoikiai in the Black Sea]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [*Materials on the Archaeology of the Northern Black Sea Region*] 14, 216–225.
- Shelov-Kovedyaev, F.V., Tolstikov, V.P. 2014: Bospor v pervoy chetverti V v. do R. KH. K istorii Pantikapeya nachala epokhi klassiki [Bosphorus in the first quarter of the 5th century BC. On the history of Panticapaeum at the beginning of the Classical Period]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 18, 452–504.
- Tolstikov, V.P. 1984: K probleme obrazovaniya Bosporskogo gosudarstva (Opyt rekonstruktsii voenno-politicheskoy situatsii na Bospore v kontse VI – pervoy polovine V v. do n.e.) [On the problem of the Bosporan State's formation (Experience of reconstruction of the military-political situation on the Bosphorus at the end of the VI – first half V centuries B.C.)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 24–48.
- Tolstikov, V.P. 2015: Novye materialy k izucheniyu drevneyshey istorii Pantikapeya: o vremeni osnovaniya apoykii i k lokalizatsii rannego temenosa [New materials for the study of the ancient history of Panticapaeum: regarding the time of the foundation of apoikia and the localization of the early temenos]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1 (47), 261–281.
- Tolstikov, V.P. 2017: Ocherk gradostroitel'noy istorii tsentral'nogo rayona Pantikapeya v kontse 7 – seredine 5 v. do n.e. [Essay on the urban history of the central area of Panticapaeum in late 7th – mid-5th century BC]. In: V.P. Tolstikov (ed.), *Drevneyshiy Pantikapey. Ot apoikii k gorodu* [*Ancient Panticapaeum. From Apoikia to a City*]. Moscow, 10–42.
- Tolstikov, V.P., Muratova M.B. 2013: K probleme prostranstvennogo razvitiya pantikapeyskoy apoykii v pervoi polovine VI – pervoy polovine V v. do n. e. [Regarding the spatial development of the apoikia of Panticapaeum in the first half of the 6th – first half of the 5th century BC]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 176–193.
- Tolstikov, V.P., Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2003: Mnogokamernye stroitel'nye kompleksy v sisteme zastroyki akropolya Pantikapeya VI–V vekov do n. e. [Multichamber building complexes in the system of building akropolis of Panticapaeum in the VI – V centuries B.C.]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 6, 307–350.
- Tolstikov, V.P., Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2004. Novye materialy k khronologii i istorii rannego Pantikapeya [New data on chronology and history of the early Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 7, 344–365.
- Vakhtina, M.Yu., Vinogradov, Yu.A. 2001: Eshche raz o ranney fortifikatsii Bospora Kimmeriyskogo [Once again about the early fortification of the Cimmerian Bosphorus]. *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*Bosporan phenomenon: Colonization of the Region. Formation of Poleis. Formation of the State*]. Pt. 1. Saint Petersburg, 41–45.
- Vinogradov, Ju.G. 1980: Die historische Entwicklung der Polis der nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v.Chr. *Chiron* 10, 63–100.
- Vinogradov, Yu.A. 2002: Osobennosti i istoricheskoe znachenie ob'edineniya Arkheanaktidov na Bospore Kimmeriyskom [Features and historical significance of the association of Archaeanactids on the Cimmerian Bosphorus]. In: *Antichnoe gosudarstvo: politicheskie ot-*

- nosheniya i gosudarstvennyye formy v antichnom mire* [Ancient State. Political Relations and State Forms in the Ancient World]. Saint Petersburg, 183–196.
- Vinogradov, Yu.A. 2006: Bospor Kimmeriyskiy: osnovnye etapy istorii v dorimskuyu epokhu. [Cimmerian Bosphorus: the main stages of history in the pre-Roman period]. In: S.L. Solov'yev (ed.), *Greki i varvary na Bospore Kimmeriyskom VII–I vv. do n. e. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Taman' (Rossiya). Oktyabr' 2000* [Greeks and Barbarians in the Cimmerian Bosphorus in the 7th – 1st centuries BC. Materials of the International Scientific Conference. Taman (Russia). October 2000]. Saint Petersburg, 36–43.
- Vinogradov, Yu.G. 1983: Polis v Severnom Prichernomor'e [Polis in the Northern Black Sea region]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia* [Ancient Greece]. Vol. 1. Moscow, 394–420.
- Zavoykin, A.A., Sudarev, N.I. 2006a: Pogrebeniya s oruzhiem VI–V vv. do n.e. kak istochnik po politicheskoy i voennoy istorii Bospora. Ch. I [Burials with weapons of the 6th – 5th centuries BC as a source on the political and military history of the Bosphorus. Pt. I]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 9, 101–151.
- Zavoykin, A.A., Sudarev N.I. 2006b: Pogrebeniya s oruzhiem VI–V vv. do n.e. kak istochnik po politicheskoy i voennoy istorii Bospora. Ch. II [Burials with weapons of the 6th – 5th centuries BC as a source on the political and military history of the Bosphorus. Pt. II]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 10, 263–303.
- Zhuravlev, D.V., Batasova, A.V., Shlotsauer, U. 2019: Oboronitel'nyy rov poseleniya Golubitskaya 2 [Defensive moat of the settlement Golubitskaya 2]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniya* [The Cimmerian Bosphorus and Barbarian world in Antiquity and the Middle Ages. Main Results and Prospects of Research] (XX Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Simferopol–Kerch, 183–192.
- Zubar, V.M. 2003: Nekotorye aspekty istorii Severo-Zapadnoy Tavriki v kontse VI – na rubezhe IV–III vv. do n. e. [Some aspects of North-Western Taurica's history at the end of the 6th – 3rd century BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XIII, 45–70.

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF THE DISASTER OF 480–475 BC IN PANTICAPAEUM. SAYING GOODBYE TO ONE CONCEPT?

Vladimir P. Tolstikov

Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia

E-mail: vltolstikov@yandex.ru

The author compares the results of the analysis of the latest materials with those obtained earlier in the course of many years of work by the Bosporan (Panticapaeon) Archaeological Mission of the Pushkin Museum at the New Upper Mithridates (NUM) excavation site located on the acropolis of Panticapaeum, as well as at the Central (N) and Central-Northern (SN) sites on the territory of the Western Plateau. An analysis of the state of construction objects on the northwestern outskirts of the NUM, as well as the features of their reconstructions, indicates that their main goal was to revive the line of fortifications along a significant segment of the route of the early defensive wall, which was destroyed approximately in the middle of the 6th century BC and did not restore. The monumental multi-chamber complex MK D-11, erected on a rocky foundation, served as a fortification. The revealed collapses of its outer wall, traces of a fire in

the room, numerous arrowheads of the Scythian type in the collapses of the adobe masonry of the wall indicate that the hastily fortified acropolis of Panticapaeum, which previously had no walls (!), was attacked by the Royal Scythians between 480 and 475 BC. Previously, it was assumed that after the destruction of the community center on the Western Plateau by the nomads, it was fortified and turned into a defensive foothold. The main part of the inhabitants took refuge on the Upper Plateau, where the urban *temenos* with the temple of Apollo was located. Today, there is reason to believe that the finds of “Scythian animal style” items in the layers of the first half of the 5th century BC on the acropolis of Panticapaeum indicate that the Scythians gained access to the territory of Panticapaeon acropolis and the *temenos*. The hypothesis of *symmarchy* led by Panticapaeum is hardly relevant.

Keywords: Panticapaeum, acropolis, Upper Plateau, Western Plateau, multi-chamber complex, fortifications, *temenos*, Bosporan *symmarchy*, the Royal Scythians, “Scythian animal style” items, *sphagion*

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 37–54
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 37–54
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-37–54

АФИНА ЭРГАНА В ПАНТИКАПЕЕ

А.В. Агафонов¹, М.Б. Муратова²

¹ Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

² Университет Адельфи, Гарден-Сити, США;
Метрополитен-музей, Нью-Йорк, США

¹ E-mail: agathonov@yandex.ru ² E-mail: mmuratov@adelphi.edu

¹ ORCID: 0009-0007-0995-1450 ² ORCID: 0000-0001-7843-3170

В статье впервые публикуются две уникальные находки из раскопок на акрополе Пантикапея: фрагмент края чернофигурного сосуда с посвятельным граффито Эргане и терракотовая статуэтка, изображающая богиню. До находки этих вещей культ Афины Эрганы не был засвидетельствован ни на территории Северного Причерноморья вообще, ни в Пантикапее в частности. Письменные источники подтверждают существование культа Афины Эрганы в таких важных культовых центрах Эллады, как Делос, Эпидавр и Дельфы, в то время как данные изобразительного искусства, прежде всего, коропластики, расширили известный ареал культа Эрганы до Восточной Греции (Малая Азия, Родос) и Сицилии, а теперь и до Боспора. В статье анализируются известные эпиграфические, археологические и иконографические свидетельства, относящиеся к культу Афины Эрганы в различных частях Ойкумены. Появление пантикапейского посвящения Афине с эпиклезой Эргана подтверждает самостоятельное существование этого эпитета уже в VI – начале V вв. до н.э. не только в материковой Греции (Дельфы), но и на периферии греческого мира. Эти две уникальные находки с акрополя Пантикапея побуждают заново оценить значение и роль культа Афины на Боспоре в позднеархаическую и раннеклассическую эпохи.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспор Киммерийский, Пантикапей, Афина Эргана, Афина Полиада, культ, посвятельное граффито, терракота

Данные об авторах. Андрей Владимирович Агафонов – научный сотрудник ГМИИ им. А.С. Пушкина; Майя Борисовна Муратова – доктор философии (PhD), доцент факультета искусства и истории искусств Университета Адельфи; исследователь отдела Искусства Греции и Рима Метрополитен-музея.

Пользуясь возможностью, поздравляем юбиляров, Александра Александровича Масленникова и Владимира Дмитриевича Кузнецова, и желаем творческого вдохновения! (А.А., М.М.).

Трудно, богиня, тебя узнать человеку при встрече,
Как бы он опытен ни был: со всяким сходна ты бываешь...
Гомер. Одиссея, 13. 312–313 (Пер. В.В. Вересаева)¹

В процессе раскопок древнего Пантикапея экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина в 2016–2022 гг., исследования на Новом Верхнем Митридатском (НВМ) раскопе принесли целую серию интересных находок². Посвятительные граффити на фрагментах столовой посуды, адресованные Зевсу Отчему, Аполлону Врачу, Афродите, Артемиде Пифийской³, а также многочисленные фрагменты терракотовых статуэток попадают в хронологические рамки с последней четверти VI до середины – второй половины V вв. до н.э. Несомненный votивный характер этих предметов позволяет с высокой долей вероятности предполагать, что они происходят со священного участка в пределах акрополя Пантикапея. Фрагментированность этого керамического материала и терракот указывает на то, что содержащий эти находки слой был некогда перемещен, возможно, не единожды; перемещением также объясняются включения в этот слой и более позднего материала (конца V–IV вв. до н.э.)⁴.

Одной из необычных находок в этом ряду, сделанной в 2021 г., стал фрагмент края аттического чернофигурного килика с посвятельной надписью, выполненный ионийским алфавитом (рис. 1).⁵ Между линиями боковых сколов сохранилось целиком, без утрат, одно слово – ΕΡΓΑΝΗΣ – *Эрганы*, представляющее собой эпиклезу, которая могла принадлежать единственной богине греческого пантеона – Афине, в ее ипостаси покровительницы ремесел и искусств. С соседнего квадрата происходит фрагментированная (голова утрачена) терракотовая статуэтка женской фигуры на троне; в левой руке она держит прялку, что соответствует иконографической традиции изображения Афины Эрганы (рис. 2)⁶. Отметим, что до 2021 г. культ Афины Эрганы не был засвидетельствован ни на территории Северного Причерноморья вообще, ни в Пантикапее в частности⁷.

1. ГРАФФИТО

Граффито прочерчено горизонтально, вдоль линии края килика, уверенной рукой, несколько размашисто – буквы расставлены неплотно, интервал в среднем

¹ “Αργαλέον σε, θεά, γινῶναι βροτῶ ἀντιάσαντι, / καὶ μάλ’ ἐπισταμένῳ· σὲ γὰρ αὐτὴν παντὶ εἴσκεῖς.” Русский текст: Гомер. Одиссея. М., 1953. Греческий текст: Homer. The Odyssey, with an English translation by A.T. Murray. London, 1919.

² Благодарим начальника Боспорской археологической экспедиции В.П. Толстикова за предложение опубликовать данный материал и за поддержку в процессе работы.

³ Отметим, что посвящения Артемиде Пифийской зафиксированы в Пантикапее впервые.

⁴ Группа исследователей работает над полной публикацией материалов из этого слоя. Археологический контекст этих находок подробнее рассмотрен в статье В.П. Толстикова в этом же номере.

⁵ Фрагмент имеет прямоугольную форму и ограничен сколами с боковых сторон. Ширина фрагмента 3,5 см; высота 6,2 см; диаметр 23,0 см. Пан 2021, НВМ, кв. 87, 88, к югу от траншеи выборки кл. № 35, шт. 17; оп. 213. Дата слоя: конец V в. до н.э., глубина +4,65 м.

⁶ Высота 6,7 см; ширина 3,5 см; глубина 4,5 см. Пан 2021, НВМ, кв. 83, шт. 12; оп. 189. Дата слоя: IV в. до н.э., глубина +4,91 м.

⁷ О культе Афины на Боспоре, см. Безсонова 1975; Русяева 2005, 381–388; Шауб 2007, 259–361; Муратова и др. 2017, 94.

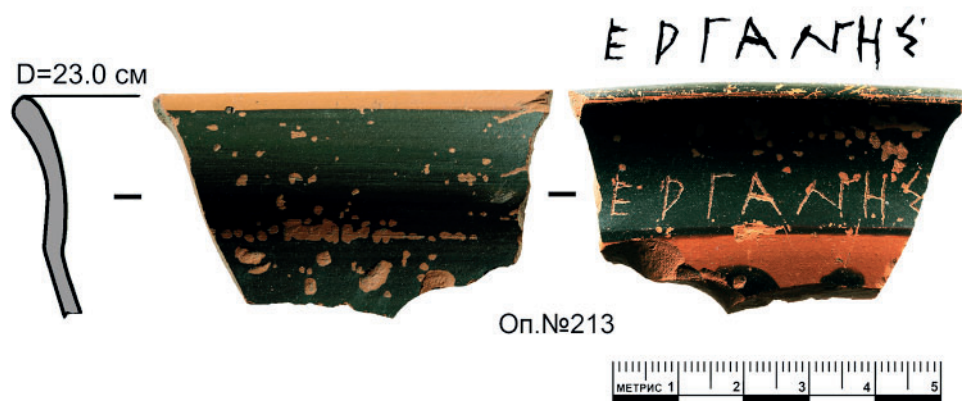

Рис. 1. Фрагмент края аттического чернофигурного килика с посвятителной надписью Эргане. Из раскопок Пантикапея. ВКИКМЗ. Фото В.П. Толстикова

Fig. 1. Fragment of lip of an Attic black-figure kylix with a dedicatory inscription to Ergana from Panticapaeum. East-Crimean Historical-Cultural Museum-Reserve. Photo by V.P. Tolstikov

0,3–0,4 см (т.е. около половины ширины буквы). Характерных форм немного, показателен уже вполне классический *эпсилон* с прямыми горизонтальными линиями, но при этом сохраняются архаические черты *ню* (вертикальные гасты все еще не параллельны, однако правая гаста уже сравнялась с левой по высоте), а также *ро* с сокращенной вертикальной линией и большой петлей, в виде скругленного треугольника. По совокупности особенностей шрифт согласуется со временем формирования перемещенного слоя (вторая половина VI – вторая половина V вв. до н.э.), однако форма килика может способствовать дальнейшему уточнению этой даты.

Пантикапейский фрагмент принадлежит килику с отогнутым краем, находит аналогии среди ранних киликов Друп и датируется ок. 530–525 гг. до н.э.⁸ Очевидно, что лаком покрыт только край чаши, а ниже во фризе – неясная часть росписи. Край достаточно высокий, изящный, с небольшим изгибом, заметным ребром в месте крепления к вместилищу и утолщением в верхней части⁹.

⁸ Приносим благодарность О.Ю. Самар за любезно предоставленные материалы анализа данного фрагмента килика.

⁹ Насколько можно судить по сохранившемуся фрагменту, подобная форма характерна для двух форм аттических чаш с отогнутым краем: киликов Друп (540–510 гг. до н.э.) и ранних киликов типа С (ок. 520 г. до н.э.), см. Schreiber 1999, 149. Наибольшее сходство можно отметить с гибридным чернолаковым киликом, подписанным гончаром Никосфеном (Музеи Ватикана, инв. G 47). Ватиканский килик сочетает ножку с широким основанием как у килика С, высокую как у килика А, вместилище близко *band-cup* и киликам Друп (Tosto 1999, 141). Блеш (Bloesch 1940, 113) предполагал, что килик датируется временем появления первых краснофигурных ваз или несколько раньше, т.е. ок. 530 г. до н.э. Бизли (Beazley 1939, 64, no. 74) в свою очередь предлагал дату около 520 г. до н.э. Тосто (Tosto 1999, 141) датирует 530–525 гг. до н.э. Никосфен экспериментировал с формами ваз, что подтверждается такой необычной формой килика. В его мастерской производили килики Друп (ножка килика в Британском музее – BAPD 301254, B600.53, Tosto 1999, 148, 152–153), весьма вероятно даже, что именно Никосфен адаптировал эту форму под влиянием лаконских киликов (см. Ure 1927, no. 622). Первые килики Друп появились к середине VI в. до н.э. и, возможно, были черно-

Место расположения граффито на обозримой части сосуда и родительный падеж эпитета богини не оставляют сомнений в посвятельном характере надписи¹⁰. О его полном формуляре трудно судить, поскольку слева и справа от эпиклезы богини не осталось никаких следов соседних букв, а относительно широкий интервал между буквами и близость линий сколов к крайним из них не предоставляет возможностей для однозначного восстановления. Маловероятно, что граффито ограничивалось только эпиклезой богини, хотя такие случаи возможны в посвящениях, адресованных отдельным божествам¹¹. Посвятительная надпись с большой вероятностью могла содержать речь от первого лица, от имени чаши: e.g. Ἐργάνης [εἰμί], что обычно для греческих надписей архаического времени¹². Особенно близкими к надписи Афины Эрганы по времени, формуляру (имя божества в генетиве) и расположению на сосуде (край килика), представляются два граффити, происходящих из святилища Зевса и Афины на Восточном теменосе Ольвии¹³: одно (№ 27) – на килике, посвященном Зевсу (ἱρὴ Ζηνός), второе (№ 28) – Афине (Ἀθηνάης ἱρή)¹⁴. Отличием ольвийских граффити от пантикапейского является отсутствие в первых эпиклез¹⁵. С учетом формуляра рассмотренных ольвийских надписей, можно предложить следующие варианты реконструкции рассматриваемой надписи:

[τῆς?] Ἐργάνης [ἱρή] «(я) жертвенный дар Эрганы»

Не исключены и более полные варианты, e.g. [Ἀθηναίης/Ἀθηνάης] Ἐργάνης [(εἰμί)].

На Боспоре, в отличие от Ольвии, эпиграфических свидетельств культа Афины значительно меньше¹⁶, что красноречиво иллюстрирует корпус боспорских надписей, индекс которого не содержит имени богини¹⁷. Что же касается собственно Афины Эрганы (Работницы), то она является неожиданной гостьей не только на Боспоре, но и во всем Северном Причерноморье. Фактически, найденное в Пантикапее граффито оказывается пока первым и уникальным письменным свидетельством ее почитания в Северопонтийском регионе.

лаковые. В мастерской Никосфена могли с большой вероятностью производить и килики типа С (Tosto 1999, 142, no. 152, fig. 83; no. 616). Таким образом, раннее развитие обоих интересующих нас форм киликов связано с деятельностью Никосфена и датируется около 530 г. до н.э.

¹⁰ Яйленко 2018, 488–491.

¹¹ Маркировочные граффити, состоящие из одной только эпиклезы (Δελφίνιο) известны, например, в святилище Аполлона Дельфиния на Восточном теменосе Ольвии. См. Русяева 2010, 28–29, № 11–13; 218–221, табл. 2–5.

¹² Ср., например, два граффити VI в. до н.э. из святилища Аполлона Милесия в Навкратисе (Guarducci 1967, 262, no. 2–3). Есть примеры владельческих граффити, следующих этой формуле, например, на сероглиняной ойнохое из Пантикапея, именующей себя πρῶχος (Виноградов 1974).

¹³ Совместное почитание Зевса и Афины на Восточном теменосе Ольвии говорит о том, что присутствие посвящений Афине Эргане и Зевсу Отчему среди материалов предполагаемого священного участка в Пантикапее (см. выше) может быть не случайным фактом.

¹⁴ Русяева 2010, 32–33, табл. 7, 3–4. Помимо расположения ἱρή после имени божества, граффито Афины выделяется тем, что нанесено на стенку перевернутого дном вверх килика (таким образом, вершины букв обращены вниз).

¹⁵ Нельзя исключить, что речь от лица чаши в них подразумевалась “ἱρὴ εἰμί Ζηνός” и “Ἀθηναίης ἱρή εἰμί”.

¹⁶ Эта особенность боспорской религиозной жизни уже отмечалась в литературе. См. Русяева 2005, 385, 387.

¹⁷ Из единичных примеров, можно указать на присутствие Афины, например, в списке восьми божеств на стенке буролакового эллинистического сосуда из Нимфея. См. Наймолик 2018, В 102.

2. ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА

По-видимому, не случайно, что посвяtitельное граффито Эргане сопровождается еще одной находкой с соседнего квадрата – это терракотовая статуэтка, по всей вероятности, изображающая богиню именно в той же ипостаси. Женская фигура (голова не сохранилась) восседает на троне с перекрестьями по обеим сторонам спинки. На ней одет длинный хитон; гиматием закрыты ноги до середины голени; собранное в складки продолжение гиматия переброшено через левое плечо назад и, вероятно, обернуто вокруг талии и покоится на коленях. Правая нога слегка выдвинута вперед на скругленном по фасу постаменте. В правой руке, покоящейся почти на уровне колена, она держит фиалу; в левой руке – прижатой к груди – прялку с пряжей.

Статуэтка отгиснута в двух формах. В процессе изготовления она была пережжена, что делает невозможным визуальное определение центра производства по глине. По крайней мере, из-за отсутствия характерных для местной глины включений, можно полагать, что она не боспорского производства. Местами на поверхности сохранились следы белого ангоба, тогда как следы краски полностью отсутствуют.

На данный момент, терракота является уникальной по своей иконографии: статуэтки такого типа нам неизвестны. Отсутствие головы усложняет ее интерпретацию: изображена ли богиня или смертная женщина? При прочих равных, совокупность таких элементов, как кресло–трон, прялка, но, главное, фиала в правой руке, скорее позволяет видеть в ней изображение богини.

Датировать терракоты доселе неизвестного типа и центра – без прямых аналогий – занятие неблагодарное. Поиски аналогий таким деталям, как форма перекрестий спинки кресла, не увенчались успехом, учитывая, что подобная форма спинки трона встречается с позднеархаического до эллинистического времени, как в Аттике, так и в Малой Азии. Пока изыскания продолжаются¹⁸, мы предлагаем предварительную датировку: середина – вторая половина V в. до н.э.

3. АФИНА ЭРГАНА

Афина, как большинство древнейших богов и богинь греческого пантеона, распространяла свое могущество и покровительство на множество жизненных сфер, и этому соответствовали ее прозвища–эпikleзы. Почти все их можно свести к двум основным образам, характеризующим сложный диалектический характер богини, сосуществовавшим, по-видимому, с древнейших времен – войтельницы–защитницы полиса и созидательницы, Промакос, Полиады и Эрганы¹⁹. В своей мирной ипостаси она обучала людей выращиванию прихотливой оливы

¹⁸ Для положения левой руки и формы прялки с шерстью, ближайшую аналогию Пантикапейской статуэтке пока представляют две терракоты из святилища Афины Линдии на Родосе (рис. 4), хотя сами по себе статуэтки сильно отличаются.

¹⁹ Karanika 2001, 288; Franssen 2011, 272. О множестве функций Афины, отраженных в ее эпikleзах, см., например, Holtzmann 2003, 29–30; Hurwit 2004, 20–37. Эпитет Эргана был не единственным, который использовался по отношению к Афине “Созидательной.” В некоторых надписях богиня в этом своем качестве именуется Καλλίεργος (IG IV 408; 485) и Ὀργάνη (Jessen 1907, 428, 40–45). Последний эпитет представлен на Делосе (IDélös 63) и в Афинах (IG II2 4339).

Рис. 2. Терракотовая статуэтка Афины Эрганы. Из раскопок Пантикапея. ВКИКМЗ. Фото В.П. Толстикова

Fig. 2. Terracotta Figurine of Athena Ergana from Panticapaeum. East-Crimean Historical-Cultural Museum-Reserve. Photo by V.P. Tolstikov

и способам использования ее плодов; в роли Эрганы богиня изобретала и передавала людям созидательные навыки, необходимые для преодоления дикости и построения цивилизованной жизни. Письменная традиция приписывает собственно Афине Эргане изобретение шерстопрядения и ткачества²⁰, обучение людей изготовлению одежды, строительству, и даже создание музыкальных инструментов и умению игры на них²¹. Вся эта разнообразная деятельность связана с главным качеством богини – разумом (*mētis*), реализуемом в материальной сфере через созидание²². Афина Эргана являет пример применения разума, пронизывающего все аспекты жизни и воспринимаемого, как совокупность практических знаний и навыков. Наряду с другим богом-тружеником, Гефестом, Афина Эргана творит сама и передает навыки смертным²³. Сохранилась традиция о почитании Афины Эрганы и Гефеста во время *Халкей*, афинского профессионального праздника медников и торевцов²⁴. Интересно, что сведения о приношениях в этот день упоминают только Афины²⁵, хотя оба божества были тесно связаны в своих ипо-

²⁰ Hom. Il. 14. 178; Hom. Od. 7. 110; 20. 72. Эргана являлась покровительницей прядения и ткачества уже в качестве дворцовой богини Микенских царей: тексты табличек линейного письма Б упоминают ткани и ковры, которые производились в царских мастерских, см. Simon 1983, 38–39, esp. Note 5.

²¹ Diod. V. 73. 8–74. 1. См. также Serghidou 2001, 57–58, 69–70.

²² См. Karanika 2001, 288.

²³ Burkert 1985, 139–143; Holtzmann 2003, 30.

²⁴ Soph. Fr. 844: Pearson 1917/3, 56–57 (называет Афины богиней всех ремесленников). О Халкеях, с литературой, см. Schmidt 2010, 226 note 37; Meyer 2017, 224. Несмотря на то, что само название праздника относится, скорее, к Гефесту – покровителю бронзовых дел мастеров, стоит помнить, что в гомеровском гимне Афродите Афина названа первой, кто научил людей изготавливать колесницы из бронзы: Homeric hymn V. 12 f.

²⁵ Bérard 1976, 103.

стасях покровителей ремесел²⁶. *Халкеи*, отмечавшиеся в последний день месяца Пианопсиона (поздний октябрь), имели особое значение для афинян, поскольку были тесно связаны с главным общеполисным афинским праздником – Панафинейми, являясь своеобразным прологом к ним. Раз в четыре года в этот день устанавливался большой ткацкий станок, на котором начинались работы по изготовлению священного пеплоса, предназначенного в дар Афине²⁷. Через эти ритуальные действия и через пеплос, атрибут, которым богиня особенно дорожила, проявляется связь Афины Полиады, Промехос и Эрганы. Афиняне раз в четыре года преподносили ей пеплос с вытканым на нем изображением гигантомахии²⁸, что, безусловно, отражало роль богини как покровительницы и защитницы полиса. Интересно, что Афина, научившая женщин ткать, требовала от них в качестве приношения плодов этого навыка²⁹. Изготовление пеплоса и облачение в него статуи Афины Полиады были центральным ритуальным актом Панафиней³⁰. Таким образом, ипостась Афины Эрганы, покровительницы ремесел и искусств, приобретает общественный характер, по крайней мере в Афинах³¹.

4. СВИДЕТЕЛЬСТВА КУЛЬТА АФИНЫ ЭРГАНЫ В ГРЕЧЕСКОМ МИРЕ

Павсаний свидетельствует о распространенности культа Эрганы в разных полисах Греции: Олимпии и Спарте (Paus. V. 14. 5), Мегалополе (Paus. VIII. 32. 3), Феспиях и, прежде всего, Афинах³². Однако, необходимо учитывать неполноту и относительно позднюю дату информации Павсания (II в. н.э.), которая – особенно для более раннего времени – корректируется и дополняется эпиграфическими находками. Они подтверждают существование культа Афины Эрганы в таких важных культовых центрах Эллады, как Делос³³, Эпидавр³⁴ и Дельфы³⁵. Данные изобразительного искусства, прежде всего, коропластики, расширяют известный ареал культа Эрганы до Восточной Греции (Малая Азия, Родос) и Сицилии³⁶. Рас-

²⁶ Например, на терракотовой краснофигурной плакетке (πίναξ) конца V в. до н.э. были изображены оба божества (Furtwängler 1885, 784–785, no. 2759). Несмотря на то, что изображение Гефеста было позднее утрачено, его наличие восстанавливается по первым буквам подписи Ἀθηναία: ΝΗΑ[ιός]. Связь Афины, как покровительницы ремесленников-профессионалов, с Гефестом наглядно реализована в монументальном храме, дорическом периптере, возведенном в 440–430 гг. до н.э. В целле храма между 421–415 гг. до н.э. были установлены статуи обоих божеств, приписываемые скульптору Каллимаху: Harrison 1977, 139–141, ill. 1–3.

²⁷ Simon 1983, 38. Процесс изготовления пеплоса занимал девять месяцев.

²⁸ Plin. HN. 156. n. 92.

²⁹ Karanika 2001, 286.

³⁰ Подробный обзор визуальных и текстовых источников об облачении статуй в одежды, см. Brøns 2017, ch. 4; Афина и пеплос на Афинском акрополе: Appendix 1.

³¹ IG II 2 4318: афинская семья посвящает десятину Афине Эргане Полиаде (IV в. до н.э.); Müller 2010, 158, note 13.

³² По его сообщению, именно афиняне первыми начали называть Афины Эрганой: Paus. I. 24. 3 (πρῶτοι μὲν γὰρ Ἀθηναῖν ἐπωνόμασαν Ἐργάνην).

³³ IDélos 63 – надпись, датированная первоиздателями V в. до н.э., высечена на вертикальной поверхности скалы. Местоположение надписи и родительный падеж напоминают пограничные камни. Эпиклеза в форме Οργάνη известна также в Афинах (IG II 2 4339, 2939). См. Giovagnorio 2018, 51, no. 3.

³⁴ IG IV 2 1, 166, 270. С эпитетом Καλλιέρως IG IV 2 1, 408, 485

³⁵ См. ниже.

³⁶ Обзор и интерпретация возможной иконографии Афины Эрганы, см., например, Villing 1998.

смотрим подробнее известные эпиграфические, археологические и иконографические свидетельства культа Эрваны в различных регионах Ойкумены.

4.1. ДЕЛЬФЫ

Говоря о хронологии эпиграфических свидетельств, очень важно отметить, что большинство известных надписей, упоминающих Афину в ипостаси Эрваны, датируются не ранее IV в. до н.э. На данный момент, самым ранним из лапидарных посвящений Афине Эрване является стела из Дельф, датируемая VI–V вв. до н.э. Она была найдена вместе с несколькими другими посвященными надписями в ходе археологических раскопок, проводившихся французской археологической школой в Афинах в конце XIX – начале XX в. в восточной части террасы, где был раскопан теменос Афины Пронаии. Там, среди группы алтарей были найдены две стелы, посвященные Афине с двумя разными эпиклезами – Зостерия и Эрвана³⁷.

Таким образом, до находки пантикапейского граффито, дельфийская надпись являлась единственным известным эпиграфическим свидетельством культа Эрваны периода архаики. Еще раз подчеркнем, что в других частях греческого мира эпиграфические данные VI–V вв. до н.э., подтверждающие существование культа Афины Эрваны, пока не известны.

4.2. АФИНЫ

Факт почитания Афины Эрваны на афинском акрополе не вызывает сомнения; однако, ситуация со свидетельствами этого культа довольно парадоксальна. Несмотря на то, что, по крайней мере, с середины VI в. до н.э. Афина, в качестве покровительницы ремесел, получала votivные приношения, все известные лапидарные надписи, содержащие эпиклезу Эрвана, относятся к IV в. до н.э. или позднее³⁸. Вместе с тем, разнообразные посвящения Афине последних десятилетий VI – начала V вв. до н.э., с большой долей вероятности, относятся именно к Эрване, хотя не содержат этой эпиклезы³⁹. Отметим, что в литературных источниках этот эпитет Афины впервые упоминается в V в. до н.э. Софоклом⁴⁰.

³⁷ Омоль (Homolle 1901, 375) только упоминает посвящение Афине Эрване наряду с другими, найденными поблизости от остатков алтарей, не публикуя ни текста, ни прорисей. Рисунок стелы с надписью опубликован Perdrizet 1903, 259, fig. 1; рассуждения о характере письма и об археологическом контексте находки с фото in situ, см. Poulsen 1908, 347 (17). См. также Schwyzler 1960, no. 319.

³⁸ IG I2 561; IG I2 2939 (=4339), 4328–4329, 4318, 4334, 4338; см. Suk Fong Jim 2014, 139, note 31. Meyer 2017, 30; Giovagnorio 2018, 46–49.

³⁹ Ср. IG I3 620, 628, 633, 824. Датировка этих надписей определяется известностью дедикантов. Среди них скульптор Антенор, автор одной из акропольских кор, гончары Неарх и Андокид, хозяин мастерской, процветавшей в последней четверти VI в. до н.э. и явившейся творческой лабораторией, создавшей новую краснофигурную технику. Последняя из перечисленных надписей (IG I3 824) — сообщение о посвящении Афине десятины своей продукции знаменитого вазописца, корифея группы Пионеров Ефрония. Подробнее см. Consoli 2004, 43–45; Suk Fong Jim 2014, 133, 135–136, 149–150, 157. Сюда же относятся и анэпиграфные votivные рельефы (см. Suk Fong Jim 2014, 168–169), и расписные вазы (Wagner 2001, 102). О дискуссии по поводу возможной реконструкции имени Эрваны на двух фрагментированных граффити с северного склона афинского акрополя, см. Roebuck 1940, 247, fig. 51, nos. 299, 300; 248, note 25; contra: Raubitschek 1949, 89.

⁴⁰ Soph. Fr. 844: Pearson 1917, Vol. 3, 56–57

Несмотря на отсутствие конкретных доказательств, некоторые исследователи предполагают, что культ Афины Эргоны существовал на акрополе и восходил к архаическому периоду. Предположение о существовании священного участка Афины Эргоны на акрополе Афин бытовало уже в XIX в. и опиралось на текст Павсания⁴¹, а также на факт находки двух посвященных ей надписей. Этим местом явилась так называемая средняя терраса акрополя, расположенная между верхней террасой, где находится Парфенон, и нижней, отождествленной со святилищем Артемиды Бравронии.⁴² Подобное предположение нашло решительное возражение со стороны Вильгельма Дерпфельда: проведенные им зимой 1888–1889 гг. археологические исследования в этом районе не выявили остатков алтаря или храма; таким образом, гипотеза о связи этого участка с Эрганой не подтвердилась⁴³.

Развитие строительства на афинском акрополе, особенно в период архаики, до сих пор остается предметом дискуссий. Более того, археологические исследования последних десятилетий, хотя и продвинули наши знания о его архитектурном облике, но не дали однозначных ответов на вопросы о существовании и локализации культовых объектов, связанных с Афиной Эрганой. Представляют интерес остатки небольшого наиска и круглого алтаря, обнаруженные в пределах северной колоннады Периклова Парфенона Манолисом Корресом, связавшего наиск с культом Афины Эргоны⁴⁴. Следует признать, что эта идентификация основывается на косвенных аргументах, сопоставляющих неоднозначные археологические данные и поврежденный текст Павсания⁴⁵. Таким образом, локализация культа Эргоны в этом наиске остается спекулятивной и нуждается в дополнительных подтверждениях.

Обратимся теперь к возможным изображениям Афины Эргоны, происходящим с афинского акрополя. В процессе сопоставления сохранившихся изображений Афины становится очевидным, что единой иконографической традиции, предназначенной непосредственно для Эргоны, не существовало⁴⁶. На аттических расписных вазах с акрополя Афина – покровительница ремесел, внешне не отличается от других своих ипостасей: она представлена в своем традиционном облике, то есть в хитоне и гиматии, с эгидой на плечах, в шлеме (или со шлемом в руке), иногда с копьем и/или со щитом. Только контекст указывает на то, что перед нами Эргона – то сидящая в окружении ремесленников⁴⁷, то входящая в мастерскую в сопровождении двух Ник, чтобы наградить венками победителей среди мастеров-художников, расписывающих вазы⁴⁸, или лепящая из глины модель

⁴¹ Paus. I.24.3. Часть текста повреждена; см. ниже.

⁴² “Erganeterrasse”: Ulrichs 1863, 148–155.

⁴³ Dörpfeld 1889, 306–308. Интерпретируя результаты своих раскопок, Дерпфельд утверждал, что отдельного культа Афины Эргоны в Афинах не существовало, и что афиняне почитали Афины Полиаду, защитницу и покровительницу города, культ которой, по его мнению, включал в себя традиционные функции Эргоны. Об историографии вопроса подробнее, см. Consoli 2004.

⁴⁴ Korres 1997, 227–229, 242; Hurwit 2004, 72–75; Consoli 2004, 39–40, fig. 4, 5.

⁴⁵ Hurwit 2004, 201; Meyer 2017, 31.

⁴⁶ LIMK II, s.v. Athena.

⁴⁷ Фрагмент краснофигурного килика Мастера Эвергида, Музей Акрополя 166; 515–500 гг. до н.э.: LIMK II, s.v. Athena, 40.

⁴⁸ Краснофигурная кальпида Мастера Ленинграда, ок. 470–460 гг. до н.э., коллекция Банка Интеса, Венеция: Holtzmann 2003, 31, fig. 5; отметим, что мастер, работающий над кратером справа — женщина; на нее венок не одевают; LIMK II, s.v. Athena, no. 47. Интересно отметить, что в так

коня⁴⁹. На мраморном вотивном рельефе все та же Афина стоит перед сидящим за верстаком ремесленником, который передает богине какое-то приношение⁵⁰.

В рассмотренных предметах, именно контекст определяет Афины, как Эрганы. В то же время, когда речь заходит об отдельных скульптурных изображениях богини, вне контекста, то тут мы попадаем в сферу неопределенности. Архаическую мраморную статую сидящей Афины, найденную на акрополе, часто представляют как Эргану⁵¹. Эта точка зрения базируется исключительно на определенных вариантах реконструкции предметов, которые богиня могла держать в согнутых в локте руках (ныне утраченных). Сторонники этой интерпретации реконструируют изображение богини как пряжи, полагая, что в согнутых в локте руках (ныне утраченных), она могла держать по прялке, или веретено и прялку⁵². Шерстопрядение и ткачество действительно являются ремеслами, наиболее плотно связанными с Афиной Эрганой, особенно в Афинах. На серии вотивных пинак с акрополя, рельефные изображения молодых женщин с прялкой и веретеном в руках тоже иногда интерпретируются как изображения Эрганы⁵³.

называемой Гомеровей Эпиграмме для Гончаров, поэт, от имени гончаров, призывает богиню протянуть руки над их печами, защищая, чтобы горшки и посуда хорошо обжигались, а потом так же хорошо продавались: Evelyn-White 2008, *Homer's Epigrams*, 14.

⁴⁹ Античное Собрание Государственных Музеев Берлина, F 2415; ок. 470 г. до н.э.: LIMK II, s.v. Athena, no. 48. Дело происходит в мастерской: за спиной богини на стене висят инструменты для работы с деревом; Афина, вероятно, лепит глиняную модель для бронзовой статуи. Ср. тондо краснофигурного килика, где изображена сидящая Афина, лепящая гигантскую скульптуру коня: Археологический Музей, Флоренция, V 57; LIMK II, s.v. Athena, no. 49.

⁵⁰ Музей Акрополя, Acr. 577; 480–470 гг. до н.э.: LIMK II, s.v. Athena, no. 52.

⁵¹ Музей Акрополя, Acr. 625; 530–520 гг. до н.э.: LIMK II, s.v. Athena, no. 18. Богиня, одетая в длинный хитон и эгиду с горгонейоном, представлена сидящей; голова и руки от локтей утрачены. Это самое раннее из сохранившихся крупномасштабных изображений богини. Скульптура была обнаружена, вторично использованной, т.е. вмонтированной в стену у северного подножия Акрополя в период поздней античности. Также эту статую иногда идентифицируют как ту, что была сделана скульптором Эндоем и посвящена неким Каллием, и которую Павсаний видел возле Эрехтейона. Paus. 1. 26. 4–5 (о Павсании и его описаниях статуй Афины на Акрополе, см. Scholl 2010); Osanna 2001; Meyer 2017, 156–157 с литературой.

⁵² См., например: Stucchi 1956, 127; Vlassopoulou 2003, 100–101; Consoli 2004, 15, 47–50, 54; Brøns 2017, 377–378. Подобная реконструкция статуи довольно эфемерна, так как опирается она на фрагментированную терракотовую статуэтку V в. до н.э., найденную на Сицилии; она изображает женщину в шлеме, скорее всего, Афины, с прялкой в поднятой левой руке: Di Vita 1952–54, см. ниже; Риджвэй (Ridgway 1992, 139) высказывает сомнения; другие (Heinrich 2006, 53 Anm. 384–38; Franssen 2011, 276 Anm. 1027) резко отрицают эту интерпретацию и реконструкцию, как спекулятивные. Другие возможные предметы в руках у сидящей Афины: фиала, копье, щит, шлем (см. Meyer 2017, 156–157).

⁵³ Музей Акрополя: Acr. 13054, 13055, 13057. LIMK II, s.v. Athena, 43; Schulze 2004, taf. 7, 33A–C; taf. 12, 48A–B. Как правило, женщины с саккосом на голове считаются изображениями приверженцев Эрганы, в то время как изображения женщин в такой же позе и с теми же атрибутами, но в полосе, обычно трактуются как изображения самой богини: см. Ridgway 1992, 139. Отметим тут, что именно эти изображения на пинаках послужили дополнительным стимулом для реконструкции прялки и веретена в руках мраморной статуи Афины, приписываемой скульптору Эндоему; см. предыдущую сноску.

Рис. 3. Терракотовая статуэтка Афины из Скорнаваке, Рагуза, Сицилия (по: Di Vita 1952–1954, 144–145, Fig. 2, 3)

Fig. 3. Terracotta Figurine of Athena from Scornavacche, Ragusa, Sicily (After: Di Vita 1952–1954, 144–145, Fig. 2, 3)

4.3. СИЦИЛИЯ: СКОРНАВАКЕ, КАМАРИНА, ГИМЕРА

Продолжая тему связи Афины Эрганы с шерстопрядением, рассмотрим все известные терракотовые статуэтки, предположительно изображающие богиню с “прядельными” атрибутами. Самое раннее из известных изображений Афины Эрганы с прялкой происходит из раскопок древнего Скорнаваке⁵⁴ (провинция Рагуза в южной части Сицилии), из района, где были открыты и жилые дома, и ремесленные мастерские. Сохранилась верхняя часть терракоты местного производства, представляющая собой фронтально сидящую (или стоящую) Афину в шлеме с поднятыми нащечниками; в левой согнутой руке, на уровне середины головы, она держит прялку с пряжей на ней (рис. 3).

На поселении Камарина, расположенном неподалеку от Скорнаваке, были найдены несколько статуэток прядущей Афины Эрганы⁵⁵. Стилистически эти статуэтки отличаются от Афины из Скорнаваке и датируются концом V – началом IV вв. до н.э. Несмотря на их фрагментированное состояние, общая иконография понятна. Богиня изображена в длинном хитоне, но без эгиды, сидящей на дифросе. Ее голова увенчана шлемом с тремя гребнями (один вариант иконографии), или полосом с одним центральным гребнем (второй вариант). Верхняя часть тор-

⁵⁴ Национальный Музей, Сиракузы, Сицилия: 1851 RG. Di Vita 1952–54, 144–145, fig. 2, 3. Поселение существовало с конца V по первую половину III вв. до н.э.; согласно автору первой публикации, статуэтка датируется самым концом V в. до н.э.: Di Vita 1952–54, 142–143.

⁵⁵ LIMC II, s.v. Athena, add. 18. Pisani 2008, 50–56, Tav. VIII. Статуэтки были найдены в печи для обжига, находящейся непосредственно за городской чертой: Pisani 2008, 22; 50–55.

са богини слегка наклонена вперед; в обеих руках, чуть согнутых в локтях, она держат перед собой веретено и прялку⁵⁶.

Святылище, раскопанное в пределах так называемого “восточного квартала” в Гимере, датируется VI–V вв. до н.э.⁵⁷ Вотивный материал оттуда – терракотовые и бронзовые статуэтки, а также посвятельные надписи – указывают на почитание там Афины в разных ипостасях⁵⁸. Найденный в святылище необычный тип терракоты послужил отправной точкой для дискуссии о существовании там и культа Эрганы⁵⁹. Терракота не сохранилась полностью: она представляет собой сидящую женскую фигуру в длинном хитоне. На голове у нее, так же, как и у некоторых статуэток из Камарины, полос, увенчанный гребнем шлема. Руки, в которых богиня предположительно держала какие-то атрибуты, утрачены. Интересно, что исследователи, настаивающие на идентификации этой статуэтки, как Эрганы, аргументируют это, ссылаясь на небольшой конический предмет, стоящий у правой ноги богини. Это – калаф, корзина, используемая в быту, помимо всего, для хранения пряжи. Таким образом, статуэтку восстанавливают, как Эргану-пряку с веретеном и прялкой в руках⁶⁰.

4.4. РОДОС

Согласно Пиндару (Pind. *Ol.* 7. 50–3), первые жители Родоса получили в дар от Афины ремесленные и артистические знания и навыки (τέχνη), и потому стали высокочлассными мастерами⁶¹. Афина преподнесла им этот подарок, несомненно, в своей ипостаси Эрганы. Возможно, эта мифическая традиция повлияла на развитие культа Афины Линдии на Родосе. Вотивы из ее святылища дают нам косвенные подтверждения о почитании богини в ипостаси Эрганы. Именно оттуда происходят две очень похожие терракотовые статуэтки статично сидящих женщин (рис. 4)⁶². Одна статуэтка сохранилась полностью: женская фигура одета в длинный хитон, на голове у нее полос, из-под которого спадает покрывало. В правой, лежащей на колене руке, она держит веретено, а левой прижимает к груди прялку с шерстью. На данный момент, положение левой руки и форма веретена родосских статуэток представляют ближайшую аналогию пантикапейской терракоте. Поскольку изображения прядения были хорошо известны в архаической и классической иконографической традиции, консенсус о статусе изображенных не был достигнут, и считается, что они могут представлять и богиню, и простых смертных⁶³.

⁵⁶ На одной из статуэток, у ног богини, возможно, стоит корзина – калаф.

⁵⁷ Allegro, Consoli 2010, 283–284; Consoli 2018, 18.

⁵⁸ Allegro, Consoli 2010, 283–293.

⁵⁹ Allegro, Consoli 2010, 293–294, fig. 10; Consoli 2010, 19–21; 2018, 28–36, fig. 9.

⁶⁰ Allegro, Consoli 2010, 293–294, fig. 10; Consoli 2010, 19–21; 2018, 28–36, fig. 9.

⁶¹ Подробный разбор седьмой Олимпийской песни, см. O’Sullivan 2005.

⁶² Blinkenberg 1931, pl. 102, no. 2217; Brøns 2017, 380.

⁶³ Виллинг считает, что доказательств для того, чтобы идентифицировать терракоты, как изображение самой Афины, недостаточно: Villing 1998, 154. С другой стороны, Di Vita 1952–1954 и Stucchi 1956 высказали версию, что некая афинская статуя послужила иконографическим прототипом для этих статуэток.

Рис. 4. Терракотовые статуэтки из святилища Афины Линдии на Родосе (по: Blinkenberg 1931, pl. 102, no. 2217)

Fig. 4. Terracotta Figurines from the sanctuary of Athena Lindia, Rhodes (After: Blinkenberg 1931, pl. 102, no. 2217)

Тем не менее, опосредованная иконографическая связь прослеживается между статуэтками из Линдоса и упомянутой Павсанием статуи Афины: согласно путешественнику, в Эрифрах (Малая Азия) в храме Афины Полиады, стояла большая деревянная статуя богини, сидящей на троне; ее голову венчал полос, а в обеих руках она держала по прялке (Paus. 7. 5. 9)⁶⁴. Это сообщение, если мы ему доверяем, может быть очень важно для дальнейшего понимания аспектов культа Эрганы: во-первых, прялки описаны как атрибут не просто статуи Афины, а ее культовой статуи; во-вторых, эта культовая статуя находилась в храме Афины Полиады. Все это может косвенно указывать на то, что и в Эрифрах культ Эрганы тесно пересекался с культом Полиады.⁶⁵

⁶⁴ Blinkenberg 1917, 19–20. Теоретически, Павсаний мог принять веретено за прялку: Villing 2004, 155. Разумеется, дату этой статуи определить невозможно, но материал, из которого она была сделана, несомненно, указывает на ее древность.

⁶⁵ Ср., например, IG II 2 4318. На вероятное существование культовой статуи Афины с копьем в правой и с прялкой в левой руке указывает традиция этого изображения на монетах Илиона (начиная

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря двум новым находкам на акрополе Пантикапея, стало очевидным, что географические и хронологические рамки распространения культа Афины Эрганы оказались значительно шире, чем предполагалось ранее. Граффито с посвящением Эргане и терракотовая статуэтка, изображающая Эргану, отстоят друг от друга хронологически, не менее, чем на половину столетия, что указывает на существование культа Афины Эрганы в Пантикапее на протяжении продолжительного времени. Факт наличия этих двух находок в Пантикапее второй половины VI–V вв. до н.э., не позволяет рассматривать эти посвящения, как отдельные эпизоды в религиозной практике Боспора и свидетельствует о присутствии культа Эрганы, как минимум в Пантикапее.

Появление пантикапейского посвящения Афине с эпиклезой Эргана подтверждает самостоятельного существования этого эпитета уже в VI – начале V вв. до н.э. не только в материковой Греции (Дельфы), но и на периферии греческого мира.

Закономерно было бы поставить вопрос о корнях культа Афины Эрганы, представленного в Пантикапее. На данный момент, одинаково вероятными видятся два варианта: Восточная Греция (Родос, Малая Азия) или Афины. Контакты Боспора с Восточной Грецией во второй половине VI – первой половине V вв. до н.э. на протяжении многих лет неоднократно подтверждались археологическими материалами⁶⁶. С другой стороны, в Пантикапее в архаических слоях всегда присутствовала расписная посуда аттического производства, удельный вес которой неуклонно возрастал и к концу столетия стал преобладающим⁶⁷. Интересно, что уже к концу VI в. до н.э., как по набору типов сосудов, так и по представленным на вазах сюжетам, а также по составу мастеров, пантикапейский материал практически совпадает с материалом, найденным непосредственно в Афинах⁶⁸. Напрашивается гипотеза, что с конца VI в. до н.э., расписная керамика привозилась в Пантикапей напрямую из Аттики, без посредников, что указывает на непосредственные прямые связи и с этим регионом⁶⁹. Регулярные контакты с Афинами подтверждаются также находками фрагментов аттических терракот конца VI – первой половины V вв. до н.э. Несмотря на это, на данном этапе вопрос о происхождении культа Эрганы на Боспоре разумно оставить открытым. Тем не менее, две уникальные находки с акрополя Пантикапея – посвянительное граффито и терракота, изображающая богиню, побуждают заново оценить значение и роль культа Афины на Боспоре в позднеархаическую и раннеклассическую эпохи.

с ок. 300 г. до н.э. и позже): Villing 1998, 148–151.

Интересно отметить, что Виллинг представляет культ Афины Эрганы как восточногреческий феномен, а истоки ее специфической иконографии с прялкой и веретеном в руках видит в визуальном синкретизме греческих малоазийских и ближневосточных традиций: Villing 1998, 156–159.

⁶⁶ Тугушева 2017, 107.

⁶⁷ Брашинский 1963, 34; Самар 2017, 171–173.

⁶⁸ Самар 2017, 173–175.

⁶⁹ Аттическая керамика из раскопок Пантикапея последних лет обрабатывается и готовится к публикации О.Ю. Самар (ГМИИ им. А.С. Пушкина). Мы благодарны О.Ю. Самар за высказанные по данному поводу соображения и гипотезы.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Agafonov, A., Samar, O. 2021: Concerning Athenian black-figure vases from Panticapaeum. In: G.R. Tsatskheladze, A. Avram, J. Hargrave (eds.), *The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th century BC–5th century AD): 20 Years On (1997–2017). Proceedings of the Sixth International Congress on Black Sea Antiquities (Constanța – 18–22 September 2017)*. Oxford, 511–523.
- Allegro, N., Consoli, V. 2020: L'Athene di Himera: la documentazione archeologica e le fonti letterarie. In: L. Grasso, F. Caruso, R. Gigli Patanè (eds.), *SIKELIKA HIERA. Approcci multidisciplinari allo studio del sacro nella Sicilia greca*. Catania, 283–297.
- Beazley, J.D. 1939: *La raccolta Benedetto Guglielmi nel Museo Gregoriano Etrusco*. Pt. I. *Ceramica* (Monumenti Vaticani di Archeologia e d'Arte. Vol. V). Città del Vaticano (Roma).
- Bérard, C. 1976: Le liknon d'Athéna: Sur un aspect de la procession des Chalkeia et en prolégomènes à une histoire de la vannerie grecque. *Antike Kunst* 19, 101–114.
- Bessonova, S.S. 1975: Zobrazhenn'ya Afiny za materialami Pivnichnogo Prichernomor'ya [Depictions of Athena according to the materials from the North Pontic Area]. *Arkheologiya [Archaeology]* 17, 23–38.
- Безсонова, С.С. 1975: Зображення Афіни за матеріалами Північного Причорномор'я. *Археологія* 17, 23–38.
- Blinkenberg, Chr. 1917: *L'Image d'Athana Lindia*. København.
- Blinkenberg, Chr. 1931: *Lindos. Fouilles de l'Acropole 1902–1914*. Pt. I. *Les Petits Objets*. Berlin.
- Bloesch, H. 1940: *Formen attischer Schalen von Exekias bis zum Ende des Strengen Stils*. Berne.
- Brashinskiy, I.B. 1963: *Afiny i Severnoe Prichenomor'ye v VI–II vv. do n.e.* [Athens and the North Pontic Area in the 6th–2nd centuries BC]. Moscow.
- Брашинский, И.Б. 1963: Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М.
- Brøns, C. 2017: *Gods and Garments. Textiles in Greek Sanctuaries in the 7th to the 1st Centuries BC*. Oxford–Philadelphia.
- Burkert, W. 1985: *Greek Religion*. Transl. by J. Raffan. Cambridge.
- Consoli, V. 2004: Atena Ergane. Sorgere di un culto sull'acropoli di Atene. *ASAA* LXXXII (Serie III.4.I), 31–60.
- Consoli, V. 2010: Elmo, fuso e conocchia. Per un'iconografia di Atena Ergane. *EIDOLA. International Journal of Classical History* VII, 9–28.
- Consoli, V. 2018: Atena Ergane e il Santuario del Quartiere Est a Himera. In: B. Sciarimenti (ed.), *Immagini dei Greci, immagini dai Greci*. Perugia, 11–52.
- Di Vita, A. 1952–54: Atena Ergane in una terracotta dalla Sicilia ed il culto della dea in Atene. *ASAA* 30–32, 141–154.
- Dörpfeld, W. 1889: Chalkothek und Ergane-Tempel. *AM* XIV, 304–313.
- Evelyn-White, H.G. 2008: *Hesiod, The Homeric Hymns, and Homerica* (Project Gutenberg [EBook #348]).
- Franssen, J. 2011: *Votiv und Repräsentation: statuarische Weihungen archaischer Zeit aus Attika und Samos*. Heidelberg.
- Furtwängler A.E. 1885: *Beschreibung der Berliner Vasensammlung im Antiquarium I*. Berlin.
- Guarducci, M. 1967: *L'Epigrafia Greca. I. Caratteri e storia della disciplina. La scrittura greca dalle origini all'età imperiale*. Roma.
- Giovagnorio, F. 2018: Atena Ergane sull'Acropoli di Atene. Analisi delle testimonianze epigrafiche. In: F. Camia, L. Del Monaco, M. Nocita (eds.), *Munus Laetitia. Studi Miscellanei offerti a Maria Letizia Lazzarini*. Vol. I–II. Roma, 43–59.
- Harrison, E.B. 1977: Alkamenos' Sculptures for the Hephaisteion: Pt. I. The Cult Statues. *AJA* 81.2, 137–178.

- Heinrich, F. 2006: *Das Epinetron: Aspekte der weiblichen Lebenswelt im Spiegel eines Arbeitsgeräts*. Rahden.
- Holtzmann, B. 2003: *L'Acropole d'Athènes: monuments, cultes et histoire du sanctuaire d'Athènes Polias*. Paris.
- Homolle, Th. 1901: Les derniers fouilles de Delphes. Le temple d'Athéna Pronaia. *La Revue de l'Art* II, 361–377.
- Hurwit, J.M. 2004: *The Acropolis in the Age of Pericles*. Cambridge.
- Jessen, O. 1907: s.v. Ergane. In: *RE* VI, 428–429.
- Karanika, A. 2001: Poetic Discourse in Athena's Cult Practices. In: S. Deacy, A. Villing (eds.), *Athena in the Classical World*. Leiden, 277–291.
- Korres, M. 1997: Die Athena-Tempel auf der Akropolis. In W. Hoepfner (Hrsg.), *Kult und Kultbauten auf der Akropolis: internationales symposium vom 7.–9.7.1995*. Berlin, 218–243.
- Meyer, M. 2017: *Athena, Göttin von Athen: Kult und Mythos auf der Akropolis bis in klassische Zeit*. Wien.
- Müller, J.M. 2010: '...weihte es der Athena'. Basen von Weihgeschenken für Athena auf der nachklassischen Akropolis. In: R. Krumeich, Ch. Witschel (Hrsg.), *Die Akropolis von Athen im Hellenismus und in der römischen Kaiserzeit*. Wiesbaden, 157–217.
- Muratova, M.B., Ilyina, T.A., Yu.N. Shorunova. 2017: Religiya i kul'ty v Pantikapee i Fanagorii [Religion and Cults in Panticapaeum and Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov, V.P. Tolstikov (eds.), *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva: katalog vystavki [Panticapaeum and Phanagoria. Two Capitals of the Bosporan Kingdom: Exhibition Catalogue]*. Moscow, 85–96.
- Муратова, М.Б., Ильина, Т.А., Ю.Н. Шорунова. 2017: Религия и культы в Пантикапее и Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов, В.П. Толстиков (ред.), *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства: каталог выставки*. М., 85–96.
- Namoylik, A.S. 2018: *Graffiti na keramicheskikh izdeliyakh iz Nimfeya kak istochnik po istorii bosporskogo goroda (po materialam iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha)* [Graffiti on the ceramics from Nymphaion as a source for the study of history of a Bosporan city (based on the materials from the State Hermitage)]. PhD Thesis. Saint Petersburg.
- Намойлик, А. С. 2018: *Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа): дисс. ... канд. ист. наук*. СПб.
- Osanna, M. 2001: Pausania sull'Acropoli. Tra l'Athena di Endoios e l'agalma caduto dal cielo. *MEFRA* 113, 321–340.
- O'Sullivan, P. 2005: Pindar and the Statues of Rhodes. *The Classical Quarterly* 55.1, 96–104.
- Perdrizet, P. 1903. Ἀθανᾶ Φαργῆνα – De quelques monuments figurés du culte d'Athéna Ergané. In: *Mélanges Perrot. Recueil de mémoires concernant l'archéologie classique, la littérature et l'histoire anciennes*. Paris, 259–267.
- Pearson, A.C. (ed.) 1917: *Fragments of Sophocles*. 3 vols. Cambridge.
- Pisani, M. 2008: *Camarina. Le terrecotte figurate e la ceramica da una fornace di V e IV secolo A.C.* Roma.
- Poulsen, F. 1908: Recherches sur quelques questions relatives à la topographie de Delphes. *Oversigt over det Kongelige Danske videnskabernes selskabs forhandling* 6, 331–425.
- Raubitschek, A.E. 1949: *Dedications from the Athenian Akropolis: A Catalogue of the Inscriptions of the Sixth and Fifth Centuries B.C.* Cambridge.
- Ridgway, B.S. 1992: Images of Athena on the Acropolis. In: J. Neils (ed.), *Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Athens*. Hanover–Princeton, 119–142.
- Roebuck, C. 1940: Pottery from the North Slope of the Acropolis, 1937–1938. *Hesperia* 9.2, 141–260.

- Rusyaeva, A.S. 2005: *Religiya pontijskikh grekov v antichmuyu epokhu. Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroev* [Religion of the Pontic Greeks in Antiquity. Myths. Sanctuaries. Cults of the Olympian Gods and Heroes]. Kiev.
- Русяева, А. С. 2005: Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святые места. Культы олимпийских богов и героев. Киев.
- Rusyaeva, A.S. 2010: *Graffiti Ol'vii Pontijskoj* [Graffiti from Olbia Pontica]. Simferopol.
- Русяева, А.С. 2010: Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь.
- Samar, O.Yu. 2017: Attichesкая расписная керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1945–2017 годов [Attic painted ceramics of the Archaic period from the excavations at Panticapaeum in 1945–2017]. In: V.P. Tolstikov (ed.), *Drevneyshiy Pantikaпey. Ot apoikii k gorodu* [Ancient Panticapaeum. From Apoikia to a City]. Moscow, 163–198.
- Самар, О.Ю. 2017: Аттическая расписная керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1945–2017 годов. В сб.: В.П. Толстиков (ред.), *Древнейший Пантикапей. От апоикии к городу*. М., 163–198.
- Santi, F. 2010: *I frontoni arcaici dell'Acropoli di Atene*. Roma.
- Schmidt, R. 2010: Mädchen im Heiligtum. Die Arrhephoren auf der Akropolis im Hellenismus und in der Kaiserzeit. In: R. Krumeich, Ch. Witschel (Hrsg.), *Die Akropolis von Athen im Hellenismus und in der römischen Kaiserzeit*. Wiesbaden, 219–231.
- Scholl, A. 2010: 'Es sind da auch alte Athena-Statuen...' Pausanias und die vorpersischen Akropolisvotive. In: R. Krumeich, Ch. Witschel (Hrsg.), *Die Akropolis von Athen im Hellenismus und in der römischen Kaiserzeit*. Wiesbaden, 251–269.
- Schreiber, T. 1999: *Athenian Vase Construction: A Potter's Analysis*. Malibu.
- Schultze, B. 2004: *Die Votivtafeln der archaischen und klassischen Zeit von der Athener Akropolis*. Möhnesee.
- Schwyzer, E. 1960: *Inscriptionum Graecarum exempla epigraphica potiora*. Hildesheim.
- Serghidou, A. 2001: Athena Salpinx and the Ethics of Music. In: S. Deacy, A. Villing (eds.), *Athena in the Classical World*. Leiden, 57–74.
- Shaub, I.Yu. 2007: *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII–IV vv. do n.e.* [Myth, Cult, and Ritual in the North Pontic Area of the 7th – 4th centuries BC]. Saint Petersburg.
- Шайб, И.Ю. 2007: Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб.
- Simon, E. 1983: *Festivals of Attica: An Archaeological Commentary*. Madison–Wis.
- Stucchi, S. 1956: Una recente terracotta siciliana di Atena Ergane ed una proposta intorno all'Atena detta di Endoios. *RM* 63, 122–128.
- Suk Fong Jim, Th. 2014: *Sharing with the Gods. Aparchai and Dekatai in Ancient Greece*. Oxford.
- Tosto, V. 1999: *The Black-Figure Pottery Signed Nikosthenes Epioiesen* (Allard Pierson Series 11). Amsterdam.
- Tugusheva, O.V. 2017: Vostohnogreheskaya керамика из раскопок Пантикапея 1945–2017 годов. Obshchaya kharakteristika [East Greek ceramics from the excavations at Panticapaeum in 1945–2017]. In: V.P. Tolstikov (ed.), *Drevneyshiy Pantikaпey. Ot apoikii k gorodu* [Ancient Panticapaeum. From Apoikia to a City]. Moscow, 94–140.
- Тугушева, О.В. 2017: Восточногреческая керамика из раскопок Пантикапея 1945 – 2017 годов. Общая характеристика. В сб.: В.П. Толстиков (ред.), *Древнейший Пантикапей. От апоикии к городу*. М., 94–140.
- Ulrichs, H.N. 1863: *Reisen und Forschungen in Griechenland*. Bd 2. *Topographische und archäologische Abhandlungen*. Berlin.
- Ure, P.N. (ed.) 1927: *Sixth and Fifth Century Pottery from Rhitsona*. London–Milford.
- Villing, A. 1998: Athena as Ergane and Promachos: the iconography of Athena in Archaic East Greece. In: N. Fisher, H. van Wees (eds.), *Archaic Greece: New Approaches and New Evidence*. London–Swansea, 147–168.

- Vinogradov, Yu. G. 1974: Prochus Miniidy iz Pantikaпeя [Prochus of Miniis from Panticapaeum]. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History] 4, 56–67.
- Виноградов, Ю.Г. 1974: Прохус Минииды из Пантикапея. *ВДИ* 4, 56–67.
- Vlassopoulou, Chr. 2003: *Attikoi anaglyphoi pinakes tēs archaikēs epochēs*. Athēna.
- Wagner, C. 2001: The Worship of Athena on the Athenian Acropolis: Dedications of Plaques and Plates. In: S. Deacy, A. Villing (eds.), *Athena in the Classical World*. Leiden, 95–104.
- Yaylenko, V.P. 2018: Istoriografiya i metodika raboty s drevnegrecheskimi graffiti [Historiography and methods of working with the ancient Greek graffiti]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 10, 479–520.
- Яйленко, В.П. 2018: Историография и методика работы с древнегреческими граффити. *МАИАСК* 10, 479–520.

ATHENA ERGANA IN PANTICAPAEUM

Andrey V. Agafonov¹, Maya B. Muratov²

¹ Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia

² Adelphi University, Garden City, United States of America;
Metropolitan Museum of Art, New York, United States of America

¹ E-mail: agathonov@yandex.ru ² E-mail: mmuratov@adelphi.edu

This is the first publication of two unique finds from the acropolis of Panticapaeum: a lip fragment of a black-figure kylix with a dedicatory graffito to Ergana and a terracotta figurine depicting the goddess. Until the discovery of these two artifacts, the cult of Athena Ergana has been attested neither in the North Pontic Area, nor in Panticapaeum. Written sources testify to the presence of the cult of Athena Ergana in such important cult centers of Hellas as Delos, Epidauros, and Delphi, while the data of fine arts, primarily terracotta figurines, expand the known area of the cult of Ergana to Eastern Greece (Asia Minor, Rhodes) and Sicily, and now to Bosphorus. The authors collect and analyze the recorded epigraphic, archaeological, and iconographic evidence for the cult of Athena Ergana in various parts of the Oikumene. The appearance of the Panticapaeum dedication to Athena with Ergana confirms the independent existence of this epithet already in the 6th – early 5th centuries BC, not only in mainland Greece (Delphi), but also on the periphery of the Greek world. The dedicatory graffito and a terracotta depicting a goddess from Panticapaeum inspired authors to re-evaluate the significance and role of the cult of Athena in Bosphorus in the Late Archaic and Early Classical periods.

Keywords: Northern Black Sea, Cimmerian Bosphorus, Panticapaeum, Athena Ergana, Athena Polias, cult, dedicatory graffito, terracotta figurine

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 55–68
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 55–68
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-55–68

АМФОРНЫЙ КОМПЛЕКС ДОМА 888 НА «ВЕРХНЕМ ГОРОДЕ» ФАНАГОРИИ

А.А. Завойкин

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: bospor@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1576-5802

Статья посвящена исследованию хронологии одного из домов архаического времени на «Верхнем городе» Фанагории, расположенного на перекрестке двух магистральных улиц, определявших структуру планировки данного района города с древнейших времен. В центре внимания автора амфоры, которые использовались в этом домохозяйстве. Шесть амфор (пять ионийских / «прото-фасосских», одна – лесбосская красной глины) стояли в ряд у стены, вкопанные в углу одного из помещений (№ 2), вероятно, хозяйственного назначения. Они служили для хранения жидких или сыпучих продуктов. Горло и верхняя часть других двух амфор (хиосских) тоже были установлены вертикально, но в перевернутом положении, венцом вниз. Они использовались в качестве «очагов» или «печей» с бытовыми или ремесленными целями. Горло одной амфоры, расположенное в юго-восточном углу одного помещения (№ 2), датируется финалом третьей четверти VI в. до н.э. Верхняя часть другой амфоры найдена у стены в другом помещении (№ 3). Она была обмазана глиной, следовательно, её использовали как стационарную печь. Эта амфора относится к числу наиболее ранних пухлогорлых тарных сосудов, которые в целом датируются ок. 525–490/480 гг. до н.э. Для анализа времени строительства, жизни и разрушения домовладения эти амфорные находки особенно значимы. Именно они дают надежные хронологические ориентиры (*terminus post quem* / *terminus ante quem*), позволяющие обосновать место этого архитектурного комплекса в планировке данного района городской застройки древнейшего строительного периода. С учетом датировки находок из ямы, которая предшествовала сооружению этого дома, его строительство следует отнести не позднее, чем к рубежу первого и второго десятилетия жизни Фанагории (ок. 535/530 гг. до н.э.), а прекращение его жизни – в пределах последних двух десятилетий VI в. до н.э.

Ключевые слова: Фанагория, Верхний город, архаика, планировка, дом, амфоры, стратиграфия, хронология, периодизация.

Данные об авторе: Алексей Андреевич Завойкин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН.

Судьба и вся научная жизнь одного из наших юбиляров, В.Д. Кузнецова, неразрывно связана с Фанагорией, где он впервые приобщился премудростей классической археологии пятьдесят лет назад. Другой, А.А. Масленников – в прошлом году отметил полвека первого своего «визита» в этот древний город, но в дальнейшем построил свою научную биографию за пределами городов, исследуя главным образом памятники их сельской округи. Поэтому не следует удивляться, что я, – неразрывно связанный дружбой с обоими юбилярами, с одной стороны, а с городом Фанагора с другой, – не нашел лучшей темы для того, чтобы посвятить дважды знаменательному событию статью о «столице азиатских боспорцев»¹. А говоря конкретнее – затронуть один из сложных аспектов в исследовании этого «замечательного города» (πόλις ἄξιόλογος – Strab. XI. 2. 10).

Многолетние раскопки на «Верхнем городе» Фанагории позволили открыть на значительной площади древнейшие слои города, начиная с момента его основания². Сложный рельеф местности, многочисленные перестройки этого района и еще более многочисленные вторжения в культурный слой хозяйственных ям поздних эпох обусловили не очень хорошую сохранность (а иной раз и почти полное уничтожение) строительных объектов архаического времени, их «обрывочность». И это сильно усложняет изучение планировки исторического ядра Фанагории, реконструкцию образующих ее инфраструктурных элементов, которые в течение времени изменялись. В этих условиях приходится много внимания уделять хронологии открытых раскопками объектов. И только на этой основе возможно представить обоснованный генеральный план застройки исследованного района по периодам. В настоящей статье внимание сконцентрировано на вопросах хронологии одного из архитектурных комплексов эпохи архаики.

В 2021–2022 гг. в северо-западном углу раскопа «Верхний город» были исследованы остатки одной из древнейших городских построек – домовладения (№ 888), которое располагалось на перекрестке двух магистральных улиц. Одна из них («главная») пролегла с запада на восток, с севера к ней под прямым углом примыкала другая улица. Задачей настоящей статьи является хронологический анализ амфор и их частей, которые были обнаружены в интерьере здания *in situ* и выполняли определенные функции в ходе жизнедеятельности дома³. Очевидно, что такого рода вещи особенно важны для определения времени строительства, жизни и гибели архитектурного объекта, поскольку в отличие от находок, связанных с финальным эпизодом функционирования постройки (т.е. с ее разрушением), эти предметы дают возможность приблизиться к решению наиболее сложного вопроса – о дате строительства здания. Проблема здесь состоит в том, что зачастую датировка сооружения самых ранних построек, стены которых стоят на поверхности материка, определяется самим этим фактом и не подкреплена иными стратиграфическими обстоятельствами или вещевым материалом⁴. К счастью, в данном случае дело обстоит по-другому.

¹ Работа выполнена в рамках НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

² Общая площадь раскопа превысила 3000 м².

³ Полная публикация этого архитектурного комплекса и находок из него в мою задачу не входит.

⁴ См. Кузнецов 2011, 123–128. Исследователь подчеркивает, что «... одна из сложных проблем заключается в их (домов. – А.З.) датировке. Дело в том, что в процессе исследований остатков того

Итак, открытое частично домохозяйство, стены построек которого целиком сложены из сырцового кирпича, имело довольно значительные размеры. В пределах исследованной площади оно занимало, при грубом подсчете, около 74 м², а принимая во внимание то, что неизвестные его части «уходят» в западный и северный борта, очевидно: общая площадь домовладения, вероятно, составляла не менее 100 м², а не исключено – заметно больше⁵. Внутреннее пространство дома с определенной долей условности разделялось на три помещения⁶. Нас будут интересовать находки из двух – восточного (пом. 2), вероятно, хозяйственного назначения, и западного (пом. 3).

В северо-восточном углу восточного помещения, вплотную к внешней восточной стене (2/888) обнаружены шесть амфор⁷, поставленные в ряд вертикально в вырытой в материковом песке ниже поверхности пола траншее, восточный бортик которой был облицован сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро (рис. 1). На момент открытия верхние части этих тарных сосудов отсутствовали. Четыре из них (б-д) сохранились только ниже дна поздней ямы (№ 413), в контуре которой они оказались. Две амфоры (а, е) располагались вне границ этой ямы, однако высоту они сохранились лишь незначительно больше, чем другие. Внутри амфор обнаружены обломки верхних их частей, но не все, и только в двух из них (г, в) обломки позволили полностью восстановить форму, а в одной (д) без верхнего края венчика, а у двух амфор (б, е) венцы отсутствуют, у одной (а) нет горла вовсе. В принципе этого достаточно для утверждения, что на момент гибели дома эти амфоры стояли в углу помещения целыми. Другой вопрос: использовались они вторично для хранения жидких (едва ли сыпучих) продуктов или воды, или же в них содержался продукт, доставленный в Фанагорию морем. Но в любом случае, с учетом их сохранности, датировка этих амфор может быть принята как *terminus ante quem* для определения времени строительства и жизни дома, хотя остается неведомым, насколько раньше окончания его жизни амфоры были вкопаны в углу помещения 2.

Пять из шести амфор – ионийские «на сложнопрофилированной ножке» (для которых принято также ошибочное определение «прото-фасосские»⁸), одна – красноглиняная лесбосская. Ионийские пифоидные амфоры (рис. 2, 2–б) относятся к первой или второй серии по классификации С.Ю. Монахова, который в целом датирует их от середины – третьей четверти VI до начала V в. до н.э., отмечая при этом, что амфоры последней четверти VI – начала V в. до н.э. отличаются более

или иного здания в нем находят по преимуществу артефакты последнего этапа жизни постройки. Соответственно, определить время ее строительства представляется во многих случаях трудной задачей».

⁵ Ср.: «Сопоставление размеров архаических городских наделов показывает, что минимально приемлемая площадь ойкопедона в городах Северного Причерноморья составляла порядка 110–150 м², однако могла быть и вдвое больше» (Чистов, 2022, 31).

⁶ Средняя часть помещения 2 (восточное) в нескольких местах прорезана ямами, а помещение 3 (западное) почти полностью уничтожено строительным котлованом подвала IV в. до н.э. (о нем см.: Завойкин и др. 2022). По этой причине нельзя судить о возможном их разделении и планировке. Помещение 1 (северное) открыто лишь в южной своей части; судя по тому, что пол в нем вымощен сырцовыми кирпичами, оно было «главным» в доме.

⁷ Амфорам присвоены буквенные индексы, с севера на юг: а, б, в, г (лесбосская), д, е.

⁸ См.: Завойкин 2018, 143–145; Birzescu 2012, 110, 113.

Рис. 1. Дом № 888, помещение 2: 1, 2 – амфоры в СВ углу, виды с запада и ЮЗ; 3 – северная часть траншеи, в которой были установлены амфоры
Fig. 1. House No. 888, Room 2: 1, 2 – amphorae in the NE corner, views from W and SW; 3 – the northern part of the trench in which the amphorae were installed

вытянутыми пропорциями, меньшим диаметром ножки⁹. Таким образом, амфоры из Фанагории следует уверенно относить к третьей четверти VI в. до н.э. Лесбосская амфора (рис. 2, 1), по классификации того же исследователя, относится к архаическому типу, варианту I-A, стандарту емкостью ок. 22,4 л, финал которого отнесен к третьей четверти VI в. до н.э. (именно в это время «плоская ножка-поддон исчезает, на смену ей приходит коническая ножка»)¹⁰. Амфора из Фанагории, несомненно, более поздняя, чем тарные сосуды того же центра производства из яркого по составу находок комплекса третьей четверти VI в. до н.э., открытого на Цитадели Ольвии¹¹, но предшествует амфорам из комплекса Q 12:3 афинской агоры, датированного в пределах 520–480 гг. до н.э.¹² Насколько возможно судить, фанагорийская амфора относится к финальному этапу развития формы варианта A «архаического типа» (переходная форма от типа 2 к типу 3, по классификации Ю. Бырзеску¹³).

Как мы видим, состав амфор в северо-восточном углу помещения 2 в хронологическом отношении однороден, датировка этого комплекса едва ли далеко выходит за пределы третьей четверти VI в. до н.э. Но, к сожалению, уточнить эту датировку на его собственной основе не представляется возможным. Поскольку мы исходим из того, что время установки амфор в помещении сравнительно близко моменту прекращения жизни дома, имеет смысл, прежде чем характеризовать другие амфорные находки из него, несколько строк посвятить обломкам керамической тары, обнаруженным в яме (№ 902), располагавшейся под полом и стеной-перегородкой между помещениями 2 и 3¹⁴. Наряду с фрагментами хиосских с воронковидным горлом ранней серии («ранняя» третья четверть VI в. до н.э.), здесь обнаружены фрагменты амфор Клазомен, лесбосских красной глины, ионийских «на сложнопрофилированной ножке» (первой/второй серии, по Монахову), но особенно, на мой взгляд, диагностично присутствие в комплексе верхней части милетской амфоры. Несмотря на масштабные исследования архаического слоя в Фанагории, находки небольших фрагментов милетских амфор с уступами под венцом остаются единичными. Объяснять, на мой взгляд, это следует тем, что на момент основания Фанагории (или вскоре после того) производство этих амфор практически прекратилось (или же прекратился их импорт в регион), хотя какое-то непродолжительное время они еще «бытовали»¹⁵. Поскольку эксплуа-

⁹ Монахов 2003, 39–40, табл. 23, 1, 4, 5. Дата появления этих амфор на памятниках Северного Причерноморья убедительно подтверждается материалами раскопок Борисфена (см. Чистов и др. 2012, 23, 63).

¹⁰ Ср.: Монахов 2003, 48, табл. 30, 3; Буйских, Монахов 2009, 128. Я сейчас не буду обсуждать хронологию этой трансформации ножки, поскольку для Фанагории, основанной в 40-х годах VI в. до н.э., этот вопрос не актуален. Отмечу только, что конические ножки красноглиняных лесбосских фиксируются Д.Е. Чистовым на Березани в комплексах Периода I. Важно подчеркнуть, что исследователи указывают на то, что амфоры «более позднего типа», варианта I-A по Монахову, характерны для поздних комплексов этого периода, датированных около середины VI в. до н.э. (например, см.: Чистов и др. 2012, 22, 163, табл. 6, 22–24 (СК № 39), 164, табл. 7, 14 (СК № 35).

¹¹ Буйских, Монахов 2009, 128, рис. 4, 2, 3.

¹² Roberts 1986, 63–65, fig. 41, pl. 15, nos. 408–411.

¹³ Cf. Bîrzescu 2012, 38, 258, Abb. 10, Taf. 17. 345 (тип 2); 40, Abb. 11 (тип 3).

¹⁴ Подробно и в более широком контексте этот комплекс рассмотрен в другом месте (Завойкин, Чашук 2023). Здесь информация дана обзорно.

¹⁵ Завойкин 2014, 160–61; 2018, 141–142, рис. 2, 1–3.

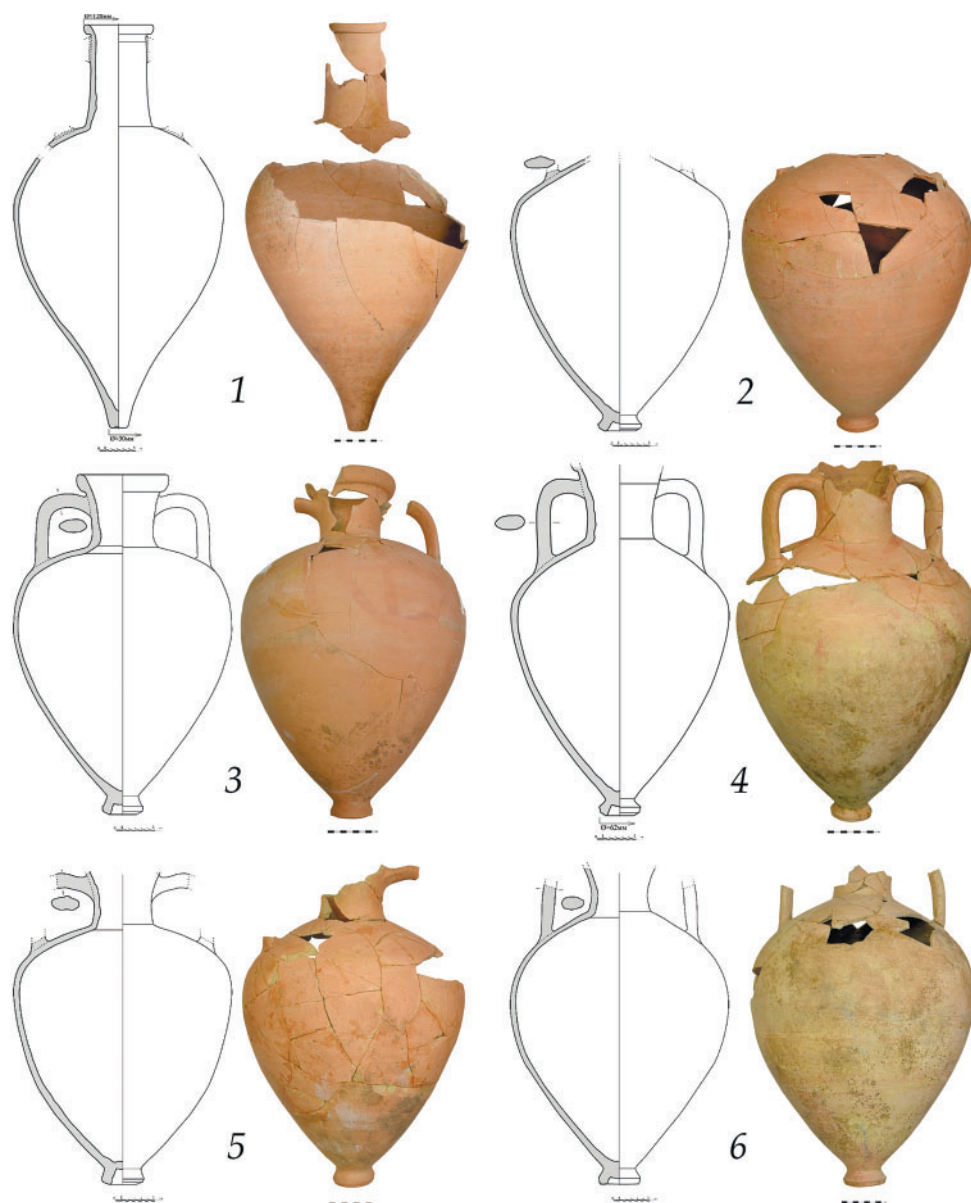

Рис. 2. Амфоры из СВ угла помещения 2: 1 – лесбосская красноглиняная (г) 2–6 – ионийские «на сложнопрофилированной ножке» (а, в, д, б, е)

Fig. 2. Amphorae from the NE corner of Room 2: 1 – Lesbian red clay (d); 2–6 – Ionian amphorae with double-beveled toe (a, c, e, b, f)

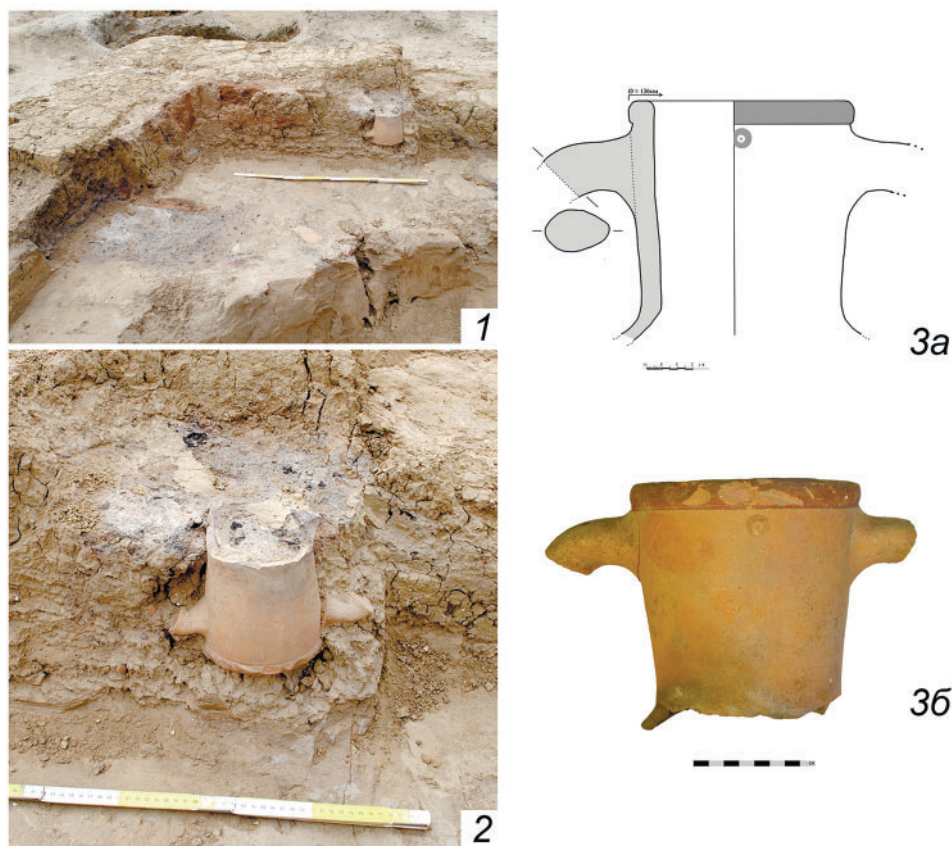

Рис. 3. Остатки печи и горла-очага в ЮВ углу помещения 2: 1 – вид с севера; 2 – горло хийской амфоры *in situ*; 3a, б – то же, чертеж и фото

Fig. 3. Remains of a furnace and a throat-hearth in the SE corner of Room 2: 1 – view from N; 2 – neck of the Chian amphora *in situ*; 3a, b – the same, drawing and photo

тация ямы долговременной быть не могла, присутствие в ее засыпи крупного обломка милетской амфоры дает основание датировать этот грунтовый объект в пределах первого десятилетия жизни новой колонии, максимум – полутора (ок. 545–535/30 гг. до н.э.), хотя реальный срок её использования, безусловно, был значительно короче¹⁶.

Наряду с данным фактом в пользу того, что дом был построен не в первые же годы (год?) после основания Фанагории, свидетельствует и то, что южные части внешних стен (1 и 2) лежали не непосредственно на поверхности материка, а на сером перемешанном песчанисто-глинистом слое, находки из которого, к сожалению, были невыразительны.

¹⁶ Принципиально этой датировке не противоречат другие находки из ямы, в том числе расписная керамика, хотя «верхняя» дата некоторых групп этой керамики выходит за указанные пределы (см. Завойкин, Чашук 2023).

Еще один обломок амфоры, который использовался вторично в процессе жизнедеятельности дома – это горло хиосской амфоры, которая располагалась вблизи от юго-восточного угла помещения 2, где были открыты остатки печи, сооруженной из сырцовых кирпичей (рис. 3, 1, 2). Горло принадлежало тарной амфоре «с воронковидным горлом» (рис. 3, 3а, б) наиболее поздней серии «раннего варианта» (II-A, по С.Ю. Монахову)¹⁷. Разумеется, точную датировку амфорам с подобными характеристиками горла дать невозможно. В качестве ориентировочного (условного) я бы предложил интервал приблизительно между 535/530 и 525/520 гг. до н.э.

Горло хиосской амфоры было установлено вплотную к южной стене вертикально, венцом вниз. Его заполняли продукты горения – мелкие угольки и зола. По всей видимости, этот обломок амфоры использовался в качестве переносного «очага-жаровни». Примеры такого использования верхних частей амфор многочисленны. Соседство со стационарной прямоугольной печью в углу помещения невольно заставляет вспомнить несколько несомненно засвидетельствованных в Фанагории случае вторичного использования амфорных частей в качестве деталей в приспособлениях для высокотемпературного ремесленного производства (горны), притом зачастую в тандеме с открытыми (низкотемпературными) глинобитными печами¹⁸. Впрочем, никаких следов трубы для нагнетания воздуха или иных признаков ремесленной деятельности в данном случае выявлено не было. Более того, если допустить, что это горло представляет собой остатки топочной части горна, относящегося к жизни дома, оно должно было быть заглублено относительно уровня пола (и стен) в материк, а это не так: венчиком горло опирается на поверхность «пола»¹⁹. Иначе говоря, если бы это был горн – он должен был прорезать развал стен дома (до материка).

Еще один интересный пример вторичного использования амфоры в доме обнаружен в соседнем, западном помещении. Здесь в 0,30 м от внутреннего фаса внешней стены (2/888), вплотную к западному борту раскопа найдена вкопанная горлом вниз хиосская амфора (без нижней трети) (рис. 4, 1). Примерно на треть она была заполнена продуктами горения, аналогичными по характеру и структуре заполнению описанного выше горла (рис. 4, 3, 4). Но в отличие от него она точно не могла служить переносным очагом-жаровней. Дело в том, что эта амфора была обмазана светло-желтой глиной, прилегающая к керамике поверхность которой от воздействия высокой температуры раскаленных стенок амфоры приобрела

¹⁷ Ср. Монахов 2003, 15–16, табл. 3, 2. Не путать с «поздним вариантом» II-B, который С.Ю. Монахов (по-моему, ошибочно) датирует концом VI – началом V в. до н.э. Яркий образец этого варианта, согласно классификации исследователя, – амфора из Ташлы Яра (там же, табл. 3, 3) демонстрирует плавный переход от типа II (с воронковидным горлом) к типу III (пухлогорлые). Весьма примечательно, что позднее амфора с воронковидным горлом из архаического дома № 17 в Пантикапее (ее горло, 118 мм высотой, аналогично фанагорийскому) была отнесена к раннему варианту пухлогорлых (III-A) и датирована последней третью VI в. до н.э., тогда как остальные амфоры этого же варианта датируются двумя последними десятилетиями того же столетия (Монахов и др. 2020, 87, Ch. 3; 89, Ch. 5).

¹⁸ См. Завойкин, Кузнецов 2019, 93–94.

¹⁹ Здесь и далее слово «пол» даю в кавычках, поскольку как особая конструкция он не зафиксирован (по заполнению грунта над материком выделяется лишь уровень жизни), в отличие от пом. 1, где пол представлял собой вымостку из сырцовых кирпичей.

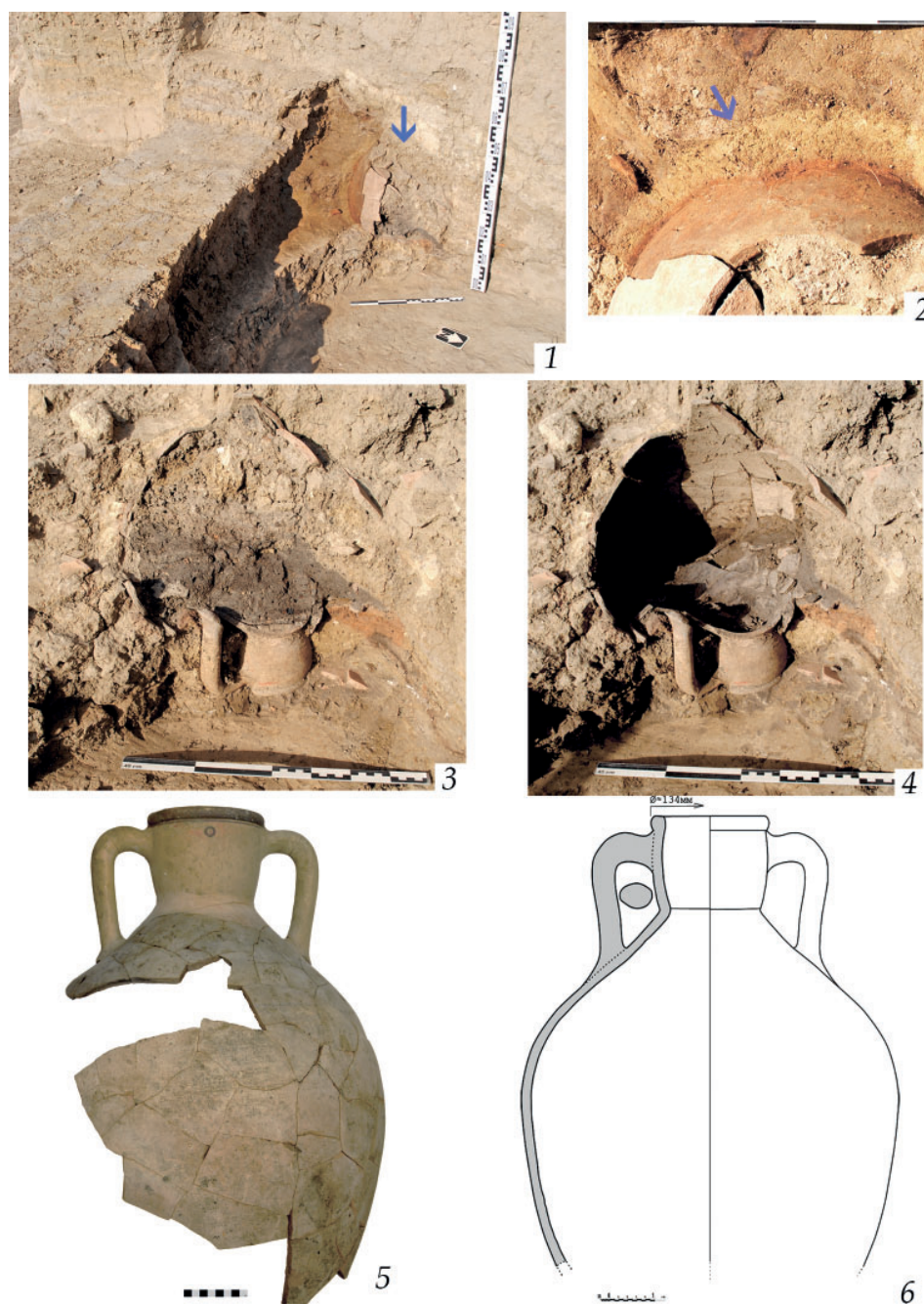

Рис. 4. Амфора-печка в помещении 3: 1 – общий вид с СВ; 2 – глиняная обмазка стенок (деталь); 3, 4 – вид с С-СВ до и после удаления заполнения; 5 – фото; 6 – прорисовка
 Fig. 4. Amphora-stove in Room 3: 1 – general view from NE; 2 – clay coating of the walls (detail); 3, 4 – view from N–NE before and after removal of filling; 5a, b – photo of the neck of the amphora (side and top views)

оранжево-бурый оттенок («печина») (рис. 4, 2)²⁰. Следовательно, о перемещениях этого устройства говорить не приходится. Как и в предыдущем случае, у нас нет оснований для утверждения, что мы имеем дело с остатками горна. Даже принимая во внимание, что северо-восточная часть тулова амфоры не сохранилась, и поэтому полностью отрицать вероятность примыкания с этой стороны «трубы» для нагнетания воздуха в топку, вроде бы, нельзя. Важнее то, что, как и в предыдущем случае, венчик амфоры стоит на уровне «пола», а сама она перекрыта развалом стен, а не прорезает его.

Остановимся на хронологической характеристике амфоры. Она относится к числу хиосских пухлогорлых раннего варианта (III-A)²¹. Тарные сосуды этого варианта в целом датируются между 425 и 490/80 гг. до н.э. Эта датировка опирается на хрестоматийно известный комплекс афинской агоры Q 12:3²². Наиболее ранние тарные сосуды этого варианта, как было отмечено (прим. 17), относят к последней трети / последним двум десятилетиям VI в. до н.э. Наша амфора, судя по соотношению диаметров на уровне ручек и перехода горла в крутое плечо (сохраняется «воронковидность»), относится именно к числу этих наиболее ранних образцов. Таким образом, амфору, из которой была сооружена «печка», допустимо датировать примерно 525/20–500 гг. до н.э., а саму эту дату можно принять в качестве *terminus post quem* для установления времени завершения жизни домохозяйства в целом.

Вопрос о том, насколько позже указанной даты произошло данное событие? Находки из помещений²³ не позволяют «передвинуть» дату гибели дома относительно *terminus post quem* более, чем на одно-два десятилетия. Таким образом, в особенности с учетом общей стратиграфии исследованного района города²⁴, вполне вероятной датой разрушения предположительно можно было бы считать примерно 480 г. до н.э.

Уточнить эту дату могли бы находки из объектов, которые перекрыли руины дома. Однако стратиграфическая ситуация в этом месте такова, что непосредственно над остатками архаического дома залегал слой позднеантичного времени²⁵. Сохранился лишь один такой объект – вымостка (№ 884) «главной» улицы, которая северным краем перекрыла остатки южной стены дома и его ЮВ угол. Эта вымостка (также как другие древнейшие вымощенные черепками участки улиц, № 882 и 885)²⁶ синхронна соседнему храму (№ 870). Этот храм был возведен после 530–520 гг. до н.э. на месте другого дома (№ 869), построенного одновременно с рассматриваемым домом (№ 888). Жизнь этой культовой постройки завершилась на рубеже первой и второй четверти V в. до н.э. Исходя из этого

²⁰ Толщина обмазки стенок тулова 2–3 см, а прилегающей к горлу – до 5–7 см.

²¹ Монахов 2003, 16–17, табл. 3, 5, 6.

²² Финальная датировка комплекса находок из этого колодца, в том числе хиосских данного варианта, определяется его засыпкой времени персидского разгрома (Roberts, 1986, 4 f., 9, 66, 67, nos. 419, 420, fig. 42. Pl. 18).

²³ См. Кузнецов 2022/3, рис. 109–116.

²⁴ Абрамзон и др. 2019, 6–7.

²⁵ Завойкин и др. 2022, 181 и прим. 4.

²⁶ Уличные вымостки относятся к числу наиболее сложных для определения времени их сооружения объектов. В целях экономии места находки из них здесь не рассматриваются.

факта и с учетом хронологии амфоры-печки в пом. 3 (см. выше), финальную дату жизни дома № 888 в любом случае невозможно отнести позже, чем к 500 г. до н.э.

Кроме вымостки, из интересных для нас объектов здесь представлены нижние части углубленных относительно горизонта разрушения дома № 888 сооружений²⁷. Речь идет о котловане (№ 899), который прорезал слой гибели и пол в пом. 1. К сожалению, находки из него немногочисленны²⁸. Найденная здесь керамика датируется *не позднее* 480 г. до н.э.

В качестве объектов, прорезающих остатки дома, можно рассматривать также котлован (№ 911) у южной стены пом. 3 и яму (№ 912), которая прорезала (?) ЮВ часть этого котлована. Однако несомненно лишь то, что эти объекты не могли существовать одновременно с домом: они либо предшествуют его строительству, либо были выкопаны после того, как жизнь в нем прекратилась²⁹. Самые поздние находки из котлована и ямы (из амфор – это фрагменты «ранних пухлогорлых») датируют их засыпку *не раньше* 525 г. и *не позднее*, чем 480 г. до н.э.³⁰ В целом же находки из этих объектов в хронологическом отношении вполне соответствуют находкам из помещений дома (от третьей четверти VI в. до 480 г. до н.э.). Как мы видим, датировка находок из этих объектов в принципе не противоречит выводу о завершении жизни дома № 888 в пределах последней четверти VI в. до н.э.

Таким образом, предложенная дата окончания жизни дома может быть принята в качестве установленного ориентира (*terminus ante quem* – ок. 500 г. до н.э.), а продолжительность всего периода его жизни оценена примерно в три-четыре десятилетия (ок. 540/530–500 гг. до н.э.).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д., Сапрыкина, И.А. 2019: Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории. *Нуранис* 1, 5–27.
- Буйских, А.В., Монахов, С.Ю., 2009: Керамический комплекс третьей четверти VI в. до н.э. *NORTIA VI*. Воронеж, 125–145.
- Завойкин, А.А. 2014: Амфоры «Самос/Милет» в Фанагории: некоторые проблемы хронологии. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии* (XV Боспорские чтения). Керчь, 160–167.
- Завойкин, А.А. 2018. Амфорные материалы из древнейшего слоя Фанагории. *КСИА* 252, 138–152.

²⁷ Позднеантичные и раннесредневековые ямы (№ 413, 473, 486), так же, как подвал (№ 874), разумеется, не рассматриваем.

²⁸ В пределах раскопа оказался только ЮВ угол котлована, его контуры зафиксированы лишь с уровня пола помещения, относительно которого он углублен в материк всего на 0,23 м.

²⁹ Большая (северная) часть обоих объектов уничтожена подвалом (№ 874) IV в. до н.э. Нижняя сохранившаяся их часть была перекрыта южной стеной этого подвала и его полом из сырцовых кирпичей (Завойкин и др. 2022, 181, 195, рис. 1). Юго-восточный край ямы (№ 912) был зафиксирован только с уровня «пола» пом. 3. Контуры котлована (№ 911) выявлены сразу под сырцом пола подвала, а за его пределами – ниже уровня пола в пом. 3 дома. Разделение этих грунтовых объектов между собой стало возможным лишь на уровне дна котлована, поэтому не исключено и даже вероятно, что частично находки из них были «смешены». Таким образом, стратиграфическое соотношение этих объектов с домом не может считаться установленным, а датировка засыпки котлована и ямы должна быть принята по позднейшим находкам из них суммарно.

³⁰ Примечательно заполнение ямы 912: в ее нижней части обильно представлены продукты горения, а верхняя часть заполнена по преимуществу развалом сырцовых стен.

- Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2019: Заметки о вторичном использовании амфор в Фанагории архаического времени. *Hypanis* 1, 73–97.
- Завойкин, А.А., Павличенко, Н.А., Чашук, М.С. 2022: Еще один подвал на акрополе Фанагории (вопросы хронологии). В сб.: А.П. Медведев (гл. ред.), «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию проф. С.Ю. Монахова. Саратов, 180–198.
- Завойкин, А.А., Чашук, М.С. 2023: Позднеархаическая яма на «Верхнем городе» Фанагории. (Материалы к датировке древнейшей застройки). *КСИА* 271, 69–84.
- Кузнецов, В.Д. 2001: Раскопки последних лет в Фанагории. *Таманская старина* 1. СПб, 9–14.
- Кузнецов, В.Д. 2011: Заметки о культурном слое Фанагории. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.), *Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований* (Методика полевых археологических исследований 4). М., 117–130.
- Кузнецов, В.Д. 2022: *Отчет об археологических раскопках Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2021 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной) в 4 томах (Открытый лист № 0948-2021 от 15.06.2021 г.)*. М., 2022.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. М.–Саратов.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Толстиков, В.П., Чурекова, Н.Б. 2020: *Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов.
- Чистов, Д.Е., Зуев, В. Ю., Ильина, Ю. И., Каспаров, А. К., Новоселова, Н. Ю. 2012: *Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции 2)*. СПб.
- Bîrzescu, Iu. 2012: *Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren* (Histria XV). Bucureşti.
- Roberts, S.R. 1986: The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora. *Hesperia* 55/1, 1–74.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D., Saprykina, I.A. 2019: Monety pozdnearkhaicheskogo i ranneklassicheskogo vremeni iz raskopok Fanagorii [Late Archaic and Early Classical coins from excavations at Phanagoria]. *Hypanis* 1, 5–27.
- Bîrzescu, Iu. 2012: *Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren* (Histria XV). Bucureşti.
- Buyskikh, A.V., Monakhov, S.Yu. 2009: Keramicheskiy kompleks tret'yey chetverti VI v. do n.e. [Ceramic complex of the third quarter of the 6th century BC]. *NORTIA* VI. Voronezh, 125–145.
- Chistov, D.Ye., Zuyev, V.Yu., Il'ina, Yu.I., Kasparov, A.K., Novoselova, N.Yu. 2012: *Issledovaniya na ostrove Berezan' v 2005–2009 gg. [Research on Berezan Island in 2005–2009]* (Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Materials of the Berezan (Nizhnebug) Ancient Archaeological Mission] 2). Saint Petersburg.
- Kuznetsov, V. D. 2001: Raskopki poslednikh let v Fanagorii [Excavations of recent years in Phanagoria]. *Tamanskaya starina* [Taman Antiquity] 1. Saint Petersburg, 9–14.
- Kuznetsov, V.D. 2011: Zаметки о kul'turnom sloye Fanagorii [Notes on the cultural layer of Phanagoria]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriluk, A.A. Zavoykin (eds.), *Grecheskiye i varvarskiyе pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya. Opyt metodiki rossiyskikh i ukrain-skikh polevykh issledovaniy* [Greek and Barbarian Sites of the Northern Black Sea Region. Experience of Methodology of Russian and Ukrainian Field Studies] (Metodika polevykh

- arkheologicheskikh issledovaniy [Methodology of field archaeological research] 4). Moscow, 117–130.
- Kuznetsov, V.D. 2022: *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2021 g. (Krasnodarskiy kray, Temryukskiy rayon, pos. Sennoy) v 4 tomakh (Otkrytyy list №0948-2021 ot 15.06.2021 g.)* [Report on the Archaeological Excavations by the Phanagorian Mission of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences at Phanagoria in 2021 (Krasnodar Territory, Temryuk district, village of Sennoy) (License No. 0948-2021 of 06/15/2021)], vols 1–4. Moscow, 2022.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keram. tare: Katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in the Black Sea Region: Typology of Amphorae of the Leading Centers-Exporters of Products in Ceramic Containers: Catalogue]. Moscow–Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Tolstikov, V.P., Churekova, N.B. 2020: *Amfory VI–I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [The Sixth–First Centuries BC Amphorae in the Pushkin State Museum of Fine Arts. Saratov].
- Roberts, S.R. 1986: The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora. *Hesperia* 55/1, 1–74.
- Zavoykin, A.A. 2014: Amfory “Samos/Milet” v Fanagorii: nekotoryye problemy khronologii [Amphorae of the type ‘Samos/Miletus’ in Phanagoria: some problems of chronology]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nyye problemy khronologii* [The Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Actual Problems of Chronology] (XV Bosporские чтения [Bosporan Readings]). Kerch, 160–167.
- Zavoykin, A.A. 2018. Amfornyye materialy iz drevneyshego sloya Fanagorii [Amphoric finds from the oldest layer of Phanagoria]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 252, 138–152.
- Zavoykin, A.A., Chashuk, M.S. 2023: Pozdnearkhaicheskaya yama na «Verkhnem gorode» Fanagorii. (Materialy k datirovke drevneyshey zastroyki) [Late archaic pit on the “Upper City” of Phanagoria. (Materials for the dating of the most ancient buildings)]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 271, 69–84.
- Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2019: Zametki o vtorichnom ispol'zovanii amfor v Fanagorii arkhaiskogo vremeni [Notes on the secondary use of amphorae in the Phanagoria in the Archaic Period]. *Hypanis* 1, 73–97.
- Zavoykin, A.A., Pavlichenko, N.A., Chashuk, M.S. 2022: Yeshche odin podval na akropole Fanagorii (voprosy khronologii) [Another cellar on the acropolis of Phanagoria (problem of chronology)]. In: A.P. Medvedev (ed.), *“Ot Kavkaza do Dunaya”: Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu. Sbornik nauchnykh trudov v chest' 70-letiya S.Yu. Monakhova* [“From the Caucasus to the Danube”: The Northern Black Sea Region in Antiquity. Studies Presented to S.Yu. Monakhov on the Occasion of His 70th Birthday]. Saratov, 180–198.

AMPHORIC COMPLEX FROM THE HOUSE NO. 888 IN THE “UPPER CITY”
OF PHANAGORIA

Aleksey A. Zavoykin

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia**E-mail: bospor@inbox.ru*

The paper is a chronological study of one of Archaic house recovered in the ‘Upper City’ of Phanagoria. The house is located at the crossroads of two main streets, which determined the planning structure of this area of the city since ancient times. The author focuses on amphorae, which were used in this house for various purposes. Along the inner wall of one of the rooms (No. 2), six vessels are lined up in a row, which were used for domestic purposes. Five amphorae came from the Ionian centers of production (so-called ‘proto-Thasian’), and one is from Lesbos (red clay). They were used to store liquid or bulk products. Necks and top parts of two Chian amphorae are also placed vertically, but upside down, rim down. They were used as ‘hearths’ or ‘furnace’ for household or craft purposes. The neck of one amphora, located in the southeast corner of the same room, dates back to the third quarter of the 6th century BC. The upper two-thirds of another amphora was found near a wall in next room (No. 3). It was plastered with clay; therefore, it was used as a stationary oven. This amphora is a variant of the earliest ‘swollen-neck’ type, which date back to ca. 525–490/480 BC. These amphorae are especially important to determine the time of the construction, life and destruction of the house. It is they that provide reliable *terminus post / terminus ante quem* and allow us to justify the place of this architectural complex in the planning of this area of urban development of the earlier period. Taking into account the dating of the finds from the pit, which preceded the construction of this house, its construction should be attributed no later than to the turn of the first and second decades of the life of Phanagoria (ca. 535/530 BC), and the termination of its life – in within the last two decades of the 5th century BC.

Keywords: Phanagoria, Upper City, Archaic Period, house, amphorae, stratigraphy, chronology, periodization

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 69–84
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 69–84
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-69–84

ИОНИЧЕСКИЕ ИМПОСТНЫЕ КАПИТЕЛИ ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ

Л.А. Голофаст

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: larisa_golofast@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1743-5057

Аннотация. Находка в Фанагории двух ионических импостных капителей имеет особое значение, поскольку это первые за всю историю изучения города материальные свидетельства существования в городе ранневизантийского времени культового сооружения. В статье рассматривается вопрос о происхождении этого типа капителей, анализируются проблемы их типологии и хронологии. Определены место производства и дата фанагорийских экземпляров, очерчен ареал схожих с ними капителей.

Находка одной из капителей недалеко от открытой летом 2023 г. синагоги предполагает принадлежность капителей к ее архитектурному убранству, что свидетельствует о значительной перестройке синагоги или комплекса относящихся к ней помещений во второй половине V – начале VI вв., а, скорее, в конце V – начале VI вв., т.е. когда, Боспор уже входил в сферу влияния Византийской империи, в которой действовали законы, направленные на ограничение прав иудеев. Все эти обстоятельства вызвали необходимость подробно рассмотреть вопрос о положении иудеев в Византийской империи и ситуацию в северо-восточном Причерноморье. Рассмотрен вопрос о взаиморасположении в структуре города христианского храма и синагоги, предметы инвентаря которых найдены на относительно небольшом участке городской территории.

Ключевые слова: Византия, V–VI вв., Северное Причерноморье, базилика, синагога, мраморные архитектурные детали.

В 2022 году в Фанагории на раскопе «Нижний город» были найдены две мраморные капители¹. Возможно, на фоне многочисленных архитектурных деталей ранневизантийского времени, найденных в других центрах Северного Причерноморья, фанагорийские экземпляры не производят сильного впечатления, однако,

Данные об авторе: Лариса Алексеевна Голофаст – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН.

Работа выполнена в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

¹ Автор признателен Владимиру Дмитриевичу Кузнецову за возможность опубликовать материал из его раскопок.

для Фанагории они поистине уникальны, поскольку это первые за всю историю изучения города материальные свидетельства существования в Фанагории ранне-византийского времени культового сооружения.

Найденные капители относятся к типу ионических импостных, и прежде чем приступить к их описанию целесообразно рассмотреть вопрос о происхождении типа.

Ионические импостные капители появились в ранневизантийский период, когда на смену античному архитраву, т.е. горизонтальной балке, перекрывающей расстояние между колоннами, пришла более совершенная арочная система. Этот переход потребовал решения двух задач: во-первых, задачи перехода от капители к арке, пята которой значительно шире постелистой части капители, во-вторых, задачи создания более прочной опоры для арки, которую не могла обеспечить капитель. Для решения этих задач был изобретен новый конструктивный элемент, импост, массивная архитектурная деталь в форме перевернутой усеченной пирамиды². В. Веми считает, что импост явился результатом эволюции и упрощения элемента, который использовался уже в римское время, и отмечает, что дата появления импоста пока точно не установлена, но возможно это произошло в III в.³ А.Л. Якобсон также относит появление импоста к III в.⁴ Импосты, как правило, устанавливали на коринфские и композитные капители и использовали, главным образом, в центральном нефе базилики, на колонны которой приходилась наибольшая нагрузка.

Объединение в одном блоке импоста и ионической капители, которая благодаря своей форме хорошо подходила для прямоугольного основания импоста произошло предположительно в самом конце IV в.⁵ Во всяком случае самый ранний известный на сегодняшний день экземпляр этого типа капители происходит из Скрипу в Греции, где датируется временем не позже 400 г.⁶ Р. Кауч считает эту капитель *terminus post quem* для всех капителей этого типа и предполагаемое некоторыми авторами возникновение ионической импостной капители уже в IV в. недоказанным⁷. Однако следует отметить, что обоснованием для датировки экземпляра из Скрипу послужила лишь ее тесная близость с древними ионическими капителями⁸. Немного более поздним временем – первой четвертью V в. и первой половиной V в. – датируются две капители, хранящиеся в музее Александрии и три капители из Греции (Халкис, Дафнузион, Дельфы)⁹. Л. Г. Хрушкова отмечает находки капителей первой половины V в. в Равенне и Риме¹⁰. Самые ранние им-

² Якобсон 12959, 138; Yegül 1974, 267; Vemi 1989, 3; Досева 2010, 6 и т.д.

³ Vemi 1989, 3.

⁴ Якобсон 1959, 138.

⁵ Yegül 1974, 267; Niewöhner 2021, 155.

⁶ Vemi 1989, 4–5, 89–90, pl. 6, 17.

⁷ Kautzsch 1970, 165–182, pl. 33/535

⁸ Следует отметить мнение ряда исследователей, которые датируют капители рассматриваемого типа, найденные на о. Кос, самым началом IV в. (Kautzsch 1936, 166–167; Peschlow 2001, 103–108; Хрушкова 2019, 6).

⁹ Yegül 1974, 267, fig. 16–20.

¹⁰ Хрушкова 2019, 6.

Рис. 1. Ионическая импостная капитель 1.

Fig. 1. Ionic impost capital 1.

постные капители Константинополя датируются серединой V в. и происходят из атриума храма св. Иоанна Предтечи Студийского монастыря¹¹.

Между третьей четвертью V и первой половиной VI вв. этот тип капителей завоевывает огромную популярность в Восточном Средиземноморье¹², которая достигает своего апогея в эпоху Юстиниана I¹³. Именно в юстиниановскую эпоху, характеризующуюся массовым строительством храмов, ионические импостные капители стали массовой продукцией. Они украшают самые важные сооружения столицы, достигая наивысшей точки в образцах храма Свв. Сергия и Вакха 523 года и на галерее собора Св. Софии (532–537)¹⁴. Именно Константинополь с его проконнесскими мраморолоньями стал центром их распространения¹⁵.

Более поздние импостные ионические капители, относящиеся ко второй половине VI в. не принесли ничего нового, а просто повторяли орнаментальные мо-

¹¹ Yegül 1974, 267, fig. 21; Vemi 1989, 5.

¹² На Западе ионические импостные капители не получили широкого распространения (Vemi 1989, 4).

¹³ Kautsch 1970, 165–182; Yegül 1974, 267; Sodini 1989, 185; Vemi 1989, 3; Хрушкова 2019, 6.

¹⁴ Yegül 1974, 269, fig. 28–29.

¹⁵ Vemi 1989, 3.

тивы капителей V–начала VI в. После эпохи Юстиниана такие капители используются значительно реже¹⁶. Самые поздние экземпляры датируются IX–X вв.¹⁷

К вопросам типологии и хронологии этого типа капителей обращались несколько авторов¹⁸, но наиболее основательными считаются классификации Рудольфа Кауча, в основе которой лежит стилистический анализ пластического декора и форма капители¹⁹, и Василики Веми, которая отдает предпочтение морфологии, в частности соотношению высоты ионического элемента и импоста²⁰. Считается, что развитие двигалось от экземпляров с равноценными ионической и импостной зонами ко все большему их слиянию, уменьшению нижней, ионической зоны и уменьшению размеров волют²¹. Однако при использовании той или иной классификации всегда надо иметь в виду крайне незначительное количество надежно датированных образцов.

Согласно классификации Веми, фанагорийские капители²² относятся к т.н. капителям упрощенного типа (*type simplifié*, III), который характеризуется небольшой по сравнению с импостом высотой ионической зоны, отсутствием деталей, требующих тщательной проработки и лепешкообразным эхином, в профиле слегка выступающим относительно плоскости волют. Где появился этот тип капителей, неизвестно, но выкристаллизовался он, несомненно, в мастерских Константинополя. Их уже использовали в середине V в., и на протяжении второй половины V–VI в. «упрощенные» капители проконнесского производства или их местные имитации широко распространились по всему Средиземноморью²³.

Капитель 1. Капитель, особенно ее импостная часть, оббита со всех сторон: частично сохранились две лицевые и одна боковая стороны ионической зоны (рис. 1). Сохр. высота капители – около 22,0 см; сохр. ширина ионического элемента – около 23,0 см; его высота – около 6,5 см; сохранившаяся ширина балюстры – около 30 см; ее высота – около 7,0 см. Высота импоста не восстанавливается. Ионическая часть слегка выступает за края импоста. На эхине изображены два трилистника, спускающиеся из верхних углов над волютами; в центре – ов (яйцеобразная выпуклость, обрамленная валиками). Композиция относится к типу 3.1.4.3 по классификации В. Веми²⁴, типу 1e по А. Бернацки²⁵). Это один из самых ранних мотивов, украшающих капители рассматриваемого типа. В. Веми датирует самые ранние экземпляры с таким мотивом концом IV – началом V в.²⁶; встречаются он до конца VI в.²⁷ Аналогичное изображение было и на противоположной стороне капители, хотя очень часто изображения на лицевой и задней сторонах эхина от-

¹⁶ Yegül 1974, 267.

¹⁷ Vemi 1989, 3.

¹⁸ Историю изучения и попыток составить типологию и хронологию ионических импостных капителей см. (Vemi 1989, 4).

¹⁹ Kautzsch 1936, 165–182.

²⁰ Vemi 1989, 6–8, 209.

²¹ См., например, Якобсон 1959, 142, 144; Yegül 1974, 267; Досева 2021, 6.

²² Капители переданы в Государственный музей-заповедник «Фанагория» № ВХ-114/158-159.

²³ Vemi 1989, 17–18.

²⁴ Vemi 1989, 64.

²⁵ Biernacki 2009, 44.

²⁶ Vemi 1989, p. 90–91, 109–110, pl. 7, 18; 20, 66; 24, 65.

²⁷ Vemi 1989, 88, 122–125, 130–133, 180, 181–182, 201–203; pl. 5, 14; 20, 56; 34, 99; 36, 101; 36, 102; 40, 121; 41, 124; 73, 262; 74, 265; 75, 266, 267; 76, 269; 92, 319; 93, 321.

личались: на задней обычно помещали стилизованный растительный орнамент, выполненный в менее глубоком рельефе.

На балюстре, не выступающей за боковые стороны импоста, изображены ланцетовидные листья, расположенные по обе стороны от перевязи. Края подушки оббиты, но, скорее всего, мотив относится к типу 3.1.2.2.3 по Веми, которая описывает его как «ланцетовидные листья, образующие чашу с наконечником копья». Это часто встречающийся мотив, особенно на капителях упрощенного типа²⁸ (тип 1а по А. Бернацки²⁹). Самые ранние капители с подобным мотивом на балюстре В. Веми относит к третьей четверти V в.³⁰, остальные, включенные в ее каталог экземпляры датируются VI в.³¹

Основание капители – овальной формы, размерами 26,0 x 29,5 см. В его центре – округлое углубление диаметром 2,5 x 2,8 см для крепления.

Капитель 2. Сохранился фрагмент (рис. 2). Сохранившаяся высота капители – около 23,0 см; сохранившаяся ширина ионической части – около 15,0 см; ее высота – около 7,0 см; сохранившаяся ширина балюстры – около 30,5 см. Часть импоста сохранилась на полную высоту, которая составляет 15,0 см. Диаметр основания, опиравшегося на ствол колонны – около 30,0 см. Изображения на эхине и балюстре аналогичны изображениям на капители 1. В центре нижней поверхности капители – часть округлого углубления для крепления.

В отличие от подавляющего большинства капителей рассматриваемого типа, импостные зоны которых украшали резным, часто довольно сложным орнаментом, импостная часть фанагорийских экземпляров была лишена какого-либо орнамента. К сожалению, сохранность фанагорийских экземпляров не дает возможности понять, имелось ли такое изображение на лицевой стороне их импостной зоны, где, как правило, помещали изображение креста.³² В качестве примера можно привести капители из храма св. Ирины и Студийского монастыря Иоанна Предтечи в Константинополе³³, храма св. Иоанна в Эфесе³⁴; несколько экземпляров выявлено на различных памятниках Греции³⁵. Их находки известны в Херсонесе³⁶, Тиритаксе³⁷ и даже в Саркеле³⁸. Хотя на капители 2 сохранилась часть импоста, по которой можно было бы судить об изображении на нем, если таковое имелось (сохранилась часть над овом, т.е. фрагмент центральной части импоста, где и вырезалось изображение). Однако, одинаковое качество исполнения рельефа на лицевой и оборотной сторонах ионической части капители не позволяет понять, какая из сторон была лицевой: с сохранившейся частью импоста или про-

²⁸ Vemi 1989, 58.

²⁹ Biernacki 2009, 48.

³⁰ Vemi 1989, 130–131, 132, pl. 40, 121, 124.

³¹ Vemi 1989, 92–93, 107–108, 112–113, 116–117, 126–127, 136, 146, 155–156, 157, 158, 163–164, 169–170, 173–174, 178, 183, 191–192, 203, 204, pl. 9, 23; 21, 60; 26, 73–74; 29, 84; 37, 110; 43, 134; 49, 159; 55, 186; 56, 188; 56, 190; 57, 192; 62, 209; 66, 229; 68, 242; 72, 257; 76, 271; 83, 293; 94, 323, 326.

³² Если капитель была предназначена для синагоги, то на ней часто помещали изображение меноры. Такие капители найдены, например, в синагоге Цезареи Маритимы (Nachlili 1997, 96).

³³ Yegül 1974, 270, fig. 31.

³⁴ Yegül 1974, 270, fig. 32.

³⁵ Vemi 1989, 18, №№ 121, 122, 124, 126.

³⁶ Яковсон 1959, 144, рис. 52, 3; Biernacki 2009, tabl. 78–90; Кленина, Бернацки, 110, рис. 6, 1–2.

³⁷ Гайдукевич 1940, 197, рис. 8; Зинько, Зинько 2018, 123–124, рис. 10.

³⁸ Артамонов 1935, 12, 13, рис. 3.

тивоположная. Следует отметить, что экземпляры без каких-либо изображений на импосте встречаются, хотя и крайне редко. В качестве примера можно привести импостную капитель из т.н. «Каралезской базилики», открытой у подножия Мангупа (ЮЗ Крым)³⁹, несколько капителей из Херсонеса⁴⁰, капитель из Каллатиса⁴¹ и т.д.

Датировка. Если следовать хронологии, разработанной В. Веми, то мотив на балюстре фанагорийских капителей в виде стилизованных «ланцетовидных листьев, образующих чашу с наконечником копья» (тип 3.1.2.2.3 по Веми) дает их нижнюю дату – третья четверть V в.⁴²

Таким образом, строительство здания, которому принадлежали капители, можно датировать временем не ранее середины V в. Это было культовое сооружение, поскольку импостные капители крайне редко использовали в светских зданиях (примером могут служить экземпляры, найденные при раскопках палестры в Сардах и Большого дворца в Константинополе)⁴³.

Ареал. Ионические импостные капители самых разных вариантов были широко распространены по всему византийскому миру: они зафиксированы в Константинополе и Малой Азии, на Балканах и островах Эгейского моря, на Кипре, в Причерноморье и Северной Африке⁴⁴.

Значительное их количество найдено в Крыму. В Херсонесе они составляют около 37% от общего количества капителей⁴⁵, или 32 целых (или почти целых) экземпляров и 15 фрагментов различных размеров⁴⁶. Несколько экземпляров происходит из храмов ЮЗ Крыма⁴⁷. Большое количество импостных ионических капителей разных вариантов найдено в Западном Причерноморье⁴⁸. Три капители простейшего типа обнаружены в Коринфе⁴⁹. В Стамбуле, помимо уже отмеченных капителей в Студийском монастыре и храмах св. Софии и св. Ирины, большое количество разных импостных ионических капителей ранневизантийского времени были вторично использованы в ходе позднего строительства⁵⁰, одна была найдена в ходе раскопок в районе Сарашаны⁵¹.

Использование. В храмах такие капители, как правило, играли второстепенную роль, т.е. их почти не использовали, например, в главном нефе, а чаще во вспомогательных частях крупных базилик, на галереях и в атриумах. Многочисленные примеры такого использования ионических импостных капителей дают, например, Балканы (Стоби, Филиппы, Салоники, Неа-Анхиаλος и др.). В Херсо-

³⁹ Иожица 2022, 146–147, рис. 4.

⁴⁰ Biernacki 2009, tabl. 75–77.

⁴¹ Barnea 1958, 344–347, fig. 11, 1.

⁴² Vemi 1989, 58.

⁴³ Yegül 1974, 266.

⁴⁴ Kautzsch 1936, 165–182.

⁴⁵ Якобсон 1959, 144–146.

⁴⁶ Якобсон 1959, 144; Biernacki 2009, 44–52, tabl. 75–95; Хрушкова 2019, рис. 1–2, 40–47, 49–78.

⁴⁷ Хрушкова 2016, 139–142, рис. 1–7; Иожица 2022, 146–147, рис. 4.

⁴⁸ Barnea 1958, 344–346, fig. 11–12; Atanasov 2009, 218, fig. 13; Vanderheyde 2012, 7, fig. 4; Paraschiv 2013, 240–241, pl. 2–6; Досева 2021.

⁴⁹ Scranton 1957, 109, 114, pl. 25, 50, 51; 29, 104.

⁵⁰ Böhlendorf-Arslan, Dennert 2009, 343, 345, 349, 351–352, 353, 356, Abb. 11, 12, 17, 18c, 22, 23 b, c, 28.

⁵¹ Harrison 2014, 129, fig. E, 3f [i].

несе их использовали, скорее всего, для колонн портиков перед нартексом или в атриуме⁵², как, например, в атриуме базилики в Каллатисе⁵³.

Однако в провинции они встречаются и в основной колоннаде базилик, как, например, в построенной Юстинианом базилике св. Иоанна в Ефесе или в одной из базилик в Пейе на Кипре⁵⁴, в базиликах Болгарии и Македонии⁵⁵. Столичная, константинопольская, архитектура также предоставляет пример использования ионических импостных капителей в главном нефе: это храм св. Ирины VI в.

Центры производства. Импостные ионические капители делали в нескольких центрах, обладающих своими мраморолонями⁵⁶, однако, главным центром производства архитектурных деталей в Византии был Проконнес, расположенный в непосредственной близости к Константинополю. Так, херсонесские архитектурные детали ранневизантийского времени – почти исключительно проконнесского происхождения⁵⁷. Именно там, судя по цвету и фактуре мрамора (мрамор довольно крупнозернистый, белый с голубовато-сероватыми прожилками), были изготовлены фанагорийские капители. Обработывался мрамор в мастерских, расположенных рядом с мраморолонями, где находят бракованные изделия. В ряде случаев архитектурные детали делали в Константинополе или других важных городах империи, возможно рядом со строящимися зданиями. Так, в ходе раскопок базилики св. Полиевкта в Константинополе, построенной в первой четверти VI в., было найдено огромное количество отходов, образовавшихся при изготовлении архитектурных деталей для строящегося храма⁵⁸.

Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, капители поступили в Фанагорию в готовом виде, хотя из проконнесских мастерских часто вывозились полуфабрикаты, которые дорабатывали на месте⁵⁹.

Полная идентичность фанагорийских экземпляров⁶⁰ позволяет предположить, что они могли поступить в город в составе комплекта, предназначенного для строительства храма. Такая перевозка архитектурных деталей зафиксирована в письменных источниках. Так, в рассказе о строительстве кафедрального собора в Газе (402–407 гг.), входящего в состав «Жития св. Порфирия» Марка Дьякона,

⁵² Якобсон 1959, 146.

⁵³ Barnea 1958, 344, fig. 11, 1.

⁵⁴ Maguire 2012, p. 56, fig. 54.4.

⁵⁵ Sodini 1984, 65–66.

⁵⁶ Vanderheyde 2012, 6.

⁵⁷ Якобсон 1959, 132.

⁵⁸ Harrison 1986, 163; Castagnino Berlinghieri, Paribeni 2015, 1033.

⁵⁹ Неоконченные изделия-заготовки находят в различных центрах Западного Причерноморья (Vanderheyde 2012, 6), в Киренаике (Sodini, Barsanti, Guiglia Guidobaldi 1998, 308, 319, note 88). Некоторая часть продукции, доставляемой в Херсонес, также дорабатывалась на месте (Хрушкова 2019, 3). Незавершенная феодосианская мраморная капитель (не проработаны стреловидные листья и нет отверстия для крепления к стволу колонны) была найдена на поселении Зеленый Мыс, где была открыта постройка из хорошо обработанных прямоугольных блоков известняка, возможно, базилика (Мокроусов 2000, 99–101). В Каллатисе и Ибиде было найдено несколько незаконченных ионических импостных капителей, на которых декоративные элементы были лишь грубо прочерчены врезной линией (Barnea 1958, 344, 349, fig. 12). Незаконченная ионическая импостная капитель хранится в музее Аданы (Турция) (Aydin 2018, 306).

⁶⁰ В ходе раскопок 2023 года, когда статья была уже в печати, в Фанагории была найдена третья полностью сохранившаяся капитель рассматриваемого типа, по всем параметрам совпадающая с ранее найденными.

Рис. 2. Ионическая импостная капитель 2.
Fig. 2. Ionic impost capital 2.

описывается восторженная толпа, бросившаяся на берег моря, чтобы увидеть груз из 32 мраморных колонн, присланных императрицей Евдокией из каменоломен Евбеи⁶¹. Свидетельства письменных источников подтверждены исследованиями потерпевших крушение кораблей с грузом мраморных деталей, открытых в Средиземноморье (пока известно 5 таких крушений, датирующихся V–VI вв.). Особенно показательно крушение при Марцамеми (Сицилия) корабля, перевозившего большой комплект, включавший около 600 архитектурных деталей (колонн, капителей, баз, деталей алтарной преграды, амвона и т.д.), предназначенных для украшения какого-то большого храма⁶².

Комплекты архитектурных деталей предназначались для христианских храмов, строившихся во всех, даже самых отдаленных районах Византии в целях установить религиозное согласие по всей империи⁶³ и продемонстрировать ее мощь и богатство. Особенно ярко эту идею выразила королева остроготов Амаласунта, которая в 534 году, обращаясь к Юстиниану I с просьбой прислать мраморные детали для украшения Равенны, написала в письме: ибо твоя слава – наше

⁶¹ Mango 1986, 31–32.

⁶² Kapitän 1969; Castagnino Berlinghieri, Paribeni 2011, 68; Castagnino Berlinghieri, Paribeni 2015, 1034.

⁶³ Castagnino Berlinghieri, Paribeni 2011, 67, 71.

украшение («vestra enim gloria est noster ornatus»)⁶⁴. Поэтому храмовое строительство и рынок мрамора находились под императорским контролем.

Особое значение, естественно, придавалось строительству храмов на вновь приобретенных и отдаленных территориях, где процент христианского населения был незначителен. Поэтому, когда в начале VI в. Боспор был подчинен власти империи, церковь совместно с государством предпринимают совместные усилия по христианизации региона. Скорее всего, именно в это время была учреждена епископская кафедра в Фанагории (под документами константинопольского собора 518 г. стоит подпись епископа Фанагории Иоанна⁶⁵), а по обе стороны Керченского пролива возводятся христианские базилики⁶⁶. Несомненно, и в Фанагории была построена базилика, к внутреннему убранству которой логично было бы отнести публикуемые капители.

Однако открытие в 2023 г. здания синагоги⁶⁷, недалеко от которой была найдена одна из капителей, указывает на их более вероятную принадлежность синагоге, которая, если это предположение верно, подверглась значительной перестройке во второй половине V – начале VI вв., а, скорее, в конце V – начале VI вв. Капители для нее могли быть куплены на одном из свободных рынков мраморных деталей, которые существовали в дополнение к централизованному распределению мрамора императором. Св. Иоанн Хрисостом приводит историю о монахе с Фазоса, которого послали в Константинополь купить плиты из проконнеского мрамора и растратил деньги. Хотя никаких конкретных свидетельств о существовании такого рынка в Константинополе в письменных источниках нет, известно, что они функционировали в Риме, Равенне, Карфагене, Антиохии, Цезарее и Александрии⁶⁸.

В это время Боспор уже входил в сферу влияния Византийской империи, где еще со времени правления Константина I, издавшего в 315 году закон, радикально ограничивавший права иудеев, Византия проводила все более жесткую антиеврейскую политику. В законах, изданных после Константина и собранных в Своде Феодосия 438 года, иудеи рассматриваются все с большим пренебрежением, нетерпимостью и неприязнью⁶⁹. Помимо «старых» законов в него был, в частности, включен закон, запрещающий строительство новых синагог, хотя и разрешающий ремонты уже существовавших. Еще более жестким по отношению к иудеям был Свод или Кодификация Юстиниана («Corpus iuris civilis»), первая версия которого была составлена в 529 году: из него были опущены некоторые положения, защищающие права евреев и статус иудаизма, и добавлены новые правила, дискриминирующие евреев и ухудшающие положение иудейской религии⁷⁰: иудаизм был лишен статуса разрешенной религии (*religio licita*), предоставленного ей в Римской империи⁷¹, были усилены наказания за совершенные евреями правонарушения, а компенсация за похищенное имущество, принадлежавшее евреям,

⁶⁴ Castagnino Berlinghieri, Paribeni 2011, 64.

⁶⁵ Васильевский 1912, 384, прим. 2.

⁶⁶ Подробнее см. Голофаст 2022, 74–75.

⁶⁷ Синагога, как и третья капитель рассматриваемого типа, была обнаружена, когда статья была уже в печати.

⁶⁸ Sodini 2002, 134–135.

⁶⁹ Goldstein 2012, 33.

⁷⁰ Ben-Sasson 1976, 359.

⁷¹ Avi-Yonah 1976.

уменьшено⁷². И хотя соблюдение этих законов зависело от многих самых разных факторов и варьировалось от региона к региону⁷³, в целом положение иудеев ухудшалось.

Таким образом, значительная перестройка фанагорийской синагоги или комплекса относящихся к ней помещений несколько противоречит действовавшим в Византии законам, направленным на ограничение прав иудеев. Это позволяет предположить, что на периферии византийского мира, в частности на Боспоре, где были сильные иудейские общины⁷⁴, эти законы не действовали или соблюдались крайне слабо. В связи с этим следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, тот факт, что многие включенные в Свод Феодосия законы, регулирующие иудео-христианские отношения были включены в Свод Юстиниана либо без изменений, либо с небольшими доработками, говорит о сохранении их актуальности на протяжении очень долгого времени, т.к. на местном уровне они часто игнорировались, что снова и снова требовало их подтверждения и обновления⁷⁵. Кроме того, из письменных источников известно о существовавших в ранневизантийское время добрых отношениях между простыми христианами и иудеями⁷⁶, хотя в конце концов они все же были разрушены, главным образом, под влиянием принимаемых центральной властью законов и фанатизма монахов⁷⁷.

Что касается пока не найденного христианского храма, то, скорее всего, он также располагался в центре города, возможно, в непосредственной близости к синагоге. Случаи близкого соседства христианских храмов и синагог известны, особенно на территории Палестины, где многочисленные богато украшенные синагоги часто строили рядом с христианскими храмами в IV–VI вв.⁷⁸ Наиболее известен Капернаум, где христианский храм и синагога стоят на расстоянии 30 метров друг от друга.

У нас нет каких-либо свидетельств об отношениях между иудеями и христианами в Фанагории. Однако тот факт, что во время гонений на евреев в Византийской империи сначала при Ираклии в 20-е годы VII в., затем при Льве III Исавре (717–741) значительная часть иудеев переселилась в Восточную Европу, в том числе в Хазарию⁷⁹, где возникло значительное количество еврейских колоний⁸⁰, говорит о традиционно нормальных отношениях иудеев с остальным населением региона. О значительном количестве евреев, живущих в СВ Причерноморье говорят довольно многочисленные археологические свидетельства⁸¹ и слова византийского историка Феофана Исповедника, который в “Хронографии” под

⁷² Всего в Своде Юстиниана было 33 закона, касающихся евреев.

⁷³ Hezser 2023, 18–22.

⁷⁴ Подробно см. Голофаст 2021б.

⁷⁵ Nakola, 2016, 158.

⁷⁶ Rutgers, 1995, 96.

⁷⁷ de Lange 1992, 16.

⁷⁸ Hezser 2023, 21–22; Nakola 2016, 156–157, 160.

⁷⁹ Новосельцев 1990, 152; Артамонов 2001, 362.

⁸⁰ Арабский географ Ад-Димашки (1256–1327) со ссылкой на известного исламского историка Ибн ал-Асира (1160–1233 или 1234) сообщал, что ко времени правления Харуна ар-Рашида (правитель Аббасидского халифата в 786–809 гг.) византийский император изгнал из своего государства евреев, которые ушли в Хазарию, и там они обратили хазар в свою веру (Калинина 2012, 54).

⁸¹ Подробнее см. Голофаст 2020, 57–58.

679/680 г. сообщает: “В [землях] прилегающих к восточным частям озера, у Фанагории и **живущих там евреев**, обитает множество народов”⁸².

Пока можно только констатировать, что какие бы отношения между двумя (иудейской и христианской) общинами ни были, христианский храм и синагога функционировали в Фанагории до разрушения города в середине VI в.⁸³ Точный ответ на вопрос о конфессиональной принадлежности сооружения, которому принадлежали публикуемые капители, а также о взаиморасположении синагоги и христианского храма смогут дать только будущие раскопки.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов, М.И. 1935: Средневековые поселения на Нижнем Дону. Ленинград.
- Артамонов, М.И. 2001: *История хазар*. СПб.: Лань.
- Васильевский В.Г. 1912. Житие Иоанна Готского. *Труды В.Г. Васильевского. Т. II. Вып. 2.* Санкт-Петербург.
- Гайдукевич, В.Ф. 1940: Памятники раннего средневековья в Тиритаке. СА VI, 190–204.
- Голофаст, Л.А. 2020: Раннесредневековая амфора с древнееврейской надписью на свинцовой пломбе из Фанагории. *РА* 3, 159–172.
- Голофаст, Л.А. 2021а: Фанагория IV–VII вв. по сведениям письменных источников и данным археологии. *Hyparion* 3, 42–57.
- Голофаст, Л.А. 2021б: Амфоры VI в. изображением меноры из Фанагории. *РА* 4, 53–64.
- Голофаст, Л.А. 2022: Христианство в Фанагории. Археологические свидетельства. *Hyparion* 4, 69–106.
- Досева, И. 2010: Ранновизантийские капители от Созопол: традиция и многообразие. *Проблемы на изкуството* 2, 3–11.
- Досева, И. 2021: Ранновизантийские капители от епископската базилика на Филиппопол. *Проблемы на изкуството* 1, 3–12.
- Зинько, В.Н., Зинько, Е.А. 2018: Сакральные постройки ранневизантийской Тиритаки. *МАИЭТ XXIII*, 120–134.
- Иожича, Д.В. 2022: Раннесредневековые капители из раскопок «Каралезской базилики». *МАИЭТ XXVII*, 144–165.
- Калинина, Т.М. 2012: Символы сакральной власти в Хазарии. В сб: Н.А. Алексеенко, Х. Хоффманн (ред.) *Sacrum et Profanum. Вып. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне*. Севастополь: СПД Арэфьев, 53–59.
- Кленина, Е.Ю., Бернацки, А.Б. 2017: Новый христианский комплекс в Херсонесе: архитектура и хронология. In: M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski (eds.) *The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013* (SWIATOWIT Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. I). Warsaw, 105–119.
- Корпус боспорских надписей / Ред. В.В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.
- Мокроусов, С. В. 2000: Крымское Приазовье в ранневизантийское время. *Пантикапей–Боспор–Керчь. 26 веков древней столице*. Керчь, 99–102.
- Новосельцев, А.П. 1990: *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.: Наука.
- Хрушкова, Л.Г. 2016: Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из юго-западного Крыма. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. Том 2 (68), № 2, 137–162.

⁸² Чичуров 1980, 60.

⁸³ Голофаст 2021а, 52–53.

- Хрушкова, Л.Г. 2019: Ранневизантийские капители из Херсонеса Таврического. *МАИАСП* 11, 1–167.
- Чичуров, И.С. 1980: *Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора*. Москва.
- Якобсон, А.Л. 1959: Раннесредневековый Херсонес. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР (*МИА* 63).
- Atanasov, G. 2009: Basiliques de l'époque de Haut Christianisme à Durostorum-Silistra. *Pontica* 42, 231–241.
- Aydin, A. 2018: Zum Marmor-Handel in Kilikien und Isaurien in Frühbyzantinische Zeit. *XVIII. Türk Tarih Kongresi. V. Cilt. Göç ve İskân – İktisat Tarihi – Vakıflar Tarihi*. **Akara**, 305–320.
- Avi-Yonah, M. 1976: *Jews of Palestine: A Political History from the Bar Kokhba War to the Arab Conquest*. Oxford, Bkackwell.
- Barnea, I. 1958: Roman-Byzantine Basilicae discovered in Dobrogea between 1948–1958. *Dacia, N.S.* 2, 331–349.
- Ben-Sasson, H.H. 1976: *A History of the Jewish People*. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Biernacki, A.B. 2009: *Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonesu Taurydzkiego*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Böhlendorf-Arslan, B., Dennert, M. 2009: Spolia in the Mosque and Han of Çardak (Troad). *Istanbuler Mitteilungen* 59, 337–358.
- Castagnino Berlinghieri, E.F., Paribeni, A. 2011: A Byzantine Merchant Ships and Marble Trade. New Data from the Central Mediterranean. *Skyllis* 11, Heft 1, 64–75.
- Castagnino Berlinghieri, E.F., Paribeni, A. 2015: Marble Production and Marble Trade along the Mediterranean Coast in the Early Byzantine Period (Vth–VIth centuries AD): the Data from Quarries, Shipwrecks and Monument. In: P.M. Militello Hakan Öniz (ed.), *SOMA 2011 Proceedings of the 15th Symposium on Mediterranean Archaeology, held at the University of Catania 3–5 March 2011*. Vol. II (BAR Int. Series 2695 (II), 1033–1041.
- Goldstein, Ph. 2012: Separation: Synagogue and Church, Jew and Christian (29–414 CE). *A Convenient Hatred: the History of Antisemitism*. Brookline, MA: Facing History and Ourselves.
- Hachlili, R. 1997: Aspects of Similarity and Diversity in the Architecture and Art of Ancient Synagogues and Churches in the Land of Israel. *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins* 113, 92–122.
- Hakola, R. 2016: Galilean Jews and Christians in Context: Spaces Shared and Contested in the Eastern Galilee in Late Antiquity. In: J. Day, R. Hakola, M. Kahlos. U. Tervahauta (eds.), *Spaces in Late Antiquity Cultural, Theological and Archaeological Perspectives: Cultural, Theological and Archaeological Perspectives*. London and New York: Routledge, 141–165.
- Harrison, R.M. 1986: *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Volume I The Excavations, Structures, Architectural Decorations, Small Finds, Coins, Bones, Molluscs, Princeton N.J.*
- Hezser, C. 2023: Byzantine Synagogue Legislation, Christianization, and Postcolonial Theory. Forthcoming in: Johannes Hahn (ed.) *Expropriation and Destruction of Synagogues in Antiquity*. Leiden and Boston: Brill, 1–28.
- Kapitän, G. 1969: The Church Wreck off Marzamemi. *Archaeology* 22/2, 122–133.
- Kautsch, R. 1936: *Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitele im Osten vom vierten bis ins siebente Jahrhundert*. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & Co. (Nachdruck, 1970).
- de Lange, N.R.M. 1992: Jews and Christians in the Byzantine Empire: Problems and Prospects. In: D. Wood (ed.), *Christianity and Judaism. Papers read at the 1991 summer meeting and the 1992 winter meeting of the Ecclesiastical History Society*. Cambridge, Mass., USA, 15–32.

- Levinskaya, I.A., Tokhtas'yev, S.R. 1993: The New Jewish Manumission from Phanagoria. *Bulletin of Judaeo-Greek Studies* 13, 27–28.
- Maguire, R. 2012: *Late Antique Basilicas on Cyprus. Sources, contexts, histories. 3: Gazatteer*. Doctoral thesis, University of East Anglia.
- Mango, C. 1986: *The Art of the Byzantine Empire 312–1453. Sources and Documents*. Toronto/Buffalo/London.
- Niewöhner, Ph. 2021: *Byzantine Ornaments in Stone: Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings*. Berlin/Bosron: Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
- Paraschiv, D., Iacu, I. 2013: The Christian Basilica of Ibida. Elements of Interior Decoration. *Arheologia Moldovei* XXXVI, 239–252.
- Peschlow, U. 2001: Kapitell. *Reallexikon für Antike und Christentum* 20, 58–123.
- Rutgers, L.V. 1992: Archaeological Evidence for the Interaction of Jews and Non-Jews in Late Antiquity. *American Journal of Archaeology* 96, No. 1 (Jan., 1992), 101–118.
- Scranton, R.L. 1957: *Mediaeval Architecture: In the Central Area of Corinth* (Corinth. Results of Excavations 16). Princeton.
- Sodini, J.-P. 1984: La sculpture architecturale à l'époque paléochrétienne en Illyricum. *Actes du Xe Congrès international d'archéologie chrétienne. Thessalonique, 28 sept.-5 oct. 1980. Vol. I*. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 31–117.
- Sodini, J.-P. 1989: Le commerce des marbres à l'époque protobyzantine. In: C. Lepelley (ed.), *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. IVe–VIIe siècle*. T. I. Paris: P. Lethielleux, 163–186.
- Sodini, J.-P. 2002: Marble and Stoneworking in Byzantium, Seventh–Fifteenth Centuries. A.E. In: Laiou (ed.), *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* (Dumbarton Oaks Studies 39). Washington, DC, 129–146.
- Sodini, J.-P., Barsanti, C., Guiglia Guidobaldi, A. 1998: La sculpture architecturale en marbre au VIe siècle à Constantinople et dans les régions sous influence constantinopolitaine. *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christianae* II. Città del Vaticano-Split, 301–376.
- Yegül, F.K. 1974: Early Byzantine Capitals from Sardis. A Study on the Ionic Impost Type. *DOP* 28, 265–274.
- Vanderheyde, C. 2012: The Architectural Decoration of the Early Byzantine Churches on the West Coast of the Black Sea. *Проблеми на изкуството* 2, 6–9.
- Vemi, V. 1989: *Les chapiteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne*. Athènes; Paris: École française d'Athènes (Bulletin de Correspondance Hellénique, Suppl. XVII).

REFERENCES

- Artamonov, M.I. 1935: *Srednevekovye poseleniya na Nizhnem Donu* [Medieval Settlements on the Lower Don]. Leningrad.
- Artamonov, M.I. 2001: *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. Saint Petersburg.
- Atanasov, G. 2009: Basiliques de l'époque de Haut Christianisme à Durostorum-Silistra. *Pontica* 42, 231–241.
- Avi-Yonah, M. 1976: *Jews of Palestine: A Political History from the Bar Kokhba War to the Arab Conquest*. New York–Oxford.
- Aydın, A. 2018: Zum Marmor-Handel in Kilikien und Isaurien in Frühbyzantinische Zeit. *XVIII. Türk Tarih Kongresi. V. Cilt. Göç ve İskân – İktisat Tarihi – Vakıflar Tarihi*. Akara, 305–320.
- Barnea, I. 1958: Roman-Byzantine Basilicae discovered in Dobrogea between 1948–1958. *Dacia N.S.* 2, 331–349.
- Ben-Sasson, H.H. 1976: *A History of the Jewish People*. London.
- Biernacki, A.B. 2009: *Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonesu Taurydzkiego*. Poznań.

- Böhlendorf-Arslan, B., Dennert, M. 2009: Spolia in the Mosque and Han of Çardak (Troad). *Istanbul Mitteilungen* 59, 337–358.
- Castagnino Berlinghieri, E.F., Paribeni, A. 2015: Marble Production and Marble Trade along the Mediterranean Coast in the Early Byzantine Period (Vth–VIth centuries AD): the Data from Quarries, Shipwrecks and Monument. In: P.M. Militello Hakan Öniz (ed.), *SOMA 2011 Proceedings of the 15th Symposium on Mediterranean Archaeology, held at the University of Catania 3–5 March 2011*. Vol. II (BAR IS 2695/II), 1033–1041.
- Castagnino Berlinghieri, E.F., Paribeni, A. 2011: A Byzantine Merchant Ships and Marble Trade. New Data from the Central Mediterranean. *Skyllis* 11.1, 64–75.
- Chichurov, I.S. 1980: *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya: “Khronografiya” Feofana, “Breviariy” Nikifora* [Byzantine historical works: “Chronography” by Theophanes, “Breviary” by Nicephorus]. Moscow.
- De Lange, N.R.M. 1992: Jews and Christians in the Byzantine Empire: Problems and Prospects. In: D. Wood (ed.), *Christianity and Judaism. Papers Read at the 1991 Summer Meeting and the 1992 Winter Meeting of the Ecclesiastical History Society*. Cambridge, 15–32.
- Doseva, I. 2010: Rannovizantiyskiye kapiteli ot Sozopol: traditsiya i mnogoobrazie [Early Byzantine capitals from Sozopol: tradition and diversity]. *Problemi na izkustvoto* [Problems of Art] 2, 3–11.
- Doseva, I. 2021: Rannovizantiyskiye kapiteli ot episkopskata bazilika na Filipopol [Early Byzantine capitals from the Episcopal Basilica of Philippopolis]. *Problemi na izkustvoto* [Problems of Art] 1, 3–12.
- Gaydukevich, V.F. 1940: Pamyatniki rannego srednevekov'ya v Tiritake [Early Medieval Relics in Tyritace]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] VI, 190–204.
- Goldstein, Ph. 2012: Separation: Synagogue and Church, Jew and Christian (29–414 CE). *A Convenient Hatred: the History of Antisemitism*. Brookline.
- Golofast, L.A. 2020: Rannesrednevekovaya amfora s drevneevreyskoy nadpis'yu na svintsovoy plombe iz Fanagorii [Early medieval amphora with a Hebrew inscription on the lead seal from Phanagoria]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 159–172.
- Golofast, L.A. 2021a: Fanagoriya IV–VII vv. po svedeniyam pis'mennykh istochnikov i dannym arkheologii [Phanagoria in the 4th – 7th Centuries (Written Sources and Archaeological Data)]. *Hypanis* 3, 42–57.
- Golofast, L.A. 2021b: Amfory VI v. s izobrazheniem menory iz Fanagorii [Sixth-century amphorae with representations of menorah from Phanagoria]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 53–64.
- Golofast, L.A. 2022: Khristianstvo v Fanagorii. Arkheologicheskie svidetel'stva [Christianity in Phanagoria. Archaeological Evidence]. *Hypanis* 4, 69–106.
- Hachlili, R. 1997: Aspects of Similarity and Diversity in the Architecture and Art of Ancient Synagogues and Churches in the Land of Israel. *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins* 113, 92–122.
- Hakola, R. 2016: Galilean Jews and Christians in Context: Spaces Shared and Contested in the Eastern Galilee in Late Antiquity. In: J. Day, R. Hakola, M. Kahlos. U. Tervahauta (eds.), *Spaces in Late Antiquity Cultural, Theological and Archaeological Perspectives: Cultural, Theological and Archaeological Perspectives*. London–New York, 141–165.
- Harrison, R.M. 1986: *Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. I. *The Excavations, Structures, Architectural Decorations, Small Finds, Coins, Bones and Molluscs*. Princeton.
- Hezser, C. 2023: Byzantine Synagogue Legislation, Christianization, and Postcolonial Theory. In: J. Hahn (ed.). *Expropriation and Destruction of Synagogues in Antiquity*. Leiden–Boston, 1–28.
- Iozhitsa, D.V. 2022: Rannesrednevekovyye kapiteli iz raskopok “Karalezskoy baziliki” [Early Byzantine capitals from excavations at the “Basilica of Karales”]. *Materialy po arkheolo-*

- gii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XXVII, 144–165.
- Kalinina, T.M. 2012: Simvoly sakral'noy vlasti v Khazarii. In: N.A. Alekseenko, H. Hoffmann (eds.), *Sacrum et Profanum. Iss. V. Pamyat' v vekakh: ot semeynoy relikvii k natsional'noy svyatyne* [Sacrum et Profanum. Issue. V. Memory through the Ages: from a Family Heirloom to a National Shrine]. Sevastopol, 53–59.
- Kapitän, G. 1969: The Church Wreck off Marzamemi. *Archaeology* 22.2, 122–133.
- Kautsch, R. 1936: *Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitelle im Osten vom vierten bis ins siebente Jahrhundert*. Berlin–Leipzig.
- Khrushkova, L.G. 2016: Rannevizantiyskie kapiteli i drugie elementy arkhitekturnogo dekora iz yugo-zapadnogo Kryma [Early Byzantine capitals and other elements of architectural decoration from Southwestern Crimea]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya "Istoricheskie nauki"* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Series "Historical Sciences"] 2.2, 137–162.
- Khrushkova, L.G. 2019: Rannevizantiyskie kapiteli iz Khersonesa Tavricheskogo [Early Byzantine capitals from Taurian Chersonesus]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region] 11, 1–167.
- Klenina, E.YU., Bernatski, A.B. 2017: Novyy khristianskiy kompleks v Khersonese: arkhitektura i khronologiya [A new Christian complex in Chersonesus: architecture and chronology]. In: M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski (eds.), *The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013* (ŚWIATOWIT Supplement Series C: Pontica et Caucasica. Vol. I). Warsaw, 105–119.
- Levinskaya, I.A., Tokhtas'yev, S.R. 1993: The New Jewish Manumission from Phanagoria. *Bulletin of Judaeo-Greek Studies* 13, 27–28.
- Maguire, R. 2012: *Late Antique Basilicas on Cyprus. Sources, Contexts, Histories: Gazatteer*. Doctoral Thesis. University of East Anglia.
- Mango, C. 1986: *The Art of the Byzantine Empire 312–1453. Sources and Documents*. Toronto–Buffalo–London.
- Mokrousov, S. V. 2000: Krymskoe Priazov'e v rannevizantiyskoe vremya [The Crimean Azov in the Early Byzantine period]. In: P.I. Ivanenko (ed.), *Pantikapey–Bospor–Kerch'. 26 vekov drevney stolitse. Sbornik nauchnykh materialov yubileynoy konferentsii* [Panticapaeum–Bosporus–Kerch. 26 Centuries of the Ancient Capital. Collection of Scientific Materials of the Anniversary Conference]. Kerch, 99–102.
- Niewöhner, Ph. 2021: *Byzantine Ornaments in Stone: Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings*. Berlin–Boston.
- Novoseltsev, A.P. 1990: *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza* [The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow.
- Paraschiv, D., Iacu, I. 2013: The Christian Basilica of Ibida. Elements of Interior Decoration. *Arheologia Moldovei* XXXVI, 239–252.
- Peschlow, U. 2001: Kapitell. *Reallexikon für Antike und Christentum* 20, 58–123.
- Rutgers, L.V. 1992: Archaeological Evidence for the Interaction of Jews and Non-Jews in Late Antiquity. *American Journal of Archaeology* 96.1 (Jan., 1992), 101–118.
- Scranton, R.L. 1957: *Mediaeval Architecture: In the Central Area of Corinth* (Corinth. Results of Excavations 16). Princeton.
- Sodini, J.-P. 1984: La sculpture architecturale à l'époque paléochrétienne en Illyricum. In: Actes du Xe Congrès international d'archéologie chrétienne. Thessalonique, 28 septembre – 4 octobre 1980 (Studi di Antichità cristiana XXXVII et Hellenica. Suppl. 26). Vol. 1. *Rapports*. Vatican (Rome), 31–117.
- Sodini, J.-P. 1989: Le commerce des marbres à l'époque protobyzantine. In: C. Lepelley (ed.), *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. IVe–VIIe siècle*. T. I. Paris, 163–186.

- Sodini, J.-P. 2002: Marble and Stoneworking in Byzantium, Seventh–Fifteenth Centuries. In: A.E. Laiou (ed.), *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* (Dumbarton Oaks Studies 39). Washington, 129–146.
- Sodini, J.-P., Barsanti, C., Guiglia Guidobaldi, A. 1998: La sculpture architecturale en marbre au VIe siècle à Constantinople et dans les régions sous influence constantinopolitaine. In: *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christianae*. II (Studi di Antichità Cristiana 54). Split–Poreč, 301–376.
- Vanderheyde, C. 2012: The Architectural Decoration of the Early Byzantine Churches on the West Coast of the Black Sea. *III* 2, 6–9.
- Vasilyevskiy, V.G. 1912: Zhitie Ioanna Gotskogo. V kn.: *Trudy V.G. Vasil'evskogo* [Works of V.G. Vasilyevskiy]. Vol. II. Iss. 2. Saint Petersburg, 351–427.
- Vemi, V. 1989: *Les chapiteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne* (BCH. Suppl. XVII). Athènes–Paris.
- Yakobson, A.L. 1959: *Rannesrednevekovyy Khersones* [Early Byzantine Chersonesus] (Materialy i issledovaniya po Arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of USSR] 63). Moscow–Leningrad.
- Yegül, F.K. 1974: Early Byzantine Capitals from Sardis. A Study on the Ionic Impost Type. *Dumbarton Oaks Papers* 28, 265–274.
- Zinko, V.N., Zinko, E.A. 2018: Sakral'nye postroyki rannevizantiyskoy Tiritaki [Sacred buildings of early Byzantine Tyritace]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XXIII, 120–134.

IONIC IMPOST CAPITALS FROM THE EXCAVATIONS AT PHANAGORIA

Larisa A. Golofast

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: larisa_golofast@mail.ru

The discovery of two impost Ionic capitals in Phanagoria is of particular importance, since these are the first material evidence of the existence of an early Byzantine cult structure in the city. The article considers the question of the origin of this type of capitals, analyzes the problems of their typology and chronology. The place and the date of manufacture of the Phanagorian samples are determined, and a distribution area of similar ones is outlined. The finding of one of the capitals near the synagogue uncovered in the summer of 2023 suggests that the capitals belong to the architectural decoration of the synagogue, which testifies to a significant reconstruction of the synagogue itself or more probable of the complex of its premises in the second half of the 5th – early 6th centuries or to be more exact to the late 5th - early 6th centuries, i.e. when the Bosphorus was already in the sphere of influence of the Byzantine Empire, which had laws aimed at restricting the rights of the Jews. All these circumstances necessitated the detailed examination of the status of the Jews in the Byzantine Empire and the situation in the north-eastern Black Sea region. The question of the mutual location of the Christian church and the synagogue in the city structure is considered.

Keywords: Byzantine Empire, 5th – 6th centuries, Northeastern Black Sea region, basilica, synagogue, marble architectural details

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-85–96

КАМЕННЫЕ ЯЩИКИ ФАНАГОРИИ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ГРОБНИЦЫ ИЛИ КОЛЛЕКТИВНЫЕ УСЫПАЛЬНИЦЫ?

А.Н. Ворошилов¹, О.М. Ворошилова²

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

¹ E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru ² E-mail: helga-mir@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0003-2830-8114 ² ORCID: 0000-0002-9789-9168

Статья посвящена анализу группы эллинистических каменных гробниц в форме ящиков, обнаруженных в некрополе Фанагории. Рассматривается традиция погребения в этих сооружениях одного (12 случаев) или нескольких (4 случая) человек. На фоне численно преобладающих индивидуальных захоронений фиксируются единичные случаи единовременного и последовательного захоронения двух и более человек в пространстве одной гробницы. Рассматривается явление преднамеренного объединения отдельных усыпальниц в погребальные ансамбли, состоящие в том числе из разнотипных погребений. Авторы делают вывод об индивидуальном характере каменных ящиков Фанагории.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Фанагория, эллинизм, некрополь, каменные гробницы

Являясь самым большим и влиятельным городом в азиатской части Боспорского государства, Фанагория имела грандиозный некрополь¹. Помимо выдающихся размеров фанагорийский «город мертвых» отличался максимальным разнообразием погребальных сооружений. Знатные и состоятельные горожане имели возможность хоронить своих умерших в дорогих гробницах, в том числе построенных из пантикапейского известняка. В эпоху эллинизма помимо монументальных склепов городская элита использовала для погребения так называемые каменные ящики. Этот вид погребальной архитектуры был распространен на Боспоре, особенно в европейской его части. В качестве традиционных наименований этих погребальных сооружений используются термины «каменный ящик» и «плито-

Данные об авторах. Алексей Николаевич Ворошилов – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научной информации и подготовки публикаций ИА РАН; Ольга Михайловна Ворошилова – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН.

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

¹ Кузнецов 2013, 15.

вая могила»². Не останавливаясь на разборе терминологических дефиниций, отметим, что погребальные постройки Фанагории, возведенные из ровных блоков известняка, прямоугольные в плане и не имеющие входа принято называть каменными ящиками. Именно эти объекты анализируются в настоящем исследовании.

Каменные гробницы были элементом элитарной погребальной культуры столицы Азиатского Боспора. В немалой степени это обусловлено дороговизной качественного строительного камня, поставлявшегося в Фанагорию из Пантикапея морем. Не вызывает сомнений, что помимо высокой стоимости материала дорого стоила и сама работа высокопрофессиональных строителей, возводивших эти гробницы. Вполне закономерно, что заказать постройку таких усыпальниц могли только состоятельные люди.

Вероятно, именно этими обстоятельствами обусловлена относительная немногочисленность гробниц. На сегодняшний день из более полутора тысяч погребений, открытых в Фанагории при раскопках второй четверти XX – первой четверти XXI в., к интересующему нас типу относятся чуть менее полусотни объектов различной сохранности.

За исключением одного квадратного ящика с кремацией IV в. до н.э. во всех гробницах обнаружены остатки ингумаций. Большинство каменных ящиков имеют близкие пропорции и конструкцию.

Ящики сооружались в котловане из близких по размеру и форме известняковых плит. Границы котлованов имели в плане прямоугольную форму, покатые стенки и плоское горизонтальное дно размером с запланированную гробницу³. На первом этапе строительства по периметру дна котлована из поставленных на продольное ребро прямоугольных плит возводились стены. Продольная стена ящика состояла из трех-четырех плит, торцевая – из одной. Следует отметить, что при строительстве стен погребения в большинстве фанагорийских комплексов торцевые плиты приставлялись к продольным. Реже край каждой из четырех стен приставлялся к внутренней поверхности следующей стены⁴. В большинстве случаев для возведения стен использовали восемь, реже десять плит. Еще шесть таких блоков строители укладывали горизонтально на стены поперек ящика, плотно придвигали их друг к другу, формируя таким образом сплошное каменное перекрытие. При этом пол внутри гробницы, за редким исключением⁵, оставался земляным. В некоторых случаях, для придания вида каменной поверхности его засыпали известняковой крошкой и утрамбовывали. В результате этих действий пол выглядел каменным.

Пространство между внешними сторонами вертикально установленных плит и стенами котлована забутовывалось грунтом, вынутым при выкапывании котлована. Именно поэтому границы котлована часто не «читались» при зачистках и вертикальных разрезах. Однако, наличие самого котлована подтверждают разновеликие осколки камня в его заполнении, прижатые снаружи к плитам. Они использовались для лучшей фиксации стен, которые распирались этими обломками.

² Масленников 1995, 28.

³ Ворошилов, Ворошилова 2016, 25.

⁴ Ворошилов, Ворошилова 2020, 478.

⁵ Ворошилова, Ворошилов, Шавырина 2022, 7.

Рис. 1. Каменные ящики Фанагории: 1 – погребение 2013/190; 2 – погребение 2016/275.
Fig. 1. Stone boxes of Phanagoria: 1 – burial 2013/190; 2 – burial 2016/275.

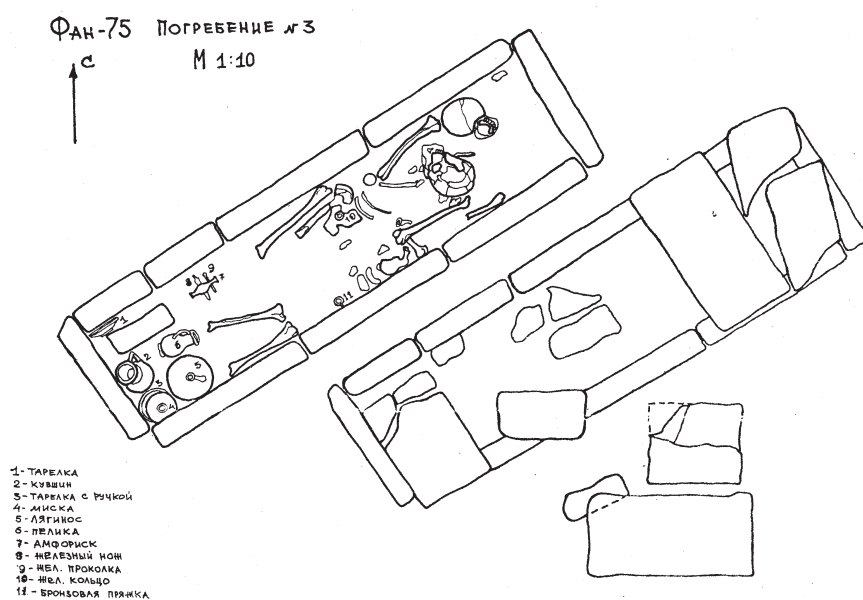

Рис. 2. Фанагория. Погребение 1975/3.
Fig. 2. Phanagoria. Burial 1975/3.

Рис. 3. Фанагория. Погребение 2000/13.
Fig. 3. Phanagoria. Burial 2000/13.

Рис. 4. Фанагория. Погребение 2014/222.
Fig. 4. Phanagoria. Burial 2014/222.

Рис. 5. Фанагория. Погребение 2014/228.

Fig. 5. Phanagoria. Burial 2014/228.

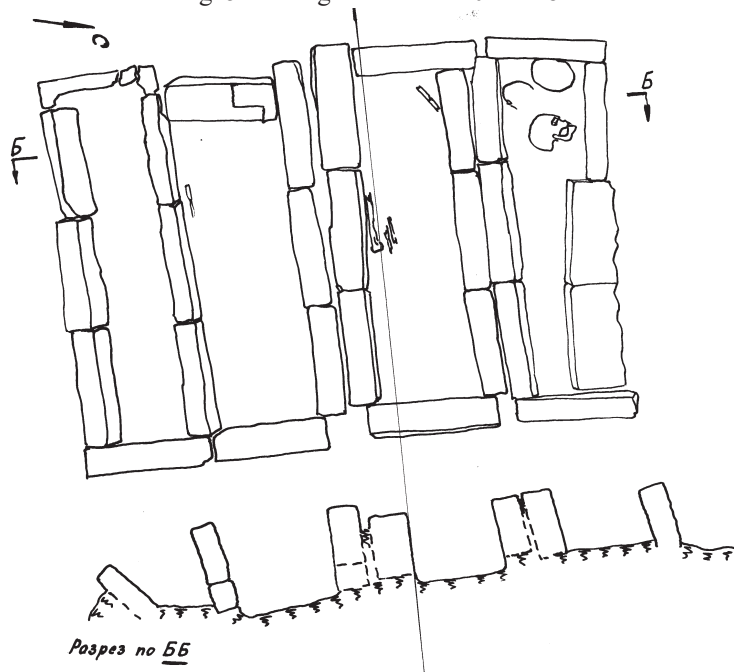

Рис. 6. Фанагория. Погребение 1964/153.

Fig. 6. Phanagoria. Burial 1964/153.

Рис. 7. Фанагория. Погребение 1964/западный некрополь.
Fig. 7. Phanagoria. Burial 1964/Western necropolis.

Рис. 8. Фанагория. Погребения 1980/24Б и 1980/25Б.
Fig. 8. Phanagoria. Burials 1980/24B and 1980/25B.

Рис. 9. Фанагория. Погребения 2019/320 и 2021/321.
Fig. 9. Phanagoria. Burials 2019/320 and 2021/321.

Иногда удается определенно интерпретировать эти захоронения как подкурганные, в некоторых случаях, планиграфическая ситуация, подкрепленная стратиграфическими наблюдениями, позволяет говорить о регулярном расположении этих гробниц в пространстве некрополя.

Большинство открытых гробниц были ограблены и полуразрушены в древности. Находки таких погребений в нетронутom состоянии крайне редки. В последние годы Некропольскому отряду Фанагорийской экспедиции ИА РАН удалось обнаружить несколько подобных усыпальниц, не разоренных грабителями. Эти сооружения располагались совсем неглубоко — иногда их каменные перекрытия залегают в полуметре от современной дневной поверхности или немногим глубже (в основном до 1 м).

Каменные ящики довольно широко представлены в некрополях Азиатского Боспора. Особенно много открыто их на территории богатой камнем: в некрополе Горгииппии и на Европейском Боспоре. Здесь эти сооружения появляются уже в VI–V вв. до н.э., а начиная с IV в. до н.э., со времени объединения Боспора в единое государство, они распространяются на Азиатском Боспоре. Такие гробницы широко известны в греческом мире, например в Ионии, Милете, Абдерах⁶. Между тем, подавляющее большинство каменных ящиков Фанагории сооружалось во II в. до н.э., редко раньше – во второй половине III – первой половине II в. до н.э.

Как правило, фанагорийские каменные ящики содержали захоронение одного взрослого человека, сопровождавшееся многочисленным и разнообразным инвентарем (рис. 1). Несмотря на то, что в подавляющем большинстве случаев погребения основательно разорены грабителями, из полусотни гробниц в двенадцати случаях удалось достоверно установить нахождение в погребении одного человека. Все эти случаи можно назвать стандартными.

Достоверные свидетельства захоронения в пространстве одного ящика двух и более индивидов происходят из четырех гробниц. Все эти контексты индивидуальны. Кратко их рассмотрим.

Гробница 1975/3 содержала парное захоронение⁷. Скелеты взрослых погребенных сильно потревожены грабителями (рис. 2). Погребальный инвентарь позволяет датировать комплекс III–II вв. до н.э., скорее всего II в. до н.э.

Гробница 2000/13 (рис. 3) содержала два захоронения взрослых людей⁸. Первым был похоронен мужчина, его скелет обнаружен на полу ящика. Позже, над погребением мужчины было совершено захоронение женщины. Ее скелет находился буквально под крышкой ящика. Скелеты погребенных разделяла прослойка земли мощностью около 20 см. Погребальный инвентарь позволяет датировать оба захоронения III–II вв. до н.э. Не исключено, что подзахоронение было совершено через годы или десятилетия после постройки гробницы, а люди из нее были связаны родственными связями (супруги?).

Гробница 2014/222 (рис. 4) имела два стратиграфических уровня⁹. Верхний (поздний) уровень представлял собой захоронение молодой женщины с набором краснолаковой посуды I в. до н.э. Нижний (ранний) уровень обнаружен сразу под скелетом вторичного погребения. Он представлял собой скопление человеческих костей с предметами II в. до н.э. Кости раннего этапа функционирования гробницы принадлежали мужчине, двум женщинам и трем детям. Таким образом из этого ящика происходят останки семи человек, шесть из которых относятся к раннему этапу использования гробницы во II в. до н.э.

Гробница 2014/228 содержала парное захоронение мужчины 35–39 лет и ребенка 7–8 лет¹⁰. Судя по расположению останков (рис. 5), погребенные были захоронены одновременно вместе. Мужчина лежал на спине, а ребенок был уложен на левый бок вдоль туловища мужчины, головой на его плечо. Руками ребенок

⁶ Сударев 2010, 431.

⁷ Ворошилова 2018, 8.

⁸ Шавырина, Ворошилова 2013, 476–478.

⁹ Ворошилов, Ворошилова 2016, 27.

¹⁰ Ворошилов, Ворошилова 2016, 26–27.

обнимал правую руку мужчины. Погребальный инвентарь позволяет датировать комплекс II в. до н.э.

Как мы видим, из четырех описанных археологических контекстов только в одном случае (2014/228) достоверно зафиксировано единовременное захоронение двух человек (родителя и ребенка?). В одном случае выявлено последовательное захоронение в пространстве одной гробницы мужчины и женщины (супруги?), совершённое с ощутимым временным интервалом (2000/13). Контекст, обнаруженный в погребении 1975/3 оставляет возможности для интерпретации захоронений как единовременных или последовательных, но близких по времени.

Ситуация из погребения 2014/222 стоит особняком. Оставив за скобками вторичное погребение, совершенное спустя столетие после постройки гробницы, в остатке мы имеем фрагментированные останки шестерых человек, датируемые II в. до н.э. Положение костей в гробнице ассоциируется с ближневосточными каменными оссуариями, в которые собирались кости после разложения мягких тканей, или с этнографическими монашескими традициями погребений в одну могилу последовательно многих людей до момента скелетирования останков с последующим их полным извлечением. Очевидно, что шесть тел никак не могли поместиться в ящик единовременно, поэтому в данном случае, вероятно, речь идет об использовании ящика для систематических последовательных захоронений с последующим частичным изъятием костей из пространства гробницы. Хотя полностью возможность совместного захоронения двух человек исключать и в этом случае нельзя.

Таким образом на сегодняшний день зафиксировано четыре случая группировки останков нескольких индивидов, вероятно связанных родственными связями, в погребальном пространстве одного ящика.

Еще одним выявленным феноменом проявления посмертного воссоединения родственников уже в пространстве некрополя, а не одной каменной гробницы, являются захоронения в отдельных погребениях, в непосредственной близости друг от друга, объединённых в единый ансамбль.

Приведем наиболее яркие примеры этого явления. В нескольких контекстах фиксируются серии ящиков, последовательно возводимых вплотную друг к другу и, вероятно, предназначавшихся для индивидуальных захоронений членов одной семьи или другой социальной группы. Например, комплекс 1964/153 сформирован из четырех ящиков¹¹, построенных вплотную друг к другу и соприкасающихся продольными стенами (рис. 6). В одном случае для экономии материала пара ящиков имеет общую стену. Еще одним примером соединения двух ящиков в один погребальный ансамбль (рис. 7) может служить находка на западном некрополе Фанагории, сделанная так же в 1964 г.¹² Связь этих комплексов помимо планиграфии, проявляется еще и в погребальном инвентаре – в обоих захоронениях присутствуют редкие серолощенные сосуды. Интересной иллюстрацией этого явления является каскад из двух каменных ящиков (погребения 1980/24Б, 1980/25Б) недвусмысленно связанных планиграфически и стратиграфически в один архитектурный ансамбль (рис. 8).

¹¹ Коровина 1987, 101–102.

¹² Коровина 1987, 106–107.

Не менее наглядные сюжеты взаимозависимости каменных ящиков и других типов погребальных сооружений выявлены в последние сезоны. Самым ярким и однозначным контекстом стало взаимное расположение синхронных гробниц 2019/320 (ящик) и 2021/321 (подбойная могила). Эта ситуация позволяет говорить о согласованности разнотипных погребальных комплексов в едином погребальном ансамбле (рис. 9).

Ощутимое преобладание среди погребений в каменных ящиках индивидуальных захоронений (12 достоверных случаев) над коллективными (4 достоверных случая) позволяет говорить о том, что этот вид погребальных сооружений воспринимался населением эллинистической Фанагории прежде всего как индивидуальное погребальное пространство. Дополнительным аргументом, укрепляющим эту гипотезу, служит выявленный феномен преднамеренного объединения отдельных погребений в погребальные ансамбли, состоящие в том числе из разнотипных погребений. Эти ситуации являются ярким проявлением того, что имея возможность подзахоронения в пространство каменного ящика жители эллинистического города предпочитали хоронить родственников рядом, но в отдельных индивидуальных гробницах. Вполне вероятно, что позднеэллинистические каменные ящики имитировали пространство каменных саркофагов для индивидуальных погребений. Косвенным подтверждением этого являются размеры сооружений и их конструкция. Немногочисленные отступления от этой традиции можно объяснить конкретными обстоятельствами, например, единовременной смертью двух родственников, особенно тесной связью последовательно погребенных родственников и другими подобными ситуациями.

ЛИТЕРАТУРА

- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2016: О новых находках эллинистических каменных «ящиков» в Фанагории. В кн.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время*. М., 23–28.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2020: Каменная эллинистическая гробница из раскопок Фанагории в 2019 г. *Археологическое наследие* 1 (3), 477–487.
- Ворошилова, О.М. 2018: Погребения в каменных ящиках из раскопок Фанагории в 1975 г. *ПИФК* 1, 5–11.
- Ворошилова, О.М., Ворошилов, А.Н., Шавырина, Т.Г. 2022: Эллинистическое погребение с набором золотых украшений из Фанагории. *ПИФК* 4, 5–16.
- Коровина, А.К. 1987: Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.). В сб.: И.Е. Данилова, Н.А. Сидорова, Л.М. Смирнова (ред.), *Культура и искусство Боспора. Азиатский Боспор (СГМИИ VIII)*. М., 71–109.
- Кузнецов, В.Д. 2013: Фанагория: некоторые итоги исследования. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории* (Фанагория 1). М., 12–41.
- Масленников, А.А. 1995: *Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.)* (Боспорский сборник 8). М.
- Сударев, Н.И. 2010: Некрополи и погребальные обряды. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. II. М., 418–473.
- Шавырина, Т.Г., Ворошилова, О.М. 2013: Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.). В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Результаты археологических исследований* (Фанагория 1). М., 415–481.

REFERENCES

- Korovina, A.K. 1987: Nekropol' Fanagorii (raskopki 1964–1965 gg.) [The Necropolis of Phanagoria (1964–1965 excavations)]. In.: I.E. Danilova, N.A. Sidorova, L.M. Smirnova (eds.), *Kul'tura i iskusstvo Bospora. Aziatskiy Bospor [Culture and Art of the Bosporus. Asiatic Bosporus]* (Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina [Transactions of the Pushkin State Museum of Fine Arts] 8). Moscow, 71–109.
- Kuznetsov, V.D. 2013: Fanagoriya: nekotorye itogi issledovaniya [Phanagoria: some results of the study]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy (Phanagoria. Results of Archaeological Research)* [Phanagoria, vol. 1]. Moscow, 12–41.
- Maslennikov, A.A. 1995: Kamennye yashchiki Vostochnogo Kryma (K istorii sel'skogo naseleniya Evropeyskogo Bospora v VI–I vv. do n.e.) [Stone boxes of the Eastern Crimea (On the history of the rural population of the European Bosporus in the 6th – 1st centuries BC)] (Bosporskiy sbornik) [Bosporan Miscellany] 8. Moscow.
- Shavyrina, T.G., Voroshilova O.M. 2013: Issledovaniya Zapadnogo nekropolya Fanagorii (po materialam raskopok 1987–2000 gg.). In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy (Phanagoria. Results of Archaeological Research)* [Phanagoria, vol. 1]. Moscow, 415–481.
- Sudarev, N.I. 2010: Nekropoli i pogrebal'nye obryady [Necropolises and funeral rites]. In.: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (ed.), *Antichnoe nasledie Kubani [Ancient Heritage of Kuban]*. Vol. II. Moscow, 418–473.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2016: O novykh nakhodkakh ellinisticheskikh kamennykh “yashchikov” v Fanagorii. [Recent discoveries of Hellenistic stone “boxes” in Phanagoria] In D.V. Zhuravlev, U. Schlottzauer (eds.), *Aziatskiy Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremya [Asiatic Bosporus and the Kuban Region in Pre-Roman Times]*. Moscow, 23–28.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2020: Kamennaya ellinisticheskaya grobnitsa iz raskopok Fanagorii v 2019 g. [Stone Hellenistic tomb (2019 excavations at Phanagoria)]. *Arkheologicheskoe nasledie [Archaeological Heritage]* 1 (3), 477–487.
- Voroshilova, O.M. 2018: Pogrebeniya v kamennykh yashchikakh iz raskopok Fanagorii v 1975 g. [Burials in stone boxes: 1975 excavations at Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 1, 5–11.
- Voroshilova, O.M., Voroshilov, A.N., Shavyrina, T.G. 2022: Ellinisticheskoe pogrebenie s naborom zolotykh ukrasheniy iz Fanagorii [A Hellenistic burial with gold jewelry from Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 5–16.

STONE BOXES IN PHANAGORIA:
INDIVIDUAL OR COLLECTIVE TOMBS?Aleksey N. Voroshilov¹, Olga M. Voroshilova²*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*¹ *E-mail:* voroshilov.aleksej@yandex.ru ² *E-mail:* helga-mir@yandex.ru

The paper deals with a group of Hellenistic stone tombs in the form of a box, discovered in the necropolis of Phanagoria. The tradition of burying one person (12 cases) or several (4 cases) in these structures is considered. Against the background of numerically predominant individual burials, isolated cases of simultaneous and consecutive burials of two or more persons in the space of one tomb are recorded. The phenomenon of deliberate unification of individual tombs into funerary ensembles, including those consisting of different types of burials, is considered. Based on the analysis of all known materials, a conclusion is made about the individual nature of the stone boxes of Phanagoria.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Phanagoria, Hellenism, necropolis, stone tombs

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 97–111
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 97–111
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-97–111

К ДИСКУССИИ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ГРАФФИТО ФАНАГОРА»

С.Ю. Сапрыкин

*Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

E-mail: mithridates@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8300-2535

Статья посвящена новому прочтению граффито на стенке хиосской амфоры из раскопок Фанагории, где, по предположению некоторых исследователей, вычитывается имя Фанагора – ойкиста колонистов Теоса, основавших Фанагорию. В связи с тем, что по поводу этой надписи развернулась целая дискуссия и выдвигались различные версии прочтения, автор статьи приводит все высказанные ранее точки зрения, включая и его собственную, критически встреченную оппонентами. Учитывая все замечания и предложения, выдвигавшиеся в ходе дискуссии, автор статьи заново обратился к граффито, которое, согласно его новому прочтению, не имеет ничего общего ни с ойкистом Фанагором, ни с другими божествами, якобы фигурирующими в надписи. Граффито является торговой запиской, связанной с продажей рыбы в Фанагории или ее одноименном эмпории, а, быть может, проданной или переданной для продажи некоему Фанагору, причем сорт рыбы указан – это кериды, известная своими вкусовыми качествами и ценимая древними эллинами.

Ключевые слова: Фанагория, Фанагор, граффито, кериды, эмпорий, получение дохода с продажи, рыбный промысел, засолка рыбы, рыбный рынок

В 2015 г. появилась предварительная публикация граффито из Фанагории, начертанное на обломке хиосской амфоры третьей четверти VI в. до н.э., в тексте которого якобы прочитывалось имя Фанагора (рис. 1). По мнению автора первой его публикации, этот Фанагор тождествен ойкисту города Фанагории, от которого она получила свое название. Он, как полагал автор публикации надписи, жил в Теосе, метрополии фанагорийцев, поэтому граффито было датировано ок. 540 г. до н.э. В 2016 г. автор публикации надписи атрибутировал граффито как письмо Фанагору, имя которого поставлено в вокативе $\Phi\alpha\nu\alpha\gamma(\omicron)\rho(\acute{\alpha})$, т.е. «О, Фанагор!», а человек, написавший это письмо, якобы обращался к нему с пожеланием или

Данные об авторе. Сергей Юрьевич Сапрыкин – доктор исторических наук, профессор, ведущий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН.

просьбой. Вертикальная черточка в начале надписи перед именем Фанагора была принята за разделитель между словами¹.

После первой публикации была предпринята попытка иначе интерпретировать надпись: ее предлагалось читать как | ΦΑΝΑΓΡ / Ε ΚΗΡΣ / |ς ΗΡΗΣ, т.е. 10 Φαναγ(ό) ρ(ου), 5 Κηρί, 13 Ἡρης – «10 – Фанагора, 5 – Кэре, 13 – Геры». Автор этого чтения исходил из того, что граффито будто бы было написано двумя разными людьми, отчего в тексте наблюдается чередование родительного и дательного падежей². Н.В. Завойкина отозвалась немедленно: она предложила читать граффито как ΙΦΑΝΑΓΡ / ΕΙ<ΗΙΣ> / ΙςΗΡΗΣ, т.е. Φαναγ(ό)ρ<εω> vel <ης> / ΕΙ< Ἡϊος / Ις Ἡρης – «Обол Фанагору, 5 оболы и половина (обола) Эйей, обол и гемиобол для Геры». Продолжая настаивать на том, что Фанагор в надписи это героизированный ойкист Фанагории, она уточняет, что граффито является записью приношений богам – Аполлону Эйю (хотя имя бога отсутствует, что крайне необычно для подобных надписей – С.С.) и Гере. К ним она добавляет и имя умершего ойкиста Фанагора, героизированного или обожествленного основателя Фанагории³.

Обстоятельная критика этих положений, трактовки палеографии, интерпретации и чтения надписи вышеназванными коллегами была высказана нами в специальной работе, вышедшей в 2019 г.⁴ Не повторяя уже сказанного (желающий узнать детали может обратиться к нашей статье), отметим только, что имя Фанагора было нами предложено интерпретировать как имя обычного человека, что засвидетельствовано в эллинской ономастике. Хотя мы не исключали и возможность отнести его одноименному ойкисту. Стк. 2 мы читали как ἐκ Ἴκσ(ίω) = ἐκ Ἀξ(ίω) – «от Аксия» в ионийской огласовке с характерной заменой ξ > κσ, а в стк. 3 мы предположительно вычитывали имя Κάρας = Κάρης в ионийской традиции с заменой α > η. На этом основании граффито было истолковано как коммерческий документ, очевидно, принадлежавший торговцу или ростовщику, передавшему Фанагору (или посвятившему ойкисту) соответствующую сумму денег – диобол от Аксия (Эксия) и триобол от Кереса.

Наши чтение и трактовка надписи вызвали критику со стороны Ф.В. Шелова-Коведяева⁵. Он согласился с невозможностью восстановления в граффито эпигрита Аполлона Ἡϊος и почему-то, вопреки очевидному, принимает отчетливую сигму в стк. 2 за совсем другую букву (непонятно какую). И в то же время отметил, что «искушенному эпиграфисту (sic!) ясно, что 2 и 4 знаки в стк. 2 и 1 в стк. 4 не могут быть одной и той же литерой» и различные начертания Ρ в сткк. 1 и 3 и в стк. 2 показывают, что «писали две руки». На это замечание теперь можно ответить следующее: литера 2 в стк. 2 действительно отличается от литеры 4 в этой строке и литеры 1 в стк. 4. В то же время литеры 4 в стк. 2 и литера 1 в стк. 4 близки по написанию, но не тождественны, на основании чего можно сделать вполне закономерный вывод, что надпись писалась не «двумя разными руками» двух разных авторов, а одной рукой одного автора, поскольку литеры 2 и 4 в стк. 2 и литера 1 в стк. 4 представляют собой разные буквы. Стиль написания текста

¹ Завойкина 2015, 132–133; 2016, 42, № 1; 2017, 209, № 48.

² Шелов-Коведяев 2018, 98–100.

³ Завойкина 2018, 292–299; 2020, 245–250.

⁴ Сапрыкин 2019, 473–479.

⁵ Шелов-Коведяев 2020, 429–431; 2021, 419, 420.

одинаков, но буквы нанесены на черепок с разной степенью выдержанности. При этом литера 4 стк. 2 и литера 1 стк. 4 представляют собой одну и ту же букву, скорее всего, каппу, которая в стк. 4 начертана курсивно и торопливо, но при этом чувствуется один почерк (если об этом можно утверждать применительно к индивидуальным граффито)⁶. Далее в наш адрес выдвигается другой упрек, а именно: отсутствие доказательств существования культа богини Кэры в Северном Причерноморье не может являться аргументом в научном споре, поэтому теоним этой богини в стк. 2 надписи вполне возможен. Против этого заключения мы уже выдвигали аргументы – к ним считаем справедливым добавить, что имя этой богини ни в стк. 2 ни в стк. 4 не читается, поскольку букву ро автор граффито выписывал совершенно иначе (на это указывает ее архаическое написание в сткк. 1 и 4). К тому же явная Σ в конце стк. 2 и в конце стк. 4 исключает датив Κηρί в стк. 2. Ко всему прочему вызывает сомнение чередование цифр по алфавитной и акрофонической системе в одном тексте. Акрофоническая и алфавитная системы в Ионии использовались параллельно, но применение их в одном том же документе практически не встречается. К тому же алфавитная система счета была введена в Афинах только в V в. до н.э.⁷

Критику чтения в фанагорийском граффито имени богини Кэры высказал И.Е. Суриков: «встретить денежное пожертвование Кэре рядом с денежным же жертвованием Гере (чтение имени в третьей строке (на самом деле в четвертой – С.С.) считаем надежным), верховной богине, воспринимавшейся, естественно, как благая сила, – это выглядит абсурдным...» – справедливо пишет он. И.Е. Суриков исходит из того, что богиня Кэра представлялась эллинам «губительным демоном» и в источниках ее имя фигурировало во множественном числе. При этом его ссылки на православную традицию для сравнения с греческими языческими представлениями выглядят совершенно антиисторичными. И.Е. Суриков поддерживает чтение Н.В. Завойкиной стк. 2 – эпитет Аполлона Ἠϊός⁸, не обращая при этом внимания на то, что он встречается исключительно в эпической поэзии – в гомеровской Илиаде (Ном. II. 15. 365; 20. 152) и гимнах Аполлону (Ном. *Нутп. Apol.* 120), где относится к Фебу или Фебу-Аполлону и всегда (или чаще всего) сопровождает имя бога или же его эпитет Феб. Он происходит от хвалебных выкриков богу при его прославлении (ср. LSJ s.v. ἦϊον) и в качестве самостоятельной эпиклесы не засвидетельствован, в том числе на Боспоре⁹. Ко всему прочему эпиклеса бога Аполлона без упоминания имени бога на Боспоре не встречаются (даже прозвище Феб сопровождается именем Аполлона¹⁰). Поэтому прозвище Феба – Эйон – без имени бога и к тому же в контексте с именами богини Геры и ойкиста Фанагора (в чтении Завойкиной – С.С.) вряд ли могло быть начертано в фанагорийском граффито. По законам эпиграфики поэтическая

⁶ Особенность написания автором надписи буквы К в том, что он не соединял ее вертикальную гаску с боковыми усиками – в первом случае под влиянием угловой сигмы он выписал эти усики в форме угла, а в последнем слове начертал усики в виде лунарной полудуги, что также было свойственно при начертании сигмы, поскольку в его время угловая и дугообразная сигма совпадали, о чем будет речь ниже.

⁷ Hackl 1909, 8–10; Talcott 1935, 515, 516.

⁸ Суриков 2022, 162.

⁹ Кучеревская 2018, 335.

¹⁰ Тохтасев 2004, 145; Шелов-Коведяев 2020, 428; 2021, 420; Суриков 2022, 162.

форма эпитета божества не употреблялась в утилитарной надписи, которую воплощает собой фанагорийское граффито. К тому же Ἡῖος чисто технически не прочитывается в стк. 2, на что мы уже указывали в 2019 г.¹¹

Наши критики не обращают никакого внимания и на тот факт, что эта в конце слова в стк. 4 вообще не читается – в оригинале мы видим лишь две Ι Ι без характерной для Η средней гасты, связывающий две вертикальные боковые гасты. Последнее ставит под большое сомнение возможность читать в стк. 4 имя богини Геры, на чем настаивают Н.В. Завойкина, Ф.В. Шелов-Коведяев и И.Е. Суриков. Н.В. Завойкина в 2020 г. и И.Е. Суриков поддержали некоторые положения, высказанные Ф.В. Шеловым-Коведяевым, в частности, его мнение о том, что чтение имени Экси́й-Акси́й невозможно, так как звук α в слове Ἀξιός краткий, а замена более характерного для надписей с указанием сумм и товаров «от кого-либо» предлога ἀπό на ἐκ (из/от) ошибочно¹². С этим мы теперь полностью согласны, тем более что предлог ἐκ перед гласным по правилу приобретает форму ἐξ. Таким образом итогом дискурса по поводу фанагорийского граффито стало появление двух версий – коммерческой, по которой имя Фанагора не принадлежит обожествленному ойкисту Фанагории, и сакральной, согласно которой в граффито упоминается ойкист Фанагории и божества, к которым относятся выраженные в цифрах (по акрофонической и алфавитной системам) приношения.

В связи с тем, что мнения специалистов относительно прочтения и трактовки граффито серьезно различаются и единой точки зрения пока не сложилось, мы решили предпринять новую попытку изучить фанагорийскую надпись с учетом высказанных в литературе критических замечаний и версий. Мы исходим из того, что смысл этого действительно сложного памятника зависит от правильного прочтения стк. 2 и от понимания значения черточек в сткк. 1 и 3, а также от слова в стк. 4. Для того, чтобы понять смысл текста, важно выявить особенности его палеографии. Во-первых, учитывать сокращения слов, которые использует автор граффито. Во-вторых, принять во внимание близкое по стилю, но различающее в деталях, начертание букв 2 и 4 в стк. 2 и буквы 1 в стк. 4. С учетом невозможности использования алфавитной и акрофонической систем счета в одном граффито, мы предполагаем начало стк. 2 читать не как ΕΚ(...), а как ΕΙ(= εἰς(...), окончание строки как ΚΣ = κς(...), а все слово как εἰσῆκς(...). При таком подходе перед нами глагол εἰσῆκω в форме будущего времени с основой на согласный звук – εἰσῆκς(ω) = εἰσῆξ(ω). Основное его значение «входить» (ср. Dio Cass. XXXVII. 32: ἐς τὴν οἰκίαν ἐσάξειν – «прийти в дом»), «достигать» (ср. Aeschyl. Ag. 1181), «простирается» или «то, что пришло», «то, что должно прийти», в том числе с оттенком дохода (LSJ. s.v. εἰσῆκς). Этот глагол в значении «получения дохода» или прибыли, т.е. по-простому «прихода» в отличие от расходов, убедительно выступает в отчетах гиеропеев храма Аполлона на Делосе 377–374 гг. до н.э. (ID 98). В них говорится о ренте со священной земли на Ренее и Делосе и ренте с аренды домов в Афинах и на Делосе, что принесло доход в 8 талантов, 4644 драхмы и 2½ оболы. Но особенно показательны отчеты гиеропеев храма II в. до н.э.: καὶ τότε ἄλλο ἀργύριον εἰσῆκει τῷ θεῷ ἐνοικίων; № 145: καὶ τότε ἄλλο ἀργύριον εἰσῆκει

¹¹ Сапрыкин 2019, 475.

¹² Шелов-Коведяев 2020, 431; Завойкина 2020, 251; Суриков 2022, 162.

τῶι θεῶι ἐνηροσίῳν, где τὸ ἐνοίκιον – аренда домов, а τὸ ἐνηροσίῳν – рента, аренда земли (ср. ID 314) ¹³. Таким образом глагол εἰσῆκω в числе прочего применялся для обозначения «прихода» или получения прибыли и дохода, который должен поступить с чего-либо. В делосских документах это доход храма с аренды земли и домов. Поэтому использование его в граффито из Фанагории показывает, что его автор должен получить прибыль от того, что он, очевидно передал тому, кто упоминается в стк. 1.

Если предложенное чтение справедливо, то обращает на себя внимание использование в палеографии надписи двух форм *сигмы* – угловатой (и четырехчастной Σ с непараллельными усиками. Учитывая предложенную датировку граффито – вторая половина – конец VI – начало V в. до н.э. (предлагается и более ранняя дата), это вполне соответствует правилу. В восточной группе ионийских алфавитов V в. до н.э. угловатая и лунарная *сигма* отличается от классического написания лунарной *сигмы*, так как представляет собой эволюцию от четырехчастной к угловато-лунарной *сигме* Σ – C = <, а в аттическо-ионийском алфавите от трехчленной ионийско-аттической к угловато-лунарной *сигме*: 4 – ζ – (– C = <, поэтому еще в папирусах IV в. до н.э. C = < ¹⁴. В VIII – первой половине VI в. до н.э. в граффити и дипинти в местных алфавитах Ионии и Хиоса употреблялась ранняя форма *сигмы* 3, 4, ζ, Σ ¹⁵. Замена аттической трехчастной *сигмы* 4 на ионийскую четырехчастную *сигму* Σ произошла ок. 446 г. до н.э. и полностью завершилась к 415 г. до н.э. Лунарная *сигма* раньше всего появляется в частных документах V в. до н.э., а в V–IV вв. до н.э. встречается и угловатая *сигма* ¹⁶.

У оппонентов может возникнуть вопрос – применение одной и той же буквы в различных формах написания в одном и том же слове выглядит весьма странно. На это можно ответить следующее. В аттическом граффито IV–III вв. до н.э. со списком столовой и кухонной посуды, начертанным одной рукой, встречается чередование четырехчастной и лунарной *сигмы* ¹⁷. Еще показательнее граффито из Ольвии с так называемым «изречением членов фиаса бореиков», которое по контексту находки относится V в. до н.э., по форме донца сосуда также восходит к V в. до н.э., а по шрифту его предлагается датировать не ранее IV в. до н.э. – в его тексте разнообразие форм *сигмы*: Σ – 4 – ζ – (– C, < ¹⁸. Другой особенностью надписи является сохранение архаической формы κσ = ξ. Примеры такого двойного консонантизма κσ (χσ) = ξ, ξ = ξσ = σ, характерного для VI – начала V в. до н.э., приведены нами ранее ¹⁹. К ним можно добавить κξ = ξ в одной из надписей Кизика (LGPN V.A. 40), а также сочетание ξσ = ξ в надписях на ионийском диалекте VII – начала VI в. до н.э., что объясняется твердым сохранением в различ-

¹³ Homolle 1882, 1167, № 140.

¹⁴ Wright 1896, 87–88; Gorissen 1978, 149–162. То же и в цифровых обозначениях: < = C = ½ (Threatte 1980, 105). О чередовании букв γ C < в аттических надписях см. Larfeld 1914, 301.

¹⁵ Cook, Woodhead 1952, 160; Jeffery 1961, 30–38; Cook 1998, 8–10.

¹⁶ McLean 2002, 41.

¹⁷ Lang 1976, 10 B12.

¹⁸ Русяева 2010, 54–56, табл. 14, 1; ср. Dubois 1996, no. 95.

¹⁹ Сапрыкин 2019, 477.

ных регионах Греции согласного звука *кси*²⁰, отчего X (или +) переходило в кς²¹. Автор граффито совмещал более раннюю Σ с расставленными усиками с более поздней угловатой ее формой, появившейся не ранее V в. до н.э., а сохранявшийся в произношении согласный Ξ выразил архаическим по форме сочетанием ΚΣ. Ранняя четырехчастная *сигма* ионийского алфавита в сочетании с угловато-лунарной ее формой свидетельствует о возможной датировке граффито чуть более поздним временем, нежели предложено в литературе (ок. 540 г. до н.э.). На наш взгляд, его следует датировать самым концом VI в. до н.э. или же началом – первой половиной V в. до н.э., когда появилась угловатая *сигма*. Эта дата совпадает с датировкой амфоры, которой принадлежит фрагмент с граффито. Две полосы красной краской позволяют отнести этот тип хиосских амфор к последней трети VI в. до н.э. (тип III «пухлогорлый» – ранний вариант III-A)²².

Большое значение для понимания граффито представляет первая строка | ΦΑΝΑΓΡ (мы согласны с оппонентами, что в ней не две, а одна вертикальная черта). Ее предлагалось читать как имя Фанагора – обожествленного ойкиста города Фанагории, или в качестве имени простого фанагорийца, популярного в эллинском мире. К сожалению, в том виде, в котором оно сохранилось в граффито, точная атрибуция невозможна. Здесь вероятны различные версии – как ранее предлагавшиеся, так и не звучавшие пока в развернувшейся дискуссии, например, если предположить название города Фанагории в сокращении. Оно со времени Гекатея Милетского звучало как Φαναγόρεια и, скорее всего, действительно происходит от имени ойкиста Фанагора, тем более что, согласно тому же свидетельству, там существовал и одноименный эмпорий среднего рода (Hecat. FGrH I F 212 = Steph. Byz. s.v. Φαναγόρεια). Страбон называет Фанагорию эмпорием – перевалочным пунктом для товаров, доставляемых из Меотиды и областей Прикубанья (Strab. XI. 2. 10; ср. VI. 4.5; App. Mithr. 108). Эмпорий, т.е. торжище, место для торговли и заключения торговых сделок, мог быть автономным и независимым от полиса, или же частью полиса как его торговый квартал или гавань, но он всегда имел связь с городом и проживавшими в нем торговцами²³. Согласно Аристотелю, «... многие местности и города имеют порты и гавани с прекрасным расположением относительно городов, они не составляют единого целого с ними, не располагаются от них на далеком расстоянии и город может распространить на них свою власть с помощью стен и прочих фортификационных сооружений» (Arist. Pol. VII. 5. 1327a). Окрестное население Фасиса, например, специально приезжало в город (τὴν πόλιν) и эмпорий за товарами (Ps.-Hippocr. 22; Strab. XI. 2. 17), а Византий ««лежал при торговой гавани (τὴν πόλιν ἐπ' ἐμπορίου κεκμένην ἔχειν), и народ проводил все время на берегу и на рынке (περὶ τὴν ἀγορὰν), и возле гавани (τὸν λιμένα)» (Athen. XII. 32. 526 e-f = Theopomp.: FGrH II B. 115 F 62). В полисе и его коммерческом квартале – эмпории местное население города и

²⁰ Buck 2001, 189, 190, § 89, 1: Ναξσίῳ, Φηράξῳ, ср. κύλιξ на Родосе.

²¹ Утверждение И.Е. Сурикова, что в «ионийском мире не встречается написание ξ через кς (было бы χς)» (Суриков 2022, 162) опровергается замечанием Б. Кука: “in the ‘blue’ alphabets Ξ stands for ‘ps’, ‘kh’ is represented by X and ‘ks’ by ξ. In the ‘red’ alphabets, however, Ξ stands for ‘kh’ and X (or +) may be transferred to ‘ks’” (Cook 1998, 9).

²² Монахов и др. 2020, 87.

²³ Velissaropoulos 1977, 61–85; 1980, 29–48.

хоры активно сбывало свою продукцию²⁴. Фанагория обладала гаванью и торговым местом – эмпорием, куда съезжались торговцы из соседних областей и городов, заключали сделки, сбывали товар и осуществляли коммерческие контакты с посредниками, хорошо знавшими местные обычаи и конъюнктуру рынка. Об этом свидетельствуют, например, торговые граффити на амфорах из Фанагории V–IV вв. до н.э., которые сообщают от кого и кому эти амфоры поступали²⁵.

Принимая во внимание большую роль Фанагории как торгового центра, и учитывая значение глагола εἰσῆκω > εἰσῆκς(ω) в стк. 2, в котором проявляется оттенок торговой или экономической выгоды, полагаем, что стк. 1 | ΦΑΝΑΓΡ можно предположительно реконструировать в нескольких вариантах: | (ἐν) Φαναγ(ο)ρ(εἰα)?, Φαναγ(ο)ρ(εἰω)?, т.е. «1 в Фанагории или эмпории Фанагорион или Φαναγ(ό)ρ(α), т.е. 1 Фанагору?». Сткк. 2–3 ΕΙ<ΗΚΣ ||/ восстанавливаются как εἰσῆκς(ω) ||/, т.е. я получу (или ко мне придет, я буду получать) некую сумму денег (о чем ниже). В таком случае это запись торговца, который привез товар в Фанагорию или в эмпорий с намерением продать и получить доход или же передал товар Фанагору – компаньону или посреднику в Фанагории или в ее одноименной эмпории, чтобы тот его продал, и автор граффито получил прибыль. Но в любом случае граффито коммерческое, вряд ли имевшее отношение к богам и героизированному ойкисту.

Установить, что могло быть передано его автором, помогает значение последнего слова в стк. 4 – ΚΗΡΙΣ, которое мы понимаем как κηρί<ι>ς, т.е. кериды. Κηρίς, -ιδος = κηρίς считается морской рыбой (sea-fish), разновидностью рыбы губан (LSJ s.v.). Врач Дифил из Сифноса, на которого ссылается Афиней, пишет, что «у так называемой кериды мясо нежное, полезное для кишечника и желудка, а отвар из нее толстый и слабит». Эта рыба водится в открытом море и в прибрежных водах (Athen. VIII. 355 e–d)²⁶. Оппиан из Аназарбы в Киликии (II–III вв. н.э.) в трактате «О рыбной ловле» отмечает, что кериды (кирриды) любят добывать корм в море близ низко расположенных песчаных бугров (Opp. I. 129), а опасность для нее представляет окунь (πέρκη) (Opp. III. 187). Название рыбы на черепке из Фанагории с двумя йотами можно посчитать как гапакс или принять за итацизм – особенность ионийского диалекта или говора жителей западных и центральных областей Анатолии, где длительное время сохранялось произношение и написание двойной йоты – ιι²⁷. В таком случае не исключено, что автор граффито или его предки являлись выходцами из Малой Азии. Название рыбы в граффито стоит в именительном падеже, поэтому можно предположить, что автор граффито – торговец рыбой – за одну кериду в Фанагории или после ее продажи через местного посредника или компаньона Фанагора (или после ее продажи Фанагору) должен получить ||/ (сумму денег с продажи). Поэтому чтение граффито предлагаем такое:

²⁴ Étienne 1993, 26; Rouillard 1993, 39.

²⁵ Завойкина 2022, 114–116.

²⁶ О значении различных видов рыбы как продукта питания и источниках Афиней о сортах рыбы см. Wilkins 2000, 523–535.

²⁷ Brixhe 1976, 80–100. Предполагаемая двойная йота слегка заизвесткована, поэтому ее предлагали считать буквой Η (тщательное изучение показало, что это маловероятно). Но даже если это так, то не исключено, что в данном случае произошла передача звука ι буквой η, что характерно для говора населения Боспора, правда, в римское время (Доватур 1965, 800).

Рис. 1. Торговое граффито из Фанагории

Fig. 1. Trade graffito from Phanagoria

| (ἐν) Φαναγ(ο)ρ(εῖα)? vel Φαναγ(ο)ρ(εῖω)? vel Φαναγ(ό)ρ(α)
 εἰσήκσ(ω)
 ||/
 κηρί<ι>ς

Перевод: «за 1 в Фанагории (эмпории Фанагорионе? или Фанагору?) я получу (мне должно прийти) 2 с половиной – кериды».

Значение вертикальных черточек в стк. 1 и стк. 3 разное: в первом случае это обозначение товара, очевидно, рыбы (кериды) в количестве одного экземпляра, поскольку во втором случае сумма с продажи, которая должна прийти автору надписи и упомянута в стк. 3, небольшая. Вертикальные черточки, если речь шла о деньгах, по акрофонической системе счета означали один обол (для драхмы обычно использовался знак Δ), а для номинала мелкой разменной монеты – халк применялись наклонные черточки / \²⁸. Поэтому за товар (одну рыбу?) автор граффито хотел выручить 2 оболы и халк. Примеры из мелочной торговли рыбой в других областях античной ойкумены подтверждают данное предположение. В Египте, например, за тушки рыб платили в оболлах, а за рыбу в сосудах платили в драхмах. Цена рыбы зависела от ее размера: в Беотии, если по весу она тяжелее половины мины, то ее продавали по оболу за мину, если она была легче мины, то за мину брали в халках²⁹. На Боспоре надписи краской на кадосах (сосудах для перевозки, хранения и засолки рыбы), принадлежавших рыботорговцам, показывают, что за разные виды рыб на рубеже эр и в первые века н.э. цены за 1 мину брали в халках и оболлах, а также платили одну драхму или драхму и оболы³⁰. Не исключено, что в граффито из Фанагории цифра | / означала 2 оболы и халк

²⁸ Tod 1911/1912, 104–116.

²⁹ Lytle 2010, 253–259.

³⁰ Яйленко 2022, 344.

за одну тушку или за одну мину кериды. Глагол εἰσῆκω, связанный с рентой и доходом, вместе с указанием на монеты мелких номиналов соответствует практике торговых операций в VI–V вв. до н.э. В это время использование мелких денежных номиналов тесно увязывалось с развитием монетной экономики – до 1/10 грамма мелкой номинации монет и домонетных средств обмена в виде мелкого веса серебряных слитков³¹. Поэтому в граффито из Фанагории доход от продажи обозначен в мелкой разменной монете. Таким образом это граффито, скорее всего, является торговой запиской, связанной с продажей рыбы в Фанагории, что не имеет ничего общего ни с культом Аполлона, ни с культом Геры и уж тем более с мифической богиней Кэрой и героизированным ойкистом Фанагором.

О торговле рыбой в Причерноморье и на Боспоре, в частности, свидетельствуют письменные и эпиграфические источники. Боспорскую соленую рыбу очень ценили в эллинском и римском мире – автор IV в. до н.э. Архестрат написал специальный трактат «Записки о боспорской соленой рыбе», где отмечалось качество мяса белой рыбы, отличавшейся от твердого мяса рыбы, выросшей в Азовском море (Athen. VIIc. 21 284e). Эвтидем также оставил сочинение «О соленой рыбе», где говорится о кестреях – разновидности кефали, особенно той, что ловится в Синопе, и других рыбах – «клизе» и «пальчиках» (Athen. VII. 307b). Полибий сообщает, что из различных мест Причерноморья в Эгеиду в большом количестве ввозили соленую рыбу (Polyb. IV. 38. 4). В Южном Причерноморье ловля рыбы была поставлена на промышленную основу (Strab. XII. 3. 19; Aelian. NA. XV. 5; Plin. IX. 83), там создавались специальные корпорации рыбаков, которые продавали улов рыботорговцам (Athen. VII. 301e – 304c; Arist. HA. 543a, 9; 571a, 12)³². При этом горожане, занятые в рыболовном промысле, как в Византии (Arist. Pol. IV. 4.1), создавали даже основу для демократического строя полиса³³. Особенно ценились тунцовые рыбы – в Риме, например, сосуд с маринованным тунцом стоил столько же, сколько в день зарабатывал работник (Plin. IX. 18. 48). Рыбу тунцовых пород отлавливали и продавали в большом количестве (Arist. HA. 537a, 19; Plut. Mor. II. 980a; Strab. V. 2. 6; 2. 8; XVII. 3. 16; Opp. Hal. VI. 637–648), поэтому рыболовы объединялись в специальные корпорации тунцеловов (Athen. VII. 303c; Philostr. Imag. I. 13). На песчаных отмелях в Пафлагонии и в районе Гераклеи Понтийской ловили также и бычков (Plin. IX. 83. 2–4). На Боспоре согласно некоторым дипинти на кадосах также создавались артели рыбаков, которые добывали лобана и моллюсков³⁴. Промысел рыбы осуществлялся и на реках, в частности, на Днепре (Борисфене) (Herod. IV. 53).

Засолка рыбы производилась в промышленном объеме в специальных рыбозасолочных цистернах в различных городах причерноморского региона, особенно на Боспоре³⁵. Для этого использовали местную соль (Strab. VII. 4. 7; Dio Chrys. XXXVI. 30), которую покупали за определенную цену³⁶. Перевозили соленую рыбу главным образом по морю, о чем сообщается в письме III в. до н.э. из Мир-

³¹ Amemiya 2007, 64.

³² Danoff 1962, 981–982.

³³ Braund 1995, 166.

³⁴ Яйленко 2022, 349.

³⁵ Højte 2005, 133.

³⁶ Сапрыкин и др. 2013, 265–268.

мекия³⁷ и в одной из речей Демосфена (*Demosth. Adv. Lacr.* 34), где говорится о ее транспортировке морем из Пантикапея в Феодосию и далее в Афины, часто в специальных жбанах – кадосах и амфорах³⁸. Рыбу продавали на рыбных рынках, где за этим следили агораномы³⁹. Занимались ее сбытом торговцы – *ταρίχοπύλας*, т.е. продавцы соленой рыбы, которые осуществляли этот бизнес еще до основания эллинских колоний на побережье Черного моря (Лус. Тох. 4). Трудно определить, являлся автор граффито торговцем соленой рыбой, или он сбывал покупателям свежую рыбу. Скорее всего он продавал свежую рыбу, ибо в противном случае в граффито фигурировал бы особый термин *ταρίχος*, а не конкретное название тушки рыбы.

Надпись, о которой идет речь, является новым важным источником о рыботорговле в архаическую и раннеклассическую эпоху. Указание о стремлении получить прибыль свидетельствует о достаточно высоком уровне торговли в это время. В Древней Греции все трансакции осуществлялись на основе наличных денег или путем натурального обмена товарами⁴⁰. Прибыли и доходы от вложения денег или от их ссуды частными лицами, включая торговцев, имели большее значение, нежели вложения банкиров и трапедзитов, поэтому каждый желал получить обратно столько же или даже больше денег. Неслучайно Гесиод советует давать деньги или продавать товар только тому, кто может их отдать с возвратом⁴¹. Демосфен и Феофраст отмечают заинтересованность людей, вовлеченных в финансовые и торговые дела, получить суммы денег, которые следует заработать от вложений в торговлю и ростовщичество (*Demosth. Adv. Kallip.* 52. 4; *Theophr. Char.* 2–3). Поэтому Е. Коэн разделяет деятельность частных банков в Греции и договоры между частными лицами для покупки товара⁴². В этой связи знаменательно, что продажа рыбы в Фанагории и полученный с этого доход производились на основе договора между торговцем – автором граффито – и покупателем Фанагором или властями Фанагории, получавшими прибыль от продаж на рынке или в эмпории для пополнения полисной казны.

ЛИТЕРАТУРА

- Бехтер, А.П., Бутягин, А.М., Дана, М. 2018: Свинцовое письмо из Мирмекия. *ВДИ* 4, 931–948.
- Доватур, А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: В.В. Струве (ред.), *Корпус боспорских надписей*. М.–Л., 797–831.
- Завойкина, Н.В. 2015: Малая эпиграфика. В кн.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Фанагория*. М., 132–139.
- Завойкина, Н.В. 2016: Граффити на керамике позднеархаического времени из Фанагории, В. кн.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауэр (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время*. М., 41–48.

³⁷ Бехтер и др. 2018, 931–948.

³⁸ Lund, Gabrielsen 2005, 161–170.

³⁹ Семенов-Зусер 1947, 245.

⁴⁰ Millet 1991, 9–10.

⁴¹ Bogaert 1968, 373; Millet 1991, 41; Davies 2001, 117–128.

⁴² Cohen 1992.

- Завойкина, Н.В. 2017: Основание Фанагории. Вторая половина 6 в. до н.э. Граффито с упоминанием Фанагора. В кн.: В.П. Толстиков, В.Д. Кузнецов (ред.), *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. М., 209–215.
- Завойкина, Н.В. 2018: Список пожертвований с упоминанием Фанагора третьей четверти VI в. до н.э. из Фанагории. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 1. СПб., 292–299.
- Завойкина, Н.В. 2020: Граффито ок. 540 г. до н.э. из Фанагории. *КСИА* 258, 245–250.
- Завойкина, Н.В. 2022: Новые коммерческие надписи на амфорах V–IV вв. до н.э. из Фанагории. *ДБ* 27, 113–124.
- Кучеревская, Н.Л. 2018: Эпиклезы греческих божеств в лапидарной эпиграфике Боспора. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 1. СПб., 334–339.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Толстиков, В.П., Чурекова, Н.Б. 2020: *Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов.
- Русяева, А.С. 2010: *Граффити Ольвии Понтийской*. Симферополь.
- Сапрыкин, С.Ю., Белоусов, А.В., Федосеев, Н.Ф. 2013: Два фрагмента свинцовых пластин из Пантикапея. *ДБ* 17, 265–271.
- Сапрыкин, С.Ю. 2019: К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити. *ДБ* 24, 473–487.
- Семенов-Зусер, С.А. 1947: Рыбный рынок в Херсонесе. *ВДИ* 2, 237–246.
- Суриков, И.Е. 2022: По поводу некоторых древнейших свидетельств о боспорском городе Фанагории. В сб.: *Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021). Материалы международной научной конференции*. СПб., 159–164.
- Тохтасьев, С.Р. 2004: Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций). *ВДИ* 3, 144–179.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2018: К ранней истории Фанагории. *ПИФК* 3, 98–107.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2020: De titulis Bosporanis et vicinis. *ДБ* 25, 426–442.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2021: De titulis Bosporanis et vicinis IV. *ДБ* 26, 411–431.
- Яйленко, В.П. 2022: Дипинти рыбозаводчиков на кадосах рубежа эр из Пантикапея. *ДБ* 27, 336–369.
- Amemiya, T. 2007: *Economy and Economies of Ancient Greece*. Routledge–New York.
- Bogaert, R. 1968: *Banques et banquiers dans les cites grecques*. Paris.
- Braund, D. 1995: Fish from the Black Sea: Classical Byzantium and the Greekness of Trade. In: J. Wilkins, D. Harvey, M. Dobson (eds.), *Food in Antiquity*. Exeter, 162–171.
- Brixhe, Cl. 1976: *Le dialecte grec de la Pamphyle. Documents et grammaire*. Paris.
- Buck, C.D. 2001: *The Greek Dialects*. Bristol.
- Cohen, E. 1992: *Athenian Economy and Society: A Banking Perspective*. Princeton.
- Cook, B.F. 1998: *Greek Inscriptions*. Berkeley–Los Angeles.
- Cook, R.M., Woodhead, A.G. 1952: Painted Inscriptions on Chiot Pottery. *ABSA* 47, 159–170.
- Danoff, Ch. 1962: Pontos Euxeinos. *RE. Supplbd.* IX, 867–1920.
- Davies, J.K. 2001: Temple, Credit, and the Circulation of Money. In: A. Meadows, K. Shipton (eds.), *Money and Its Uses in the Ancient Greek World*. Oxford, 117–128.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Étienne, R. 1993: L'emporion chez Strabon. In: A. Bresson, P. Rouillard (eds.), *L'emporion*. Paris, 23–34.
- Gorissen, P. 1978: Litterae lunatae. *Ancient Society* 9, 149–162.
- Hackl, R. 1909: Merkantile Inschriften aus attischen Vasen. In: *Münchener archäologische Studien*. München, 8–10.

- Højte, J. 2005: The Archaeological Evidence for Fish Processing in the Black Sea Region. In: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* (BSS 2). Aarhus, 133–160.
- Homolle, T. 1882: Comptes des Hiéropes du temple d'Apollon Délien. *BCH* 6, 1–167.
- Jeffery, L.H. 1961: *Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and Dipinti* (The Athenian Agora XXI). Princeton.
- Larfeld, W. 1914: *Griechische Epigraphik*. München.
- Lund, J., Gabrielsen, V. 2005: A Fishy Business. Transport Amphorae of the Black Sea Region as a Source for Trade in Fish and Fish Products in the Classical and Hellenistic Periods. In: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* (BSS 2). Aarhus, 161–170.
- Lytle, E. 2010: Fish Lists in the Wilderness: The Social and Economic History of a Boiotian Price Decree. *Hesperia* 79, 253–303.
- McLean, B.H. 2002: *An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 BC – AD 337)*. Michigan.
- Millet, P. 1991: *Lending and Borrowing in Ancient Athens*. Cambridge.
- Rouillard, P. 1993: L'emporion chez Strabon. In: A. Bresson, P. Rouillard (eds.), *L'emporion*. Paris, 35–46.
- Talcott, L. 1935: Attic Black-Glazed Stamped Ware and Other Pottery from a Fifth Century Well. *Hesperia* 4, 477–523.
- Threatte, L. 1980: *The Grammar of Attic Inscriptions*. Berlin–New York.
- Tod, M.N. 1911/1912: The Greek Numerical Notation. *ABSA* 18, 104–116.
- Velissaropoulos, J. 1977: Le monde de l'emporion. *DHA* 3, 61–85.
- Velissaropoulos, J. 1980: *Les naoclères grecs*. Paris–Genève.
- Wilkins, J. 2000: Athenaeus and the Fishes of Archippus. In: D. Braund, J. Wilkins (eds.), *Athenaeus and His World*. Exeter, 523–535.
- Wright, J.H. 1896: The Origin of Sigma Lunatum. *TAPA* 27, 79–89.

REFERENCES

- Amemiya, T. 2007: *Economy and Economies of Ancient Greece*. Routledge–New York.
- Bogaert, R. 1968: *Banques et banquiers dans les cites grecques*. Paris.
- Braund, D. 1995: Fish from the Black Sea: Classical Byzantium and the Greekness of Trade. In: J. Wilkins, D. Harvey, M. Dobson (eds.), *Food in Antiquity*. Exeter, 162–171.
- Brixhe, Cl. 1976: *Le dialecte grec de la Pamphyle. Documents et grammare*. Paris.
- Buck, C.D. 2001: *The Greek Dialects*. Bristol.
- Cohen, E. 1992: *Athenian Economy and Society: A Banking Perspective*. Princeton.
- Cook, B.F. 1998: *Greek Inscriptions*. Berkeley–Los Angeles.
- Cook, R.M., Woodhead, A.G. 1952: Painted Inscriptions on Chiot Pottery. *ABSA* 47, 159–170.
- Danoff, Ch. 1962: Pontos Euxeinos. *RE. Supplbd.* IX, 867–1920.
- Davies, J.K. 2001: Temple, Credit, and the Circulation of Money. In: A. Meadows, K. Shipton (eds.), *Money and Its Uses in the Ancient Greek World*. Oxford, 117–128.
- Dovatur, A.I. 1965: Kratkiy ocherk grammatiki bosporskikh nadpisey [Short essay of grammar concerning the Bosporan inscriptions]. In: V. Struve (ed.), *Korpus bosporskikh nadpisey [Corpus Inscriptionum Regni Bosporani]*. Moscow–Leningrad, 797–831.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Étienne, R. 1993: L'emporion chez Strabon. In: A. Bresson, P. Rouillard (eds.), *L'emporion*. Paris, 23–34.
- Gorissen, P. 1978: Litterae lunate. *Ancient Society* 9, 149–162.
- Hackl, R. 1909: Merkantile Inschriften aus attischen Vasen. In: *Münchener archäologische Studien*. München, 8–10.

- Højte, J. 2005: The Archaeological Evidence for Fish Processing in the Black Sea Region. In: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* (BSS 2). Aarhus, 133–160.
- Homolle, T. 1882: Comptes des Hiéropes du temple d'Apollon Délien. *BCH* 6, 1–167.
- Jeffery, L.H. 1961: *Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford.
- Kucherevskaya, N.L. 2018: Epiklesy grecheskikh bozhestv v lapidarnoy epigrafike Bospora [Epikleses of gods in lapidary epigraphy of Bosporus]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [Bosporan Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World]. Pt. 1. Saint Petersburg, 334–339.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and Dipinti* (The Athenian Agora XXI). Princeton.
- Larfeld, W. 1914: *Griechische Epigraphik*. München.
- Lund, J., Gabrielsen, V. 2005: A Fishy Business. Transport Amphorae of the Black Sea Region as a Source for Trade in Fish and Fish Products in the Classical and Hellenistic Periods. In: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* (BSS 2). Aarhus, 161–170.
- Lytle, E. 2010: Fish Lists in the Wilderness: The Social and Economic History of a Boiotian Price Decree. *Hesperia* 79, 253–303.
- McLean, B.H. 2002: *An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 BC – AD 337)*. Michigan.
- Millet, P. 1991: *Lending and Borrowing in Ancient Athens*. Cambridge.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Tolstikov, V.P., Churekova, N.B. 2020: Amfory VI–I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina [The Sixth–Second Centuries BC Amphorae in the Pushkin State Museum of Fine Arts. Saratov
- Rouillard, P. 1993: L'emporion chez Strabon. In: A. Bresson, P. Rouillard (eds.), *L'emporion*. Paris, 35–46.
- Rusyaeva, A.S. 2010: *Graffiti Olvii Pontiyskoy* [Graffiti from Olbia Pontica]. Simferopol.
- Saprykin, S.Yu. 2019: K prochteniyu i interpretatsii nekotorykh bosporskikh graffiti [Concerning the reading and interpretation of some Bosporan graffiti]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 24, 473–487.
- Saprykin, S.Yu., Belousov, A.V., Fedoseev, N.F. 2013: Dva fragmenta svintsovykh plastin iz Pantikapeya [Two fragments of lead plaques from Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 17, 265–271.
- Semenov-Zuser, S.A. 1947: Rybnyy rynek v Khersonese [The fish market in Chersonesus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 237–246.
- Shelov-Kovediaev, F.V. 2018: K ranney istorii Fanagorii [Regarding the early history of Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 98–107.
- Shelov-Kovediaev, F.V. 2020: De titulis Bosporanis et vicinis. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 25, 426–442.
- Shelov-Kovediaev, F.V. 2021: De titulis Bosporanis et vicinis IV. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 26, 411–431.
- Surikov, I.E., 2022: Po povodu nekotorykh drevneischikh svidetelstv o bosporskom gorode Fanagorii [On some of the most ancient witnesses about the Bosporan city of Phanagoria]. In: *Bosporskiy fenomen. Bol'shie i malye goroda Bosporskogo tsarstva. Kruglyy stol, posvyashchennyy 75-letiyu E.A. Moleva (1947–2021)* [Bosporan Phenomenon. Large and Small Cities of the Bosporan Kingdom. Round Table Dedicated to the 75th Anniversary of E.A. Molev (1947–2021)]. Saint Petersburg, 159–164.
- Talcott, L. 1935: Attic Black-Glazed Stamped Ware and Other Pottery from a Fifth Century Well. *Hesperia* 4, 477–523.

- Threatte, L. 1980: *The Grammar of Attic Inscriptions*. Berlin–New York.
- Tod, M.N. 1911/1912: The Greek Numerical Notation. *ABSA* 18, 104–116.
- Tokhtasyev, S.R. 2004: Bospor i Sindika v epokhu Levkona I (obzor novykh epigraficheskikh publikatsiy) [Bosporus and Sindice in the reign of Leuconos I (review of the new epigraphic publications)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 144–179.
- Velissaropoulos, J. 1977: Le monde de l'emporion. *DHA* 3, 61–85.
- Velissaropoulos, J. 1980: *Les naulères grecs*. Paris–Genève.
- Wilkins, J. 2000: Athenaeus and the Fishes of Archippus. In: D. Braund, J. Wilkins (eds.), *Athenaeus and His World*. Exeter, 523–535.
- Wright, J.H. 1896: The Origin of Sigma Lunatum. *TAPA* 27, 79–89.
- Yailenko, V.P. 2022: Dipinti rybozavodchikov na kadosakh rubezha er iz Pantikapeya [Dipinti of fish factory-owners on kadoses of the 1st century BC – 1st century AD from Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 27, 336–369.
- Zavoykina, N.V. 2016: Graffiti na keramike pozdnearkhaicheskogo vremeni iz Fanagorii [Graffiti on pottery of Late Archaic time from Phanagoria]. In: D.V. Zhuravlev, U. Schlotzauer (eds.), *Aziatskiy Bospor i Prikubanie v dorimskoe vremya* [Asiatic Bosporus and Kuban Region before Pre-Roman Period]. Moscow, 41–48.
- Zavoykina, N.V. 2018: Spisok pozhertvovaniy s upominaniem Fanagora tretyey chetverti VI v. do n.e. iz Fanagorii [The list of sacrifices with mentioning of Phanagoras, dated to the third quarter of the sixth century BC from Phanagoria]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'urnom prostranstve antichnogo mira* [Bosporan Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World]. Pt. 1. Saint Petersburg, 292–299.
- Zavoykina, N.V. 2015: Malaya epigrafika [Minor epigraphy]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Fanagoria* [Phanagoria]. Moscow, 132–139.
- Zavoykina, N.V. 2017: Osnovanie Fanagorii. Vtoraya polovina 6 v. do n.e. Graffito s upominaniem Fanagora [Foundation of Phanagoria. The second half of the 6th century BC. Graffito mentioning Phanagoras]. In: V.P. Tolstikov, V.D. Kuznetsov (eds.), *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitzy Bosporskogo tsarstva* [Panticapaeum and Phanagoria. Two Capitals of the Kingdom of Bosporus]. Moscow, 209–215.
- Zavoykina, N.V. 2020: Graffito ok. 540 g. do n.e. iz Fanagorii [Graffito ca. 540 BC from Phanagoria]. *Kratkie soobsheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 258, 245–250.
- Zavoykina, N.V. 2022: Novye kommercheskiye nadpisi na amforakh V–IV vv. do n.e. iz Fanagorii [New commercial inscriptions on amphoras of the 5th – 4th centuries BC from Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 27, 113–124.

REGARDING THE DISCUSSION ON THE SO-CALLED “GRAFFITO OF PHANAGORAS”

Sergey Yu. Saprykin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

E-mail: mithridates@mail.ru

The article is devoted to the newly proposed reading of the graffito on the Chian amphora sherd, discovered in course of excavations at Phanagoria. According to some earlier suggested

reconstructions it bears a name of Phanagoras/es, founder of the city, named after him. He was a leader of Greek colonists from his native city of Teos. The publication of this graffito caused a series of real debates between the scholars who put forward different versions concerning the reading of the text and attribution of the person under a proper name Phanagoras. The author of the article mentions all points of view, which appeared during these discussions, informs about his own position, arguing some of the points and agreeing with opponents in terms of restoration line 2. Considering all critical notes and suggestions, born in course of this discussion, the author returned to this inscription once more and gives a new version of how to read and explain the text. According to his reading, based on careful analysis of terms and abbreviations along with the script, the Phanagorian graffiti has no deal with Phanagoras as ktistes of the city nor with the gods which some scholars were trying to find in the text. In reality the graffito is a trading note which belonged to the fish-trader and informs about the sale of keris, a kind of sea-fish, popular among the Greeks as excellent food. This fish was brought to Phanagoria, probably to its *emporion*, and was presumably passed to a certain Phanagoras, maybe a companion in trade of the graffito's author. The fish-trader could simply bring fish to the city in order to receive income – two obols and one chalkoy – for one mina or one fish. So, the inscription looks like a very important source on commercial activity in Phanagoria in late Archaic and early Classical time.

Keywords: Phanagoria, Phanagoras, graffito, keris, emporion, income from sales, fishing, fish salting, fish market

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 112–128
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 112–128
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-112–128

ЗОЛОТЫЕ И СЕРЕБРЯНЫЕ ПОДВЕСКИ-ЛУННИЦЫ ИЗ СЛОЯ ПОЖАРА 46/47 Г. Н.Э. РАННЕЙ ЦИТАДЕЛИ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

М.Ю. Трейстер¹, Н.И. Винокуров²

¹ Независимый исследователь, Бонн, Германия

² Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Россия

¹ E-mail: mikhailtreister@yahoo.de ² E-mail: vinokurovn@list.ru

¹ ORCID: 0000-0001-7451-3325 ² ORCID: 0000-0001-7787-6527

Статья посвящена публикации золотых и серебряных подвесок-лунниц, обнаруженных в слое пожара ранней цитадели городища Артезиан в Восточном Крыму в 2013 г. Наряду с другими находками из слоя пожара ранней цитадели городища Артезиан публикуемые предметы имеют также огромную научную ценность, происходя из тщательно зафиксированного археологического контекста, дающего их *terminus ante quem* 46/47 гг. н.э. Это позволяет скорректировать хронологические наблюдения исследователей о датировке лунниц. Нет ничего удивительного в находке пластинчатой лунницы, украшенной вставкой граната с декором из филигрании и зерни, которая вполне сопоставима с эллинистическими образцами, представленными находкой из Танаиса. Впрочем, пластинчатая лунница из Артезиана отличается деталями формы и декора, как от находки из Танаиса, так и от лунниц этого типа из могильников Юго-Западного Крыма. Также уточняется хронология лунниц, изготовленных из дрота с шариками на концах, в большом количестве происходящих из погребений и святилищ в Юго-Западном и Предгорном Крыму, датировавшихся ранее второй половины I в. н.э.

Ключевые слова: Восточный Крым, городище Артезиан, римско-боспорская война 45–49 гг. н.э., украшения из драгоценных металлов, лунницы

Данные об авторах. Михаил Юрьевич Трейстер – доктор исторических наук, независимый исследователь, Бонн; Николай Игоревич Винокуров – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Московский педагогический государственный университет (МПГУ), директор Центра археологических исследований МПГУ, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН.

ВВЕДЕНИЕ

Мы уже публиковали золотые и серебряные украшения из двух кладов, обнаруженных при раскопках помещения ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 г.¹ Эта статья² посвящена подвескам-лунницам, обнаруженным в слое пожара ранней цитадели в том же помещении № 4. Монетные находки надежно датируют этой слой 46/47 г. н.э. и позволяют датировать гибель крепости либо осенью 46 г. н.э., либо концом лета – осенью 47 г. н.э. Общая характеристика находок ювелирных изделий в этом комплексе уже была представлена³, поэтому мы сосредоточим внимание на описании и атрибуции подвесок-лунниц.

Подвески в форме лунниц из различных материалов и разнообразных форм получают распространения еще с эпохи неолита. Они широко использовались в античную эпоху и в средневековье, будучи, как правило женским или детским амулетом⁴. Здесь же пойдет речь о двух типах лунниц, получивших распространение в позднеэллинистическую эпоху и в первые века н.э.

1. ПЛАСТИНЧАТАЯ ПОДВЕСКА-ЛУННИЦА С ДЕКОРОМ ИЗ ФИЛИГРАНИ И ЗЕРНИ

Одним из наиболее распространенных типов подвесок ожерелий в I – начале II в. н.э. становится пластинчатая подвеска в виде лунницы с широкой пластинчатой петлей для подвешивания, украшенной вертикальным рифлением. Поверхность лунниц украшена филигранным орнаментом, основу которого составляют, как правило, вписанные в изгиб лунниц и, соответственно, деформированные, очковидные спирали с завитками, украшенными шариком зерни или заполнением из цветной пасты. В центральной части лунницы, а иногда по углам, напаяны небольшие пластинчатые касты со вставками из цветного камня, стекла и стеклянной пасты.

Этот тип подвесок (пластинчатый) появляется не позднее V–IV вв. до н.э., судя по находкам из некрополей Македонии⁵ и Южной Италии (Тарент)⁶, у которых в отличие от более поздних образцов не было вставок в кастах. Редким образом лунниц этого времени является находка из могильника у с. Делян в районе Перника, украшенная пятью каплевидными кастами со вставками⁷. Наиболее ранними образцами пластинчатых лунниц со вставками и декором из филигрании и

¹ Абрамзон и др. 2012, 103–107, 117–122, рис. 6–8; Abramzon et al. 2012, 222–228, 240–243, figs. 6–8; Abramzon, Vinokurov 2015, 157, Abb. 7.

² Текст статьи полностью написан М.Ю. Трейстером. Публикуются материалы из раскопок 2013 г. Артезианской археологической экспедиции под руководством Н.И. Винокурова. Раскоп III. Слой пожара в помещении 4, ямы 495, 497–498. Находки хранятся в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике (ВКИКМЗ), где они были исследованы, описаны и сфотографированы М.Ю. Трейстером в 2014 г.

³ Абрамзон, Винокуров 2016, 721–722, табл. II–III; Abramzon, Vinokurov 2017, 13–16, figs. 3–4.

⁴ Wrede 1975, 243–254; Dasen 2003, 280–289; Pülz 2009, 75–76; Rosenthal-Heginbottom 2018, 135–136.

⁵ Cat. Athens 1999, 156–157, no. 46, fig. 106; Cat. Thessaloniki 2007, 194, no. 7.

⁶ Cat. Milan 1984, 231, no. 161.

⁷ Михайлов 2014, 66, 75, рис. 6, 8.

зерни являются находки из трупосожжения II в. до н.э. в урне № 3/1908 некрополя Танаиса⁸, из некрополя Энтелла на о. Сицилия⁹ и из погребения В в Пелинне в Фессалии (здесь к ожерелью были подвешены две лунницы)¹⁰, однако, получает особо широкое распространение в могильниках середины I – первой половины II вв. н.э. Юго-Западного Крыма¹¹. Аналогичная подвеска обнаружена при раскопках святилища у пер. Гурзуфское седло¹². Такие подвески использовались в Северном Причерноморье и в качестве центральных подвесок ожерелий¹³.

Подобные подвески известны также за пределами Северного Причерноморья. Ближайшей параллелью является подвеска ожерелья из кургана В в Визе¹⁴. Укажем также на подвески из Афиона в Центральной Анатолии¹⁵; из погребения I – первой половины II в. н.э. некрополя Том¹⁶, из погребения № 6 первой половины II в. н.э. Китовой могилы у с. Крушаре, в районе Сливена¹⁷, из погребения некрополя Слатина конца I в. н.э.¹⁸, из Добруджи, в собрании Музея в Бухаресте¹⁹ и неизвестного происхождения – из Британского музея²⁰.

Хотя по своей форме лунница из раскопок городища Артезиана (кат. № 1, рис. 1, 1–3) близка находке из Танаиса, в отличие от последней рассматриваемая нами подвеска имеет помимо филигранного декора две розетты, каждая состоящая из семи шариков калиброванной зерни по сторонам от центральной (круглой), а не овальной вставки. Кроме того, помимо каплевидных вставок на концах у нее есть еще вставки в форме сегментов по нижнему краю.

В отличие от лунниц из могильников Юго-Западного Крыма подвеска из Артезиана не имеет филигранной косички вдоль края. Кроме того, сама форма лунниц из Юго-Западного Крыма несколько иная, более округлая. По уровню исполнения находка из Артезиана относится к лучшим образцам лунниц.

2. ЗОЛОТЫЕ И СЕРЕБРЯНЫЕ ЛУННИЦЫ ИЗ РОМБОВИДНОГО ИЛИ КВАДРАТНОГО В СЕЧЕНИИ ДРОТА

Иначе оформлена вторая золотая лунница из раскопок городища Артезиан. Она имеет подковообразную форму, выгнута из квадратного в сечении дрота с

⁸ Трейстер 2007, 72; Мордвинцева, Трейстер 2007/2, 82, № А254.2, табл. 40.

⁹ Guglielmino 1994, 212, 213, fig. 17.

¹⁰ Miller 1979, 29–30; 57–58, Pel.J1–1, J1–19, pls. 15, a; 16, b–d; Cat. Thessaloniki 1978, 34, no. 10, pl. 6; о датировке комплекса см: Miller 1979, 47–48.

¹¹ Трейстер 2007, 94, карта 37; Мордвинцева, Трейстер 2007/2, 32, № А80.2; 43, № А115.1, табл. 12; 31; 89, № А282.2; 90, 288.2, табл. 46; 111, № А371.1, табл. 48; Труфанов 2009, 234; Кропотов 2014, 137–144 с датировкой первой половиной II в. н.э.; Пуздровский, Труфанов 2015, 205–207, рис. 6, 8; 18, 2; Стоянова 2016, 137–138, тип 28з, рис. 14, 18–19; Гавритухин и др. 2020, 107, рис. 2, 78; 8, 11; Мاستыкова, Хайретдинова 2022, 228.

¹² Трейстер 2007, 94; Мордвинцева, Трейстер 2007/2, 27, № А66.11.

¹³ Трейстер 2007, 94; Мордвинцева, Трейстер 2007/2, 130, № В37.1; 161, № С/1.18.3; 166, № D7.5, табл. 75.

¹⁴ Mansel 1939, 174, Nr. 2; 187, Abb. 228; Onurkan 1988, no. 16, pl. 1, b; Meriçboyu 2001, 210, fig. 1.

¹⁵ Şahin 1998, 36 (рис. вверху слева).

¹⁶ Lungu et alii 2012, 112, no. 7, pl. LIII, 7.

¹⁷ Димитрова 2010, 27, рис. 5; Кат. София 2016, 120–121, no. 85.

¹⁸ Kitow & Pawlow 1987, 43, fig. 55.

¹⁹ Не опубликована.

²⁰ Marshall 1911, 347, no. 2920, pl. LXVIII.

припаянными на концах круглыми шариками и петлей сверху, также украшенной напаянным в центре шариком зерни (кат. № 2; рис. 1, 4–7). Также из дрота округлого (кат. № 3; рис. 2, 1–3), овального (кат. № 4; рис. 2, 4–5) или ромбовидного (кат. № 5; рис. 2, 6–7; кат. № 6; рис. 2, 8–9) сечения выполнены найденные на поселении Артезиан серебряные лунницы.

Подобные лунницы из квадратного или ромбовидного в сечении дрота с шариками на концах и в основании петли служили подвесками двух ожерелий в виде цепочек из клада рубежа II–I вв. до н.э., найденного на Делосе²¹, а также ожерелья из Ахиноса²². Аналогичным образом оформлены: золотая лунница из датирующегося этим же временем погребения в кургане у хут. Элитный (шарика в основании петли нет)²³ и из погребения третьей четверти I в. до н.э. в Косике в Нижнем Поволжье²⁴.

В первые века нашей эры лунницы рассматриваемого типа получают широкое распространение в Северном Причерноморье, преимущественно в Юго-Западном Крыму²⁵, где они были найдены, в частности, в склепах № 520/31 и 772 и могиле № 1076 Усть-Альминского могильника²⁶ и в погребении № 134 могильника «Совхоз № 10»²⁷. Три серебряные подвески из дрота ромбовидного сечения с шариками на концах были найдены в могиле № 310/1 некрополя у с. Заветное²⁸. Такие подвески из золота была обнаружены в разграбленных могилах I–II вв. н.э., раскопанных К.К. Косцюшко-Валюжиничем в Херсонесе²⁹, а также в четырех погребениях могильника Фронтное 3, три из которых датируются в рамках второй половины I – первой половины II в. н.э.³⁰, и в зольнике Неаполя Скифского³¹.

Три аналогичные серебряные подвески происходят из раскопок святилища на перевале Гурзуфское седло³², одна фрагментированная серебряная – из святилища Эклизи-Бурун³³, а одна золотая с биконическими шишечками на концах дрота – из раскопок святилища на горе Кара-Тау в Предгорном Крыму³⁴.

Из женского погребения № 1 могильника Лучистое-2, датирующегося концом I в. н.э., происходят три серебряные лунницы с пирамидками из шариков зерни на концах ромбовидного дрота и в основании петли³⁵.

²¹ Hackens, Lévy 1965, 556–557, no. VII, pl. XVII; XXII; Zafiropoulou 1998, 295, no. 251.

²² Pantos 1983, 174, pl. 74□.

²³ Трейстер 2007, 72; Мордвинцева, Трейстер 2007/2, 137, № В48.3; Мордвинцева и др. 2010, 349, № 603, табл. 101.

²⁴ Трейстер 2007, 72; Мордвинцева, Трейстер 2007/2, 42, № А114.7, табл. 31.

²⁵ Трейстер 2007, 94, карта 38; Лысенко и др. 2015, 309; Mordvintseva et al. 2016, 227–228; Лысенко, Мордвинцева 2019, 262–263, 271–272, рис. 9 (карта распространения); Lysenko, Mordvintseva 2019, 277–278, 291, fig. 9 (карта распространения); Мастыкова 2022, 157–159.

²⁶ Пуздровский 2007, 400, рис. 126, 10–11; Труфанов 2017, 34, рис. 2, 3–4; цв. вкл., 10–11.

²⁷ Стрежелецкий и др. 2003–2004, 170, табл. 18, 65.

²⁸ Зайцев и др. 2007, 254, рис. 17, 11–13.

²⁹ Трейстер 2007, 94; Мордвинцева, Трейстер 2007/2, 144, № А/1.13; Журавлев и др. 2017, 71–72, № 121–122, табл. 39–41.

³⁰ Мастыкова 2022, 151–165, рис. 2–5.

³¹ Зайцев 2003, 19, рис. 111, 4.

³² Трейстер 2007, 94; Мордвинцева, Трейстер 2007/2, 27, № А66.12.

³³ Лысенко, Мордвинцева 2019, 248, № 9; 249, рис. 4, 1; 254, рис. 7, 5; 262–263; Lysenko, Mordvintseva 2019, 264, no. 9, fig. 4, 1; fig. 7, 5; 277–278.

³⁴ Зайцев, Шкрибляк 2022, 142, рис. 9, 18.

³⁵ Лысенко и др. 2015, 309, рис. 14, 4–6; Mordvintseva et al. 2016, 226, 227, fig. 10, 1–3.

Лунницы из раскопок городища Артезиан являются первыми достоверными находками украшений рассматриваемого типа на европейской части Боспора. До сих пор в этом регионе Северного Причерноморья серебряные лунницы из дрота ромбовидного сечения без декора с петлей сверху и шариками на концах внизу и в основании петли (в первом случае) были известны только по экземпляру в некрополе Мысхако: из погребения № 4/1978³⁶, которое датируют в широких рамках второй половины I – первой половины II в. н.э.³⁷), и погребения раннего I в. н.э. № 441/1996³⁸. Золотая лунница из ромбовидного в сечении дрота с пирамидками у основания петли и на концах происходит из раскопок 1990 г. датирующегося II – первой половиной III в. н.э. помещения № 114 в Горгииппии³⁹.

В состав ожерелья из могилы № 54 некрополя у с. Золотое в Восточном Крыму входила стеклянная лунница с внутренней позолотой такой формы⁴⁰. Серебряная лунница рассматриваемого типа была найдена в датируемом I в. н.э. погребении № 164 некрополя Крепостного городища в Азове⁴¹, а бронзовая – в погребении конца I в. н.э. № 230/2000 некрополя Кобыкова городища⁴².

В сарматских погребениях Нижнего Поволжья они очень редки. Аналогичная золотая лунница с шариками на концах дрота и в основании петли происходит из погребения в Косике⁴³. В кургане № 11/1991 могильника Авиловский II была найдена золотая подвеска с пирамидками из четырех шариков зерни на концах дрота и в основании петли⁴⁴.

На Кавказе такие лунницы представлены экземпляром из золота из разрушенного погребения в Лоо⁴⁵. Одна золотая и две серебряные лунницы из дрота ромбовидного сечения с шариками на концах и в основании петли происходят из раскопок дворцового комплекса Дедоплис Гора I в. до н.э. – I в. н.э. в Грузии⁴⁶.

Подобные же по форме лунницы были широко распространены и за пределами Северного Причерноморья. Они использовались как центральные подвески ожерелий первых веков н.э.⁴⁷ Такие лунницы происходят из Малой Азии⁴⁸, Вос-

³⁶ Дмитриев и др. 2020, 30, рис. 25, 12; 31, № 12; Малышев 2020, 163, рис. 142; 2021, 161, рис. 14, 12.

³⁷ Дмитриев и др. 2020, 31.

³⁸ Dmitriev et al. 1999, 461, Abb. 19, 3.

³⁹ Новичихин, Галут 2013, 75 (внизу слева).

⁴⁰ Корпусова 1983, 71, 122, табл. X, 27.

⁴¹ Горбенко, Косяненко 2011, 95, 472, рис. 183, 6; 472, № 5.

⁴² Ларенок 2013, 170, № 1, табл. 108, 2.

⁴³ См. выше прим. 24.

⁴⁴ Трейстер 2007, 82; Мордвинцева, Трейстер 2007/2, 5, № A1.1.

⁴⁵ Трейстер 2007, 72; Мордвинцева, Трейстер 2007/2, 121–122, № B20.4.

⁴⁶ Gogiberidze 2008, 171, 186, nos. 149, 151–152, pl. 72.

⁴⁷ См. в целом: Ruxer, Kubczak 1972, 209. См., например, ожерелье в Берлине, поступившее через П. Маврокордато: Greifenhagen 1975, 25, Taf. 17, 3. – Ожерелье в Британском музее: Marshall 1911, 314–315, no. 2719, pl. LVIII; Stefanelli 1992, 248, no. 126 с литературой, fig. 173; Cat. London 1997, 164–165, no. 189 (в декоре не отдельные шарики зерни – а розетты, скомпонованные из них). – Ожерелье в Музее Метрополитен: Stefanelli 1992, 249, no. 128 с литературой, fig. 299. См. о находках в Британии, Подунавье и Рейнской области: Riha 1990, 73 – комментарий к типу подвесок 7.1 с литературой.

⁴⁸ Bingöl 1999, 142, no. 155.

точного Средиземноморья (Петра⁴⁹), с территории Балкан⁵⁰. В Помпеях и Геркулануме найдены золотые ожерелья, отдельные звенья которых очень сильно напоминают такие подвески⁵¹, а также подвески, выполненные из железа и бронзы⁵². Подобная (но без шарика зерни на петле), золотая подвеска была найдена при раскопках виллы В в Оплонтисе⁵³. Интересно, что региональные особенности проявляются в декоре таких лунниц. Так, поверхность лунниц с территории Болгарии насыщена группами из двух-четырех шариков зерни (во втором случае они образуют пирамидки)⁵⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наряду с другими находками из слоя пожара ранней цитадели городища Артезиан публикуемые предметы имеют огромную научную ценность, происходя из тщательно зафиксированного археологического контекста, дающего их *terminus ante quem* 46/47 гг. н.э. Это позволяет скорректировать хронологические наблюдения исследователей о датировке лунниц. Нет ничего удивительного в находке пластинчатой лунницы, украшенной вставкой граната с декором из филигрании и зерни, которая вполне сопоставима с эллинистическими образцами, представленными находкой из Танаиса. Впрочем, пластинчатая лунница из Артезиана отличается деталями формы и декора, как от находки из Танаиса, так и от лунниц этого типа из могильников Юго-Западного Крыма. Также уточняется хронология лунниц, изготовленных из дрота с шариками на концах, в большом количестве происходящих из погребений и святилищ в Юго-Западном и Предгорном Крыму, ранее датированных не ранее второй половины I в. н.э. Даже если согласиться с такой датировкой, очевидно, что лунницы этого типа, которые еще на рубеже II–I вв. до н.э. были известны в Восточном Средиземноморье и в I в. до н.э. попадали к кочевниками Прикубанья и Нижнего Поволжья, появились на Боспоре не позднее первой половины I в. н.э.

КАТАЛОГ

1. Подвеска-лунница.

Подвеска в форме лунницы. Лунница выполнена из пластины, в верхней части которой припаяна петля для подвешивания из свернутой полоски металла с бортиком по краю. На оборотной стороне нижний конец петли, припаянный к пластине, раскован и имеет подтреугольную форму. Лицевая сторона лунницы оформлена по краю узким бортиком прямоугольного сечения. С внутренней стороны бортика припаяны по периметру два отрезка рубчатой проволоки, к которым с внутренней стороны примыкают два отрезка гладкой проволоки. Центральная

⁴⁹ Rosenthal-Heginbottom 2018, 132–133, Nr. 105, Abb. 37.

⁵⁰ Чаталка, погребение № 7: Буюклиев 1986, 91, № 375, табл. 28. – Из клада в Текийе в Сербии – серебряная без шарика зерни на петле: Mano-Zisi 1957, 26–27, no. 26, tab. 15; Popović 1994, 192, no. 39.

⁵¹ Scatozza Höricht 1989, 44–45, no. 39.

⁵² Scatozza Höricht 1989, 56, 59, nos. 78, 83–85; 58, 61 (ill.).

⁵³ Stefanelli 1992, 139, fig. 129; 243, no. 89; d'Ambrosio, De Carolis 1997, 66, no. 195, tav. XIX.

⁵⁴ Буюклиев 1986, 76–77, № 158, табл. 14; Ruseva-Slokoska 1991, 147, nos. 120–122.

часть образовавшегося поля украшена круглым пластинчатым кастом с узким бортиком из полоски металла с концами встык; в касте – круглая вставка из граната (?) темно-красного цвета. Каст был обрамлен напаянной рубчатой проволокой, большая часть которой утрачена. По сторонам от каста сверху напаяно по одной розетте из семи шариков калиброванной зерни. В нижних углах поля – симметрично расположенные двойные завитки из напаянной гладкой проволоки: в верхнем завитке впаян шарик зерни, нижний – в виде стилизованного листа овальной формы заполнен вставкой из синего стекла. Нижние углы лунницы украшены каплевидной формы кастами с выпуклыми вставками стекла молочно-белого цвета, обрамленными напаянной рубчатой проволокой.

Сохранность: небольшие пятна коричневого цвета на оборотной стороне; царапины; петля слегка деформирована, на пластине у петли для подвешивания – утрата металла, утрачены большая часть обрамления центрального каста, шарик зерни в левом завитке гладкой проволоки, частично – вставки синего стекла; вставки на углах – иризованы.

Золото; ковка листа, выравнивание, гибка, ковка проволоки, рифление, рубка, пайка, зернь, инкрустация. Гранат; резьба, шлифовка, полировка. Стекло.

Высота 2,41 см с петель, ширина 2,64 см. – Пластина: высота 1,81 см, толщина 0,09 см. – Петля: диаметр 0,49 см, ширина полоски 0,33 см. – Центральный каст: диаметр 0,64 см, высота с основой 0,29 см.

Полевая опись № 1890. Вр. хр. 9397. Коллекционная опись № 104.

Литература: Абрамзон, Винокуров 2016, 721, табл. II, 1 (в центре); Abramzon, Vinokurov 2017, 13, 14, fig. 3, 1 (в центре).

Рис. 1, 1–3.

2. Подвеска-лунница.

Подвеска в форме лунницы. Лунница выполнена из стержня ромбовидного сечения, на концах и в центре – напаяны шарики зерни. Петля для подвешивания образована свернутой полоской с валиками по краям и шариком зерни, припаянным у основания петли с лицевой стороны.

Сохранность: слегка деформирована; небольшие вдавления; царапины.

Золото; ковка, гибка, пайка, зернь.

Высота 1,46 см, ширина 1,38 см; сечение стержня: ширина 0,19 см, толщина 0,12 см. – Петля: диаметр 0,42 см, ширина полоски 0,32 см, толщина 0,07 см.

Полевая опись № 1888. Вр. хр. 9396. Коллекционная опись № 102.

Литература: Абрамзон, Винокуров 2016, 721, табл. II, 1 (вверху); Abramzon, Vinokurov 2017, 13, 14, fig. 3, 1 (вверху).

Рис. 1, 4–7.

Рис. 1. Горище Артезиан. 2013 г. Раскоп III. Слой пожара в помещении 4, ямы 495, 497–498. ВКИКМЗ. Золотые лунницы. 1–3 – Вр. хр. 9397. Коллекционная опись № 104; 4–7 – Вр. хр. 9396. Коллекционная опись № 102. Фото М.Ю. Трейстера, 2014

Fig. 1. Artezian fortified site. 2013. Section III. Burnt layer in Room 4, pits 495, 497–498. Kerch, Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Gold *lunulae*. 1–3 – Temporary storage no. 9397. Collection inventory no. 104; 4–7 – Temporary storage no. 9396. Collection inventory no. 102. Photos by Mikhail Treister, 2014

3. Подвеска-лунница.

Лунница овальной формы из дрота округлого сечения с округлой петлей для подвешивания.

Сохранность: утрачена часть нижнего завершения; коррозия, минерализация.

Серебро; ковка, пайка.

Высота 1,66 см, ширина 2,52 см, сечение дрота: 0,44–0,46 см. – Петля: диаметр 0,74 см, ширина полоски 0,51 см.

Полевая опись № 3240. НВФ-13373. Коллекционная опись № 280.

Литература: не опубликована.

Рис. 2, 1–3.

4. Подвеска-лунница.

Подвеска-лунница овальной формы из дрота овального сечения с одним из концов, оформленным в виде шарика, и пластинчатой петлей для подвешивания.

Сохранность: окислена; петля для подвешивания частично утрачена.

Серебро; ковка, пайка.

Высота 2,33 см, ширина 2,54 см, сечение макс. 0,39 х 0,37 см. – Петля: диаметр не менее 0,70 см, ширина полоски 0,59 см, толщина 0,18 см.

Полевая опись № 3249. НВФ-13382. Коллекционная опись № 289.

Литература: не опубликована.

Рис. 2, 4–5.

5. Подвеска-лунница.

Кольцо овальной формы с несомкнутыми концами из дрота ромбовидного сечения – часть лунницы с утраченной петлей.

Сохранность: утрачена петля; пережжена; коррозия, минерализация.

Серебро; ковка, пайка.

Высота 1,93 см, ширина 2,56 см, сечение дрота: ширина макс. 0,53 см, толщина 0,56 см.

Полевая опись № 3241. НВФ-13374. Коллекционная опись № 281.

Литература: не опубликована.

Рис. 2, 6–7.

6. Подвеска-лунница.

Лунница овальной формы из дрота ромбовидного сечения с концами, оформленными в виде шариков, и пластинчатой петлей для подвешивания.

Сохранность: окислена; петля для подвешивания частично утрачена.

Серебро; ковка, пайка.

Высота 3,07 см, ширина 3,41 см, сечение дрота: ширина макс. 0,54 см, толщина 0,39 см. – Петля: диаметр не менее 0,90 см, ширина полоски 0,98 см, толщина 0,19 см.

Полевая опись № 3250. НВФ-13383. Коллекционная опись № 290.

Литература: не опубликована.

Рис. 2, 8–9.

Рис. 2. Городище Артезиан. 2013 г. Раскоп III. Слой пожара в помещении 4, ямы 495, 497–498. ВКИКМЗ. Серебряные лунницы. 1–3 – НВФ-13373. Коллекционная опись № 280; 4–5 – НВФ-13382. Коллекционная опись № 289; 6–7 – НВФ-13374. Коллекционная опись № 281; 8–9 – НВФ-13383. Коллекционная опись № 290. Фото М.Ю. Трейстера, 2014

Fig. 2. Artezian fortified site. 2013. Section III. Burnt layer in Room 4, pits 495, 497–498. Kerch, Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Silver *lunulae*. 1–3 – acc. no. NVF-13373. Collection inventory no. 280; 4–5 – acc. no. NVF-13382. Collection inventory no. 289; 6–7 – acc. no. NVF-13374. Collection inventory no. 281; 8–9 – acc. no. NVF-13383. Collection inventory no. 290. Photos by Mikhail Treister, 2014

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146.
- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И. 2016: Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан. *ВДИ* 76.3, 712–743.
- Буюклиев, Х. 1986: *Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг* (Разкопки и проучвания XVI). София.
- Гавритухин, И.О., Свиридов, А.Н., Язиков, С.В. 2020: Могильный римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение). *РА* 2, 91–110.
- Горбенко, А.А., Косяненко, В.М. 2011: *Некрополь Паниардиса* (Донские древности 11). Азов.
- Димитрова, Д. 2010: Богати тракийски гробове от римската епоха в Сливенско. *Известия на музеите от Югоизточна България* XXV, 13–31.
- Дмитриев, А.В., Малышев, А.А., Медникова, М.Б., Онайко, Н.А., Столярова, Е.К. 2020: Описание археологических комплексов. Каталог. В сб.: *Мысхакский некрополь*, 10–122.
- Журавлев, Д.В., Новикова, Е.Ю., Коваленко, С.А., Шемаханская, М.С. 2017: *Золото Херсонеса Таврического. Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея*. М.
- Зайцев, Ю.П. 2003: *Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.)*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П., Волошинов, А.А., Кюнелът, Э., Масыкин, В.В., Мордвинцева, В.И., Фирсов, К.Б., Флесс, Ф. 2007: Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I–III вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т.Н. Высотской*. Симферополь, 249–290.
- Зайцев, Ю.П., Шкрибляк, И.И. 2022: Святилище римского времени на горе Кара-Тау в Предгорном Крыму. *Stratum plus* 4, 129–149.
- Кат. София 2016: Н. Иванова, П. Андреева, М. Рехо (eds.), *Огледало на времето. Женската красота през вековете / The Mirror of Time: Female Beauty through the Ages*. София.
- Корпусова, В.Н. 1983: *Некрополь Золотое*. Киев.
- Кропотов, В.В. 2014: Датировка позднескифских золотых подвесок-лунниц из предгорного Крыма. В сб.: *Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки»*. Київ, 18–20 листопада 2013 р. Київ, 137–144.
- Лысенко, А.В., Масыкин, В.В., Мордвинцева, В.И. 2015: Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым). *ИИАК II*, 295–333.
- Лысенко, А.В., Мордвинцева, В.И. 2019: Металлические украшения костюма – вотивы святилища римского времени Эклизи-Бурун (к культурной атрибуции памятника). *ПИФК* 4, 239–295.
- Малышев, А.А. 2020: Погребальный инвентарь Мысхакского некрополя. В сб.: *Мысхакский некрополь*, 143–172.
- Малышев, А.А. 2021: Полуостров Абрау в римское время. *Hypanis* 3, 147–170.
- Мастыкова, А.В. 2022: Женские амулеты в форме лунниц из золотой проволоки в некрополе римского времени Фронтное 3 (Юго-Западный Крым). *Stratum plus* 4, 151–165.
- Мастыкова, А.В., Хайретдинова, Э.А. (ред.) 2022: *Могильный римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи*. М.

- Михайлов, Ф. 2014: Результаты от спасительных археологических раскопки на некропол от I хил. пр. Хр. край село Делян (Предварительно съобщение). *Известия Регионален исторически музей – Перник* 2, 60–76.
- Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. 2007: *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Симферополь–Бонн.
- Мордвинцева, В.И., Хачатурова, Е.А., Юрченко, Т.В. 2010: *Сокровища древней Кубани.* Симферополь–Краснодар.
- Новичихин, А., Галут, О. 2013: *Золото Горгииппии.* Анапа–Краснодар.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники.* Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2015: Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя. *ИИАК* 2, 200–231.
- Стоянова, А.А. 2016: Подвески из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Т. II. 20 лет исследований могильника Нейзац.* Симферополь, 122–165.
- Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2003–2004: Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.
- Трейстер М.Ю. 2007: Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. (эллинистическая традиция). В кн.: Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т. 1. Симферополь–Бонн, 15–194.
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum plus* 4, 117–328.
- Труфанов, А.А. 2017: Парное детское погребение из Усть-Альминского некрополя. *ИИАК* VI, 33–41.
- Abramzon, M.G., Treister, M., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War (45–49 AD) from Artezian Site. *ACSS* 18.2, 207–278.
- Abramzon, M., Vinokurov, N.I. 2015: Cistophori from the Artezian Settlement (Ptolemaeus' Παρόστα?). *EA* 21, 151–159.
- Abramzon, M., Vinokurov, N.I. 2017: Gold Staters of Aspurgus and Mithridates III and New Complexes with Coins and Jewellery Items from the Artezian Settlement. *ACSS* 23, 1–41.
- Bingöl, F.R.I. 1999: *Anadolu medenizetleri müzesi. Antik takilar.* Ankara.
- Cat. Athens 1999: A. Delivorrias (ed.), *Ελληνικά νομίσματα. Από τις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη.* Athens.
- Cat. London 1997: Walker, S., Bierbrier, M. *Ancient Faces. Mummy Portraits from Roman Egypt.* London.
- Cat. Milan 1984: E.M. De Juliis (ed.), *Gli ori di Taranto in età ellenistica.* Milano.
- Cat. Thessaloniki 1978: K. Ninou (ed.), *Treasures of Ancient Macedonia: Catalogue.* Thessaloniki.
- Cat. Thessaloniki 2007: D. Grammenos (ed.), *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης.* Thessaloniki.
- D'Ambrosio, A., De Carolis, E. 1997: *I monili dall'area Vesuviana* (Soprintendenza archeologica di Pompei, Cataloghi 6). Roma.
- Dmitriev, A.V., Malyšev, A.A., Vjazkova, O.E. 1999: Die Siedlung von Myschako. Ein südöstlicher Vorposten des Bosporanischen Reiches. *EA* 5, 445–486.
- Gogiberidze, N. 2008: Jewelry. In: A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig (Hrsg.), *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia.* Langenweißbach, 165–189.
- Greifenhagen, A. 1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall.* Bd. II. Berlin.

- Guglielmino, R. 1994: La necropoli di Entella. In: *Nécropoles et sociétés antiques (Grèce, Italie, Languedoc): Actes du Colloque international du Centre de recherches archéologiques de l'université de Lille III (Lille, 2–3 décembre 1991)*. Naples, 198–216.
- Hackens, T., Lévy, E. 1965: Trésor hellénistique trouvé à Délos en 1964. *BCH* 89, 503–566.
- Kitow, G., Pawłow, P. 1987: *Kultura tracka na ziemiach okręgu Łowczańskiego*. Sofia.
- Lungu, V., Covacef, Z., Chera, C. 2012: *Bijuterii antice din aur din colecțiile Muzeului de istorie națională și arheologie Constanța (Bibliotheca Tomitana VI)*. Constanța.
- Mano-Zisi, D. 1957: *Nalaz iz Tekije*. Beograd.
- Mansel, A.M. 1939: Grabhügelforschung in Ostthrakien. *ИБАН XIX*, 154–189.
- Marshall, F.H. 1911: *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum*. London.
- Meriçboyu, Y.A. 2001: *Antikçağ'da Anadolu takıları*. Istanbul.
- Miller, S. 1979: *Two Groups of Thessalian Gold*. Berkeley, Los Angeles.
- Mordvintseva, V.I., Lysenko, A.V., Masyakin, V.V. Female Elite Grave in the Necropolis Luchistoe-2 (Southern Crimea). *ACSS* 22, 199–261.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. İstanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Pantos, P. 1983. Αχινός. Οικόπεδο Γ.Α. Χάδου. *Αρχαιολογικόν Δελτίον* 38.B.1, 174.
- Popović, I. 1994: *Antique Silver from Serbia / Antičko srebro u Srbiji*. Beograd.
- Pülz, A.M. 2009: *Die Goldfunde aus dem Artemision von Ephesos (Forschungen in Ephesos 12,5)*. Wien.
- Riha, E. 1990: *Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst (Forschungen in Augst 10)*. Augst.
- Rosenthal-Heginbottom, R. 2018: Schmuck aus dem Reich der Nabatäer Hellenistische Traditionen in frühromischer Zeit. *Journal of Hellenistic Pottery and Material Culture* 3, 88–175.
- Ruseva-Slokoska, L. 1991. *Roman Jewellery. A Collection of the National Archaeological Museum–Sofia*. London.
- Ruxer, M.S., Kubszak, J. 1972: *Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim*. Warsaw–Poznań.
- Şahin, S. 1998: *Afyon arkeoloji müzesi*. Ankara.
- Scatozza Höricht, L.A. 1989: *I monili di Ercolano (Soprintendenza archeologica di Pompei, Cataloghi. 3)*. Roma.
- Stefanelli, L.P.B. 1992: *L'oro dei Romani*. Roma.
- Wrede, H. 1975: Lunulae im Halsschmuck, in: Wandlungen. In: *Studien zur antiken und neueren Kunst, Ernst Homann-Wedekind gewidmet*. Waldsassen, 243–254.
- Zafiropoulou, F. 1998: *Δήλος. Μαρτυρίες από τα Μουσειακά εκθέματα*. Athens.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Treister, M., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War (45–49 AD) from Artezian Site. *ACSS* 18.2, 207–278.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2012: Dva klada monet i yuvelirnykh izdeliy vremeni rimsko-bosporskoy voyny 45–49 gg. s gorodishcha Artezian [Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the fortified Settlement Artezian]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 93–146.
- Abramzon, M., Vinokurov, N.I. 2015: Cistophori from the Artezian Settlement (Ptolemaeus' Παρόστα?). *EA* 21, 151–159.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I. 2016: Zolotye statery Aspurga i Mitridata III i novye komplekсы s monetami i yuvelirnymi izdeliyami s gorodishcha Artezian [Gold Staters of

- Aspurgus and Mithridates III and New Complexes with Coins and Jewellery Items from the the fortified Settlement Artezian]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 76.3, 712–743.
- Abramzon, M., Vinokurov, N.I. 2017: Gold Staters of Aspurgus and Mithridates III and New Complexes with Coins and Jewellery Items from the Artezian Settlement. *ACSS* 23, 1–41.
- Bingöl, F.R.I. 1999: *Anadolu medenizetleri müzesi. Antik takılar*. Ankara.
- Bujukliev, Kh. 1986: *Trakiyskiyat mogilen nekropol pri Chatalka, Starozagorski okrag* [La necropole tumulaire Thrace près de Čatalka, région de Stara Zagora] (Razkopki i prouchvaniya [Fouilles et Recherches] XVI). Sofia.
- Cat. Athens 1999: A. Delivorrias (ed.), *Ελληνικά κοσμήματα. Από τις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη*. Athens.
- Cat. London 1997: Walker, S., Bierbrier, M. *Ancient Faces. Mummy Portraits from Roman Egypt*. London.
- Cat. Milan 1984: E.M. De Juliis (ed.), *Gli ori di Taranto in età ellenistica*. Milano.
- Cat. Sofia 2016: N. Ivanova, P. Andreeva, M. Rekho (eds.), *Ogledalo na vremeto. Zhenskata krasota prez vekovete / The Mirror of Time: Female Beauty through the Ages*. Sofia.
- Cat. Thessaloniki 1978: K. Ninou (ed.), *Treasures of Ancient Macedonia: Catalogue*. Thessaloniki.
- Cat. Thessaloniki 2007: D. Grammenos (ed.), *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki.
- D'Ambrosio, A., De Carolis, E. 1997: *I monili dall'area Vesuviana* (Soprintendenza archeologica di Pompei, Cataloghi 6). Roma.
- Dasen, V. 2003: Les amulettes d'enfants dans le monde gréco-romain. *Latomus* 62.2, 275–289.
- Dimitrova, D. 2010: Bogati trakiyski grobove ot rimskata epokha v Slivensko [Rich Thracian Burials in the Sliver Region]. *Izvestiya na muzeite ot Yugoiztochna Balgariya* [Reports of the Museum of South-Eastern Bulgaria] XXV, 13–31.
- Dmitriev, A.V., Malyshev, A.A., Mednikova, M.B., Onayko, N.A., Stolyarova, E.K. 2020: Opisanie arkhеologicheskikh kompleksov. Katalog. In: A.A. Malyshev (ed.), *Myskhakskiy nekropol'. Raskopki 1978–1979 gg.* [Myskhako Necropolis. 1978–1979 Excavations] (Nekropoli Chernomor'ya [Necropoleis of the Black Sea Region] V). Moscow, 10–122.
- Dmitriev, A.V., Malyšev, A.A., Vjazkova, O.E. 1999: Die Siedlung von Myschako. Ein südöstlicher Vorposten des Bosporanischen Reiches. *EA* 5, 445–486.
- Gavritukhin, I.O., Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2020: Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (predvaritel'noe soobshchenie) [A Necropolis of the Roman Period Frontovoe 3 in the South-Western Crimea (Preliminary Report)]. *Rossiyskaya arkhеologiya* [Russian Archaeology] 2, 91–110.
- Gogiberidze, N. 2008: Jewelry. In: A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig (Hrsg.), *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 165–189.
- Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011: *Nekropol' Paniardisa* [The Paniardis Necropolis] (Donskie drevnosti [Don Antiquities] 11). Azov.
- Greifenhagen, A. 1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd. II. Berlin.
- Guglielmino, R. 1994: La necropoli di Entella. In: *Nécropoles et sociétés antiques (Grèce, Italie, Languedoc): Actes du Colloque international du Centre de recherches archéologiques de l'université de Lille III (Lille, 2–3 décembre 1991)*. Naples, 198–216.
- Hackens, T., Lévy, E. 1965: Trésor hellénistique trouvé à Délos en 1964. *BCH* 89, 503–566.
- Kitow, G., Pawłow, P. 1987: *Kultura tracka na ziemiach okręgu Łowczańskiego*. Sofia.
- Korpusova, V.N. 1983: *Nekropol' Zolotoe* [Zolotoe Necropolis]. Kiev.
- Kropotov, V.V. 2014: Datirovka pozdneskifskikh zolotyykh podvesok-lunnits iz predgornogo Kryma [The Dating of the late Scythian Gold Crescent Pendants from the Foothills of the Crimea]. In: *Materiali nauchovoy konferentsii "Yuvelirne mistetstvo – poglyad kriz' viki"*.

- Kiiv, 18–20 listopada 2013 r. [Materials of the Scientific Conference “Jewellery Art – a Look through the Ages”. Kyiv, November 18–20, 2013]. Kiev, 137–144.
- Lungu, V., Covacef, Z., Chera, C. 2012: *Bijuterii antice din aur din colectiile Muzeului de istorie națională și arheologie Constanța* (Bibliotheca Tomitana VI). Constanța.
- Lysenko, A.V., Masyakin, V.V., Mordvintseva, V.I. 2015: Mogila № 1 nekropolya rimskogo vremeni Luchistoe-2 (Yuzhnyy Krym) [Grave no. 1 of the Necropolis Luchistor-2 (South Crimea) of the Roman Period]. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea] II, 295–333.
- Lysenko, A.V., Mordvintseva, V.I. 2019: Metallicheskie ukrasheniya kostyuma – votivy svyatilishcha rimskogo vremeni Eklizi-Burun (k kul'turnoy atributsii pamyatnika) [Metal Costume Decorations – Votives from the Roman Period Sanctuary Eklizi-Burun (to the cultural Attribution of the Site)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 239–295.
- Malyshev, A.A. 2020: Pogrebal'nyy inventar' Myskhakskogo nekropolya [Burial Inventory of the Myskhako Necropolis]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Myskhakskiy nekropol'. Raskopki 1978–1979 gg.* [Myskhako Necropolis. 1978–1979 Excavations] (Nekropoli Chernomor'ya [Necropoleis of the Black Sea Region] V). Moscow, 143–172.
- Malyshev, A.A. 2021: Poluostrov Abrau v rimskoe vremya [Abrau Peninsula in the Roman Period]. *Hypanis* 3, 147–170.
- Mano-Zisi, D. 1957: *Nalaz iz Tekije*. Beograd.
- Mansel, A.M. 1939: Grabhügelforschung in Ostthrakien. *Izvestiya na Bulgarskiya arheologicheski institut* [Proceedings of the Bulgarian Archaeological Institute] XIX, 154–189.
- Marshall, F.H. 1911: *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum*. London.
- Mastykova, A.V. 2022: Zhenskie amulety v forme lunnits iz zolotoy provoloki v nekropole rimskogo vremeni Frontovoe 3 (Yugo-Zapadnyy Krym) [Female Amulets in the Crescent Form made of Gold Wire in the Necropolis of the Roman Period Frontovoe 3 (South-Western Crimea)]. *Stratum plus* 4, 151–165.
- Mastykova, A.V., Khayretdinova, E.A. (eds.) 2022: *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii* [The Cemetery of the Roman Period Frontovoe 3: the Barbarians on the Frontire of the Empire]. Moscow.
- Mikhaylov, F. 2014: Rezultati ot spasitelnite arheologicheski razkopki na nekropol ot I khil. pr. Khr. kray selo Delyan (Predvaritelno saobshchenie) [Results of the Rescue Archaeological Excavations of the Necropolis of 1st Millennium BC near the Village of Delyan (Preliminary Report)]. *Izvestiya Regionalen istoricheski muzey – Pernik* [Reports of the Regional History Museum – Pernik] 2, 60–76.
- Meriçboyu, Y.A. 2001: *Antikçağ'de Anadolu takilari*. Istanbul.
- Miller, S. 1979: *Two Groups of Thessalian Gold*. Berkeley–Los Angeles.
- Mordvintseva, V.I., Khachaturova, E.A., Yurchenko, T.V. 2010: *Sokrovishcha drevney Kubani* [The Treasures of Ancient Kuban]. Simferopol–Krasnodar.
- Mordvintseva, V.I., Lysenko, A.V., Masyakin, V.V. Female Elite Grave in the Necropolis Luchistoe-2 (Southern Crimea). *ACSS* 22, 199–261.
- Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007: *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Simferopol–Bonn.
- Novichikhin, A., Galut, O. 2013: *Zoloto Gorgippii* [The Gold of Gorgippia]. Anapa–Krasnodar.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. İstanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Pantos, P. 1983. Αχινός. Οικόπεδο Γ.Λ. Χάδου. *Αρχαιολογικόν Δελτίον* 38.Β.1, 174.
- Popović, I. 1994: *Antique Silver from Serbia / Antičko srebro u Srbiji*. Beograd.

- Pülz, A.M. 2009: *Die Goldfunde aus dem Artemision von Ephesos* (Forschungen in Ephesos 12,5). Wien.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia. 2nd Century BC. – 3rd Century AD. Funeral monuments]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2015: Dva sklepa v tsentral'noy chasti Ust'-Al'minskogo nekropol'ya [Two Crypts in the Central Part of the Ust-Alma Necropolis]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 2, 200–231.
- Riha, E. 1990: *Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst* (Forschungen in Augst 10). Augst.
- Rosenthal-Heginbottom, R. 2018: Schmuck aus dem Reich der Nabatäer Hellenistische Traditionen in frühromischer Zeit. *Journal of Hellenistic Pottery and Material Culture* 3, 88–175.
- Ruseva-Slokoska, L. 1991. *Roman Jewellery. A Collection of the National Archaeological Museum–Sofia*. London.
- Ruxer, M.S., Kubszak, J. 1972: *Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim*. Warsaw–Poznań.
- Şahin, S. 1998: *Afyon arkeoloji müzesi*. Ankara.
- Scatozza Höricht, L.A. 1989: *I monili di Ercolano* (Soprintendenza archeologica di Pompei, Cataloghi. 3). Roma.
- Stefanelli, L.P.B. 1992: *L'oro dei Romani*. Roma.
- Stoyanova, A.A. 2016: Podveski iz mogil'nika Neyzats. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BC–4th Century AD)]. Vol. II. 20 Years of Investigations of Neyzats Necropolis]. Simferopol', 122–165.
- Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2003–2004: Naselenie okrugov Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropol'ya "Sovkhoz № 10") [The Population of the Vicinities of Chersonesos in the first Half of the 1st Millennium AD (based on the Materials of the necropolis "Sovkhoz No. 10")]. *Stratum plus* 4, 27–277.
- Treister, M.Yu. 2007: Torevtika i yuvelirnoe delo v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e. (ellenisticheskaya traditsiya). In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Vol. 1. Simferopol–Bonn, 15–194.
- Trufanov, A.A. 2009: Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [The Chronology of the Necropoleis of the Piedmont Crimea of the 1st Century BC–3rd Century AD]. *Stratum plus* 4, 117–328.
- Trufanov, A.A. 2017: Parnoe detskoe pogrebenie iz Ust'-Al'minskogo nekropol'ya [Paired Children's Burial from the Ust-Alma necropolis]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] VI, 33–41.
- Wrede, H. 1975: Lunulae im Halsschmuck, in: Wandlungen. In: *Studien zur antiken und neueren Kunst, Ernst Homann-Wedekind gewidmet*. Waldsassen, 243–254.
- Zafiropoulou, F. 1998: *Δήλος. Μαρτυρίες από τα Μουσειακά εκθέματα*. Athens.
- Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol' Skifskiy (II v. do n.e. – III v. n.e.)* [Scythian Neapolis (the 2nd Century BC – 3rd Century AD)]. Simferopol.
- Zaytsev, Yu.P., Voloshinov, A.A., Kyunel't, E., Masyakin, V.V., Mordvintseva, V.I., Firsov, K.B., Fless, F. 2007: Pozdneskifskiy nekropol' Zavetnoe (Alma-Kermen) I–III vv. n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu. Raskopki 2004 g. [Late Scythian necropolis of Zavetnoe (Alma-Kermen) of the 1st–3rd centuries AD in South-Western Crimea. 2004 Excavations]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu T. N. Vysotskoy* [Ancient Tauride. Dedicated to the 80th Birthday of T.N. Vysotskaya]. Simferopol, 249–290.

- Zaytsev, Yu.P., Shkriblyak, I.I. 2022: Svyatilishche rimskogo vremeni na gore Kara-Tau v Predgornom Krymu [The Sanctuary of the Roman Period on the Kara-Tau Mount in the Piedmont Crimea]. *Stratum plus* (4), 129–149.
- Zhuravlev, D.V., Novikova, E.Yu., Kovalenko, S.A., Shemakhanskaya, M.S. 2017: *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo. Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [The Gold of Tauric Chersonesos. Jewellery from the Collection of the State Historical Museum]. Moscow.

GOLD AND SILVER LUNULA-PENDANTS FROM THE AD 46/47
BURNT LAYER OF THE EARLY CITADEL OF ARTEZIAN FORTIFIED
SETTLEMENT
IN EASTERN CRIMEA

Mikhail Yu. Treister¹, Nikolay I. Vinokurov²

¹ Independent Researcher, Bonn, Germany

² Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

¹ E-mail: mikhailtreister@yahoo.de ² E-mail: vinokurovn@list.ru

This is the publication of gold and silver lunula-pendants discovered in the fire layer of the early citadel of the Artezian fortified settlement in Eastern Crimea in 2013. Along with other finds from the burnt layer of the early citadel of the Artezian fortified site, the objects under consideration are also of great scientific value, coming from a carefully recorded archaeological context, giving them a *terminus ante quem* of AD 46/47. This makes it possible to correct the chronological observations of researchers on the dating of *lunulae*. There is nothing surprising in the discovery of a sheet crescent pendant decorated with a garnet inlay, filigree and granulation, which is quite comparable with the Hellenistic samples represented by the find from Tanais. However, the sheet *lunula* from Artezian differs in details of form and decoration, both from the find from Tanais and from the crescent pendants of this type from the burial grounds of the South-Western Crimea. Also, the chronology of *lunulae* made of rods with balls at the ends, in large numbers originating from the burials and sanctuaries in the South-Western and Piedmont Crimea, dating before not earlier than the second half of the 1st century AD, is specified.

Keywords: Eastern Crimea, Artezian fortified settlement, Roman-Bosporan War of AD 45–49, jewellery from precious metals, crescent pendants

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 129–162
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 129–162
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-129–162

ТЕКСТОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА НОВОИЗДАННОГО ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО НАГОВОРА ИЗ ОЛЬВИИ

В.П. Яйленко

Независимый исследователь, Москва, Россия

E-mail: valeryjailenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9844-6259

В 2019 г. Н.И. Николаев опубликовал найденный в Ольвии наговор: это опистограф, на оборотной стороне свинцовой пластинки текст написан ретроградно – только личные имена. Исследователь в целом правильно прочел целиком сохранившиеся имена, всего их у него 40, в остальном допустил множество ошибок разного рода. Автор данной статьи досконально разбирает текстологию надписи и устанавливает реальный список имен-отчеств 26 проклятых человек. Издатель датировал наговор 357–347 гг. до н.э., основываясь на своей гипотезе о каталоге имен IOSPE I² 201 как синхронном списке ольвийских эпонимов. Автор критикует эту гипотезу как безосновательную и показывает, что IOSPE I² 201 – простой каталог граждан последней четверти III в. до н.э. Подробный разбор палеографии наговора показал, что он относится примерно к тому же времени, есть у обоих списков и просопографические сходжения. Все имена наговора греческие, за исключением Θατοῖς Ναυχίῳ, который по своему имени египтянин. Египет был в эллинистическое время житницей всего греческого мира. Ольвия импортировала хлеб в III–II вв. до н.э. из разных регионов зарубежья, поэтому впервые засвидетельствованное присутствие в ней египтянина можно связать с поставками хлеба из житницы эллинистического мира Египта. Это дает основание думать, что причиной составления столь большого наговора была конкуренция двух «фирм», поставлявших хлеб. В связи с этим автор исследует два других позднеэллинистических наговора из Ольвии с большим количеством имен – 31 и 22, причиной составления первого автор считает соперничество двух строительных артелей за крупный заказ от города. В заключение автор суммирует свою недавнюю работу о хронологическом распределении 26 ольвийских наговоров: от эпохи классики (520–325 гг. до н.э.) их дошло 6, от эпохи эллинизма 20, когда Ольвия пребывала главным образом в кризисе.

Ключевые слова: Ольвия, большой наговор позднего III в. до н.э., текстология, палеография, хронология наговоров Ольвии

Данные об авторе. Валерий Петрович Яйленко – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь, Москва.

Небольшая коллекция ольвийских наговоров пополнилась еще одним памятником, изданным недавно Н.И. Николаевым¹. Он происходит из частного собрания, найден в отвалах у Заячьей балки. По типу сей наговор – обычный для провинциальной Ольвии простой перечень имен-патронимиков проклинаемых лиц на свинцовой пластинке, но он большой и знакомит нас с рядом новых персонажей. Это опистограф, лицевая сторона сразу опознается по меньшему сравнительно с оборотной стороной числу строк (11–12), написанных относительно ровно и большими буквами; почти в каждой строке по имени-отчеству, часть текста утрачена, в целом предан проклятию с десятков недругов. Но у автора надписи их было гораздо больше, так что оборотную сторону он исписал 16 строками с именами-отчествами, включая упомянутых на лицевой стороне, да еще добавил по два имени справа и слева, также сверху (рис. 1–2). Издатель отнес наговор к числу судебных (*tabellae iudiciariae*)², для чего никаких оснований нет – как сказано, это обычный для Ольвии простой перечень имен, либо имен-отществ проклинаемых лиц, даже без глагола *devovendi*³. Поскольку текст оборотной стороны основной по информативности и лучшей сохранности, начнем с него.

Если текст лицевой стороны написан нормально, слева направо, то магическое действие наговора на оборотной стороне его автор усилил ретроградным написанием⁴. Еще один простейший прием магии – повтор имен, так что почти все персонажи лицевой стороны перекочевали и на реверс. Тут, при хорошей сохранности текста, издатель прочитал имена в основном правильно, но частью ошибочно, при этом передал их с избытком неточностей, мы отметим их в нижеследующем комментарии. Он вовсе не рассмотрел важный вопрос об аранжировке текста и вычитал преимущественно имена в номинативе. Если брать общую картину, то ольвийские заклятия по большей части включают список одних имен⁵, с именами-отчествами их меньше⁶. Однако в этом заклятии картина обратная: текст реверса (напомним, почти полной сохранности) включает формулу личное имя + патронимик 8 раз⁷, без патронимика лишь имена Дионисий, Пантакл стк. 1, остальные случаи амбивалентны⁸. Н.И. Николаев населил номинативами имен

¹ Николаев 2019, 276–308. В каталоге ольвийских наговоров А.В. Белоусова (2020) их 25, но по нашему мнению, его № 1, 20 – оракулы, № 21 – частное письмо, № 24 – целительный амулет, № 25 – текст неизвестен, происхождение № 21, 22 из Ольвии маловероятно (их именник не вполне ольвийский). Итого остается 18, но добавляем 8 других, включая изданную Николаевым (Яйленко 2021б, 309). Подробно о составе наговоров и их хронологии поведем речь в конце данной статьи. Для сравнения: в Истрии, которая во многом подобна Ольвии по территории, количеству населения, экономике и прочему, найдено 8 заклятий от IV в. до н.э. (Avram, Chiriac, Matei 2007, 383f.). Ольвийские наговоры несравнимо богаче по именнику, больше и формул заклятия.

² Николаев, 2019, 284.

³ Белоусов 2020, № 2–10, 12, это треть общего числа ольвийских заклятий. Судебные наговоры: № 11 и очень вероятно 14, 15, все с добавлением к перечню имен соответствующей лексики.

⁴ Об этом и других приемах усиления магии написания заклятий см.: Guarducci 1978, 245–246.

⁵ Белоусов 2020, № 2–4, 6, 8–10, 12, 13, 16, 17, 19, 22.

⁶ Белоусов 2020, № 5, 7, 14, 15.

⁷ Татус Нанхинов, Солон Сократов, Аполлофан Аполлониев, Пантакл Гикесиев, Бастакон Геросонтов, Калликл Дионисиев, Автостен Клидемов, Автостен Аделфов.

⁸ Не следует учитывать 4 имени, приписанных к основному тексту слева и справа по краям пластинки, ибо для их патронимиков там просто не было места. О чтении справа и сверху имени-отчества $\text{Αὐτοσ[θε]ίην)с Αδελφεός}$ см. ниже.

также лицевую сторону, но там тоже превалируют имена-патронимики – их 4⁹, лишь 2 определенно номинативы¹⁰. В соответствии с такой закономерностью упомянутые неполные имена лицевой стороны справа, а оборотной стороны слева следует трактовать в качестве патронимиков и дополнять их в родительном падеже. Это весьма существенно для точного прочтения текста и построения реальной просопографии упомянутых лиц.

В соответствии с обычной практикой изготовления заклятий автор ольвийского наговора начертал на обеих сторонах пластины имена с патронимиками в колонку, пара под парой. Однако на обороте места не хватило, и он, как сказано, написал вертикально слева и справа по два имени, а отчество к последнему и вовсе над первой строкой, перевернув пластинку на 180°. Н.И. Николаев же с этого перевернутого имени (на деле патронимика) и начал надпись, тогда как автор наговора завершил им свою инвективу. Не обошлось и без нового слова Н.И. Николаева в технике издания надписей: утраченный текст строк он уснастил крестиками. Это не просто излишне, но мешает адекватному восприятию эпиграфического поля. В стк. 3, 7 оборотной стороны после имен-отчеств автор наговора не заполнял оставшиеся до левого края небольшие участки строк (это обычная картина в тех наговорах, в которых имена-отчества написаны в колонку), но издатель уснастил их крестиками. В результате мне как читателю неясно, как трактовать два его крестика перед сохранившимися справа вертикальными буквами -INEC: понятно, что это окончание имени, но неизвестно, лакуна тут или оставшееся бланковым место (обычно так бывает ввиду изначальной испорченности поверхности пластины).

Итак, оборотная сторона в чтении и переводе издателя:

ΑΔΕΛΚΧΕΟΣ(180°,←)|Διονύσι[ος](←)|Παντακλῆς?(←)|Θατ[ο]ῦς ΝΑΓΧΙΝΟΥ(←)|Σόλων Σωκράτους(←)|Ἀπολλωφάνης Ἀπολλωνί[ου?](←)|Ἀντιμήτωρ(←), Σωκράτ[η]ς(←)|Ἀθήναιος(←), Ἑκατόδ(ωρος?)(←)|Παντακλῆς Ἰκεσί[ο]υ(←)|Βαστάκων Ἦρ[ο]σῶντος(←)|Μακαρεύς, [...?](←)|Καλίκλῆς, Διονύσι[ο]ς(←)|Ἀττ[α]ς, Θένης Κλειδήμου(←)|Διονύσιος Νικο[δ]ρόμου(←)|Ἐπικράτης, Ἀκύλλ[ο]ς(←)|Λαμπυρίς, [...?](←)|[.....]?, Βάτων(←)|Ἀριστοκράτης(90°,→), Θατοῦς(90°,←)|[...]ΝΙΝ?[...]?(90°,→)|Κλειδήμος. αὐτο[ῖς?] [...]INEC[...] (90°, →) «ΑΔΕΛΚΧΕΟΣ(?). Дионисий, Пантакл, Фатус Нанхинов, Солон Сократов, Аполлофан Аполлониев(?), Антиместор, Сократ, Афиней, Гекатод[ор?], Пантакл Гикесиев, Бастакон Геросонов, Макарий, Калликл, Дионисий, Атгас, Фенис Клидимов, Дионисий Никодрофов, Эпикрат, Акилос(?), Лампурис, [...], Батон. Аристократ. Фатус. [...]нин?[...]. Клидим. Этих [...]INEC[...]».

Рассмотрим текст надписи, также интерпретацию его издателем (напомним, что оборотная сторона написана реверсивно, справа налево).

Стк. 1. Тут два имени – Διονύσι[ος], Παντακλῆς. Но издатель в своем греческом тексте, данном в колонку на с. 288, поместил одно под другим, т. е. получилось, что они в двух строках; в результате вместо 19 строк колонки у издателя их 20. Что до двух одиночных антропонимов стк. 1, при том, что далее следует большой ряд имен-отчеств, то примерно такова картина и в первых 3 строках лицевой стороны, где имена-патронимики чередуются с одиночными именами (Θατοῦς Ναγχίνου,

⁹ Θατοῦς Ναγχίνου, Σόλων Σωκράτους, Παντακλῆς Ἰκεσί[ο]υ, [Διο]νύσι[ος] Νικοδρόμου.

¹⁰ Ἀντιμήστ(ω)ρ, Ἀπολλοφάνης. Остальные имена (правая часть стк. 8–9 Καλλικλῆ, Εὐρησιβ) сокращены, потому могут быть и номинативом, и генитивом.

| Ἀπολλοφάνης, | Σόλων Σωκράτεус, (Σωκράτης). Казалось бы, можно думать, что в последнем примере Аполлофан и Солон – два сына Сократа, а в стк. 1–2 оборота (Διονύσι[ος], Παντακλῆς, | Θατοῦς Ναγχνινου) Дионисий, Пантакл и Татус – сыновья Нанхина. Однако этому, во-первых, препятствует то обстоятельство, что Аполлофан лицевой стороны упомянут и на оборотной, но с отчеством Аполлониевич (почти все персонажи лицевой стороны фигурируют и на обороте). Во-вторых, среди ольвийских наговоров есть и 3 других примера с чередованием одиночных имен да имен-патронимов¹¹. Эти обстоятельства указывают, что в данном наговоре при безусловном преобладании имен-отчеств присутствуют также отдельные одиночные антропонимы.

Стк. 4. Тут целиком написано Ἀπολλοφάνης Ἀπολλωνίου, но Н.И. Николаев не видит окончания патронимика и дополняет его, да еще под вопросом – Ἀπολλωνί[ου?]. Автор наговора грамотно пишет имя Ἀπολλοφάνης с двумя омикронами, но в его отчестве сокращает омегу до омикрона – Ἀπολλωνίου. Не видя этого, издатель в меру своих знаний ставит в имени омегу на месте должного омикрона: Ἀπολλωφάνης; отчество пишет правильно – Ἀπολλωνίου, но не отмечает иное написание подлинника.

Стк. 5. Автор наговора дал отчество Афинейя в сокращении – Ἀθήναιος Ἐκατοδ (вместо Ἐκατοδώρου). Так и на лицевой стороне: Καλλικλῆς Εὐρησίβ (вместо Εὐρησίβιου). В ольвийской эпиграфике, за вычетом сокращений имен владельцев на доньях сосудов, это нечастое явление, тем более в наговорах¹². Если в отношении имени Гевресибия сокращение еще можно понять – оно весьма употребительно в Ольвии, то имя Гекатодор здесь не фигурирует.

Стк. 6. После имени Ἀντιμήτωρ издатель вычитал nom. Σωκράτ[η]с. Может быть и так, но знак после Т (что-то вроде }) таков, что позволяет усматривать в нем остаток Н, Е или Υ. В связи с этим привлекают внимание упомянутые на лицевой стороне Солон Сократов и Антиместор (Σόλων Σωκράτεус, | Ἀντιμήστ(ω)ρ): их расположение рядом дает некоторое основание считать Антиместора обеих сторон надписи сыном Сократа и предположительно читать в стк. 6 оборота патроним Σωκράτε[υ]с, в целом Ἀντιμήστωρ Σωκράτε[υ]с (?).

Стк. 9. Чтение издателя Макареῦс адекватно, но оставлено без пояснения, а оно необходимо. На прориси между МАКА и ΥС показаны несколько черточек, в основном скошенных. Под левой гастой А можно усмотреть завалившееся набок Е, вверху слева от верхушки этого А показан горизонтальный щипец, в котором трудно опознать какую-либо букву. При этом для Р места нет. Таким образом, согласно с прорисью надо читать Мака[ρ]εῦс. После имени слева текст утрачен, в соответствии с выявленным выше принципом написания в колонках обеих сторон имен-отчеств, тут содержался патронимик Макарея, он насчитывал около 10 букв. Читаем стк. 9 в целом так: Мака[ρ]εῦс τοῦ δεῖνος.

¹¹ Белоусов 2020, № 7, 15, 22.

¹² К примеру, в записи III в. до н.э. о продаже иссопита: Εὐξ(ένω) ὕ(σσωπίτης) Σ, Διοτί(μω) «Евксену иссопита на статер, Диотиму--» (Яйленко 1980, 97–98, № 106; 2022б, 487–488); имя Евксена дополнено *exempti gratia*). В наговоре второй половины, лучше сказать, последней четверти IV в. до н.э., имя Драῦκος дано в сокращении – [Δ]ραῦк вместо [Δ]ραῦκων, остальные 3 имени выписаны полностью и в аккузативе (Яйленко 2020а, № 37а, ср. Белоусов 2020, № 4).

Стк. 11. Чтение издателя Ἀττ[α]с, Θένης Κλειδήμου ошибочно в отношении двух первых имен – вторая буква строки вовсе не Т, а ипсилон с чашечкой на ножке, в результате вычитывание имени Ἀττ[α]с повлекло за собой порождение вообще не известного сводам греческой антропонимии имени Θένης. На самом деле тут стоит четко читаемое и засвидетельствованное имя Αὐτοσθένης¹³, с аканьем (меной о на α)¹⁴. Очень вероятно, что автор наговора еще раз написал его справа снизу вверх: Αὐτ[οσθ?]ε^{vacat}iv(η)с, на этот раз с растяжением ε в ει, также позднеллинистическим неразличением η и ε¹⁵.

Стк. 13. Издатель дал под вопросом имя Ἀκύλλ[ος?], сопроводив на с. 303 забавным комментарием: «в хронологически близком публикуемому опистографу defixio IGDOlbia 106 упоминается некий Κίλλ(ος), который, не исключая, может быть идентичен личности по имени Ἀκύλλος». Как обычно, его подводит незнание греческого языка: на деле, разумеется, нет ничего общего между антропонимическими основами Ἀκύλ- и Κίλλ-, это различные гнезда личных имен вовсе разного значения¹⁶. В рассматриваемом опистографе за ΛΛ на прориси показана верхняя часть дужки округлой буквы; поскольку после двойного λλ должна следовать гласная, сия дужка принадлежит омикрону, так что уверенно читается Ἀκύλλο-. Это патронимик Эпикрата, потому дополняем Ἀκύλλο[v]. Исходной номинативной формой может быть упомянутое Ἰακυλος (отпущенник Мецената), либо скорее Ἀκύλλης, засвидетельствованное надписью IV в. из Каллатиса¹⁷.

В стк. 14 издатель вычитал имя Λαμπυρίς и забавным образом счел его мужским (на с. 302 он пишет о его предполагаемых потомках), хотя оно женское, на что

¹³ Pape, Benseler 1884, 179 (афинский архонт 668 г. до н.э., упомянутый Павсанием – IV. 23. 4), есть и диминутив этого имени – Αὐτοσθενίδης.

¹⁴ Еще раз его аканье проявилось в имени Βαστάκων стк. 8, – ср. Βοστάκων (КБН 645).

¹⁵ Издатель показал на прориси после ΑΥΤ две скобы с прочерком внутри, «птичку», часть квадрата (что-то вроде $\subset$, см. рис. 2), затем vacat (бланковое место) на две буквы и окончание имени INEC. В обратном словаре имен Б. Хансена подходящего к Αὐτ--ivεс нет, да и без того ясно, что эпсилон его окончания написан вместо эты (ввиду утраты долгими гласными долготы с III–II вв. до н.э.). Два обстоятельства указывают, что тут повторено имя стк. 11 Αὐτασθένης. Во-первых, несколько имен и имен-патронимиков даны в повторе; во-вторых, в стк. 11 проклят Αὐτασθένης Κλειδήμου, а на правой кромке пластины перед рассматриваемым именем приписано то же – Κλειδήμος. Омикрон и сигма в наговоре мелкие, тета большая; две скобы с прочерком внутри и «птичку» условно принимаем за οσθ и читаем Αὐτ[οσθ?]ε^{vacat}iv(η)с.

¹⁶ К первой относятся имена Ἀκύλας, Ἀκύλος и прочие, в том числе интересное нам Ἰακυλος, ко второй Κίλλα, Κίλλος да прочие, в числе которых и Κίλλος наговора Dubois 1996, № 106 (Pape, Benseler 1884, 50, 660; см. и LGPN IV, 13, 191). По В. Папе, Г. Бензелеру, первая группа имен произведена от ἄκυλος «желудь», у второй значение «рысак», но нам предпочтительна связь с κύλλος «осел» или κύλλος «серый» (LSJ, s. vv.). Основное обозначение осла ὄνος часто в пословицах, переносящих его свойства на человека – «упрямый», «обжора» и др. (см. LSJ, s. v.), потому оно присутствует и в именах-прозвищах – Ὀνόσανδρος, Ὀνοσκελία (Pape, Benseler 1884, 1064).

¹⁷ LGPN IV, 13. Авторы этого словаря прочли это имя также на ольвийском граффито IV–III в. до н.э. (Яйленко 1980, 99, № 122), но напрасно. Тут после АК следует монограмма из букв Υ и Λ: на Υ так наложено Λ, что вычитывается еще и Α с ломаной перекадиной (см. прорись: Яйленко 1980, 109, № 9), потому я и вычитал известное имя Ἀκύλα[ς]. Г. Михайлов в отчете о статье Яйленко (1980) указал, что эта форма невозможна для надписи IV в. до н.э. (SEG 1980, vol. 30, 265, № 958), но с тех пор она была засвидетельствована надписью в Македонских Эгах (LGPN IV, 13). Тем не менее, теперь я омолаживаю датировку ольвийского граффито с IV до III в. по причине монограммы и неплохо вычитываемой в ней альфы с ломаной перекадиной, о времени узуса которой см.: Яйленко 2020а, № 29; 2023, раздел III (текст об IOSPE I2 22а, 159).

указывает суффиксация -ίς (снова подводит неведомая греческая грамматика)¹⁸. Однако одна женщина в окружении множества мужских имен неубедительна; поскольку после иоты на прориси показано Ω, читаем следующее мужское имя Λαμπυρίο[v]. Должно быть Λαμπυρίων, но автор наговора порой игнорирует долготу, как сказано, заменяя омегу омикроном, а в стк. 13 эпсилоном эту (см. об этой важной для датировки надписи особенности ее языка ниже). Но далее, в тексте всей надписи, даем в круглых скобках (это показатель восстановления нормативной формы) омегу: Λαμπυρί(ω)[v].

Стк. 15: сохранившееся тут ΒΑΤΩΝ издатель понял в качестве номинатива – Βάτων, это возможно, если предположить, что в последней строке, как и в первой, автор заклития написал два имени. Поскольку же эти буквы в левой части строки, в соответствии с абсолютным преобладанием в колонке имен-отчеств предпочтительней чтение патронимика: ὁ δέῖνα Βάτων[ος].

Это последняя строка основного текста, написанного в колонку. Автор наговора проклял тут уже 16 человек, но не унимался: повернув пластину на 90°, дописал у ее левого края два имени – снизу вверх Ἀριστοκράτης, ему навстречу, сверху вниз, Θατοῦς¹⁹. Снова развернул пластинку, на этот раз на 180°, и у правого ее края начертал еще два имени. Закончил он, повернув пластину на 90° и дописав у ее верхнего края (теперь нижнего) патронимик последнего недруга. Добавленные слева имена Аристократа и Татуса, также справа Клидема целиком сохранены и точно зафиксированы издателем. Верхняя половина дописки справа и последнее имя имеют небольшие изъяны в сохранности, но Н.И. Николаев вовсе не сумел справиться с текстом, поставив точку после имени Клидема(!) и усмотрев далее абракадабру: αὐτο[ίς?] [...] INEC[...] ΑΔΕΛΚΧΕΟΣ. На деле, как мы отметили в комментарии к стк. 11, тут с очень большой вероятностью повторено имя Автостена – Αὐτ[οσθ?]εῖν(η)ς. Что же до изыска издателя ΑΔΕΛΚΧΕΟΣ, то после ламбды он не вполне точно передал букву: в его вертикали, увенчанной сверху диагональным крестиком (†), без труда усматривается Φ с мелкой головкой и читается Ἀδελφεός. Это ионийский ген. имени Ἀδελφός²⁰, стало быть, патроним к предшествующему имени Αὐτ[οσθ?]εῖν(η)ς²¹. И тут примечательна греческая «грамматика» Н.И. Николаева: прочтя после имени Κλειδήμος местоимение в дательном падеже αὐτο[ίς?], он перевел его родительным / винительным падежом – «этих»²²! Далее мы обоснуем датировку наговора второй половиной III в. до н.э.,

¹⁸ Pape, Benseler 1884, 769; LGPN IV, 207. Ср. то же по форме и основному содержанию «светить» слово ἡ λαμπυρίς «жучиха-светляк» у Аристотеля (Part. animalium, 642b 34).

¹⁹ Под этими именами издатель предположительно усмотрел 3 буквы: [...]NIN?[...] (?) и поместил их в своем тексте всей надписи (Николаев 2019, 285, 288), но на прориси не показал. Ввиду полной неясности не учитываем эти буквы (да и буквы ли они?).

²⁰ Pape, Benseler 1884, 17.

²¹ Желаящий может вычитать здесь известное имя Ἀδελφ(ι)ος (Pape, Benseler 1884, 17; LGPN, 7), и мена ι > ε не составляет особой проблемы – она обычна для позднеллинистического и римского времени. Вместе с тем приписка справа имен Клидем и Автостен бесспорно перекликается с Автостеном Клидемовым стк. 11 (так и Татус приписки слева – тот же Татус Нанхинов стк. 2), так что сей Клидем – тот же Клидем стк. 11. Автостен же приписки иной – он сын Адельфа. Оба варианта возможны, но при чтении имени Ἀδελφ(ι)ος приходится исправлять текст, потому предпочтителен имеющийся патронимик Ἀδελφεός.

²² В приписке справа А. Аврам предложил чтение αὐτοῦς, [οῖτ]ινες «тех, которые» (Bull. ép. 2021; излагаю по: Белоусов, Елисеева, Кастелли 2021, 100–101). На первый взгляд, чтение хорошее,

но присутствие ионизма не удивительно, так как в работе о датировании надписей эллинистической Ольвии мы насчитали 13 ионизмов в ее малой эпиграфике III–II вв. до н.э.²³ В рассматриваемом наговоре есть и другие ионизмы – gen. на -εϋς в патронимике Σωκράτεϋς (он весьма употребителен в ольвийском наговоре II в. до н.э.²⁴) и gen. на -ηος в патронимике Καλλίκλη(ος) лицевой стороны (см. ниже).

Разобравшись с текстом оборотной стороны, напомним его аранжировку: написав в колонку 15 строк с именами-отчествами проклинаемых, автор наговора добавил слева 2 имени (нижнее писано слева направо, верхнее ему навастречу – справа налево); также справа приписал снизу вверх еще два имени, и перевернув пластину на 90°, патронимик к последнему имени. С учетом изложенного, текст оборотной стороны следующий.

Tergo, columna, reversum: Διονύσι[ος], Παντακλῆς, | Θατ[ο]ῦς Ναγχινου, | Σόλων Σωκράτεϋς, | Απολλοφάνης Απολλ(ω)νίου, |⁵ Αντιμήτωρ Σωκράτε[υ]ς (?), | Αθήναιος Ἑκατοδ(ώρου), | Παντακλῆς Ἰκεσίου, | Βαστάκων Ἡρ[ο]εῶντος, | Μακα[ρ]εὺς τοῦ δεῖνος, |¹⁰ Καλλικλῆς Δι[ο]νυσίου, | Αὐτασθένης Κλειδήμου, | Διονύσιος Νικο[δ]ρόμου, | Ἐπικράτης Ἀκύλλο[υ], | Λαμπυρί(ω)[ν] τοῦ δεῖνος, |¹⁵ --ca 8-9--Μ.. Βάτων[ος].

Laeve, subter superne: (→) Ἀριστοκράτης, (←) Θατοῦς.

Dextra, subter superne: (→) Клейдемос, Αὐτ[οθ?]ε^{vacat}iv(η)ς (super, reversum) Αδελφεός «Дионисий, Пантакл, Татус Нанхинов, Солон Сократов, Аполлофан Аполлониев, Антиместор Сократов (?), Афиней Гекатодоров, Пантакл Гикесиев, Бастакон Геросонтов, Макарей, сын имярека, Калликл Дионисиев, Автостен Клидемов, Дионисий Никодрому, Эпикрат Акиллович, Лампирион, сын имярека, имярек Батонович; Аристократ, Татус; Клидем, Авт(ост?)ен Адельфов».

Лицевая сторона в чтении и переводе издателя: Θατοῦς ΝΑΓΧΙΝΟΥ | Απολλωφάνης | Σόλων Σωκράτ^{ης}εϋς | Αντιμήτωρ, [...] [...]N[...] [...] [Κ] αλλι? [...] | Παντακλῆς Ἰκεσί[υ] | [...] [Καλλικλῆ] [...] Καλλικλῆς, Εὐρησί[βιος?] | [Διο] νύς[ιος] Νικοδρόμου | [...]C? [...]CΤΟΞ? | Ε[...] «Фатус Нанхинов, Аполлофан, Солон Сократов^{Сократ}, Антиместор, [...]N[...] [Καλλι [...], Пантакл Гикесиев, Калликли [...], Калликл, Евреси[бий], Дионисий Никодрому, [...]с [...], (Ари?) стокс.e[н?...]»²⁵.

Прокомментируем данный текст и понимание его издателем.

Стк. 1: Θατοῦς ΝΑΓΧΙΝΟΥ. Отметив, что имя Θατοῦς не встречалось в Ольвии, Н.И. Николаев тем не менее усмотрел его в обломке списка имен НО 168. Тут у левого края в стк. 2–4 сохранились окончания род. падежа трех имен (--δου, --ορος, --υος)²⁶. В статье 1957 г. издатель НО 168 А.А. Белецкий предположил

и оно означает, что автор наговора проклинает также тех, кто заодно с уже перечисленными им лицами, при этом подразумевается глагол заклятия; к употреблению асс. pl. αὐτοῦς после перечня номинативов имен ср. это же в другом ольвийском заклятии καὶ τῶς αὐτοῖς συνιόντας πάντας «и всех тех, кто вместе с ним» Яйленко 1980, 86–87; Белоусов 2020, № 14). Однако проблемность такого чтения заключается в его отрывочности: выражение αὐτοῦς, [οἷ]νες «тех, которые» должно иметь продолжение, составить контекст. Его же нет и не может быть, поскольку продолжение составляет патронимик Αδελφεός. И этому патронимику должно предшествовать личное имя в номинативе. Эти обстоятельства не позволяют принять чтение А. Аврама.

²³ Яйленко 2020а, раздел XIV, 5–6.

²⁴ Дложевский 1930, 53–57.

²⁵ Согласно примечанию издателя, троеточие здесь не указывает на утрату именно 3 букв, это простое обозначение утраты текста в данном месте.

²⁶ В НО вместо --ΥΟΣ дано --ΝΟΣ, но это может быть опечатка.

но дополнил тут род. падеж известного на Боспоре имени Θαγυς (КБН 178, 186, 912): [Θαγ]υς. Н.И. Николаев в полной мере демонстрирует свое незнание элементарных основ греческого языка (он не историк, инженер, любитель ольвийской антропонимики): не ведая о различии основ на -υς и -οῦς, он, по его словам, «откорректировал» чтение Белецкого – заменил [Θαγ]υς того своим [Θάτ]υς²⁷, чего, конечно же, быть не может, ибо у имен на -οῦς род. падеж -οῦς²⁸; сохраняется и обличенное ударение, так что должный ген. [Θατ]οῦ. Впрочем, и без грамматических красот идея Н.И. Николаева беспочвенна: я видел обломок ИО 168 в Историческом музее Украины (Киев), и в стк. 4 перед Υ отчетливо видна наклонная гаста: \ΥΟΣ. Обратный антропонимический словарь Б. Хансена дает несколько подходящих вариантов, более всего шансов у распространенного имени Μῦς (ген. Μυός)²⁹, известного и в Ольвии (IOSPE I² 201, col. II, 10), так что вероятное чтение стк. 4 – [?] Μυός³⁰.

Стк. 2, 4. Как и в стк. 4 оборотной стороны, автор наговора грамотно написал имя Ἀπολλοφάνης с двумя омикронами, но издатель и тут дает его с омегой: Ἀπολλωφάνης. Как мы помним, на обороте автор наговора дал нормативную форму имени Антиместора – Ἀντιμήτωρ, на лицевой же стороне заменил должную омегу омикроном. Н.И. Николаев дает тут нормативную форму Ἀντιμήτωρ, но не знает, что в таких случаях нормативная восстановленная буква заключается круглыми скобками.

Стк. 3. Автор наговора назвал тут Солона Сократова, однако и сам отец Сократ был ему неуютен: выведя имя-отчество сына, он надписал над отчеством окончание номинатива – Σόλων Σωκράτῃς. Можно сказать, одним выстрелом убил двух зайцев, то бишь недругов – отца да сына. Издатель не растолковал сей любопытный казус, ограничился лишь вводом имени Сократ в перевод.

Стк. 5. Показанные издателем в начальной части строки буквы ^{ις} неубедительны, ибо эти черточка и полукружие – простейшие по начертанию, и строка разрушена почти вся – сохранилось одно Ν; тем более, что лежат они над строкой. Ввиду этого не вводим их в нижеследующий текст надписи.

Стк. 6. В сохранных буквах ΛΛΛΙ издатель хорошо прочел [Κ]αλλι[...]. До правого края есть место для двух букв и ольвийская антропонимика дает подходящее имя – Καλλίας (все другие на Καλλι- длинны)³¹. Потому определенно читается патронимик [Κ]αλλι[α].

Стк. 8. Издатель дает Καλλικλῆ[...], что неверно. В этом наговоре имена стоят только в номинативе и генитиве. Если издатель ставит обличенное ударение, то это может быть тут только номинатив, в таком случае нужно давать бесспорное

²⁷ Николаев 2019, 298.

²⁸ Доватур 1965, 815, §7, 3 (есть также спорадические генитивы на -ουνος, -ουτος).

²⁹ Pape, Benseler 1884, 965; Hansen 1958, 306; LGPN IV, 245.

³⁰ По нашему мнению, это вероятный фрагмент списка имен граждан (Яйленко 2017, 495–496), мы еще упомянем его.

³¹ Καλλίας – имя посвятившего на венчике чернолакового сосуда IV в. до н.э. (Яйленко 1980, 82, № 76) и владельца на дне чернолакового сосуда (Русяева 2010, 139, № 157), по А.С. Русяевой, второй половины IV в. до н.э., мы бы добавили и III в. (см. прорись – Русяева 2010, табл. 50, № 7). Оно широко распространено в именнике Ионии с V в. до н.э. (LGPN VA, 236), отсюда узус и в колониях: к примеру, есть в Пантикапее – эпитафия IV в. до н.э. (КБН 201).

Καλλικλῆ[ς], ибо у родительного падежа тут иное ударение – Καλλίκληος³². Ну, а перевод издателя «Калликли[...]» – неправильный.

Стк. 11–12. Сохранились буквы --СТОΞ|Ε, которые могут принадлежать именам Ἀστόξενος, Πλειστόξενος, Πιστόξενος, Ἀριστόξενος³³. Последнее дважды упомянуто в Ольвии³⁴, так что издатель с основанием ввел его в перевод; но в греческий текст не ввел, что нелогично. Поскольку оно стоит в конце строк 11–12, в соответствии с общей картиной восстанавливаем его в качестве патронимика: ὁ δεῖνα [Αρι]στοξέ[νου ?].

С учетом изложенных замечаний чтение и перевод лицевой стороны таковы:

Recto: Θατοῦς Ναγχινοῦ, | Ἀπολλοφάνης, | Σόλων Σωκράτεως, (Σωκρά)της, | Ἀντιμήστ(ω)ρ, vac. |⁵N--ca 6–7-- | ὁ δεῖνα [Κ]αλλι[α], | Παντακλῆς Ἰκεσίου, | ὁ δεῖνα Καλλίκλη(ος), | Καλλικλῆς Εὐρησίβ(ίου), |¹⁰ [Διό]νυς[ιος] Νικοδρόμου, | ὁ δεῖνα [Αρι]στόξέ[νου ?] «Татус Нанхинов, Аполлофан, Солон Сократов, (Сокра)т, Антиместор, --Н--, *имярек*, сын Калли(я ?), Пантакл Гикесиев, *имярек*, сын Калликл(а), Калликл Гевреси(биев), Дионисий Никодромов, *имярек*, сын (? Ари)стоксена».

Как сказано, Н.И. Николаев вычитывал в надписи по преимуществу номинативы личных имен; странным образом он не подсчитал общее количество проклятых, а это существенная цифра. Подсчитаем мы по его переводам на русский: на оборотной стороне 26 проклинаемых, 14 на лицевой, из них пятеро повторены, причем Татус трижды; итого 40 минус 6 = 34 человека. В самом большом поныне ольвийском наговоре, изданном в 2015 г., тоже опистографе, фигурирует 31 проклятый³⁵. В нашем тексте, с учетом выявленных патронимиков, в наговоре прокляты на лицевой стороне 12 человек³⁶, на обороте 21 (totus 33). С вычетом 5+1 тех же повторных персонажей получаем 27 проклятых. Но это не конечный результат. В стк. 11 оборотной стороны проклят Αὐταςθένης Κλειδήμου, и на правой кромке пластины приписаны Κλειδήμος, Αὐτ[οθ?]εῖν(η)ς. Последние двое могут быть членами той же семьи, что Автостен Клидемович, но принимая во внимание, что на обеих сторонах фигурируют пять одних и тех же персонажей (а Татус удостоен даже тройного проклятия), весьма вероятен повтор и с Автостеном приписки справа, вычтем и это имя. Итого, у нас общее число проклятых в наговоре 26. А издатель, вычитывая номинативы имен, увеличил их количество на треть, получив 34 проклятого. Это большое искажение надписи, результат недостаточно проработанной им текстологии изданного памятника. Текстология же публикуемой впервые надписи должна быть подробной, построчной, а Н.И. Николаев, по

³² Буква η окончания имени стоит у самого правого края, так что другой буквы за нею не было, стало быть, это такое же сокращение патронимика, как упомянутые Ἐκατοδ, Εὐρησίβ (эти два сокращения отчеств, при том, что определенных сокращений номинативных имен нет, лишний раз подтверждают, что Καλλικλῆ – сокращение именно патронимика). У имен на -κλῆς окончание род. падежа с η одно – Καλλίκλη(ος).

³³ Hansen 1958, 269.

³⁴ Имя агоранома второй половины IV в. до н.э. (LGPN IV, 45: Ἀριστόξ(ενος)) и проклятый наговором 2015 г.

³⁵ Белоусов и др. 2015, 170–179; Белоусов 2020, 91–103; Яйленко 2020в, 24–29. Далее будем именовать этот наговор опистографом 2015 г., упоминаемое ниже заклятие, изданное В.В. Шкорпилом, – наговором 1908 г., изданное Н. И. Николаевым, – наговором 2019 г.

³⁶ В стк. 5 лицевой стороны сохранилась одна буква N, так что надо добавить еще одну персону, если тут было имя-отчество, либо две, при двух номинативах имен, как счел Н.И. Николаев. В соответствии с господством имен-отчеств усматриваем тут одного человека.

существо, ограничился общим описанием внешнего вида обеих сторон пластины, не уделив должного внимания состоянию текста каждой проблемной строки. В результате специалисты, для которых написана статья, остаются в неведении по этой части и вынуждены руководствоваться одной лишь прорисью издателя (на приложенных им двух фотографиях ничего разобрать нельзя). Если учесть, что надпись погибла³⁷, отсутствие описания проблемных строк да их текста болезненно для последующего ее изучения³⁸.

Из изложенного явствует, что Н.И. Николаев более или менее удовлетворительно прочел лишь целиком сохранившиеся имена, хотя и их передал по-гречески, а порой и по-русски, с рядом огрехов, часто удивительных. А частично сохранившиеся имена в основном ошибочно интерпретированы им. Более того, главная его ошибка в непонятой аранжировке текста. Хотя он видел, что на обеих сторонах пластинки автор надписи расположил имена, как обычно принято в наговорах, в колонку, не обратил внимания на абсолютное преобладание имен-патронимиков, выписанных преимущественно построчно, и в результате перенаселил текст номинативами имен. В результате вместо 26 реально проклятых у него их получились 34. Между тем данный наговор содержит много имен и потому он важный источник ольвийской антропонимики и просопографии, но в издании Н.И. Николаева существенно искажен, прежде всего в части текстологии. Сие не удивительно, так как это первая относительно пространная надпись, изданная им самостоятельно, у него нет навыка профессиональной работы эпиграфиста с массовым материалом (скажем, с сотней камней да тысячью черепков), отсюда отсутствие представления о текстологии, да и о многом другом, что положено знать историку да эпиграфисту³⁹. Мы отметили и несколько его ошибок, обусловленных незнанием греческого языка. Добавим еще его удивительную пунктуацию надписи – он не затруднил себя необходимой постановкой запятых после патронимиков, ставил их лишь после номинативных имен (!)

Отсюда же девственность понятий Н.И. Николаева о палеографии. Ей он уделит одно большое предложение: «Основные особенности палеографии: сочетание лунарной сигмы с редкими случаями использования финальной четырехчастной, отдельные криволинейные гасты альфы, ню, уменьшенные правые гасты пи и ню, нижняя гаста эpsilon наклонная, вертикальная гаста её зачастую отсутствует, тета с точкой посередине, омикрон уменьшенного размера и в большинстве случаев представляет собой не замкнутую фигуру, а скобу с расположенными внизу

³⁷ По словам издателя (Николаев 2019, 286, прим.), текст надписи полностью уничтожила «реставратор» Института археологии НАН Украины А.С. Борисюк.

³⁸ По словам издателя, в его распоряжении есть несколько фотографий надписи. Поскольку в его статье на обеих фотографиях (лицо, оборот) ничего не видно, ему надо выложить свои фото в интернете, так, возможно, специалисты смогут разобрать что-либо нужное.

³⁹ Также издатель ошибочно предполагает, что оборотную сторону писали двое, с обоснованием: «Такая гипотеза, отчасти, подкрепляется различиями при написании одного имени: Καλλικλῆς (recto) и Καλκλῆς (tergo). Кроме того, на оборотной стороне в ретроградно исполненных именах Ἀντιμήτωρ и Παντακλῆς, пишущий пропустил ню; ошибка была немедленно исправлена путем грубой переделки тау в ню» (Николаев 2019, 287). Стало быть, начертание одного и того же имени с одной и двумя ламбдами, также повторный пропуск N свидетельствуют о разных писцах! Между тем пропуск одной из букв геминаты обычен; а усмотренной им «переделки тау в ню» на деле нет: судя по прориси, в стк. 5, 7 оборотной стороны N написано не ретроградно, а обычно, видимо, с этим и связаны неясного характера прочерки над левой гастой буквы.

концами, омега близка к написанию альфы. В целом палеография надписи соответствует второй половине IV – III вв. до н.э.»⁴⁰. В сем перле палеографического анализа верный, и то не во всем, лишь первый признак, все остальные имеют намного большие хронологические пределы и потому не могут соответствовать обязательно «второй половине IV – III вв. до н.э.». Раскроем упомянутые палеографические обстоятельства. Итак, «сочетание лунарной сигмы с редкими случаями использования финальной четырехчастной» действительно представлено в граффити Ольвии позднего IV и всего III вв.⁴¹, но это не всё – оно отнюдь не редкость в ольвийских граффити и II в. до н.э.⁴², так что по этому признаку датой наговора должна быть вторая половина IV – II в. Все остальные показатели графики букв, вопреки Н.И. Николаеву, вовсе не указывают именно на «вторую половину IV – III вв. до н.э.», поскольку одни характерны для всей истории греческого письма в граффити от архаики до позднего эллинизма и даже римского времени (таковы «уменьшенные правые гасты пи и ню»⁴³, «тета с точкой посередине»⁴⁴, «омикрон уменьшенного размера»⁴⁵), другие встречаются на протяжении всей эпохи эллинизма – с позднего IV в. по I в. до н.э. и даже римского времени (таковы «отдельные криволинейные гасты альфы, ню»⁴⁶, «нижняя гаста эпсилон наклонная»⁴⁷). Точность нашей оценки палеографических усилий Н.И. Николаева верифициру-

⁴⁰ Николаев 2019, 287.

⁴¹ Примеры: Яйленко 2020а, № 5, рис. 6; № 13, рис. 18; № 27, рис. 33; № 38, рис. 58 и др.

⁴² Примеры: Яйленко 2020а, № 32, рис. 37; № 42, рис. 63, 63а; № 42в, рис. 63д; № 55, рис. 77 и др.

⁴³ Уменьшенная правая гаста пи настолько обычна, что в примерах не нуждается. Сложнее история ню с укороченной правой гастой: для архаики это норма всей греческой эпиграфики, в том числе ольвийской VI–V вв. (примеры: Толстой 1953, № 6, 10 и др.; Русяева 2010, табл. 27, 13; 33, 3 и др.); с утверждением классического письма со второй половины V в. по весь эллинистический период у буквы, как правило, равные боковины. Это норма, на что указывает лапидарная эпиграфика, в том числе Ольвии (Книпович 1966, табл. IX–X). Тем не менее в ольвийских граффити классического и эллинистического времени, в том числе II–I вв. до н.э., буква ню с укороченной правой гастой тоже нередка, сошлемся на примеры раннеэллинистического и позднеэллинистического времени: Дложевский 1930, 50; Толстой 1953, № 62, 63, 156 и др.; Яйленко 1980, 81, № 74 и табл. IV, 11; 107, № 212 и табл. X, 10, etc. Но это скорее индивидуальная авторская особенность письма, а не хронологический репер. Хронологическими показателями классического, раннеэллинистического или позднеэллинистического времени служат иные признаки – степень наклона правой гасты, мера ее подъема, прогнутость линий.

⁴⁴ В лапидарной эпиграфике Ольвии эта форма теты представлена с V по II–I вв. до н.э. (Книпович 1966, табл. IX). То же в граффити: есть примеры от VI–IV вв. (Толстой 1953, № 12, 14, 15 и др.), также от III–I вв. (Дложевский 1930, 53–57. Яйленко 2020а, № 37в, 38 и др.), в том числе эпистографы 2015 г. (Белоусов 2020, № 19: IV в. до н.э.; наша критика этой даты и датировка поздним III – II в.: Яйленко 2020в, 24–26), также в большом наговоре 1908 г., согласно датированному издателями II–I в. до н.э.: Шкорпил 1908, 70–71; Dubois 1996, № 110 (Белоусов 2020, № 12: невятная датировка эллинистическим временем).

⁴⁵ Мелкий омикрон настолько обычен, что в примерах не нуждается; упомянем все же наговор 1908 г. II–I вв. до н.э.

⁴⁶ Прогнутые формы альфы, ню, в т. ч. округлые концы гаст, широко свойственны ольвийским граффити всего эллинистического времени. Примеров с альфой тьма, с ню намного меньше, поэтому приведем несколько позднеэллинистических примеров такого ню: Яйленко 1980, 81, № 74 и табл. IV, 11 (III в. до н.э.); 83, № 82 и табл. X, 6 (III–II в. до н.э.); Яйленко 2020б, 491, № с и рис. 26 (III в. до н.э.); Толстой 1953, № 58 (III–II в. до н.э.).

⁴⁷ Встречается в ольвийских граффити от классического до позднеэллинистического времени (разумеется, не учитываем архаическую альфу с тремя наклонными усами, которая настолько живуча, что заглядывает и в первую половину IV в. до н.э.). Примеры V–IV вв. до н.э.: Русяева 2010,

ют параллельные данные палеографии боспорских граффити VI в. до н.э. – V в. н.э., сведенной И.А. Емцем в четыре таблицы⁴⁸. Представленные в них «криволинейные гасты альфы, ню», идут с VI в. до н.э. по V в. н.э. в каждом столетии; «уменьшенные правые гасты пи» показаны в VI–III вв. до н.э. и I–V вв. н.э., а «уменьшенные правые гасты ню» засвидетельствованы в V–III вв. до н.э., I–V вв. н.э. «Наклонная нижняя гаста эpsilon» представлена в VI–V, III–I вв. до н.э. и II в. н.э., образцов отсутствия у E вертикальной гасты нет. Тета с точкой посередине идет в VI–III, I вв. до н.э. и II в. н.э., мелкий омикрон свойствен всем столетиям, пример незамкнутого кружка его относится лишь к V в. н.э., нет и омеги, «близкой к написанию альфы».

Отдельно остановимся на трех признаках палеографии ольвийского заклатья, усмотренных Н.И. Николаевым: «вертикальная гаста *эpsilon* зачастую отсутствует», «омикрон... в большинстве случаев представляет собой не замкнутую фигуру, а скобу с расположенными внизу концами, омега близка к написанию альфы». Что до *эpsilon* без вертикали, то в данном наговоре при бесчисленном количестве E представлен только один случай – в имени Ἐλικράτης стк. 13 оборота (так что утверждение издателя, что она-де «зачастую отсутствует» – не соответствующее действительности преувеличение). На деле тут утрата буквы, либо описка автора наговора, или же издатель не рассмотрел вертикаль. Реально этой буквы без вертикали не может быть, поскольку такова же форма кси (Ξ), так что и в данном случае, и в других, если они есть, это описка или утрата вертикали. Сказанное относится и к посылу Н.И. Николаева, что «омега близка к написанию альфы». В его заклатьи тоже один такой случай – омега отчества Σωκράτους (стк. 3 лицевой стороны) выписана в виде двух скрещенных курватур (что-то вроде якоря, см. рис. 1). У автора сего заклатья это несомненная форма омеги, отчасти подобной формы редкость можно усмотреть в другом ольвийском наговоре⁴⁹, также в папирусном унциале⁵⁰. Несомненно и то, что она – авторский раритет, свойство индивидуального почерка, ввиду чего нет оснований вводить ее в число опорных датирующих признаков. Напротив, небольшой омикрон с незамкнутой окружностью («омикрон... в большинстве случаев представляет собой не замкнутую фигуру, а скобу с расположенными внизу концами», – пишет издатель) абсолютно превалирует на обеих сторонах пластины, и это тоже индивидуальное свойство письма автора наговора, ибо аналогов мало. В ольвийских граффити такая форма

табл. 3, 3–6; 9, 5; 14, 1–2; 18, 2. Примеры III–II вв. до н.э. в наговорах Ольвии: Diehl 1923, 225–227; Дложевский 1930, 53–57; Яйленко 2020а, № 5, 28, 37г, 38, 42 (с рис. 63, 63а) и пр.

⁴⁸ Емец 1995, 53–56.

⁴⁹ Белоусов 2020, № 7, стк. 3, в патронимике Ἡρατορέω. Первоиздатель заклатья С.Р. Тохтасьев посредством аргументации, изложенной в одном предложении, датировал его серединой – второй половиной IV в. до н.э. Я дал соответствующую такому способу датирования оценку – халтура, рассмотрел палеографию надписи и отнес ее ко второй половине III – II в. до н.э. (Яйленко 2020а, № 37г). Я напрасно воспроизвел прорись Тохтасьева, она в ряде мест ошибочна, поэтому следует руководствоваться уточненной прорисью О. Калуга, которую воспроизвел А.В. Белоусов (2020, 33). Пользуюсь случаем уточнить ссылку в своей упомянутой статье на скорописную форму каппы с одними усами, без стержня, т.е. { , в стк. 1, которая явилась из тахиграфического силлабария: моя ссылка «[Gardthausen, 1913, Taf. 12: слог ка]» неполна, и читатель может не найти нужное, поэтому уточняю: Gardthausen, 1913, Taf. 12, Kol. 1: слог ка.

⁵⁰ Gardthausen 1913, Taf. 1, Kol. 3.

редкость⁵¹, ввиду чего попытка Н.И. Николаева выдать и ее за базовый датирующий признак не оправдана. Как видно, посягательство на палеографию надписи вызывает лишь его неосведомленность в этой области эпиграфики.

«Палеографическую» датировку наговора «второй половиной IV – III вв. до н.э.» издатель уточнил на основе своей гипотезы о Каталоге IOSPE I² 201 (тут в трех колонках написаны имена-отчества более сотни человек) как синхронном каталоге погодных эпонимов Ольвии: отождествив Антиместора наговора с Антиместором Агаатиновичем Каталога (плюс другие такого же качества отождествления имени-отчества с одним лишь именем), установил дату заклятия – «около 357–347 гг.»⁵². Н.И. Николаев также обработал Каталог в качестве матричной математической модели, с помощью которой получил примерные годы (по его словам, с допуском +2 – 4, т. е. 6 лет) эпонимата упоминаемых в нем лиц⁵³. Поскольку все его печатные труды (около двух десятков статей, две книги) последних двух десятилетий писаны только об этом (про то же и рассматриваемая публикация наговора⁵⁴), мы еще раз уделим внимание его гипотезе. Разумеется, шифровка имен-отчеств в символы для построения математической матрицы не составляет труда и с ее помощью можно получить новые результаты. Однако исходные данные должны быть доброкачественны, не случайно математики указывают на необходимость проверки качества полученных с помощью матричной модели результатов: «Наряду с нахождением численного решения важно оценивать качество найденного решения»⁵⁵. У Н.И. Николаева был повод провести проверку качества своих расчетов – мы выставили ряд контраргументов, оценив его гипотезу отрицательно⁵⁶. Моя книга «История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.» вышла в 2017 г., и с тех пор ни одна статья Н.И. Николаева не обходится без критики по моему адресу, но она одна и та же: я де населил ольвийскую эпиграфику клонами – соименными дедам внуками. А мои критические аргументы, опровергающие его гипотезу, так и остаются без ответа. Достаточно ознакомиться с его специальной статьей 2018 г. «Критические заметки к монографии В.П. Яйленко «История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.», где критика состоит лишь из противопоставления моим датировкам надписей его хронологических выкладок⁵⁷. И свою гипотезу он теперь объявляет непогрешимой: «опровергнуть синхронизацию календаря Ольвии уже

⁵¹ Представлена частью в упомянутом только что заклятии Белоусов 2020, № 7, где превалирует обычная форма мелкого кружка. Как сказано, тут есть и отчасти подобная форма омеги. В сводке ольвийских граффити А.С. Русаевой (2010) и в статье В.П. Яйленко (1980) незамкнутого кружка омикрона нет. В книге И.И. Толстого есть два образца коротеньких граффити (4–5 сохранившихся букв) с крупным омикроном, кружок которого лишь чуток не замкнут (Толстой 1953, № 46, 48), так что это не форма буквы, а просто чуть-чуть недописанное О.

⁵² Николаев 2019, 289.

⁵³ К примеру, Николаев 2018, 155: «Основой синхронизации ольвийского календаря – каталога – стала модель, которая использует фундаментальные свойства простой математической конструкции – матрицы. Отсутствующий хронологический репер заменен системой хронологических диапазонов, что определило приближенный характер синхронизации. Первоначальный размер каталога вычислен на базе основного закона генеалогии». Поясним: основной закон генеалогии гласит, что на 100 лет приходится 3 поколения.

⁵⁴ Николаев 2019, 289–305

⁵⁵ Фаддеева 1974, стб. 1513.

⁵⁶ Яйленко 2017, 484, ср. 75.

⁵⁷ Николаев 2018, 155–159.

невозможно»⁵⁸. Поскольку из года в год плодovitый статьями Н.И. Николаев «осчастливливает» ольвийскую эпиграфику вычисленными посредством матричной модели точными датировками надписей да их персонажей вплоть до года, также и в статье о рассматриваемом наговоре (фигурант его Антиместор – эпоним 357 г. до н.э., Гевресибий – эпоним 356 г., Дионисий – 355 г., и т.д.⁵⁹), еще раз кратко изложим свои доказательства несостоятельности его гипотезы да ее точных датировок⁶⁰.

В основе этой гипотезы лежит догадка Ю.Г. Виноградова об ольвийском Каталоге как диахронном списке жрецов-эпонимов Аполлона, составленном около рубежа II–I вв. до н.э., которую он просто высказал, не подтвердив никакой аргументацией⁶¹, так что его последователь выстроил свою конструкцию на зыбком основании. Что ситуация именно такова, показывает отсутствие в Каталоге известных нам жрецов IV–II вв. Анаксимена, Герогейтона, Ленея⁶². В ольвийском Каталоге вполне опознаются по повторяющимся излюбленным именам члены одной и той же семьи (и более – рода): отцы и сыновья, деды да внуки, и это характерный формальный признак каталога именно граждан, тогда как в специализированных списках имен-отчеств подобное встречается нечасто, – например, в каталоге эпонимов Милета; и это при том, что там было несколько жреческих родов, поставлявших городу эпонимов⁶³! Далее, для получения абсолютной хронологии Каталога необходима хоть одна, но вполне надежная абсолютная дата⁶⁴. Н.И. Николаев счел, что найденная в Ольвии датированная 78 г. понтийской эры надпись Дионисия, сына Тиея⁶⁵, указывает на введение в городе понтийской системы летосчисления. Это безосновательная натяжка. Поскольку Дионисий прислан Митридатом из Синопы (там имя Тией распространено) или Амиса (оттуда происходил ряд митридатых военачальников: SEG 55, 855, comm.), т. е. из Понта, у надписи закономерная понтийская датировка, и потому не имеет отношения к летоисчислению в Ольвии. Что понтийская эра не вводилась в Ольвии, свидетельствует отсутствие тут других надписей или монет с понтийскими датами. Напротив, на Боспоре, где реально заимствовали понтийскую эру, это нашло отражение в бесчисленном множестве датированных по ней надписей да монет.

Далее, согласно Н.И. Николаеву, в Ольвии существовала эра Аполлона, которую он увидел и в Каталоге, дополнив в столбце III, стк. 5–6 Πο[σίδεος Ἀναξάρχου

⁵⁸ Николаев 2018, 155.

⁵⁹ Николаев 2019, 289 сл.

⁶⁰ Краткое изложение: Яйленко 2017, 484 (мы пользовались книгой Н.И. Николаева (2008). Его книга «Просопография Ольвии Понтийской V в. до н.э. – I в. н.э.» (Киев, 2014) нам недоступна.

⁶¹ Виноградов 1981, 145; 1989, 220.

⁶² Яйленко 1995, 281–282. У жреца декрета IOSPE I² 33 Ленея отчество начинается буквой Т-- (Яйленко 2017, 528), тогда как в Каталоге фигурирует Леней Геродорович. Конечно, можно возразить, что эти эпонимы числились в утраченных частях Каталога. Расчеты показывают, что сохранились имена-патронимы примерно трети или половины Каталога, так что у такого контраргумента частичный базис.

⁶³ Kawerau, Rehm 1914, 122–128.

⁶⁴ В приведенной выше цитате (из статьи: Николаев 2018, 155) фразой «Отсутствующий хронологический репер заменен системой хронологических диапазонов», вероятно, уже признается, что абсолютной даты для построения диахронного каталога (календаря) нет. Но без нее любая «система хронологических диапазонов» остается всего лишь субъективной конструкцией. Таковы его «точные» погодные даты эпонимов и сам постулированный им допуск дат в 6 лет.

⁶⁵ Крапивина, Диатроптов 2005, 67–73.

?), Ἀπόλλωνος Διός] (Аполлон как эпоним вставлен им потому, что тот числится в милетском списке эпонимов). Дело даже не в самом дополнении имени-отчества псевдо-эпонима Посидея по двум буквам ПО, а Аполлона, сына Зевса, по буквам АПО, но в том, что нигде в хорошо сохранившейся основной части ольвийского Каталога Аполлон не числится эпонимом, а вот в самой разрушенной части, где от имен осталось по 2–3 буквы, Н.И. Николаев помещает его. Дабы читатель наглядно представлял, каким материалом он подкрепляет свои основополагающие выкладки, приведем, по Латышеву, весь сохранный текст столбца III (тут начала имен): Εὐρ-- | Εὐρ-- | Εὐ-- | Ἀγ-- |⁵ Ποσ-- | Ἀπο[λλ-- | Δακ[ράτης-- ?] | Δημ-- | Τκ[έσιος ? -- |¹⁰ Φιλ-- | -- | -- | -- | Ἀν-- |¹⁵ Βα-- | Ε--. К этому подходит пословица «ловить рыбку в мутной воде»: какая вода, такая и рыбка. Далее Н.И. Николаев пишет: «Опорной точкой является год Аполлона, упомянутый в декрете в честь амисенского кибернета (IOSPE I² 35), что, как показано далее автором, соответствует 90-му г. до н.э. Второй хронологический репер – средняя дата (315 г. до н.э.) исполнения эпонимной должности эвергетом Клеомбротом Пантакловым (IOSPE I² 179)»⁶⁶. Однако в надписи IOSPE I² 35 Аполлон вовсе не упоминается⁶⁷. Нет и даты в эпитафии IOSPE I² 179⁶⁸. Это означает нулевую степень аргументированности сих основополагающих положений Н.И. Николаева. Приравняв реально ничем не засвидетельствованную в Ольвии «эру Аполлона» к 90 г. н.э. (таковой ему показалась дата упомянутого декрета IOSPE I² 35)⁶⁹, он датировал с точностью до нескольких лет едва ли не все ольвийские надписи IV–II вв. (как сказано, с допуском +2–4 года, т. е. 6 лет).

На самом деле ольвийский список имен-отчеств IOSPE I² 201 – обычный для греческой эпиграфики каталог граждан; в частности, таковы аттические каталоги⁷⁰. Так думали В.В. Латышев и другие специалисты, обычно датировавшие ольвийский каталог III–II вв. до н.э., с ними солидарны и мы. Каталоги граждан

⁶⁶ Николаев 2008, 7.

⁶⁷ Тут Николаев следует догадке П.О. Карышковского (1978, 86–87), который дополнил в прескрипте декрета имя Аполлона как эпонима Ольвии: [ἱερῶμένου Ἀπόλλωνος] τοῦ μετὰ Ποσίδεον Ἀναξα[γύρου] (с вариантом: [ἐπὶ ἱέρειῳ Ἀπόλλωνος]). Нет необходимости доказывать крайнюю предположительность восстановления тут имени Аполлона по конечной сигме, которая может принадлежать любому имени или употребительному в прескриптах слову. В соответствии с прескриптами декретов Ольвии позднего эллинистического времени возможны две формулы: ἐπὶ ἄρχοντος τοῦ δεῖνος τοῦ δεῖνος и ἱερῶμένου τοῦ δεῖνος, т. е. «при архонте + род. падеж его имени-отчества», «при жреце + род. падеж имени». В.В. Латышев восстановил тут датировочную формулу по архонту: [ἐπὶ ἄρχοντος] τοῦ μετὰ Ποσίδεον Ἀναξα[γύρου] «при архонте имярек, бывшем после Посидея Анаксагорова» (ее принял и С.А. Жебелев (1953, 283)). Но Карышковский (помяну добрым словом своего старинного товарища, давно покойного) справедливо заметил, что остающегося места лакуны недостаточно для имени-отчества архонта: точное восстановление строк 2–3 показывает, что в лакуне стк. 1 утрачено около 18 букв, так что за вычетом 11 букв формулы ἐπὶ ἄρχοντος на имя-отчество архонта остается 7 букв. Потому он и прибегнул к дополнению имени Аполлона как эпонима, которое не требует отчества. Но в Ольвии не то, что Аполлон – вообще бог-эпоним не засвидетельствован. Зато из эпонимной датировки в прескрипте декрета HO 26 ἱερῶμένου Ἡροδείτου «при жреце Геродейтоне» явствует отсутствие патронимика (издатели HO отнесли декрет к концу III – II в. до н.э.). В соответствии с этим мы дополнили в IOSPE I² 35: [ἱερῶμένου τοῦ δεῖνος] τοῦ μετὰ Ποσίδεον Ἀναξα[γύρου] «при жреце имярек, бывшем после Посидея Анаксагорова» (Яйленко 2015, 202, прим. 18).

⁶⁸ Зачин надписи в переводе В.В. Латышева: «Клеомброт, сын Пантакла, посвятил башню Гераклу и народу»; далее следует поэтический текст.

⁶⁹ М.И. Ростовцев в специальной статье отнес декрет к 71–70 гг. до н. э. (Ростовцев 1907, 24 сл.).

⁷⁰ Например, *Inscriptiones Graecae. Vol. II–III, fasc. 2: Catalogi nominum [etc.]*. Berolini, 1931, также другие тома серии.

составлялись по разным поводам, но обычно с целью точно указать круг полноправных граждан полиса⁷¹. Есть фрагменты трех таких каталогов граждан также в Пантикапее и Нимфее (КБН 109–111, 912), все они тоже III в. до н.э., большой нимфейский список также с «семейственностью»⁷², и поскольку более ранних нет, все они явно связаны с дестабилизацией городов Северного Причерноморья в результате распада рах Scythica около второй четверти III в. до н.э. Спасаясь от нападений кочевников, население хоры устремлялось в города, что по обыкновению влекло за собой внутренние неурядицы, потому такие каталоги призваны были зафиксировать контингент полноправных граждан полиса, отделить их от пришлого населения (ср. Arist. Pol. V. 2. 10: разношерстность населения вызывает раздоры в среде граждан до тех пор, пока не будет устроено согласное бытие). О внутреннем конфликте в Ольвии и в конце IV в. до н.э. сообщает декрет в честь Каллиника, так что не случайное совпадение, что фрагмент НО 168 конца IV – III вв. тоже может быть списком граждан⁷³. По разным параметрам сохранившихся частей плиты с Каталогом восстанавливаются примерные ее размеры и число граждан⁷⁴. Определение даты составления Каталога покоится на палеографических показаниях; как сказано, они широки, III–II вв., но просопографические соответствия с ольвиополитами, которые фигурируют в датированных декретах Делоса, дали нам прочные основания для уточненной датировки Каталога последней третью или концом III в. до н.э.⁷⁵

Как видно, у ольвийской эпиграфики и нет особой нужды в матричной модели Н.И. Николаева – она достигает достаточных результатов в исследовании Каталога своими традиционными инструментами. Он же создал собственное Зеркалье, в котором вместо милой Алисы Лидделл (дочери великого лексикографа Г.Дж. Лидделла), чеширского кота, важного кролика и прочих милых существ толпятся тени ольвийских эпонимов с картонками на груди, на которых его рукой выведен год эпонимата.

Мы уже видели, как незнание греческого языка привело Н.И. Николаева к ошибочному пониманию ряда имен; точно так и датировка наговора серединой IV в. н.э. обязана его неведению исторической фонетики языка. Выше показано, что в двух случаях автор наговора написал вместо должной омеги омикрон, произвел также мену η на ϵ и растяжение ϵ в $\epsilon\iota$ ⁷⁶. Эти три мены долгих на краткую обусловлены проходившим с III–II вв. до н.э. процессом утраты гласными своей долготы. Мена $\omega > o$, $\eta > \epsilon$ представлена в греческих источниках III в. до н.э., прежде всего египетских папирусах, единичными примерами, но массово со II в. до

⁷¹ В этом отношении показателен декрет Иссы III в. до н.э., состоящий из пояснительного текста декрета и каталога граждан, тоже распределенных на 3 колонки. Его цель – обнародование точного состава основателей полиса (Яйленко 1982, 110 сл.).

⁷² По излюбленным (повторяющимся) именам в нем тоже выделяется ряд семей: Антифановы – Проматионовы – Апатуриевы, Поликритовичи, Кратипповы. Подробнее о нимфейском каталоге см. Яйленко 2010, 487–488. Пантикапейские фрагменты списков имен-отчеств не могут быть актами фиаса, так как таковые известны на Боспоре лишь со II в. до н.э. (КБН 75).

⁷³ Яйленко 2017, 429–430.

⁷⁴ Яйленко 2017, 481–482.

⁷⁵ Яйленко 2017, 483.

⁷⁶ Стк. 4 оборота: Ἀπολλωνίου вместо должного Ἀπολλωνίου; стк. 4 лицевой стороны: Λαμυρίω[v] вместо должного Λαμυρίω[v]. В стк. 11 оборота: Αὐτ[οσθ?]εῖν(η)ς, с меной η на ϵ и растяжением ϵ в $\epsilon\iota$.

н.э.⁷⁷ Как раз мена $\omega > o$ хорошо засвидетельствована в ольвийской эпиграфике III–II вв.⁷⁸ Это неслучайно означает, что исследуемый наговор не старше III в. до н.э. Опубликовав его, Н.И. Николаев и не подозревал, что своими руками отправляет свою гипотезу о синхронном каталоге эпонимов в архив⁷⁹. В свете всей массы выявленных здесь больших и малых ошибок да заблуждений Н.И. Николаева заголовок рассмотренной его статьи «О преобразовании ономастического материала в полноценный исторический источник» – всего лишь «полноценный» фейк о надписях Ольвии⁸⁰.

Поздним особенностям языка надписи вполне соответствует ее палеография – она тоже позднеэллинистическая, характерная для греческих надписей III–II вв. в целом, в том числе ольвийских. Вопросам развития палеографии эллинистических надписей Ольвии (также с привлечением общегреческих данных) мы уделили большую работу⁸¹. На массовом материале наговоров, писем, лапидарных надписей Ольвии (также Боспора, Никония) подтверждена закономерность, выявленная эпиграфистами и палеографами еще XIX в. (в особенности В. Ларфельдом на базе датированных лапидарных надписей Аттики): со второй половины IV в. до н.э. и особенно раннего эллинистического времени нарастают декоративные свойства письма. В памятниках малой эпиграфики Ольвии позднего эллинизма (вторая половина III – I в. до н.э.) оно становится целиком декоративным⁸². Вот

⁷⁷ Crönert 1903, 19–20; Mayser 1923, 97–99; Доватур 1965, 799, § 2, 3; 800, § 2, 12.

⁷⁸ Яйленко 2020а, № 9 (вторая пол. III в. до н.э.): женское имя Ἑλπίνο = Ἑλπίνώ. № 53а (третья четв. III в. до н.э.): датив Ὀλυμπίοι = Ὀλυμπίοι. № 37д (вторая половина III – II вв. до н.э.): Νυῆμων = Νυῆμων, Σόνων = Σόνων (?). № 42в (вторая половина III – II вв. до н.э.): μαρτυρέουσιν = μαρτυρέουσιν. № 55 (вторая половина III – II вв. до н.э.): возможно, ἀφόν[ου]с = ἀφόν[ου]с. В результате утраты долготы возникло неразличение гласных, в данном случае обратная замена омикрона омегой: № 47 (конец III в. до н.э.): τεμψήσω вместо τεμψέσω; γινώσκομεν вм. γεινώσκομεν; сразу оба процесса проявились в амулете № 37б (III в. до н.э., возможно, первая его половина): ὀλίσο = ὀλίσω. См. в целом об утрате гласными долготы в надписях Северного Причерноморья: Яйленко 2020а, раздел XIV, § 3–4.

⁷⁹ Разумеется, большой, но напрасный чужой труд мне по-человечески жалко.

⁸⁰ На этом мы прощаемся с рассмотренной статьей и ее автором. Скорее всего, он не согласится с нашей критикой, по-прежнему противопоставляя ей свои псевдоточные датировки. Призываем его хоть на минуту представить себе, что его гипотеза об эпонимах Ольвии IV–I вв. до н.э. ошибочна. Я уже писал, что «заинтересован в том, чтобы ольвийской эпиграфикой занимались энтузиасты, такие как Н.И. Николаев» (Яйленко 2019, 195, прим. 134), ибо специалистов по Ольвии уже почти не осталось. Коль все его занятия связаны с антропонимикой Ольвии, ему в самый раз заняться созданием давно необходимого свода личных имен Ольвии (разумеется, в содружестве с редактором-филологом, лучше всего А.В. Белоусовым, который тоже много занимался ольвийской антропонимикой). Ежели сделает такой свод, навсегда впишет свое имя в науку о Северном Причерноморье.

⁸¹ Яйленко 2020а. Тут 110 страниц убористого текста (12 масштаб, одинарный интервал), привлечено до сотни надписей, соответственно, и рисунков. В последние годы я писал книгу «История и малая эпиграфика античного Северного Причерноморья». Найти деньги на издание не удалось, так что рассыпаю ее на статьи. Статья о датировании оттуда. Хочу поблагодарить здесь «Академию образования» (Academia.edu), которая безвозмездно вывесила ее в 2020 г. на своем сайте, также Е.С. Данилова, который разместил ее в 2022 г. на сайте ЯрГУ.

⁸² Во II–I вв. до н.э. Ольвия находилась в полнейшем упадке: хора разгромлена кочевниками, ее население стеклось в город, усложнив тем самым и без того напряженную экономическую да социальную ситуацию в нем. Почти все олигархические кланы, рулившие полисом с IV в. до н.э., покинули его, увея с собой и капиталы (Яйленко 2017, 574). В Протогеновском декрете раннего II в. до н.э. обрисована картина всеобщего обнищания и ольвийского полиса и его рядового населения, к тому же город и жители по уши в долгах у ростовщиков типа Протогена (Яйленко 2017, 508–510). В середине I в. до н.э. геты Бурбисты разгромили Ольвию и она окончательно запустела. По причине

его краткая характеристика⁸³. Это маюскулярный унциал с большой удельной долей элементов курсива. В значительной мере утрачена свойственная предшествующему времени регулярность строк и ровность письма, отныне господствуют небрежная резьба букв, часто заваливающихся набок, различные формы одних и тех же букв (к примеру, в наговоре на чаше из Эрмитажа 12 форм альфы⁸⁴), неровные строки следуют вразброс с разными промежутками между собой и т. д. Под влиянием курсивного письма линии прямых букв маюскулярного унциала приобретают изогнутость, а вследствие процесса декоративизации письма прямые, горизонтальные и диагональные гасты продолжают после взаимного пересечения. Лунарная сигма порой перемежается с четырехчастной формой. Для граффити III–II вв. характерны следующие начертания букв: вертикали II одинаковой высоты или правая укорочена, нередко укороченная левая гаста, полочка может продолжаться за пересечением с вертикалями, все линии слегка прогнуты посередине, концы гаст могут немного закругляться; у дельты правая боковина продолжается за пересечением с левой, одна или обе боковины прогнуты; омикрон и омега мелкие, порой крошечные, весьма разных форм; ипсилон нескольких форм, ножка разной высоты, часто прямой, порой встречается и почти горизонтальный левый усик. Такое письмо свойственно папирусам с III в. до н.э.⁸⁵, памятникам малой да большой эпиграфики метрополии⁸⁶. В Ольвии оно представлено в ряде памятников малой эпиграфики III в. до н.э., содержащих и лунарную сигму⁸⁷, а также в лапидарных надписях IOSPE I² 22b, 76, 180; HO 18, 24, 174, 175. И в ольвийской лапидарной эпиграфике второй половины III – II вв. до н.э. утверждается маюскулярный унциал с лунарными формами эпсилона, сигмы, омеги; при этом включающие их памятники сосуществуют с надписями, в которых представлена лишь одна лунарная сигма, как в исследуемом наговоре 2019 г. Возвращаясь к нему, констатируем его полное соответствие изложенной характеристике позднеэллинистического письма Ольвии.

Лицевая и оборотная стороны сего наговора писаны по-разному. На лицевой автор придерживается некоторой регулярности, сохраняя относительную ровность строк да крупный размер шрифта. На оборотной срывается в безудержный пляс индивидуального почерка: строки кривые, скошены справа налево, концы патронимиков стк. 4, 6 даже заглядывают, приподнимаясь, в предыдущие строки; расстояния между строками, а внутри строки меж буквами разные; размеры букв настолько различны, что вместе с кривыми строками придают написанному тексту хаотичный вид. Шрифт обеих сторон тоже позднеэллинистический – целиком декоративный, гасты прямых букв асимметричны, разной длины и наклона, с различной мерой прогнутости; боковые наклонные гасты либо продолжают при пересечении друг с другом, либо украшены сверху после пересечения щипцом. Венец курсивного облачения прямых букв – абсолютное преобладание лунарной сигмы, лишь в трех случаях, напоминая о предшествующем раннеэллинистическом, ольвийских надписей I в. до н.э. единицы, так что реально позднеэллинистическая фаза местной эпиграфики приходится на вторую половину III – II вв. до н.э.

⁸³ Яйленко 2020а, конец раздела V.

⁸⁴ Яйленко 2020а, № 5.

⁸⁵ Seider 1990, 135, 137, etc.

⁸⁶ К примеру: Kern 1913, Taf. 35; Guarducci 1970, 543 (тут сигма не лунарная).

⁸⁷ Яйленко 2020а, рис. 22, 23, 31 и др.

ском письме, на концах имен маячит пережитком четырехчастная сигма (стк. 2 лицевой стороны, стк. 1, 3 оборота).

Неряшливость письма заклития не только продукт позднеэллинистической вседозволенности, но и свойство натуры, ergo почерка, его автора – он явно склонен к затейливым формам, каких мы не встретим в других частных актах Ольвии да Северного Причерноморья в целом. О его повсеместном омикроне в виде незамкнутого кружка, ольвийские аналогии чему единичны, мы уже вели речь, также об уникальной омеге отчества Σωκράτεος (стк. 3 лицевой стороны), выписанной в виде двух скрещенных курватур (см. рис. 1). У этого же отчества, тоже в стк. 3, но оборота, уникальный ипсилон в виде χ , неизвестный в Ольвии; в боспорских граффити такая форма засвидетельствована в III в. до н.э. для омикрона, а во II в. н.э. для ипсилона⁸⁸. У дельты стк. 11 оборота боковины ветвисто продолжены выше пересечения: $\times$; в боспорских граффити такая представлена в IV–III вв. до н.э.⁸⁹ Завершает череду удивительных алфавитных форм у автора заклития не имеющее аналогов декоративное мю, как бы составленное из двух ножиц: $\chi\chi$ (стк. 10 лицевой стороны, в Νικοδρόμου). Перечисленные уникальные формы и в особенности постоянный омикрон в виде незамкнутого кружка выдаются в авторе наговора человека, искушенного в искусстве письма; для Ольвии оно в ряде отмеченных свойств уникально, и вполне возможно, что он приезжий. А поскольку по начертанию отмеченные буквы – явные изыски декоративности, по времени они не ранее позднего эллинизма, т. е. второй половины III – II вв. до н.э.

Вместе с тем есть некоторые основания для сужения этой широкой даты наговора. Из показаний письма вновь отметим некоторую регулярность расположения строк лицевой стороны, крупный формат букв, их относительную ровность, уширенный формат, как, например, в надписи Клеомброта-внука второй половины III в. IOSPE I² 180⁹⁰; эти черты свойственны раннему эллинизму, который унаследовал их из позднеклассической эпиграфики. Показательно, что при абсолютном узусе и на всех позициях (начало, середина, конец имени) лунарной сигмы не менее частый эпсилон остался прямым (Ε). К примеру, в боспорских граффити курсивный эпсилон стабильно идет с IV в. до н.э. по V в. н.э.⁹¹ Ольвийская проксения НО 18 тоже содержит лунарную сигму и прямое Ε; издатель НО Т.Н. Книпович датировала ее второй половиной III в. до н.э., мы последней четвертью III – первой четвертью II вв.; да и общий пошиб ее письма близок папирусному маюскулярному унциалу III в. до н.э.⁹² На это время указывают и просопографические данные наговора – два его персонажа известны нам из других ольвийских надписей. Пантакл Гикесиев (стк. 7 лицевой стороны) фигурирует также в ольвийском Каталоге

⁸⁸ Емец 1995, 54–55. Есть он и на черепке ионийской чаши V в. до н.э. с Березани, превращенном в амулет, но там это не буква, а солнечный символ – диск с двумя лучами, см.: Яйленко 2022а, № 58и. Эта статья о березанских граффити – тоже глава из моей упомянутой несостоявшейся книги. Я благодарен С.Ю. Монахову, который любезно вывесил ее на сайте «Античного мира и археологии» Саратовского университета.

⁸⁹ Емец 1995, 53–54.

⁹⁰ О дате: Яйленко 2017, 414.

⁹¹ Емец 1995, 53–56.

⁹² Яйленко 2017, 377. Пользуюсь случаем исправить свою опisku на с. 377 и 381: я отнес НО 18 к последней четверти III – первой четверти II в. до н.э., а в сводной хронологической таблице проксений на с. 380 по недосмотру она попала в графу 325–300 гг. до н.э.; надо удалить ее отсюда.

граждан IOSPE I² 201 (кол. I, 10), который мы отнесли по просопографическим показаниям датированных делосских декретов к последней трети или концу III в. до н.э.⁹³ Другой фигурант – Дионисий Никодромов (стк. 10 лицевой стороны) из спортивной семьи: отбыв должность гимнасиарха, отец Никодром Дионисиевич поставил его статую, посвятив Гермесу и Гераклу (IOSPE I² 186), по справедливой датировке В.В. Латышева, она III в. до н.э.⁹⁴ В Каталоге граждан ни сына, ни отца нет, так что оба могут быть предшественниками Каталога, что заведет их в середину или третью четверть III в. до н.э. Это явствует из качественного письма эпиграммы Никодрома, по времени оно предшествует целиком курсивному письму Каталога, но может и сосуществовать с ним. Фигурируя в одном наговоре, Дионисий – современник Пантакла Гикесиевича эпохи Каталога, современником может быть и отец Дионисия Никодром. Совместить дату эпиграммы – середина или третья четверть III в. до н.э., с датой Каталога – третья четверть или конец III в. до н.э., можно в третьей четверти сего столетия. Это было бы примерной датой исследуемого наговора. Конечно, не исключено, что Никодром и Дионисий фигурировали в утраченной части Каталога, это дало бы основание отнести наговор к последней трети или концу III в. до н.э. Такая дата больше соответствует немереной декоративности заклатья.

Как сказано, в исследуемом наговоре прокляты 26 человек. Это второй «результат» после упомянутого опистографа 2015 г. с его «коллективом» из 31 проклятого. А третий по людоедству – наговор 1908 г.⁹⁵ с 22 проклятыми. Авторы остальных ольвийских заклятий много скромней, злоумышляя на несколько человек, их побуждения на черную магию вызваны обычными бытовыми дрязгами, часто соседскими, порой судами, профессиональной конкуренцией. При этом существенно, что опистограф 2015 г. относится к позднему III – II в., наговор 1908 г. – ко II в. до н.э., когда в Ольвии дела были уж вовсе из рук вон плохи: вследствие непрерывных нападений кочевников, обнищания населения и депопуляции город погибал⁹⁶. В условиях, когда всем не хватало всего, как раз естественно появление трех длинных списков проклятых. Есть и ряд сходжений между оборотной стороной заклатья 2019 г. и наговором 2015 г. по характеру письма и двум персонажам. Заклятие 2015 г. начертано ретроградно на обеих сторонах пластины, письмо его тоже декоративное и нерегулярное. Лунарная сигма так же господствует на всех позициях, нечастое Е тоже прямое; и несколько омикронов имеют вид незамкнутого кружка. Все это не случайные совпадения, а указания на хронологическую близость НО 18 да двух означенных наговоров. Что это так, может показывать и просопография наговоров. При общем позднеэллинистическом характере их палеографии есть и общность двух личных имен. Пантаклу стк. 1 оборота (отделим его от Пантакла Гикесиевича обеих сторон наговора 2019 г.) соответствует Пантакл заклатья 2015 г. Вообще только по имени, без патронимика, сходжения про-

⁹³ Яйленко 2017, 483.

⁹⁴ В далекой молодости я участвовал в раскопках ольвийского гимназия, где служил Никодром (в составе экспедиции Ленинградского Института археологии).

⁹⁵ Белоусов 2020, № 12.

⁹⁶ Яйленко 2017, 506–510, 560, 574–575. Издатели наговора 2015 г. отнесли его ко второй половине IV или началу III в. до н.э. (Белоусов и др. 2015, 270 сл.), позднее А.В. Белоусов предпочел вторую половину IV в. до н.э. (Белоусов 2020, 96), критика этих дат и аргументация датировки поздним III – II в. до н.э.: Яйленко 2020в, 24–26.

блематичны, так что по существу Пантакл заклѣтия 2015 г. может соответствовать любому Пантаклу III–II вв. из ольвийского рода Клеомбровых – Пантакловых⁹⁷. Важно и другое схождение имен – Батон заклѣтия 2015 г. да ΒΑΤΩΝ последней строки реверса исследуемого наговора; по расположению в левой части строки мы выше предпочли чтение патронимика Βάτων[ος], так что при близости датировок обеих надписей, один из них отец, другой сын⁹⁸. Распространенное в греческой антропонимике, имя Βάτων в Ольвии, кажется, засвидетельствовано однажды в V или IV в. (ГЛБО, № 77)⁹⁹, и сразу два раза в обоих позднеэллинистических наговорах. Наличие редкого или даже неизвестного в Ольвии имени Батон в обоих наговорах само по себе служит указанием на их хронологическую близость (одно лицо, либо отец – сын).

В статье о заклѣтии 2015 г. мы отметили, что в Ольвии III–II вв. известны 4 Пантакла, они принадлежат к славному роду стеностроителей Клеомбровых – Пантакловых. Это Клеомброт Пантаклов да Пантакл Клеомбров стрѣительной надписи III в. до н.э. IOSPE I² 180, в конце III – II вв. действовали два Пантакла Клеомбровича IOSPE I² 188, 201¹⁰⁰, одним из них мог быть Пантакл наговора 2015 г. Он, несомненно, принадлежал к данному роду стеностроителей, и это дало нам основание предположить, что проклятая группа из трех десятков людей – стрѣительные рабочие, так что причина конфликта автора заклѣтия с ними скорее всего производственная: две группы подрядчиков могли не поделить большой заказ города¹⁰¹. Автор заклѣтия 2015 г. не один призывает богов «заткнуть рты» проклинаясь, он выступает от имени другой группы людей: «который против нас враг – у всех связываю язык». В том наговоре полно негреческих и не засвидетельствованных в Ольвии мужских да женских имен (см. ниже), так что они без сомнения «понаехавшие». Здесь может выявляться уже рассмотренная выше ситуация – конфликт местных с гастарбайтерами. В исследуемом же наговоре 2019 г. толпе из 26 человек противостоит его автор, и из большого числа проклятых явствует, что они не соседи, а некая группа людей. Присмотримся к их именам.

Основная часть их в большей или меньшей мере употребительна в Ольвии – Антиместор, Аполлоний, Аполлофан, Аристократ, Аристоксен, Афинея, Геросонт, Гикесий, Дионисий, Евресибий, Калликл, Клидем, Макарей, Никодром, Пантакл, Батон, Сократ. Одни из этих имен частого узуса (Аполлоний, Аристократ, Афинея, Геросонт, Гикесий, Дионисий, Евресибий, Пантакл, Сократ, Эпикрат), другие редки, упомянутые один-два раза (Антиместор, Аполлофан, Аристоксен, Батон, Калликл, Клидем, Макарей, Никодром). В Ольвии вовсе не засвидетельствованы Автостен, Акиллес, Бастакон, Гекатодор, Каллий, Лампирион, Нанхин, Солон, Татус. Итого наговор содержит употребительных в Ольвии 10 имен, малоупотребительных 8, впервые встретились 9 антропонимов. Количественно все три группы примерно равны, однако носители редких имен вполне могут быть такими же «по-

⁹⁷ О нем: Яйленко 2017, 489.

⁹⁸ Менее вероятно, однако не исключено, что в сей последней строке колонки могли содержаться два имени, как и в ее первой строке.

⁹⁹ Яйленко 1980, 82, № 77. Впрочем, в этом граффито может быть вычитано и другое имя – Βάτο[ς]: после Τ сохранилась дужка омикрона или омеги. Если Βάτο[ς], оно не относится к Батонам обоих заклѣтий.

¹⁰⁰ Яйленко 2017, 489.

¹⁰¹ Яйленко 2020в, 28.

наехавшими», как и обладатели впервые засвидетельствованных антропонимов, отсюда вырисовывается картина, близкая той, что выявлена в наговоре 2015 г. – конфликт на производственной почве. В группе проклятых автором исследуемого заклатья присутствуют представители нескольких олигархических родов Ольвии IV–II вв. до н.э.: Гевресибий из рода Гевресибиадов¹⁰², Пантакл из рода Клеомбровых – Пантакловых¹⁰³, Геросонт принадлежит к ростовщикам Протогеновичам (не зря в ольвийских заклатиях числится больше всего выходцев из этого рода мироедов¹⁰⁴); Антиместор, судя по Антиместору Агатиновичу да Агатину Антиместорову Каталога – явный выходец из клана Агатиновичей¹⁰⁵; Аристократ может числиться в клане Аристоновых – Феокловых¹⁰⁶, Сократ – в роде Посейдониевых¹⁰⁷, Дионисий – из Посидеевичей¹⁰⁸; Эпикрат – из Никератовичей¹⁰⁹; имя Гикесий употребительно в нескольких кланах¹¹⁰. Противостоять членам названных кланов, правивших Ольвией, казалось бы, мог только представитель одного из нескольких других олигархических родов (мы насчитали полтора десятка их в эллинистической Ольвии¹¹¹). Но наговор – дело тайное, ведомое лишь его автору, так что им мог быть человек любого социального статуса.

Существенно, что именник наговора весь греческий, за исключением лишь одного персонажа – $\Theta\alpha\tau\omicron\upsilon\varsigma \text{ Ναυχίου}$. Причина проклятия большой группы влиятельных недругов, как и в случае с наговором 2015 г., без тени сомнения, материальная, может быть, грызня за большой полисный заказ. И суть ее, полагаем, как раз раскрывает нам имя бесспорного чужака $\Theta\alpha\tau\omicron\upsilon\varsigma$: оно египетское¹¹², а в Ольвии конца III и особенно II в. до н.э., когда она утратила почти всю свою хору, остро стоял хлебный вопрос, о котором свидетельствуют и Протогеновский декрет IOSPE I² 32, и создание особой комиссии ситонов, занимавшейся снабжением города хлебом (НО 72)¹¹³. Посвящение ситонами рельефа НО 72 фракийскому божеству Герою внемлющему указывает, что они получали хлеб из Западного Понта¹¹⁴, теперь же, с появлением в Ольвии египтянина Татуса Нанхинова, можно думать, что ситоны обращались и к житнице эллинистического мира Египту. Не случайно именно Татуса автор заклатья проклял больше, чем кого-либо другого – трижды: он явный «козырь» группы, соперничавшей за заказ ситонов. Мы отмечали, что необычность письма этого наговора для ольвийской эпиграфики может указывать на неместное его происхождение, и если это так, он мог представлять, к примеру, торговый «хлебный дом» из какого-нибудь города Греции. Во II – первой половине I в. до н.э. ольвиополиты издали почетно-проксенические декреты в честь сына Зобия (имя не сохранилось), выходца из Западного Понта, да из Юж-

¹⁰² Яйленко 2017, 486–487.

¹⁰³ Яйленко 2017, 489.

¹⁰⁴ Яйленко 2017, 488.

¹⁰⁵ Яйленко 2017, 493.

¹⁰⁶ Яйленко 2017, 490.

¹⁰⁷ Яйленко 2017, 491–492.

¹⁰⁸ Яйленко 2017, 492.

¹⁰⁹ Яйленко 2017, 493.

¹¹⁰ Яйленко 2017, 493–494.

¹¹¹ Яйленко 2017, 486–497.

¹¹² Preisigke 1925, sub nomen.

¹¹³ Детали см.: Отрешко 2009, 131–132; Яйленко 2017, 478–481.

¹¹⁴ Яйленко 2017, 481.

ного, вероятного амисенца, Аполлократа, также смирнейца Стефана¹¹⁵. Всем трем присуждены в числе прочего проксенические привилегии, а они, как правило, давались деловым людям¹¹⁶. В декрете западнопонтйских Том начала I в. до н.э. в честь тирита Нила говорится, что он оказывал содействие «всем купцам города (Том), плывущим в город Ольвию»,¹¹⁷ это свидетельство продолжения торговых связей Ольвии с Западным Причерноморьем, более активным в IV–III вв. Кто-то из этих, либо иных, «зарубежных» купцов мог состязаться с группой Татуса Нанхинова за хлебный заказ от ситонов. Если это так, то судя по большому числу проклятых, заказ был весьма значительным.

Как сказано, к позднеэллинистическому времени относятся три самых крупных по числу проклятых наговора; из них зачатие 2019 г. датируется третьей четвертью или скорее концом III в. (см. выше), зачатие 2015 г. поздним III – II в. до н.э.¹¹⁸, зачатие 1908 г. – II в. (В.В. Шкорпил, Л. Дюбуа). Их отличительная черта – присутствие большого числа носителей имен, неизвестных ранее в Ольвии. Приведем данные их антропонимии по встречаемости имен. В отношении зачатия 2019 г. они уже приведены выше: оно содержит употребительных в Ольвии 10 имен, малоупотребительных (т. е. встреченных один-два раза) 8, впервые встретились 9 антропонимов. Количественно эти группы примерно равны, но носители редких имен могут быть такими же приезжими, как и обладатели впервые встреченных антропонимов. Вместе с тем в ольвийских надписях немало имен, засвидетельствованных по одному-два раза, но их статус ольвиополитов несомненен (например, у должностных лиц), поэтому разделим группу малоупотребительных имен (8) пополам. В результате употребительных в Ольвии имен ок. 14 (10+4), впервые встреченных ок. 13 (9+4), так что в количественном отношении обе группы равны.

В наговоре 2015 г. 30 имен (в их числе два Дионисия), все без патронимиков, так что проклят 31 человек¹¹⁹. Частых в Ольвии 4 имени (Аристоксен, Афиней, Пантакл, два Дионисия), в целом 5 человек; малоупотребительных имен 6 (греческие Батон, Дионис, Мик, Ольвия, Lallnamen Атотас, Нанас). Группа же впервые встреченных имен весьма многочисленна – 20¹²⁰. Если две малочисленные группы

¹¹⁵ Яйленко 2017, 542–551, 642–655.

¹¹⁶ А.И. Иванчик предположил, что Стефан был в Ольвии скорее всего по торговым делам, мы же, поскольку в Ольвии II в. до н.э. нет, или почти нет, тары из Ионии, предпочли думать о духовных связях – на почве общего фанатичного почитания Гомера (Яйленко 2017, 653). Все же условие об ионийской таре не обязательно, ибо Стефан мог быть задействован в торговле любого рода. Ведь был и умер в Истрии другой смирнеец (ISM I2, 261), а здесь Гомеровский фанатизм не отмечен. Ввиду изложенного, снимаем свою контрверсию.

¹¹⁷ ISM II, 5. Sojocarui 2013, 120; Яйленко 2017, 653.

¹¹⁸ Яйленко 2020в, 25–26, 28.

¹¹⁹ А.В. Белоусов (2020, 99–103, № 19) провел по этой надписи подсчеты встречаемости его имен в Ольвии, опираясь на данные LGPN IV. Учитываем его результаты, но с поправками на наше чтение именника: Яйленко 2020в, 26–28.

¹²⁰ Афенипп, Батас, Бротакос, Евдик, Евтидик, К(елеб?)ин, Коко, Ладка, Лампон, Лисиас, Майка, Мас, Олимпих, Остракион, Пайна, Симак, Сосипатра, Тасий, Филистес, Харасп. Добавим к сказанному в нашей статье 2020 г. относительно имени Пайна. На пластинке его первая буква написана так, что можно прочесть и Γαῖνα, ср. Γαῖνας у Свида, у хронистов IV–V вв. н. э. Сократа Схоластика (Hist. eccl. VI, 6) Γαῖνᾱς – имя гота при императоре Аркадии (395–408 гг.), Γαῖνᾱς у Иоанна Антиохийского (Pape, Benseler 1884, 236). Вместе с тем и чтение Παῖνα можно подкрепить именем Παῖνις из Египта (Preisigke 1925, 257). Таким образом, полагаем возможным чтение и Παῖνα, и Γαῖνα. В этом

включают только греческие имена да грецизированные «детские», то третья весьма разнообразна по составу. Из 20 ее имен 13 греческих¹²¹, 2 малоазийских (Ладка, Мас), 1 грецизированное¹²², 1 египетское (К(елеб?)ин), 1 иранское (Харасп), 1 «детское» (Майка), 1 неизвестного происхождения (Пайна/Гайна). Во всех трех группах греческих имен 21 (4+4+13), из них «высоких» 3¹²³, бытовых 14¹²⁴, к ним относятся и 4 «географических»¹²⁵. В первой да третьей группах 3 «детских» имени¹²⁶. Удивительная разношерстность именника наговора 2015 г. указывает, что проклята не этническая группа людей, а профессиональная; как сказано, по имени Пантакл, характерному в роде стеностроителей Клеомбровых – Пантакловых, мы признали этот коллектив строителями. В таком случае вероятный хозяин артели Пантакл, он единственный из сей толпы проклятых носитель действительно «высокого» – аристократического имени и статуса. У трех других персонажей условно «высокие» имена – теофорные (Афинея, два Дионисия), они употребительны в эпоху эллинизма во всех социальных слоях, от аристократии до рабов. И в данной заклитии как раз присутствует персонаж рабского статуса – Διόνυτος, аналог которому дает ольвийское надгробие II в. н.э., поставленное семейной рабской паре Диониса и Семелы¹²⁷. Любопытно, что впоследствии к ним добавлены на стеле имена еще 3 покойных (вероятные родичи), и у двоих малоазийские имена, у третьего Антоний, весьма распространенное в Анатолии. И в наговоре 2015 г., как сказано, наряду с рабом Дионисом числятся 2 анатолийки (Ладка, Мас)¹²⁸. Поселение Митридатом малоазийского гарнизона на территорию Ольвийского полиса предположил С.А. Жебелев на основе анализа декрета IOSPE I² 35¹²⁹. Миграция малоазийцев лучше представлена на Боспоре, где мы насчитали в надписях IV–III вв. два десятка

же словаре Ф. Прайзике найдем и женское Кокó (Sp. 178). Мы вычитали как малоазийское женское имя Λάδκα, производное от ликийского lada «женщина, жена»; к числу приведенных производных от нее имен добавим также Λαδᾶς, Λάδων.

¹²¹ Афенипп, Батас, Бротак, Евдик, Евтидик, Лампон, Лисиас, Олимпих, Остракион, Симак, Сосипатра, Тисий, Филистес.

¹²² Кокó – повсеместное прозвище легких женщин, образуемое удвоением основы, состоящей из одного открытого слога, типа малоаз. Λάλα (Zgusta 1964, 265–267, ср. 264: чистая основа Λά, без удвоения), франц. Лулу, Мими и прочие Зизи. Имя нашей Кокó, вероятно, сопоставимо с греч. κόκκος «rudenda muliebria» (ср. LSJ, s. v., IV, 2).

¹²³ Афинея, Дионисий, Пантакл.

¹²⁴ Βάτας «Колючка» (Pape, Benseler 1884, 201). Βάτων «Колючка» (Pape, Benseler 1884, 202), мы предпочитаем значение «Осеменитель» (к βατέω «покрывать», ввиду εω > ω); есть у имени и значение «царь» (Яйленко 2003, 367), но в окружении преимущественно «низких» имен в наговоре оно маловероятно. Βρότακος – возможная ионическая форма к Βάτραχος «Лягушка» (Белоусов 2020, 100). Εὐδίκος и Εὐθὺδίκος связаны с понятием правосудности, справедливого суда. Кокó (см. выше). Λάδκα «женщина, жена» (см. выше). Λάμλων «Сияющий», Λυσίας «Прощающий». Μ[ι]κός «Малыш», Ὀστράκιον «Черепок», Σίμακος «Курносый». Σωσιπάτρη «Защищаемая отцом», т. е. находящаяся под отцовской защитой, опекой. Φίλιππος «Дружище».

¹²⁵ Афенипп, Ольвия, Олимпих, Тасий.

¹²⁶ Ατότας, основа atta (Zgusta 1955, 297–300), ее основное значение «отец» (Яйленко 2010, 123–127). Μαῖκα, основа та, с удвоением тама «мама, мать» (Яйленко 2010, 136–139). С i-расширением основы, как в Μαῖκα, греч. μαῖα, санскр. māyā «мать, матушка», в антропонимике санскр. Māyā, мать Будды. Νάνας, основа папа «дядя, отец» (Яйленко 2010, 133–136).

¹²⁷ Надпись NO 170 в нашей интерпретации (Яйленко 2017, 624–626). С эллинистической эпохи и особенно в римское время рабам давались имена богов.

¹²⁸ Анатолийское имя Μας и мужское, и женское: Zgusta 1964, 277.

¹²⁹ Жебелев 1953, 284 сл.

малоазийских имен¹³⁰, это были трудовые мигранты¹³¹. С рабским именем Дионис соотносятся по нижнему социальному статусу имена-прозвища простолюдинов Ὀστράκιον «Черепок», Σίμακος «Курносый», Μ[ι]κός «Малыш», Βάτας «Колбочка», Βάτων «Осеменитель», Βρότακος «Лягушка», да простецкие Коко, Ладка плюс «детские» Атотас, Майка, Нанас. Вряд ли стоит сомневаться, что это трудовой люд. До сих пор в заклетах Ольвии фигурировали всего 3 женщины¹³², а в данном наговоре их сразу 5–7¹³³; в большой артели это кухарки, в строительной они могут быть заняты и на отделке построек. Обратим внимание на имена заклета с суффиксом -κ-: Βρότακος, Μαῖκα, Λάδκα, подобное есть и в наговоре с Чайки, в котором из 6 упомянутых имен 4 такого типа (Ουζακος, Ἀζεακος, Αγουζακος, Λαυθιακος), и мы связали их этнически с неким туземным народом Крыма¹³⁴. Посему, возможно, часть членов артели происходила из Западного Крыма.

Вовсе иной по характеру третий крупный наговор 1908 г. от II в. – почти все его имена греческие. Распределение имен по встречаемости примерно то же – поровну: известных в Ольвии по одному-двум упоминаниям 5¹³⁵, частых 7, но по два Дионисия да Посидония, в целом 9 человек¹³⁶, не засвидетельствованных 8¹³⁷. Из 20 имен лишь 1–2 негреческих¹³⁸. Хотя 22 персонажа заклета тоже названы лишь по именам, без патронимиков, это не разношерстная артель простолюдинов наговора 2015 г., ибо почти у всех «новичков» широко употребительные в греческой среде имена. Но существенно, что все они бытовые, лишь одно теофорное (Бакхий); зато в группе с частыми в Ольвии именами у 6 человек из 9 теофорные имена¹³⁹. Может быть, причина составления этого заклета лежит в сфере конкуренции за какие-то преференции жреческого или шире – культового плана. Для более точных суждений надпись не предоставляет данных.

Проведенное изучение и сопоставление 3 самых крупных позднеэллинистических наговоров Ольвии приводит к следующим возможным выводам. Заклетье 2019 г. третьей четверти или конца III в. до н.э. составлено в связи с конкуренцией за крупный заказ на хлебные поставки городу из-за рубежа. Заклетье 2015 г. от конца III – II в. до н.э. с большой вероятностью направлено против конкурирующей «фирмы» в борьбе за крупный строительный заказ. Наименее ясное по этимологии заклетье 1908 г. от II в. до н.э., возможно, обусловлено каким-то соперничеством в жреческой или иной культовой сфере. Несколько лапидарных надписей III–II вв. до н.э. живописуют нам кризисное состояние Ольвийского полиса после распада рах Scythica, все более ухудшавшееся со временем. О начальной фазе кризиса во второй четверти – середине III в. до н.э. свидетельствуют декреты в честь Каллиника и сыновей крупного заимодавца Ольвийского полиса херсоне-

¹³⁰ Яйленко 2010, 156.

¹³¹ Таковы, без сомнения, малоазийцы сельского поселения Фронтное в Восточном Крыму. См. Яйленко 2010, 673–677.

¹³² Евбула, Талайо, Тикота (Белоусов 2020, 6, 15).

¹³³ Коко, Ладка, Майка, Ольбия, Сосипатра, возможно, Мас, Пайна.

¹³⁴ Яйленко 2021а, 48.

¹³⁵ Демополис, Дорией, Коккион, Нанас, Федим.

¹³⁶ Аполлодор, Афиней, Дионисий, Евполис, Посидоний, Посий, Трасибул.

¹³⁷ Бакхий, Леонтиск, Неомений, Неополис, Несторион, Поллис, Прометион, Тарсий.

¹³⁸ Lallname Νάνας (см. выше) и Κοκκίον, которое трактуется в литературе как малоазийское, греческое, иллирийское (Zgusta 1964, 240).

¹³⁹ По два Дионисия да Посидония, Афиней, Аполлодор.

сита Аполлония¹⁴⁰. Следующую фазу кризиса позднеэллинистического времени (вторая половина III–II вв. до н.э.) освещают прежде всего замечательный по историзму декрет в честь Протогена¹⁴¹, письмо Анонима, Анфестериев декрет, вотив ситонов НО 72, каталог граждан IOSPE I² 201¹⁴². Важное место в числе исторических источников об эпохе эллинизма в Ольвии занимают наговоры. Пришедшие в движение кочевые народы разорили ольвийскую хору, в результате чего полис в значительной мере утратил не только свою продовольственную базу, но и доходы от продажи зерна за рубеж. Сельское население скопилось в городе, где продовольствия и прочих жизненных ресурсов не хватало на всех, так что к внешним бедам добавились внутренние – разорение да обнищание и самого полиса, и его населения, с этим нас подробно знакомит Протогеновский декрет IOSPE I² 32 (датован нами началом II в. до н.э.). В частности, согласно декрету (В, стк. 20–21), многие насельники Ольвии покинули ее из-за нашествий варваров: «выселилось множество ксенов и немалое число граждан»¹⁴³. В трех больших наговорах III–II вв. до н.э., как сказано, содержится большое число не засвидетельствованных в Ольвии ранее имен – 37 (20+8+9). По меньшей мере, половину их мы вправе связать с новоприбывшими людьми и скорее всего в основном это жители хоры.

Все эти бедственные обстоятельства стали причиной всплеска обращения людей к черной магии – производству наговоров на недругов. За последние десятилетия опубликованы почти два десятка заклятий из Ольвии (Ю.Г. Виноградов, С.Р. Тохтасьев, А.В. Белоусов и др.). В целом их 25, для такого малого центра это много: к примеру, неполный десяток дал весь огромный Боспор¹⁴⁴. Положивший начало публикации новых наговоров Ю.Г. Виноградов, не задаваясь особо аргументацией, все зачислил в IV в. до н.э., за ним последовал С.Р. Тохтасьев, затем А.В. Белоусов, который в результате констатировал, что большая часть ольвийских наговоров относится к V–IV вв., к III–II вв. принадлежат два¹⁴⁵. Итого удивительное соотношение 23 к 2 и странная картина: в V–IV вв. Ольвия процветала, а люди активно стряпали наговоры друг на друга, в III–II вв. до н.э. город находился в упадке, вплоть до кончины в следующем столетии, население бедствовало, всем всего не хватало, но нашлась всего парочка злодеев, занявшихся черной магией! Несколько иную картину дает хронология наговоров Боспора: из 9 надписей 2 от IV в. до н.э. (№ 14, 15)¹⁴⁶, 1 от второй половины IV в. (№ 13), 2 от IV–III вв. (№ 8, 10), 3 от III в. (№ 9, 11, 12)¹⁴⁷, 1 от III–II вв.¹⁴⁸ Итого 4 от IV в., 5 от III в. (две над-

¹⁴⁰ Яйленко 2017, 440–469.

¹⁴¹ IOSPE I² 32. Наиболее полный анализ его исторического содержания: Отрешко 2009, 123–135.

¹⁴² Яйленко 2017, 469–509)

¹⁴³ Дискуссию о местах переселения ольвиополитов см. Яйленко 2017, 574–575, 584.

¹⁴⁴ Яйленко 2005, 471–484. Сапрыкин и др. 2013, 265–271.

¹⁴⁵ Белоусов 2020, XXVII–XXVIII.

¹⁴⁶ Номера надписей из нашей статьи, в которой собраны все наговоры, известные до 2005 г. (Яйленко 2005, 471–484). Приводим даты публикаторов довоенного времени, лишь две новоизданные вынужденно наши ввиду халтурных «датировок» издателей (см. ниже).

¹⁴⁷ Заклятие № 12 издатели отнесли к первой половине – середине IV в. до н.э., указав на «размашистые ню, ламбду, каппу, пи с укороченной левой гастой» (Сапрыкин, Зинько 2003, 266). Это вся аргументация, и потому, разумеется, неприемлемая. Согласно нашему палеографическому анализу, надпись последней трети или четверти IV в. до н.э. (Яйленко 2020а, № 58).

¹⁴⁸ Сапрыкин и др. 2013, 265 сл. Странным образом издатели отнесли надпись к концу V – первой половине IV в. до н.э. Аргументация: «широкие контуры альфы, поперечная гаста которой

писи от IV–III вв. делим пополам). Конечно, выборка небольшая, для общих выводов мало пригодна, но тенденцию может указывать: наговоры совершаются и во времена процветания государства, но в эпоху кризиса их больше.

В заключение кратко остановимся на вопросах датирования ольвийских заклятий. По каталогу А.В. Белоусова¹⁴⁹, 3 надписи относятся к V в. до н.э. (№ 1, 14, 16), 6 к первой половине IV в. (№ 2, 3, 4, 17, 18, 20), 6 ко второй половине IV в. (№ 6, 8–10, 15, 24), 1 к III в. (№ 21), 1 ко II в. (№ 12). Явно неблагоприятная ситуация с датами ольвийских наговоров (23:2!) побудила нас подробно исследовать развитие палеографии памятников малой эпиграфики (письма, граффити, наговоры) Северного Причерноморья, в основном Ольвии, IV–I вв. до н.э., с привлечением данных лапидарной эпиграфики, в том числе аттической (это статья «Датирование, текстология, интерпретация греческих надписей Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э., преимущественно наговоров и писем»¹⁵⁰). В ней мы рассмотрели 18 наговоров Ольвии, представленных в каталоге А.В. Белоусова (см. список ниже), плюс 7 других¹⁵¹, тут добавляем и заклятие № 85¹⁵². В целом 26 надписей. Сначала изложим полученные нами даты, сгруппировав их по хронологическим периодам, затем подведем общие итоги по эпохам.

Поздний VI – ранний V в. до н.э.¹⁵³

V в. до н.э.¹⁵⁴.

выписана поочередно горизонтальной и прямой линией (qu' est ceci ? – В.П.), широкая ню, правая гаста которой слегка загнута сверху, пи с немного укороченной правой вертикальной гастой». Это все! Описание скудное и неточное, мы подробно рассмотрели палеографию и датировали надпись III–II вв. до н.э. (Яйленко 2020а, № 59).

¹⁴⁹ Белоусов 2020, XXIX–XXXI: палеографические таблицы.

¹⁵⁰ Яйленко 2020а. В рецензии на каталог ольвийских заклятий А.В. Белоусова (2020) мы уточнили их состав (Яйленко 2021б, 309). В каталоге их 25, но по нашему мнению, следует исключить его № 1, 20 – это оракулы (Яйленко 2021а, 41–47), № 21 – частное письмо (Яйленко 2021б, 302–305, полный текст: Яйленко 2020а, № 47), № 24 не наговор, а целительный амулет (Яйленко 2020в, 32–36); № 25 – текст не читается, потому и тип надписи неизвестен; № 24 целительный амулет, № 25 – текст неизвестен, происхождение № 21, 22 из Ольвии маловероятно (их именник не вполне ольвийский). Итого остается 18, но мы добавляем 8 других, включая изданную Н.И. Николаевым (Яйленко 2021б, 309). Это следующие наговоры. 1. Черепок с именем Евдора и профильным его изображением, II в. до н.э. (Яйленко 2020а, № 52); 2. Неучтенный наговор позднего IV – III в. до н.э. из Эрмитажа (Яйленко 2021б, 308–309; 2020а, № 51а). 3. Наговор III в. до н.э. (Яйленко 2020в, 36–37; 2020а, № 46); 4. Наговор Н.И. Николаева, третья четверть или конец III в. до н.э. 5. Яйленко 1980, 85–86, № 85: на обломке дна и подставки чернолакового сосуда 4 текстуальных и рисуночных граффити V в. до н.э., в том числе Διον[ύ]σω[ι] παρακ(α)λεῖτ[αι] «Дионисом призывается»; подразумевается упоминаемый в наговорах Дионис Хтоний, далее в обломе следовало имя прокливаемого в вин. падеже. 6. Яйленко 2020а, № 28 – граффито III в. до н.э. на донце вторичного использования: Φανόδικος, ἱεροσυλία· ἱρὰν Μ. ἦι «Фанодик, кража храмовой утвари, чудовищна -- да будет!». Одно дело констатация кражи посуды частного лица («он украл меня у Гикесия», – написал в IV в. до н.э. пантикапеец Гикесий, увидев у кого-то свой сосуд: Толстой 1953, № 151), другое дело пожелать недругу кражу утвари из святилища: это явный навод на преступление, и потому напоминает наговор. 7. Яйленко 2020а, № 45: черепок с Березани с перечнем имен-патронимиков 4-х человек, поздний VI – ранний V в. до н.э. (относим к числу заклятий предположительно). 8. Яйленко 2020а, № 51: не понятое А.С. Русяевой (2010, 113, № 34) граффито V в. до н.э. с именем Мольтотемида и глаголом στερήσεται[αι] «лишится» А. Аврам (Bull. ép. 2011, 454, № 34) справедливо счел наговором.

¹⁵¹ См. выше прим. 150, № 1–4, 6–8.

¹⁵² См. выше прим. 150, № 5.

¹⁵³ Яйленко 2022а, № 45.

¹⁵⁴ 1. Яйленко 1980, № 85 (см. прим. 150, № 5). 2. Яйленко 2022а, № 51 (см. прим. 150, там, № 8).

Поздний V – ранний IV в. до н.э.¹⁵⁵

Середина IV в. до н.э.¹⁵⁶

Вторая половина IV в. до н.э., преимущественно третья четверть¹⁵⁷

Последняя четверть IV в. до н.э.¹⁵⁸

Последняя четверть – конец IV в. до н.э.¹⁵⁹

Поздний IV – ранний III в. до н.э.¹⁶⁰

Поздний IV – первая половина III в. до н.э.¹⁶¹

Первая половина III в. до н.э.¹⁶²

Вторая половина III в. до н.э.¹⁶³

III–II вв. до н.э.¹⁶⁴

Вторая половина III – II в. до н.э.¹⁶⁵

Поздний III – первая треть II в. до н.э.¹⁶⁶

Поздний III – II в. до н.э.¹⁶⁷

II в. до н.э.¹⁶⁸

II–I в. до н.э.¹⁶⁹

В результате хронологическое распределение наговоров Ольвии следующее.

Итоги по периодам. К V в. до н.э. относятся 4 наговора¹⁷⁰. К середине – второй половине IV в. принадлежат 5 наговоров¹⁷¹. К позднему IV – первой половине III в. относятся 5 заклятий¹⁷². На вторую половину III в. приходятся 4 заклятия¹⁷³.

¹⁵⁵ Яйленко 2022а, № 1 = Белоусов 2020, № 14: V в. до н.э. В нашей статье (Яйленко 2022а) мы отнесли надпись к раннему IV в. до н.э., но теперь доработали в сторону датировки поздним V – ранним IV в. до н.э.

¹⁵⁶ Яйленко 2022а, № 41 = Белоусов 2020, 3: первая половина IV в. до н.э.

¹⁵⁷ Яйленко 2022а, № 3 = Белоусов 2020, 18: первая половина IV в. до н.э.

¹⁵⁸ 1. Яйленко 2022а, № 37а = Белоусов 2020, 4: первая половина IV в. до н.э.; 2. Яйленко 2022а, № 42а = Белоусов 2020, 10: вторая половина IV в. до н.э.

¹⁵⁹ Яйленко 2022а, № 4 = Белоусов 2020, 6: вторая половина IV в. до н.э.

¹⁶⁰ Яйленко 2022а, № 40 = Белоусов 2020, 2: первая половина IV в. до н.э.

¹⁶¹ Яйленко 2022а, № 51а = см. выше прим. 150, № 2.

¹⁶² 1. Яйленко 2022а, № 37 = Белоусов 2020, 9: вторая половина IV в.; 2. Яйленко 2022а, № 46. Это изданное граффито (Vinogradov, Rusjaeva 1998, 157), но в нашей интерпретации и датировке: третья четверть IV в. (см. выше прим. 150, там № 3); Яйленко 2022а, № 28 (см. выше прим. 150, там № 6).

¹⁶³ 1. Яйленко 2022а, № 5 = Белоусов 2020, 13: не ранее III в. до н.э.; 2. Яйленко 2022а, № 38 = Белоусов 2020, 15: вторая половина IV в. до н.э.; 3. Яйленко 2022а, № 39 = Белоусов 2020, 17: вторая половина IV в. (на с. XXX отнесена к первой половине IV в. до н.э.); 4. Наговор 2019 г.

¹⁶⁴ Яйленко 2022а, № 37в = Белоусов 2020, 3: первая половина IV в. до н.э.

¹⁶⁵ 1. Яйленко 2022а, № 37г = Белоусов 2020, 7: середина – вторая половина IV в. до н.э.; 2. Яйленко 2022а, № 37д = Белоусов 2020, 8: середина – вторая половина IV в. до н.э.; 3. Яйленко 2022а, № 42в = Белоусов 2020, 11: вторая половина IV в. до н.э.

¹⁶⁶ Яйленко 2022а, № 172 = Белоусов 2020, 5: IV в. до н.э.

¹⁶⁷ Яйленко 2022а, № 426 = Белоусов 2020, 19: вторая половина IV в. до н.э.

¹⁶⁸ Яйленко 2022а, № 52 (см. выше прим. 150, № 1).

¹⁶⁹ Яйленко 2022а, № 6 = Белоусов 2020, 12: II в. до н.э.

¹⁷⁰ Яйленко 2022а, № 1, 45, 51; 85.

¹⁷¹ Яйленко 2022а, № 3, 4, 37а, 41, 42а.

¹⁷² Яйленко 2022а, № 28, 37, 40, 46, 51а.

¹⁷³ Яйленко 2022а, № 5, 38, 39; наговор 2019 г. – это Николаев 2019.

Ко второй половине III – II вв. относятся 6 заклятий¹⁷⁴. Ко II–I вв. принадлежат 2 наговора¹⁷⁵.

Итоги по эпохам. К классической эпохе (500–325 гг.) относятся 6 наговоров¹⁷⁶. К раннеэллинистическому времени (325–250 гг.) принадлежат 8¹⁷⁷, к позднеэллинистическому (вторая половина III – первая половина I в.) 12 наговоров¹⁷⁸. Итак, от эпохи классики дошли 6, от эпохи эллинизма 20 заклятий.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоусов, А.В. 2020: *Корпус заклятий понтийской Ольвии (DefOlb) = Defixiones Olbiae Ponticae (DefOlb)*. М.
- Белоусов, А.В., Дана, М., Николаев, Н.И. 2015: Два новых заклятия с ольвийской хоры. *Аристей* 12, 170–191.
- Белоусов, А.В., Елисеева, Л.Г., Кастелли, Т. 2021: Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2019 г. *Аристей* 23, 93–124.
- Виноградов, Ю.Г. 1981: Варвары в просопографии Ольвии. В сб.: О.Д. Лордкипанидзе (ред.), *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Тбилиси, 131–147.
- Виноградов, Ю.Г. 1989: *Политическая история Ольвийского полиса*. М.
- Дложевский, С.С. 1930: *Епіграфічні дрібниці*. Вісник Одеської комісії краєзнавства. Ч. 4–5, 49–57.
- Доватур, А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: В.В. Струве (ред.), *Корпус боспорских надписей*. М.–Л., 797–831.
- Емец, И.А. 1995: Классификация и шрифт боспорских граффити и дипинти. *Эпиграфический вестник* 2, 40–60.
- Жебелев, С.А. 1953: *Северное Причерноморье*. М.–Л.
- Карышковский, П.О. 1978: Ольвийские эпонимы. *ВДИ* 2, 82–88.
- Крапивина, В.В., Диатроптов, П.Д. 2005: Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии. *ВДИ* 1, 67–73.
- Николаев, Н.И. 2008: *Политическая и культовая элита Ольвии IV–I вв. до н.э.* Николаев.
- Николаев, Н.И. 2018: Критические заметки к монографии В.П. Яйленко «История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.». *Емінак* 2, 155–159.
- Николаев, Н.И. 2019: О преобразовании ономастического материала в полноценный исторический источник (на примере нового магического опистогrafa из Ольвии). *Scripta Antiqua* 8, 276–308.
- Отрешко, В.М. 2009: Протоген. В кн.: С.Б. Буйских, Л.А. Лысенко (ред.), *Ольвийские древности*. Киев, 123–135.
- Ростовцев, М.И. 1907: Митридат Понтийский и Ольвия. *ИАК* 23, 21–27.
- Русяева, А. С. 2010: *Граффити Ольвии Понтийской*. Симферополь.
- Сапрыкин, С.Ю., Белоусов, А.В., Федосеев, Н.Ф. 2013: Два фрагмента свинцовых пластин из Пантикапея. *ДБ* 17, 265–271.
- Сапрыкин, С.Ю., Зинько, В.Н. 2003: Defixio из Пантикапея. *ДБ* 6, 266–275.
- Толстой, И.И. 1953: *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*. Л.
- Фаддеева, В.Н. 1974: Матрица в математике. *БСЭ*. Т. 15, 1510–1515.
- Шкорпил, В.В. 1908: Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии. *ИАК* 27, 68–74.

¹⁷⁴ Яйленко 2022а, № 37в, г, д, 42, 42б, в.

¹⁷⁵ Яйленко 2022а, № 6, 52.

¹⁷⁶ Яйленко 2022а, № 1, 3, 41, 45, 51; 85.

¹⁷⁷ Яйленко 2022а, № 4, 28, 37, 37а, 40, 42а, 46, 51а.

¹⁷⁸ Яйленко 2022а, № 5, 6, 37в, г, д, 38, 39, 42, 42 б, в, 52 и заклятие 2019 г.

- Яйленко, В.П. 1980: Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* 3, 75–116.
- Яйленко, В.П. 1982: *Греческая колонизация Средиземноморья VII–III вв. до н.э. по данным эпиграфических источников*. М.
- Яйленко, В.П. 1990: Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 249–309.
- Яйленко, В.П. 2003: Фанагорийские манумиссии и списки имен из находок 1970-х годов. *ДБ* 6, 351–374.
- Яйленко, В.П. 2005: Магические надписи Боспора. *ДБ* 8, 459–508.
- Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.* М.
- Яйленко, В.П. 2015: Слово и дело: о публикации ольвийского декрета с честь смирнейца Стефана. *АМА* 17, 195–208.
- Яйленко, В.П. 2017: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.* СПб.
- Яйленко, В.П. 2019: Эпиграфические заметки. *БИ* 39, 117–209.
- Яйленко, В.П. 2020а: Датирование, текстология, интерпретация греческих надписей Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э., преимущественно наговоров и писем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/48906817> = http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/3683/1/Yaylenko_Datirovanie.pdf = https://www.koob.ru/yajlenko_v_p/datirovanie_tekstologiya_interpretaciya.
- Яйленко, В.П. 2020б: Стихотворные граффити Боспора, Ольвии, Березани. *ДБ* 25, 441–510.
- Яйленко, В.П. 2020в: Заметки о текстологии и датировании новоизданных наговоров из эллинистической Ольвии. *ПИФК* 4, 24–40.
- Яйленко, В.П. 2021а: Оракулы из Ольвии, наговор с Чайки в Западном Крыму. *АВ* 33, 41–50.
- Яйленко, В.П. 2021б: Новая книга о наговорах Ольвии. *ПИФК* 4, 296–311.
- Яйленко, В.П. 2022а: Данные архива Одесского археологического музея о граффити Березани и Ольвии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2022/02/15/yaylenko_v.p._2022_arhiv_oam.pdf.
- Яйленко, В.П. 2022б: Заметки к сводам ольвийских граффити. В кн.: А.П. Медведев (ред.), *«От Кавказа до Дуная». Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова*. Саратов, 447–495.
- Яйленко, В.П. 2023: Палеография надписей эллинистической Ольвии. *АВ* 40 (в печати).
- Avram, A., Chiriac, C., Matei, I. 2007: Defixiones d'Istros. *BCH* 131/1, 383–420.
- Cojocaru, V. 2013: Relațiile interpontice ale orașelor grecești de la nordul Mării Negre și contactele acestora cu barbarii din hinterland pe baza izvoarelor epigrafice. In: P. Bîrzescu et al. (eds.). *Poleis în Marea Neagră: Relații interpontice și producții locale*. București, 87–142.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculanensis*. Lipsiae.
- Diehl, E. 1923: Defixionum ostraca duo. *Latvijas universitātes raksti* 6, 225–231.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Guarducci, M. 1970, 1978: *Epigrafia greca*. Vol. 2, 4. Roma.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Kawerau, G., Rehm, A. 1914: *Das Delphinion in Milet* (Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen. Bd. I. Hft. 3). Berlin–Leipzig.
- Kern, O. 1913: *Inscriptiones Graecae*. Bonnae.
- Kirchner, J. 1948: *Imagines inscriptionum Atticarum*. Berlin.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and Dipinti* (The Athenian Agora XXI). Princeton.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berlin–Leipzig.
- Pape, W., Benseler, G. E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.

- Preisigke, F. 1925: *Namenbuch: enthaltend alle griechischen, lateinischen, ägyptischen, hebräischen, arabischen und sonstigen semitischen und nichtsemitischen Menschnennamen, soweit sie in griechischen Urkunden (Papyri, Ostraka, Inschriften, Mumienschildern usw.) Ägyptens sich vorfinden*, bearb. und hrsg. von Dr. Friedrich Preisigke. Mit einem Anhang von Professor Enno Littmann, enthaltend die in diesem Namenbuch vorkommenden abessinischen, arabischen, aramäischen, kanaanäischen, und persischen Namen. Heidelberg.
- Seider, R. 1990: *Palaeographie der griechischen Papyri*. Bd. 3. Text. T. 1. Stuttgart.
- Vinogradov, Ju. G., Rusjaeva, A. S. 1998: Phantasmomagica Olbiopolitana. *ZPE* 121, 153–164.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.
- Zgusta, L. 1964: *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.

REFERENCES

- Avram, A., Chiriac, C., Matei, I. 2007: Defixiones d'Istros. *BCH* 131/1, 383–420.
- Belousov, A.V. 2020: *Korpus zaklyatiy pontiyskoy Ol'vii (DefOlb) = Defixiones Olbiae Ponticae (DefOlb) [Corpus of Curses from Olbia Pontica (DefOlb) = Defixiones Olbiae Ponticae (DefOlb)]*. Moscow.
- Belousov, A.V., Dana, M., Nikolaev, N.I. 2015: Dva novykh zaklyatiya s ol'viyskoy khory [Two new curses from Olbian chora]. *Aristey [Aristeas]* 12, 170–191.
- Belousov, A.V., Eliseeva, L.G., Kastelli, T. 2021: Grecheskaya i rimskaya epigrafika Severnogo Prichernomor'ya. 2019 g. [The Greek and Latin inscriptions of ancient North Black Sea Region. 2019]. *Aristey [Aristeas]* 23, 93–124.
- Cojocaru, V. 2013: Relațiile interpontice ale orașelor grecești de la nordul Mării Negre și contactele acestora cu barbarii din hinterland pe baza izvoarelor epigrafice. In: P. Bîrzescu et al. (eds.). *Poleis în Marea Neagră: Relații interpontice și producții locale*. București, 87–142.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculanensis*. Lipsiae.
- Diehl, E. 1923: Defixionum ostraca duo. *Latvijas universitātes raksti* 6, 225–231.
- Dlozhevs'kiy, S.S. 1930: Epigrafichniy dribnitsi [Epigraphic details]. In: *Visnyk Odes'koi Komisii krayeznavstva pry Ukrain'skii Akademii nauk [Bulletin of Odessa Committee of Regional Studies of Ukrainian Academy of Sciences]*. Pt. 4–5, 49–57.
- Dovatur, A.I. 1965: Kratkiy ocherk grammatiki bosporskikh nadpisey [Short essay of grammar concerning the Bosporan inscriptions]. In: V. Struve (ed.). *Korpus bosporskikh nadpisey [Corpus Inscriptionum Regni Bosporani]*. Moscow–Leningrad, 797–831.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Emets, I.A. 1995: Klassifikatsiya i shrift bosporskikh graffiti i dipinti [Classification and spelling of Bosporan graffiti and dipinti]. *Epigraficheskiy vestnik [Epigraphic Bulletin]* 2, 40–60.
- Faddeeva, V.N. 1974: Matritsa v matematike [Matrix in mathematics]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]*. Vol. 15, 1510–1515.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Guarducci, M. 1970, 1978: *Epigrafia greca*. Vol. 2, 4. Roma.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Karyshkovskiy, P.O. 1978: Ol'viyskie eponymy [Olbian eponyms]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 82–88.
- Kawerau, G., Rehm, A. 1914: *Das Delphinion in Milet* (Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen. Bd. I. Hft. 3). Berlin–Leipzig.
- Kern, O. 1913: *Inscriptiones Graecae*. Bonnae.
- Kirchner, J. 1948: *Imagines inscriptionum Atticarum*. Berlin.

- Krapivina, V.V., Diatropov, P.D. 2005: Nadpis' namestnika Mitridata VI Eupatora iz Ol'vii [An inscription of governor of Mithridates VI Eupator from Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 67–73.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and Dipinti* (The Athenian Agora XXI). Princeton.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berlin–Leipzig.
- Nikolaev, N.I. 2008: *Politicheskaya i kul'tovaya elita Ol'vii IV–I vv. do n.e.* [Political and Cult Elite of Olbia in the 4th – 1st centuries BC]. Nikolaev.
- Nikolaev, N.I. 2018: Kriticheskie zametki k monografii V.P. Yaylenko "Istoriya i epigrafika Ol'vii, Kkersonesa i Bospora VII v. do n.e. – VII v. n.e." [Critical notes to the monograph by V.P. Yaylenko "History and epigraphy of Olbia, Chersonese and Bosphorus of the 7th century BC – 7th century AD"]. *Eminak* 2, 155–159.
- Nikolaev, N.I. 2019: O preobrazovanii onomasticheskogo materiala v polnotsennyy istoricheskiy istochnik (na primere novogo magicheskogo opistografa iz Ol'vii) [On the transformation of onomastic material into a full-fledged historical source (on the example of a new magical opistograph from Olbia)]. *Scripta Antiqua* 8, 276–308.
- Otreshko, V.M. 2009: Protogen [Protogenes]. In: S.B. Buyskikh, L.A. Lysenko (ed.), *Ol'viyskie drevnosti* [Olbian Antiquates]. Kiev, 123–135.
- Pape, W., Benseler, G. E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Preisigke, F. 1925: *Namenbuch: enthaltend alle griechischen, lateinischen, ägyptischen, hebräischen, arabischen und sonstigen semitischen und nichtsemitischen Menschnennamen, soweit sie in griechischen Urkunden (Papyri, Ostraka, Inschriften, Mumienschildern usw.) Ägyptens sich vorfinden, bearb und hrsg. von Dr. Friedrich Preisigke. Mit einem Anhang von Professor Enno Littmann, enthaltend die in diesem Namenbuch vorkommenden abessinischen, arabischen, aramäischen, kanaanäischen, und persischen Namen*. Heidelberg.
- Rostovtsev, M.I. 1907: Mitridat Pontyiyskiy i Ol'viya [Mithridates of Pontus and Olbia]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 23, 21–27.
- Rusyaeva, A.S. 2010: *Graffiti Ol'vii Pontyiyskoy* [Graffiti of Olbia Pontica]. Simferopol.
- Saprykin, S.Yu., Belousov, A.V., Fedoseev, N.F. 2013: Dva fragmenta svintsovykh plastin iz Pantikapeya [Two fragments of lead plaques from Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 17, 265–271.
- Saprykin, S.Yu., Zin'ko, V.N. 2003: Defixio iz Pantikapeya [Defixio from Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 6, 266–275.
- Seider, R. 1990: *Palaeographie der griechischen Papyri*. Bd. 3. Text. T. 1. Stuttgart.
- Shkorpil, V.V. 1908: Tri svintsovye plastinki s nadpisyami iz Ol'vii [Three lead plaques with inscriptions from Olbia]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 27, 68–74.
- Tolstoy, I.I. 1953: *Grecheskie graffiti drevnikh gorodov Severnogo Prichernomor'ya* [Greek Graffiti from the Northern Pontic Ancient Cities]. Leningrad.
- Vinogradov, Ju. G., Rusjaeva, A. S. 1998: Phantasmomagica Olbiopolitana. *ZPE* 121, 153–164.
- Vinogradov, Yu.G. 1981: Varvary v prosopografii Ol'vii [Barbarians in the prosopography of Olbia]. In: O.D. Lordkipanidze (ed.). *Demograficheskaya situatsiya v Prichernomor'e v period Velikoy grecheskoy kolonizatsii* [Demographic Situation in the Black Sea Region during the Great Greek Colonization]. Tbilisi, 131–147.
- Vinogradov, Yu.G. 1989: *Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa* [Political History of Olbian Polis]. Moscow.
- Yaylenko, V.P. 1980: Graffiti Levki, Berevani i Ol'vii [Graffiti od Leuke, Berezan at Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 75–116.
- Yaylenko, V.P. 1982: *Grecheskaya kolonizatsiya Sredizemnomor'ya VII–III vv. do n.e. po dannym epigraficheskikh istochnikov* [Greek Colonization of the Mediterranean in the 7th – 3rd Centuries BC according to Epigraphic Sources]. Moscow.

- Yaylenko, V.P. 1990: Ol'viya i Bospor v ellinisticheskuyu epokhu [Olbia and Bosphorus in the Hellenistic Period. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [*Hellenism: Economics, Politics, Culture*]. Moscow, 249–309.
- Yaylenko, V.P. 2003: Fanagoriyskie manumissii i spiski imen iz nakhodok 1970-kh godov [Phanagorian manumissions and lists of names found in the 1970s]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 6, 351–374.
- Yaylenko, V.P. 2005: Magicheskie nadpisi Bospora [Bosporan magic inscriptions]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 8, 459–508.
- Yaylenko, V.P. 2010: *Tysyacheletniy Bosporskiy reykh. Istoriya i epigrafika Bospora VI v. do n.e. – V v. n.e.* [*Thousand-Year-Old Bosporan Reich. History and Epigraphy of the Bosphorus in the 6th century BC – 5th century AD*]. Moscow.
- Yaylenko, V.P. 2015: Slovo i delo: o publikatsii ol'viyskogo dekreta s chest' smirneytsa Stefana [Word and deed: on the publication of the Olbian decree in honor of Stephen, a citizen of Smyrna]. *Antichnyy mir and arkheologiya* [*Ancient World and Archaeology*] 17, 195–208.
- Yaylenko, V.P. 2019: Epigraficheskie zametki [Epigraphic notes]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] 39, 117–209.
- Yaylenko, V.P. 2020a: Datirovanie, tekstologiya, interpretatsiya grecheskikh nadpisey Severnogo Prichernomor'ya IV–I vv. do n.e., preimushchestvenno nagovorov i pisem [Dating, textual criticism, interpretation of Greek inscriptions in the Northern Black Sea region of the 4th – 1st centuries. BC, mostly curses and letters]. <https://www.academia.edu/48906817> = http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/3683/1/Yaylenko_Datirovanie.pdf = https://www.koob.ru/yaylenko_v_p/datirovanie_tekstologiya_interpretatsiya.
- Yaylenko, V.P. 2020b: Stikhotvornye graffiti Bospora, Ol'vii, Berezani [Poetic graffiti of Bosphorus, Olbia, Berezan]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 25, 441–510.
- Yaylenko, V.P. 2020v: Zametki o tekstologii i datirovanii novoizdannykh nagovorov iz ellinisticheskoy Ol'vii [Notes on Textology and Dating of the New-Published Curse Inscriptions from Hellenistic Olbia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 24–40.
- Yaylenko, V.P. 2021a: Orakuly iz Ol'vii, nagovor s Chayki v Zapadnom Krymu [Oracles from Olbia and a curse inscription from the settlement of Chayka, Western Crimea]. *Arkheologicheskie vesti* [*Archaeological News*] 33, 41–50.
- Yaylenko, V.P. 2021b: Novaya kniga o nagovorakh Ol'vii [A new book on curse inscriptions from Olbia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 296–311.
- Yaylenko, V.P. 2022a: Dannye arkhiva Odesskogo arkheologicheskogo muzeya o graffiti Berezani i Ol'vii [Data of the Archive of the Odessa Archaeological Museum on graffiti from Berezan and Olbia]. https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2022/02/15/yaylenko_v.p._2022_arhiv_oam.pdf.
- Yaylenko, V.P. 2022b: Zametki k svodam ol'viyskikh graffiti [Notes on the corpuses of Olbian graffiti]. In: A.P. Medvedev (ed.), *“Ot Kavkaza do Dunaya”: Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu. Sbornik nauchnykh trudov v chest' 70-letiya S.Yu. Monakhova* [*“From the Caucasus to the Danube”: The Northern Black Sea Region in Antiquity. Studies Presented to S.Yu. Monakhov on the Occasion of His 70th Birthday*]. Saratov, 447–495.
- Yaylenko, V.P. 2023: Paleografiya nadpisey ellinisticheskoy Ol'vii [Paleography of the inscriptions from Hellenistic Olbia]. *Arkheologicheskie vesti* [*Archaeological News*] 38 (forthcoming).
- Yaylenko, V.P. 2017: *Istoriya i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora VII v. do n.e. – VII v. n.e.* [*History and Epigraphy of Olbia, Chersonesus and Bosphorus of 7th century BC – 7th Century AD*]. Saint Petersburg.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

Zgusta, L. 1964: *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.

Zhebelev, S.A. 1953: *Severnoe Prichernomor'e* [*The North Black Sea Region*]. Moscow–Leningrad.

TEXT CRITICISM, PALEOGRAPHY, HISTORICAL PERSPECTIVE OF THE
NEW PUBLISHED LATE HELLENISTIC CURSE INSCRIPTION FROM
OLBIA PONTICA

Valery P. Yailenko

Independent Researcher, Moscow, Russia

valeryjailenko@gmail.com

In 2019, N.I. Nikolaev has published a new curse inscription found in Olbia. This is an opisthograph. The text is written retrograde on the reverse side of the lead plate, containing only a long list of personal names. In general, Nikolaev correctly read the completely preserved names (the scholar has 40 of them in total), but even he made many different kinds of mistakes. The author of this paper carefully analyzes the text of the inscription and establishes a real list of names and patronymics of 26 damned people. Nikolaev has dated the curse inscription to 357–347 BC, based on his hypothesis that the catalogue of names IOSPE I² 201 is a synchronous list of Olbian eponyms. The author of this paper criticizes this hypothesis as unfounded and shows that IOSPE I² 201 is a simple catalogue of citizens of the last quarter of the 3rd century BC. A detailed analysis of the paleography of the slander showed that it dates from approximately the same time, and both lists also have a prosopographic similarity. All the names of the slanderers are Greek, with the exception of Θατοῦς Νάγχιου, who is an Egyptian. Egypt was the granary of the entire Greek world during the Hellenistic period. Olbia imported bread from various foreign regions in the 3rd–2nd centuries BC, so the first attested presence of an Egyptian in the *polis* may be associated with the supply of bread from Egypt. This allows to suggest that the reason for compiling such a large curse was a competition between the two “companies” that supplied bread. In this regard, the author considers two other late Hellenistic spells from Olbia with a large number of names – 31 and 22; the reason for compiling the first one is the rivalry between two building artels for a large order from the city. In conclusion, the author summarizes his recent work on the chronological distribution of 26 Olbian curse inscriptions: 6 of the Classical period (520–325 BC), 20 Hellenistic, when Olbia suffered the crisis.

Keywords: Olbia Pontica, large curse inscription of the late 3rd century BC, text criticism, paleography, possible historical retrospective, chronology of Olbian curse inscriptions

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 163–196
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 163–196
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-163–196

ИЗНУТРИ ИЛИ СНАРУЖИ? (О «СТАТУСЕ» ПОСЕЛЕНИЯ НА МЫСЕ ЗЮК, МАЛЫХ ГОРОДАХ И «ВНУТРЕННЕЙ» КОЛОНИЗАЦИИ БОСПОРА)

А.А. Масленников

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: iscander48@mail.ru

ORCID: 000-001-8292-1572

На основании археологического и эпиграфического материалов автор делает предположение о полисном статусе городища на мысе Зюк в Крымском Приазовье и характеризует этот памятник как «застывшую» форму изначальной *апойки*. Затем, также с привлечением нового материала рассматривается начальная хронология большинства «малых» боспорских городов. При этом обращается внимание на корреляцию принятых в настоящее время датировок основных категорий массового археологического материала (амфор и столовой посуды) с учетом того, что амфорная тара имеет тенденцию к меньшим срокам бытования. В итоге можно выделить не менее четырех этапов (волн) местного колониационного процесса, которые более или менее синхронны известным нам историческим событиям в центрах метрополии в конце VII – начале V вв. до н.э., что уже давно предполагалось в основополагающих работах В.Д. Блаватского, Г.А. Кошеленко и В.Д. Кузнецова. Исходя из этого, а также конкретной ситуации в регионе Боспоре Киммерийского и демографических возможностей появившихся здесь греческих *апоикий*-полисов, делается вывод о невозможности в это время т.н. внутренней колонизации. Кроме того, еще раз обращается внимание на то, что процесс освоения эллинами пространств будущего боспорского государства протекал в его «азиатской» и европейской частях не одинаково. В первом случае, изначально он проходил в форме вывода большого числа маленьких *апоикий*, большинство из которых, главным образом, не на побережье, в дальнейшем по ряду причин не смогли перейти в следующую стадию – поселения городского типа.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, археология и письменные источники, эпоха колонизации, эмпории, апойки, малые города, сельские поселения, полисный статус, проблемы датирования, хронология, колонии и метрополии, «внутренняя» колонизация

Данные об авторе. Александр Александрович Масленников – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом полевых исследований ИА РАН.

*Разные книги мы в детстве читали...
Многие много о многом писали...*

Что до эпиграфа, то это о том, что всякий, кто ныне берется хоть за какое-то исследование, предполагающее некие обобщения, неизбежно «тонет» в соответствующей историографии. А как иначе! Как помнят мои коллеги старшего поколения, лет 35–50 тому назад всю требуемую информацию можно было получить из редких статей в немногих специальных журналах, столь же нечастых тематических (юбилейных) сборников, да еще более редких монографий маститых ученых или зарубежных изданий. Теперь таких источников множество, причем самого разного качества и объема. Всех мнений и высказываний порой и не учтешь... А потому – и себе «умных мыслей» осторожнее не приписывать. Поэтому будем стараться писать просто: «как всем известно», «есть мнение» или «общепринято». Ну, а вообще-то, статью автор хотел озаглавить: «Славная дата» и вот почему:

В истекшем году минуло 30 лет «со дня» выхода в свет в сборнике «Очерки археологии и истории Боспора» (Москва, 1992) основополагающей статьи Г.А. Кошеленко и В.Д. Кузнецова «Греческая колонизация Боспора»¹. Эта работа была и востребована, и достаточно высоко оценена, прежде всего, из-за подачи нового по тому времени археологического материала (напомним, тогда это было сделать совсем непросто). Но главное, конечно, – вступительная статья только что упомянутых авторов. Впоследствии они возвращались к этой же теме², но данная публикация была первой. В чем собственно суть. А в том, что, как помнит старшее поколение антиковедов, и, судя по печатным работам, названиям симпозиумов и конференций, а равно и содержание выступлений тогдашних мэтров, тема греческой колонизации Северного Причерноморья во второй половине прошлого века была весьма и весьма актуальной, а точнее – обсуждаемой, «звучавшей», «злободневной». Конечно, ее так или иначе затрагивали и в дальнейшем. Особенно те отечественные и украинские специалисты, которые имели дело с новым и ярко-информативным археологическим материалом, непосредственно касавшимся этого периода и исторического феномена. Не перечисляя их и его (материала), скажем только, что благодаря довольно масштабным раскопкам последних десятилетий на Боспоре это относится почти ко всем крупным и известным античным центрам, а также и некоторым местам на «периферии». Эта новая информация весьма существенно пополнила соответствующий «банк данных» и в немалой степени еще ждет своего опубликования и осмысления. Как своего рода промежуточный итог, все только что сказанное нашло отражение в основательной монографии А.А. Завойкина «Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов» (Симферополь–Керчь, 2013)³. Однако прежней, упомянутой выше активной дискуссионности на тему колонизации последние десятилетия не наблюдается. По всей видимости, выводы вышеозначенных авторов оказались столь убедительными, что «острые» поводы для ученых споров отпали сами собой. Иными словами: «все было поставлено на свои места». По крайней мере, на достаточно продолжительное время, которое

¹ Кошеленко, Кузнецов 1992.

² Koshelenko, Kuznetsov 1998.

³ Завойкин 2013.

еще вроде бы и не закончилось. Поэтому, вовсе не собираясь вновь «открывать дискуссию» (для этого у автора данной статьи нет ни авторитета, ни знаний, ни желания), хотелось бы обратиться только к немногим «частным», узко-хронологическим сюжетам. Они возникли как бы случайно, хотя ответы на поставленные в них вопросы в основном уже были даны во все той же статье 1992 г.

Дело в том, что, готовя выступление на круглом столе памяти Е.А. Молева (Санкт-Петербург, ноябрь 2022 г.), вся полевая деятельность которого, как известно, была связана с одним из т.н. малых городов Боспора – Китеем, автор невольно должен был отойти от более близкой ему «сельской» тематики. И предметом доклада стал давно им исследовавшийся и даже в целом изданный все в том же сборнике памятник – античное городище на мысе Зюк. Повторим основное содержание доклада, добавив изрядное количество прочих суждений.

Но вначале – несколько слов о терминологии и самом понятии: «античный город» и его археологические признаки. Именно «несколько», ибо каждый знает, как много здесь мнений, определений и т. п. и, тем более, как велик список соответствующей литературы, и, не дай Бог, кого-то из заслуженных коллег-исследователей ненароком обидеть невниманием. Ясное дело: речь идет о терминологии античной, греко-римской. Чтобы не усложнять текст, приведем эти термины в русском «написании», тем более что всем специалистам известны соответствующие «исходники». А она представлена в соответствующих письменных свидетельствах о Северном Причерноморье словом *полис* (иногда «производно-уменьшительный» от него – *полихнион*) и ни разу (!) – *астю*. Возможно, в отдельных случаях, как отражение неких временных реалий, – *кома*⁴. А также: *urbs* и *oppidum*, иногда *civitas* у латиноязычных авторов. Термины эти совсем не однозначные, что следует из знакомства даже с самыми простенькими словарями. Иное дело – их применение каждым античным автором, да еще в каждое конкретное время и в каждом конкретном регионе и случае. А они, как известно, бывали разными... Но, вообще, это отдельная тема соответствующих изысканий. Тем более, что достижения современной археологии дают для этого и повод, и основания.

Но случалось, и ниже тому пример, что источники наши приводят только названия (топонимы) неких населенных пунктов, не уточняя (исключение – Пантикапей и Фанагория) их социально-демографический, политический и иной статус и значение. Именно так обстоит дело и с наиболее знакомым мне районом Европейского Боспора – Крымским Приазовьем. Как известно, лишь Клавдий Птолемей (II в. н.э.) упомянул здесь три таких «объекта»: Парфений, Зенонов Херсонес и Гераклий (Ptol. III. 6. 4). Локализация второго – почти всегда и всеми, в силу его очевидной географической специфики (идеальный полуостров), признавалась безоговорочно: мыс (вернее, конечно, полуостров) Зюк (хотя не исключено, что в какие-то периоды, например: относительно недавно – в 1890 г. и ненадолго это мог быть и крохотный островок⁵). Итак, мыс Зюк – это ближайшие (с северо-востока) окрестности современного села Курортное, а до 1944 г. – Мама Русская. Площадь полуострова около 20 га, и он по-своему живописен и примечателен (правда, весьма выраженная особенно в последние десятилетия в его восточной части береговая абразия, а также старинное и новое кладбища, окопы ВОВ, следы

⁴ Кругликова 1966, 63–65; Завойкин 2022, 101–113.

⁵ Овсяченко и др. 2019, 135.

добычи камня, подступающие постройки села, появившийся недавно погранпост и... наши раскопы отчасти портят этот почти идиллический пейзаж). Кроме всего прочего, он является самой северной точкой всего здешнего Крымского побережья (и как Клавдий Птолемей «ухитрился» отразить это в своих координатах почти две тысячи лет назад?!). Правильнее, будет, конечно, сказать: как точны были неведомые нам его информаторы!) Античное городище, расположенное в северо-восточной части мыса, было известно с конца XIX в., а, может быть, и несколько ранее. Но, странным образом, хорошо знакомый «по долгу службы» (смотритель соляных приисков) с районом соседнего Чокракского соленого озера незабвенный Поль Дюбрюкс о нем не упомянул в своем знаменитом «Описании развалин и следов древних городов...». Некую рекогносцировку – осмотр полуострова и следов древнего поселения провел здесь в 1894–1895 гг. местный помещик, как сейчас, сказали бы: «дилетант от археологии» А.А. Дирин. Собранный им в том числе «из вторых рук» информация касалась в основном разобранного местными жителями участка основания крепостной стены и некоторых находок, впрочем, мало примечательных, да практически полностью разоренного ими же некрополя, располагавшегося вблизи мыса. В первом случае обращает на себя внимание высокое качество кладки из камней-квадров, скрепленных железными скобами, залитыми свинцом (пироны), а также неким розовым связующим раствором (последнее обстоятельство, впрочем, – весьма странное и необычное, в строительном деле Боспора: это ведь не винодельня, было подтверждено нашими раскопками, а вот квадров – увы... Кроме одного, уцелевшего случайно и явно не *in situ*, нам ничего «не досталось»⁶). Ширина прохода в стене, попавшего в «раскоп» местных поселян, составляла два с небольшим метра (сажень). Ими же были откопаны нижние части деревянных брусев, к которым, видимо, крепились створки ворот. Во втором – примечательно упоминание надписей на плитах перекрытия некоторых могил (не относятся ли к их числу два надгробия с эпитафиями из лапидария Керченского музея?). Сведения эти, до обидного сбивчивые и короткие, А.А. Дирин поместил в статье с весьма претенциозным названием «Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки»⁷. Собственных раскопов на городище как будто бы он не проводил, хотя отметил, что при глубине «грабительских шурфов» не более двух аршин (чуть менее полутора метров) шансы на обнаружение сколь-либо презентабельных развалин здесь все же сохранялись⁸. Результаты этих изысканий, по-видимому, его не вдохновили, и продолжения их не последовало. Несколько эпиграфических находок (КБН 808–900) тоже как-то в дальнейшем не возбудили к этому городищу особого интереса у полевиков-боспороведов. Правда, по слухам, на мысу бывали и В.Ф. Гайдукевич (вместе с Е.Г. Кастанаян и Н.Л. Грач), и И.Т. Кругликова, и Б.Г. Петерс. Впервые оказавшись тут в 1977 г., я был поражен мощностью культурных напластований (местами до 6–8 м) и обилию находок при в общем-то очень небольшой (приблизительно 0.6–0.8 га) площади самого памятника. Тогда еще отчетливо смотрелся древний вал и ров длиной около 70 м, отделявший городище в упомянутой части мыса с запада. Результаты последовавших (1978–1984 гг.) (на площади почти в 3000 м²) раскопок, как уже писалось, в целом

⁶ Масленников 1992, 163.

⁷ Дирин 1896, 121–124.

⁸ Дирин 1986, 121.

были опубликованы⁹. В данном случае важно и интересно другое: а что именно это было за поселение? Не по названию-антропониму (скорее всего, в честь некоего ойкиста, с довольно редким для Боспора именем – Зенон), а по своему «статусу» (сельское поселение, город, городок – *полис*, *полихнийон*, *кома*). Казалось бы, все ясно: перед нами одно из сельских прибрежных поселений этой части Боспора, которых в настоящее время известно довольно много. Но так ли это? Наверное, сомневалась в этом уже И.Т. Кругликова, не внося данный пункт в свой известный каталог сельских поселений¹⁰. Прежде чем перейти к рассуждениям на эту тему, еще раз вернемся к выше отмеченной особенности упоминания о нем Клавдия Птолемея. Отец географии странным образом не пояснил, что это был, собственно, за населенный пункт: полис или что-то другое. И это при том, что перед данным «пассажем» и далее (в отношении восточного побережья Меотиды, Черноморско-Азовского побережья Крыма, Таманского п-ова и даже Таврической «глубинки») он несколько раз употребляет именно этот термин применительно к поселенческим объектам, в том числе с явно варварскими наименованиями, да и сомнительно, чтобы греко-римскими по населению и местоположению. По всей видимости, статус, этнокультурное и экономическое «содержание» всех упомянутых здешних поселений для него, вернее – его информаторов, вовсе не имели значения, как, впрочем, и выбор терминов.

Общепринято, что доиндустриальный город, в том числе и античный – это: то-то и то-то, а главное – центр ремесла и торговли. Добавим, что город как исторический феномен – это форма человеческого общежития, помимо всего прочего, еще и наиболее оптимальная в плане сбора, хранения и передачи информации. А информационное «поле», как полагают некоторые философы и физики-теоретики, например проф. М. Вонсон из Портсмутского Университета, вообще – одна из форм существования материи. А еще, особенно после работ Г.А. Кошеленко¹¹, что не каждый город – полис и наоборот. Ну, и что же наш Зенонов Херсонес? Полис, город или что? К счастью, весьма солидная археологическая и отчасти эпиграфическая «составляющие», позволяют хотя бы порассуждать на эту тему. Итак, и, прежде всего, это очень удачное во многих отношениях местоположение – великолепный ориентир для любого мореплавателя и не менее великолепный обзор всего побережья с вершин мыса! Бухты с востока и запада (здесь есть даже остатки очевидно древнего мола) полуострова – прекрасная возможность укрыться от любых штормов, особенно при наиболее сильных в Приазовье, господствующих северо-восточных ветрах. Так что, мимо этого полуострова, наверняка, не могли пройти и/или проплыть, не заметив его преимуществ, не только эллины (точнее – боспорские греки) но и иное, неведомое нам еще более древнее население, по крайней мере, эпохи средней и поздней бронзы¹². Поэтому появление на нем античного, причем самого раннего и, подчеркнем, долговременного (см. ниже) во всем Крымском Приазовье поселения было «гарантировано» всеми канонами эпохи колонизации (мыс, гавань, земля для наделов, см.: Хен. *Anab.* VI. 4. 3–6). Итоги раскопок позволяют уверенно судить не только о стратиграфии, хроноло-

⁹ Масленников 1992, 120–173.

¹⁰ Кругликова 1975, 256–277.

¹¹ Кошеленко 1980, 3 – 28; 1983, 220–224.

¹² Масленников 1992, 125–127; Дановский 2005, 159–170.

гии, изменениях общей и «частной» планировки, уровне строительного дела, фортификации, элементах благоустройства, но и, хотя бы отчасти, – жизни, быте и этнокультуре его обитателей. Есть наблюдения и относительно палеогеологии, а также древней и современной сейсмологии района мыса¹³.

Так что же это было? Просто рядовое сельское прибрежное поселение или все-таки городок, да еще в статусе полиса? Несмотря на размеры – весьма скромные даже по местным понятиям, данный объект заметно отличается (автор пишет это, опять-таки, со знанием дела) от всех соседних античных населенных пунктов. Археологически это выразилось скорее в «городских», нежели «сельских» особенностях оборонительных сооружений, относительно правильной общей планировке застройки, значительно более насыщенном разнообразными находками, местами весьма мощном культурном слое, аккуратно вымощенных нешироких, но более или менее прямых улочках, на которые выходили фасады помещений – домов, вход в которые был «оформлен» специально обработанными (под установку створок дверей) порожными камнями. Обращает на себя внимание достаточно просторное (10 x 7.2 м), тщательно вымощенное большими и очень большими плитами прямоугольное пространство (общественная площадь?) вблизи въезда на городище. Под ней проходил «городской» водосток, включавший в себя помимо высеченных в скале ям-коллекторов и закрытых желобов – траншей, сложенный из довольно солидных плит, прямоугольный в сечении «выход» – своего рода подземный лаз¹⁴. Не исключено, имелся и маяк или некое сооружение с дозорно-навигационными функциями, помещавшееся на вершине скального массива, возвышавшегося на северо-восточной оконечности мыса, а также подземный ход (есть местная «легенда» и археологические примеры некоторых других боспорских городищ), ведущий на берег под поселением. Несколько весьма глубоких и вместительных (коллективных?) ям-зернохранилищ, остатки также, возможно, общественных, по меньшей мере, трех виноделен, очень вероятное наличие одного-двух святилищ – тоже не «противоречат» высокому поселенческому «рангу» этого памятника. Довольно просторное граффито (известное как «граффито Зенонитов»)¹⁵ может рассматриваться (наряду с прочими, которых немало) не только, как свидетельство грамотности хотя бы части жителей (а их тут было совсем немного – вряд ли более 100 человек даже в «лучшие» годы), но и, судя по содержанию, наличия некоего религиозного (?) сообщества (известно 10 мужских имен). Может быть, в нем, исходя из суммы некоего взноса, содержался намек на размеры земельных владений его членов. Датировка этого документа – предположительно рубеж V–IV вв. до н.э., а интерпретация допускает и вариант с некоей «расписной» кредитно-денежной содержанием.

Но особо отметим, крайне редкие для такой боспорской «глубинки» эпиграфические находки: девять фрагментов надписей¹⁶. И это при том, что как на соседних, так и отдаленных разновременных античных поселениях (Полянка,

¹³ Овсяченко и др. 2019, 133–152.

¹⁴ Масленников 1982, 120–173.

¹⁵ Блаватская, Розов 1985, 115 сл.; Сапрыкин, Масленников 2007, 132–135.

¹⁶ Напомним, что, кроме мыса Зюк, со всего Крымского Приазовья происходят лишь три такого рода артефакта: известная строительная надпись из района села Осовины (Парфений?) и два крохотных обломка неясного содержания со святилища близ городища Полянка и крепости у с. Ново-Отрадное. См. КБН 897; Сапрыкин 2011, 264–266.

Генеральское-западное, Бакланья скала, Сююрташ, Белинское, Артезиан, Семёновское) к настоящему времени раскопаны весьма и весьма значительные площади, превышающие те, что исследованы на мысе Зюк. Но вернемся к надписям. За исключением двух эпитафий (КБН 899–900) – это как будто бы (обломки двух-трех – слишком малы и неинформативны, чтобы трактовать их уверенно) части списков фиасотов II–III вв. н.э.¹⁷ А это, согласитесь, весьма примечательно. Ведь, как совершенно справедливо пишет признанный специалист в области боспорских фиасов и иных частных сообществ Н.В. Завойкина: «Частные сообщества – это явление сугубо городской, полисной жизни и в сельских поселениях они практически неизвестны»¹⁸. По ее подсчетам на начало второго десятилетия текущего века были известны надписи членов фиасов I–III вв. н.э. из 8 боспорских городов.¹⁹ Причем из таких достаточно исследованных и крупных по местным понятиям как Мирмекий, Китей, Киммерик, Патрей, Илурад(?), Киммерий(?) их происходит всего по одной-две, а из Тиритаки, Феодосии(!?), Акры, Кеп – и вовсе ни одной! Само наличие таких частных сообществ являлось одним из очевидных признаков существования гражданской общины типа «полиса», причем, на стадии его кризиса, вернее – позднем этапе бытования²⁰. Исходя из выше предположенной демографической характеристики Зенонова Херсонеса, можно допустить (полного текста ни одного списка фиасотов не сохранилось), что членами такого (таких?) религиозно-корпоративного союза (союзов?) фактически являлись все главы проживавших в нем семей или даже вообще все взрослые мужчины (человек 10–20). Для более раннего времени никаких прямых данных о наличии здесь некоей гражданской общины у нас нет. Да и для других, даже признанных центров Боспора такая информация крайне ограничена, если не отсутствует вовсе. Но разве это повод, чтобы утверждать обратное? Разве не общепризнано, что древние греки классического, да и эллинистического периодов в идеале и не мыслили себе иного образа коллективного проживания свободных, взаимно-организованных (выборные магистратуры управления и контроля) людей, кроме как в форме полиса?! (Arist. Pol. III. 4. 4). В полной мере это относилось и к организации их жизни на новых местах. (Вспомним хотя бы в этой связи о восстании греков-ветеранов в Бактрии и Согдиане во время похода Александра Великого именно из-за невозможности организовать свою общественную жизнь по привычному им «укладу бытия» – полисному самоуправлению²¹). Могут возразить: что это все было давно, относительно упомянутых надписей. Верно, но ведь раньше-то: «и смета-на была гуще, и сахар слаще...». То есть, традиционные уклады и обычаи были встарь даже более живучи и крепки. Так, что в первые века существования нашего «городка» на полуострове (как, впрочем, и многих, если не большинства других на Боспоре) его полисный статус был, по-видимому, «очевиднее». Впоследствии, особенно в римское время, общественное «звучание» полисных традиций, как известно, все больше уступало место частным интересам и, соответственно, иным формам сообществ.

¹⁷ КБН 898; Сапрыкин, Масленников 1999, 193–202; Сапрыкин 2022, 259–281.

¹⁸ Завойкина 2013, 129.

¹⁹ Завойкина 2013, 10, рис. 2.

²⁰ Завойкина 2013, 6–7, 129–130, 200–216.

²¹ Кошеленко 1979, 181–221.

Итак, значит – полис? А почему бы и нет. Вообще говоря, любое совместное (тем более компактное, на ограниченной укреплённой площади) проживание нескольких (судя по приблизительному числу одновременно существовавших домов-помещений, таковых могло, как только что писалось, быть немногим более десятка) семей-соседей, любой, по чьей-то воле или какими-то обстоятельствами созданный коллектив обязательно требует некоей организационно-контрольной структуры, наделённой сакральными, военными, хозяйственными и политическими функциями. Ну, чем ни полис – гражданская община!? Не хватает лишь главного. Классический полис, как известно, это ещё и сочетание частной и общественной собственности на землю. Не исключение – и древнегреческие «колонии». А как иначе? Ведь они – эти эмигранты, как совершенно справедливо утверждали авторы «честуемой» статьи, отправлялись в силу разных причин «за моря», в первую очередь, чтобы просто жить. Никакой специальной торговой или аграрной колонизации не было²². Жить, по возможности максимально обеспечивая себя всем необходимым, занимаясь при этом всем, чем надо, выгодно или удобно. Естественно, земледелием – в первую очередь. Но здесь наша доказательная база практически отсутствует. Ни соответствующих документов (упомянутое граффито Зенонитов, напомним, все-таки весьма противоречивый источник), ни усадеб на клерах, ни самих следов этих наделов в ближних и дальних окрестностях мыса Зюк нам пока не известно. Впрочем, аналогичную ситуацию можно констатировать и в отношении даже самых «однозначных» боспорских городов-полисов. «Картина» эта, да и то лишь, главным образом, для IV–II вв. до н.э. и то не повсеместно, стала постепенно наполняться археологическим «содержанием» только в самое последнее время благодаря масштабным раскопкам на пространствах предполагаемой хоры больших городов (Пантикапей, Горгиппия, в меньшей степени – Фанагория, Нимфей и Феодосия). К тому же, опять-таки, как известно, усадьбы и размежевка клеров в их классическом виде (для северопонтийского региона это ближняя хора Херсонеса) – признак хозяйств, ориентированных в основном на виноградарство и виноделие. А соответствующие природные условия и, не исключено, иные факторы предполагали на Боспоре другие «приоритеты». Но именно приоритеты (виноделием вообще здесь занимались, да ещё как занимались!²³) которые, по всей видимости, не оставались неизменными. Но вернёмся к нашей теме.

Могут возразить: «Для наличия городского и полисного статуса не хватает собственной монеты». Но уж слишком мал этот населённый пункт; и зачем ему «такие хлопоты»? Хватит и иногороднего (пантикапейского) чекана. Главное, все-таки, – другое. Полис, в понимании, тех, кто «в нём» жил, а равно и современных исследователей – это, говоря словами первых – и бесконечное число раз повторяемых вторыми: «...люди, а не стены, и не корабли...», точнее – коллектив граждан (Hdt. VIII. 61; Thuc. VII. 77. 7; Arist. *Pol.* I. 1. 1. 1252a).

Что же касается городского «ранга» здешнего поселения, то, как выше уже писалось, античный город – прежде всего – центр (пусть даже и узколокальный и небольшой) ремесла и торговли. Наш крохотный населённый пункт по первому из этих показателей вряд ли «дотягивает», но по второму – не исключено. Уж очень,

²² Кошеленко, Кузнецов 1992, 13.

²³ Винокуров 2007.

повторим, удобное место. Вообще же археологические признаки города в отличие от полисного статуса – задача с еще большим числом очевидных и неочевидных вопросов, фактов и наблюдений. Добавим в данном случае, кроме вышеупомянутых, еще несколько.

Во-первых, хронология. Как правило, хотя исторические коллизии, как известно, бывают разными, поселения городского типа – самые долговременные. Это в силу ряда причин (см. выше) не случайно и в полной мере относится и к Боспорскому государству. Я не знаю местных, в особенности Приазовских т. н. сельских поселений (а их множество) разного типа, которые бы просуществовали столь же долго и непрерывно, как на мысе Зюк. Самая «общая» датировка его: несколько позже рубежа VI–V вв. до н.э. (см. ниже) – вторая/третья четверти VI в. н.э.²⁴ Все прочие, в том числе, куда большие по площади (Генеральское-западное, Манитра, Артезиан, Белинское, Семеновское, Сююрташ и даже Илурат) не «пробытовали» и половины этого срока.

Во-вторых, и это не менее примечательно: само наименование городища на мысе Зюк. Казалось бы: что в нем и в этом особенного? Да, мы не знаем самоназваний подавляющего большинства местных населенных пунктов²⁵. Но в данном случае, благодаря «Географии» Птолемея нам повезло. Однако обращает на себя внимание другое – персонифицированность этого наименования. На Боспоре, как все знают, таковых всего-то: Фанагория, Гермонасса, Горгиппия и, кажется, Савроматий (КБН 970). Почти все это – солидные (по местным «меркам») города, получившие свои имена от ойкистов или их близких, либо – членов правившей династии и даже самих царей. Два первых названия, скорее всего, связаны с разными этапами «первичной» (классической) колонизации части боспорского региона. Остальные – с разными периодами, так сказать, внутренней (см. ниже). Специально занимавшийся данным вопросом И.Е. Суриков отмечает, что за редчайшим исключением традиция именовать новый населенный пункт в честь его основателя не фиксируется у греков ранее IV в. до н.э.²⁶ Боспор тут – вроде бы как некоторое исключение. И Зенонов Херсонес – в их числе! Правда, мы не знаем: всегда ли поселение на этом мысу называлось именно так, то есть, был ли некий Зенон его ойкистом или же... И тут возможны всякие «варианты». Напомним, данное имя появляется в боспорской просопографии с конца IV в. до н.э., но более характерно для первых веков н.э.²⁷ Так или иначе, но это тоже признак скорее города, вернее, апойкии, нежели рядового сельского поселения. Полисный же статус от имени основателя населенного пункта напрямую не зависел.

И все-таки, как же быть с «нашим» поселением? Уж очень оно маленькое даже по боспорским реалиям. Причем, судя по материалам раскопок, площадь его почти не менялась за все время существования, оставаясь фактически в границах ранней апойкии, хотя, наверняка, были тут и времена процветания, и наоборот... А ведь, повторим вновь: сам – то полуостров так удобен! И, тем не менее, он даже

²⁴ Масленников 1992, 141, 167.

²⁵ А их, особенно сельских и относительно недолговечных, за тысячелетнюю историю Боспора было сотни. И каждое, разве что за исключением сторожевых пунктов-башен, да и то..., ведь непременно когда-то, как-то называлось.

²⁶ Суриков 2022, 160–161.

²⁷ КБН 116; с. 114 и 869.

далеко не весь был «освоен» (из 25 десятин общей площади в конце XIX в.), равной примерно такому же числу гектаров, само городище в пределах вала занимало вместе со склонами, скалами и иными «неудобьями» не более 1.5 га. В настоящее время эти цифры, вследствие упомянутой береговой абразии, еще меньше). Мыс не был даже укреплен (перегорожен) в своей самой «выгодной», узкой части – у основания. Нет следов укреплений или иных строений и на господствующей высоте – большом холме, занимающем его центральную часть. Правда всю его – мыса поверхность нельзя назвать ровной, но и совершенно непригодной для застройки – тоже. Повторим, на ней почти нет следов культурного слоя или некрополя (последний помещался, судя по информации Дирина и нашим изысканиям, уже за пределами мыса, подчас, довольно далеко). Что же помешало этому поселению расширяться, так сказать, естественным образом? Думается, причин было три. Первая – отсутствие источников пресной воды²⁸. Рядом с мысом нет значительных по площади, удобных и достаточно плодородных земельных угодий. Почвы сейчас, да и, скорее всего, в прошлом на сопредельных (в несколько километрах) пространствах сильно засоленцованны и никак не возделываются. Это – во-вторых. Селяне до относительно недавнего времени занимались здесь в основном рыбным промыслом и отчасти скотоводством (нынешний «курортный бизнес» – сродни в некотором роде древней торговле: сезонный и малонадежный). Впрочем, как отмечалось выше, виноделье и хлебопашество древние обитатели городка на мысу все-таки практиковали. И, наконец: весь мыс не был освоен ни в средневековье, ни в новейшее время (исключая разве что упомянутые кладбища) еще и по причине сильнейших, особенно осенне-зимних, северо-восточных ветров, от которых, по опыту знаю, на нем почти вовсе негде укрыться кроме, и то отчасти, собственно территории городища. Вероятно, были и иные причины того, что эта апойкия так не доросла до настоящего города.

И такой «сюжет» тоже предусмотрели авторы неоднократно вспоминаемой статьи. Читаем: «...первые апойкии..., как правило, основывались на островах или полуостровах в целях безопасности...»²⁹. В дальнейшем, освоившись, первопоселенцы или их ближайшие потомки и/или новые партии «колонистов» переселялись на более отвечающие их возросшим потребностям места, а на старых – оставались лишь те, кто по каким-то причинам предпочли не менять места и образа жизни³⁰. Таковых могло оказаться совсем немного. Может быть, именно так обстояло дело с поселением-апойкией на мысе Зюк. Второй стадии развития в силу приведенных только что обстоятельств – здесь и вовсе не последовало. Как знать: не обосновались ли на мысу изначально вообще лишь несколько семей во главе с неким «ойкистом-архонтом» Зеноном, впоследствии намеренно не допускающая сколь-либо значительного роста своей маленькой общины – полиса. Причем такая ситуация не менялась столетиями. Что ж, это вполне в духе совета Гесиода: иметь одного сына – наследника.

²⁸ Ближайший – и не лучшего качества, в настоящее время имеется в восточной части пересыпи Чокракского озера и моря, примерно в 2 км от мыса. Вся питьевая вода в с. Куротное до сих пор привозная.

²⁹ Кошеленко, Кузнецов 1992, 9.

³⁰ Кошеленко, Кузнецов 1992, 10.

Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится
В целости отческий дом и умножится всяким богатством.
Пусть он умрет стариком – и опять одного лишь оставит.
(Гесиод. Труды и дни, 376–379. Пер. В.В. Вересаева)

Данное замечание, каким бы чисто дидактическим оно ни было, все-таки требует учета при всякого рода демографических «построениях». Разумеется, совет Гесиода имел смысл в условиях ограниченности ресурсов, прежде всего, земель в метрополии (иначе не было бы и самой колонизации), да и то не везде. В ничем и/или никем не «стесненных» условиях «колоний» он, напротив, мог «работать» против благополучия их населения. По крайней мере, изначально, да еще с учетом наверняка высокой детской и не только смертности вследствие адаптации к новым и не всегда благоприятным условиям жизни. Но в дальнейшем он вполне мог «заработать». Так что мнение об относительной многочисленности средне-статистической семьи боспорского горожанина и/или поселянина (что ни одно и то же) вряд ли «имело место быть». Впрочем, реалии, как всегда, наверняка были «разнообразнее».

Итак, думается: городок (апойкия-полихнийон) на мысе (полуострове) Зюк – это, община-полис Зенонитов. Или...? Или это изначально была часть пантикапейской общины, как полагают наши уважаемые коллеги А.А. Завойкин, С.Ю. Сапрыкин и, вероятно, другие. Ведь не будем забывать, что боспорский город и боспорский полис в силу ряда причин (внешняя угроза, наличие уже с довольно раннего времени авторитарной централизующей власти сильнейшего из них – Пантикапея и, как следствие, – подчиненное положение остальных, а, возможно, и вообще проводимая как бы «сверху» внутренняя колонизация – см. ниже), наверняка, имели свою специфику. Что же касается прочих населенных пунктов на хоре Боспора (частные и «царские» усадьбы, сторожевые пункты, варварские деревни, поселения – крепости со смешанным населением), то формы самоорганизации их жителей были, скорее всего, иными и не предполагали полисного статуса, так сказать, по определению. Ими руководили «со стороны», «сверху».

Здесь бы автору и поставить точку, но... После всего сказанного встает вопрос об этой самой «вторичной», а точнее – внутренней колонизации. Была ли она или мы имеем дело с несколькими этапами все того же классического феномена. Иными словами: о хронологии, причинах появления и статусе так называемых малых боспорских городов. Разумеется, само деление поселений с городским и/или полисным статусом на «большие» и «малые» достаточно условное, не общепринятое и не всегда однозначное.³¹ Появившись еще как бы на «заре» отечественного полевого и, так сказать, городского антиковедения, оно опиралось почти исключительно на данные о площади того или иного памятника и его более или менее уверенном соотношении с названием, известным по письменным источникам. Прежде ведь, как известно, в число «малых» включали Мирмекий с Тиритаккой и, пожалуй, Нимфей, Кепы и Патрей. Теперь от этого фактически отказались. Зато к их числу вроде бы единодушно относят Порфмий и т.н. Парфений (в одном из вариантов его локализации), а также Гермесий, Зифирий, Казеку, Гераклий,

³¹ Из относительно недавних работ на эту тему см.: Завойкин 2009, 176–205.

Ахиллион, Корокандаму, Стратоклею, Тирамбу, Апатур, Торик, Баты, Абораку да и постоянно ускользающие от археологов Киммерий и Киммерик, сама локализация которых спорна или вовсе неизвестна. Есть, наконец, еще проблема статуса Лабриса (Семибратнее городище) и несколько названий местных «городов», упомянутых Птолемеем, с которыми вообще все загадочно. Зато с некоторыми (Китей, предполагаемая Акра и все тот же Зенонов Херсонес), напротив, благодаря интенсивным исследованиям последних десятилетий, многое, в том числе относительно их площади и археологической характеристики «прояснилось». Но нас, в данном случае, интересуют только вопросы хронологии, а точнее – времени их основания. Об обстоятельствах же одного мы можем только делать предположения, да и то совсем робкие.

Начнем с Китея, самого, как все знают, «опубликованного» на сегодняшний день боспорского города. Вообще говоря, когда речь заходит об этом действительно очень интересном памятнике, кажется, никто не обращает внимания на его самое невыгодное во всех отношениях местоположение. Тот, кто бывал на этом городище и знаком с тамошним ландшафтом и особенно характером черноморского побережья, а равно (для сравнения) и другими прибрежными античными археологическими объектами всего Керченского полуострова, не мог не отметить, что более... неподходящего места для поселения просто не подобрать. Действительно: берег высок, обрывист и очень сильно подвержен абразии; бухты, залива или мыса нет; нет и хоть сколь-либо примечательной возвышенности/скального массива для цитадели или маяка; нет вообще никаких (овраги, русла рек) естественных преград/укреплений; нет, наконец, и источников пресной воды, включая водоносные горизонты (ни одного колодца не раскопано до сих пор). Кроме того, место это открыто всем ветрам. Пожалуй, только более или менее плодородные земли вокруг «перекрывают» все эти недостатки. Могут возразить: так все обстоит сейчас, а вот в древности... Вряд ли, однако, и тогда ситуация со всем этим была кардинально иной, а главное – радикально благоприятной (или же мы вообще ничего не понимаем в палеогеографии?). И, тем не менее, место для поселения было выбрано именно тут! Загадка. Но оставим ее «разгадку» специалистам соответствующего профиля, а сами перейдем к материалам почти полувековых раскопок.

Поскольку нам важно определиться с датой основания Китея, обратимся к самым ранним находкам вначале с территории городища. Но перед этим полагаем сделать следующее «отступление», касательно археологической хронологии. Естественно, первостепенную роль первоисточника в этом случае играет столовая посуда и амфорная тара. И та и другая, особенно амфоры, – массовый материал. Все остальные артефакты куда менее информативны, если только это не эксклюзивные предметы (конечно, «каждая вещь имеет свою судьбу», а особенная – «особенную», но...). Кроме того, надо учитывать, что те или иные определения/датировки время от времени уточняются или меняются. А главное – хоть как-то считаться с тем, что время изготовления и срок бытования (использования) – «две большие разницы». Общепринято, что тара в целом имеет более узкую датировку ввиду своей относительной недолговечности, как таковой. Предельная «узость»

ее в настоящее время «равняется», как известно, четверти века.³² По мнению С.Ю. Внукова, средний срок использования амфор, как винной тары, при всех возможных или допустимых оговорках и обстоятельствах, составлял приблизительно в 5–7 лет, а при повторном употреблении – лет 15–20³³. Столовая же, в том числе расписная керамика (некоторые «виды» которой могут датироваться даже более точно, нежели амфоры) в силу разных житейско-бытовых причин и поводов, опять-таки в целом, могла оставаться «в ходу» дольше (вспомним о пресловутом «бабушкином сервизе» и не только). Насколько именно – сказать сложно. Наконец, последнее предварительное замечание: никто не отменял при всякого рода определениях «субъективного» фактора. Что мы имеем в виду? А то, что по идее, «освидетельствование» всего соответствующего материала «в натуре» хорошо было бы провести специалистам «...удостоенным доверенности товарищей...». Ну, скажем: А.В. Буйских и С.Ю. Монахову. Да только как это сделать?

Итак, согласно Е.А. Молеву, за первые 25 лет раскопок: «Наиболее ранние находки амфор... датируются второй четвертью – серединой V в. до н.э.»³⁴. По результатам работ в начале нового тысячелетия мнение его в принципе не изменилось³⁵. Лишь один фрагмент ножки (подсчет и определения велись в основном по ним) (Хиос IIIA) можно датировать рубежом VI–V вв. до н.э. Все прочие ножки амфор примерно одинаково распределяются по четвертях все того же века, но, только начиная со второй³⁶.

Расписная керамика. Это около двух десятков фрагментов т.н. восточно-греческой (северо-ионийской) посуды. Общая датировка: вторая половина, конец VI – начало V вв. до н.э. или даже несколько позднее (по слою обнаружения)³⁷. Сам Е.А. Молев предполагал, что она происходила из некоего греческого поселения, предшествовавшего собственно Китею или принадлежала его первопоселенцам в самом начале V в. до н.э.³⁸. Находок чернофигурной керамики – даже меньше, что вряд ли случайность. Уверенно датируемые обломки таких сосудов (круг мастера Хаймона) относятся к первой четверти V в. до н.э. или, как сейчас принято: 495–475 гг. до н.э.³⁹. Значительно больше фрагментов краснофигурной посуды. Те, что поддаются датировке, принадлежат в основном второй четверти IV в. до н.э. и позже.⁴⁰ Тем же временем и последующим периодом – до конца первой трети следующего века датируются куда более многочисленные обломки «простой» чернолаковой посуды.⁴¹ Слоя или отдельных закрытых комплексов VI – начала V вв. до н.э. на городище не выявлено.

Таким образом, налицо предположенное выше некоторое «несоответствие», несинхронность (длиной примерно в одну четверть/треть века) датировок раннего

³² Из последних суждений относительно современных возможностей археологического датирования на основании амфор и расписной посуды сошлемся: Кузнецов 2022, 148.

³³ Внуков 2015, 161–169.

³⁴ Молев 2010, 133.

³⁵ Молев 2022, 148.

³⁶ Молев 2022, 154–155, табл. 8.

³⁷ Молев 2016, 240–247; 2022, 286–289.

³⁸ Молев 2016, 241; 2022, 287.

³⁹ Молев 2016, 241; 2022, 287.

⁴⁰ Молев 2016, 249–267; 2022, 290–291.

⁴¹ Молев 2016, 279–309; 2022, 292 сл.

импорта в Китей амфорной тары и столовой посуды. Объяснение этому уже предлагалось, хотя и кажется нам не вполне убедительным (перво-, а точнее «предпоселенцы», что вовсе не пользовались амфорной тарой?) Скорее причина, как только что писалось, в относительно более долгом бытовании части (ранней) расписной керамики. В данном (и не только) случае, это может объясняться еще и тем, что она помимо чисто утилитарных (скорее всего, как бы впоследствии, в том числе и не вполне пригодная к бытовому употреблению) служила еще и сакральным функциям: в качестве приношений в святилища или инвентаря погребений и тризн (см. ниже)). Это, кстати, вполне подтверждается особенностью местонахождения большинства таких обломков: китейский зольник при некоем городском святилище, появившемся, вероятнее всего, не сразу, то есть, не в момент основания городка. Как долго они оставались там – совершенно неизвестно. Но вряд ли очень продолжительно: ведь время от времени принято было «избавляться от старья», в результате чего собственно и появился упомянутый зольный холм – главная археологическая достопримечательность Китея. Но вернемся к хронологии. Сам Е.А. Молев, видимо, руководствуясь теми же предположениями, осторожно писал о первой половине V в. до н.э., как дате основания городка⁴².

Некрополь Китея также предоставляет некоторый материал по рассматриваемому поводу. Здесь на сегодняшний день по информации В.А. Хршановского было раскопано более трехсот пятидесяти различных погребальных объектов и комплексов (могилы, склепы, остатки тризн и т.п.). Но лишь пять-шесть из них отнесены им к V в. до н.э. Рассмотрим их подробнее. В одной грунтовой могиле без перекрытия в ногах погребенного стояла протофасосская амфора⁴³. Согласно И.Б. Зеест⁴⁴, эта тара выпускалась на протяжении почти всего V в. до н.э., а самые ранние экземпляры, возможно, относились еще к концу предшествовавшего столетия. Странным образом, именно эта амфора не вошла в каталог С.Ю. Монахова и его коллег (2016). Но, вообще, по мнению этого же автора, фасосские амфоры конического-биконического типа (а рассматриваемый экземпляр именно такой) датируются по большей части второй половиной V в. до н.э.⁴⁵ Амфоры же «круга Фасоса» аналогичной морфологии (с цилиндрическим горлом) вообще «опускаются» в конец V в. до н.э.⁴⁶

Следующая грунтовая могила без перекрытия содержала остатки тризны над погребением и железный гвоздь⁴⁷. На основании чего авторами данной публикации была установлена дата V в. до н.э., то есть, что находилось в тризне, не сообщалось. Третья аналогичная могила также была безинвентарной, но рядом расчищено конское захоронение, у черепа которого сохранились остатки железных удилов и железный же наконечник копья.⁴⁸ Широкая датировка самого погребения (женского?) V в. до н.э. сделана только на основании этих находок.⁴⁹ А вот еще одна аналогичная могила без перекрытия благодаря фасосской амфоре и разва-

⁴² Молев 2022, 287.

⁴³ Молев, Шестаков 1991, 61, рис. 6, 1.

⁴⁴ Зеест 1960, 80. Табл. V, 156.

⁴⁵ Монахов 2003, 76.

⁴⁶ Монахов 2003, 79–83.

⁴⁷ Молев, Шестаков 1991, 89.

⁴⁸ Молев, Шестаков 1991, 90.

⁴⁹ Молев 2010, 102.

лу чернолакового килика определенно относилась ко времени не ранее третьей четверти V в. до н.э.⁵⁰ В разоренной каменной подкурганной гробнице довольно далеко от городища среди прочих керамических обломков присутствовали – хисосских амфор и дно чернолакового килика второй–третьей четвертей V в. до н.э.⁵¹ Наконец, упомянем «явно асинхронные» соответствующему (прочему) археологическому контексту (перемещенный грунт с разновременными находками) фрагменты чернофигурного кратера последней четверти VI в. до н.э., скорее всего, «вторично» использованного в тризне или иным способом.⁵²

Таким образом, в китейском некрополе пока уверенно не выявлено погребений ранее второй четверти V в. до н.э. В реальности же эти захоронения могли быть совершены и еще позже. Итак, материалы раскопок однозначно не демонстрирует дату основания Китея ранее только что указанного времени.

Наш следующий объект рассмотрения и пример «малого» города – Акра. С данным памятником принято в настоящее время связывать практически затопленное водами Керченского пролива городище близ села Заветное в юго-восточной части Керченского полуострова. Свою известность в последние годы оно получило благодаря результативным подводным исследованиям⁵³. Напомним основные характеристики этого объекта. Топографически это и сейчас весьма примечательное место: узкая пересыпь между мелководным соленым озером и гораздо большее по площади пространство под водой непосредственно к востоку от него. Уровень пролива поднялся здесь по отношению ко времени бытования городка не менее чем на 3–4 м (о прочих особенностях палеогеографии, истории исследований, планировке, строительных остатках и находках на поселении читатель может осведомиться в следующих основных публикациях⁵⁴). Заметим, впрочем, далеко не первыми, что само название этого городка предполагает некую возвышенность. Между тем, как собственно городище расположено в низине. Довольно значительный и высокий прибрежный «холм», вернее участок берега, возвышается почти сразу к югу, но на нем или его склонах нет следов культурного слоя. Так, что локализация этого античного населенного пункта все же не вполне очевидна. Но не в этом в данном случае суть.

Самые ранние, единичные достоверные находки (обломки столовой посуды) на территории этого объекта, в том числе под водой, относятся чуть ли не к середине VI – второй половине V в. до н.э.⁵⁵ Амфорный же материал, подчеркнем, вообще «не выходит» за пределы IV в. до н.э. И хотя авторы упомянутой книги пишут, что Акра была основана в конце VI в. до н.э. «в процессе вторичной колонизации»⁵⁶ никаких иных, кроме упомянутых, а также уникально-нумизматических⁵⁷ археологических подтверждений этому пока нет. Оборонительные постройки (кстати, весьма высокого качества), выявленные под водой, относятся к

⁵⁰ Хршановский 2004, 384–385 сл.

⁵¹ Хршановский 2020, 44–45.

⁵² Петракова и др. 2015, 10–102.

⁵³ Соловьев и др. 2021.

⁵⁴ Kulikov 2007, 1023–1056; Соловьев и др. 2021.

⁵⁵ Соловьев и др. 2021, 26, 89.

⁵⁶ Соловьев и др. 2021, 31.

⁵⁷ Kulikov 2007, 1028.

началу – первой половине IV в. до н.э.⁵⁸. Причем, под башней был прослежен заметный слой сильного пожара, имевшего место, где-то незадолго до этого⁵⁹. Затем укрепления были быстро перестроены и просуществовали либо до II в. до н.э., либо несколько дольше⁶⁰. В период расцвета поселения его застройка в целом носила городской облик, а общественная организация жителей, по-видимому, была полисного типа⁶¹. Вероятно, вначале община была подчинена Нимфею, являясь его выселком в ходе вторичной колонизации⁶², но потом вошла в состав Боспорского государства. Однако уже ко II–I вв. до н.э. поселение, ввиду довольно быстрого затопления, утратило городской⁶³, а равно и полисный статусы. Во всяком случае, как известно, Страбон упоминает Акру, как «*кому*» на «пантикапейской земле» (Strab. XI. 2. 8) (что под этим следует понимать – тема отдельной дискуссии). Относительно небольшие по масштабу исследования сопредельных некрополей до сих пор не выявили погребений интересующего нас времени. Итак, даже V в. до н.э. (вторая половина – конец), как дата основания городка, пока – под сомнением, хотя и вполне вероятен. Все же надо считаться с тем, что в силу объективных причин, ранние слои городища фактически не исследованы. Но на его предполагаемой хоре одно из поселений (Заветное V) раскопано весьма основательно. Однако и там картина примерно такая же: самые первые постройки появляются в конце V в. до н.э., хотя отдельные, более ранние (около середины VI в. до н.э. и позднее) находки (правда, не совсем ясного археологического контекста) изредка попадаются⁶⁴). В итоге, можно остановиться, по крайней мере, на последней трети/четверти V в. до н.э.?

По другую сторону Китея находится Киммерик. Согласно уточненным датировкам, поселение на холме А (восточное подножье г. Опук) возникло во второй четверти V в. до н.э.⁶⁵. Но Киммерик ли это? Следы же пребывания некоего населения на вершине упомянутой горы (по-иному пока охарактеризовать данный археологический объект не представляется возможным) в виде обломка амфоры, датирующегося не ранее последней четверти VI в. до н.э.⁶⁶, можно посчитать случайными. На западном склоне Опука находок интересующего нас времени вообще до сих пор не сделано, хотя по всеобщему и всегдашнему мнению это – самое удобное место для городка с гаванью. Зато, именно из прилегающей акватории Черного моря происходят несколько (6) амфор: три – второй четверти/конца V и три – IV вв. до н.э.⁶⁷ Это, наряду с информацией подводных исследователей о наличии развалов неких построек, якорей и скоплений керамики, в том числе и античного времени, на глубинах от 4 м и более в основном к юго-западу от городища у подножья г. Опук,⁶⁸ все же оставляет вопрос о местонахождении

⁵⁸ Соловьев и др. 2021, 59, 68, 72.

⁵⁹ Соловьев и др. 2021, 78–79.

⁶⁰ Соловьев и др. 2021, 72, 153.

⁶¹ Соловьев и др. 2021, 153.

⁶² Соловьев и др. 2021, 153.

⁶³ Соловьев и др. 2021, 153.

⁶⁴ Соловьев и др. 2021, 35, 57.

⁶⁵ Завойкин 2013, 138.

⁶⁶ Завойкин 2013, 144, 146–147.

⁶⁷ Монахов и др. 2016, 62, 70, 82, 116, 181, 184.

⁶⁸ Зеленко 2008, 183–186; Зинько, Шамрай 2009, 449–458.

раннего Киммерика⁶⁹ открытым. В этой же связи упомянем, что согласно очень осторожному предположению В.И. Мордвинцевой, хорошо известная специалистам-археологам стена на восточном склоне г. Опук, являющаяся одним из самых, если не самым протяженным каменным сооружением такого рода на Боспоре (прослеженная длина более 800 м при ширине 3–5 м), была построена еще до второй половины V в. до н.э.⁷⁰ Что она огораживала (поселение на холме А или что-то иное) остается неясным. Напомним, это поселение, в сущности, один, хотя и относительно большой дом (усадебный?) было раскопано полностью (относительно его сравнения (в плане) с архаическим Ториком, что делалось неоднократно, подчеркнем, что, исследовавшая оный Н.А. Онайко, всегда уточняла: «так называемый» Торик). Его демографический потенциал был явно недостаточным для сооружения столь солидного укрепления. Уж не «киммерийские» ли это стены, упомянутые Геродотом (IV. 12)? Хотя, помимо только что заданного вопроса: «зачем», вообще маловероятно, чтобы любое догреческое местное население было способным это сделать в силу отсутствия всякого опыта каменного строительства (впрочем, все эти догадки не только нам приходили в голову). Итак, искомая дата для Киммерика(?): не ранее второй четверти V в. до н.э. По крайней мере, пока.

Порфмий. Принято считать, что этот городок, а максимальная площадь его застройки не превышала 0.7 га⁷¹, располагался в районе современной паромной переправы. Вероятно, где-то там же находился и один (северный) из древних переездов (брод?) на другую сторону пролива, который столь красочно описал Геродот (IV. 28). Есть мнение, впрочем, спорное, что им упомянут и сам этот населенный пункт⁷². Материалы его многолетних раскопок изданы несравненно хуже Китея, но слои, постройки и находки, предшествовавшие хорошо сохранившейся и основательно раскопанной крепости III–I вв. до н.э., все-таки достаточно представительны. Согласно исследователям памятника Е.Г. Кастанаян и М.Ю. Вахтиной, первое поселение на этом месте появилось «приблизительно в середине – начале третьей четверти VI в. до н.э.»⁷³ (обоснование: горло милетской амфоры третьей четверти этого века, фрагменты североионийского «полосатого» кувшина, расписных («чешуйчатых») клазоменских амфор и чернофигурных сосудов второй половины/конца того же столетия). По имеющимся публикациям судить более основательно именно о самой ранней амфорной таре не представляется возможным. А жаль, ибо хронологическое соотношение этих двух групп керамики остается неясным. Немногие же целые экземпляры, согласно своду С.Ю. Монахова, датируются V–IV вв. до н.э. По мнению Ю.А. Виноградова, разделяемому и М.Ю. Вахтиной, подобно Мирмекию и Тиритакке Порфмий возник вследствие «вторичной» колонизации, инициированной Пантикапеем, и не являлся самостоятельным полисом⁷⁴. Примечательно, что концом первой трети V в. до н.э. датируется второй (первый – рубеж VI–V вв. до н.э.) «случай» всеобщего пожара и разрушения на

⁶⁹ См. противоположную точку зрения: Завойкин 2013, 146–147.

⁷⁰ Мордвинцева 2014, 270.

⁷¹ Вахтина 2009, 92.

⁷² Herod. IV. 45 – пер. Стратоновского (1972 г). См.: Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 271.

⁷³ Вахтина 2009, 92–96.

⁷⁴ Вахтина 2009, 92.

городище⁷⁵. Впрочем, дальнейшие раскопки, если они, наконец, воспоследуют, могут уточнить время этого и иных обстоятельств его истории.

К хоть как-то исследованным малым городам Европейского Боспора можно отнести и соседний с Порфмием (согласно господствующей, но не бесспорной, как нам представляется, в настоящее время локализации) памятник – Парфений⁷⁶. Площадь его, предположительно, от одного до 3 га. Исходя из прежних (1949 г.) находок, самый ранний слой относился к V–IV вв. до н.э.⁷⁷. Но V в., по мнению А.А. Завойкина, все же не очевиден⁷⁸. Небольшие по площади относительно недавние, к сожалению, не получившие продолжения раскопки позволили уточнить эту хронологию. Так, возникновение здешнего поселения относится теперь ко второй половине VI в. до н.э., а точнее – его третьей четверти (закрытый комплекс, включавший фрагменты клазоменских, хиосских с воронковидным горлом, лесбосских красноглиняных амфор вместе с обломками клазоменской же расписной столовой амфоры, мелкофигурных киликов и ионийской «полосатой» столовой посуды). Самые же ранние находки оттуда же – фрагменты чаши с точечными розетками(!)⁷⁹. Примечательно обнаружение участка весьма солидной (шириной 2.25–2.5 м) ранней оборонительной стены. Ей предшествовал слой пожара с находками конца VI – первой четверти/трети следующего века⁸⁰. Иными словами, данный объект – в отношении ранней хронологии, как бы «двойник» Порфмий. Раскопки некрополей обоих поселений пока ничего не предоставили в плане вышеизложенного.

Возвращаемся к мысу Зюк. Анализ соответствующих находок как случайных, так и происходивших, главным образом, из первичных напластований местного зольника, сводился к следующему: «Среди самых ранних <...> практически нет, датируемых только VI в. до н.э. Почти все они относятся к концу VI – первой четверти V вв. до н.э. <...> отсутствует расписная посуда восточно-греческих центров». Аттическая чернофигурная керамика не ранее первой четверти V в. до н.э. и позднее встречается в стратиграфически более поздних слоях: «Среди амфор первого слоя преобладают исключительно хиосские (вновь, не ранее первой четверти V в. до н.э.)». Редкие образцы ранней чернофигурной посуды относятся ко второй–третьей четвертям этого же века⁸¹. С учетом всего, касательно интерпретации разных категорий находок и их корреляции, о чем уже писалось выше: «Создается впечатление, что поселение здесь возникло... после прекращения массового вывоза расписной посуды из восточно-греческих центров, то есть, скорее всего, после 494 г. до н.э.»⁸². Более же ранние находки, возможно, говорят о пребывании, не исключено эпизодическом, на мысу некоего населения. Может быть, – сезонных мореплавателей, державших путь вдоль западных берегов Меотиды. Косвенное свидетельство тому – загадочное поселение-эмпорий (Кремны?) у Таганрога и в целом весьма хорошая осведомленность образованных греков об

⁷⁵ Вахтина 2009, 95, 99.

⁷⁶ Кастанаян 1958, 254–255; Завойкин 2013, 118; Масленников 2020, 354 – 369.

⁷⁷ Кастанаян 1958, 254–264.

⁷⁸ Завойкин 2013, 118.

⁷⁹ Столяренко 2012, 406–407; Столяренко, Кропотов 2016, 160–161.

⁸⁰ Столяренко 2013, 54.

⁸¹ Масленников 1992, 141.

⁸² Масленников 1992, 141.

этом море, засвидетельствованная Геродотом (он упоминает его аж 14 раз!). Но, возможна и их (находок) иная (см. выше пример с Китеем и не только) интерпретация.

Только что упомянутый 494 г. до н.э., конечно, не случаен. Ибо, как знать, не следствием ли известных исторических событий в далекой Ионии стало поселение на мысе Зюк? Как, впрочем, быть может (см. ниже), и Киммерик (холм А), и Китей, и, не исключено, Акра(?), и... Такую возможность предполагали и авторы статьи, заставившей нас обратиться к данной тематике. Читаем: «... примерно в первую четверть V в. до н.э. на территории Керченского и Таманского полуостровов появляется несколько десятков новых поселений, не говоря уже о разрастании старых. По всей видимости, определенную часть населения этих поселений составляли ионяне, бежавшие из разных городов после поражения восстания против персов»⁸³.

Конечно, в полной мере установить соответствующие исторические реалии нам не дано. Но все же создается впечатление, что только что упомянутые археологические объекты, согласно имеющимся на сегодняшний день материалам и датировкам, появились в качестве апойкий, а затем постоянных городских (предгородских?) населенных пунктов и полисов(?) почти одновременно, вернее: как бы в следующей последовательности: Зенонов Херсонес, Китей, Киммерик и, некоторое время погодя, Акра(?). Относительно остальных «малых городов» по обе стороны пролива в силу их слабой или вовсе не исследованности судить пока невозможно.

Однако 494 г. и рубеж первой–второй четвертей V в. до н.э. все-таки ни одно и тоже время. Ну, ни «Одиссеи» же все эти переселенцы-скитальцы, чтобы странствовать почти полтора десятка лет?! Впрочем, как знать: может быть, их путь в указанные места был, так сказать, непрямым (самый известный боспорский пример: будущие фанагорийцы: жители города Теос вначале перебрались во Фракию (Абдеры) и лишь потом (около 540 г. до н.э.) основали Фанагорию⁸⁴). «Беженцы» (не уверен, ставить ли это слово в кавычки – А.М.) могли приплыть в Пантикапей (Нимфей, Феодосию, Фанагорию и т.п.) и оттуда «перенаправиться» (или быть перенаправленными) в/на... Но можно ли считать это собственно «вторичной» колонизацией? Впрочем, ... мы же не знаем всех обстоятельств того. Да и время это на Боспоре было тревожное...

Действительно, как сейчас принято, и не без оснований, считать: где-то около рубежа первой–второй четвертей V в. до н.э. многие (за исключением вроде бы Нимфея и, возможно, но не обязательно Феодосии и Гермонассы) боспорские города и городки по обе стороны пролива если и не лежали в развалинах, то, по крайней мере, пострадали в каких-то катаклизмах⁸⁵. Предположения, дискуссии и исторические реконструкции на эту тему тоже в настоящее время общеизвестны⁸⁶, и мы не будем останавливаться на всем этом подробно. Так что, в начале

⁸³ Кошеленко, Кузнецов 1992, 24.

⁸⁴ Кузнецов 2010, 313–321.

⁸⁵ См. последнюю по времени общую подборку соответствующих археологических фактов и наблюдений: Завойкин 2013, 71–85, 102–103, 111, 116, 160, 165, 197, 209, 214, 219, 222. А также относительно Фанагории и Пантикапея: Завойкин, Толстиков 2017, 49, 52; Толстиков и др. 2017, 35–37; Завойкин, Сапрыкин 2018, 60; Кузнецов 2018, 160–185; 2021, 125–126; 2022, 141–161.

⁸⁶ Наиболее развернутую их характеристику см.: Кузнецов 2022.

второй четверти все того же века, такое мероприятие, как «внутренняя колонизация» было для Боспора как бы совсем ни вовремя. Можно, конечно, допустить, что уцелевшее или просто пострадавшее население, вернее его часть, по каким-то причинам предпочла уйти на новые места обитания..., но только допустить. Вот пока «как-то так».

Указанный катастрофический исторический период и «по идее», и в археологических реалиях был относительно непродолжительным. По крайней мере, исходя из материалов раскопок будущей боспорской столицы и крупнейшего города – полиса Пантикапея, где археологические признаки упомянутого кризиса наиболее изучены и, не исключено, изначально самые очевидные, можно предположить, что он имел место около 490–480 или 495–480 гг. до н.э.⁸⁷ В.Д. Кузнецов же прямо пишет о 480 г. до н.э., приурочивая разрушения в Фанагории к греко-персидской войне⁸⁸, что, естественно, делает это «столкновение цивилизаций» еще более масштабным и в тоже время достаточно кратковременным. Попутно, все исследователи обращают внимание на совпадение данного события со временем прихода к власти на Боспоре (или его части) неких Археанактидов (историография на сей счет в последнее время заметно пополнилась, но непосредственного отношения к нашей теме она вроде бы как не имеет).

Получается, что в таком случае потенциальные переселенцы из Ионии вообще попали на Боспоре, «как кур во щи». Что, повторим, в принципе естественно, если предположить, что подавление ионийского восстания, греко-персидские войны и «скифский (персидский?) погром» на Боспоре – «звенья одной цепи». Мы вряд ли, когда узнаем: что в каждом случае – памятнике чему предшествовало, что чем вызвано и как реально «имело место быть». Равно как и: греки ли пытались и здесь освободиться от скифо-персидского(?) «контроля» или только противились его установлению? И какую во всем этом роль (ставленники Ахеменидов, скифов или, напротив, «борцы за свободу») играли все те же Археанактиды. В любом случае, думается, вариант с очередной «волной» колонизации из Ионии наиболее правдоподобен. Она с разницей всего в несколько (чуть более десяти) лет предшествовала местным, боспорским «неурядицам». Как знать, не эти ли первопоселенцы буквально и принесли с собой ту керамику поздне-восточно-греческого типа («отчий сервиз»), которую мы выделяем, как самую раннюю, на части вышерассмотренных памятников, осторожно и почти всегда безуспешно, пытаясь связать с ней некий стратиграфический слой или период.

Вот теперь, кажется, можно и поставить точку. Отметив, кстати, что следов «скифо-персидского» погрома на них (Зенонов Херсонес, Акра, Китей, Киммерик и...?) не обнаружено. Все эти объекты либо тогда еще не появились (см. выше), либо об их существовании «варвары» (персы, скифы?) и узнать-то не успели, либо были столь непритязательны, что и «поймать» там им было нечего.

Ближе к ЗаклЮчению, естественно, не претендуя на обсуждение ее признанными специалистами, не откажем себе в некой хронологической «схеме» колони-

⁸⁷ Из довольно многочисленных соответствующих публикаций В.П. Толстикова на данную тему, а с него, собственно, все «это и пошло», сошлемся лишь на относительно недавние: Завойкин, Толстиков 2017, 49; Толстиков и др. 2017, 35–37, 42.

⁸⁸ Кузнецов 2022, 127, 158.

зационного процесса на/в архаическом и раннеклассическом Боспоре.⁸⁹ Предварим это некоторыми уточнениями и напоминаниями.

Итак, самый ранний пункт – эмпорий и/или апойкия будущего Пантикапея была, как теперь⁹⁰ считается, основана Милетом в последней четверти VII в. до н.э. (615–610 гг. до н.э. или 620–590 гг.)⁹¹ (т.е. почти синхронно известному Таганрогскому «поселению», некоему эмпорию(?) близ Анапы⁹² и соответствующим находкам на таких объектах в глубине варварской Ойкумены, как Бельское (Гелон?) и Немировское городища, а также поселении «Тарасова Балка» в предгорьях Северо-Западного Кавказа⁹³. Известны такого же рода эпизодические артефакты и в курганах. Но об этом – особый «разговор»). Около середины VI в. до н.э., а затем более полувека спустя здесь фиксируются разрушения вследствие неких военных действий (нападения кочевников?)⁹⁴.

Мирмекий. Возникновение: рубеж первой/второй, начало второй, вторая четверть VI в. до н.э. Изначально это вообще была рыболовная (сезонная?) «станция» с парой десятков жителей, сожженная около середины того же века⁹⁵ или, по Ю.А. Виноградову, один из «аграрных городков» – выселок. В полисном (да и апойкийном?) статусе этому первопоселению решительно отказано. Рыбу же якобы вывозили куда-то в метрополию⁹⁶...

Тиритака, как апойкия, появилась примерно тогда же: не ранее 565–560 гг. до н.э.⁹⁷ Ближе к концу VI и на рубеже первой–второй четвертей следующего века и здесь засвидетельствованы пожары и разрушения, сопровождавшиеся военными действиями⁹⁸. Никаких свидетельств о том, чьи в обоих случаях это были «выселки» у нас нет. Но предпочтительно это был Милет. Представляется все же, что тогдашний демографический потенциал грядущей столицы Боспора был для этого совершенно недостаточным.

Соответствующая информация относительно основания Нимфея (580–560 гг. до н.э.) как апойкии остается прежней⁹⁹. Однако она нуждается в более развернутом обосновании с учетом всего, в том числе новейшего, массового материала.

Археологические данные и точки зрения о времени появления прочих апойкий – будущих городов и городков рассматриваемого региона (Феодосия, Кепы, Фанагория, Патрей, Синдская гавань/Горгиппия(?), Корокондама(?), Торик, Баты, Семибратнее городище/Лабрит, Тирамба(?)) за последнюю четверть века также не изменились и приведены, как уже неоднократно отмечалось, в монографии А.А. Завойкина. Ахиллион, Киммерий, Казека, Стратоклея, Дия(?), Зифирий, Аборака и многие другие, в том числе упомянутые у Птолемея, вообще пока не найдены, исчезли или же надежно не локализованы.

⁸⁹ Ср. предшествующий аргументированный соответствующий анализ и обобщения: Кузнецов 1991, 31–37; Кошеленко, Кузнецов 1992, 19–20; Завойкин 2013, 382–386.

⁹⁰ Да нет, – вслед за В.Д. Блаватским (1964, 13–15, 23).

⁹¹ Толстиков и др. 2017, 42; Толстиков, Тугушева и др. 2017, 25.

⁹² Алексеевское поселение – Салов 1986, 188–194; Новичихин 2017, 70–72.

⁹³ Рябкова 2022, 242–245.

⁹⁴ Толстиков и др. 2017, 42.

⁹⁵ Бутягин 2014, 17; 2017, 97.

⁹⁶ Бутягин 2017, 96.

⁹⁷ Zin'ko 2014, 51, 61; Зинько 2017, 115.

⁹⁸ Зинько 2017, 114–115.

⁹⁹ О.Ю. Соколова (2017, 119), со ссылкой на работу В.Д. Кузнецова 1991 г.

Археологическая характеристика больших, многослойных и хорошо исследованных поселений-городищ Восточного Крыма: у сел Ивановка (Илурад?), Белинское (Пароста?), Семеновское (Гераклий?), Ново-Николаевка (Савроматий), Тасуново(?), а также в урочищах Артезиан, Сююрташ, в восточной части мыса Казантип, а, может быть, и городищ позднеэллинистического времени и/или первых веков н.э. к западу от Феодосии (Кара-Тау, Ак-Кая и н. др.) позволяет считать их далеко не рядовыми сельскими населенными пунктами. Но какими по «статусу» – не ясно. Очевидно лишь, что все они – «внутренняя колонизация», точнее – особая «форма» греко-боспоро-варварского «симбиоза». Но это уже совсем другая эпоха и тема.

В итоге, некую схему хронологической «последовательности» рассматриваемого процесса можно представить сейчас так:

Пантикапей, а также упомянутые выше самые ранние эмпории региона. Первый этап.

Нимфей – рубеж первой/второй четвертей VI в. до н.э.

Затем: Кепы – вторая четверть VI в. до н.э.¹⁰⁰, Гермонасса – то же время¹⁰¹, Феодосия, по Э.Б. Петровой, со ссылкой на В.Д. Кузнецова, основана Милетом не позднее 570–560 гг. до н.э. в связи с разгромом городов Ионии персами в 546 г. до н.э.(?)¹⁰². Раскопки не ведутся давно, и новые интересующие нас находки, как будто бы отсутствуют. Но из акватории моря близ города происходит амфора Теоса конца VII – начала VI вв. до н.э.(!)¹⁰³. Так, что... не «поставить» ли Феодосию рядом с Пантикапеем? Или хотя бы Нимфеем? Согласно Н.А. Онайко, время основания Торики (Геленджикская бухта) – первая половина VI в. до н.э.¹⁰⁴. Скорее всего, судя по опубликованному материалу, не ранее его второй четверти. Все это, с некоторыми оговорками, так сказать, в целом, можно посчитать вторым этапом.

Мирмекий, Тиритака, Патрей¹⁰⁵ – вторая четверть/середина VI в. до н.э. Сложно сказать, надо ли выделять их в следующий этап или они как бы «сверху» примыкают к предыдущему?

Порфмий, Парфений – третья четверть VI в. до н.э. Фанагория – однозначно около 540 г. до н.э. «Предгоргиппия» – некий населенный пункт на месте совр. Анапы, существовавший «со второй половины, ближе к его последней четверти» или с третьей четверти VI в. до н.э. (рубеж V–IV вв. – появление собственно Горгиппии)¹⁰⁶. Это уже – третий этап.

Тирамба(?) (Пересыпь) и многие другие(?) – рубеж VI–V вв. до н.э. Возможно, – «выселки» Фанагории¹⁰⁷, что представляется все же маловероятным. Четвертый этап.

Далее – в хронологической последовательности в пределах V в. до н.э. (см. выше): Зенонов Херсонес, Китей, Киммерик(?), Акра. Последняя «волна».

¹⁰⁰ Кузнецов 1992, 32.

¹⁰¹ Коровина 1992, 7 сл.

¹⁰² Петрова 2000, 33, 46–47.

¹⁰³ Монахов и др. 2020, 125.

¹⁰⁴ Онайко 1980, 116.

¹⁰⁵ Завойкин 2013, 206.

¹⁰⁶ Алексеева 1997, 18; Завойкин 2013, 177–178.

¹⁰⁷ Коровина 1968, 63,

Каждому такому этапу-«волне» можно найти событийную «первопричину» в метрополии/ях¹⁰⁸. Для «внутренней» же колонизации, по нашему мнению, убедительных доводов (и поводов) пока нет. Как ни вспомнить в связи со всем этим следующее суждение более чем полувековой давности: «Возникшие преимущественно во второй и третьей четверти VI в. до н.э. старые боспорские города вряд ли были в состоянии посылать переселенцев ранее V в. до н.э.»¹⁰⁹.

Все, только что сказанное, можно было бы посчитать «Заключением» или «Выводами», но, думается, все же «попутно» «нельзя пройти мимо» известного феномена, касающегося сельской территории будущего боспорского государства¹¹⁰. Феномен этот неоднократно упоминался и обсуждался на протяжении двух-трех последних десятилетий, в целом ряде публикаций и нескольких диссертациях¹¹¹. Суть его в следующем. Вполне логичным было бы ожидать, что относительно небольшой, а то и вовсе незначительный и, наверняка, нестабильный (что явствует из современной археологической характеристики традиционно-признанных, «летописных» боспорских апоек/городков VI и даже V вв. до н.э., да еще с учетом (см. выше), по меньшей мере, двух периодов «всеобщего катаклизма») демографический «потенциал» позволял освоить в качестве хоры лишь их ближайшие окрестности. А это вообще не требовало основательных и долговременных сельских поселений/усадеб. Были, правда, согласно традиции, еще общинные и сакрально-храмовые угодья, а также разного рода «неудобья» (дороги, некрополи, выпасы, карьеры, скалы, солончаки, болота, леса и т.п.), но судить об их площади, способе использовании и «обустройства» (например: сезонные коллективные поселения со своей соответствующей спецификой?) еще труднее, а то и вовсе проблематично. К тому же, (и в данной связи) еще раз отметим, что местонахождение археологических артефактов и собственно поселенческая структура – далеко не всегда – одно и то же. Однако если в отношении восточной части Керченского п-ова такая схема вроде бы, как и «работает» (по крайней мере, судя по ближней хоре Нимфея, и, отчасти, Акры – раскопки В.Н. Зинько и С.Л. Соловьева), то к востоку от пролива – нет. Там, как известно, гораздо более многочисленны сельские поселения появляются на довольно обширных пространствах уже в архаическое время. Согласно сводке и анализу данных (а они за последнее время для обеих рассматриваемых территорий изменились не слишком существенно) А.А. Завойкина¹¹² в «Европе» это почти повсеместно, последняя четверть VI – первая четверть V в. до н.э. и/или несколько позднее.¹¹³ Но на Таманском п-ове таковые возникают в массе своей как бы несколько раньше и их, еще раз подчеркнем, много больше и далеко не только близ побережья.¹¹⁴ О вероятных причинах

¹⁰⁸ См. подробнее: Кошеленко, Кузнецов 1992, 6–24.

¹⁰⁹ Блаватский 1954, 20.

¹¹⁰ Мы, вслед за А.А. Завойкиным, полагаем, что о некоем государственном единстве в рассматриваемом регионе можно говорить только со второй четверти IV в. до н.э.

¹¹¹ Упомянем лишь авторов наиболее известных и значимых из них: В.Д. Кузнецов, Я.М. Паромов, А.П. Абрамов, А.А. Завойкин, Ю.А. Виноградов, Г.П. Гарбузов, А.М. Новичихин, Н.И. Сударев, Д.В. Журавлев, А.В. Батасова, Г.А. Ломтадзе.

¹¹² Завойкин 2013, 226–234, 469–483.

¹¹³ Судя по тому, что мы «видели» выше, относительно ранних дат надо быть предельно осторожными.

¹¹⁴ Завойкин 2013, 235–240.

такого различия в освоении сельской территории двух частей будущего государства писалось уже многими и неоднократно (см. перечень выше), и ничего принципиально нового на сегодняшний день добавить к этому вроде бы нечего. Разве что остановимся подробнее на хронологии самых (и пока единственных в этом отношении) исследованных из так называемых (подчеркнем это «сомнение») сельских поселений Таманского п-ова: Голубицком 2 и Ахтанизовском 4, ибо это по-своему примечательно.

Первое – появилось уже в начале второй четверти VI в. до н.э. и вскоре было укреплено валом и рвом¹¹⁵. Основание для такой датировки: расписная столовая посуда, в том числе и немного более ранняя, нежели указанная дата, а также амфорная тара, но, напротив, – лишь со второй четверти этого века. Обратим также внимание, что автор соответствующих раскопок и публикаций называет «свой» памятник апойкией¹¹⁶.

Часть амфорной тары со второго поселения как бы даже еще более «древняя»: конец VII – середина следующего века (Хиос, Клазомены, Самос). Причем это «собрание» во многом аналогично ранне-пантикапейскому¹¹⁷. Однако речь идет по большей части о профильных фрагментах, датировать которые уже пока не получается. Ранняя столовая расписная посуда также относится к периоду не позднее середины VI в. до н.э.¹¹⁸ Само же поселение руководитель раскопок тоже предлагает считать апойкией, не ставшей полисом, допуская даже некое единство «гражданства» его обитателей с только что вышеупомянутым поселением по другую сторону древнего пролива (протоки)¹¹⁹.

Согласитесь, трудно «согласиться», что перед нами обычные сельские поселения хоры... И чьей же? Ведь они, «как минимум» не моложе большинства вышеперечисленных местных ранних апойкий – будущих городов и городков. Да и расположение их (напротив друг друга, по берегам древнего русла(?) Кубани), видимо, имело свои выгоды. Значит... Значит, это тоже (наряду с Зеноновым Херсонесом, и, возможно, еще некоторыми объектами) вполне могли быть неведомые нам по названию апойкии, так и не ставшие впоследствии городами¹²⁰. Но и о таком «варианте» было упомянуто в цитируемой статье¹²¹: «По ходу дела», вспомнился мне детский стишок: «Тапир навек повесил нос / грустит он об одном: / он собирался стать слоном, / да так и не дорос...».

Можно, правда, предположить, что это были сезонные, коллективные «усадыбы» на общинных, окраинных (пограничных) землях уже «состоявшихся» полисов... Но доказать это совершенно не представляется возможным.

Таким образом, ни о какой внутренней колонизации тут и речи быть не могло. Как, впрочем, и в силу указанных ранее причин в отношении подавляющего большинства вышеупомянутых «летописных» населенных пунктов («малых городов»), хотя бы и несколько более поздних. Единственное исключение: некая

¹¹⁵ Журавлев, Щотцауэр 2014, 174–176; Журавлев и др. 2022, 40.

¹¹⁶ Журавлев и др. 2014, 174.

¹¹⁷ Ломтадзе 2022, 284–285.

¹¹⁸ Ломтадзе 2013, 221–223.

¹¹⁹ Ломтадзе 2013, 223, 227.

¹²⁰ Они, строго говоря, не на побережье и в периплы – наш основной вид письменных источников, просто не попадали.

¹²¹ Кошеленко, Кузнецов 1992, 9–10.

Синдская гавань (Ps. Scymn. Per. 896–899)¹²². Итак: «...и гавань Синдская, населенная эллинами, пришедшими из ближайших местностей»¹²³. Псевдо-Скимн – автор достаточно поздний (начало I в. до н.э.), но это не суть важно. Споры о том: Горгиппия ли это (существовавшая, как город, со второй четверти IV в. до н.э.), велись давно, обросли обширной литературой и как будто бы завершились в пользу их отождествления¹²⁴. Однако вопросы все-таки остаются. В только что процитированном отрывке текста Псевдо-Скимна Синдская гавань упомянута наряду с другими городами *на острове*¹²⁵. Между тем, как район современной Анапы никак нельзя посчитать островом даже в древности. Но есть в нем и другие загадки. Так, если допустить, что он – текст отражает некие реалии до вышеприведенной даты, неважно, какой бы локации они не касались, неясно: что это были за эллины, а главное, – места (поселения-комы, усадьбы, апойкии) их первоначального обитания в «ближайших местностях». Выявленные и раскопанные в ближних и дальних окрестностях Анапы, в том числе и совсем недавно, усадебные комплексы (близ Воскресенского, Джемете, Виноградное и не только) рисуют довольно яркую картину классической античной городской хоры¹²⁶. Но все они относятся уже ко времени «первого расцвета Боспора» (условно: около второй четверти IV – первой трети III вв. до н.э.) и, отчасти, несколько более позднему. И, следовательно, их обитатели никак не могут отождествляться с основателями Горгиппии и тем более – Синдской гавани. Вот пока, как-то так.

Выводы. Поселение на мысе Зюк (Зенонов Херсонес) следует считать «застывшей» апойкией в статусе полиса. Максимальная близость к абсолютной начальной хронологии известных нам по письменным источникам городов и городков Боспора (как, впрочем, и других поселенческих структур) может быть достигнута на основании комплексного анализа таких категорий массового материала, как амфорная тара и столовая посуда, но с приоритетом первой. Причем это относится как к закрытым комплексам, так и к слою вообще. Исходя из этого, и с учетом новейших находок и современных датировок время основания вышеупомянутых памятников пока не удастся сузить менее чем до четверти века, но можно несколько скорректировать в пределах рассматриваемой эпохи (конец VII – V вв. до н.э.). В итоге, они как бы группируются соответственно нескольким «волнам» внешней колонизации, обусловленным теми или иными конкретными историческими событиями в метрополиях. Известный же пассаж Псевдо-Скимна относительно Синдской гавани, по-прежнему, неоднозначен в своей трактовке. Внутренняя же колонизация в этот исторический период вряд ли имела место¹²⁷. Это «явление» дало знать о себе позже, уже в условиях единого государства, как следствие военно-административной и демографической деятельности (реформ) центральной власти. Появляется все больше археологических примеров того, что становление

¹²² Иных эпох местной истории и археологии, повторим, мы касаться в данной связи не будем. Но этот «пассаж», малость, «развернем».

¹²³ SC I, 90.

¹²⁴ Завойкин 2013, 198–199; Новичихин 2017, 72–76.

¹²⁵ Если это только не ошибка автора, переписчика и т.п.

¹²⁶ Алексеева 1997, 45–46; Иванов 2020, 176–185; Паль и др. 2020, 307–319.

¹²⁷ Гипотеза о таковой, как следствие конфликта разных групп или «волн» переселенцев, конечно, имеет право на существование, но обосновать ее археологически проблематично, а главное: «первичное» и «вторичное» тогда как бы меняются местами. Что ни есть «хорошо».

боспорского города, как высшего в конкретных исторических условиях типа поселенческой структуры, какой бы местной спецификой она не отличалась и не различалась, не было, так сказать, прямолинейным процессом. А именно: некоторые, а, может быть, даже многие (Азиатская часть Боспора) из первопоселений в силу разных причин так и не вышли за стадию апойкий, сохраняя, тем не менее, форму общественной организации, привычную для их основателей и большей части населения. Конкретные исторические судьбы таковых, а равно: их место в организационной и социально-экономической структуре формирующегося государства складывались по-разному. В целом, они не были столь же долговечными, как «состоявшиеся» боспорские города. Хотя некоторым из них «повезло» пусть на какое-то время стать маленькими (малыми) городками.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1991: *Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа*. М.
- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгииппия*. М.
- Блаватская, Т.В., Розов, В.Н. 1985: Граффито Зенонитов. В сб.: Т.В. Блаватская (ред.), *Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник*. М., 115–137.
- Блаватский, В.Д. 1954: Архаический Боспор. В сб.: М.М. Кобылина (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. II (МИА 33). М., 7–44.
- Блаватский, В.Д. 1964: *Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора*. М.
- Бутягин, А.М. 2014: Городище Мирмекий. 80 лет исследований. *Таврические студии* 6. Симферополь, 15–23.
- Бутягин, А.М. 2017: Основание Мирмекия и проблемы колонизации Европейского Боспора. В сб.: *Перипл: от Борисфена до Боспора* (ТГЭ 88). СПб., 87–96.
- Вахтина, М.Ю. 2009: Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор. *БИ XXII*, 91–126.
- Винокуров, Н.И. 2007: *Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья* (БИ. Suppl. 3).
- Внуков, С.Ю. 2015: Продолжительность использования античных винных амфор. *КСИА* 238, 161–169.
- Дановский, А.А. 2005: Каменные топоры из раскопок на мысе Зюк. *ДБ* 8, 159–170.
- Дирин, А.А. 1896: Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки. *ЗООИД XIX*, 121–131.
- Доватур, А.И., Каллистов, А.П., Шишова, И.А. 1982: *Народы нашей страны в «Истории» Геродота*. М.
- Журавлев, Д.В., Батасова, А.В., Шлотцауер, У. 2022: О системе обороны поселения Голубицкая 2. *АВ* 35, 28–43.
- Журавлев, Д.В., Шлотцауер, У. 2014: Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. В сб.: *Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников* (Тр. ГИМ 201). М., 150–186.
- Завойкин, А.А. 2009: О «больших» и «малых» боспорских городах. *ДБ* 13, 176–205.
- Завойкин, А.А. 2013: *Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов* (БИ. Suppl. 10).
- Завойкин, А.А. 2022: Китей: размышления о «малом боспорском городе». *ДБ* 27, 101–113.

- Завойкин, А.А., Сапрыкин, С.Ю. 2018: Восточный Крым в античную эпоху. Боспорское царство в VI в. до –III в. н.э. В сб.: А.В. Юрасов (ред.), *История Крыма*. Т. 1. М., 51–84.
- Завойкин, А.А., Толстиков, В.П. 2017: Очерки политической истории Пантикапея и Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов, В.П. Толстиков (ред.), *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства: каталог выставки*. М., 47–68.
- Завойкина, Н.В. 2013: *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. М.
- Зеест, И.Б. 1960: *Керамическая тара Боспора* (МИА 83). М.
- Зеленко, С.М. 2008: *Подводная археология Крыма*. Киев.
- Зинько, В.Н. 2017: Из истории архаической Тиритаки. В сб.: *Перипл: от Борисфена до Боспора* (ТГЭ 88). СПб., 106–116.
- Зинько, В.Н., Шамрай, А.Н. 2009: Подводные археологические наблюдения и разведки у горы Опук. *БИ XXI*, 449–458.
- Иванов, А.А. 2020: Раскопки усадеб эллинистического времени на поселении «Усадьба» (хутор Воскресенский. ЮЗ окраина) в 2019 г. Предварительные результаты. *ДБ 25*, 176–185.
- Кастанаян, Е.Г. 1958: Археологические разведки на городище Парфений в 1949 г. В сб.: В.Ф. Гайдукевич, Т.Н. Книпович (ред.), *Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг.* (МИА 69). М.–Л., 254–265.
- Кошеленко, Г.А. 1979: *Греческий полис на эллинистическом востоке*. М.
- Кошеленко, Г.А. 1980: Полис и город: к постановке проблемы. *ВДИ* 1, 3–27.
- Кошеленко, Г.А. 1983: Греческий полис и проблемы развития экономики. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция: проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса*. М., 217–246.
- Кошеленко, Г.А., Кузнецов, В.Д. 1992: Греческая колонизация Боспора. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 6–28.
- Кругликова, И.Т. 1966: *Боспор в позднеантичное время*. М.
- Кругликова, И.Т. 1975: *Сельское хозяйство Боспора*. М.
- Кузнецов, В.Д. 1918: Боспор Киммерийский в V в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории). В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 3* (Фанагория 6). М., 160–185.
- Кузнецов, В.Д. 1991: Ранние апойкии Северного Причерноморья. *КСИА* 204, 31–36.
- Кузнецов, В.Д. 1992: Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 28–45.
- Кузнецов, В.Д. 2010: О времени основания Фанагории. *ДБ 14*, 313–321.
- Кузнецов, В.Д. 2021: Архаические стены Фанагории. В сб.: *Нурапис 3*, 111–130.
- Кузнецов, В.Д. 2022: Ксеркс и Понт (персидская надпись из Фанагории). В сб.: *Нурапис 4*, 141–161.
- Ломтадзе Г.А. 2022: Транспортные амфоры и их фрагменты из раскопок поселения «Ахтанизовская 4». В сб.: А.П. Медведев (ред.), *«От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов в честь 70-летия С.Ю. Монова*. Саратов, 283–301.
- Ломтадзе, Г.А. 2013: Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4. *ДБ 17*, 216–231.
- Масленников, А.А. 1992: Зенонов Херсонес – городок на Меотиде. В сб.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки истории и археологии Боспора*. М., 120–173.
- Масленников, А.А. 2020: Меотийские города Клавдия Птолемея. В сб.: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Ното отпнium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 354–369.
- Молев, Е.А. 2010: *Боспорский город Китей*. Ч. I (БИ. Suppl. 6).
- Молев, Е.А. 2022: *Боспорский город Китей*. Ч. III. Нижний Новгород.

- Молев, Е.А., Молев, Н.В. 2016: *Боспорский город Китей*. Ч. II (БИ. Suppl. 5).
- Молев, Е.А., Шестаков, С.А. 1991: Некрополь Китея. По материалам раскопок 1972–1985 гг. В сб.: Е.А. Молев (ред.), *Вопросы археологии и истории Боспора*. Воронеж–Белгород, 74–101.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керам. таре: Каталог-определитель*. М.–Саратов.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Толстиков, В.П., Чурекова, Н.Б. 2020: *Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Федосеев, Н.Ф., Чурекова, Н.Б. 2016: *Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника*. Керчь–Саратов.
- Мордвинцева, В.И. 2014: Оборонительная стена городища на восточном склоне горы Опук. Новые данные. *ДБ* 18, 557–271.
- Новичихин, А.М. 2017: Греческая колонизация Синдики. *МАИАСК* 9, 67–96.
- Овсяченко, А.Н., Корженков, А.М., Масленников, А.А., Вакарчук, Р.Н., Ларьков, А.С., Сысолин, А.И. 2019: Следы и хронология сильных исторических землетрясений на мысе Зюк в Восточном Крыму. *Физика Земли* 4, 133–152.
- Онайко, Н.А. 1980: *Архаический Торик. Античный город на Северо-Востоке Понта*. М.
- Паль, Е.А., Соколов, П.М., Петров, П.А., Безматерных, А.Е. 2020: Раскопки античного поселения Усадьба (х. Воскресенский, ЮЗ окраина) в Анапе (предварительное сообщение). *ДБ* 25, 307–319.
- Петракова, А.Е., Ханутина, З.В., Хршановский, В.А. 2015: Фрагменты аттического черно-фигурного кратера VI в. до н.э. из некрополя Китея. В сб.: *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности К 70-летию В.П. Толстикова*. М., 99–104.
- Петрова, Э.Б. 2000: *Античная Феодосия*. Харьков.
- Рябкова, Т.В. Продолжение исследований поселения раннескифского периода Тарасова балка в Предгорьях Северо-Западного Кавказа в 2018–2019 гг. В сб.: *АО за 2019 г.* М., 242–245.
- Салов, А.И. 1986: Архаическое поселение на окраине Анапы. В сб.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы античной культуры*. М., 188–194.
- Сапрыкин, С.Ю. 2011: Заметки по боспорской эпиграфике. *ДБ* 15, 264–274.
- Сапрыкин, С.Ю. 2022: Фиас Зенонова Херсонеса. *ДБ* 27, 259–281.
- Сапрыкин, С.Ю., Масленников, А.А. 1999. Греческие надписи с мыса Зюк. *ДБ* 2, 193–202.
- Сапрыкин, С.Ю., Масленников, А.А. 2007: *Граффити и дипинти хоры античного Боспора* (БИ. Suppl. 1).
- Соколова, О.Ю. 2017: 75 лет Нимфейской экспедиции. В сб.: *Перипл: от Борисфена до Боспора* (ТГЭ 88). СПб., 119–128.
- Соловьев, С.Л., Вахонеев, В.В., Шепко, Л.Г. 2021: *Акра – античный город на Европейском Боспоре*. СПб.
- Столяренко, П.Г. 2012: О раннем этапе урбанизации античного Парфения. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Проблемы урбанизации* (XIII Боспорские чтения). Симферополь–Керчь, 404–408.
- Столяренко, П.Г. 2013: Новые данные об архаической оборонительной стене Парфения. В сб.: *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции*. СПб., 52–56.
- Столяренко, П.Г., Кропотов, В.В. 2016: Комплекс позднеэллинистического времени из города Парфений. В сб.: *Таврические студии* 10. Симферополь, 160–166.
- Суриков, И.Е. 2022: По поводу некоторых древнейших свидетельств о боспорском городе Фанагория. В сб.: *Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021)*. СПб., 159–164.

- Толстиков, В.П., Асташова, Т.С., Ломтадзе, Г.А., Самар, О.Ю., Тугушева, О.В. 2017: *Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу*. М.
- Толстиков, В.П., Тугушева, О.В., Асташова, Н.С. 2017: О времени основания Пантикапея. В сб.: *Таврические студии* 12. Симферополь, 12–26.
- Хршановский, В.А. 2004: Новые погребальные комплексы V–IV вв. до н.э. на некрополе Китея. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Этнические процессы* (V Боспорские чтения). Керчь, 384–388.
- Хршановский, В.А. 2020: Курганная группа на кряже Чатр-Тав (по материалам разведок 2015 и 2018 гг.). *АВ* 29, 43–49.
- Koshelenko, G.A., Kuznetsov, V.D. 1998: Greek Colonization of the Bosphorus. В сб.: G. Tsatskheladze (ed.), *The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation and Archaeology*. Stuttgart.
- Kulikov, A.V. 2007: Akra and its Chora. В сб.: D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos (eds), *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2*. Vol. II (BAR IS 1975/II) Oxford.
- Zin'ko, V. 2014: Tyritake in Archaic time. В сб.: A. Twardecki (ed.), *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus*. Proceedings of the international conference, Warsaw, 27–28 November 2013. Warszawa, 47–61.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1991: *Grecheskaya kolonizatsiya Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Greek Colonization of the Northwestern Caucasus]. Moscow.
- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya* [Gorgippia, an Ancient City]. Moscow.
- Blavatskaya, T.V., Rozov, V.N. 1985: Graffito Zenonitov [A graffito of Zenonites]. In: T.V. Blavatskaya (ed.), *Epigraficheskie pamyatniki drevney Maloy Azii i antichnogo Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ya kak istoricheskiy i lingvisticheskiy istochnik* [Epigraphic Monuments of Ancient Asia Minor and the Ancient Northern and Western Black Sea Region as a Historical and Linguistic source]. Moscow, 115–137.
- Blavatskiy, V.D. 1954: Arkhaicheskiy Bospor [Archaic Bosphorus]. In: M.M. Kobylina (ed.), *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu* [Materials on the Archaeology of the Northern Black Sea region in Ancient Times]. II (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of USSR] 33). Moscow, 7–44.
- Blavatskiy, V.D. 1964: *Pantikapey. Ocherki istorii stolitsy Bospora* [Panticapaeum. Essays on the History of the Capital of the Bosphorus]. Moscow.
- Butyagin, A.M. 2014: Gorodishche Mirmekiy. 80 let issledovaniy [City-site of Myrmecium. 80 years of research]. *Tavricheskie studii* [Taurian Studies] 6. Simferopol, 15–23.
- Butyagin, A.M. 2017: Osnovanie Mirmekiya i problemy kolonizatsii Evropeyskogo Bospora [Foundation of Myrmecium and problems of colonization of the European Bosphorus]. In: *Peripl: ot Borisfena do Bospora* [Periplus: from the Boristhenes to Bosphorus] (Trydy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 88). Saint Petersburg, 87–96.
- Danovskiy, A.A. 2005: Kamennye topory iz raskopok na myse Zyuk [Stone axes from the Cape Zyuk]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 8, 159–170.
- Dirin, A.A. 1896: Mys Zyuk i sdelannye na nem arkheologicheskie nakhodki [Cape Zyuk and archaeological finds from there]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities] XIX, 121–129.
- Dovatur, A.I., Kallistov, A.P., Shishova, I.A. 1982: *Narody nashey strany v "Istorii" Gerodota* [The Peoples of Our Country in Herodotus' "History"]. Moscow.
- Ivanov, A.A. 2020: Raskopki usadeb ellinisticheskogo vremeni na poselenii "Usad'ba" (khutor Voskresenskiy YuZ okraina) v 2019 g. Predvaritel'nye rezul'taty [2019 Excavations at

- estates of the Hellenistic period at the settlement of "Usadba" (village of Voskresensky. Southwestern outskirts). Preliminary results]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 25, 176–185.
- Kastanayan, E.G. 1958: Arkheologicheskie razvedki na gorodishche Parfeniy v 1949 g. [Archaeological exploration of the city-site of Parthenion in 1949]. In: V.F. Gaydukevich, T.N. Knipovich (eds.), *Bosporskie goroda. II. Raboty Bosporskoy ekspeditsii 1946–1953 gg.* [*Bosporan Cities. II. Works of the Bosporan Mission in 1946–1953*] (Materialy i issledovaniya po Arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of USSR] 69). Moscow–Leningrad, 254–265.
- Khrshanovskiy, V.A. 2004: Novye pogrebal'nye komplekсы V–IV vv. do n.e. na nekropole Kiteya [New burial complexes of the 5th – 4th centuries BC at the necropolis of Cytaeum. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskie protsessy* [*The Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Ethnic Processes*] (V Bosporskie chteniya [Bosporan Studies]). Kerch, 384–388.
- Khrshanovskiy, V.A. 2020: Kurgannaya gruppa na kryazhe Chatr-Tav (po materialam razvedok 2015 i 2018 gg.) [Kurgan group on the Chatr-Tav Ridge (according to the explorations in 2015 and 2018)]. *Arkheologicheskie vesti* [*Archaeological News*] 29, 43–49.
- Koshelenko, G.A. 1979: *Grecheskiy polis na ellinisticheskoy vostokeye* [*Greek Polis in the Hellenistic Orient*]. Moscow.
- Koshelenko, G.A. 1980: Polis i gorod: k postanovke problem [Polis and city: to the formulation of the problem]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 3–27.
- Koshelenko, G.A. 1983: Grecheskiy polis i problemy razvitiya ekonomiki. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia: problemy razvitiya polisa* [*Ancient Greece and the Problem of Development of the Polis*]. Vol. 1. *Stanovlenie i razvitie polisa* [*Formation and development of the Polis*]. Moscow, 217–246.
- Koshelenko, G.A., Kuznetsov, V.D. 1992: *Grecheskaya kolonizatsiya Bospora* [Greek colonization of the Bosporus]. In: *Ocherki arkheologii i istorii Bospora* [*Essays on the Bosporan Archaeology and History*]. Moscow, 6–28.
- Koshelenko, G.A., Kuznetsov, V.D. 1998: Greek Colonization of the Bosporus. In: G. Tsetschladze (ed.), *The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation and Archaeology*. Stuttgart.
- Kruglikova, I.T. 1966: *Bospor v pozdneantichnoye vremya* [*Bosporus during the Late-Antique Period*]. Moscow.
- Kruglikova, I.T. 1975: *Sel'skoye khozyaystvo Bospora* [*The Agriculture of Bosporus*]. Moscow.
- Kulikov, A.V. 2007: Akra and its Chora. In: D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos (eds), *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2*. Vol. II (BAR IS 1975/II) Oxford.
- Kuznetsov, V.D. 1918: Bospor Kimmeriyskiy v V v. do n.e. (drevnepersidskaya nadpis' iz Fanagorii) [The Cimmerian Bosporus in the fifth century BC (ancient Persian inscription from Phanagoria)]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [*Materials on the Archaeology and History of Phanagoria*] 3 (Fanagoriya [Phanagoria] 6). Moscow, 160–185.
- Kuznetsov, V.D. 1991: Rannie apoykii Severnogo Prichernomor'ya [Early *apoikiai* in the Northern Black Sea region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 204, 31–36.
- Kuznetsov, V.D. 1992: Raskopki v Kepakh 1984–1989 gg. [Excavations in Cepoy in 1984–1989]. In: *Ocherki arkheologii i istorii Bospora* [*Essays on the Bosporan Archaeology and History*]. Moscow, 28–45.
- Kuznetsov, V.D. 2010: O vremeni osnovaniya Fanagorii [On the founding of Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 14, 313–321.

- Kuznetsov, V.D. 2021: Arkhaicheskie steny Fanagorii [Archaic walls of Phanagoria]. In: *Hypanis* 3, 111–130.
- Kuznetsov, V.D. 2022: Kserks i Pont (persidskaya nadpis' iz Fanagorii) [Xerxes and Pontus (Persian inscription from Phanagoria)]. In: *Hypanis* 4, 141–161.
- Lomtadze G.A. 2022: Transportnye amfory i ikh fragmenty iz raskopok poseleniya "Akhtanizovskaya 4" [Amphorae and their fragments from the excavations of the Akhtanizovskaya 4 Settlement. In: A.P. Medvedev (ed.), "Ot Kavkaza do Dunaya": Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu. Sbornik nauchnykh trudov v chest' 70-letiya S.Yu. Monakhova ["From the Caucasus to the Danube": The Northern Black Sea Region in Antiquity. Studies Presented to S.Yu. Monakhov on the Occasion of His 70th Birthday]. Saratov, 283–301.
- Lomtadze, G.A. 2013: Kompleks nakhodok arkhaicheskogo vremeni iz raskopok poseleniya Akhtanizovskaya 4 [Complex of finds of the Archaic time from the excavations at the ancient settlement of Akhtanizovskaya 4]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 17, 216–231.
- Maslennikov, A.A. 1992: Zenonov Khersones – gorodok na Meotide [Zenonis Chersonesus, a small city on the Maeotis]. In: *Ocherki arkheologii i istorii Bospora* [Essays on the Bosporean Archaeology and History]. Moscow, 120–173.
- Maslennikov, A.A. 2020: Meotyskie goroda Klavdiya Ptolemeya [Claudius Ptolemaeus' Maeotian cities]. In: A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum: Sbornik statey v chest' 70-letiya A.V. Podosiinova* [Homo omnium horarum: Studies Presented to f A.V. Podosiinov on the Occasion of His 70th Birthday]. Moscow, 354–369.
- Molev, E.A. 2010: *Bosporskiy gorod Kitey* [Cytaeum, a Bosporean City]. Pt. I (Bosporkie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 6).
- Molev, E.A. 2022: *Bosporskiy gorod Kitey* [Cytaeum, a Bosporean City]. Pt. III. Nizhniy Novgorod.
- Molev, E.A., Molev, N.V. 2016: *Bosporskiy gorod Kitey* [Cytaeum, a Bosporean City]. Pt. II (Bosporkie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 5).
- Molev, E.A., Shestakov, S.A. 1991: Nekropol' Kiteya. Po materialam raskopok 1972–1985 gg. [Necropolis of Cytaeum. Materials of 1972–1985 excavations]. In: E.A. Molev (ed.), *Voprosy arkheologii i istorii Bospora* [Issues of Bosporean Archaeology and History]. Voronezh–Belgorod, 74–101.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keram. tare: Katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in the Black Sea Region: Typology of Amphorae of the Leading Centers-Exporters of Products in Ceramic Containers: Catalogue]. Moscow–Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Fedoseev, N.F., Churekova, N.B. 2016: *Amfory VI–II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika* [The Sixth–Second Centuries BC Amphorae in the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve]. Kerch–Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Tolstikov, V.P., Churekova, N.B. 2020: *Amfory VI–I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [The Sixth–First Centuries BC Amphorae in the Pushkin State Museum of Fine Arts. Saratov.
- Mordvintseva, V.I. 2014: Oboronitel'naya stena gorodishcha na vostochnom sklone gory Opuk. Novye dannye [Defensive wall of the settlement located on the eastern slope of Mount Opuk. New data]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 18, 557–271.
- Novichikhin, A.M. 2017: Grecheskaya kolonizatsiya Sindiki [Greek colonization of Sindice]. *Materialy k arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on the Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 9, 67–96.
- Onayko, N.A. 1980: *Arkhaicheskii Torik. Antichnyy gorod na Severo-Vostoke Ponta* [Archaic Torikos. Ancient City in Northeastern Pontus]. Moscow.

- Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M. Maslennikov, A.A., Vakarchuk, R.N., Larkov, A.S., Sysoilin, A.I. 2019: Sledy i khronologiya sil'nykh istoricheskikh zemletryaseniy na myse Zyuk v Vostochnom Krymu [*Traces and chronology of strong historical earthquakes at Cape Zyuk in Eastern Crimea*]. *Fizika Zemli* [Physics of the Earth] 4, 133–152.
- Pal, E.A., Sokolov, P.M., Petrov, P.A., Bezmaternykh, A.E. 2020: Raskopki antichnogo poseleniya Usad'ba (kh. Voskresenskiy, YUZ okraina) v Anape (predvaritel'noe soobshchenie) [Excavations at the ancient settlement of Usadba (village of Voskresenskiy, SW outskirts) in Anapa (preliminary report)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 25, 307–319.
- Petrakova, A.E., Khanutina, Z.V., Khrshanovskiy, V.A. 2015: Fragmenty atticheskogo chernofigur'nogo kratera VI v. do n.e. iz nekropolya Kiteya [Fragments of an Attic black-figure crater of the 6th century BC from the necropolis of Cytaeum]. In: *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti K 70-letiyu V.P. Tolstikova* [Wind Blows Down the Mount Mithridates. The Bosporus and the Black Sea in Antiquity. Studies Presented to V.P. Tolstikov on the Occasion of His 70th Birthday]. Moscow, 99–104.
- Petrova, E.B. 2000: *Antichnaya Feodosiya* [Ancient Theodosia]. Kharkov.
- Ryabkova, T.V. Prodlolzhenie issledovaniy poseleniya ranneskifskogo perioda Tarasova balka v Predgor'yakh Severo-Zapadnogo Kavkaza v 2018–2019 gg. [Continuation of research on the early Scythian settlement of Tarasova Balka in the foothills of the Northwestern Caucasus in 2018–2019]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya za 2019 g.* [Archaeological Discoveries 2019]. Moscow, 242–245.
- Salov, A.I. 1986: Arkhaicheskoe poselenie na okraine Anapy [Archaic Settlement in the outskirts of Anapa]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Problemy antichnoy kul'tury* [Problems of the Ancient Culture]. Moscow, 188–194.
- Saprykin, S.Yu. 2011: Zametki po bosporskoy epigrafike [Notes on Bosporan epigraphy]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 15, 264–274.
- Saprykin, S.Yu. 2022: Fias Zenonova Khersonesa [Thiasus in Zenonis Chersonesus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 27, 259–281.
- Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 1999. Grecheskie nadpisi s mysa Zyuk [Greek inscriptions from the Cape Zyuk]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 2, 193–202.
- Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 2007: *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora* [Graffiti and Dipinti from the Chora of Ancient Bosporus] (Bosporkie issledovaniya [Bosporus Studies]. Suppl. 1).
- Sokolova, O.Yu. 2017: 75 let Nimfeyskoy ekspeditsii [75th Anniversary of Nymphaeum Mission]. In: *Peripl: ot Borisfena do Bospora* [Periplus: from the Boristhenes to Bosporus] (Trydy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 88). Saint Petersburg, 119–128.
- Solovyev, S.L., Vakhoneev, V.V., Shepko, L.G. 2021: *Akra – antichnyy gorod na Evropeyskom Bospore* [Akra, an Ancient City in European Bosporus]. Saint Petersburg
- Stolyarenko, P.G. 2012: O rannem etape urbanizatsii antichnogo Parfeniya [On the early stage of urbanization of ancient Parthenion]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Problemy urbanizatsii* [The Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Problems of Urbanization] (XIII Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Simferopol–Kerch, 404–408.
- Stolyarenko, P.G. 2013: Novye dannye ob arkhaiskoy oboronitel'noy stene Parfeniya [Recent data on the Archaic defensive wall of Parthenion]. In: *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na evraziyskom perekrestke* [Bosporan Phenomenon. The Greeks and Barbarians at the Eurasian crossroads. Materials of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 52–56.
- Stolyarenko, P.G., Kropotov, V.V. 2016: Kompleks pozднеellinisticheskogo vremeni iz goroda Parfeniy [Late Hellenistic complex from Parthenion]. In: *Tavricheskie studii* [Taurian Studies] 10. Simferopol', 160–166.

- Surikov, I.E., 2022: Po povodu nekotorykh drevneyshikh svidetel'stv o bosporskom gorode Fanagoriya [On some ancient evidence about the Bosporan city of Phanagoria]. In: *Bosporskiy fenomen. Bol'shie i malye goroda Bosporskogo tsarstva. Kruglyy stol, posvyashchenny 75-letiyu E.A. Moleva (1947–2021)* [Bosporan Phenomenon. Large and Small Cities of the Bosporan Kingdom. Round Table Dedicated to the 75th Anniversary of E.A. Molev (1947–2021)]. Saint Petersburg, 159–164.
- Tolstikov, V.P., Astashova, T.S., Lomtadze, G.A., Samar, O.Yu., Tugusheva, O.V. 2017: *Drevneyshiy Pantikapey. Ot apoykii – k gorodu* [Earlier Panticapaeum. From Apoikia to a City]. Moscow.
- Tolstikov, V.P., Tugusheva, O.V., Astashova, N.S. 2017: O vremeni osnovaniya Pantikapeya [On the date of founding of Panticapaeum]. In: *Tavricheskie studii* [Taurian Studies] 12. Simferopol', 12–26.
- Vakhtina, M.Yu. 2009: Porfmiy – grecheskiy gorod u perepravy cherez Kimmeriyskiy Bospor [Porthmion, a Greek city at the crossing of the Cimmerian Bosphorus]. *Bosporkie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXII, 91–126.
- Vinokurov, N.I. 2007: *Vinogradarstvo i vinodelie antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya* [Viticulure and Winemaking of the Ancient States of the Northern Black Sea Region] (Bosporkie issledovaniya [Bosporos Studies] 3).
- Vnukov, S.Yu. 2015: Prodolzhitel'nost' ispol'zovaniya antichnykh vinnykh amfor [Duration of use of ancient wine amphorae]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 238, 161–169.
- Zavoykin, A.A. 2009: O "bol'shikh" i "malykh" bosporskikh gorodakh [On "large" and "small" Bosporan cities]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 13, 176–205.
- Zavoykin, A.A. 2013: *Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva. Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov* [Formation of the Bosporus State. Archaeology and Chronology of the Formation of the Power of the Spartocids] (Bosporkie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 10).
- Zavoykin, A.A. 2022: Kitey: razmyshleniya o "malom bosporskom gorode" [Cytaeum: reflection on the "small Bosporan town"]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 27, 101–113.
- Zavoykin, A.A., Saprykin, S.Yu. 2018: Vostochnyy Krym v antichnuyu epokhu. Bosporskoe tsarstvo v VI v. do –III v. n.e. [Eastern Crimea in Antiquity. Bosporan kingdom in the 6th century BC to the 3rd century AD]. In: A.V. Yurasov (ed.), *Istoriya Kryma* [History of Crimea]. Vol. 1. Moscow, 51–84.
- Zavoykin, A.A., Tolstikov, V.P. 2017: Ocherki politicheskoy istorii Pantikapeya i Fanagorii [Essays on the political history of Panticapaeum and Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov, V.P. Tolstikov (eds.), *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva: katalog vystavki* [Panticapaeum and Phanagoria. Two Capitals of the Bosporan Kingdom: Exhibition Catalogue]. Moscow, 47–68.
- Zavoykina, N.V. 2013: *Bosporskie fiasy: mezhdru polisom i monarkhiy* [Bosporan Thias: Between the Polis and Monarchy]. Moscow.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaya tara Bospora* [Amphorae in Bosporus] (Materialy po Arkheologii SSSR [Materials on the Archaeology of USSR] 83). Moscow.
- Zelenko, S.M. 2008: *Podvodnaya arkheologiya Kryma* [Underwater Archaeology of Crimea]. Kiev.
- Zhuravlev, D.V., Batasova, A.V., Shlottsauer, U. 2022: O sisteme oborony poseleniya Golubitskaya 2 [Defensive system of the Golubitskaya 2 Settlement]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 35, 28–43.
- Zhuravlev, D.V., Shlottsauer, U. 2014: Nekotorye itogi rabot Bosporskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na Tamanskom poluostrove. 2006–2013 gg. [Some results of the work of the Bosporan Archaeological Mission on the Taman Peninsula in 2006–2013. In: *Gosudarst-*

- vennyy istoricheskiy muzey i otechestvennaya arkheologiya. K 100-letiyu otdela arkheologicheskikh pamyatnikov* [State Historical Museum and Domestic Archaeology. To the 100th anniversary of the Department of Archaeological Sites] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Transactions of the State Historical Museum] 201)]. Moscow, 150–186.
- Zin'ko, V. 2014: Tyritake in Archaic time. In: A. Twardecki (ed.), Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. Proceedings of the international conference, Warsaw, 27–28 November 2013. Warsaw, 47–61.
- Zinko, V.N. 2017: Iz istorii arkhaiskoy Tiritaki [From the history of Archaic Tyritace]. In: *Peripl: ot Borisfena do Bospora* [Periplus: from the Boristhenes to Bosphorus] (Trydy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 88). Saint Petersburg, 106–116.
- Zinko, V.N., Shamray, A.N. 2009: Podvodnye arkheologicheskie nablyudeniya i razvedki u gory Opuk [Underwater archaeological observations and explorations near Mount Opuk]. *Bosporokie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXI, 449–458.

INSIDE OR OUTSIDE?
(ON THE “STATUS” OF THE SETTLEMENT ON CAPE ZYUK, SMALL
TOWNS AND “INTERNAL” COLONIZATION OF THE BOSPORUS)

Aleksandr A. Maslennikov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: iscander48@mail.ru

Based on archaeological and epigraphic materials, the author makes an assumption about the *polis* status of the settlement on Cape Zyuk (the Crimean Sea of Azov) and characterizes this site as a “frozen” form of the original *apoikia*. Then, the initial chronology of most of the “small” Bosporan cities is considered, also with the involvement of new material. A special attention is drawn to the correlation of currently accepted dating of the main categories of mass archaeological material (amphorae and dishes), taking into account the fact that amphorae tend to have a shorter service life. As a result, it is possible to postulate at least four stages (“waves”) of the local colonization process, more or less synchronous with the historical events known to us in the centers of the metropolis at the end of the 7th – beginning of the 5th century BC, which has long been assumed in the fundamental works of V.D. Blavatsky, G.A. Koshelenko and V.D. Kuznetsov. On the basis of this, as well as the specific situation in the region of the Cimmerian Bosphorus and the demographic possibilities of the Greek *apoikiai-poleis* that arose here, the author refuses the idea on the so-called internal colonization that at that time. In addition, attention is once again drawn to the fact that the process of development by the Hellenes of the spaces of the future Bosporan state proceeded differently in its Asiatic and European parts. In the first case, it initially took place in the form of the withdrawal of a large number of small *apoikiai*, most of which, mainly not on the coast, later, for a number of reasons, could not move to the next stage – urban-type settlements.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, archaeology and written sources, colonization, *emporia*, *apoikiai*, small towns, rural settlements, *polis* status, dating problems, chronology, colonies and metropolises, “internal” colonization

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 197–217
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 197–217
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-197–217

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕКУПС-2 (2018–2019 гг.)

М.Г. Абрамзон¹, Д.Г. Баринов², А.Б. Колесников³

^{1,3} *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;*

¹ *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

² *Автономная некоммерческая научно-исследовательская организация «Центр
краеведения», Энгельс, Россия*

¹ *E-mail:* abramzon-m@mail.ru ² *E-mail:* kraeved@mail.ru ³ *E-mail:* abkolesnikov60@mail.ru

¹ *ORCID:* 0000-0001-6111-048X ² *ORCID:* 0009-0000-0890-8097

³ *ORCID:* 0000-0002-3548-5170

В статье публикуются 204 монеты из раскопок античного поселения Чекупс 2, расположенного в Синдике, в 2,2 км к юго-востоку от Лабриса (Семибратнее городище). Данный монетный комплекс не только характеризует нумизматический профиль региона, но и отражает разные периоды интенсивности жизнедеятельности поселения. В целом, нумизматический материал датируется последней четвертью V в. до н.э. – рубежом II/III вв. н.э. Наивысшая активность жизни на поселении, судя по монетным находкам, приходится на последнюю треть IV и первую половину III вв. до н.э. К этому времени относятся 152 монеты. Со второй половины III в. и во II–I вв. до н.э. наблюдается спад: от третьей четверти III в. дошел единственный обол Левкона II, а ко II в. до н.э. принадлежат всего 15 монет. По одной монете приходится на правления Митридата VI (Амис?) и Полемона I (выпуск от имени Кесарии). Новый подъем начинается с правления Аспурга и достигает пика при Савромате I и его приемниках (34 монеты). К рубежу II/III вв. н.э. относятся сильно стертые сестерции Савромата I и Евпатора с надчеканкой в виде бюста Септимия Севера (или Каракаллы?). Таким образом, нумизматические материалы уточняют фазы функционирования поселения Чекупс 2.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Синдика, поселение Чекупс-2, Лабрис, античные монеты из раскопок, денежное обращение

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Дмитрий Геннадьевич Баринов – заместитель директора АННИО «Центр краеведения»; Андрей Борисович Колесников – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии Московской Руси ИА РАН.

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-00057.

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Античное поселение Чекупс-2 расположено в 5,6 км к западу от ст. Варениковская (Крымский район Краснодарского края), 2,2 км к юго-востоку от Лабриса (Семибратнего городища), на высокой террасе левого берега р. Чекупс, при слиянии ее с поймой р. Кубань (рис. 1). Памятник был открыт в 2015 г. во время разведочных работ, проводимых отрядом ООО «Археологическая экспедиция» под руководством М.В. Иванова и В.В. Матаева¹. Северную окраину поселения пересекает автодорога Крымск – Джигинка, центр и южную часть, с запад на восток, – железнодорожный перегон Варениковская – Юровский. Площадь поселения составляет более 15 га, толщина культурного слоя (не стратифицированного) – от 0,6 до 1,3 м.

В 2018–2019 гг. на памятнике, попавшем в зону строительства объекта «Электрификация участка разъезд 9 км – Юровский – Анапа Северо-Кавказской железной дороги», силами археологической экспедиции АННАО «Центр краеведения» совместно с ООО «ЦРСП-ЮГ» (г. Краснодар) и ООО «Научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт энергетики и транспорта «ЭНЕРГОТРАНСПРОЕКТ» (г. Москва) под руководством Д.Г. Баринаова проводились охранно-спасательные раскопки на площади 41 884,6 м². В ходе работ выявлен обильный археологический материал разных культурно-хронологических периодов². Поселение активно функционировало в VI в. до н.э. – III в. н.э. Его окружает оборонительный ров глубиной до 2 м и шириной до 2,6 м (на уровне материка). Территория, окруженная рвом, имела максимальную ширину 280 м по линии В–З (в пределах раскопа). Многочисленные хозяйственные ямы, скопления керамики, небольшие каменные кладки античного времени плотно располагаются по линии С–Ю вдоль покатой террасы р. Чекупс. К западу, юго-западу и югу от рва выявлены хозяйственные постройки, окружающие поселение полукольцом. На памятнике исследовано 485 объектов античного времени, в большинстве – хозяйственные ямы.

Подавляющее большинство находок составляют фрагменты амфорной тары (67,53%). Встречаются и археологически целые амфоры: хиосская пухлогорлая развитого варианта 3В, по классификации С.Ю. Монахова, 480–470 гг. до н.э., а также гераклеяская – с энглифическим клеймом на горле, 350-е гг. до н.э.

Второе место занимает столовая красноглиняная и сероглиняная посуда (16,86%). Красноглиняные унговентарии местного производства представлены тремя сосудами IV в. до н.э.

Лепная керамика (13,45%) представлена, прежде всего, фрагментами раннемеотской посуды. Самые ранние сосуды относятся к третьей четверти VI в. до н.э. (подобные находки происходят, например, из архаического дома в Торике). В объектах поселения Чекупс-2 они впервые найдены совместно с амфорным материалом первой трети/четверти V в. до н.э.

Чернофигурная и краснофигурная посуда составляет 0,10% от всех находок, черепица – 0,35%, пифосы – 0,18%, лутерии и мортары – 0,07%.

¹ Тупалов 2018, 5.

² Баринаов 2020.

Керамический материал дал 59 клейм и отпечатков гемм на амфорах различных средиземноморских и причерноморских центров (Хиос, Фасос, Родос, Книд, Аканф, Менда, Синопа, Гераклея Понтийская), а также одно клеймо на южнопонтийской черепице неустановленного центра. Самые ранние клейма – на хиосских прямогорлых амфорах третьей четверти V в. до н.э., позднейшие – родосские, ок. 195–183 гг. до н.э.

Граффити и дипинти с поселения Чекупс-2 представляют стандартный для позднеклассических и эллинистических поселений набор торгово-хозяйственных меток. Все они состоят из одной или нескольких букв, или рисуночного изображения. Исключение представляют два граффити на красноглиняной и сероглиняной чашах с круглым дном и S-видным венчиком. Учитывая наличие в них слова *ἱερὸν*, их можно интерпретировать как инвентарную метку святилища или посвящение божеству – Тихе или Афине. Находка двух однотипных сосудов с подобными надписями может свидетельствовать о том, что они происходят из святилища, в котором одновременно поклонялись нескольким божествам. Большая часть дипинти (кружки и крестики) маркирует хиосские пухлогорлые амфоры конца VI в. – 470-х гг. до н.э.

Многочисленные индивидуальные находки античного времени представлены изделиями из глины, стекла и пасты, бронзы (двух- и трехлопастные наконечники стрел, фрагменты зеркал, фибулы, кольца, перстни, подвески, бубенчики, накладки, пряжки, иглы, рыболовные крючки, псалии), железа (ножи, кинжалы, топоры, тесла), а также монетами³.

2. НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Всего на памятнике найдено 262 монеты⁴. Многие имеют плохую сохранность. За исключением одной серебряной, все остальные монеты – медные. На данный момент определению поддаются 204 экземпляра, которые распределяются следующим образом:

Группа I. Боспорские монеты

1. Городские

Пантикапей, V–I вв. до н.э.	163
Фанагория, II в. до н.э.	4

2. Царские

Левкон II (ок. 240–220 гг. до н.э.)	1
Аспург (14/15–37/38 гг.)	5
Гепеирия (37/38–38/39 гг.)	2
Митридат III (39/40–45/46 гг.)	1
Котис I (45/46–68/69 гг.)	2
Рескупорид II (68/69–91/92 гг.)	4
Савромат I (93/94–123/124 гг.)	9

³ Jefremow et al. 2022.

⁴ Монеты и другие материалы поступили в Восточно-Крымский историко-культурный музей – заповедник (Керчь).

Котис II (123/124–132/133 гг.)	3
Реметалк (131/132–153/154 гг.)	4
Евпатор (154/155–170/171 гг.)	1
Сестерции боспорских царей, точно не определяемые	5

Группа II. Небоспорские монеты

Понт

Амис(?), ок. 85–65 гг. до н.э.	1
--------------------------------	---

Данный монетный комплекс не только полно характеризует нумизматический профиль региона, но и отражает разные периоды интенсивности жизнедеятельности поселения Чекупс-2. Наивысшая активность жизни на поселении, судя по нумизматическому материалу, приходится на последнюю треть IV и первую половину III вв. до н.э. От этого времени дошли 152 монеты. Со второй половины III в. и во II–I вв. до н.э. наблюдается спад: от третьей четверти III в. до н.э. дошел единственный обол Левкона II, а ко II в. относятся всего 15 монет. По одной монете приходится на правления Митридата VI Евпатора (Амис?) и Полемона I (выпуск от имени Кесарии). Новый подъем жизнедеятельности поселения начинается с правления Аспурга и достигает пика при Савромате I и его приемниках (34 монеты). К самому концу II – началу III в. н.э. можно отнести сильно стертые сестерции Савромата I и Евпатора с надчеканкой в виде бюста Септимия Севера (или Каракаллы?). В целом, нумизматический материал поселения Чекупс-2 датируется последней четвертью V в. до н.э. – рубежом II/III вв. н.э. Все это обычные типы монет, почти не требующие комментариев. Набор типов крайне скуден.

Абсолютное большинство монет автономного периода принадлежит чекану Пантикапея (163 из 168 экз). Самая ранняя из них – серебряный пантикапейский диобол типа «голова льва/голова барана»⁵ (№ 1), выпущенный ок. 425–400 гг. до н.э.

Чеканка Пантикапея IV в. до н.э. представлена в основном серией меди, выпущенной ок. 330–315 гг. до н.э.⁶ Это тетрагалки⁷ (№ 2–12), дихалки⁸ (№ 13–15) и халки⁹ (№ 16–17). Далее следуют тетрагалки с головой льва и осетром на о.с.¹⁰ из серии ок. 315–300 гг. до н.э. (№ 18) и многочисленные монеты этого типа, надчеканенные клеймами в виде звезды и горита в самом начале III в. до н.э.¹¹ (№ 19–36).

К началу III в. до н.э. относятся также пантикапейские дихалки с головой быка в $\frac{3}{4}$ (№ 37–39)¹² и тетрагалки нового типа «сатир/лук и стрела»¹³, в том числе и перечеканенные из клейменных монет со львом и осетром¹⁴ (№ 40–48). Самую многочисленную группу найденных на поселении монет образует деградирован-

⁵ Анохин 1986, № 54.

⁶ Здесь и далее датировка по Д.Б. Шелову (1956).

⁷ Анохин 1986, № 111.

⁸ Анохин 1985, № 112.

⁹ Анохин 1986, № 113.

¹⁰ Анохин 1986, № 125.

¹¹ Анохин 1986, № 130.

¹² Анохин 1986, № 132.

¹³ Анохин 1986, № 133.

¹⁴ Шелов 1956, № 67; SNG BM I 898.

Рис. 1. Местоположение поселения Чекупс-2
Fig. 1. Location of the site of Chekups-2

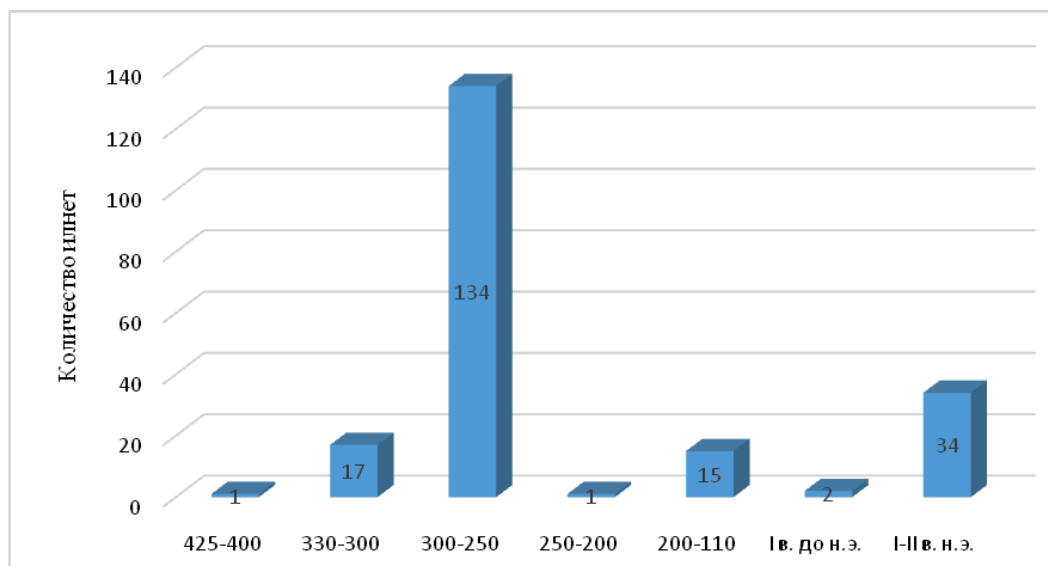

Рис. 2. Чекупс-2. Хронологическое и количественное распределение монет.
Fig. 2. Chronological and quantitative distribution of coins from the Chekups-2 settlement.

ная медь с луком и стрелой периода денежного кризиса (97 экз. – № 49–145), в том числе и с надчеканкой в виде треножника¹⁵ (№ 134–145). К середине третьего столетия относятся новые типы: «голова Аполлона/треножник»¹⁶ (№ 146–148), «голова Аполлона/орел» с надчеканкой «треножник»¹⁷ (№ 149–150), «голова бордатого сатира/луки и стрела»¹⁸ (№ 151–152). Завершает ряд монет III в. до н.э. упомянутый обол Левкона II¹⁹ (№ 169).

Боспорская чеканка II в. до н.э. представлена скудно – парой пантикапейских типов «голова быка/плуг, колос»²⁰ (№ 153) и «голова Аполлона/горит»²¹ (№ 154–162), а также фанагорийской медью с сатиром и луком со стрелой²² (№ 164–167). Обращает внимание соотношение пантикапейской и фанагорийской меди этого столетия как 2,5:1.

Чеканка I в. до н.э. представлена всего двумя монетами – тетрахалком Амиса (?) типа «Арес/меч»²³, датируемым 85–65 гг. до н.э. (№ 168), и выпуском от имени Кесарии (Пантикапея) 13–12 гг. до н.э.²⁴ (№ 167).

Новый расцвет поселения приходится на период от Аспурга (№ 170–174) до Реметалка (№ 197–200). Ряд монет этого времени завершает единственный сестерций Евпатора редкого типа «два мужских бюста друг против друга/всадник вправо»²⁵ (№ 202). В этой группе боспорских медных номиналов I–II вв. н.э. (асарии, сестерции, дупондии) доминируют сестерции Савромата I (№ 184–192), наименьшее количество монет традиционно принадлежит Евпатору. Поскольку один из сестерциев Савромата I (№ 190) и сестерций Евпатора снабжены круглым клеймом с бюстом императора, следует, что обе эти сильно изношенные монеты продолжали обращаться на рубеже II/III вв. н.э.

Остается добавить, что нумизматические материалы соседних памятников в Синдике, а также ряда сельских поселений Керченского и Таманского полуостровов, дают похожую картину хронологического и процентного соотношения выпусков с некоторыми вариациями. Так, например, из раскопок Лабриса происходит абсолютно тот же набор типов последней трети IV – середины III в. до н.э.; с другой стороны, значительная группа монет IV–I вв. (16 из 59) датируется временем от Митридата VI до Асандра²⁶, в то время, как Чекупс -2 дал всего пару монет I в. до н.э.

Монетные комплексы с поселений Таманского полуострова Береговой 4, Артющенко 1 и 2, Сенной 2, Таманский толос и резиденция Хрисалиска и др. демонстрируют два пика: первый приходится на период денежного кризиса (первая половина – середина III в. до н.э.), второй (после «спада» во второй половине III в. до н.э.) – на II в. до н.э., вслед за которым, в следующем столетии численность

¹⁵ Анохин 1986, № 139.

¹⁶ Анохин 1986, № 141.

¹⁷ Анохин 1986, 143.

¹⁸ Анохин 1986, № 145.

¹⁹ Анохин 1986, № 134.

²⁰ Анохин 1986, № 165.

²¹ Анохин 1986, № 169.

²² Анохин 1986, 147; SNG BM I 990–994.

²³ SNG BM I 1156?

²⁴ Фролова 1997/1, 32–38, 41.

²⁵ Фролова 1997/1, LXXII, 4–6.

²⁶ Горончаровский 2009, 160, 162–164.

Рис. 3. Монеты из раскопок поселения Чекупс 2
Fig. 3. Excavation coins from the settlement of Chekups-2

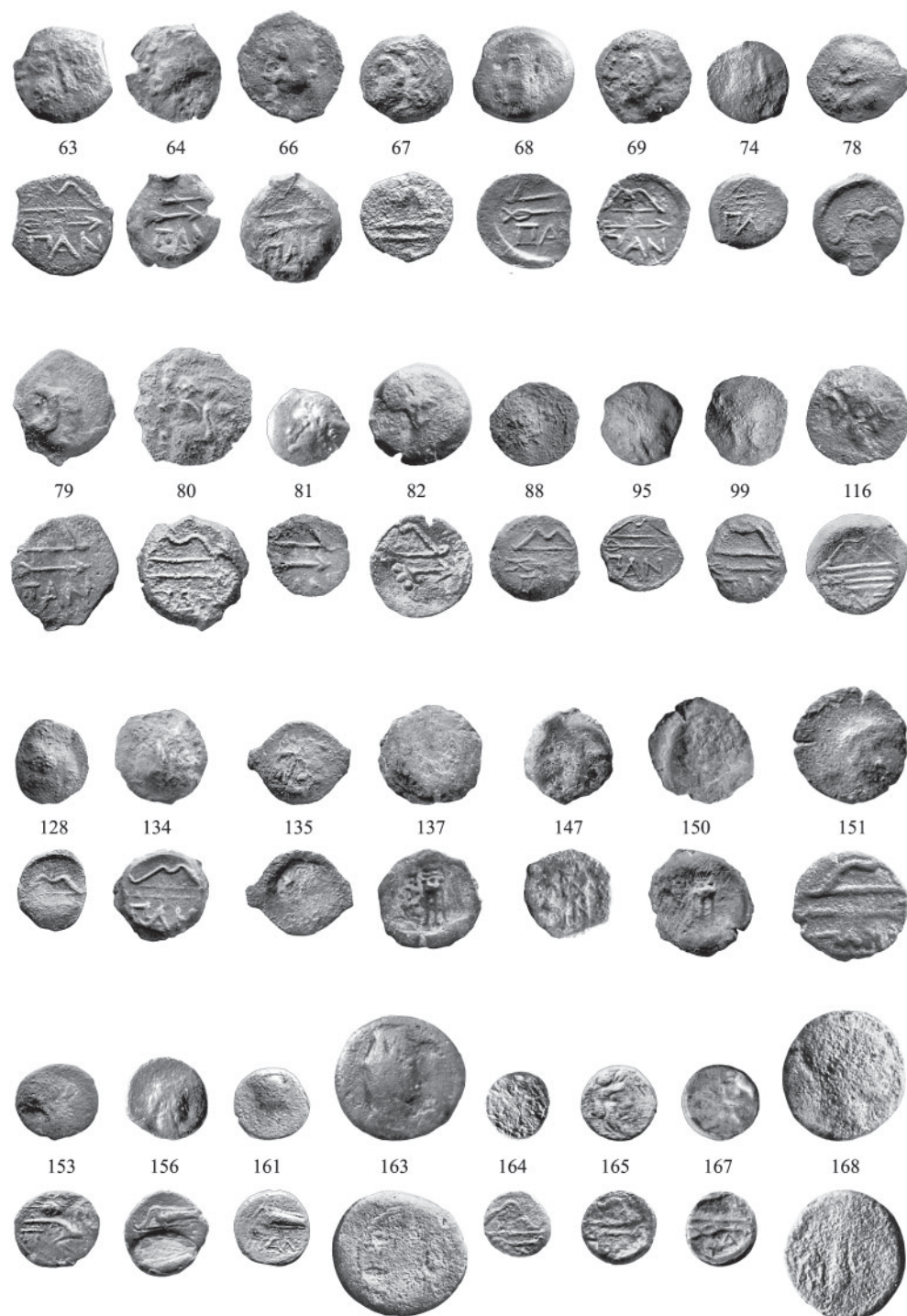

Рис. 4. Монеты из раскопок поселения Чекупс 2
 Fig. 4. Excavation coins from the settlement of Chekups-2

Рис. 5. Монеты из раскопок поселения Чекупс 2
Fig. 5. Excavation coins from the settlement of Chekups-2

Рис. 6. Монеты из раскопок поселения Чекупс 2
Fig. 6. Excavation coins from the settlement of Chekups-2

монет на памятниках резко сокращается²⁷. Нумизматические материалы из Берегового 4 датируются последней четвертью V в. до н.э. – I в. н.э., включая минимальное количество монет I в. до н.э. (3 экз.); самая поздняя монета здесь – сестерций Рескупорида II или Савромата I²⁸. Выборка с поселения Сенной 2 охватывает выпуски последней трети IV – первой половины I в. до н.э. (присутствует здесь и одна монета Левкона II). Эти материалы фиксируют угасание интенсивности жизнедеятельности на хоре Таманского полуострова в конце II – первой четверти I в. до н.э. и даже прекращение существования целого ряда поселений (особенно ситуация усугубилась при Митридате VI из-за поборов сельского населения)²⁹. Ту же картину дают материалы поселения Вышестеблиевская 3, отражающие пики в последней трети IV – первой половине III вв. и затем во II в., со спадом между ними, а также полное отсутствие монет после Митридата VI (здесь тоже имеется одна монета Левкона II)³⁰. Монеты с поселения Артющенко 1 датируются в целом последней третью IV в. до н.э. – серединой II в. н.э.; позднейшая из них – сестерций Реметалка³¹.

Монетные находки из Манитры (Восточный Крым) демонстрируют тот нумизматический профиль, что и для Чекупса-2: они также датируются последней третью IV в. до н.э. – первой половиной III в. н.э. Здесь тоже преобладают выпуски последней трети четвертого столетия – первой половины третьего века, затем монеты почти отсутствуют до времени Аспурга; позднейшие монеты принадлежат Реметалку и Ининфимею³².

В кладе сестерциев I–II вв. н.э. с поселения Коржевский 6 (Славянский район) самые поздние также принадлежат Реметалку³³. Наконец, сестерции Реметалка составляют последнюю заметную группу в монетном комплексе поселения Чекупс 2, однако оно продолжает функционировать до рубежа II/III вв. (и позднее), что подтверждают находки клейменных сестерциев Савромата I и Евпатора, а также керамики второй половины II – начала/первой половины III в.³⁴

Итак, нумизматические материалы позволяют уточнять фазы функционирования поселения Чекупс 2, а набор монетных типов отражает особенности денежного обращения в регионе с последней трети IV в. до н.э. по рубеж II/III вв. н.э.

²⁷ Абрамзон и др. 2016, 22.

²⁸ Абрамзон и др. 2016, 15.

²⁹ Абрамзон, Кузнецов 2015, 12–15, табл. 1.

³⁰ Абрамзон и др. 2021.

³¹ Виноградов, Терещенко 2009, 135–142.

³² Абрамзон и др. 2020.

³³ Абрамзон и др. 2022.

³⁴ Баринов 2020, 141 (амфора Зеест 76), 164 (чаша нач. III в. Журавлев 30), 198 (амфора Зеест 75), 199 (амфора Зеест 90).

КАТАЛОГ¹

№ п/п	№ по описи	Определение	Тип	Датировка	Литература	Вес, г	Диаметр, мм	Место находки
1.	522	Пантикапей?	голова льва/голова барана?	425–400 гг. до н.э.	Анохин 1986, 54	0.5	13	Кв. Г69, пл. 5
2.	98	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	5.0	20	Кв. Б71, пл. 2
3.	218	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	5.2	18	Кв. Е80, пл. 2
4.	222	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	6.6	21	Кв. Ж71, пл. 3
5.	257	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	6.4	20	Кв. П28, пл. 2
6.	529	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	5.3	19	Кв. Г77, пл. 5
7.	834	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	6.7	20	Кв. 337, пл. 5
8.	852	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	6.0	19	Кв. С27, пл. 3
9.	860	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	4.7	20	Кв. С69, пл. 2
10.	867	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	5.8	19	Кв. У46, пл. 2
11.	895	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	7.1	21	Кв. Г, Д76/77, об. 400
12.	913	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	5.0	18	Кв. Р32, пл. 3
13.	273	Пантикапей	сатир/протома Пегаса	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	2.3	15	Кв. П44, пл. 3
14.	803	Пантикапей	сатир/протома Пегаса	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	1.9	14	Кв. О34, об. 308
15.	927	Пантикапей	сатир/протома Пегаса	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	2.2	14	Кв. Р67, пл. 2
16.	550	Пантикапей	сатир/лук в горите	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 113	1.8	12	Кв. А78, пл. 2
17.	865	Пантикапей	сатир/лук в горите	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 113	1.0	10	Кв. У38, пл. 2
18.	827	Пантикапей	сатир/лев, остр	315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	5.3	18	Кв. Д92, пл. 3
19.	58	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	6.2	18	Кв. А76, пл. 2
20.	104	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	5.3	19	Кв. Б80, пл. 2
21.	106	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	5.7	18	Кв. Б86, пл. 3
22.	147	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	5.7	20	Кв. Ж40, пл. 2
23.	276	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	4.8	20	Кв. П70, пл. 4
24.	351	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	–	17	Кв. О33, об. 308
25.	390	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	5.0	18	Кв. Д43, пл. 1
26.	391	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	5.7	17	Кв. Д47, пл. 3
27.	549	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	4.2	17	Кв. Д77, пл. 3
28.	820	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	4.1	17	Кв. Т39, пл. 3

¹ Порядковым номерам каталога соответствуют номера монет в таблицах.

29.	828	Пантикапей	сатир/лев, остр., с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	5.0	20	Кв. Д92, пл. 3
30.	864	Пантикапей	сатир/лев, остр., с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	3.0	17	Кв. У32, пл. 2
31.	866	Пантикапей	сатир/лев, остр., с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	6.0	19	Кв. У43, пл. 2
32.	870	Пантикапей	сатир/лев, остр., с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	7.5	19	Кв. У51, пл. 3
33.	910	Пантикапей	сатир/лев, остр., с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	6.6	19	Кв. Г95, пл. 6
34.	914	Пантикапей	сатир/лев, остр., с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	4.9	19	Кв. Р35, пл. 3
35.	915	Пантикапей	сатир/лев, остр., с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	4.2	19	Кв. Р40, пл. 3
36.	929	Пантикапей	сатир/лев, остр., с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	5.1	19	Кв. Р68, пл. 2
37.	819	Пантикапей	сатир/голова быка в $\frac{3}{4}$	300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	2.7	16	Кв. Т36, пл. 2
38.	862	Пантикапей	сатир/голова быка в $\frac{3}{4}$	300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	5.0	17	Кв. С69, пл. 2
39.	902	Пантикапей	сатир/голова быка в $\frac{3}{4}$	300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	4.0	16	Кв. Г92, пл. 3
40.	831	Пантикапей	сатир/лук и стрела, перечеканка из <i>Анохин 130</i>	300–275 гг. до н.э.	SNG BM 1 898	3.0	18	Кв. Д96, пл. 4
41.	899	Пантикапей	перечеканка из <i>Анохин 130</i>	300–275 гг. до н.э.	SNG BM 1 898	5.5	19	Кв. Г91, пл. 5
42.	112	Пантикапей	сатир/лук и стрела	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133		20	Кв. Б95, пл. 3
43.	245	Пантикапей	сатир/лук и стрела	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	2.1	17	Кв. О36, пл. 2
44.	887	Пантикапей	сатир/лук и стрела	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	2.3	20	Кв. Н65, пл. 3
45.	901	Пантикапей	сатир/лук и стрела	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	4.5	17	Кв. Г92, пл. 3
46.	911	Пантикапей	сатир/лук и стрела	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	5.4	17	Кв. Г96, пл. 4
47.	928	Пантикапей	сатир/лук и стрела	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	5.6	19	Кв. Р67, пл. 4
48.	221	Пантикапей	сатир/лук и стрела	275–250 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	4.0	18	Кв. Ж69, пл. 3
49.	211	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	3.3	16	Кв. К31, пл. 2
50.	77	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.7	11	Кв. В71, пл. 3
51.	78	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.0	12	Кв. В74, пл. 2
52.	81	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.5	11	Кв. В81, пл. 4
53.	94	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	300–275 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.5	15	Кв. А91, пл. 3
54.	99	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.7	11	Кв. Б75, пл. 3
55.	102	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.8	12	Кв. Б77, пл. 2
56.	105	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.1	13	Кв. Б85, пл. 2
57.	109	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.1	16	Кв. Б89, пл. 2
58.	111	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.7	16	Кв. Б93, пл. 3
59.	118	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	3.0	17	Кв. Б92, пл. 2
60.	120	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.2	11	Кв. В99, пл. 3
61.	139	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	3.2	17	Кв. Б88

62.	217	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.4	12	Кв. Е80, пл. 2
63.	228	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	2.8	15	Кв. Ж86, пл. 2
64.	246	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	2.4	15	Кв. О44, пл. 2
65.	247	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.4	13	Кв. О44, пл. 2
66.	249	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	4.1	16	Кв. О59, пл. 3
67.	252	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.6	13	Кв. О69, пл. 3
68.	255	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	3.6	15	Кв. О73, пл. 3
69.	256	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	2.2	14	Кв. О80, пл. 3
70.	261	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.6	14	Кв. П70, пл. 4
71.	267	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.9	10	Кв. Е97, пл. 4
72.	270	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	2.0	13	Кв. О69, пл. 4
73.	272	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.9	15	Кв. П44, пл. 3
74.	278	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	2.1	12	Кв. П74, пл. 3
75.	335	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	–	17	Кв. П84, пл. 3
76.	336	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	–	15	Кв. П84, пл. 3
77.	386	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	2.8	16	Кв. Г45, пл. 5
78.	393	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	2.5	15	Кв. Д49, пл. 3
79.	512	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.9	17	Кв. И81, пл. 4
80.	514	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	4.2	17	Кв. И82, пл. 4
81.	515	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.3	12	Кв. И83, пл. 2
82.	516	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	2.4	15	Кв. И84, пл. 3
83.	527	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.4	14	Кв. Г77, пл. 2
84.	531	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	3.8	18	Кв. Г79, пл. 2
85.	534	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.7	14	Кв. Г86, пл. 4
86.	536	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.2	12	Кв. Г87, пл. 3
87.	537	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	–	–	Кв. Г71, пл. 3
88.	805	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.6	13	Кв. Ф39, пл. 3
89.	806	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	3.4	13	Кв. Ф61, пл. 3
90.	815	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.6	14	Кв. П71, об. 1, ров
91.	821	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.6	14	Кв. Т43, пл. 3
92.	822	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.8	14	Кв. Т66, пл. 4
93.	823	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.4	14	Кв. Т74, пл. 2
94.	824	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	2.2	15	Кв. Т82, об. 680
95.	825	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	1.8	12	Кв. Д91, пл. 2

96.	826	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.1	13	Кв. Д91, пл. 3
97.	829	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград., отверстие	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.8	14	Кв. Д92, пл. 6
98.	832	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.1	16	Кв. Д98, пл. 4
99.	833	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.3	12	Кв. Д98, пл. 5
100.	837	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.4	12	Кв. 356, пл. 2
101.	843	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.4	13	Кв. 361, пл. 3
102.	844	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.3	12	Кв. 376, пл. 3
103.	845	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.8	12	Кв. 380, пл. 4
104.	847	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.5	12	Кв. 382, пл. 4
105.	849	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.4	12	Кв. 388, пл. 1
106.	856	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.9	13	Кв. С66, пл. 3
107.	859	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.1	15	Кв. С69, пл. 2
108.	863	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.5	13	Кв. Х49, пл. 2
109.	868	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.9	13	Кв. У46, пл. 3
110.	871	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	0.9	10	Кв. У58, пл. 2
111.	872	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.0	14	Кв. У68, пл. 3
112.	873	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.6	13	Кв. У70, пл. 1
113.	874	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.6	15	Кв. У76, пл. 2
114.	875	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.0	12	Кв. Н44, пл. 3
115.	876	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	3.0	16	Кв. Н57, пл. 3
116.	879	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.6	15	Кв. Н58, пл. 4
117.	881	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.4	14	Кв. Н59, пл. 2
118.	884	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.6	13	Кв. Н62, пл. 4
119.	888	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.8	13	Кв. Н66, пл. 3
120.	890	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.3	12	Кв. Н66, пл. 4
121.	891	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	3.2	17	Кв. Н66, пл. 4
122.	893	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	3.0	15	Кв. Н67, пл. 3
123.	894	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.0	14	Кв. Н72, пл. 3
124.	898	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.1	12	Кв. Г91, пл. 2
125.	900	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	4.5	17	Кв. Г92, пл. 2
126.	901	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.9	15	Кв. Г92, пл. 3
127.	906	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.7	10	Кв. Г95, пл. 4
128.	920	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	0.8	12	Кв. Р47, пл. 3

129.	923	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.9	16	Кв. Р60, пл. 2
130.	925	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.4	12	Кв. Р65, пл. 2
131.	931	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.8	14	Кв. Р70, пл. 2
132.	932	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	1.9	13	Кв. Р70, пл. 2
133.	933	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	0.9	12	Кв. Р70, пл. 4
134.	934	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1 901–905	2.2	14	Кв. Р64, об. 1, ров
135.	57	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	1.2	15	Кв. А75, пл. 1
136.	80	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	1.9	14	Кв. В77, пл. 3
137.	142	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	2.1	15	Кв. В79/80
138.	334	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	–	17	Кв. П84, пл. 3
139.	543	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	1.9	15	Кв. Д69, пл. 4
140.	567	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	2.3	17	Кв. Д81, пл. 4
141.	568	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	1.4	13	Кв. Д84, пл. 3
142.	569	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	1.4	12	Кв. Д84, пл. 3
143.	814	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	2.1	16	Кв. П71, об. 1, ров
144.	904	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	1.8	15	Кв. Г92, пл. 5
145.	924	Пантикапей	То же, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	3.6	16	Кв. Р61, пл. 2
146.	886	Пантикапей	Аполлон/треножник	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 141	2.0	14	Кв. Н64, пл. 3
147.	896	Пантикапей	Аполлон/треножник	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 141	2.3	13	Кв. Г81, пл. 1
148.	912	Пантикапей	Аполлон/треножник	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 141	5.3	18	Кв. Р31, пл. 3
149.	517	Пантикапей	Аполлон/орел, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 143	5.3	18	Кв. И85, пл. 4
150.	528	Пантикапей	Аполлон/орел, клеймо «треножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 143	3.0	16	Кв. Г77, пл. 5
151.	116	Пантикапей	сатир/лук и стрела влево, ПАНТ	Ок. 250 г. до н.э.	Абрамзон, Кузнецов 2015, № 99	4.6	17	Кв. Б98, пл. 2
152.	841	Пантикапей	сатир/лук и стрела влево, ПАНТ	Ок. 250 г. до н.э.	Абрамзон, Кузнецов 2015, № 99	2.4	15	Кв. 360, пл. 4
153.	523	Пантикапей	голова быка/плут и колос	200–175 гг. до н.э.	Анохин 1986, 165	1.7	12	Кв. Г72, пл. 2
154.	103	Пантикапей	Аполлон/горит	175–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	2.4	12	Кв. В77, пл. 2
155.	115	Пантикапей	Аполлон/горит	175–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.5	11	Кв. Б97, пл. 3
156.	219	Пантикапей	Аполлон/горит	175–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	2.1	12	Кв. Е82, пл. 4
157.	225	Пантикапей	Аполлон/горит	175–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.9	10	Кв. Ж84, пл. 3
158.	233	Пантикапей	Аполлон/горит	175–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.8	10	Кв. Е77, пл. 2

159.	513	Пантикапей	Аполлон/горит	175–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.4	10	Кв. И82, пл. 4
160.	809	Пантикапей	Аполлон/горит	175–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	2.2	11	Кв. Х54, пл. 1
161.	922	Пантикапей	Аполлон/горит	175–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.9	11	Кв. Р59, пл. 1
162.	926	Пантикапей	Аполлон/горит	175–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	2.4	16	Кв. Р65, пл. 3
163.	882	Кесария	Афродита Урания/скипетр	13–12 гг. до н.э.	ВАР 1102, XXXI, 13–17	6.0	19	Кв. Н59, пл. 3
164.	97	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 г. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.9	10	Кв. Б66, пл. 3
165.	114	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 г. до н.э.	Анохин 1986, 147	2.1	11	Кв. Б96, пл. 5
166.	519	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 г. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.2	14	Кв. И86, пл. 3
167.	908	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 г. до н.э.	Анохин 1986, 147	2.1	11	Кв. Г95, пл. 4
168.	919	Понт, Амис?	Арес/меч, слева монограмма	85–65 гг. до н.э.	SNG BM I 1156?	6.9	18	Кв. Р45, пл. 4
169.	850	Левкон II	Геракл/лук и палица	240–220 гг. до н.э.	Анохин 1986, 134	12.3	25	Кв. 390, пл. 5
170.	905	Аспург	Аспург/Тиберий	14/5–37 гг.	Фролова 1997, XIV, 8?	6.6	21	Кв. Г93, пл. 5
171.	229	Аспург	Аспург/Тиберий	14/5–37 гг.	Фролова 1997, XV, 12	8.0	22	Кв. Ж90, пл. 3
172.	842	Аспург	Аспург/Тиберий	14/5–37 гг.	Анохин 1986, 319 (вар.)	8.7	21	Кв. 360, пл. 3
173.	110	Аспург	Аспург/Калигула	37/8 г.	Фролова 1997, XVII, 2	6.5	20	Кв. Б89, пл. 2
174.	119	Аспург	Аспург/Калигула	37/8 г.	Фролова 1997, XVII, 6	5.9	22	Кв. В93, пл. 3
175.	220	Гепепирия	Гепепирия/Афродита Урания	37/8–38/9 гг.	Фролова 1997, XVIII, 10 (вар.)	7.0	20	Кв. Е83, пл. 3
176.	572	Гепепирия	Гепепирия/Афродита Урания	37/8–38/9 гг.	Фролова 1997, XVIII, 10 (вар.)	8.6	22	Кв. Д85, пл. 2
177.	388	Митридат III?	Митридат/Гепепирия?	38/9? г.	Анохин 1986, 331	5.0	20	Кв. Г50, пл. 2
178.	83	Котис I?		49–54 гг.?	ВАР 1102, LIV, 15?	5.0	21	Кв. В87, пл. 5
179.	839	Котис I	Клавдий/Агрипина	49–54 гг.	Анохин 1986, 344, 348–351	4.2	19	Кв. 356, пл. 4
180.	96	Рескупорид II	Рескупорид II/Афродита Урания, КД	68/9–80/1 гг.	Фролова 1997, XXX, 21–24	8.0	24	Кв. Б55, пл. 3
181.	385	Рескупорид II	курульное кресло/венок, МН	80/1–93/4 гг.	Фролова 1997, XXXI, 4	7.3	25	Кв. Г43, пл. 3
182.	165	Рескупорид II	курульное кресло/венок, МН	80/1–93/4 гг.	Фролова 1997, XXXI, 8	8.2	21	Кв. В92/93
183.	836	Рескупорид II	курульное кресло/Ника, М–Н	80/1–93/4 гг.	Фролова 1997, XXXI, 16–17	13.0	26	Кв. 351, пл. 4
184.	547	Савромат I	Савромат I/Афродита Урания, МН	93–95/6 гг.	Фролова 1997, XLI, 12–15	–	–	Кв. Д75, пл. 2
185.	544	Савромат I	курульное кресло/Траян, М–Н	93–95/6 гг.	Фролова 1997, XLI, 12–13	7.1	26	Кв. Д74, пл. 4

186.	75	Савромат I	курульное кресло/венок, МН	98/9–103/4 гг.	Фролова 1997, XLII, 1	9.5	25	Кв. В58, пл. 1
187.	552	Савромат I	Савромат I/ венок, МН	98/9–103/4 гг.	Фролова 1997, XLVI, 1	9.8	25	Кв. Д78, пл. 3
188.	392	Савромат I	Савромат I/ венок, МН	108/9–115/6 гг.	Фролова 1997, XLVI, 10	6.2	26	Кв. Д49, пл. 2
189.	101	Савромат I	Савромат I/ венок, МН	108/9–115/6 гг.	Фролова 1997, XLVI, 19	10.4	24	Кв. Б77, пл. 2
	100	Савромат I	Савромат I/ венок, МН, на л.с. клеймо – бюст Септимия Севера	108/9–115/6 гг.	Фролова 1997, XLVI, 19	13.4	25	Кв. Б77, пл. 2
190.	545	Савромат I	Савромат I/ венок, МН	117/8–123/4 гг.	Фролова 1997, XLVIII, 16	10.0	25	Кв. Д74, пл. 4
191.	82	Савромат I	курульное кресло/венок, МН	117/8–123/4 гг.	Фролова 1997, L, 10	7.5	25	Кв. В83, пл. 5
192.	533	Рескупорид II или Савромат I	курульное кресло/?	68/9–123/4 гг.		5.2	22	Кв. Г87, пл. 3
193.	107	Котис II	Котис II/венок, МН	124/5–132/3 гг.	Анохин 1987, № 498 (л.с.), 494 (о.с.)	6.3	22	Кв. Б87, пл. 5
194.	897	Котис II	Котис II/щит, топор, МН	124/5–132/3 гг.	Фролова 1997, LIV, 8	8.5	22	Кв. Г89, пл. 3
195.	387	Котис II	курульное кресло/щит, меч, КД	124/5–132/3 гг.	Фролова 1997, LV1, 1–18	5.2	20	Кв. Г48, пл. 4
196.	76	Реметалк	Реметалк/венок, МН	131/2–153/4 гг.	Фролова 1997, LXI, 1	9.2	25	Кв. В70, пл. 3
197.	226	Реметалк	Реметалк/венок, МН	131/2–153/4 гг.	Фролова 1997, LXII, 15	5.5	24	Кв. Ж85, пл. 2
198.	532	Реметалк	Реметалк/Ника, МН	131/2–153/4 гг.	Фролова 1997, LXIII, 13	11.1	24	Кв. Г84, пл. 5
199.	546	Реметалк	Реметалк/венок, МН	131/2–153/4 гг.	Фролова 1997, LXIII, 20	12.2	25	Кв. Д75, пл. 1
200.	548	Котис II или Реметалк	царь/венок, МН	124/5–153/4 гг.		9.5	22	Кв. Д76, пл. 1
201.	566	Евнатор	два бюста/всадник, МН, на л.с. клеймо – голова императора	154/5–170/1 гг.	Фролова 1997, LXXII, 4–6	6.9	23	Кв. Д80, пл. 3
202.	95	Савромат II – Реметалк	бюст? /венок, МН	I–II в. н.э.		9.7	24	Кв. Б41, пл. 2
203.	395	Неопр.	Бюст вправо/бюст вправо	I в. н.э.		5.0	18	Кв. Д67, пл. 2

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Ермолин, С.А., Буравлев, С.А., Гунчина, О.Л. 2020: Монеты из раскопок античного поселения Манитра в Восточном Крыму. *КСИА* 259, 205–220.
- Абрамзон, М.Г., Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2016: Монеты из раскопок античного поселения «Береговой 4» (1987, 1988, 1999–2002 гг.). *ДБ* 20, 11–34.
- Абрамзон, М.Г., Карпов, Д.А., Колесников, А.Б. 2021: Монеты из раскопок античного поселения Вышестеблиевская 3 в 2017–2018 гг. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной конференции (XXII Боспорские чтения)*. Симферополь–Керчь, 10–17.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2015: *Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фаногории* (Фанагория 3). М.
- Абрамзон, М.Г., Остапенко, С.Н., Сурков, А.В. 2022: Клад боспорских сестерциев I–II вв. н. э. из Прикубанья (2021 г.). *ВДИ* 82/3, 700–714.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Баринов, Д.Г. 2020: *Отчет об охранных раскопках «Поселения Чекупс-2» в Крымском районе Краснодарского края в 2018–2019 годах*. Т. 1. Энгельс. Архив ИА РАН. № 71001–71058.
- Виноградов, Терещенко, 2009. Виноградов Ю. А., Терещенко А. Е. Монеты с поселения Артющенко I на Таманском полуострове. *БИ* XXII, 135–149.
- Горончаровский, В.А. 2009: Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.). *БИ* XXII, 150–187.
- Тупалов, И.В. 2018: *Акт ГИКЭ Раздел «Охрана историко-культурного наследия в зоне строительства» по титулу: «Электрификация участка разъезд 9 км – Юровский – Анапа Северо-Кавказской железной дороги»* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://admkrasnodar.ru/content/1367/show/444913/>.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч. I. М.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.
- Jefremow, N., Kolesnikov, A.B., Barinov, D.G. 2022: Siedlungsplatz Čekups–2: Griechische Welt im Barbarischen Milieu. In: V. Lungu, A. Avram (eds.), *L'espace pontique: vers de nouvelles perceptions du monde ancien. Hommages à Liviu Buzoianu à l'occasion de son 70e anniversaire* (Pontica 55. Suppl. VIII). Constanta, 45–84.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Ermolin, S.A., Buravlev, S.A., Gunchina, O.L. 2020: Monety iz raskopok antichnogo poseleniya Manitra v Vostochnom Krymu [Excavation coins from Manitra settlement in the Eastern Crimea]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]* 259, 205–220.
- Abramzon, M.G., Karpov, D.A., Kolesnikov, A.B. 2021: Monety iz raskopok antichnogo poseleniya Vyshesteblievskaya 3 v 2017–2018 gg. [Coins from the excavation at the ancient settlement of Vyshesteblievskaya 3 in 2017–2018]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmerijskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novye otkrytiya, novye proekty. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [The Cimmerian Bosporus and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. New Discoveries, New Projects. Materials of the International Conference]* (XXII Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Simferopol–Kerch, 10–17.

- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2015: *Monetnye klady vremeni Mitridata VI Eupatora s khory Fanagorii* [Coin Hoards at the Time of Mithradates VI Eupator from the Chora of Phanagoria] (Fanagoriya [Phanagoria] 3). Moscow.
- Abramzon, M.G., Ostapenko, S.N., Surkov, A.V. 2022: Klad bosporskikh sestertsiev I–II vv. n. e. iz Prikuban'ya (2021 g.) [A hoard of the first–second centuries AD Bosporan *sestertii* from the Right-Bank of the Kuban (2021)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 82/3, 700–714.
- Abramzon, M.G., Zavoykin, A.A., Sudarev, N.I. 2016: Monety iz raskopok antichnogo poseleniya “Beregovoy 4” (1987, 1988, 1999–2002 gg.) [Coins from excavation of the ancient settlement of Beregovoy 4 in 1987–1988 and 1999–2002]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 20, 11–34.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of Bosporus]. Kiev.
- Barinov, D.G. 2020: *Otchet ob okhrannykh raskopkakh Poseleniya “Chekups-2” v Krymskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2018–2019 godakh* [Report on the 2018–2019 security excavation at the “Chekups-2 Settlement”, Krymsky district of the Krasnodar Territory]. Vol. 1. Engels. Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. No. 71001–71058.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [The Bosporan coinage (the mid-1st century BC – mid-4th century AD)]. Vol. I. Moscow.
- Goroncharovskiy, V.A. 2009: Labris (Semibratnee gorodishche) i sindy (po materialam polevykh issledovaniy Bosporskoy ekspeditsii IIMK RAN v 2001–2008 gg.) [Labrys (Semibratnee settlement) and the Sindi (based on field research materials of the Bosporan Mission of the Institute for History of Materials Culture of the Russian Academy of Sciences in 2001–2008)]. *Bosporkie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXII, 150–187.
- Jefremow, N., Kolesnikov, A.B., Barinov, D.G. 2022: Siedlungsplatz Čekups–2: Griechische Welt im Barbarischen Milieu. In: V. Lungu, A. Avram (eds.), *L’espace pontique: vers de nouvelles perceptions du monde ancien, Hommages à Livia Buzoianu à l’occasion de son 70e anniversaire*. Constanta, 45–84. (Pontica 55. Suppl. VIII).
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e.* [The Coinage of Bosporus in the 6th – 2nd centuries BC]. Moscow.
- Tupalov, I.V. 2018: *Akt GIKE Razdel “Okhrana istoriko-kul’turnogo naslediya v zone stroitel’sтва” po titulu: “Elektrifikatsiya uchastka raz’ezd 9 km – Yurovskiy – Anapa Severo-Kavkazskoy zheleznoy dorogi”* [Act of the state historical and cultural expertise of the Section “Protection of historical and cultural heritage in the construction zone” under the title: “Electrification of the section 9 km junction – Yurovsky – Anapa of the North Caucasian Railway”], <https://admkr.krasnodar.ru/content/1367/show/444913/>
- Vinogradov Yu.A., Tereshchenko A.E. Monety s poseleniya Artyushchenko I na Tamanskom poluostrove [Coin finds from the settlement of Artyushchenko I on the Taman Peninsula]. *Bosporkie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXII, 135–149.

COINS FROM 2018–2019 EXCAVATIONS AT THE SETTLEMENT OF
CHEKUPS 2 (THE KRASNODAR TERRITORY)

Mikhail G. Abramzon¹, Dmitriy G. Barinov², Andrey B. Kolesnikov³

^{1, 3} *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

¹ *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

² *Autonomous Non-Profit Research Organization "Local History Center", Engels, Russia*

¹ *E-mail: abramzon-m@mail.ru* ² *E-mail: kraeved@mail.ru* ³ *E-mail: abkolesnikov60@mail.ru*

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 22-28-00057

The paper discusses 204 coins retrieved during the 2018 and 2019 archaeological excavations at the ancient settlement of Chekups 2, located in Sindica, 2.2 km southeast of Labrys (the Semibratnee Settlement). The coins constitute a reliable numismatic profile of the region, and also reflect the various periods of tension in the life of the Chekups-2 settlement. Generally, the numismatic material from the Chekups-2 settlement covers the timespan from the last quarter of the 5th century BC to the turn of the 2nd/3rd centuries AD. The greatest intensity of life, judging by the numismatic material, falls on the last third of the 4th to the mid-3rd century BC. 152 coins have come down from this time. Then the decline lasted in the second half of the 3rd to the 2nd and 1st centuries BC: the only obol of Leucon II came from the third quarter of the 3rd century BC, while only 15 coins are dated to 2nd century BC. One coin each falls on the reigns of Mithridates VI Eupator (from Amisus?) and Polemo I (issue in the name of Caesarea/Panticapaeum). A new rise of the settlement begins with the reign of Aspurgus and reaches a peak under Sauromates I and his successors (34 coins.). The heavily worn *sestertii* of Sauromates I and Eupator countermarked with the bust of Septimius Severus (or Caracalla?) came from the turn of the 2nd/3rd centuries AD. Thus, numismatic materials specify the dating of the functioning of the Chekups 2 settlement.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Sindica, settlement of Chekups-2, Labrys, excavation coins, currency

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 218–230
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 218–230
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-218–230

ДВА НОВЫХ ПОСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ОКРЕСТНОСТЯХ УРОЧИЩА СЮЮР-ТАШ В КЕРЧЕНСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Т.Н. Смекалова

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия;
Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия*

E-mail: tnmek@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5378-5372

В Керченском Приазовье открыты и исследованы с помощью космических снимков и магнитной съемки два новых поселения среднего или позднего бронзового века. В урочище Сююр-Таш выявлено поселение Большой Шабан площадью примерно 0,8 га с двумя десятками полуземлянок, сгруппированных в 4–5 кластеров. В 2150 м к юго-востоку обнаружено поселение Безымянные Высоты-1, на котором в магнитном поле отразились двойной каменный загон и несколько полуземлянок. Таким образом, так же, как и в Северо-Западном Крыму, в Керченском Приазовье выявлены поселения двух типов. К первому типу относятся поселения с кластерами полуземлянок, но без больших загонов для скота. Ко второму типу относятся поселения с доминирующими крупными двойными каменными загонами для скота и несколькими полуземлянками. Впервые в Восточном Крыму полностью открыт двойной каменный загон для скота. Ранее в раскопках встречались, возможно, только части таких загонов.

Ключевые слова. Керченское Приазовье, Караларское побережье, урочище Сююр-Таш, средний и поздний бронзовый век, дистанционные методы, космическая съемка, магнитная съемка

Окрестности урочища Сююр-Таш и села Золотое (рис. 1) замыкают с запада территорию систематических исследований А.А. Масленникова – Караларское побережье или, как он сам ее называет, Керченское Приазовье. К районам исследований Александра Александровича относится и полуостров Казантип, а также Узунларский вал и другие объекты, но все-же именно череду бухт от мыса Зюк (пос. Курортное, бывш. Мама Русская) до с. Чегене (Золотое) можно назвать его «вотчиной». Думаю, не ошибусь, если назову эти места самыми родными и

Данные об авторе. Татьяна Николаевна Смекалова – доктор исторических наук, заведующий отделом естественно-научных методов в археологии Крыма НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского; ведущий специалист НИЦ «Курчатовский институт».

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 22-68-00010.

любимыми для нашего юбиляра. Здесь были открыты многочисленные поселения и могильники античного времени; из них И.Т. Кругликовой, А.А. Масленниковым, О.Д. Чевелевым, Н.И. Винокуровым и многими другими в урочище Сююр-Таш и в Золотом выявлены и исследуются не менее десятка памятников¹ (рис. 1, а, б, 4–11). Казалось бы, Александр Александрович знает про древнюю историю этих мест все, но попробую сделать для него сюрприз.

Конечно, бронзовый век не является основной научной специализацией А.А. Масленникова, однако под его руководством исследовались слои этого времени на поселении «Генеральское-Западное»², проводилась разведочная шурфовка на южной стороне возвышенности Сююр-Таш, где также выявлены остатки поселения эпохи бронзы (рис. 1, 3). Специально же поиск поселений этого времени в Керченском Приазовье пока не проводился, поэтому наш небольшой опыт по выявлению объектов именно бронзового века может, как нам кажется, открыть новую страницу в изучении этого благодатного археологического региона.

Специфика поселений эпохи бронзы состоит в том, что в ходе процесса естественного нарастания почвы за время более 3100–3400 лет они оказались «утопленными» в землю не менее чем на 0,4 м³. Поэтому на поверхности, как правило, нет никаких прямых признаков поселений, лишь изредка могут быть видны верхушки крупных камней. Выявление поселений эпохи бронзы – непростая задача, которая решается во многом за счет косвенных маркеров.

Среди них главным является специфическая ландшафтная позиция поселений эпохи бронзы для данного района. Выбор местоположения поселений был продиктован локальными природными условиями, которые могут отличаться в разных частях Крыма. Так, наши исследования 2007–2023 гг. в Северо-Западном Крыму показали, что поселения позднего бронзового века приурочены к развитым балочным системам и занимают определенную ландшафтную нишу, располагаясь на мысах между двумя балками или на их берегах⁴. Эта позиция определялась особенностями гидрогеологического строения и рельефа региона. Слоистая структура водоносных известняков сарматского яруса обеспечивала более легкий доступ к воде путем рытья колодцев по днищам оврагов. На их склонах легко было добывать строительный камень, откалывая каменные глыбы по краю пласта известняков. В оврагах можно было укрыть стадо от пронизывающих зимних ветров.

В Восточном Крыму и, в частности, в Керченском Приазовье эти ландшафтные признаки древних поселений не столь явно выражены, что было нами проверено в ходе разведок вдоль крупнейших балок Сююр-Ташской, Кыз-Аульской, Чебакской. По-видимому, это связано с особой гидрогеологической и климатической ситуацией. На Керченском полуострове распространены мшанковые известняки, а атмосферная влага, просачиваясь сквозь них, скапливалась в естественных подземных резервуарах. Основным ландшафтным признаком поселений эпохи бронзы на Керченском полуострове следует, вероятно, признать защищенность от холодных зимних северо-восточных ветров. Эту догадку высказал не-

¹ Масленников 1995; 1998.

² Дановский, Масленников 2006; Масленников 2010, 135.

³ Лисецкий и др. 2017, 222.

⁴ Смекалова, Кутайсов 2017, 93–94.

давно А.Е. Кислый, который сформулировал основные признаки ландшафтной позиции поселений каменной культуры среднего бронзового века: расположение в долинах, в окружении холмов, с подветренной их стороны (т.е. с юго-запада). Часто рядом с поселениями находится одна или несколько доминирующих высот, крупные балки, водоточные в древности, удобные для постройки плотин. Прибрежные поселения располагались у больших лиманов, рек, впадающих в море, непосредственно на морском берегу⁵. Данную формулировку можно распространить и на поселения позднего бронзового века, как показывают наши разведки в бассейне водосбора Сююр-Ташской балки.

Предположение о том, что поселения среднего или позднего бронзового века обязательно должны были располагаться под защитой доминирующих высот от северо-восточных ветров, было нами проверено в обширной долине длинной и разветвленной Сююр-Ташской балки (рис. 1, б). Подтверждением правильности этой гипотезы служат результаты наших исследований.

Преобладающими высотами в данном районе являются горы Большой Шабан (высота 96,1 м) и Малый Шабан (91,4 м) (рис. 1, б, в, 1), а в 2150 м к юго-востоку – кластер безымянных высот (93,4 и 91,4 м) (рис. 1, б, в, 2). Весенние космические снимки демонстрируют пятна густой темной растительности именно с юго-восточных сторон этих холмов. Помимо мощной травянистой растительности, которая в мае была представлена, в основном, цветущим чертополохом (лат. *Cárduus*), на предполагаемых поселениях в выбросах зольной почвы из нор грызунов был собран немногочисленный, но характерный керамический подъемный материал – фрагменты лепных сосудов, поверхность которых была заглажена пучком травы, с т.н. «расчесами» (рис. 2). Такая керамика обычно встречается на поселениях среднего или позднего бронзового века.

Для того, чтобы получить однозначный ответ о существовании поселений эпохи бронзы, на этих двух местонахождениях была проведена магнитная съемка (рис. 3).

Первое из них (поселение Большой Шабан) локализуется в южной наклонной долине между горами Большой и Малый Шабан (рис. 1, б, в, 1), ограниченной с севера седловиной между этими вершинами, испещренной бесформенными ямами и рытвинами, оставшимися от раскопанных в 1894–1895 гг. помещиком А.А. Дириным античных склепов⁶. В экспонированной к югу долине магнитная съемка охватила площадь 2,3 га. На магнитной карте проявились группы полуземлянок в виде локальных положительных аномалий, окруженных по периметру отрицательными аномалиями (темные пятна со светлым обрамлением) (рис. 4, а). Магнитное заполнение прямоугольных полуземлянок создавало положительные аномалии (темный тон), а облицовка котлованов немагнитными известняковыми камнями – отрицательные (светлые прямоугольные контуры). Таким образом, магнитная съемка выявила на этом поселении площадью примерно 0,8 га не менее двух десятков полуземлянок, сгруппированных в 4–5 кластеров (рис. 4, б). Наиболее крупный, восточный, кластер находится у подошвы юго-западного склона г. Большой Шабан. Он насчитывает не менее семи полуземлянок, находящихся очень близко друг к другу. Эта группа древних жилищ была защищена от холод-

⁵ Кислый 2016, 273.

⁶ Дирин 1896, 126–128.

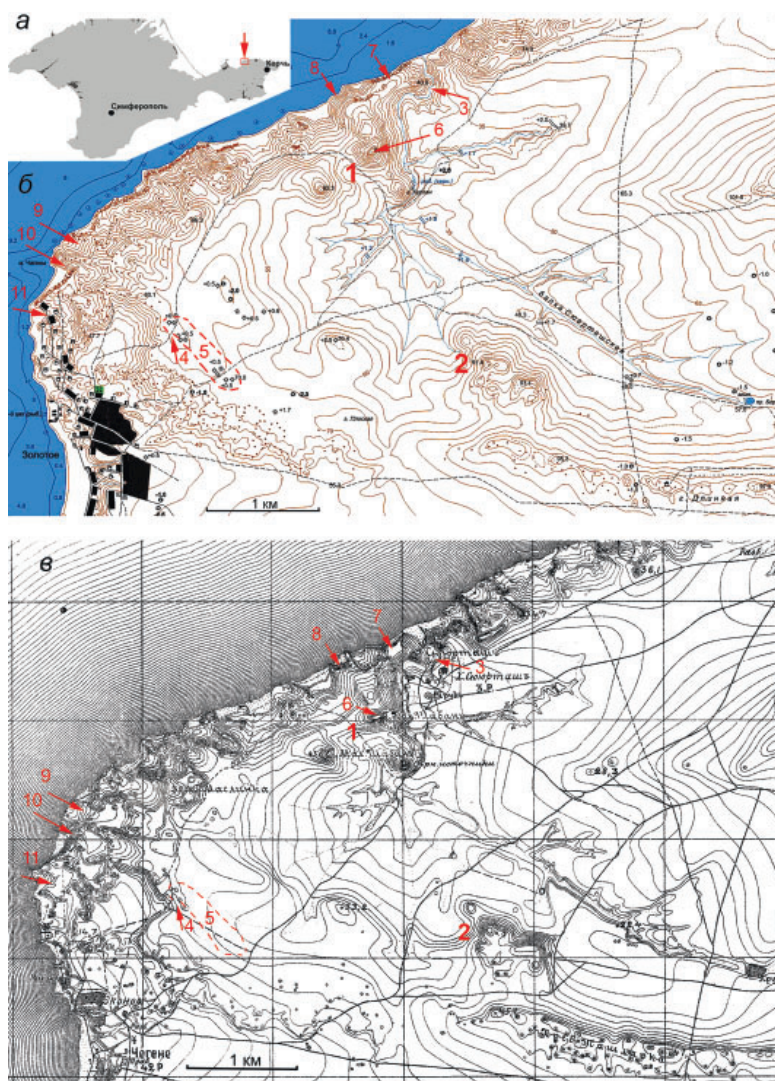

Рис. 1. Западная часть Караларского побережья на схематической карте Крыма (а), современной карте масштаба 1:25000 (б) и полуверстовой карте 1897 г. (в): 1 – поселение Большой Шабан; 2 – поселение Безымянные Высоты-1; 3 – поселения бронзового века на южном склоне г. Сююр-Таш; 4 – поселение Золотое-Плато; 5 – могильник Стоячий Камень; 6 – античный сторожевой пункт на вершине г. Большой Шабан; 7 – поселение Золотое-Восточное; 8 – поселение Золото-в-бухте; 9 – поселение Чегене 2; 10 – поселение Чегене 1; 11 – поселение Золотое-берег

Fig. 1. Western part of the Karalar coast on a schematic map of the Crimea (a), a modern map at a scale of 1:25000 (b) and a half-verst map of 1897 (c): 1 – Bolshoy Shaban settlement; 2 – settlement of Bezymyannoye Vysoty-1; 3 – Bronze Age settlement on the southern slope of the Syuyur-Tash Mount; 4 – settlement of Zolotoye-Plato; 5 – burial ground of Stoyaschiy Kamen'; 6 – ancient watchpoint on the top of Bolshoy Shaban Mount; 7 – settlement of Zolotoye-Vostochnoe; 8 – the settlement of Zolotoye-v-bukhte; 9 – Chegene 2 settlement; 10 – Chegene 1 settlement; 11 – settlement of Zolotoe-bereg

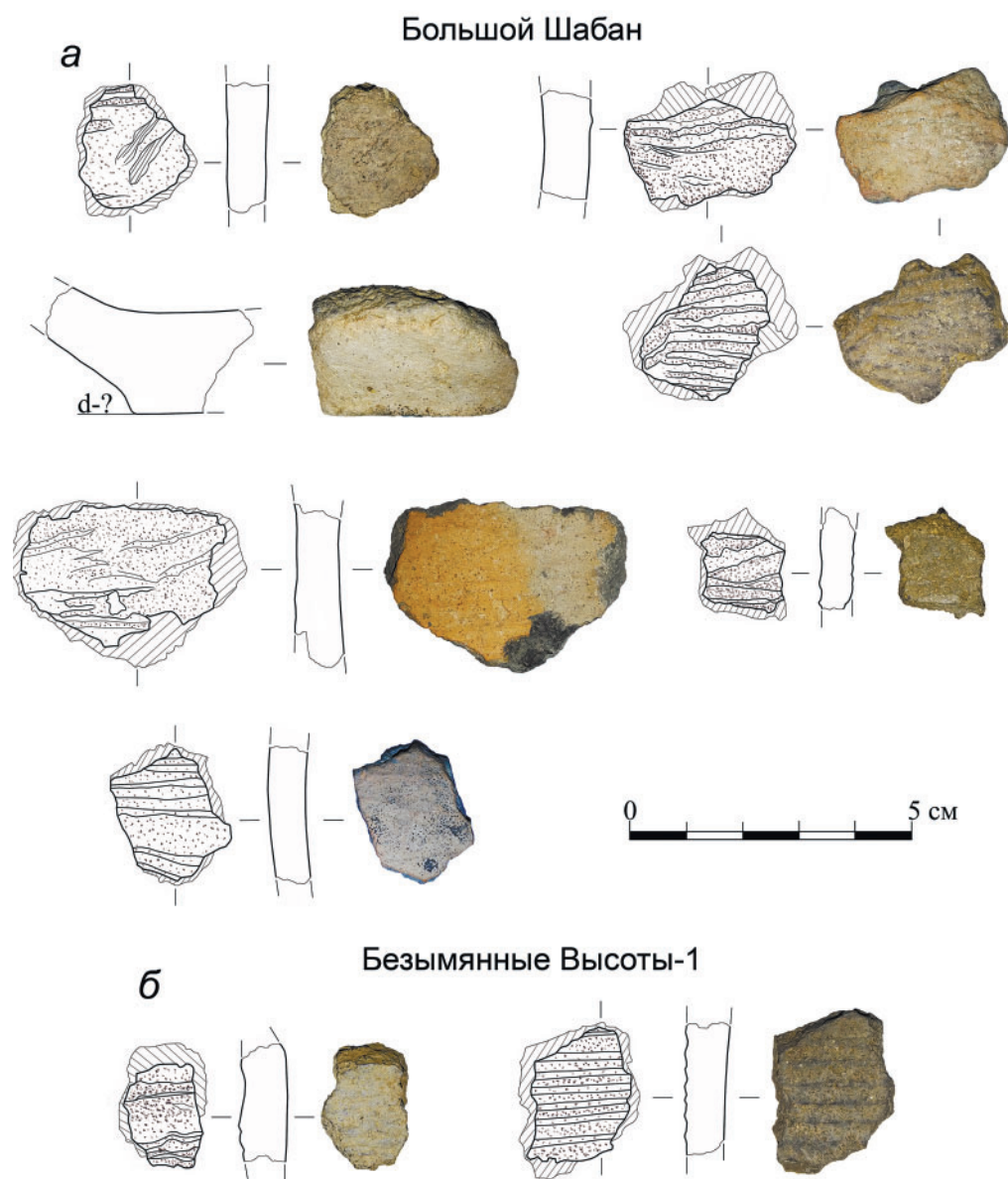

Рис. 2. Керамический подъемный материал с поселений Большой Шабан (а) и Безымянные Высоты-1 (б)

Fig. 2. Surface finds of ceramics from settlements of Bolshoy Shaban (a) and Bezimyannoye Vysoty-1 (b)

Рис. 3. Магнитная съемка на поселении Безымянные Высоты-1. Стрелкой отмечено местонахождение поселения Большой Шабан в седловине между горами Большой и Малый Шабан

Fig. 3. Magnetic survey at the settlement of Bezymyannoye Vysoty-1. In the background, the arrow marks the location of the Bolshoy Shaban settlement in the saddle between the Bolshoy and Maly Shaban Mountains

ных северо-восточных ветров наилучшим образом. Не исключено, что рядом с полуземлянками находились небольшие каменные загоны для скота, которые в античное или более позднее время были разрушены пахотными полями. От этих полей остались следы параллельных валиков и ровиков, идущих вдоль линии склона, хорошо заметные на магнитной карте (рис. 4, б).

На втором местонахождении (поселение Безымянные Высоты-1), на юго-западном склоне группы холмов (рис. 1, б, в, 2), магнитная съемка была проведена на площади 2,25 га (рис. 5, а). Здесь результаты магнитной съемки оказались еще более впечатляющими. На магнитной карте отчетливо виден крупный двойной каменный загон, состоящий из двух смыкающихся окружностей, большая диаметром около 45–50 м, малая – 20 м, который проявился в магнитном поле в виде отрицательных аномалий (светлый тон) (рис. 5, а, б, 1). С юга и с севера от двойного загона располагались по несколько прямоугольных полуземлянок, которые отразились на магнитной карте в виде локальных положительных аномалий (темный тон). Это поселение занимает площадь примерно 0,6 га; с запада оно ограничено небольшой, едва видимой балочкой, отметившейся в магнитном поле в виде длинной, клиновидной, сужающейся к северу положительной аномалии (темный тон) (отмечено пунктирными линиями на рис. 5, б).

Открытие двойного загона на поселении Безымянные Высоты-1 весьма знаменательно, так как в Восточном Крыму мы впервые видим такой загон целиком.

В Северо-Западном Крыму по комплексной методике, сочетающей дистанционные (космические снимки), геофизические (магнитная съемка) методы и выборочные ограниченные раскопки с 2007 г. по настоящее время открыто уже 26 двойных загонов, которые, по предварительным результатам, относятся к эпохе поздней бронзы⁷. На Керченском полуострове двойные загоны целиком никогда не были раскрыты, хотя, как мы считаем, впервые сходное сооружение было частично раскопано в 2017 г. на поселении бронзового века «Госпитальный 2» в связи со строительством автомобильного подъезда к Крымскому мосту⁸. Авторы раскопок объясняют назначение постройки как «защищенной площадки для зимнего содержания скота»⁹. В том же году на поселении «Городище 11 км» на Керченском полуострове была раскрыта часть еще одного подобного сооружения, также в рамках работ по строительству трассы «Таврида». Она описана авторами работ как «дугообразная выкладка в виде двух параллельных рядов крупных обработанных камней с забутовкой мелким камнем». Реконструированный диаметр сооружения составляет 40 м¹⁰. В обоих случаях авторы соотносят данные сооружения с каменной культурой Восточного Крыма эпохи средней бронзы.

Впервые двойные загоны бронзового века были открыты в 2007 г. на Тарханкутском полуострове в Северо-Западном Крыму разведками автора в рамках международного Джарылгачского проекта с помощью магнитной съемки. Был обнаружен сначала один, а затем сразу несколько крупных (до 50 м в диаметре) каменных двойных загонов бронзового века¹¹. До этого времени подобные конструкции археологам не были известны. Большинство двойных загонов имеют примерно одинаковое строение и размеры. Малая часть загона имеет почти круглую форму и диаметр 20–23 м. Большой загон имеет овальную форму, он примыкает к малой части наподобие букв «Со». Общий наибольший размер такой конструкции 45–50 м. Каменные стены загона сложены насухо из обломочных известняковых камней. Стены малой круглой части обычно тоньше по сравнению со стенами большой части загона. В местах соединения большой и малой частей загонов, вероятно, были разрывы в стенах и какие-то дополнительные каменные конструкции рядом с «входами», которые просматриваются на магнитных картах.

Поиск этнографических параллелей приводит нас в Греческую Македонию, где в горах Пинда до сих пор сохранились каменные и деревянные двойные и тройные загоны, служащие для доения или стрижки овец¹². Другая аналогия может быть проведена с зимними пастбищами казахов Семиречья, которые располагались в защищенных от ветра местах на склонах холмов, где рядом с домами ставили загоны для скота и сараи для молодняка¹³. Одной из наиболее близких параллелей представляются каменные загоны для овец, так называемые мргары на южной оконечности острова Крк, на плато Башка, а также на соседнем необитаемом острове Првич в Хорватии¹⁴.

⁷ Smekalova et al. 2021.

⁸ Смекалова и др. 2021, 112.

⁹ Бейлин и др. 2018, 12–14.

¹⁰ Свиридов и др. 2019, 192.

¹¹ Смекалова, Кутайсов 2017, 67–68, 93–134.

¹² Chang, Tourtellotte 1993, 260, fig. 6.

¹³ Жолдасбаев 1989, 290–299.

¹⁴ См.: <https://blog.croatiaexcursions.com/2018/04/05/dry-stone-walls-called-mrgari/>

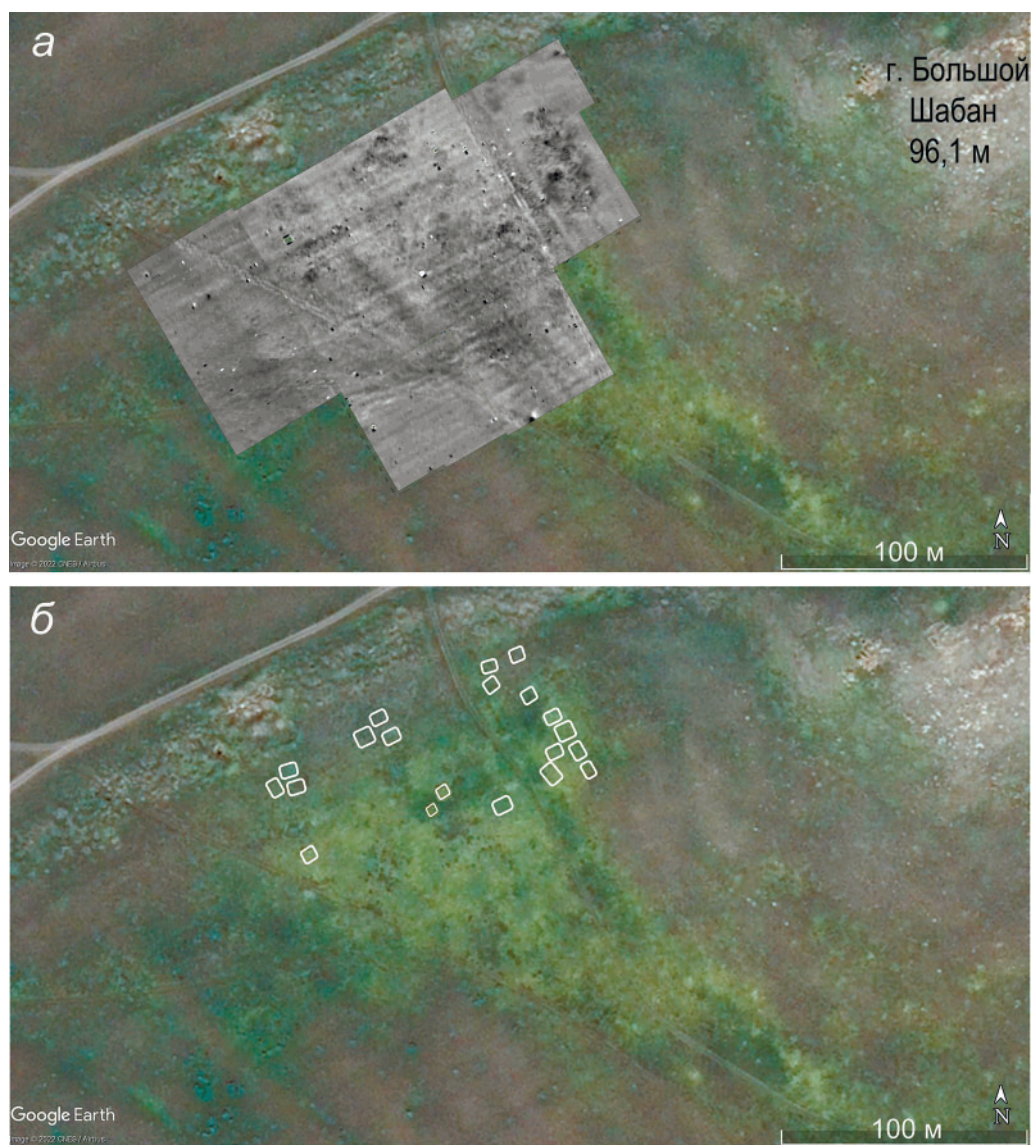

Рис. 4. *a* – карта магнитного поля поселения Большой Шабан, показанная на фоне космического снимка от 3 мая 2019 г. Здесь и на рис. 5 *a* – темным тоном показаны положительные, светлым – отрицательные аномалии; *b* – результат интерпретации магнитной съемки. Показаны кластеры полуземлянок

Fig. 4. *a* – map of the magnetic field of the Bolshoi Shaban settlement showing against the background of a satellite image from May 3, 2019. Here and in fig. 5 *a* – the dark tone shows positive anomalies, light tone – negative anomalies; *b* – result of magnetic survey interpretation. Clusters of pit houses are shown

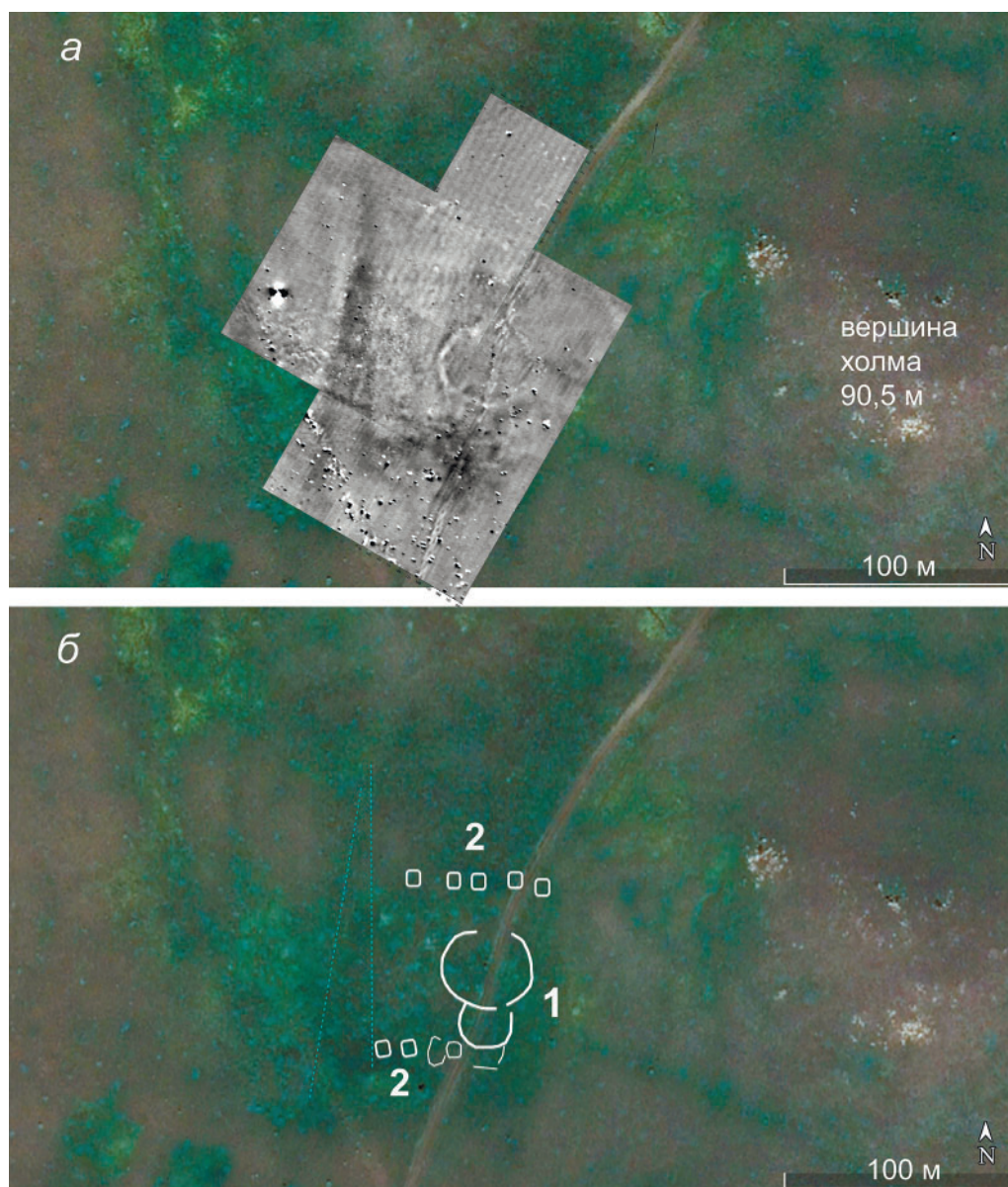

Рис. 5. *a* – карта магнитного поля поселения Безымянные Высоты-1, показанная на фоне космического снимка от 3 мая 2019 г.; *б* – результат интерпретации магнитной съемки. Показаны двойной каменный загон для скота (1) и полуземлянки (2). Пунктирной линией отмечена небольшая заплывшая балка

Fig. 5. *a* – map of the magnetic field of the settlement of the Bezmyannoye Vysoty-1 showing against the background of a satellite image dated May 3, 2019; *b* – result of the interpretation of the magnetic survey. A double stone corral for livestock (1) and pit houses (2) are shown. The dotted line marks a small ravine

Открытие двух разных поселений среднего или позднего бронзового века в Керченском Приазовье существенно дополнило наши представления об этом периоде в равнинном Крыму. Так же как и в Северо-Западном Крыму, в Керченском Приазовье мы выявили поселения двух типов. К первому типу мы относим поселения с кластерами полуземлянок, но без больших загонов для скота. В урочище Сююр-Таш это поселение Большой Шабан. Ко второму типу относятся поселения с доминирующими крупными двойными каменными загонами для скота и несколькими полуземлянками. В Керченском Приазовье это поселение Безымянные Высоты-1¹⁵.

Благодаря этим открытиям впервые стало возможным говорить об одинаковом хозяйственном и культурном развитии равнинного пояса Таврики в эпоху среднего и позднего бронзового века. Из полученных данных следует наличие у населения равнинного Крыма комплексного хозяйства с ведущей ролью скотоводства.

Присутствие на поселении Безымянные Высоты-1 только одного двойного загона с несколькими жилыми и хозяйственными строениями свидетельствует об особенностях социальной структуры общества: дома принадлежали отдельным семьям, а стадо смешанного состава являлось собственностью всей общины.

В структуре и планировке поселения Большой Шабан с кластерами полуземлянок также прослеживаются черты семейно-родовых социальных отношений, но размер поселения и большое количество «домов» говорит о значительном укрупнении общины. Дома на поселении располагались в виде плотно застроенных кластеров жилых и хозяйственных полуземлянок и каменных загоронок, отстоящих на некотором расстоянии друг от друга. Возможно, такая планировка может говорить о заселении каждого кластера близкими родственниками и о делении крупных родовых общностей на семейные кланы. Домашние животные, возможно, содержались в небольших стойлах неподалеку от жилых и хозяйственных помещений.

Два новых поселения эпохи бронзы дополняют археологическую карту Керченского Приазовья и стимулируют исследователей на новые поиски в этом направлении с использованием всего потенциала дистанционных и геофизических методов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлин, Д.В., Кислый, А.Е., Михайлов, А.М., Рогудеев, В.В., Шарапа, А.В., Юрочкин, В.Ю. 2018: Раскопки поселения эпохи бронзы Госпиталь II в г. Керчи (предварительное сообщение). *ДБ* 23, 9–35.
- Дирин, А.А. 1896: Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки. *ЗОИИД* XIX, 121–129.
- Жолдасбаев, С.Ж. 1989: Зимовки-поселения и жилища казахов Семиречья (XVI–XIX вв.). В сб.: В.М. Массон (отв. ред.). *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Алма-Ата, 290–299.
- Кислый, А.Е. 2016: О стенах (специальные постройки Каменской культуры Восточного Крыма). *ДБ* 20, 269–287.
- Лисецкий, Ф.Н., Маринина, О.А., Буряк, Ж.А. 2017: *Геоархеологические исследования исторических ландшафтов Крыма*. Воронеж.

¹⁵ Смекалова и др. 2023.

- Масленников, А.А. 1996: *Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.)* (Боспорский сборник 8). М.
- Масленников, А.А. 1998: *Эллинская хора на краю Ойкумены (Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху)*. М.
- Масленников, А.А. 2010: *Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Т. I. (ДБ. Suppl. III/I). М. – Тула.
- Свиридов, А.Н., Языков, С.В., Топоривская, М.А., Фролов, В.В. 2019: Раскопки поселения Городище 11 км в 2017 году. В сб.: С.Ю. Внуков, О.В. Шаров (ред.)? *Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.* Т. 1. М., 187–203.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2017: *Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность*. СПб.
- Смекалова, Т.Н., Лисецкий, Ф.Н., Каширская, Н.Н., Борисов, А.В. 2021: Двойные загоны – новые памятники бронзового века в Северо-Западном Крыму: предварительные результаты геофизических, геохимических и микробиологических исследований. *Stratum Plus* 2, 109–126.
- Смекалова, Т.Н., Тимонина, Г.И., Семенова, С.В., Горошников, А.А., Горошникова, З.В., Борисов, А.В., Мимоход, Р.А., Леонов, Л.Л. 2023: Результаты археозоологических исследований поселений позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму. *РА* (в печати).
- Chang, C., Tourtellotte, P.A. 1993: Ethnoarchaeological Survey of Pastoral Transhumance Sites in the Grevena Region, Greece. *Journal of Field Archaeology* 20, 249–264.
- Smekalova, T.N., Bevan, B.W., Kashuba, M.T., Lisetskii, F.N., Borisov, A.V., Kashirskaya, N.N. 2021: Magnetic Surveys Locate Late Bronze Age Corrals. *Archaeological Prospection* 28, 3–16.

REFERENCES

- Beylin, D.V., Kislyi, A.E., Mikhailov, A.M., Rogudeev, V.V., Sharapa, A.V., Yurochkin, V Yu. 2018: *Raskopki poseleniya epokhi bronzy Gospital' II v g. Kerchi (predvaritel'noe soobshchenie)* [Excavations at the Bronze Age settlement “Gospital II” in Kerch (preliminary report)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 23, 9–35.
- Chang, C., Tourtellotte, P.A. 1993: Ethnoarchaeological Survey of Pastoral Transhumance Sites in the Grevena Region, Greece. *Journal of Field Archaeology* 20, 249–264.
- Dirin, A.A. 1896: *Mys Zyuk i sdelannye na nem arkheologicheskie nakhodki* [Cape Zyuk and archaeological finds from there]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities] XIX, 121–129.
- Kislyi, A.E. 2016: *O stenakh (spetsial'nye postroiki Kamenskoi kul'tury Vostochnogo Kryma)* [About the walls (special constructions of Kamenka Culture of Eastern Crimea)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 20, 269–287.
- Lisetskii, F.N., Marinina, O.A., Buryak, Zh.A. 2017: *Geoarkheologicheskie issledovaniya istoricheskikh landshaftov Kryma* [Geoarchaeological Research of the Historical Landscapes of Crimea]. Voronezh.
- Maslennikov, A.A. 1996: *Kamennye yashchiki Vostochnogo Kryma (K istorii sel'skogo naseleniya Evropeiskogo Bospora v VI–I vv. do n.e.)* [Stone Boxes of the Eastern Crimea (On the History of the Rural Population of European Bosporus in the 6th – 1st Centuries BC)] (Bosporskiy sbornik [Bosporan Miscellany] 8). Moscow.
- Maslennikov, A.A. 1998: *Ellinskaya khora na krayu Oikumeny (Sel'skaya territoriya Evropeiskogo Bospora v antichnuyu epokhu)* [Hellenic Chora on the Edge of the Oikumene (Rural Territory of European Bosporus in the Ancient Era)]. Moscow.

- Maslennikov, A.A. 2010: *Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e)* [Royal Chora of Bosporus (Based on Excavations in the Crimean Sea of Azov)]. Vol. 1. (Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]. Suppl. III/1). Moscow–Tula.
- Smekalova, T.N., Bevan, B.W., Kashuba, M.T., Lisetskii, F.N., Borisov, A.V., Kashirskaya, N.N. 2021: Magnetic Surveys Locate Late Bronze Age Corrals. *Archaeological Prospection* 28, 3–16.
- Smekalova, T.N., Kutaisov, V.A. 2017: *Arkheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozd-nii bronzovyi vek. Rannii zheleznyi vek. Antichnost'* [Archaeological Atlas of the Northwest-ern Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Ancient Greek Period]. Saint Petersburg.
- Smekalova, T.N., Lisetskii, F.N., Kashirskaya, N.N., Borisov, A.V. 2021: Dvoinye zagony – novye pamyatniki bronzovogo veka v Severo-Zapadnom Krymu: predvaritel'nye rezul'taty geofizicheskikh, geokhimicheskikh i mikrobiologicheskikh issledovaniy [Double corrals – new sites of the Bronze Age in Northwestern Crimea and their study by geophysical, geo-chemical and microbiological methods]. *Stratum Plus* 2, 109–126.
- Smekalova, T.N., Timonina, G.I., Semenova, S.V., Goroshnikov, A.A., Goroshnikova, Z.V., Bo-risov, A.V., Mimokhod, R.A., Leonov, L.L. 2023: Rezul'taty arkheozoologicheskikh issle-dovaniy poselenii pozdnego bronzovogo veka v Severo-Zapadnom Krymu [The results of archeozoological studies of settlements of the late Bronze Age in Northwestern Crimea]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] (Forthcoming).
- Sviridov, A.N., Yazikov, S.V., Toporivskaya, M.A., Frolov, V.V. 2019: Raskopki poseleniya Gorodishche 11 km v 2017 godu [Research of the Settlement of Gorodishche 11 km in 2017]. In: S.Yu. Vnukov, O.V. Sharov (eds.), *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg.* [Crimea – Taurida. Archaeological Studies in Crimea in 2017–2018]. Vol. 1. Moscow, 187–203.
- Zholdasbaev, S.Zh. 1989: Zimovki-poseleniya i zhilishcha kazakhov Semirech'ya (XVI–XIX vv.) [Wintering settlements and dwellings of the Kazakhs of Semirechie (16th – 19th centuries)]. In: V.M. Masson (ed.), *Vzaimodeistvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsii* [Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations]. Alma-Ata, 290–299.

TWO NEW BRONZE AGE SETTLEMENTS IN THE VICINITY OF THE SYUR-TASH TRACT, KERCH SEA OF AZOV

Tatiana N. Smekalova

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia;
National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia*

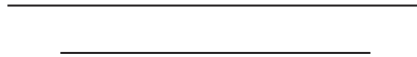
E-mail: tnsmek@mail.ru

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation, project no. 22-68-00010

Abstract. Two new settlements of the Middle or Late Bronze Age were recently discovered on the Kerch shore of the Sea of Azov, using satellite images and magnetic surveys. A settlement of Bolshoy Shaban was found in the Syuyur-Tash area, occupying area of 0.8 ha. Two dozen pit houses were revealed, which grouped into 4–5 clusters. The settlement of Bezymyannye Vysoty-1 was discovered 2150 m to the southeast, on which a double stone corral and several pit houses were revealed in the magnetic field. Thus, as well as in north-western Crimea, two types of settlements were found. The first one includes settlements with clusters of pit houses, but without large cattle pens. The second one includes settlements dominated by large double stone

corral for livestock and several pit houses. For the first time in Eastern Crimea, a double stone corral for livestock has been fully exposed. Previously, only parts of such enclosures may have been found in excavations.

Keywords: Kerch Shore of the Sea of Azov, Karalar coast, Syuyur-Tash, Middle and Late Bronze Age, remote sensing methods, satellite imagery, magnetic survey

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 231–240
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 231–240
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-231–240

ANTAKAIOS: APHRODITE'S STURGEON?

David Braund

University of Exeter, Exeter, the United Kingdom

E-mail: d.c.braund@exeter.ac.uk

This article discusses the fish known among ancient Greeks of the Black Sea and more generally as the *antakaïos*. It is the sturgeon, and perhaps specifically a variety called the “starry sturgeon” (*Acipenser stellatus*). The fish appears in texts and archaeological remains. Near the end of the fourth century BC the Bosporan kingdom issued large bronze coins which clearly show this species of sturgeon. It is easily identified by its long, thin snout, and it is among the various species of fish which Greeks also called *oxyrhynchos* or “sharp snout.” The fish was important to the economy and daily life of the northern Black Sea, as we hear already in Herodotus (4. 53). However, on these Bosporan coins we find the fish among the iconography of myth and religion, that raises the question as to whether the fish also had a significant place in the beliefs and cults of the region. We know that fish-cult was connected to the cult of Aphrodite Ourania at Ascalon. Here it is suggested that the starry sturgeon may have been linked to the goddess also in the Bosporan kingdom, especially in view of its appearance (the star-like plates along its body) and its particular liking for foam (*aphros*), which was noticed in antiquity. Finally, we may wonder whether the Bosporans who famously visited the Nile in Egypt took an interest in the *oxyrhynchos* fish that received cult there, the so-called “elephant fish.”

Keywords: Bosporan kingdom, religion, Aphrodite Ourania, Ascalon, Apatouron, fish, sturgeon, *derceto*, *oxyrhynchos*, Egypt, Nile

Greeks who came to the Black Sea could only be impressed, if not amazed, by experience of its environment. For them this was a new and different world in so many ways. The physical environment was on a huge scale for Greeks of the Mediterranean, who were also struck by the possibly vast numbers of its human inhabitants – not least the peoples they called “Scythians” to the north (Thuc. II. 97. 6; cf. Hdt. IV. 81). Like the extensive steppelands, great forests, and lofty mountains of the region, its many great rivers were extraordinary to them, as Herodotus indicates clearly enough (Hdt. IV. 82). These huge waterways were often navigable into the continental interior, and in any case offered routes along their banks. Herodotus found it convenient to structure much of his account of Scythia around these rivers, not least because they offered

Данные об авторе. David Braund – MA PhD (Cantab), DLitt (Batumi), Emeritus Professor of Black Sea and Mediterranean History in the Department of Classics and Ancient History, University of Exeter.

lines across a steppe that seemed trackless to outsiders. In that sense, the physical geography of the region was dominated by the Danube, Dniester, Dnieper, Don, Rioni, Chorokhi, Yesilirmak, Kizilirmak, and more besides. Accordingly, these rivers were key to habitation and exchange, and to the development of Greek communities around the shores of this “most marvellous of seas”. As Herodotus put it (IV. 82). By contrast, the rivers of the Mediterranean had few waterways to match Pontic rivers. Dazzled by the Dnieper and its riches, Herodotus thought of the Nile, the only river he knew that could claim to outdo it (IV. 53). In what follows here, we shall be concerned with one feature of these great rivers of the Black Sea, albeit perhaps one of their most famous and important inhabitants - the *antakaïos*, usually translated “sturgeon”. The word is not often used in the ancient Greek texts that have survived for us. By examining these texts and related material culture, we can – I suggest – open a new path into the religion of the north coast of the Black Sea, especially in the Bosporan kingdom. We shall see too that Herodotus’ thoughts of the Nile may arise from ideas more specific than his general sense of world geography and the relationship of north and south¹.

The earliest appearance of the *antakaïos* in extant Greek literature forms part of Herodotus’ glowing account of the extraordinary river Borysthenes – the Dnieper and the extensive estuary it forms with the Hypanis (modern Bug). At the outset of his account of Scythia, Herodotus (IV. 5) had told of the Scythians’ own account of their origins, in which the Borysthenes was a forefather of the Scythian people. The notion of descent from a river made sense among Greeks (whatever precisely was said among Scythians), while Greeks also recognised the divinity of rivers. At Olbia, both the Borysthenes and the Hypanis were deities, and we may be sure enough that the other waterways of the region were treated as divine by the Greeks who settled beside them, whether or not we have specific information about that². Herodotus gives his assessment of the Borysthenes in unusual detail – even the Danube does not receive such an extended treatment. For he considers the Danube less important, as he says when he makes the Borysthenes second only to the Nile among the rivers of the world in what it has to offer, including outstanding fish. Of these fish, he specifies only the *antakaïos*, which he links with the vast natural salt-pans which he describes at the mouth of the river. His focus is intriguing, since there were other fish from the river that were caught and/or salted. He writes: “And there are great water-monsters without spines, which they call *antakaïoi*, used for salting” (Hdt. IV. 53. 4).

Size was evidently an issue. The *antakaïos* was huge, like so much else that was vast around the region – a *kētos*, a word usually denoting monsters of the sea, whether more or less dangerous. However, there were other large creatures, which do not rate a mention³. The zander (alias pike-perch) was another great species of the river, while mention might also have been made of the dolphin, routinely treated as a fish by the ancient Greeks, if mistakenly, and eaten. The dolphin is beyond the scope of the present discussion, but we may note in passing that its association with Apollo has long been recognised, while his links to Dionysus were at least as important⁴. This was a “fish” of the region with a firmly religious aspect, while the dolphin-coinage of

¹ On which, e.g. Romm 1993, with essays in Braund et al. 2021.

² Further, Dubois 1996; cf. Arrian, *Periplus*, 10 for ritual.

³ Further, Stolba 2005.

⁴ Lyons 2014.

Fig. 1. Egyptian elephant fish, bronze figurine

Olbia illustrates the special role for fish in the complex relationship between coins and the supernatural⁵. At the same time, the false classification of the dolphin as a fish in antiquity also illustrates the shortcomings of ancient ichthyology, and biology in general. While specialists might strive to improve matters through personal observation and attempts at taxonomy, it remains uncertain whether much of their work reached the ordinary man and woman. Among fishermen, fish-merchants and their customers there was a blizzard of terminology, much of it local. Meanwhile, there was obvious advantage in selling a cheaper item of fish as if it were in fact something more valuable: traders in fish were considered especially untrustworthy among Greeks, who held all traders under significant suspicion⁶.

As for the *antakaïos*, Herodotus presents the name as local to those around the Borysthenes. I take him to include the Greeks of Olbia and the region around the city, not least because so much of what he says has clearly come from that source. Some scholars have taken him to mean that the name is Scythian, though our author does not say that, while John Hind even made the bold conjecture that the Antikeites (as Strabo calls the Kuban: XI. 2. 4 and 9) was a corrupt form of what had been Antikaïtes, or “Sturgeon-river”, presumably on the pattern of Rhombites⁷. If so, the corruption was no fault of Strabo, who wrote of the *antakaïos*, as we shall see. However, it seems best to avoid conjectures, especially as Antikeites makes complete sense in Greek, as Hind acknowledges. Similarly, *antakaïos* looks like a plausible enough Greek word, which would explain its use at Athens only a generation or two after Herodotus completed his *Histories*. In fact, it appears on the stage there, with no apparent need to explain it much or at all. The Athenian audience knew the name in the fourth century, and the more prosperous surely ate the salted fish itself, shipped from the Black Sea – perhaps in *stamnoi* like the fish shipped from Taras, on which Euthydemus wrote (Athenaeus, 3. 116c). We rely heavily on fragments of various

⁵ Seaford 2013; cf. Schaps 2015.

⁶ Davidson 1997.

⁷ Hind 2008, 3, with n.8; cf. Jakson et al. 2007.

comic plays which were performed for Athenians from the fourth and third centuries (see Appendix). In themselves these fragments offer little detail about the fish, but they confirm familiarity with the word, while Herodotus' brief description confirms that we have here sturgeon. Precisely why the fish was called *antakaïos* is beyond our knowledge. After all, we often have difficulty in explaining why fish and other creatures are given their names. If a Greek etymology is needed, we might consider the obscure Greek word *antakas*, which (as Hesychius' lexicon tells us) was a rare word for "today." If there were such a connection, then *antakaïos* would seem to be an adjective formed from the word, so that the name would be "today's". On balance, however, etymology seems best avoided, here and usually elsewhere. The important point is that the *antalaïos* was known far from its Black Sea haunts.

We see extensive debate over fish terminology most clearly in the *Deipnosophists* ("Dinner-philosophers") of Athenaeus, a long work (some 15 books) of around AD 200 (see Appendix). Here, in an atmosphere of learned comedy, we see a developed form of scholarly and comic concern with the terminology of food-science. In its third and seventh books, in particular, the naming of fish constitutes a key topic of attention, and the discussion there reveals a body of earlier Greek work on the terminology and science of fish. While many names were in use for many fish, there was also variety in the naming of fish across Greek culture. A familiar name for fish species among ancient Greeks was *oxyrhynchos*, literally "sharp-snout". In modern Greek usage, *oxyrhynchos* usually denotes the sturgeon in all its many sub-species. Scholars have often thought that the same word also meant "sturgeon" in ancient Greek. However, the matter is more complicated than that. Athenaeus happens to mention in passing that the fourth century comic playwright used the word to mean a kind of mullet (Appendix (iv)), while in Sicily Epicharmus used the word to denote a needlefish in the fifth century (Athenaeus 7. 304c). Meanwhile, in Egypt Greeks used the word to denote the elephant fish (fig. 1), which was held sacred at the important city of Oxyrhynchus on a branch of the Nile (Strab. XVII. 2. 4; cf. Plut. *De Iside* 7). We shall return there later, but should note here that Greeks did not use the well-established Egyptian word for this fish, *medjed*. That is some further reason to doubt that *antakaïos* was adopted by Greeks from the Scythian language. However, despite these clear examples, the widespread belief that ancient Greeks sometimes used *oxyrhynchos* to denote sturgeon and sturgeon-like species remains entirely plausible, even though we have seen that they did not always do so, and that they used it for other species too. For we know that sturgeon lived in the Mediterranean in classical times, though they have been eliminated there in modern times through over-fishing. Very likely, Herodotus' attention to *antakaïos* as a local name of the north Black Sea owes something to the name for the fish that he will have known during his travels in the Aegean and Adriatic regions, where *oxyrhynchos* was the familiar term. At the same time, his description of the great fish rules out another great fish of the river, namely the zander, or pike-perch. The nose of that fish could seem sharp enough, and it also grew to great size, but it had a spiny dorsal fin, by contrast with the sturgeon, which our author correctly describes as without spines.

There is also a certain amount of archaeology. It has been well observed that bone-studies suggest that the sturgeon – and especially the species known as the "starry sturgeon" (*Acipenser stellata*) – were particularly favoured for salting in the Bosporan kingdom. It was in the later fourth century that the Bosporan kingdom issued large bronze

Fig. 2–3. Bronze coins of Pantikapaion

coins (tetradrachms) which allow us to identify the fish they display⁸. Where the entire head of the fish is visible, we see that it can only be the starry sturgeon (*A. stellata*). For these coins show the long snout that is the most obvious distinctive feature of this kind of sturgeon. The snout distinguishes the starry sturgeon from the other sturgeon once commonly found around the Black Sea and also attested in bone studies - the so-called Russian sturgeon (*A. gueldenstaedtii*). The latter is also named the “Danube sturgeon” and “Diamond sturgeon”. Its last name arises from the pale platelets that run along the lateral line of the fish's sides. It is on account of similar platelets that the starry sturgeon has its name – the diamonds of one species are seen as stars on the other, with the shape of the snout being the clearest distinction. Most likely that distinction mattered little (if at all) to ancient fishermen and their customers, or the wider human population, but we should retain the possibility that the coins were understood to show specifically the starry sturgeon.

We must ask why these sturgeons were shown on Bosphoran coins. The apparently simple question resists a simple answer. We know almost nothing about the processes by which coins were designed in antiquity, and nothing at all about practice in the Bosphoran kingdom. Presumably the Bosphoran rulers took some interest in the matter, and approved designs in some sense. After all, coins were a means by which the rulers could communicate with their people and with the world at large, especially with those who received new coin from the Bosphoran mint – the military, state employees and agents, and foreigners in receipt of payments and gifts. Designs must be appropriate to that purpose, and present a suitable image of the issuing authority – ultimately the Bosphoran rulers themselves. Much more might be said. However, if we look at the other images on these bronze coins, we see the iconography of myth and religion.

⁸ See Stolba 2005, also earlier silver denomination, much smaller.

On the obverse we have the head of a satyr-like figure, who in my view is most likely Pan himself. No doubt those who looked at the image in antiquity made their own decision about his identity. Pan gives the first syllable of Pantikapaion, which looks very much like “Garden for Pan” in Greek. On the reverse, there is some variety. The name of Pantikapaion (or again, Pan himself) is evoked by lettering. Also, on the reverse we have the foreparts of a griffin or a lion’s head. In both cases, the sturgeon is located beneath the beast. However, there is no interaction between the creature and the fish (Figs. 2–3). Of course, the lion has such a wide range of possible significance that we can only observe its popularity on the coinage of Milesian colonies, as here. Clearly, too, the lion suggests nothing about the fauna or production of the Bosporus, either, as has sometimes been claimed for the sturgeon beneath it. Similarly, the griffin seems to suggest myth. We should note its particular frequency on coins of Teos and its Thracian foundation, Abdera. Since we know that Dionysus was important to both, and to Teos’ colony at Phanagoria, and the Bosporan kingdom at large, and also that the griffin was especially associated with Dionysus and Apollo⁹, we may prefer to see the griffin here as in some sense Dionysiac. Whether the obverse is a satyr or Pan, both are at home in the circle of Dionysus. Apollo of course must be retained in any case¹⁰. Since the various other images on these bronze coins seem to connect with myth and religion, there is every reason to ask whether the sturgeon also has such a connection. There have been attempts to weave them into a single narrative, but the lack of interaction makes that rather unlikely.

Among the principal cults of the Bosporan kingdom, Aphrodite Ourania stands out, with her substantial cult-centre at Apatouron, about which so much has been written¹¹. The goddess oversees fertility and orderly reproduction among humans and across the natural world. In that role she had a special significance for the rulers of the kingdom, who sought to reproduce with a view to passing on their thrones to their offspring. I have argued elsewhere that the bird named the purple gallinule (the *porphyrio*) was probably to be found at Apatouron, in view of its imagined commitment to virtue and marriage. We occasionally see the swan as another natural feature of her entourage in nature, as she rides it through the heavens, the *ouranos*¹². However, she is also a goddess of the sea, who had come from the foam, the *aphros*. Her very name Aphrodite Ourania brings nature together by uniting sea and sky, by whose union she had herself been created. Although no single text mentions any connection between her and the sturgeon, there is enough to make such a connection more than mere speculation.

Herodotus makes a strong connection between the northern Black Sea and the cult of Aphrodite Ourania at Ascalon. He reports the notion that the looting of her temple at Ascalon was the cause of the Scythian Enareis, who suffered from the “female disease” that made women of these men and their descendants, as the story goes. This as their divine punishment, as the Scythians themselves are said to have acknowledged (Hdt. I. 105; cf. IV. 67). We know that the great cult at Ascalon accorded great importance to doves, who duly appeared on the city’s coinage – another good example of the interaction of cult and coin iconography. Also, at Ascalon, where Syrian deities clustered

⁹ Delplace 1980.

¹⁰ Cf. Lyons 2014 on the two gods.

¹¹ See Braund 2018, with extensive bibliography especially the works of V.D. Kuznetsov and his Phanagoria team.

¹² See also Ustinova 1998; 1999.

with Ourania, fish were of prime importance, with myth about Derceto – a divinity with a woman's head and the body of a fish, whose sanctuary at Ascalon stood near a fish-filled lake (e.g. Diod. 2. 4¹³). The cult of Aphrodite at Ascalon was embroiled in the cult of fish as well as doves and more. When we consider the possibility of fish in Bosporean cult, Aphrodite Ourania seems the most probable presiding deity. It would have been easy enough on the Taman peninsula to keep a lake where fish were treated as sacred, as was evidently done at Ascalon and elsewhere in the worship of this cluster of deities¹⁴.

Clearly, fish were caught, eaten and salted on the north Black Sea coast, but a special location may be imagined where fish were not caught. Strabo (VII. 3. 18) happens to mention a special device that was used to extract fish from beneath the ice of the Cimmerian Bosporus, called a *gangame*. Ancient lexicography is clear (especially Hesychius s.v.) that this is a net of some kind, though modern writers sometimes prefer to suppose a hooked device, especially in view of the need to break ice. The practice is obscure and curious, so that we may even suspect that Strabo refers to a practice which combined ice-hole fishing with special treatment for the *antakaïos*. For he specifies this sturgeon as the fish for which the *gangame* was used.

But why would Bosporeans give special honour to sturgeons, most likely in the cult of Aphrodite Ourania? Three different factors seem to be involved. First, and by far the most unclear, is non-Greek concern with fish in the region before and during Greek settlement there, about which detail is evasive. Second, there is the physical appearance of these sturgeons. They were strikingly big, as Herodotus' term "water-monsters" indicates. While that might be enough to inspire thoughts of the supernatural, we should pay attention also to the patterns on their bodies. The perception of their paler platelets as "starry" or "diamonds" might well seem to link them to the great sea-goddess of the heavens, Aphrodite Ourania (Fig. 4). Thirdly, we are told by a Greek writer of the second century AD – Aelian (*NA*. 16. 24) – that the sturgeons in the Danube seem to revel in the foam the *aphros*, the medium in which Aphrodite had been born and brought to land. There seems to be good biological observation here. These sturgeons have a need for oxygen, so that the more aerated water of the foam is perfect for them. The starry sturgeon in particular has a tendency to leap high out of the water, which has been interpreted as a further indication of its liking for oxygen. We may note too that the same quest for oxygen would bring sturgeon thronging around holes made in the ice, for that is probably what Strabo describes as their being dug from the Bosporean ice.

Given the coins and our scatter of texts, there is some basis for thinking the sturgeon was the special fish of Aphrodite Ourania for the inhabitants of the Bosporean kingdom, and possibly others around the Black Sea, where the goddess was important, and where her cult seems to be a product particularly of Greek colonial encounters with nature. If that is broadly correct, we may proceed to apply the hypothesis to an old puzzle in Bosporean history, which takes us again to the Nile. There has been much speculation about a visit of a delegation from the Bosporus to Egypt and the Nile under Ptolemy II Philadelphus in the third century BC¹⁵. We glimpse them on the Nile, travelling with a party from Argos, where Io-Isis held special interest. Elsewhere I have argued that the cult of Isis-Io was important to the Bosporean mission, set in the broad context of

¹³ Ustinova 1998.

¹⁴ Hörig 1984; Frahm 2017.

¹⁵ Further, Braund 2018, ch. 4.

Fig. 4. The starry sturgeon

Egyptian religion in Bosporan traditions. We may now wonder whether the Bosporan mission had any special interest in the “sharp-snouts” of the Nile, the sacred fish which gave its name to the city of Oxyrhynchus, or “Sharp-snout”¹⁶. For Plutarch tells us that these were sacred specifically in the cult of the Egyptian goddess Hathor, whom he - as other Greeks - considered to be the equivalent of Aphrodite, together with Isis-Io. If indeed the key Bosporan cult of Aphrodite Ourania made much of the Black Sea *oxyrhynchos* (alias the *antakaïos*), then the Bosporans might well have taken an interest in the sacred *oxyrhynchos* of the Nile. If so, they may have been disappointed to see elephant fish and not their own starry or diamond sturgeons.

APPENDIX: ANTAKAIOS FRAGMENTS

Athenian audiences enjoyed comedy centred around food, its preparation, and its consumption¹⁷. Most of these plays have survived only as fragments, and many of those have been preserved because they provide examples of unusual words or expressions. Around AD 200 a Greek from Roman Egypt (Naukratis) produced an extraordinary, huge work for his Roman patron, which presented the discussions of a group of dining “philosophers” from around the Greek world. Their discussions often concern the best use of Greek language and vocabulary, while ranging far and wide across earlier Greek cultural and its many writings and concerns. Athenaeus’ enormous creation manages to forge humour and serious comment, within which our fragments on the *antakaïos* are quoted¹⁸. The key parts of the work for this paper are provided here, as they appear in a standard English translation of Athenaeus’ so-called *Deipnosophists* by C.B. Gulick¹⁹: more recent translations are available.

(i) Athenaeus 3. 116a-b

..., the scholar Varus spoke up: “Look you, the poet Antiphanes, also, mentions these pickled fish in Deucalion:17 “Salt sturgeon, if one likes it, or a Cadiz tunny; and revels in the odour of a roe tunny from Byzantium”. And in The Parasite:18 “In the middle a salt sturgeon, luscious, white throughout, and hot...”.

...Plutarch answered: “How does that ‘half-salted’ fish differ from the ‘half-pickle’ which your noble Archestratus mentioned above ?20”. Yet Sopater of Paphos names

¹⁶ Parsons 2007.

¹⁷ Wilkins 2000.

¹⁸ Further, Braund, Wilkins 2000.

¹⁹ Gulick 1927.

21 the half-salted in The Slavey of Mystacus, thus: "He received a sturgeon, which the mighty Danube nurtures, the half-salt joy of Scythians."

(ii) Athenaeus 3. 118d–119a

After this lengthy discussion it was decided at last to dine, and when the hors d'oeuvre of salt fish had been passed round Leonides said: "Euthydemus of Athens, my friends, remarks in his work on Salt Meats that Hesiod has this to say about salted or pickled food: 'First in choice is the sturgeon with double-edged mouth, the fish which the rough-clad fisherfolk call the "jaw." The Bosporos, rich in salt fish, delights in it, and the people there cut the belly pieces into squares and make it into a pickle. Not p45 inglorious in the eye of mortals, I ween, is the tribe of sharp-nosed sturgeon which jagged lumps of salt adorn either whole or sliced...'"

(iii) Athenaeus 7. 315d–e

stance from the Pillars of Heracles is wanting in fat because they have swum over a wider space. Now in Cadiz the shoulder-bones are preserved separately, just as in the case of sturgeons the jaws and the roofs of the mouth and the so called 'heart-of oak' are cut from them and preserved.

(iv) Athenaeus 8. 354a

The barbed mullet occurs in the ocean, in lakes, and in streams. This fish, Diphilus says, is also called sharp-snout.

REFERENCES

- Braund, D. 2018: *Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era*. Cambridge.
- Braund, D. 2019: A bird for Aphrodite in the Black Sea: porphyria at Apatouron? In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (ed.), (*XX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniya [XX Bosporan Readings. The Cimmerian Bosporus and Barbarian world in Antiquity and the Middle Ages. Main Results and Prospects of Research]*). Simferopol–Kerch, 636–637.
- Braund, D., Wilkins, J. (eds.) 2000: *Athenaeus and his World: Reading Greek Culture in the Roman Empire*. Exeter.
- Braund, D. Stolba, V., Peter, U. (eds.) 2021: *Environment and Habitation around the Ancient Black Sea*. Berlin–Boston.
- Davidson, J. 1997: *Courtesans and Fishcakes. The Consuming Passions of Classical Athens*. London.
- Delplace, C. 1980: *Le griffon de l'archaïsme à l'époque impériale. Étude iconographique et essai d'interprétation symbolique*. Brussels.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Geneva.
- Frahm, E. 2017: Of Doves, Fish, and Goddesses: Reflections on the Literary, Religious, and Historical Background of the Book of Jonah. In: J. Baden, H. Najman, E.J.C. Tigchelaar (eds.), *Sibyls, Scriptures, and Scrolls* (Supplements to the Journal for the Study of Judaism. Vol. 175). Leiden, 432–450.
- Hind, J. 2008: Two Notes on Early Coin Types of Pantikapaion and Phanagoreia, *NC* 168, 1–8.

- Hörig, M. 1984: Dea Syria – Atargatis. In: *Religion (Heidentum: Römische Götterkulte, Orientalische Kulte in der römischen Welt, Fortsetzung)*. Bd. 17/3. Berlin, 1536–1582.
- Jakson, T., Kalinina, T., Konovalova, T., Podosinov, A. 2007: *Russkaya reka: rechniye puti Vostochnoy Evropy v antichnoy i srednevekovoy geografii* [“Russian River”: River Routes of Eastern Europe in Ancient and Medieval Geography]. Moscow.
- Lyons, D. 2014: Arion the Methymnian and Dionysos Methymnaios: Myth and Cult in Herodotus’ Histories. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact. Representation, Narrative, and Function*. Berlin, 425–434.
- Parsons, P.J. 2007: *City of the Sharp-Nosed Fish: Greek Papyri beneath the Egyptian Sand Reveal a Long-Lost World*. London.
- Schaps, D. 2004: *The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece*. Ann Arbor.
- Seaford, R. 2013: *Cosmology and the Polis*. Cambridge.
- Stolba, V. 2005: Fish and money: numismatic evidence for Black Sea fishing. In: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region. Proceedings of an interdisciplinary workshop on marine resources and trade in fish products in the Black Sea region in antiquity, University of Southern Denmark, Esbjerg, April 4–5, 2003*. Aarhus, 115–132.
- Ustinova, Yu. 1998: Aphrodite Ourania of the Bosphorus: The Great Goddess of a Frontier Pantheon. *Kernos* 11, 209–226.
- Ustinova, Yu. 1999: *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God*. Leiden–Boston–Köln.
- West, S. 2003: ‘The Most Marvellous of All Seas’; The Greek Encounter with the Euxine. *Greece & Rome* 50, 151–167.
- Wilkins, J. 2000: *The Boastful Chef*. Cambridge.

ANTAKAIOS: ОСЕТР АФРОДИТЫ?

Д. Браунд

Эксетерский университет, Эксетер, Великобритания

E-mail: d.c.braund@exeter.ac.uk

В статье обсуждается рыба, известная древним грекам Черного моря и в более широком смысле как *antakaïos*. Это осетр и, возможно, именно его разновидность под названием «звездчатый осетр» (*Acipenser stellatus*). Рыба фигурирует в текстах и археологических находках. Ближе к концу IV в. до н.э. Боспорское царство выпустило крупные бронзовые монеты, на которых отчетливо изображен этот вид осетровых. Его легко узнать по длинной тонкой морде, и он входит в число различных видов рыб, которых греки также называли *oxyrhynchos* или «острая морда». Рыба была важна для экономики и повседневной жизни северного Причерноморья, о чем говорит уже Геродот (4. 53). Однако на этих боспорских монетах изображение рыбы связано с иконографией мифа и религией, что ставит вопрос о том, занимала ли рыба также значимое место в верованиях и культах региона. Известно, что культ рыбы был связан с культом Афродиты Урании в Ашкелоне. Наконец, многие задаются вопросом, интересовались ли боспоряне, точно побывавшие на Ниле в Египте, почитавшейся там рыбой-*oxyrhynchos*, так называемой «рыбой-слоном».

Ключевые слова: Боспорское царство, религия, Афродита Урания, Аскалон, Апатур, рыба, осетр, *derceto*, *oxyrhynchos*, Египет, Нил

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 241–251
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 241–251
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-241–251

ПЛИНИЙ СТАРШИЙ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ГИПЕРБОРЕЕВ

А.В. Подосинов

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия*

E-mail: podossinov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2295-9290

В статье рассматривается проблема локализации мифического народа гипербореев, жившего в Северной Евразии за Рипейскими горами. Место их жительства определялось разными авторами по-разному: от Кельтики до Северной Индии и Китая. Плиний Старший в своей «Естественной истории» приводит 5 версий расположения гипербореев (NH. IV. 89–90; VI. 34, 55, 219). Эти версии противоречивы и отражают весь спектр мнений, существовавших в античности, – это и крайний север Восточной Европы, где со времен Геродота помещали гипербореев, и более южные районы, и север Китая, и некий остров, находящийся в океане между нашей ойкуменой и землей антиподов. Поскольку определение океана, в котором находился остров гипербореев, проблематично (Тихий или Атлантический?), большая часть статьи посвящена этому вопросу. На наш взгляд, этот остров следует размещать в Северной Атлантике, поскольку именно в западном полушарии в его северном сегменте следует локализовать противоположащую нашей ойкумене землю антиподов. В статье приводятся античные свидетельства о традиции расположения гипербореев в западной части Европы (ойкумены), а Гекатей Абдерский, труд которого «О гипербореях» упоминал сам Плиний, прямо помещает гипербореев на острове в северной Атлантике («напротив Кельтики»). Рассмотренные пассажи Плиния дают возможность увидеть основные принципы энциклопедического метода изложения информации: это учет возможно большего числа мнений предшествующих авторов, как правило, без полемики с ними, даже если Плиний с ними не согласен, иногда выражение скепсиса по поводу приводимых мнений, а иногда и высказывание собственного мнения. Вот и в случае с гипербореями: высказав в несколько скептической форме разные версии их локализации, Плиний тем не менее категорически заявляет, что такой народ существует (NH. IV. 91).

Ключевые слова: Плиний Старший, «Естественная история», гипербореи, их локализация

Данные об авторе. Александр Васильевич Подосинов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН, заведующий кафедрой древних языков МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики ПетрГУ.

С Александром Александровичем Масленниковым и Владимиром Дмитриевичем Кузнецовым я дружу с начала 70-х гг. прошлого столетия, когда мне посчастливилось вместе с ними (еще студентами и аспирантами) участвовать в археологических раскопках в Молдавии, Крыму и в Фанагории. Сейчас это выдающиеся археологи, во многом определяющие развитие науки археологии в нашей стране и хорошо известные в мире, и я горжусь дружбой с ними. Мое скромное подношение юбилярам (о Плинии и гипербореях), к сожалению, не имеет отношения к археологии, но меня успокаивает мысль о том, что гипербореи – насельники Восточной Европы, историей которой занимаются А.А. и В.Д., а Плиний – важный источник по истории Северного Причерноморья, сведения которого активно используют оба юбиляра.

Локализация легендарного северного народа гипербореев на ментальной карте античной ойкумены была далеко не однозначной. Разные авторы на протяжении многих веков располагали Гиперборею в различных районах Северной Евразии от Кельтики до Китая (Серики)¹.

Плиний Старший, компилируя свою «Естественную историю» из многих разнородных источников, привел, как кажется, пять различных версий ее местоположения. Ниже мы рассмотрим все случаи упоминания гипербореев у Плиния. Анализ его текстов поможет, с одной стороны, понять метод работы Плиния со своими источниками, с другой – разобраться, какое место гипербореи занимали в пределах античной ойкумены с точки зрения античных авторов.

ТЕКСТЫ ПЛИНИЯ О ГИПЕРБОРЕЯХ

Вот что пишет Плиний о локализации гипербореев².

IV. 89: «За этими горами³ по ту сторону Аквилона⁴, если верить, существует счастливое, [отличающееся] долголетием племя, знаменитое баснословными чудесами, которое называют гипербореями. Полагают, что там находится мировая ось и наиболее отдаленные круговые пути звезд; в течение полугода и одного дня они лишены солнечного света, а не от весеннего равноденствия до осени, как говорят малосведущие люди; у гипербореев солнце восходит один раз в год во время летнего солнцестояния, заходит один раз в момент зимнего солнцестояния...

IV. 90: Некоторые помещают гипербореев не в Европе, а в первой части берегов Азии, так как там есть сходный по обычаям и своему местоположению [народ], именуемый аттакорами. Другие указывают их посередине между восходящим и заходящим солнцем, т. е. между западом антиподов и нашим востоком, чего быть никоим образом не может, так как между ними лежит огромное море. Те, кто помещали их в ином месте, чем [то, где] полгода светло, рассказывали,

¹ Из недавних исследований о гипербореях см Gagné 2021 (с исчерпывающей литературой); см. также мою рецензию на книгу Ганье: Подосинов 2023а.

² Переводы даются по книге: Подосинов, Скржинская 2011.

³ Имеются в виду полумифические Рипейские горы, которые античные авторы локализовали на севере Евразии, в данном случае в Восточной Европе (см. о локализации Рипейских гор: Подосинов, Денисов 2016, 53–160).

⁴ Т. е. северного ветра.

что утром [гипербореи] сеют, в полдень жнут, на закате срывают плоды деревьев, ночью скрываются в пещерах».

VI. 34: «От крайнего Аквилона до начала летнего восхода живут скифы. За ними и за пределами Аквилона некоторые помещают гипербореев, большинство же [писателей] называют их [при описании] Европы».

VI. 55: «У них (серов) первая река, о которой известно, – Пситарас, следующая – Камбари, третья – Лан, затем полуостров Хрисе, залив Кирнаба, река Атиан, залив аттакоров и народ их, от любых вредоносных ветров защищенный горными вершинами, открытыми солнцу – они живут в таком же климате, как гипербореи; о них отдельную книгу написал Амомет – как Гекатей о гипербореях».

VI. 219: «До сих пор мы излагали изыскания древних⁵. Самые скрупулезные из последующих [ученых] оставшуюся часть земли обозначили еще тремя кругами⁶; [первый проходит] от Танаиса⁷ через Меотийское озеро⁸ и сарматов до Борисфена⁹ и далее через даков и часть Германии, через Галлии, где океан охватывает берега, и там [самый длинный день] длится 16 равноденственных часов; второй — через гипербореев и Британию, 17 часов; последний скифский от Рипейских хребтов до [острова] Тиле¹⁰; в нем дни и ночи, как я сказал, делятся попеременно».

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВ ПЛИНИЯ

Первая Плиниева версия (восточно-европейская) довольно традиционна. Уже Геродот (вернее, его источник Аристей Проконесский) твердо помещал гипербореев в Восточной Европе за скифами, аримаспами, исседонами на берегу Северного океана (IV. 13). То же делает современник Геродота Дамаст Сигейский: «Выше скифов живут исседоны, еще выше этих – аримаспы, а выше аримаспов – Рипейские горы, с которых дует Борей (у Плиния – Аквилон), а снег никогда не сходит; а выше гор гипербореи обитают до другого моря (ὕπερ δὲ τὰ ὄρη ταῦτα Ὑπερβορέους καθήκειν εἰς τὴν ἐτέραν θάλασσαν)»¹¹ (см. также у Помпония Мелы, I.12; III. 36). Эту версию Плиний отразил в *NH.* IV. 89 и VI. 34 с некоторой долей скепсиса.

Сразу отмечу противоречие с этой версией, встречающееся в упомянутой в *NH.* VI. 219 климатической зоне, которая проходит от гипербореев до Британии. По первой версии, гипербореи – самый северный народ в Восточной Европе, живущий за Рипейскими горами (т.е. севернее их) чуть ли не под небесной осью, практически на северном полюсе. Здесь же, в *NH.* VI. 219, гипербореи с Британией образуют не самый северный пояс, севернее их проходит еще один и как раз через Рипейские горы и остров Тиле (Тула). Получается, что гипербореи живут не

⁵ Имеется в виду описание климатических зон («кругов»), на которые эллинистические ученые членили всю ойкумену и которые проходили с востока на запад.

⁶ М. Кисслинг (Kiessling 1914, 851) и П. Шнабель (Schnabel 1935, 413–415) считают, что эти новые данные Плиний почерпнул из «Хорографии» Марка Випсания Агриппы. Д.А. Щеглов (2005, 293–299) видит в этих данных Плиния влияние Гиппарха Никейского.

⁷ Совр. Дон.

⁸ Совр. Азовское море.

⁹ Совр. Днепр.

¹⁰ Легендарный остров на северо-западе Европы.

¹¹ FGrHist. 5. F. 1 = Steph. Byz. s. v. Ὑπερβορέοι.

севернее, а южнее Рипейских гор. Это **вторая** версия локализации гипербореев, возможно, спровоцированная изысканиями римских географов.

Третья версия указана в конце *NH.* IV. 90, где Плиний сообщает о местопребывании гипербореев не у северного полюса, где полгода ночь и полгода день, а «в ином месте (*alibi*)», где «утром [гипербореи] сеют, в полдень жнут, на закате срывают плоды деревьев, ночью скрываются в пещерах». Это описание предполагает, что каждые сутки состоят из обычных дня и ночи, а значит, гипербореи живут где-то на гораздо более низких широтах.

Четвертая версия помещает гипербореев на севере Азии между Каспийским морем и Восточным океаном, где гипербореи имеют название аттакоров (*NH.* IV. 90 и VI. 55). Плиний даже указывает автора книги об этих гипербореях: это некий Амомет, о котором известно, что он жил при Птолемеи Филадельфе в первой половине III в. до н.э.

Очевидно, то же, хотя и несколько модифицированное, название встречается у Птолемея в описании страны серов как имя то народа (VI. 16. 5 Ὀττοροκόρραι), то горы (VI. 16. 2: Ὀττοροκόρρας), то города (VI. 16. 8: Ὀττοροκόρρα). Кроме Птолемея, похожие имена, привязанные к тому же региону, приводят Аммиан Марцеллин (XXIII. 6. 64: mons Oporogorra и XXIII. 6. 66: народ Athagorae), Оросий (I. 14: flumen Ottorogorra), Солин (51. 1: Attacori и Attacenus sinus), Марциан Капелла (VI. 693: Attagenus sinus).

Возможно, в этом этнониме отразилось название блаженного народа Uttarakuru (букв. «северные Куру»), известного в древнеиндийской литературе – в некоторых пуранах, «Махабхарате» (IV. 43) и «Рамаяне» (VI. 7)¹². Этот народ помещали севернее Гималаев (священной горы Меру), где будто бы царит мягкий климат, плодородная земля дает все необходимое для жизни, так что уттаракеры свободны от физического труда, проводят до глубокой старости жизнь в мире и радости. Предполагается, что из Индии эти сведения могли попасть в греческую литературу после восточных походов Александра, например, через порученца диадоха Селевка Мегасфена¹³, который в своем труде «Индики» уже отождествил с ними гипербореев; ср. Strab. XV. 1. 57: «Относительно тысячелетних гиперборейцев Мегасфен сообщает то же самое, что Симонид и Пиндар и другие рассказчики мифов»¹⁴.

Плиний приводит и **пятую версию** локализации гипербореев – очевидно, на острове в каком-то океане (*NH.* IV. 90). В каком именно, не так просто понять, поэтому стоит привести этот текст целиком:

Alii medios fecere eos inter utrumque solem, antipodum occasus exorientem-que nostrum, quod fieri nullo modo potest tam vasto mari interveniente.	Другие указывают их посередине между восходящим и заходящим солнцем, т. е. между западом антиподов и нашим востоком, чего быть никоим образом не может, так как между ними лежит огромное море.
---	---

¹² Bolton 1962, 98.

¹³ См. Megasth. Indica, fr. 30.

¹⁴ Подробнее см.: Tomaschek 1888, 771; Daebritz 1916, 272; Herrmann 1942, 1888–1889; Bolton 1962, 98–99.

Понимание этого текста представляет определенные сложности. В переводе Б.Н. Старостина это выглядит следующим образом: «Другие помещают их в середине между двумя Солнцами: западным – [Солнцем] антиподов – и восточным – нашим. Но такого никоим образом не может быть, потому что [этот промежуток] занят огромным океаном». Старостин считает, что в описании гипербореев и их местоположения «мы впервые в конкретной, хотя и мифологизированной форме сталкиваемся с упоминанием о Тихом океане»¹⁵.

С одной стороны, кажется, что нахождение «между западом антиподов и нашим востоком» вполне может указывать на Тихий океан, где «наша» ойкумена имеет свой восток. Тогда антиподы окажутся где-то в современной Америке, и их «запад» будет также на берегу Тихого океана. Но если понимать «*inter utrumque solem, antipodum occasus exorientemque nostrum*» как «запад, где живут антиподы, и восток, где живем мы», имея в виду расположение антиподов в западном полушарии, то речь может идти об Атлантическом океане¹⁶. Более того, мне представляется, что многие факторы говорят именно об Атлантике.

В *NH. II. 242* Плиний пишет: «Наша часть Земли, о которой я сейчас рассказываю, словно плавающая, как было уже сказано, в окружающем ее Океане, весьма далеко простирается с востока на запад, то есть от Индии до Столпов, посвященных Гераклу в Гадесе...». Под «нашей частью Земли» Плиний понимает ойкумену, состоящую из Европы, Азии и Африки. Греческие географы эпохи эллинизма (Эратосфен, Кратет и др.), трудами которых, хотя и опосредованно, пользовался Плиний, полагали, что на поверхности земного шара в Мировом Океане существуют четыре части суши. В одной из них (северной восточной) лежит наша ойкумена (по Плинию, «наша часть Земли»). В трех других предполагаемых частях суши находились земли перизков (букв. «рядом живущих»), антэков (букв. «противо-живущих»), антиподов (букв. «живущих вверх ногами») и антихтонов (букв. «живущих в земле напротив»). Они располагались у разных авторов в разных частях двух полушарий Земли.

А что же имел в виду Плиний, говоря про антиподов? Где они жили? Плиний ни разу больше, кроме рассматриваемого места (*IV. 90*), не упомянул антиподов. Антиподы известны античной науке со времен Эпикура, Платона и Аристотеля, причем их расположение также могло быть совершенно разным¹⁷.

Марциан Капелла, автор V в. н.э., подытоживший результаты развития античной науки, рассказав в связи с шарообразностью Земли о климатических зонах и двух полушариях, описывает также локализацию антэков, антихтонов и антиподов (*Martian. Capella VI. 603–607*); из нее явствует, что антиподы находятся в северной части западного полушария (напротив нас, живущих в северной части восточного полушария), а антихтоны – в южной части западного полушария (напротив антэков, живущих в южной части восточного полушария), см. *VI. 605*: «Те,

¹⁵ Старостин 2007, 110.

¹⁶ Д. Роллер (Roller 2022, 23), комментируя это место Плиния, уклончиво пишет о «Внешнем океане»: “Further comments on the Hyperboreans placed them... even across the External Ocean, suggesting a location on an unknown continent”. Г. Винклер в комментарии к своему немецкому переводу считает, что антиподы здесь – жители южного полушария (*die Bewohner der südl. Erdhalbkugel*) (Winkler 2002, 420). И это при том, что речь здесь у Плиния идет о восточной и западной границах океана.

¹⁷ Kauffmann 1894, 2531–2533.

кто противоположны нам (в северном восточном полушарии. – *А. П.*), упоминаются под именем антиподов; те же, кто находятся напротив тех, кого мы называли антеками (в южном восточном полушарии. – *А. П.*), именуются антихтонами (в южном западном полушарии. – *А. П.*) ... Те, кто называются антеками, имеют общие со своими антиподами (ошибочно вместо «антихтонами». – *А. П.*) четыре времени года; (606) А наши антиподы сообщая с нами переносят течение зимы и такой же летний зной» (перевод Ю.А. Шахова). Из этого описания видно, что антиподы находятся к западу от нашей ойкумены, а не к югу, как иногда предполагают некоторые античные авторы, обычно же в южном полушарии поселяли антихтонов (см. Aristot. *Cael.* II. 13. 2; Strab. II. 5, 13; Mela. I. 4. 54; Gemin. XVI. 19–20).

Уже из этого обстоятельства можно было бы заключить, что океан, на котором, по Плинию¹⁸, расположен остров гипербореев, должен быть Атлантическим, а не Тихим.

Но есть и другие свидетельства локализации гипербореев на западе Европы или даже к западу от нее.

Самую западную точку, где, согласно античной традиции, могли находиться гипербореи, следует искать... у титана Атланта. Так, при совершении 11-го подвига, Геракл приходит за яблоками Гесперид к гиперборейцам, причем эти яблоки находятся, по Аполлодору (II. 5. 11), «не в Ливии, как утверждают некоторые, а у Атланта, там, где обитают гипербореи» (ср. также у Аполлодора чуть ниже: «Когда же Геракл пришел к гиперборейцам, где находился Атлант...»). Гипербореи здесь оказываются соседями Атланта, чья традиционная локализация – запад ойкумены (именно от его имени происходят названия Атласских гор на западе Ливии и Атлантического океана).

Согласно Пиндару (*Ol.* III. 13–16) и Эсхилу (*Prom. Vincit.* 21, 31, 75, 119), гипербореи жили около (тогда еще неизвестных грекам) истоков Истра в Западной Европе; у Посидония (87 F 103 Jacoby = Schol. Apoll. Rhod. II. 675) – около Альпийских гор в Италии (περὶ τὰς Ἀλλεῖς τῆς Ἰταλίας). Также и некий Протарх (ученый, вероятно, I в. до н.э., писавший о географии и ранней истории Италии) считал Альпы Рипейскими горами, за которыми живут гипербореи (Steph. Byz., s. v. Ὑπερβόρειοι, ἔθνος. Πρωταρχος δὲ τὰς Ἀλλεῖς Ῥίπαια ὄρη οὕτω προσηγόρευσθαι, καὶ τοὺς ὑπὲρ τὰ Ἀλλεῖα ὄρη κατοικοῦντας πάντας Ὑπερβόρειους ὀνομάζεσθαι). Согласно Пифею (apud Strab. VII. 3. 1) они обитали около Геркинских Альп к северу от Дуная.

Феопомп (IV в. до н.э.) в «Удивительных историях» рассказал о мифической стране Меропиде, находившейся в Атлантическом океане где-то на северо-западе от Европы (F 75 = Ael. *Var. hist.* III. 18): «Европа, Азия и Ливия – острова, которые омывает по кругу Океан, материк же существует только один, а именно тот, который находится вне этого мира (ἔξω τοῦτου τοῦ κόσμου)»! Этот другой мир («космос») оказывается уже не островом, как у других утопистов и романистов, а целым материком Меропидой!¹⁹ Где же она располагалась? Очевидно, в Атлантическом океане. Такую локализацию меропийцев можно предположить, опираясь на рассказ о том, что «однажды эти люди попытались перебраться на наши острова... и с неисчислимыми тысячами людей переплыли океан, пока не

¹⁸ Шахов 2019, 37: «Значительная часть сообщаемых здесь сведений заимствована, прямо или опосредованно, из второй книги “Естественной истории” Плиния Старшего».

¹⁹ См. подробнее о географии Меропиды: Rohde 1876, 204–208; Geus 2000, 66.

пришли к гипербореям» (F 75). Таким образом, и здесь гипербореи оказываются в северо-западных частях Европы.

Страбон (XI. 6. 2) приводит интереснейшее древнее свидетельство о локализации гипербореев на севере Европы: «Древние эллинские авторы все в совокупности северные [народы] называли скифами и кельтоскифами, а [жившие] еще раньше, различая [их], называли живущих над Эвксином, Истром и Адрием – гипербореями, савроматами и аримаспами».

Если учесть, что савроматы и аримаспы – это племена безусловно северочерноморские, то территория от Черного моря через Истр до Адриатики оказывается населенной именно гипербореями.

Но ближе всего к рассказу Плиния о гипербореях в океане оказывается описание их страны у Гекатея Абдерского, написавшего в IV в. до н.э. не дошедший до нас философский роман-утопию «О гипербореях»²⁰. Плиний упоминает его в IV. 94 (см. выше), а также его произведение «De Hyperboreis» (VI. 55). Э. Роде предполагает, что труд Гекатея был непосредственным источником Плиния о гипербореях²¹.

Диодор Сицилийский (II. 47), пересказывая Гекатея Абдерского, помещает гипербореев на огромном острове (по размерам не уступающем Сицилии) в Атлантике позади Кельтики (ἐν τοῖς ἀντιτέρας τῆς Κελτικῆς τόποις), т. е. практически к северо-западу от Европы, и это уникальное свидетельство во всей античной литературе. Интересно, что Птолемей также называет океан севернее Ирландии «Гиперборейским» (*Geogr.* II. 2. 1: Ἀρκτικῆς πλευρᾶς (sc. Ἰουερνίας νήσου) περιγραφῇ, ἥς ὑπέρκειται Ὠκεανὸς Ὑπερβόρειος).

Таким образом, когда Плиний говорит об острове в океане, он, скорее всего, имеет в виду тот остров гипербореев, который в Северной Атлантике помещал Гекатей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведя несколько различных версий локализации гипербореев – от Атлантики до Тихого океана, – Плиний тем не менее категорически заявляет, что такой народ существует (*NH.* IV. 91): «Не следует сомневаться в [существовании] этого племени (nec licet dubitare de gente ea), ведь столько авторов сообщают, что они имели обыкновение посылать начатки плодов на Делос Аполлону, которого они особенно почитают»²². Сравним это утверждение с трезвым и рационалистическим мнением о гипербореях Страбона (VII. 3. 1), высказанным более чем за полстолетия до Плиния: «Из-за неизвестности этих мест (Северной Европы. – *А. П.*) до сих пор пользуются успехом некоторые сочинители басен о Рипейских горах и гипербореях». Да и Диодор Сицилийский предваряет пересказ гиперборейского дискурса Гекатея следующими словами (*Diod.* II. 47): «... Не будет лишним привести здесь рассказы про гипербореев (τὰ περὶ τῶν Ὑπερβόρειων μυθολογούμενα). Среди тех, кто излагает древние предания (τὰς παλαιὰς μυθολογίας), – Гекатей и

²⁰ Фрагменты его произведения на языках оригинала, в русском переводе и с комментариями см.: Подосинов 2012, 146–185.

²¹ Rohde 1876, 226.

²² О маршруте гиперборейских даров см. Подосинов 2023b.

некоторые другие – говорят, что в местах напротив Кельтики в океане находится остров не меньше Сицилии...» и т.д. Определение труда Гекатея как «россказней» и «древних преданий» свидетельствует о том, что Диодор скептически оценивал историческую достоверность Гекатеева труда.

Слова Д. Роллера о различных локализациях этого народа у Плиния: «These contradictory locations demonstrate their mythical nature»²³ противоречат, на мой взгляд, убежденности Плиния в существовании гипербореев, несмотря на их «мифическую природу».

Энциклопедическая направленность труда Плиния предполагала приведение всех возможных мнений по поводу описываемого предмета. Плиний сообщает в предисловии к «Естественной истории» (*NH. Praef. 17*), что он сделал 20000 выписок из 2000 томов, среди них редко читаемые труды (*quorum pauca admodum studiosi attingunt propter secretum materiae*), из них 100 авторов — предпочтительный источник (*exquisiti auctores*), а в индексах к книгам названы 327 имен греческих авторов и 146 римских²⁴. При этом Плиний может сопровождать мнения этих авторов оговорками, выражающими сомнение в их истинности или достоверности; см., например, его описание тех же гипербореев в *NH. IV. 89*: «За этими горами... если верить (*si credimus*), существует ... племя, знаменитое баснословными чудесами (*fabulosis celebrata miraculis*)... Полагают (*creduntur*), что там находится мировая ось... как говорят малосведущие люди (*ut imperiti dixere*)...». Однако сомнение в истинности этих, да и других сообщений о гипербореях не помешало, как мы видели выше, Плинию твердо верить в существование этого мифического народа.

Как правило, Плиний сообщает читателю все варианты без оценки их истинности, чтобы тот сам решал, что выбрать (см., например, *NH. VI. 177*: «Мы же, предоставив каждому свободно избрать то или иное суждение (*relicto cuique intelligendi arbitrio*), перечислим города в том порядке их расположения по обоим [берегам Нила, начиная] от Сиены, о котором до нас дошли сведения» (пер. Б.А. Старостина)).

По наблюдению К. Зальманна, когда Плиний не хочет брать на себя ответственность за информацию, выглядящую фантастически и потому недостоверную, он оставляет ее на совести автора (см., например, *NH. VII. 8*: «Однако я в большинстве из этих случаев не буду высказывать свое мнение, а скорее буду ссылаться на тех авторов, которые обращаются ко всему сомнительному (*nec tamen ego in plerisque eorum obstringam fidem meam, potiusque ad auctores relegabo, qui dubiis reddentur omnibus*)» (перевод А.Н. Маркина с моими поправками)²⁵. Речь дальше будет идти о совершенно фантастических реалиях: о скифах, питающихся человеческой плотью, об одноглазых аримаспах, ведущих войны с крылатыми чудовищами – грифами, о людях с вывернутыми назад ступнями, об албанах, видящих ночью и так далее.

Вообще Плиний редко полемизирует с авторами противоположных мнений, и это – его принципиальная позиция. Так, в начале раздела о географии он пишет (*NH. III. 1–2*): «Считается, что этот предмет бесконечен и трактовался с трудом

²³ Roller 2022, 231.

²⁴ См. Sallmann 1971, 170.

²⁵ Sallmann 1971, 184.

и не без некоего предубеждения. Однако ни для какого иного рода исследований снисхождение не оправданно так, как здесь. Ведь нет ничего удивительного, что не найдется такого человека, которому было бы доступно все человеческое знание. Поэтому я не буду следовать никакому единственному автору, но каждый раз тому, у которого найду больше всех истины по поводу [соответствующей земной] части... [2] Итак, я никого не буду ни упрекать, ни опровергать» (пер. Б.А. Старостина).

Именно такая позиция проявилась в Плиниевой информации о гипербореях, где он привел пять различных версий их локализации, засомневавшись лишь в одной из них – «океанической». Но и в остальных четырех версиях Плиний не солидаризировался явно ни с одной из них.

ЛИТЕРАТУРА

- Подосинов, А.В. 2012: Гекатей Абдерский. «О гипербореях». Введение, древнегреческий и латинский текст фрагментов, русский перевод и комментарий. В кн.: А.В. Подосинов (ред.), *Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ* 3. М., 146–185.
- Подосинов, А.В. 2023а: Рецензия на кн.: Renaud Gagné. *Cosmography and the Idea of Hyperborea in Ancient Greece. A Philology of Worlds*. Cambridge University Press, 2021. *ВДИ* 83/1, 992–1000.
- Подосинов, А.В. 2023b: Еще раз о маршруте гиперборейских даров на Делос (в печати).
- Подосинов, А.В., Денисов, А.О. 2016: Рипейские горы в античной и средневековой геокартографии. *Аристей* 14, 53–160.
- Подосинов, А.В., Скржинская, М.В. 2011: *Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий*. М.
- Старостин, Б.А. 2007: Плиний Старший и его «Естественная история» [перевод IV книги]. *ВИЕТ* 3, 104–110.
- Шахов, Ю.А. 2019: *Марциан Капелла. Бракосочетание Филологии и Меркурия*. Перевод, комментарий, вступительная статья Ю.А. Шахова. М.–СПб.
- Щеглов, Д.А. 2005: Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии. В кн.: *Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах*. М., 281–299.
- Bolton, J.D.P. 1062: *Aristeas of Proconnesus*. Oxford.
- Daebritz, H. 1916: Hyperboreer. *RE* 9, 258–279.
- Gagné, R. 2021: *Cosmography and the Idea of Hyperborea in Ancient Greece. A Philology of Worlds*. Cambridge.
- Herrmann, A. 1942: Ottorocorrai. *RE* 36.3, 1888–1889.
- Geus, K. 2000: Utopie und Geographie: Zum Weltbild der Griechen in frühhellenistischer Zeit. *Orbis Terrarum* 6, 55–90.
- Kauffmann, G. 1894: Antipodes. *RE* 1, 2531–2533.
- Kiessling, E. 1914: Ῥίπαια ὄρη. *RE* 2. Reihe. 1, 846–916.
- Römer, Fr. 1967: *Untersuchungen zur Geographie Europas in der Naturalis Historia des Älteren Plinius*. Diss. Wien.
- Rohde, E. 1876: *Der griechische Roman und seine Vorläufer*. Leipzig.
- Roller, D.W. 2022: *A guide to the geography of Pliny the Elder*. Cambridge.
- Sallmann, K.G. 1971: *Die Geographie des Älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse* (Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte. 11). Berlin–New York.

- Schnabel, P. 1935: Die Weltkarte des Agrippa als wissenschaftliches Mittelglied zwischen Hipparch und Ptolemaeus. *Philologus* 90, 405–440.
- Tomaschek, W. 1888: *Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden. I. Über das Arimaspsische Gedicht des Aristeas* (Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philos.-histor. Klasse. Bd. 116). Wien.
- Winkler, G. (ed.) 2002: *C. Plinius Secundus der Ältere. Naturkunde. Lateinisch-Deutsch. Bücher III/IV. Geographie: Europa*. Herausgegeben und übersetzt von G. Winkler in Zusammenarbeit mit R. König. 2. Aufl. Düsseldorf–Zürich.

REFERENCES

- Bolton, J.D.P. 1062: *Aristeas of Proconnesus*. Oxford.
- Daebritz, H. 1916: Hyperboreer. *RE* 9, 258–279.
- Gagné, R. 2021: *Cosmography and the Idea of Hyperborea in Ancient Greece. A Philology of Worlds*. Cambridge.
- Herrmann, A. 1942: Ottorocorrai. *RE* 36.3, 1888–1889.
- Geus, K. 2000: Utopie und Geographie: Zum Weltbild der Griechen in frühhellenistischer Zeit. *Orbis Terrarum* 6, 55–90.
- Kauffmann, G. 1894: Antipodes. *RE* 1, 2531–2533.
- Kiessling, E. 1914: Πίπται ὄρη. *RE* 2. Reihe. 1, 846–916.
- Podossinov, A.V. 2012: Gekatey Abderskiy. “O giperboreyakh”. Vvedeniye, drevnegrecheskiy i latinskiy tekst fragmentov, russkiy perevod i kommentariy [Hecataeus of Abdera. “About the Hyperboreans”. Introduction, ancient Greek and Latin text of fragments, Russian translation and commentary]. In: A.V. Podossinov (ed.), *Trudy kafedry drevnikh yazykov istoricheskogo fakul'teta MGU 3* [Proceedings of the Department of Classical Languages, Faculty of History, Moscow State University 3]. Moscow, 146–185.
- Podossinov, A.V. 2023a: Book review: Renaud Gagné. *Cosmography and the Idea of Hyperborea in Ancient Greece. A Philology of Worlds*. Cambridge University Press, 2021. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 83/1, 992–1000.
- Podossinov, A.V. 2023b: Eshche raz o marshrute giperboreyskikh darov na Delos [Once again about the route of the Hyperborean gifts to Delos] (forthcoming).
- Podossinov, A.V., Denisov, A.O. 2016: Ripeyskie gory v antichnoy i srednevekovoy geokartografii [Riphean Mountains in ancient and medieval geocartography]. *Aristey* [Aristeas] 14, 53–160.
- Podossinov, A.V., Skrzhinskaya, M.V. 2011: *Rimskiye geograficheskiye istochniki: Pomponiy Mela i Pliniy Starshiy. Teksty, perevod, kommentariy* [Roman Geographic Sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder. Texts, Translation, Commentary]. Moscow.
- Römer, Fr. 1967: *Untersuchungen zur Geographie Europas in der Naturalis Historia des Älteren Plinius*. Diss. Wien.
- Rohde, E. 1876: *Der griechische Roman und seine Vorläufer*. Leipzig.
- Roller, D.W. 2022: *A guide to the geography of Pliny the Elder*. Cambridge.
- Sallmann, K.G. 1971: *Die Geographie des Älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse* (Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte. 11). Berlin–New York.
- Starostin, B.A. 2007: Pliniy Starshiy i ego “Estestvennaya istoriya” [perevod IV knigi] [Pliny the Elder and his “Historia naturalis” [translation of the Sixth book]]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the History of Natural Science and Technology] 3, 104–110.
- Shakhov, Yu.A. 2019: *Martsian Kapella. Brakosochetaniye Filologii i Merkuriya. Perevod, kommentariy, vstupitel'naya stat'ya Yu.A. Shakhova* [Marcianus Capella. Marriage of Philology and Mercury. Translation, Commentary, Introductory Article by Yu.A. Shakhov]. Moscow–Saint Petersburg.

- Schnabel, P. 1935: Die Weltkarte des Agrippa als wissenschaftliches Mittelglied zwischen Hipparch und Ptolemaeus. *Philologus* 90, 405–440.
- Shcheglov, D.A. 2005: Drevneyshiye grecheskiye opisaniya Skifii v interpretatsii ellinisticheskoy geografii [The oldest Greek descriptions of Scythia in the interpretation of Hellenistic geography]. In: *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy, 2003 g. Mnimyye real'nosti v antichnykh i srednevekovykh tekstakh* [The Most Ancient States of Eastern Europe. 2003. Imaginary Realities in Ancient and Medieval Texts]. Moscow, 281–299.
- Tomaschek, W. 1888: *Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden. I. Über das Arimaspsische Gedicht des Aristeeas* (Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philos.-histor. Klasse. Bd. 116). Wien.
- Winkler, G. (ed.) 2002: *C. Plinius Secundus der Ältere. Naturkunde. Lateinisch-Deutsch. Bücher III/IV. Geographie: Europa*. Herausgegeben und übersetzt von G. Winkler in Zusammenarbeit mit R. König. 2. Aufl. Düsseldorf–Zürich.

PLINY THE ELDER ON THE LOCALIZATION OF HYPERBOREANS

Alexandr V. Podossinov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia*

E-mail: podossinov@mail.ru

The article deals with the problem of localization of the mythical Hyperborean people who lived in Northern Eurasia beyond the Riphean Mountains. Their place of residence was determined by different authors in different ways: from Celtic to Northern India and China. Pliny the Elder in his “Natural History” gives 5 versions of the location of the Hyperboreans (NH. IV. 89-90; VI. 34, 55, 219). These versions are contradictory and reflect the whole spectrum of opinions that existed in ancient times – this is the extreme north of Eastern Europe, where the Hyperboreans have been located since the time of Herodotus, the more southern regions, the north of China, and an island located in the ocean between our Ecumene and the land of the antipodes. Since the definition of the ocean in which the Hyperborean Island was located is problematic (the Pacific Ocean or the Atlantic Sea?), most of the article is devoted to this issue. In our opinion, this island should be located in the North Atlantic, since the land of the antipodes opposite to our Ecumene should be localized in the western hemisphere in its northern segment. The article provides ancient evidence of the tradition of the location of the Hyperboreans in the western part of Europe (Ecumene), and Hecateus of Abdera, whose work “On the Hyperboreans” was mentioned by Pliny himself, directly places the Hyperboreans on an island in the North Atlantic (“opposite the Celtic”). The considered passages of Pliny allow us to see the basic principles of the encyclopedic method of presenting information; these are: taking into account as many opinions of previous authors as possible, as a rule, without polemics with them, even if Pliny does not agree with them, sometimes expressing skepticism about the opinions quoted, and sometimes expressing his own opinion. This is the case with the Hyperboreans: having expressed in a somewhat skeptical form various versions of their localization, Pliny nevertheless categorically declares that such a people exists (NH. IV. 91).

Keywords: Pliny the Elder, “Natural History”, Hyperboreans, their localization

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 252–271
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 252–271
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-252–271

О ВОЙНЕ ЦАРЯ АСПУРГА ПРОТИВ СКИФОВ И ТАВРОВ

Н.В. Завойкина

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: zavoykina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8054-4611

Статья посвящена анализу вопроса о походе боспорского царя Аспурга против скифов и тавров. Считается, что между 14/15 и 23 гг. н.э. Аспург совершил военный поход в Крымскую Скифию и разгромил Неаполь Скифский и ряд позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму. Царь провел эту военную акцию в рамках военно-оборонительного союза с Херсонесом. Эта симмахия была санкционирована Римом с целью защиты Херсонеса от набега варваров. Комплексное изучение разных групп источников привело автора статьи к заключению, что эта гипотеза не поддерживается никакими свидетельствами. Детальный анализ письменных, археологических и нумизматических данных позволяет автору предполагать, что около 11–13 гг. н.э. Аспург совершил победоносный военный поход против скифов и тавров, обитавших вблизи юго-западных рубежей европейской части Боспора. Эта успешная кампания отразилась в выпуске медной монеты с победной символикой (Арес/трофей из доспехов) и появлением в царской титулатуре Аспурга элемента «подчинивший скифов и тавров» (КБН 39, 30).

Ключевые слова: Боспорское царство, Аспург, Крым, Херсонес, скифы, тавры

В историографии античных государств Северного Причерноморья сформировался вполне устойчивый концепт, согласно которому боспорский царь Аспург между 14/15 и 23 гг. н.э. совершил военный поход в Крымскую Скифию с целью усмирить скифов и тавров¹. Основанием для этого вывода стало упоминание в титулатуре Аспурга элемента «подчинивший скифов и тавров» (ὑποτάξαντα Σκύθας καὶ Ταύρους) в двух надписях (КБН 39, 40) и наличие следов разгромов начала второй четверти I в. н.э. на поселениях в Центральном и Северо-Западном Крыму (Неаполь Скифский, Усть-Альминское городище; Кара-Тобе, Чайка, Калос Лимен). Поход боспорцев в Крымскую Скифию относят ко второй декаде I в., но

Данные об авторе. Наталья Владимировна Завойкина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН.

¹ Раевский 1973, 113–118; Высотская 1979, 192; 1994, 14; Зубарь 1987, 128–129; 1998, 18, 29; Колтухов 1990, 187; 1994, 217–218; 1999, 36; Кутайсов, Уженцев 1997, 26 сл.; Попова 1998, 190–194; Пуздровский 1992, 129; 1995, 399; 1999, 108; Внуков 1994, 65; 2006, 261; Сапрыкин 2002, 217–218; 2018, 401–402; Зайцев 2003, 44; Шапцев 2016, 174; Антонов 2019, 37; и др.

не ранее осени 14 г. н.э., когда Аспург был признан царем Боспора в Риме, и не позднее 23 г. н.э. (КБН 39)². Считается, что эта кампания проводилась боспорским царем в рамках военно-оборонительного союза с Херсонесом, который был санкционирован Римом. Предметом дискуссий в разное время были только причины похода, степень зависимости Скифского царства от Аспурга, последствия этой войны для Херсонеса и позднескифских поселений.

В.Ф. Гайдукевич³, предполагал, что о победе Аспурга в Крымской Скифии свидетельствуют медные монеты с изображением головы Ареса и трофея и монограммой ВАР⁴. Исследователь относил этот военный поход Аспурга ко времени между 8–37 гг. н.э.⁵ Спустя четверть века предположение Гайдукевича было возвращено С.Д. Раевским в гипотезу о боспорском протекторате над Позднескифским царством⁶. Суть ее сводится к тому, что незадолго до 23 г. н.э. в ходе военной кампании Аспурга был захвачен Неаполь Скифский, и немалая часть Крымской Скифии оказалась под властью Боспора. В результате, покоренные скифы и тавры стали очевидным противовесом политике Херсонеса Таврического, который стремился ослабить боспорский протекторат. Позднескифское царство не прекратило своего сосуществования, в Неаполе правила вассальная династия сарматских царей, между Боспором и Скифией был заключен мирный договор, его цель – распространить влияние Боспора в Крыму. Гипотеза Раевского была благожелательно воспринята многими исследователями⁷ (критике подвергалось только наличие сарматского компонента в населении Неаполя⁸). Т.Н. Высотская не отрицала факт похода Аспурга в Таврику и захвата Неаполя, но полагала, что победа Аспурга не имела большого значения для судьбы Позднескифского царства, поскольку его столица и поселения продолжают существовать⁹. С.Ю. Сапрыкин считает, что причины похода Аспурга в Таврику между 15 и 23 гг. н.э. скрываются в интересах Боспорского царства и Римской империи, основной целью которых была потребность обезопасить западные границы Боспорского царства и защитить Херсонес от постоянных набегов варваров¹⁰. В 25/24 г. до н.э. Август подтвердил автономию Херсонеса, поскольку с указанного года Херсонес вел свою новую эру. Элевтерия оказалась формальной, и одновременно, по настоянию Рима, Херсонес в целях защиты от тавроскифов был вынужден заключить военно-оборонительный союз с Боспором, который сохранялся до смерти царя Аспурга. Предполагается, что на деле такой союз приобрел форму политического протектората более сильного Боспора над более слабым союзником¹¹.

² Сапрыкин 2002, 217; 2005, 142; 2018, 401; Антонов 2019, 37.

³ После первого упоминания фамилии исследователей приводятся без инициалов.

⁴ Гайдукевич 1949, 323–324.

⁵ Посвятительная надпись 23 г. (КБН 39) была Гайдукевичу не известна (Блаватский 1957, 68–70). Кроме того, ученому был известен один, а не два выпуска меди типа «голова Ареса – трофей из доспехов». Второй выпуск этой меди, отличающийся наличием сарматской тамги на лицевой стороне и монограммой ВАР на оборотной, был введен в научный оборот К.В. Голенко и Д.Б. Шеловым в 1963 г. (Голенко Шелов 1963, 12–14).

⁶ Раевский 1973, 113–118.

⁷ См. прим. 1.

⁸ Зубарь 1998, 29.

⁹ Высотская 1979, 192.

¹⁰ Сапрыкин 2002, 217; 2018, 401–402.

¹¹ Зубарь 1987, 128; Тюрин 2010, 160–162.

Существует и другая оценка отношений Боспора и Херсонеса. Считается, что о характере взаимоотношений этих государств в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. ничего конкретного неизвестно, не хватает данных, и оборонительную симмахию можно лишь предполагать¹². Несмотря на различия во взглядах исследователей по вопросу о взаимоотношениях Боспора и Херсонеса в правление Аспурга, в настоящее время предполагаемая дата военной компании этого царя около 20 г. н.э. не оспаривается, и даже выступает хронологическим рубежом в выделении строительных этапов на позднескифских поселениях Северо-Западного Крыма¹³.

Хотя из-за отсутствия данных военно-оборонительный союз Боспора и Херсонеса при Аспурге является малообоснованной конструкцией, она привлекается исследователями для обоснования тезиса о стремлении Херсонеса избавиться от боспорской опеки. Очевидно, что в случае отрицания боспоро-херсонесской симмахии при Аспурге будет необходимо внести ясность не только в вопрос о территории расселения скифов и тавров, подчиненных боспорским царем, но и пересмотреть причины стремления херсонесской аристократии получить поддержку Рима. Последний вопрос выходит за границы предлагаемой темы статьи.

В изложенной выше исторической реконструкции не вызывают сомнений археологически зафиксированные следы разрушений на позднескифских поселениях в Центральном и Северо-Западном Крыму в конце второй декады I в. н.э. Но ее поддержка письменными источниками и, прежде всего, боспорскими надписями, выглядит весьма ненадежной. Привязка военно-политических взаимоотношений трех государств в Крыму в конце второй декады I в. н.э. к одному не имеющему ясной датировки элементу царской титулатуры Аспурга в надписях КБН 39 и 40 вызывает ряд возражений (см. ниже). Другая надпись – фрагмент почетной надписи на базе статуи царя Аспурга из Херсонеса (IRE I², 573), появление которой в городе связывают с победой Аспурга над скифами и таврами, также не имеет точной датировки¹⁴. Установка статуи боспорского царя в городе, безусловно, свидетельствует о сохранении дружественных отношений между Боспором и Херсонесом. Какое благодеяние оказал Аспург полису – не известно, поэтому повод для установки его статуи, учитывая весьма продолжительный период царствования Аспурга (9/8 г. до н.э. – 38 г. н.э.), мог быть любым¹⁵. В силу отмеченных причин надпись IRE I², 573 сложно использовать для поддержки рассматриваемой гипотезы.

Нарративные источники ограничены двумя ремарками Страбона, из которых нельзя сделать вывод о симмахии Боспора и Херсонеса по причине хронологических расхождений. Географ пишет (Strab. VII. 4. 3), что «... начиная с этого времени¹⁶ полис херсонеситов вплоть до сегодняшнего дня подвластен династам Боспора». После описания скифских крепостей в Центральном Крыму и осады скифами Ктенунта, гавани Херсонеса, во время Диофантовых войн Страбон (VII. 4.7) резюмирует: «И теперь вся эта территория находится под властью боспор-

¹² Туровский 2018, 88.

¹³ Антонов 2022, 103.

¹⁴ Аспург получил царский титул и боспорский трон в 9/8 г. до н.э. (Завойкина 2023а – в печати).

¹⁵ Виноградов 1992, 132.

¹⁶ То есть с момента победы Митридата Евпатора над скифами и утверждения его на боспорском троне. Здесь и далее – пер. Г.А. Стратоновского (1964).

ских царей, которых возводят на престол римляне». В основном Страбон завершил «Географию» к 7 г. до н.э., но вплоть до 20 г. н.э. историк вносил дополнения и изменения в отдельные книги, вписывал крупные фрагменты (можно говорить, в частности, о дополнениях к I и II книгам)¹⁷. В «Географии» события из истории Херсонеса ограничиваются эпохой Диофантовых войн (Strab. VII. 4. 2–3), а Боспора – убийством Полемона I аспургианами (Strab. XII. 3. 29). Последним боспорским царем, известным Страбону, был Полемон I. Древний автор не был осведомлен об Аспурге, прямом наследнике боспорского престола, пришедшем к власти в 289 г. б.э. (= 9/8 г. до н.э.). Страбону было известно лишь «племя» аспургиан, да и то, оно интересовало его только в связи с убийством протеже Августа на Боспоре¹⁸. Следовательно, переносить сведения Страбона о владении боспорскими царями, назначаемыми римлянами, Херсонесом и его округой и на время правления Аспурга нет достаточных оснований¹⁹.

Данные о находках боспорских монет в Херсонесе и его хоре не поддерживают мнения о симмахии Боспора и Херсонеса в правление царя Аспурга и возможной политической зависимости полиса от царственного монарха²⁰. Известно пока две боспорские монеты времени Аспурга из Херсонеса. В тоже время данные нумизматики I в. до н.э. вполне коррелируются с письменными источниками, свидетельствующими о власти боспорских владык от Фарнака II до Полемона I над Херсонесом²¹.

Датировка похода Аспурга в Крымскую Скифию между 14/15–23 гг. н.э. выводится исходя из того, что Аспург получил царский титул только в 14 г. н.э., а в боспорских надписях между 16 и 23 гг. н.э. завоевание скифов и тавров не упоминается. Эти аргументы нельзя принять по двум причинам. Посвящение Аспурга 6/7 г. н.э. из Горгиппии показывает, что он уже к этому году обладал царским титулом²², который получил от императора Августа в 9/8 г. до н.э.²³. Отсутствие в надписях Аспурга, поставленных в период между 16–23 гг. н.э., упоминания о завоеваниях в Крымской Скифии и Таврике не может являться хронологической опорой для датировки завоевания боспорцев. Ведь речь идет о разных по жанру надписях, которые отличаются по содержанию и составу элементов царской титулатуры. Почетные надписи КБН 39 и 40 среди других надписей Аспурга: в них сохранилась полная царская титулатура, и поставлены они видными царедворцами, которые посредством перечисления всех царских титулов выражали свою преданность сюзерену. Рескрипты горгиппийцам 15 г. н.э. поставлены от имени царя Аспурга, друга римлян (без перечисления его титулов)²⁴. Такая же ситуация наблюдается в посвящении Аспурга Гермесу и Гераклу 6/7 г. н.э. из Горгиппии. В манумиссии 16 г. н.э. из Фанагории (КБН 985) имя царя выступает в качестве эпонимной формулы, которой свойственно использование только основных эпитетов,

¹⁷ Грацианская 1988, 32–33.

¹⁸ Завойкин 2023 – в печати; Завойкина 2023а – в печати.

¹⁹ По мнению В.М. Зубаря, сведения Страбона о власти боспорских царей над Херсонесом следует относить ко времени Фарнака II и Асандра (Зубарь 1987, 118–120; 1998, 18).

²⁰ Болдырев 2001, 127; Сапрыкин 2005, 142; Туровский 2018, 88.

²¹ Болдырев 2001, 125–127; Туровский 2014, 307–314.

²² Завойкина, Новичихин, Константинов 2018, 680–692.

²³ Завойкина 2023а – в печати.

²⁴ Блаватская 1965, 198–203.

в частности, «друг римлян». Поэтому методически неверно привлекать столь различные по жанру и по информационной значимости документы для обоснования возможной даты похода Аспурга. Полагаю, что более внимательный анализ титулатуры Аспурга в надписях КБН 39 и 40 и близких ей по содержанию и времени источников позволит понять, когда Аспург мог включить элемент «подчинивший скифов и тавров» в царскую титулатуру.

Количество датированных надписей царя Аспурга увеличилось, расширился их хронологический диапазон с 6/7 по 23 г. н.э. Следовательно, предполагаемая датировка похода Аспурга в Крымскую Скифию находится уже в этих пределах (или несколько позднее). В посвяtitельной надписи 23 г. н.э. на архитраве здания сохранилась развернутая титулатура царя Аспурга (КБН 39) «βασιλεὶ μεγάλῳ Ἀσποῦργῳ φιλορῶμαίῳ, [τῷ ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου²⁵] | βασιλεύοντι παντὸς Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας καὶ Σίνδων καὶ Μαῖτῶν καὶ Ταρπεύτων καὶ Τορετῶν | Ψησῶν τε καὶ Ταναϊτῶν, ὑποτάξαντι Σκύθας καὶ Ταύρους] ... – «Царю великому Аспургу, сыну царя Асандроха, царствующему над всем Боспором и Феодосией, и синдами и меотами, и тарпеттами, и тореттами, псеми и танаитами, подчинившего скифов и тавров...». Еще раз аналогичная титулатура встречается в почетной надписи на постаменте статуи Аспурга, поставленной Менестаратом сыном Менестарата, наместником острова (КБН 40)²⁶. В.П. Яйленко резонно указал, что надписи КБН 39 и 40 не только одинаковы по тексту, но и выполнены одним резчиком, на что указывает идентичный характер их исполнения²⁷. Почетная надпись КБН 40, видимо, поставлена несколько позднее 23 г. н.э.²⁸ В обеих надписях представлена полная титулатура Аспурга с последовательным перечислением подвластных ему племен. Но что же в этой титулатуре свидетельствует о недавнем подчинении скифов и тавров Боспору? Если принимать гипотезу о войне Аспурга против поздних скифов между 14/15 и 23 гг. н.э. (или около 20 г. н.э.), то между этим событием и включением подвластных скифов и тавров в титулатуру царя прошло примерно от 4-х до 7-ми лет. В надписях КБН 39 и 40 употреблены сходные аористные причастия настоящего времени: βασιλεύοντα, царствующий, и ὑποτάξαντα, подчинивший. Эти отглагольные формы имеют видовое, а не временное значение, и обозначают свершившееся действия. Ключевой для понимания выступает первая часть титулатуры, вводимая βασιλεύοντα. После этого слова следует перечень подвластных Аспургу земель и народов, который соответствует по ряду наименований титулатуре ранних Спартокидов²⁹. В надписях этих боспорских тиранов употребляется эпитет титулатуры «правлящий (ἄρχωντος) Боспором и Феодосией», далее перечисляются подвластные им народы – синды, меоты, тореты, псессы (КБН 6, 10, 1037, 1038, 1014 и пр.). По сравнению с эпохой Левкона, Перисада I и ближайших их потомков наблюдается некоторое отличие в списке подвластных Аспургу племен, а именно, в упоминании тарпеттов³⁰ и танаитов. Танаиты фиксируются

²⁵ Дополнение стк. 1 предложено В.П. Яйленко (2010, 493).

²⁶ Надпись КБН 40, сохранившая полностью, позволила дополнить утраченные элементы в царской титулатуре надписи КБН 39.

²⁷ Яйленко 2010, 492.

²⁸ На это указывает эпитет «φιλοκαίσαρος», не известный в надписи КБН 39.

²⁹ Этот факт неоднократно отмечали и ранее.

³⁰ Одно из меотских племен, упоминается Страбоном как тарпиты (Strab. XI.2.11; Сапрыкин 2002, 204).

античными источниками не ранее второй половины I в. до н.э. на Нижнем Дону (Plin. *NH*. VI. 22; Ptol. III. 5. 10). «Архаистическая» часть титулатуры Аспурга демонстрирует очевидную преемственность его власти и сохранение завоеванных прежними владыками народов и территорий в подвластном ему царстве³¹. Новыми приобретениями боспорских владык второй половины I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э. следует считать территории, населенные племенами тарпетов и танаитов. В этом же ключе следует воспринимать и выражение «...ὁπλοτάξατα Σκύθας καὶ Ταύρους...».

Но насколько новыми можно признать завоевания Аспургом скифов и тавров? Начиная с херсонесского декрета в честь Диофанта (IOSPE I² 352), целая серия надписей упоминает о завоеваниях скифов или скифов и тавров правителями Боспора. Помимо двух рассматриваемых, об этом сообщают почетный декрет в честь Митридата Евпатора из Нимфея³², почетные надписи в честь Котиса II (КБН 32 = Яйленко 2010, 504–505; КБН 33), посвящение 193 г. н.э. за Савромата II из Танаиса (КБН 1237). В них представлены разные этапы покорения крымских варваров боспорскими царями: Митридат Евпатор «победил скифов через великие деяния и покорил тавров...»³³, Аспург – подчинил скифов и тавров (КБН 39, 40); Котис II – одержал победу над скифами; Савромат II – завоевал сираков и скифов и присоединил по договору Таврику. Рескупорид II, сын Савромата II, носил титул «царь всего Боспора и тавроскифов» (КБН 1008). Перечисленные надписи показывают, что скифы и тавры не входили в состав Боспорского царства до 193 г. н.э. (КБН 1237) и оставались постоянным очагом агрессии для юго-западной части Европейского Боспора. Годы установки рассматриваемых надписей и упоминающиеся в них завоевания крымских варваров разделены временным интервалом. Точно определить даты военных кампаний на основании надписей невозможно. Почетный дерет в честь Митридата Евпатора датируется концом II в. – 80-ми гг. до н.э., но подразумеваются в нем царские победы над скифами и таврами эпохи Диофантовых войн между 114–110 гг. до н.э. В посвятельной надписи КБН 1237 (193 г. н.э.) перечисляются многие военные победы царя Савромата, совершенные им между 174 и 192 гг. н.э.

Таким образом, приходим к заключению, что титулатура Аспурга в надписях КБН 39 и 40 фиксирует лишь то, что этот царь одержал победу над скифами и таврами, но когда именно это совершилось – остается неизвестным. Анализ эпиграфических документов приводит к выводу, что элемент «подчинивший скифов и тавров» в титулатуре Аспурга (КБН 39, 23 г. н.э.) проблематично использовать как хронологический репер для синхронизации с разгромами позднескифских поселений в Центральном и Северо-Западном Крыму около 20 г. н.э. Очевидно, что Аспург мог совершить военные походы против скифов и тавров ранее предложенных дат.

Для прояснения вопроса о вероятной дате завоеваний Аспургом скифов и тавров необходимо привлечь синхронные или близкие по времени к этим событиям источники, которые позволяют проверить предполагаемую датировку военной

³¹ О территории, находившейся под властью Аспурга: Латышев 1909, 61, 104; Каллистов 1940, 75; Гайдукевич 1952, 29 и пр.

³² Яйленко 2010, 199–202.

³³ Яйленко 2010, 201.

кампании Аспурга. Прежде всего, это монеты царя Аспурга. Значимые военные победы боспорских царей над внешним врагом отмечалась выпуском медных монет с победной символикой. Так, из списка документов, сообщающих о победах над скифами, привлекает внимание почетная надпись 123 г. н.э. из Пантикапея (КБН 33). В ней сообщается, что она установлена в честь победы Котиса II над скифами. Содержание этой надписи согласуется с победной символикой на боспорских монетах этого года³⁴. Упоминание о подчинении скифов и тавров в царской титулатуре дает основание для предположения, что эта военная виктория должна была получить отражение в синхронном выпуске монет. Поэтому заслуживает особого внимания мнение В.Ф. Гайдукевича о связи медных монет Аспурга с изображением головы Ареса и трофея в виде доспеха с победой этого царя над скифами и таврами³⁵. Известны две серии медных монет номиналом в 6 единиц (*семисы*) с победной символикой «голова Ареса/трофей», но с разными монограммами. Н.А. Фролова разделила их на два последовательных выпуска из-за стилистической близости: первый выпуск с монограммой ВАР на о.с.; второй – с тамгой на л.с. и монограммой ВАР на о.с. Выпуск серии монет типа «Арес/трофей, ВАР», как установлено Л.А. Бертье-Делагардом и поддержано Н.А. Фроловой, предшествовал выпуску аналогичных монет с монограммой ВАР и тамгой³⁶. Чеканка последней серии меди приходится на начало 312 г. б.э. (= 14/15 г. н.э.)³⁷.

Определить время чеканки медных монет с монограммой ВАР типа «голова Ареса/трофей» можно лишь приблизительно. Стилистическая и весовая близость двух выпусков меди типа «голова Ареса/трофей», но с разными монограммами, служит свидетельством их близкой по времени чеканки. Из рескриптов Аспурга от 20 числа месяца Даисия 312 г. б.э. (= июнь 15 г. н.э.) известно о его визите в Рим. Этот визит имел место в 14 г. н.э. Известными результатами этой встречи стало разрешение императора Тиберия изображать портрет Аспурга и царскую монограмму ВАР на боспорских монетах. В конце 311 г. б.э.³⁸ Аспург начинает выпуск статеров и медной монеты с изображением Тиберия и с царской монограммой ВАР на оборотной стороне. Царская монограмма ВАР чеканилась на статерах с портретами императора Тиберия с конца 311 г. б.э. (сентябрь – начало октября 14 г. н.э.). Этому типу золота, который оставался неизменным вплоть до смерти Тиберия в 37 г. н.э., синхронна недатированная медь с изображением на л.с. того же императора и его именем, а на о.с. – с портретом Аспурга и его царской монограммой³⁹. Этот тип меди также оставался неизменным, по крайней мере, с 14/15 по 37/38 гг. н.э. (312–334 гг. б.э.). Медь «Арес, тамга/трофей, ВАР» считается самым ранним выпуском Аспургом семисов с царской монограммой⁴⁰. Его следует относить к концу 311 г. б.э. на основании царской монограммы ВАР на оборотной стороне. Эти медные монеты явно выпадают из синхронного и однотипного ряда

³⁴ Фролова 1997/1, 136–137; Завойкина 2013, 149.

³⁵ Это предположение Гайдукевича поддержано Н.А. Фроловой (1997.1, 71), С.Ю. Сапрыкиным (2002, 224–225), Ю.А. Виноградовым и В.А. Горончаровским (2005, 219–220).

³⁶ Фролова 1997/1, 29, 31.

³⁷ Подробнее о так называемой «тамге» Аспурга см.: Завойкина 2023б – в печати.

³⁸ Этот небольшой интервал приходится на период между смертью Августа (19.08.14) и началом 312 г. б.э. (ок. середины октября 14 г.).

³⁹ Анохин 1986, 150 (2-й выпуск меди царя Аспурга).

⁴⁰ Фролова 1997/1, 29, 67.

выпусков боспорского золота и меди на Боспоре при Тиберии. И стилистически, и по номиналу они идентичны меди с монограммой ВАМ. Выпуск меди с монограммой ВАМ датируется началом I в. н.э.⁴¹ Отмеченное сходство изображений и номиналов этих выпусков меди указывает на их хронологическую близость. Отсюда вытекает логичное заключение, что монеты типа «Арес/трофей, ВАМ» выпускались незадолго до меди «типа Арес, тамга/трофей, монограмма ВАР». Учитывая датировку последнего концом 311 – началом 312 г. б.э. (середина октября – декабрь 14 г. н.э.), медь «Арес/трофей, ВАМ» следует датировать ок. 309 – 311 г. б.э. (11/12 – сентябрь 14 г. н.э.).

Однако военный поход во второй половине 13 г. и в первую половину 14 г. н.э. не мог произойти по двум причинам. Большую часть 14 г. н.э. Аспург отсутствовал на Боспоре из-за визита в Рим к Августу. Военный поход в Крымскую Скифию должен был проходить в благоприятных климатических условиях, а период с ноября 13 г. по апрель 14 г. н.э. непригоден для проведения военных кампаний. Таким образом, поход боспорцев в Крымскую Скифию и Таврику может приходиться на время, когда Аспург еще не отбыл в Рим, т.е. в период между 11 г. и осенью 13 г. н.э.⁴²

Просматривается хронологическое расхождение между археологическими датировками разгромов Неаполя Скифского, позднескифских городищ в Северо-Западном Крыму и предполагаемой датой похода боспорской армии в Крымскую Скифию в 11–13 гг. н.э. Источники не подтверждают гипотезу о симмахии Боспора и Херсонеса, созданной по велению Рима, в правление Аспурга. Поэтому мысль о походе боспорского царя против скифов и тавров для защиты Херсонеса от их агрессии оказывается под большим сомнением. Исходя из общих представлений о взаимоотношении Рима с вассальными государствами, мы не можем полностью отказаться от гипотезы о военно-оборонительном союзе Боспора и Херсонеса в первой трети I в. н.э., поскольку подобные союзы небольших греческих государств в удаленных регионах были необходимы Риму. В силу различных причин в I в. н.э. Империя не могла выводить военные базы в Крым для охраны своих дальних рубежей и защищать Херсонес. Однако остается не известным, в каком же году был заключен подобный союз между Аспургом и Херсонесом. В гипотезе о боспоро-херсонесской симмахии упускается из виду существенная деталь. Аспургу был невыгоден не только сам поход, но и симмахия с Херсонесом не была особо нужна в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. И то, и другое требовало значительных финансовых затрат на военные нужды, и средств, которыми Аспург, по всей видимости, не располагал в этот период. Предположение, что Рим предоставлял субсидии Боспору, как это было позднее при потомках Аспурга, нуждается в серьезном обосновании, но источники об этом аспекте взаимоотношений двух государств отсутствуют. После устранения Полемона Аспургу досталось царство с разрушенной оборонительной системой (исключение составляли, пожалуй, пограничные сооружения на юго-восточной границе царства). Утверждение власти ставленника Августа на Боспоре сопровождалось рядом карательных походов. В конце I в. до н.э. были разрушены многие пункты сигнально-оборонительной си-

⁴¹ Фролова 1989, 4, 7.

⁴² Не исключено, что Аспург лично не участвовал в военном походе и поручил руководство кампанией одному из своих полководцев, но царь оставался на Боспоре.

стемы Европейского Боспора (башни на Узунларском валу, башня у Чокракского озера, Кутлакская крепость), пострадали крупные объекты: поселения Артазиан, Полянка, Ново-Отрадное⁴³. Полемон разрушил Танаис ок. 8 г. до н.э., лишил его оборонительных стен; в начале I в. н.э. город в полном масштабе еще не был восстановлен. На Азиатском Боспоре были разрушены «резиденция Хрисалиска» и, видимо, Краснобатареинное городище⁴⁴. Список погромов боспорских поселений и стратегических объектов показывает масштаб ущерба, который был нанесен Боспорскому государству во время правления чужеземца. Очевидным выглядит предположение, что налоги и прочие сборы в царскую казну в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. поступали в несколько урезанном виде. Имеющиеся финансовые ресурсы в большей мере должны были расходоваться Аспургом на восстановление и укрепление обороноспособности государства. Так, в начале – первой четверти I в. н.э. возводятся крепости-батарейки на Фонталовском п-ове (их учтено порядка десяти⁴⁵); происходят перестройки на поселениях Восточного Крыма (Ново-Отрадное, Михайловское, Андреевка Северная)⁴⁶.

Однако разрушенные Полемоном I сигнально-сторожевые башни вблизи Узунларского и Чокракского валов не восстанавливаются. По всей видимости, в начале I в. н.э. Узунларский вал утратил свое стратегическое значение, а приграничная линия Боспора сместилась к западу в район Акмонайского перешейка⁴⁷. В районе перешейка во времена Аспурга продолжал действовать вал, укрепленный с западной (степной) стороны рвом. Между Узунларским и Акмонайским валами располагалась «мертвая зона» в 50–60 км. Похоже, что направление через Акмонайский перешеек в степной Крым, которое связывало Европейский Боспор и Позднескифское царство, не представляло опасности для боспорских городов и поселений.

Итак, не обнаружено сведений, подтверждающих гипотезу о покорении Аспургом позднескифских поселений в связи с его помощью Херсонесу в рамках военно-оборонительного союза. Появление элемента «покоривший скифов и тавров» в царской титулатуре следует связывать с военным походом Аспурга против этих племен, имевшим место между 11 и 13 гг. н.э. Эта победа Аспурга нашла отражение в выпуске меди с викариальной символикой и монограммой ВАМ. Я солидарна с мнением, восходящим к выводу А.Л. Бертье-Делагарду, что монограмма ВАМ раскрывается как ΒΑ(ΣΙΛΕΩΣ) Μ(ΙΟΥΡΙΔΑΤΟΥ). В изображениях на этой серии меди просматривается явный идеологический акцент. Монограммой ВАМ Аспург декларировал свое легитимное происхождение по материнской линии от великого царя Понтийской державы, а также, – вкупе с викариальной символикой, эта монограмма сообщала об исторической преемственности победоносного акта Аспурга над крымскими варварами.

Где же обитали скифы и тавры, побежденные Аспургом? Элемент «ὕποτάξαυτα Σκύθας καὶ Ταύρος» в титулатуре Аспурга (КБН 39, 40) предполагает, что

⁴³ Масленников 1995, 158–165; 1998, 105–111, 128–333; Винокуров 2010, 38; Бонин 2006, 27, 29, 32; 2017, 112–113; Ярцев, Зубарев, Смекалов 2018, 26–29.

⁴⁴ Сокольский 1976, 89–107, 111; Бонин 2006, 9, 29; Шевченко 2009, 435–436.

⁴⁵ Бонин 2006, 11, 13.

⁴⁶ Бонин 2017, 111–113.

⁴⁷ Виноградов, Горончаровский 2005, 219–220; Бонин 2017, 113.

оба эти народа проживали на единой или близкой территории, что и повлекло их завоевание в ходе военной кампании. Археологические исследования выявили, что части этих народов населяли южную часть Горного Крыма⁴⁸, в том числе и недалеко от юго-западных пределов Боспора. Западный участок границы Европейского Боспора, отделявший земли царства от владений тавро-скифов в южном Крыму, имел важное стратегическое значение. Боспорские цари стремились подчинить восточную Таврику и в течение трех столетий вели войны на этом направлении с тавро-скифами⁴⁹. Владыки Боспора возводили здесь крепости и укрепленные пункты, контролировавшие дороги от черноморского побережья вглубь боспорской территории в сторону Феодосии и в Старокрымскую долину. Сведения о тавро-скифах коррелируются с результатами археологических исследований Таврики. Они выявили, что к I в. н.э. тавры, обитавшие в предгорьях южного Крыма, оказались ассимилированы поздними скифами⁵⁰. Косвенные данные дают основания для предположения о росте агрессивности тавро-скифского населения. Западным форпостом Боспора была Кутлакская крепость (Афенион?), располагавшаяся на склоне горы Каруал-Оба над Кутлакским заливом⁵¹. В крепости помещался гарнизон численностью около 100 человек. Этот форпост контролировал единственный горный путь из южного Крыма на территорию Западного Боспора и защищал суда, делавшие остановку в бухте Кутлакского залива, от пиратских набегов тавро-скифов. Анализ керамики из раскопок Кутлакской крепости выявил, что она была разрушена в конце I в. до н.э., вероятно, Полемоном I. Крепость была заброшена и более не восстанавливалась. Боспорский фронт на границе с тавро-скифами был уничтожен, и путь в боспорские земли и к стоянке судов в Кутлакской бухте стал доступен для тавро-скифов. В конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. юго-западная граница Боспора отодвинулась вглубь территории к юго-востоку и проходила, по всей видимости, по линии Коктебель – Старый Крым. На этот вывод наводят археологические исследования укрепленных пунктов в этой зоне⁵². Дорогу, которая связывала побережье в районе Коктебеля и Щебетовки и Старокрымскую долину, охраняли укрепленные пункты, расположенные на вершинах гор при входе в долину (Яман Таш, Карасан Оба) и оборонительный вал⁵³. Укрепление на горе Карасан Оба датируется I в. до н.э. – I в. н.э., оно входило в оборонительную систему в предгорной части юго-восточного Крыма наряду с городищем Сары Кая, а также укреплением и городищем на горе Яман Таш⁵⁴. На окраине пос. Щебетовка располагается варварское святилище Туар Алан. В первой четверти I в. н.э. его использование прекращается⁵⁵. Это святилище располагалось на пути, связывающем несколько долин Юго-Восточного Крыма. Недалеко

⁴⁸ Их святилища и некрополи сосредоточены в центральной части Горного Крыма (Лысенко 2018, 219–220).

⁴⁹ О войнах со скифами сообщают надписи Котиса I, Саврамата II, Рескупорида II (КБН 32, 33, 1237, 1008). В правление Саврамата II и Рескупорида II тавро-скифы и восточная Таврика была подчинена Боспору.

⁵⁰ Храпунов 2004, 63–64.

⁵¹ Ланцов 1999, 121–136; Ланцов, Юрочкин 2001, 262–263.

⁵² Гаврилов 2004, 27–33; 49–50.

⁵³ Гаврилов 2004, 265, рис. 4. 10, 17, 6–9.

⁵⁴ Гаврилов 2004, 38; 2018, 149–160.

⁵⁵ Гаврилов, Труфанов 2014, 108–112.

от него известны поселения второй половины III в. до н.э. – III в. н.э. (Скала, Спящая красавица, Водяная балка). Юго-восточнее святилища Туар Алан проходила дорога в сторону Феодосии, ее охраняли боспорские укрепления на вершинах Отлу Кая и Кара Дага. О возросшем богатстве тавро-скифов горного Крыма в конце I в. до н.э. – середине I в. н.э. свидетельствуют результаты раскопок варварского святилища на перевале Гурзуфское седло, расположенного на главной гряде Таврских гор. Они показывают, что в период расцвета святилища приходится как раз на указанный период. К этому времени относится изменение внешнего вида и обрядности в святилище, сооружается крупный ритуальный комплекс⁵⁶. Подобные действия свидетельствуют о консолидации варварских кланов, вероятно, под главенством одного вождя. Святилище стало сакральным центром объединения семейно-родовых общин варваров и главным местом почитания их богов. Важно отметить, что подавляющая часть предметов из раскопок святилища (в том числе, такие ценные как бронзовые и серебряные статуэтки, импортная стеклянная посуда, золотые и серебряные монеты Боспора и Рима, римское военное снаряжение) были принесены сюда в качестве жертвенных даров в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э.⁵⁷ Просматривается хронологическое совпадение между временем гибели Кутлакской крепости и освобождением путей из предгорий южного Крыма в юго-западные земли Европейского Боспора, реорганизацией и увеличением территории святилища у перевала Гурзуфское седло и приношением наиболее ценных даров. Такие близкие по времени свидетельства дают основания для предположения, что в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. тавро-скифы совершали набеги с целью грабежа поселений в юго-восточной части Крыма. С военными действиями Аспурга против скифов и тавров связывают разрушения позднескифских поселений в Юго-Восточном Крыму, поскольку они лежали на пути боспорских войск. Раскопки селища Коклюк, что близ городища Сары Кая⁵⁸, открыли слой пожара и разрушений, которые произошли, по мнению А.В. Гаврилова, в начале I в. н.э. и, возможно, были связаны с этими событиями. Судя по датировке материалов святилища Туар Алан, в это время сокращается приношение votivov в святилище, по-видимому, его стали посещать реже, чем в предыдущее время. Это могло быть связано с экспедицией Аспурга, частью уничтожившей, частью изгнавшей позднескифское население с обжитых мест вглубь горной Таврики. Со второй половины I в. н.э. отмечается увеличение интенсивности ритуальных действий в святилищах южного берега и центральной части горного Крыма, что могло быть следствием перемещения сюда части населения из восточной части Крымских гор в связи с военной активностью Боспора⁵⁹.

Другим очагом тавро-скифской агрессии выступал участок к западу от Старокрымской долины. В ходе археологических исследований обособленного горного массива Кубалач было обнаружено не менее 20 погребальных и поселенческих памятников, принадлежащих таврам и скифам, значительная часть которых суще-

⁵⁶ Новиченкова 2015, 150.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Оба памятника расположены на вершинах одноименных гор, разделенных небольшой лоциной, и входят в единый оборонительный комплекс юго-западной окраины Феодосийского полиса.

⁵⁹ Лысенко 2009, 395

ствовала и в первые века н.э.⁶⁰. Одним из наиболее крупных и значимых памятников является позднескифское городище с цитаделью Кара Тау⁶¹. Западнее нее расположены позднескифские памятники, среди них крепость Ак-Кая и Неаполь Скифский. Боспорские оборонительные сооружения – вал со рвом, обращенный в сторону гор, в западной части Старокрымской долины вблизи укрепления и поселения на горе Яман Таш⁶² – защищали проход в долину от набегов поздних скифов. Наличие больших и однотипных памятников I–IV вв. н.э. в важных стратегических точках Внешней гряды Крымских гор в Центральном и Юго-Восточном Крыму, по мнению А.В. Гаврилова и А.А. Труфанова, показывает, что заселение и организация этого региона осуществлялась по определенному плану⁶³. На вершинах Внешней гряды Крымских гор известно порядка одиннадцати боспорских укреплений и поселений на ее склонах (Куру Баш, Сыры Кая, Карасан Оба, Яман Таш, Бор Кая, Кара-Тау, Бурундук-Кая и пр.). Они располагались в пределах видимости друг друга и поблизости от удобных дорог, связывающих приморские и предгорные районы полуострова. Такая плотная линия фортификации на юго-западной границе Боспора ясно указывает, что здесь располагалась зона регулярных проникновений варваров на боспорские земли с целью грабежа местного населения.

Итак, в начале I в. н.э. боспорский царь был занят восстановлением и реорганизацией оборонительной системы государства и, по всей видимости, не располагал достаточными людскими и финансовыми ресурсами для совершения крупной военной кампании в Крымскую Скифию с целью защиты Херсонеса от агрессии варваров. Источником опасности для Боспора в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. являлись племена тавро-скифов, обитавшие у его юго-западных границ (зона напряжения проходила по линии Старый Крым – Коктебель). Военный поход Аспурга ок. 11–13 гг. привел к усмирению почти на столетие этих варваров у западных рубежей Боспора вплоть до правления Котиса II.

Несмотря на устоявшиеся в науке представления о «виновности» боспорских войск под предводительством Аспурга в разгромах позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму ок. 20 г. н.э., взаимоотношения Боспора и Херсонеса при Аспурге и роль в этом Рима, как представляется, нуждаются в дополнительном изучении. Следует оценить возможную роль сарматов в отмеченных разрушениях с учетом новых данных по археологии Крыма на рубеже двух эпох. Исследователи отмечают всплеск сарматской активности в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. как раз в Центральном и Северо-Западном Крыму⁶⁴. В это время появляются впускные захоронения в курганах междуречья Алмы, Качи и Бельбека, а также вблизи Херсонеса (Братское кладбище). С этой волной сарматов связаны, по мнению А.Е. Пуздровского, подбойные могилы Усть-Альминского некрополя, подбойные и грунтовые могилы с каменными сооружениями в курганах (Беляус, Кульчук). Проникновение сарматских кланов на полуостров через Перекоп и постепенное освоение степного Крыма проходило, как представляется, в привычной для кочев-

⁶⁰ Зайцев 2018, 209–210.

⁶¹ Гаврилов, Труфанов 2018, 157; Зайцев 2018, 209, рис. 1.9.

⁶² Гаврилов, Труфанов 2018, 159.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Пуздровский 1999б, 107; Храпунов 2004, 141.

ников грабительской манере – внезапный военный захват и сожжение городов и деревень, грабеж и увод в рабство оседлого населения. Можно с осторожностью предположить, что разгромы Неаполя Скифского и позднескифских поселений Северо-Западного Крыма стали следствием оседания сарматских племен в Крыму. Эти разгромы не носили катастрофического характера, жизнь на поселениях восстановилась довольно скоро...

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Антонов, Е.Е. 2019: События позднескифской истории Северо-Западного Крыма и их датировка по письменным источникам. *Нуранис* 1, 33–42.
- Антонов, Е.Е. 2022: Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма: принципы организации застройки и их изменения. *КСИА* 267, 102–123.
- Блаватская, Т.В. 1965: Рескрипты царя Аспурга. *СА* 2, 197–209.
- Блаватский, В.Д. 1957: Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. В сб.: И.Б. Зеест (отв. ред.). *Пантикапей* (МИА 56). М., 5–95.
- Болдырев, С.И. 2001: Херсонес и Боспор на рубеже нашей эры по нумизматическим данным. *ДБ* 4, 125–130.
- Бонин, А.В. 2006: Памятники хоры Боспора I в. до н.э.: еще раз о хронологии объектов сигнально-оборонительной системы. *ПИФК* 3, 8–42.
- Бонин, А.В. 2017: Поселения Боспора I в. до н.э. – начала II в. н.э. *ПИФК* 4, 109–119.
- Виноградов, Ю.А., Горончаровский, В.А. 2005. *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)* (Тр. ИИМК РАН 25). СПб.
- Виноградов, Ю.Г. 1992: Полемон, Херсонес и Рим. *ВДИ* 3, 130–140.
- Винокуров, Н.И. 2010: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артазиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.). В сб.: *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия* 1. М. – Киев, 38–44.
- Внуков, С.Ю. 1994: Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки. В кн.: *Археологические исследования в Крыму в 1993 г.* Симферополь, 60–67.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. 2. Петрография, хронология, проблемы торговли*. М.
- Высотская, Т.Н. 1979: *Неаполь – столица государства поздних скифов*. Киев.
- Высотская, Т.Н. 1994: *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев.
- Гаврилов, А.В. 2004: *Округа античной Феодосии*. Симферополь.
- Гаврилов, А.В. 2018: Городище Яман Таш и рвы в Старокрымской долине. *ИИАК* 18, 149–164.
- Гаврилов, А.В., Труфанов, А.А. 2014: Святилище Таур-Алан II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. в Юго-Восточном Крыму. *ИИАК* 1, 73–152.
- Гаврилов, А.В., Труфанов, А.А. 2018: Новый античный памятник на горе Кара-Тау. *ДБ* 18, 126–164.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Гайдукевич, В.Ф. 1952: *Археология и история Боспора*. Симферополь.
- Голенко, К.В., Шелов Д.Б. 1963: Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. *НиСф* 1, 3–65.
- Грацианская, Л.И. 1988: *«География» Страбона. Проблемы источниковедения (Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 г.)*. М.
- Завойкина, Н.В. 2013: *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. М.
- Завойкина, Н.В. 2023а: Аспург, царь Боспора (9/8 г. до н.э. – 38 г. н.э.). *ДБ* 28 (в печати).
- Завойкина, Н.В. 2023б: О так называемой «тамге» Аспурга. *Нуранис* 5 (в печати).

- Завойкина, Н.В., Новичихин, А.М., Константинов, В.А. 2018: Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгииппии. *ВДИ* 3, 680–692.
- Зайцев, Ю.П. 2003: *Неаполь Скифский* (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь.
- Зайцев, Ю.П. 2018: У западных границ Боспора. Варвары Центрального Крыма по результатам новейших исследований. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 2. СПб., 206–211.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты* (МИА 16). М.–Л.
- Зубарь, В.М. 1987: Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры. *ВДИ* 2, 118–129.
- Зубарь, В.М. 1998: *Северный Понт и Римская империя*. Киев.
- Калистов, Д.П. 1940: Политика Августа в Северном Причерноморье. *ВДИ* 2, 65–77.
- Колтухов, С.Г. 1990: Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского. *СА* 2, 176–188.
- Колтухов, С.Г. 1994: Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии. В сб.: *Древности степного Причерноморья и Крыма* 4. Запорожье, 206–221.
- Колтухов, С.Г. 1999: *Укрепления Крымской Скифии*. Симферополь.
- Ланцов, С.Б. 1999: Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак – Афинеоне (?) Псевда-Арриана. *ВДИ* 1, 121–136.
- Ланцов, С.Б., Юрочкин, В.Ю. 2001: «Варварская» посуда Кутлакской крепости. *ДБ* 4, 254–290.
- Латышев, В.В. 1909: *ПОНТИКА*. СПб.
- Лысенко, А.В. 2009: Святые места римского времени южной части Горного Крыма (опыт систематизации). *Stratum Plus* 4, 374–400.
- Лысенко, А.В. 2018: Культурно-исторические процессы в южной части Горного Крыма римского времени (I в. до н.э. – IV в. н.э.). В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 1. СПб., 218–225.
- Масленников, А.А. 1995: Полемон I на Боспоре. В сб.: *Боспорский сборник* 6. М., 158–165.
- Масленников, А.А. 1998: *Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху*. М.
- Новиченкова, Н.Г. 2015: *Горный Крым* (II в. до н.э. – II в. н.э.). По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь.
- Попова, Е.А. 1998: О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка»). В сб.: В.Л. Янин (ред.), *Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина*. М., 182–195.
- Пуздровский, А.Е. 1999а: Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.). *ХСб* 10, 209–225.
- Пуздровский, А.Е. 1999б: Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.). *ВДИ* 4, 97–119.
- Раевский, Д.С. 1973: К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – I в. н.э.). *ВДИ* 2, 113–118.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Боспор на рубеже двух эпох*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2005: *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2018: *Древнее Причерноморье* (Труды исторического факультета МГУ 114. Сер. 2. Исторические исследования 65). М.
- Сокольский, Н.И. 1976: *Таманский толос и резиденция Хрисалиска*. М.
- Туровский, Е.Я. 2011: Об отношениях Боспора и Херсонеса во второй половине I до н.э. – первой половине I в. н.э. по нумизматическим данным. В сб.: *Боспорский Фено-*

- мен. Население, языки, контакты. Материалы международной конференции. СПб., 386–391.
- Туровский, Е.Я. 2013: К вопросу о зависимости Херсонеса Таврического от Боспорского царства по нумизматическим и эпиграфическим данным. В сб.: *Боспорский Феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной конференции*. СПб., 657–662.
- Туровский, Е.Я. 2014: Монетное дело Херсонеса: между Митридатом Евпатором и императором Тиберием (63 г. до н.э. – 37 г. н.э.). *Stratum Plus* 6, 307–314.
- Туровский, Е.Я. 2018: Херсонес и боспорские цари во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. до н.э. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 2. СПб., 84–90.
- Тюрин, М.И. 2010: Херсонес и Боспор во второй половине I в. до н.э.: от зависимости к союзу. *Причерноморье. История, политика, культура* 3. Сер. А, 153–163.
- Уженцев, В.Б. 1999: Боспор и Северо-Западный Крым в первые века н.э. (Проблемы этнокультурных контактов по материалам раскопок Калос Лимена). В сб.: *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции*. СПб., 310–314.
- Фролова, Н.А. 1989: Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. *НЭ* 15, 3–18.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч. I. М.
- Храпунов, И.Н. 2004: *Этническая история Крыма в раннем железном веке*. Симферополь.
- Шапцев, М.С. 2016: Экономические связи варварского населения Северо-Западного Крыма во II в. до н.э. – начале II в. н.э. по амфорной таре и краснолаковой керамике. *ПИФК* 2, 163–178.
- Шевченко, Н.Ф. 2009: Краснобатареиное городище. Старые проблемы, новые исследования. В сб.: *Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции*. Краснодар, 434–438.
- Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.* М.
- Ярцев С.В., Зубарев, В. Г., Смекалов, С.Л. 2018: Система обороны Европейского Боспора в период правления царя Асандра (по материалам археологических разведок в урочище Аджиэль 2018 г.). *Историческая и социально-образовательная мысль* 10.5/2, 25–34.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora [The Coinage of Bosporus]*. Kiev.
- Antonov, E.E. 2019: Sobytiya pozdneskifskoy istorii Severo-Zapadnogo Kryma i ikh datirovka po pis'mennym istochnikam [Events of the Late Scythian History in Northwestern Crimea and their dating according to written sources]. *Hypanis* 1, 33–42.
- Antonov, E.E. 2022: Pozdneskifskiye poseleniya Severo-Zapadnogo Kryma: printsipy organizatsii zastroyki i ikh izmeneniya [Late Scythian settlements in Northwestern Crimea: Principles of housing construction and their changes]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 267, 102–123.
- Blavatskaya, T.V. 1965: Reskripty tsarya Aspurga [The rescripts of king Aspurgus]. *Sovetskaya arkheologia [Soviet Archaeology]* 2, 197–209.
- Blavatskiy, V.D. 1957: Stroitel'noye delo Pantikapeya po dannym raskopok 1945–1949 i 1952–1953 gg. [Construction works in Panticapaeum according to the excavations in 1945–1949 and 1952–1953]. In: *Pantikapey [Panticapaeum]* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology SSSR] 56). Moscow, 5–95.

- Boldyrev, S.I. 2001: Khersones i Bospor na rubezhe nashey ery po numizmaticheskim dannym [Chersonesus and Bosphorus on the turn of our era according to the numismatic data]. *Drevnosti Bospora [Antiquates of the Bosphorus]* 4, 125–130.
- Bonin, A.V. 2006: Pamyatniki khory Bospora I v. do n. e.: eshche raz o khronologii ob'yektov signal'no-oboronitel'noy sistemy [Sites on the Bosporan chora of the 1st century BC: ones again on the chronology of objects of the signal-defensive system]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 8–42.
- Bonin, A.V. 2017: Poseleniya Bospora I v. do n.e. – nachala II v. n.e. [Bosporan settlements of the 1st century BC – beginning of the 1st century AD]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 109–119.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – seredina IV v. n.e.) [The Bosporan coinage (the mid-1st century BC – mid-4th century AD)]*. Vol. I. Moscow.
- Frolova, N.A. 1989: Mednyye monety Bospora kontsa I v. do n.e. – nachala I v. n.e. [Copper coins of the Bosphorus of the end of the 1st century BC – beginning of the 1st century AD]. *Numismatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphic]* 15, 3–18.
- Gavrilov, A.V. 2004: *Okruga antichnoy Feodosii [Environs of Ancient Theodosia]*. Simferopol.
- Gavrilov, A.V. 2018: Gorodishche Yaman Tash i rvy v Starokrymskoy doline [The settlement of Yaman Tash and moats in the Starokrymskaya Valley]. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and Archaeology of Crimea]* 18, 149–164.
- Gavrilov, A.V., Trufanov, A.A. 2014: Svyatilishche Taur-Alan II v. do n.e. – pervoy poloviny I v. n.e. v Yugo-Vostochnom Krymu [The Sanctuary of Taur-Alan of the 1st century BC – the first half of the 1st century AD in the south-east Crimea]. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and Archaeology of Crimea]* 1, 73–152.
- Gavrilov, A.V., Trufanov, A.A. 2018: Novyy antichnyy pamyatnik na gore Kara-Tau [New ancient site on the Mount Kara-Tau]. *Drevnosti Bospora [Antiquates of the Bosphorus]* 18, 126–164.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoye tsarstvo [The Bosporan Kingdom]*. Moscow–Leningrad.
- Gaydukevich, V.F. 1952: *Arkheologiya i istoriya Bospora [Archaeology and History of the Bosphorus]*. Simferopol.
- Golenko, K.V., Shelov, D.B. 1963: Monety iz raskopok Pantikapeya 1945–1961 gg. [Coins from excavations at Panticapaeum in 1945–1961]. *Numizmatika i sfragistika [Numismatics and Sphragistics]* I. Kiev, 3–65.
- Gratsianskaya, L.I. 1988: “Geografiya” Strabona. Problemy istochnikovedeniya [Strabo’s “Geography”. Problems of source studies]. In: *Drevneyshiye gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1986 [The Most Ancient States on the Territory of USSR. Materials and Studies. 1986]*. Moscow.
- Kalistov, D.P. 1940: Politika Avgusta v Severnom Prichernomor'ye [Policy of Augustus in the North Black Sea]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 65–77.
- Khrapunov, I.N. 2004: *Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke [Ethnic History of Crimea in the Early Iron Age]*. Simferopol.
- Koltukhov, S.G. 1990: Novyye materialy k periodizatsii i rekonstruktsii oboronitel'nykh sooruzheniy Neapolya Skifskogo [New materials on the periodization and reconstruction of the defensive system of Scythian Neapolis]. *Sovetskaya arkheologia [Soviet Archaeology]* 2, 176–188.
- Koltukhov, S.G. 1994: Zametki o voyenno-politicheskoy istorii Krymskoy Skifii [Notes on the military and political history of Crimean Scythia]. In: *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma [Antiquities of the Stepp Black Sea Region and Crimea]* 4. Zaporozhie, 206–221.

- Koltukhov, S.G. 1999: *Ukrepleniya Krymskoy Skifii* [*Fortifications of Crimean Scythia*]. Simferopol.
- Lantsov S.B., Yurochkin V.Yu. 2001: “Varvarskaya” posuda Kutlakskey kreposti [“Barbarian” pottery from the Kutlak Forttters]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquates of the Bosporus*] 4, 254–290.
- Lantsov, S.B. 1999: Kratkiye svedeniya o bosporskoy kreposti Kutlak – Afineone (?) Pseuda-Arriana [Some brief information on the Bosporan Fortress Kutlak – Athenaeon (?) of Pseudo-Arrian]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 121–136.
- Latyshev, V.V. 1909: *PONTIKA*. Saint Petersburg.
- Lysenko, A.V. 2009: Svyatilishcha rimskogo vremeni yuzhnoy chasti Gornogo Kryma (opyt sistematizatsii) [Roman-era sanctuaries in the southern part of the Mountain Crimea (experience of systematization)]. *Stratum Plus* 4, 374–400.
- Lysenko, A.V. 2018: Kul’turno-istoricheskiye protsessy v yuzhnoy chasti Gornogo Kryma rimskogo vremeni (I v. do n.e. – IV v. n.e.) [Cultural and historical processes in the southern part of the Mountain Crimea of the Roman period (the 1st century BC – 4th century AD)]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul’turnom prostranstve antichnogo mira* [*Bosporan Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World*]. Pt. 2. Saint Petersburg, 218–225.
- Maslennikov, A.A. 1995: Polemon I na Bospore [Polemo I in the Bosporus]. *Bosporskiy sbornik* [*Bosporan Miscellany*] 6. Moscow, 158–165.
- Maslennikov, A.A. 1998: *Ellinskaya khora na krayu Oykumeny. Sel’skaya territoriya Yevropeyskogo Bospora v antichnuyu epokhu* [*Greek Chora on the Edge of the Oecumene. Rural Territory of the European Bosporus in Antiquity*]. Moscow.
- Novichenkova, N.G. 2015: *Gornyy Krym (II v. do n.e. – II v. n.e.). Po materialam raskopok svyatilishcha u perevela Gurzufskoye Sedlo* [*Mountain Crimea (the 2nd century BC – 1st century AD). Based on the Materials of the Excavations at the Sanctuary near the Gurzufskoe Sedlo Pass*]. Simferopol’.
- Popova, E.A. 1998: O Severo-Prichernomorskom domostroitel’stve I v. do n.e. – I v. n.e. (po materialam kvartala Zapad-II gorodishcha “Chayka”) [Regarding the North Black Sea house-building of the 1st century BC – 1st century AD (based on materials from the Zapad-II quarter of the “Chayka” settlement). In: V.L. Yanin (ed.), *Istoricheskaya Arkheologiya. Traditsii i perspektivy. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina* [*Historical Archaeology. Traditions and Prospects. Studies Presented to D.A. Avdusin on occasion on His 80th Birthday*]. Moscow, 182–195.
- Puzdrovskiy, A.E. 1999a: Etnicheskaya istoriya Krymskoy Skifii (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Ethnic history of Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century AD]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesus Miscellany*] 10, 209–225.
- Puzdrovskiy, A.E. 1999b: Oчерк этносотсiал’ноy istorii Krymskoy Skifii (II v. do n.e. – III v. n.e.) [An essay of the ethnosocial history of Crimean Scythia in the 2nd c. BC – 3rd c. AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 97–119.
- Raevskiy, D.S. 1973: K istorii greko-skifskikh otnosheniy (II v. do n.e. – I v. n.e.) [On the history of Greco-Scythian relations in the 2nd c. BC – 1st c. AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 113–118.
- Saprykin, S.Yu. 2002: *Bospor na rubezhe dvukh epoch* [*Bosporus at the Turn of Two Epochs*]. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 2005: *Denezhnoye obrashcheniye na khore Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu* [*Currency on the Chora of Taurian Chersonesus in Antiquity*]. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 2018: *Drevneye Prichernomor’ye* [*The Ancient Black Sea*] (Trudy istoricheskogo fakul’teta MGU 114. Ser. 2. Istoricheskiye issledovaniya 65) ([Proceedings of

the Historical Faculty of the Moscow State University 114. Ser. 2. Historical Studies 65]. Moscow.

- Shaptsev, M.S. 2016: Ekonomicheskiye svyazi varvarskogo naseleniya Severo-Zapadnogo Kryma vo II v. do n.e. – nachale II v. n.e. po amfornoy tare i krasnolakovoy keramike [Economic links of the barbarian population of Northwestern Crimea in the 2nd c. BC to the early 2nd c. AD based on the analysis of amphorae and red-slip pottery]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 163–178.
- Shevchenko, N.F. 2009: Krasnobatareynoye gorodishche. Staryye problemy, novyye issledovaniya [The Krasnobatareynoye Settlement. The old problems, new studies]. In: *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Materialy konferentsii* [Fifth Kuban Archaeological Conference. Conference materials]. Krasnodar, 434–438.
- Sokolskiy, N.I. 1976: Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrisaliska [The Taman Tolos and the Residence of Chrialiskos]. Moscow.
- Turovskiy, E.Ya. 2011: Ob otnosheniyakh Bospora i Khersonesa vo vtoroy polovine I do n.e. – pervoy polovine I v. n.e. po numizmaticheskim dannym [Concerning the Bosporan-Chersonesus relations in the second half of the 1st c. BC – the first half of the 1st c. AD]. In: *Bosporskiy Fenomen. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon. Materials of International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 386–391.
- Turovskiy, Ye.Ya. 2013: K voprosu o zavisimosti Khersonesa Tavricheskogo ot Bosporskogo tsarstva po numizmaticheskim i epigraficheskim dannym [On the dependence of Taurian Chersonesus from the Bosporan Kingdom according to numismatic and epigraphic data]. In: *Bosporskiy Fenomen. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon. Materials of International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 657–662.
- Turovskiy, E.Ya. 2014: Monetnoye delo Khersonesa: mezhdru Mitridatom Yevpatorom i imperatorom Tiberiyem (63 g. do n. e. – 37 g. n. e.) [Coinage of Chersonesus: between Mithridates Eupatoros and Emperor Tiberius (63 BC – AD 37)]. *Stratum Plus* 6, 307–314.
- Turovskiy, E.Ya. 2018: Khersones i bosporskiye tsari vo vtoroy polovine I v. do n. e. – pervoy polovine I v. do n. e. [Chersonesus and the Bosporan Kings in the second half of the 1st c. BC – first half of the 1st c. AD]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [Bosporan Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World]. Pt. 2. Saint Petersburg, 84–90.
- Tyurin, M.I. 2010: Khersones i Bospor vo vtoroy polovine I v. do n.e.: ot zavisimosti k soyuzu. [Chersonesus and Bosporus in the second half of the 1st c. BC: from dependence to union]. *Prichernomor'ye. Istoriya, politika, kul'tura* [The Black Sea. Historia, Politics, Culture] 3. Ser. A, 153–163.
- Uzhentsev, V.B. 1999: Bospor i Severo-Zapadnyy Krym v pervyye veka n.e. (Problemy etnokul'turnykh kontaktov po materialam raskopok Kalos Limena) [Bosporus and North-Western Crimea in the first centuries of our era (problems of ethno-cultural contacts based on the materials of the excavations of Kalos Limen). In: *Bosporskiy fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon: Greek Culture on the Periphery of the Ancient World. Materials of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 310–314.

- Vinogradov, Yu.A., Goroncharovskiy, V.A. 2005: *Voyennaya istoriya i voyennoye delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. – seredina III v. n.e.)* [Military History and Warfare of the Cimmerian Bosphorus (the 6th century BC – the middle of the 3rd century AD)] (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury RAN [Proceedings of the Institute for History of Material Culture RAS] 25). Saint Petersburg.
- Vinogradov, Yu.G. 1992: Polemon, Khersones i Rim [Polemon, Chersonesus and Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 130–140.
- Vinokurov, N.I. 2010: Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i gibel' ranney tsitadeli gorodishcha Artazian (po materialam raskopok 2004–2008 gg.) [The Bosporan-Roman War of AD 44/45–49 and the death of the early citadel of the Artezian settlement (based on the materials of excavations in 2004–2008)]. In: *SYMBOLA. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshiye nakhodki i otkrytiya* [SYMBOLA. Ancient World of the North Black Sea. Recent Finds and Discoveries] 1. Moscow–Kiev, 38–44.
- Vnukov, S.Yu. 1994: Raskopki na Kara-Tobe u g. Saki [Excavations at the Kara-Tobe Settlement near Saki]. In: *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu v 1993 g.* [Archaeological Studies in Crimea in 1993]. Simferopol, 60–67.
- Vnukov, S.Yu. 2006: *Prichernomorskiye amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Ch. 2. Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli* [Pontic Amphorae of the 1st Century BC – 2nd Century AD. Pt. 2. Petrography, Chronology, Problems of Trade]. Moscow.
- Vysotskaya, T.N. 1979: *Neapol' – stolitsa gosudarstva pozdnikh skifov* [Neapolis, the Capital of the Late Scythian State]. Kiev.
- Yartsev, S.V., Zubarev, V.G., Smekalov S.L. 2018: Sistema oborony Evropeyskogo Bospora v period pravleniya tsarya Asandra (po materialam arkheologicheskikh razvedok v urochishche Adzhiel' 2018 g.) [The defense system of the European Bosphorus during the reign of King Asander (based on the materials of archaeological exploration in the tract of Adzhiel in 2018)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical, Social and Educational Thought] 10.5/2, 25–34.
- Yaylenko, V.P. 2010: *Tysyacheletniy Bosporskiy reykh. Istoriya i epigrafika Bospora VI v. do n.e. – V v. n.e.* [Thousand-Year-Old Bosporan Reich. History and Epigraphy of the Bosphorus in the 6th century BC – 5th century AD]. Moscow.
- Zavoykina, N.V. 2013: *Bosporskie fiasy: mezhdru polisom i monarkhiy* [Bosporan Thias: Between the Polis and Monarchy]. Moscow.
- Zavoykina, N.V. 2023a: Aspurg, tsar' Bospora (9/8 g. do n.e. – 38 g. n.e.) [Aspurgus, the Bosporan King (BC 9/8 – AD 38)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 28 (forthcoming).
- Zavoykina, N.V. 2023b: O tak nazyvaymoy “tamge” Aspurga [Regarding the so-called “tamga” of Aspurgus]. *Hypanis* 5 (forthcoming).
- Zavoykina, N.V., Novichikhin A.M., Konstantinov V.A. 2018: Novaya posvyatitel'naya nadpis' Aspurga iz Gorgippii [New dedicatory inscription of Aspurgus from Gorgippia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 680–692.
- Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol' Skifskiy (II v. do n.e. – III v. n.e.)* [Scythian Neapolis (the 2nd century BC – 3rd century AD)]. Simferopol.
- Zaytsev, Yu.P. 2018: U zapadnykh granits Bospora. Varvary Tsentral'nogo Kryma po rezul'tatam noveyshikh issledovaniy [At the western borders of the Bosphorus. Barbarians of the Central Crimea according to the Results of the Latest Research]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [Bosporan Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World]. Pt. 2. Saint Petersburg, 206–211.

- Zograf, A.N. 1951: *Antichnyye monety* [Ancient Coins] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 16). Moscow–Leningrad.
- Zubar, V.M. 1987: Iz istorii Khersonesa Tavricheskogo na rubezhe nashey ery [From the history of Taurian Chersonesus at the turn of our era]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 118–129.
- Zubar, V.M.: 1998: *Severnyy Pont i Rimskaya imperiya* [Northern Pontus and the Roman Empire]. Kiev.

THE WAR OF KING ASPURGUS AGAINST THE SCYTHIANS AND TAURIANS

Natalia V. Zavoykina

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: zavoykina@mail.ru

The author analyzes the issue of Aspurgus' campaign against the Scythians and Taurians. A widespread hypothesis suggests that Aspurgus made a military campaign to Crimean Scythia between AD 15 and 23. The Bosporan king concluded a military-defensive alliance with Chersonesus, which was sanctioned by Rome. That is why he should have protected Chersonesus against attacks of the Scythians and Taurians. During the campaign, Bosporan troops defeated Scythian Neapolis and a number of the Late Scythian settlements in the northwest of Crimea. A comprehensive study of various groups of sources allows the author to come to the conclusion that the old hypothesis is not supported by any evidence. A detailed study of written, archaeological and numismatic data allowed the author to suggest that in AD 11–13 Aspurgus made a victorious military campaign against the Scythians and Taurians who lived along the southwestern borders of the European Bosporus. The successful campaign was marked with the issue of copper coins bearing the victory symbols (Ares/trophy) and the appearance of the element “subjugating the Scythians and Taurians” in the royal title of Aspurgus (CIRB 39, 40).

Keywords: Aspurgus, the Bosporan kingdom, Crimea, Chersonesus, Scythians, Taurians

В МУЗЕЯХ МИРА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 272–298
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 272–298
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-272–298

КЕРАМИКА В ФОНДАХ ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (КРАТКИЙ ОБЗОР). ЧАСТЬ I. ЭПОХА НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Д.В. Журавлев¹, Н.Ю. Петрова²

¹ Государственный исторический музей, Москва, Россия

² Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

¹ E-mail: denzhuravlev@mail.ru ² E-mail: petrovanatalya7@mail.ru

¹ ORCID: 0000-0003-1139-6621 ² ORCID: 0000-0002-9112-1160

Статья представляет собой обзор коллекции керамики эпохи неолита и бронзы, хранящейся в отделе археологических памятников Государственного исторического музея (Москва). Эта первая из трех статей, дающих общую характеристику керамической коллекции крупнейшего музея России. Рассматриваются основные керамические находки VI–II тыс. до н.э. с территории Восточной Европы, Южного Зауралья и Предуралья, Сибири, а также Кипра, хранящиеся в музее. Коллекция формировалась с момента основания Исторического музея, и продолжает пополняться до настоящего времени.

Ключевые слова: керамика, неолит, энеолит, эпоха бронзы, Государственный исторический музей

Богатейшие фонды Государственного исторического музея (ГИМ) содержат обширные разновременные керамические коллекции¹, которые позволяют рас-

Данные об авторах. Денис Валерьевич Журавлев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников ГИМ, ведущий специалист, НИЦ «Курчатовский институт»; Петрова (Исаенко) Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела теории и методики ИА РАН.

¹ Н.Ю.Петрова работала над статьей в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

смаатривать множество вопросов, касающихся как непосредственно изучения развития гончарного производства от первых этапов его зарождения до развитого производства в промышленных масштабах, так и глобальные исторические проблемы, связанные с идентификацией археологических культурных общностей, связях населения, для которого был характерен тот или иной вид керамической посуды, а также другую, более частную проблематику.

Глиняная посуда и ее фрагменты, составляющие бóльшую часть коллекции (более полутора миллионов единиц хранения!) отдела археологических памятников Исторического музея, с самого начала интересовали исследователей. Еще в 1901 г. основатель археологического отдела В.А. Городцов написал первый обобщающий труд по керамическому производству, где он анализирует имеющиеся на тот момент данные, связанные с различными аспектами технологии изготовления и орнаментации керамики ранних эпох, происходящих с территории европейской части России².

Наш краткий обзор посвящен характеристике коллекций археологической керамики от эпохи неолита до развитого средневековья, хранящихся в собрании музея, позволяющий специалистам лучше представить себе, какие керамические материалы представлены в фондах ГИМ. Авторы не ставили перед собой задачу даже простого упоминания всех памятников, из которых происходят наши коллекции, а уж тем более полного библиографического списка, где сосуды и их фрагменты из музейного собрания были опубликованы. Даже простое подобное перечисление могло бы занять десятки страниц.

В соответствии со структурой, отдел археологических памятников ГИМ делится на три сектора, получивших литерные обозначения (А, Б, В). Ниже мы представим описание основных коллекций, содержащих керамические материалы по исторически сложившейся системе хранения, для того, чтобы облегчить заинтересованным исследователям обращение к тому или иному фонду или хранителю. Иногда такая система может вызвать вопросы – например, средневековые памятники представлены одновременно в секторах Б и В, причем коллекции из византийского Херсона относятся к античному фонду, а коллекция древностей эпохи средней и поздней бронзы с Кипра или значительное собрание протокобанских древностей с Кавказа хранятся в секторе Б, основные материалы которого относятся к раннему железному веку. В этих случаях мы оговариваем этот факт, но рассматриваем коллекции по хронологическому принципу, а не по сложившейся системе хранения.

На протяжении более чем столетней истории сотрудники отдела археологии не только предоставляли исследователям возможность доступа к коллекциям для исследования, но и сами активно работали над комплектованием фонда керамическими материалами и занимались их изучением. Вопросы технологии изготовления керамики всегда интересовали музейных специалистов³. Сегодня, с

Мы признательны всем нашим коллегам из сектора А отдела археологических памятников, оказавшим помощь в подготовке публикуемого здесь краткого обзора: Н.В. Ботвиной, Е.И. Гаку, Е.Д. Каверзневой, Е.А. Кашиной, И.В. Климковой, Н.В. Леоновой, А.А. Симоненко, Н.И. Шишлиной. Особо хочется отметить помощь Е.В. Азарова.

² Городцов 1901.

³ См. например: Климкова 1994, 20–26.

активным применением методов естественных наук, изучение керамики сотрудниками музея и их коллегами из других организаций изменило направление. Помимо традиционного ввода в научный оборот материалов из новых раскопок или старых музейных коллекций, мы ориентированы на исследование происхождения различных групп керамики, генезису технологий⁴, комплексному исследованию производственных центров и следов, связанных с керамическим производством⁵.

В связи с большим объемом анализируемого материала, его публикация будет разделена на три части, каждая из которых является авторским обзором соответствующего фонда. Все три очерка связаны между собой и являют собой единое целое. Данная статья является первой в этой серии: в ней рассматриваются керамические коллекции сектора неолита и бронзового века, которые в целом насчитывают более 250 тыс. единиц хранения, в основном представленных фрагментированным материалом.

КЕРАМИКА ЭПОХИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА

1. Европейская часть России, Юго-Восточная Трансильвания и Восточное Прикарпатье.

Коллекции керамики различных культур Европейской части России составляют значительную часть неолитического фонда ГИМ. Самая ранняя керамика, хранящаяся в фондах музея, связана с волго-окской и верхневолжской археологическими культурными традициями середины VI–V тыс. до н.э.⁶ С конца V тыс. до н.э. на обширной территории Восточно-Европейской равнины и Урала⁷ распространяются носители культур, оставивших сосуды с очень сходным, несмотря на огромные расстояния, ямочно-гребенчатым, гребенчато-ямочным и ромбо-ямочным орнаментом. В энеолитический период на территории Восточно-Европейской равнины гончарные традиции в целом продолжают традиции предшествовавшего неолитического периода, что находит отражение в различных типах керамики этого периода (воло-совская, дубровичского типа), также представленных в фондах музея.

Первые керамические сосуды и их фрагменты поступили в музей еще из раскопок А.С. Уварова и П.П. Кудрявцева⁸, а также В.А. Городцова⁹. Керамика вышеуказанных культурных традиций происходит в основном из многослойных стоянок, например Языково в Тверской области и Николо-Перевоз в Московской области (раскопки Б.С. Жукова и В.М. Раушенбах)¹⁰; Вашутинская в Ярославской области¹¹, Черная гора¹² и Владычинские-Береговые стоянки в Рязанской области,

⁴ Безруков, Журавлев 1998, 107–119; Безруков 1998, 120–126; Моммсен и др. 2016, 90–93, рис. 1–4; Кашина, Петрова 2021, 334–344; Петрова 2008, 259–261; 2021, 345–352; Attula et al. 2014, 251–282; Schlotzhauer et al. 2017, 395–397, Abb. 3–6; Mommsen et al. 2018, 286–291, fig. 1–2.

⁵ Журавлев, Фирсов 2013, 123–128; Мошинский 2019, 153–168.

⁶ Крайнов 1996, 166–173; Цетлин 2008, 48–84; Мазуркевич 2016.

⁷ Вероятно, в коллекциях музея есть и более ранняя неолитическая керамика, происходящая с территории Урала. Но этот вопрос требует специального изучения.

⁸ Цветкова 1988, 97, рис. 6, 16.

⁹ Астапова и др. 1988, 39, 42. № 39; Цветкова 1988, 96–97, рис. 5–6.

¹⁰ Жуков 1929; Раушенбах 1960, 30, рис. 1; 1969, 87–89, рис. 3; 1970, 35–78; 1973, 152–158; 1980, 15–24.

¹¹ Цветкова 1960, 50–51, рис. 2.

¹² Цветкова 1953, 21–52; 1959, 114–122.

Рис. 1. Сосуд. Московская область, поселение Великодворье 1, раскопки А.В. Емельянова, конец V – первая половина IV тыс. до н.э.

Fig. 1. Vessel. Moscow region, Velikodvorie 1 settlement, excavations by A.V. Emelyanov. Late 5th – the first half of the 4th millennium BC

Маслово болото II в Московской области (раскопки И.К. Цветковой)¹³, Льялово в Московской области (раскопки А.Я. Брюсова)¹⁴, и др. Хорошей иллюстрацией изделий эпохи неолита может служить сосуд, происходящий с поселения Великодворье I Московской области (рис. 1).

На базе коллекций Исторического музея было проведено изучение технологии изготовления ранненеолитической керамики, происходящей из памятников Верхней Оки¹⁵.

В коллекциях музея также представлены северные типы керамики, распространенные на территории Карелии, Архангельской и Вологодской областей: керамика каргопольского типа (которая также подвергалась технологическому анализу)¹⁶, сперрингс, асбестовая керамика. Они происходят с таких стоянок как Караваиха и Мадлона (Вологодская область), Кубенино и Веретье (Архангельская область) из раскопок А.Я. Брюсова¹⁷ и М.Е. Фосс¹⁸, и ряда других памятников.

Неолитическая керамика Крыма представлена материалами раскопок Д.А. Крайнова пещерных стоянок Таш-Аир I и Замиль-коба II¹⁹. Материалы Кавказа, относящиеся к периоду неолита – энеолита, происходят из раскопок В.В. Бжания на поселениях Кистрик, Агуа и Ахштырь в Абхазии²⁰.

¹³ Цветкова 1973, 138–145; Цветкова, Кравцов 1982.

¹⁴ Брюсов 1952.

¹⁵ Климова 1994, 20–26.

¹⁶ Kashina, Petrova 2019; Кашина, Петрова, 334–344.

¹⁷ Брюсов 1951; 1952.

¹⁸ Фосс 1952, 57.

¹⁹ Крайнов 1960.

²⁰ Бжания, Соловьев 1973.

Рис. 2. Сосуд. Молдавия, пос. Друцы, раскопки Н.В. Рындиной. Культура Кукутени-Триполье. Рубеж V–IV тыс. до н.э. – IV тыс. до н.э.

Fig. 2. Vessel. Moldova, settlement Drutsy, excavations by N.V. Ryndina. Culture Cucuteni-Trypillia. Late 5th–4th millennium BC

Самыми ранними керамическими материалами периода энеолита в фондах отдела археологии ГИМ являются значительные по объему, научной и экспозиционной ценности коллекции, относящиеся к рубежу V–IV тыс. до н.э. Они представлены материалами трипольской культурно-исторической общности, распространенной на территории Юго-Восточной Трансильвании и Восточного Прикарпатья. В фондах музея хранится керамика из поселений Триполье, Крутобородицы, Тудорова с территории Украины и Молдавии²¹. Прекрасным примером подобных керамических изделий является сосуд с бело-красной росписью, происходящий из раскопок Н.В. Рындиной на поселении Друцы в Молдавии (рис. 2).

В бассейне верхней и средней Волги в период энеолита, примерно с середины IV тыс. до н.э.²², происходит расселение носителей волосовской культурной традиции. Интересные керамические материалы этой эпохи, представлены, например, коллекциями из раскопок И.К. Цветковой поселений Черная Гора²³ и Володары²⁴, А.В. Емельянова на поселении Великодворье I²⁵. На основе керамических находок из последнего поселения была, в частности, проведена работа по реконструкции волосовских гребенчатых и рамчатых орнаментов²⁶.

Среди фрагментов волосовских сосудов встречаются и достаточно редкие экземпляры – например, венчик горшка с налетом в виде расплавленной человеческой фигуры²⁷, а также антропоморфная глиняная фигурка со стоянки Николо-Перевоз II²⁸.

²¹ ОАК за 1906 г.; ОАК за 1907 г.; Відейко 2004, 495–496.

²² Мазуркевич и др. 2016.

²³ Цветкова 1959, 21–52.

²⁴ Цветкова 1993, 42–43, рис. II, 4; III, 2.

²⁵ Емельянов, Кашина 2005.

²⁶ Петрова 2008; 2010; 2012, 51–56, рис. 1–2; 2021, 345–352.

²⁷ Студзицкая 1971, 39.

²⁸ Раушенбах 1969, 84; рис. 2, 1; Студзицкая 1971, рис. 2, 1.

Керамические коллекции энеолита степной зоны Европейской части России представлены материалами Хвалынского могильника (Саратовская область), исследовавшегося С.А. Агаповым, И.Б. Васильевым и В.И. Пестриковым²⁹.

2. Дальний Восток, Сибирь и Средняя Азия

В собрании ГИМ значительны коллекции неолитической керамики носителей зайсановской культурной традиции, распространенной на территории Приморья. Они происходят из памятников Зайсановка I, Валентинов перешеек (раскопки Г.А. Андреева) и др.³⁰.

Коллекции из Восточной Сибири представлены керамическими сосудами, происходящими с территории Красноярского края и Иркутской области. Так, керамика присутствует среди материалов поселений Тура, Усть-Камо, Байкит и других памятников в Эвенкии (раскопки Г.А. Андреева)³¹. Целые сосуды происходят из китойских и серовских погребений Прибайкалья (раскопки А.П. Окладникова). Очень интересен сосуд-дымокур из серовского погребения (рис. 3)³². Подобные сосуды-дымокуры³³ получили широкое распространение в таежной и подтаежной зонах Ангара-Енисейского бассейна (Северное Приангарье и Верхняя Лена) с эпохи неолита до средневековья. Ушки от подобных разбитых сосудов – частая находка на поселениях, однако в целом виде, особенно для эпохи неолита, они сохраняются очень редко.

Рис. 3. Сосуд-дымокур. Прибайкалье, Серовский могильник. Раскопки А.П. Окладникова. Серовская культура. Поздний неолит, IV тыс. до н.э.

Fig. 3. Vessel “smoker”. Baikal region, Serov burial ground. Excavations by A.P. Okladnikov. Serov culture. Late Neolithic, the 4th millennium BC

²⁹ Агапов и др. 1990.

³⁰ Андреев 1957; 1960.

³¹ Андреев 1969.

³² Окладников 1950, 207.

³³ Существуют и этнографические свидетельства о применении сосудов-дымокуров коренными народами Сибири. В них клали мелкие тлеющие прутики и гнилое дерево, дым от которых отгонял мелкий таежный гнус. Подобные сосуды могли носить на спине или подвешивать в жилищах. Для дымокуров всех эпох характерны небольшие размеры и объем до 1–1,2 л, круглодонность и наличие ручек-ушек (от одного до трех).

Керамическая коллекция периода неолита Западной Сибири сформирована материалами из Тюменской и Омской областей. Из Тюменской области в музей попали обширные коллекции 2-й Андреевской стоянки на Андреевском озере в районе г. Тобольска, содержащей материалы эпохи неолита-энеолита (раскопки П.А. Дмитриева)³⁴. С территории Омской области происходит небольшая неолитическая коллекция Екатерининской стоянки из раскопок В.Н. Чернецова, состоящая в основном из керамических фрагментов³⁵.

Коллекции Урала представлены материалами многослойных поселений, например, Полуденка и Калмацкий брод, содержащими керамику от периода неолита до эпохи бронзы (раскопки В.М. Раушенбах)³⁶.

Среднеазиатские коллекции образованы материалами из Узбекистана и Туркмении. Из Узбекистана наиболее интересные находки происходят из неолитических кельтеминарских поселений Джанбас-Кала IV и V (раскопки С.П. Толстова)³⁷. Коллекции из раскопок В.И. Сарияниди энеолитических анауских памятников Геоксюр II и V³⁸ характеризуют культуру древнего населения Туркмении.

КЕРАМИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА

1. Европейская часть России

В бронзовом веке керамические сосуды, происходящие из европейской части России, очень сильно меняют свой облик. Некоторые из них являются подражаниями металлическим сосудам, которые появились в это время, но были значительно менее доступными в силу дороговизны. В фондах музея наиболее ярко подобные изделия представлены северокавказскими материалами, оставленными носителями майкопской культурной традиции, имеющей связи с Ближним Востоком (IV тыс. до н.э.). Это сосуды из курганных могильников Царская и Новосвободная (раскопки Н.И. Веселовского³⁹), Бамут (раскопки Р.М. Мунчаева и В.И. Сарияниди⁴⁰), Иноземцево (раскопки С.Н. Корневского и В.Г. Петренко⁴¹).

Степные и лесостепные традиции находят отражение в сосудах, относящихся к ямной, катакомбной, абашевской, воронежской и срубной археологическим культурам. Первые сосуды, связанные с этими культурами, поступили в Исторический музей из раскопок В.А. Городцова⁴². Среди прочих, к ямной культуре первой половины III тыс. до н.э. относятся курганный могильник Му-Шарет в Калмыкии (раскопки Н.И. Шишлиной, Е.В. Цуцкина и К.Б. Фирсова)⁴³.

К катакомбной культуре второй половины III тыс. до н.э. относятся, например, материалы из курганных могильников Манджикины и Зунда-Толга (рас-

³⁴ Дмитриев 1938.

³⁵ Чернецов 1953.

³⁶ Раушенбах 1956.

³⁷ Толстов 1948.

³⁸ Сарияниди 1961.

³⁹ ОАК за 1898 (1901).

⁴⁰ Мунчаев, Сарияниди 1963.

⁴¹ Корневский, Петренко 1982.

⁴² Астахова и др. 1988. 45, 47. № 53; 57, 59. № 110–111.

⁴³ Шишлина и др. 2001.

копки Н.И. Шишлиной)⁴⁴, материалы из II Шахаевского могильника⁴⁵ и многих других памятников. Помимо сосудов, оттуда происходят и другие интересные керамические находки – печати-штампы⁴⁶. Серия горшков донецкого и маньчжурского вариантов катакомбной культуры найдена в ранних погребениях «Круглого кургана» в Ростовской области (раскопки В.Г. Тизенгаузена)⁴⁷. Керамические материалы среднедонской катакомбной и воронежской культур среднего бронзового века (XXVI–XXIII вв. до н.э.) происходят из центра Подонья – поселений Рыкань-3 и Рыкань-8, расположенных в Воронежской области, а также Ксизово-1 и Ксизово-19 у с. Ксизово в Липецкой области (раскопки Е.И. Гака)⁴⁸.

Также в собрании музея имеются коллекции, относящиеся к срубной, абашевской и примокшанской культурам (конец III – середина II тыс. до н.э.). Керамические сосуды срубной культурно-исторической общности представлены, к примеру, материалами значительного могильника Кайбелы, раскопанного Н.Я. Мерпертом⁴⁹. Коллекции керамики этого времени происходят из поселений срубной культуры Красное 1А, Лесопитомник-4, Лесопитомник-4б и культовый объект Белоозеро-1, абашевской и примокшанской – Раздолье-1 и Устье-5 из раскопок Е.И. Гака в Тульской области⁵⁰.

Очень своеобразны фатьяновские и балановские сосуды, бытовавшие в лесной и лесостепной части Восточно-Европейской равнины во второй половине III–II тыс. до н.э. Эту традицию иллюстрирует сосуд, происходящий из могильника около с. Великое Ярославской области (рис. 4). Также в фондах музея хранятся материалы Фатьяновского и Горкинского могильников⁵¹, Балановского могильника⁵² и многих других памятников⁵³.

Во II тыс. до н.э. на территории лесной полосы распространение получают культуры «текстильной» керамики, шагарская и поздняяковская. Материалы первой, к примеру, представлены раскопанным Б.А. Фоломеевым могильником Фефёлов Бор⁵⁴. Из Шагарского некрополя происходит значительное количество целых форм, имеющих параллели на поселениях Шагара 1, 5, Тюрвищи 3 и др.⁵⁵, а также из могильника Одоевские фермы 1⁵⁶, материалы из которых также находятся в музее. Из Шагарского могильника происходит уникальная находка фрагмента керамической ладьи-колыбели⁵⁷, а также редкий сосуд, имитирующий кожаное изделие (рис. 5)⁵⁸. Отметим керамические кружочки, сделанные из

⁴⁴ Шишлина 2007.

⁴⁵ Федорова-Давыдова 1980, 41, 173, рис. 2, 1–3.

⁴⁶ Шишлина 2004.

⁴⁷ Братченко 1976, 83, 69, 142, рис. 17, 5; 42, 1; Демиденко и др. 1997, 187–188, рис. 1, 4–6; Žuravlev et al. 1997, 410–413, Abb. 3–4.

⁴⁸ Гак 2011.

⁴⁹ Мерперт 1958.

⁵⁰ Гак 2011.

⁵¹ Крайнов 1963.

⁵² Бадер 1962.

⁵³ Раушенбах 1960, 32–33, рис. 3.

⁵⁴ Фоломеев 1974 (не путать с поздняяковским могильником).

⁵⁵ Каверзнева 1994, 27–58; 2012, рис. 3, 1; Каверзнева, Фоломеев 1998, рис. 2, 4–5.

⁵⁶ Климова 1996, 36, рис. 26; 39, рис. 56; 46, рис. 9г; 48, рис. 116; 50, рис. 126.

⁵⁷ Каверзнева 2012, 57–63, рис. 2.

⁵⁸ Пиотровский 2013, 541.

Рис. 4. Сосуд. Ярославская обл., могильник у с. Великое, раскопки А.А. Спицина. Фатьяновская культура, вторая половина III – II тыс. до н.э.

Fig. 4. Vessel. Yaroslavl region, burial ground near the village Velikoe, excavations by A.A. Spitsina. Fatyanovo culture, second half of the 3rd – 2nd millennia BC

Рис. 5. Сосуд. Рязанская обл., Шагарский могильник, раскопки Е.Д. Каверзневой. Шагарская культура, начало II тыс. до н.э.

Fig. 5. Vessel. Ryazan region, Shagara burial ground, excavations by E.D. Kaverzneva. Shagar culture, beginning of the 2nd millennium BC

Рис. 6. Сосуд. Рязанская обл., могильник Фефелов Бор, раскопки Т.Б. Поповой. Поздняковская культура, вторая четверть II тыс. до н.э.

Fig. 6. Vessel. Ryazan region, Fefelov Bor burial ground, excavations by T.B. Popova. Pozdnyakovskaya culture, second quarter of the 2nd millennium BC

обломков посуды, со стоянки Фефёлов Бор 1, которые, очевидно, использовались в ткачестве⁵⁹.

К поздняковской культуре относится сосуд с изображением свастики и меандровым орнаментом, найденный в одном из погребений могильника Фефёлов Бор (рис. 6. 1,2)⁶⁰ и целая серия других сосудов и их фрагментов⁶¹. Представлена в музее и керамика дубровичского типа, например, из раскопанного В.А. Городцовым поселения Черепки⁶².

⁵⁹ Фоломеев, Чернай 1980, 175, рис. 1–2.

⁶⁰ Попова 1988, 128.

⁶¹ Попова 1960, 40–42, рис. 2–3; 1969, рис. 1–2.

⁶² Гласко, Фоломеев 1996, 15–18, рис. 7.

Рис. 7. Сосуд. Республика Хакассия, могильник Малые Капены, раскопки С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой. Афанасьевская культура. III тыс. до н.э.

Fig. 7. Vessel. Republic of Khakassia, Malye Kapeny burial ground, excavations by S.V. Kiselev and L.A. Evtyukhova. Afanasiev culture. 3rd millennium BC

2. Южное Зауралье и Приуралье, Сибирь и Средняя Азия

В собрании ГИМ бронзовый век Сибири представлен немногочисленными, но очень своеобразными глиняными изделиями. Целые сосуды и их фрагменты происходят из глазковских погребений Прибайкалья и Забайкалья. Самый значительный памятник – Фофановский могильник на р. Селенга в Республике Бурятия, раскопанный М.М. Герасимовым и Е.Н. Черных⁶³.

Очень яркие керамические коллекции происходят из южной части Восточной Сибири. Особенно следует выделить глиняные изделия, относящиеся к афанасьевской культурной традиции, представители которой обитали на территории Алтая, в степях Хакасии и юга Красноярского края в III тыс. до н.э. Сосуды афанасьевской культуры, хранящиеся в музее⁶⁴, происходят из могильников, расположенных на территории Красноярского края (Тесь III), Хакасии (Малые Копены II) и Алтая (Курота-II) из раскопок С.В. Киселева⁶⁵ и Л.П. Зяблина⁶⁶. Глиняные сосуды афанасьевцев имеют необычную яйцевидную форму. Для иллюстрации мы выбрали сосуд из могильника у с. Малые Копены из раскопок С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой в 1940 г. (рис. 7)⁶⁷.

⁶³ Герасимов, Черных 1975.

⁶⁴ Петрова 2014, рис. 1.

⁶⁵ Киселев 1951.

⁶⁶ Вадецкая 2012.

⁶⁷ Киселев 1951, 42.

Рис. 8. Курильница. Республика Хакассия, могильник Малые Копены II, раскопки Л.П. Зяблина. Афанасьевская культура, III тыс. до н.э.

Fig. 8. Incense-burner. Republic of Khakassia, burial ground Malye Kopeny II, excavations by L.P. Zyablin. Afanasiev culture, 3rd millennium BC

В этот исторический период на огромной территории Евразии получают распространение так называемые курильницы – чаши на подставках. Подобные изделия встречаются в III–II тыс. до н.э. от Украины и до Енисея в разных археологических культурах, генетически связанных между собой, и ведущих кочевой образ жизни подвижных скотоводов. В собрании Исторического музея представлены великолепные образцы курильниц, происходящие с совершенно разных территорий: из европейских и восточносибирских степей, а также Алтайских гор. Одна подобная курильница происходит могильника Зунда-Толга в Калмыкии⁶⁸. Восточный ареал может быть представлен курильницей, относящейся к афанасьевской культуре (рис. 8). Она происходит из могильника Малые Копены II в Хакасии, затопленного ныне водами Красноярского водохранилища⁶⁹.

К более позднему времени относятся материалы могильников Усть-Ерба и Уйбат с территории южной части Красноярского края и республики Хакасия из раскопок С.В. Киселева⁷⁰.

Бронзовый век Южного Зауралья и Западной Сибири представлен керамическими материалами Челябинской и Омской области. Из Челябинской области происходят материалы поселения Липовая Курья (раскопки Л.Я. Крижевской)⁷¹; из Омской – небольшая коллекция из раскопок В.И. Мошинской на поселении Сузгун II под Тобольском⁷².

⁶⁸ Панасюк 2014.

⁶⁹ Вадецкая 2012, 99.

⁷⁰ Киселев 1935; 1937.

⁷¹ Крижевская 1977.

⁷² Мошинская 1957.

С территории Казахстана происходят материалы Алексеевского поселения андроновского времени из раскопок О.А. Кривцовой-Граковой⁷³, а из Южного Приуралья (Оренбургская область) – керамика из могильника Пятимары I⁷⁴ или кургана «Близнецы»⁷⁵.

ДРЕВНОСТИ КИПРА⁷⁶

В ГИМ хранится небольшая, но очень представительная коллекция древностей с острова Кипр, полученная в 1924 г. из усадьбы «Поречье». Коллекция была куплена графом А.С. Уваровым у русского посланника на Кипре Юзефовича. Коллекция оказалась разделена между ГИМ и ГМИИ им. А.С. Пушкина⁷⁷. В состав коллекции входят керамические сосуды, терракотовые статуэтки, известняковая скульптура, бронзовые изделия и т.п. Керамическая часть коллекции в музее – около 100 целых сосудов – представлена полным набором форм, характеризующих культуру Кипра с начала II тыс. до н.э. и до античного времени⁷⁸.

Особый интерес вызывают два композитных сосуда, созданные в стиле string-hole, имитирующие кожаные изделия из коровьего вымени (рис. 9), относящиеся к периоду Middle Cypriote II–III (1800–1600 гг. до н.э.). Тулово первого из них (рис. 9, 1) образовано двумя соединяющимися частями – нижняя биконическая, на трех ножках-выступах; верхняя – близкая к шаровидной. Высокое слабо вогнутое горло сосуда завершается устьем эллипсоидной формы и отогнутым трубчатым сливом, срезанным на конце. Ручка сосуда, крепившаяся в верхней части тулова и в центре горла, утрачена. В нижней части сосуда сделан боковой трубчатый слив. Сосуд декорирован петельчатыми выступами – «ушками». Нам известно немало композитных ваз этого стиля из музея искусства и истории в Женеве⁷⁹, Глиптотеки Карлсберг в Копенгагене⁸⁰ и иных собраний⁸¹, но все они не имеют бокового носика-слива, что делает кувшин из собрания Исторического музея уникальным. Композитные сосуды следовали традиции краснолощенных⁸². Подобные носики-сливы известны на целом ряде кипрских сосудов иных форм⁸³.

Второй сосуд – аск (рис. 9, 2) – состоит из трех отдельных сосудов – два сферической формы внизу, соединенные боковыми сторонами, и размещающегося над ними сосуда овальной формы, также соединенного с двумя нижними при помощи низких цилиндрических трубочек, с круглым отверстием между ними. Два нижних сосуда стоят на парах выступов-ножек. Верхний сосуд имеет высокий слегка наклонный носик, завершающийся узким устьем миндалевидной формы и

⁷³ Кривцова-Гракова 1948, 126–147, рис. 50–66.

⁷⁴ Федорова-Давыдова 1970, 60–61, рис. 10.

⁷⁵ Федорова-Давыдова 1960, 56–57, рис. 1.

⁷⁶ Коллекция хранится в секторе Б (Археология раннего железного века), а несколько терракотовых статуэток из того же собрания – в секторе А. О терракотовых статуэтках см. Журавлев, Ильина 2006.

⁷⁷ Акимова и др. 2014.

⁷⁸ Karageorghis et al. 2005.

⁷⁹ Karageorghis et al. 2004, 32, No. 36.

⁸⁰ Karageorghis et al. 2001, 19, No. 31.

⁸¹ Morris 1985, 90, fig. 37–40; 91, fig. 41–43.

⁸² См. например: Dikaios, Stewart 1962, fig. LXXI, 10, 12.

⁸³ См. например: Dikaios, Stewart 1962, fig. XCVII–XCVIII.

Рис. 9. Керамика с острова Кипр (собрание А.С. Уварова): 1–2 – Композитные сосуды в стиле string-hole. 1800–1600 гг. до н.э.; 3 – микенский кратериск. 1600–1450 гг. до н.э.
 Fig. 9. Pottery from the island of Cyprus (collection of A.S. Uvarov): 1–2 – Composite vessels in string-hole style. 1800–1600 BC.; 3 – Mycenaean crater. 1600–1450 BC

клювовидным сливом. Над сосудом возвышается высокая ручка, с вертикальными выступами – «ушками» со сквозными отверстиями (string-holes) по боковым сторонам. В первой публикации сосуд был атрибутирован как предположительно относящийся к группе Black Slip II⁸⁴. Подобные ручки не были типичны для таких сосудов. Наиболее близок экземпляру из Исторического музея сосуд из Британского музея⁸⁵. Относительно близок композитный сосуд из музея Новая Глиптотека Карлсберга в Копенгагене⁸⁶ или сосуд из музея истории искусств в Триесте⁸⁷. По тому же принципу сделан сосуд из Берлинского собрания⁸⁸.

Помимо традиционных кипрских форм различных стилей, в Историческом музее хранится несколько сосудов микенского облика, датирующихся поздним бронзовым веком. Особо интересен небольшой кратер периода Late Helladic IIIA:2b (рис. 9, 3) с высоким грушевидным туловом на высокой конусовидной ножке, основание которой оформлено в виде низкого кольцевого поддона. Тулово переходит в низкое широкое цилиндрическое горло, завершающееся отогнутым наружу и чуть скошенным венчиком. В верхней части тулова по сторонам сделаны небольшие вертикальные петлевидные ручки, округлые в сечении. По классифи-

⁸⁴ Karageorghis et al. 2001, 22–23, No. 31

⁸⁵ Smith 1925, 7, pl. 6, 13.

⁸⁶ Karageorghis et al. 2001, 19, No. 30.

⁸⁷ Zupancich 1997, 151, 166–167, No. 57.

⁸⁸ Brehme et al. 2001, 39–40, No. 12.

кации А. Фурумарка этот сосуд относится к типу 45⁸⁹. Это один из наиболее распространенных на острове типов микенской посуды, обнаруженных на Кипре⁹⁰.

Таким образом, очевидно, что фонд неолита, энеолита и бронзового века Исторического музея содержит огромные керамические коллекции, происходящие из различных регионов России и ряда других стран и принадлежащие к множеству археологических культур. Эти материалы представляют значительную научную значимость, еще далеко не полностью введены в научный оборот и ждут своего исследования, в том числе с помощью естественно-научных методов.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов, С.А., Васильев, И.Б., Пестриков, В.И. 1990: *Хвалынский энеолитический могильник*. Саратов.
- Акимова, Л.И., Калинин, Д.А., Самар, О.Ю., Смоленкова, В.В. 2014: *Искусство древне-го Кипра в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина*. М.
- Андреев, Г.И. 1957: Поселение Зайсановка-I в Приморье. *СА* 2, 121–145.
- Андреев, Г.И. 1960: Некоторые вопросы культур Южного Приморья III–I тыс. до н.э. В кн.: В.Ф. Гайдукевич, Т.Н. Книпович (ред.), *Боспорские города II. Работы Боспорской экспедиции в 1946–1953 гг.* (МИА 86). М.–Л., 136–161.
- Андреев, Г.И.: 1969. Археологические исследования в Эвенкии. В кн. *Происхождение аборигенов Сибири и их языков*. Томск, 188–190.
- Асташова, Н.И., Белоцерковская, И.В., Гущина, И.И., Каверзнева, Е.Д., Мошинский, А.П. 1988: Каталог коллекций В.А. Городцова. В сб.: С.В. Студзицкая (ред.), *Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии* (Тр. ГИМ 68). М., 33–62.
- Бадер, О.Н. 1962: *Балановский могильник*. М.
- Безруков, М.Г. 1998: Некоторые типологические группы краснолаковых античных покрытий (по результатам химико-технологических исследований). В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Эллинистическая и римская керамика Северного Причерноморья*. I (Тр. ГИМ 102). М., 120–126.
- Безруков, М.Г., Журавлев, Д.В. 1998: Результаты инструментального исследования серии образцов античной керамики. В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Эллинистическая и римская керамика Северного Причерноморья*. I (Тр. ГИМ 102). М., 107–119.
- Бжания, В.В., Соловьев, Л.Н. 1973: Раскопки поселения Кистрик. В сб.: *АО 1972 г.* М., 3–8.
- Братченко, С.Н. 1976: *Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Периодизация и хронология памятников*. Киев
- Брюсов, А.Я. 1951: Свайное поселение Модлона и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. В кн.: М.Е. Фосс (ред.), *Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере европейской части СССР* (МИА 20). М.–Л., 7–76.
- Брюсов, А.Я.: 1952: *Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху*. М.
- Вадецкая, Э.Б. 2012: Могильник Малые Копены II. В сб.: Н.Ф. Степанова (ред.), *Афанасьевский сборник 2*. Барнаул, 85–102.
- Відейко, М.Ю. (ред.) 2004: *Енциклопедія трипільської цивілізації*. Т. 1–2. Київ.
- Гак, Е.И. 2011: *Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи*. М.
- Герасимов, М.М., Черных, Е.Н. 1975: Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. В сб.: А.М. Мандельштам (ред.), *Первобытная археология Сибири*. Л., 23–48.

⁸⁹ Furumark, 1941. P. 23. Fig. 4; Furumark 1992, pl. 31

⁹⁰ Courtois 1981, fig. 138, 246–249.

- Гласко, М.П., Фоломеев, Б.А. 1996: Черепки – археологический и природный феномен долины Оки. В сб.: И.В. Белоцерковская, В.П. Челяпов (ред.), *Археологические памятники Окского бассейна*. Рязань, 7–33.
- Городцов, В.А. 1901: *Русская доисторическая керамика*. М.
- Демиденко, С.В., Журавлев, Д.В., Трейстер, М.Ю. 1997: «Круглый курган» из раскопок В.Г. Тизенгаузена 1866 г. В сб.: С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев (ред.), *Древности Евразии*. М., 186–215.
- Дмитриев, П.А. 1938: Вторая Андреевская стоянка. В сб.: *Сборник статей по археологии СССР* (Тр. ГИМ 8). М., 93–110.
- Емельянов, А.В., Кашина, Е.А. 2005: Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области. *АО* за 2004 г. М., 129–130.
- Жуков, Б.С. 1929: Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. *Этнография* 1, 54–77.
- Журавлев, Д.В., Ильина, Т.А. 2006: Кипрские терракоты из коллекции А.С. Уварова в собрании ГИМ. В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной* (Тр. ГИМ 159). М., 259–279.
- Журавлев, Д.В., Фирсов, К.Б. 2013: Карьер для добычи глины (?) в районе поселения Голубицкая 2. В кн.: И.И. Марченко (ред.), *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции*. Краснодар, 123–128.
- Каверзнева, Е.Д., 2012: Погребение с ладьей-колыбелью из Шагарского могильника эпохи бронзы. В сб.: И.В. Белоцерковская (ред.), *Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой* (Тр. ГИМ 189). М., 57–63.
- Кашина, Е.А., Петрова, Н.Ю. 2021: Керамика каргопольского типа на Севере европейской части России в контексте современных представлений о раннем неолите лесной зоны русской равнины. В сб.: *Тверской археологический сборник* 12. Тверь, 334–344.
- Киселев, С.В. 1935: Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии. *СЭ* 4–5, 206–210.
- Киселев, С.В. 1937: Раскопки карасукского могильника на р. Бея в Хакасии летом 1936 г. *СА* 4, 324–326.
- Киселев, С.В. 1951: *Древняя история Южной Сибири*. М.
- Климкова, И.В. 1994: Ранненеолитическая керамика Средней Оки (технологические наблюдения). В сб.: Г.Ф. Полякова (ред.), *Древности Оки* (Тр. ГИМ 85), 20–26.
- Климкова, И.В. 1996: Одоевские фермы 1 (материалы погребений). В сб.: И.В. Белоцерковская, В.П. Челяпов (ред.), *Археологические памятники Окского бассейна*. Рязань, 33–53.
- Кореневский, С.Н., Петренко, В.Г. 1982: Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево. *СА* 2, 96–112.
- Крайнов, Д.А. 1960: *Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма* (МИА 91). М.
- Крайнов, Д.А. 1963: *Памятники фатьяновской культуры. Московская группа* (САИ В1–19). М.
- Крайнов, Д.А. 1996: Верхневолжская культура. В кн.: С.В. Ошибкина (отв. ред.), *Неолит Северной Евразии* (Археология). М., 166–173.
- Кривцова-Гракова, О.А., 1948: Алексеевское поселение и могильник. В сб.: *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 17). М., 57–172.
- Крижевская, Л.Я., 1977: *Раннебронзовое время в Южном Зауралье*. Л.
- Мерперт, Н.Я. 1958: Из древнейшей истории Среднего Поволжья. В сб.: *Труды Куйбышевской археологической экспедиции*. Т. II (МИА 61). М.
- Моммзен, Х., Журавлев, Д.В., Шлотцауер, У. 2016: Археометрические исследования происхождения керамики. В кн.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.) *Древние эллины*

- между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции. М., 90–93.
- Мошинская, В.И. 1957: Сузгун-II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. В сб.: Смирнов, А.П., Мошинская, В.И., Чернецов, В.Н., Золотарёва, И.М., *Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири* (МИА 58). М., 114–135.
- Мошинский, А.П. 2019: Керамический комплекс кобанского поселения Сауар в контексте кобано-колхидской культурно-исторической общности. *КСИА* 255, 153–168.
- Мунчаев, Р.М., Сариниди, В.И. 1963: Бамутские курганы эпохи бронзы. *КСИА* 98, 90–98.
- Окладников, А.П. 1950: *Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование*. Ч. I, II (МИА 18). М.–Л.
- Панасюк, Н.В. 2014: Курильницы могильника Зунда-Толга в Калмыкии. *Вестник РУДН. Серия Всеобщая история* 3, 85–101.
- Петрова, Н.Ю. 2008: Природная ориентация гончарного производства древних волосовцев. В сб.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров (ред.), *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. Т. I. М., 259–261.
- Петрова, Н.Ю. 2010: Орнаментация волосовской керамики как источник изучения истории поселения. В сб.: Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина (ред.), *Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения*. М., 107–116.
- Петрова, Н.Ю. 2012: Реконструкция волосовских гребенчатых и рамчатых орнаментов (по материалам поселения Великодворье I). В сб.: И.В. Белоцерковская (ред.), *Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой* (Тр. ГИМ 189). М., 51–56.
- Петрова, Н.Ю. 2014: Памятники афанасьевской культуры в собрании ГИМ. В сб.: Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина (ред.), *Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников* (Тр. ГИМ 201). М., 44–48.
- Петрова, Н.Ю. 2021: Технология изготовления керамики волосовской культуры (по материалам пос. Великодворья I). В сб.: *Тверской археологический сборник* 12. Тверь, 345–352.
- Пиотровский, Ю.Ю. (ред.) 2013: *Бронзовый век. Европа без границ. Каталог выставки*. СПб.
- Попова, Т.Б. 1960: Происхождение поздняяковской культуры. В сб.: В.П. Левашева (ред.), *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 37). М., 38–47.
- Попова, Т.Б. 1969: Допоздняяковские памятники в Окском бассейне. В сб.: В.П. Левашова (ред.), *Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г.* М., 64–73.
- Попова, Т.Б. 1988: Грунтовый могильник поздняяковской культуры под Рязанью. В сб.: С.В. Студзицкая (ред.), *Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии* (Тр. ГИМ 68). М., 101–137.
- Мазуркевич, А.Н., Кулькова, М.А., Долбунова, Е.В. (ред.) 2016: *Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э.* Смоленск.
- Раушенбах, В.М. 1956: *Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы* (Тр. ГИМ 29). М.
- Раушенбах, В.М. 1960: Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. В сб.: В.П. Левашева (ред.), *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 37). М., 28–37.
- Раушенбах, В.М. 1969: Стоянка Николо-Перевоз II на Дубне в Московской области. В сб.: В.П. Левашова (ред.), *Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г.* М., 80–93.
- Раушенбах, В.М. 1970: Племена льяловской культуры. В сб.: *Окский бассейн в эпоху камня и бронзы* (Тр. ГИМ 44). М., 35–78.

- Раушенбах, В.М. 1973: Неолитические племена бассейнов Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. В сб.: Н.Н. Гурина (ред.), *Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита* (МИА 172). Л., 152–158.
- Раушенбах, В.М. 1980: К вопросу о верхневолжской керамике в памятниках бассейна р. Дубны. В сб.: Т.Б. Попова, Д.Л. Талис, М.В. Фехнер, А.И. Шкурко (ред.), *История и культура Евразии по археологическим данным* (Тр. ГИМ 51). М., 15–24.
- Сарианиди, В.И. 1961: Энеолитическое поселение Геоксюр. В сб.: *Тр. ЮТАКЭ Х. Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана*. Ашхабад, 225–318.
- Студзицкая, С.В. 1971: Отражение этнических процессов в мелкой пластике древнейшего населения Севера Европейской части СССР. В сб.: С.М. Орешников, Т.Б. Попова, В.М. Раушенбах, А.П. Смирнов, М.В. Фехнер (ред.), *История и культура Восточной Европы по археологическим данным* (Тр. ГИМ 51). М., 23–45.
- Толстов, С.П. 1948: *Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*. М.
- Федорова-Давыдова, Э.А. 1960: Андроновское погребение XV–XIII вв. до н.э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры). В сб.: В.П. Левашева (ред.), *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 37). М., 56–59.
- Федорова-Давыдова, Э.А. 1970: Погребения эпохи бронзы могильника Пятимары I. В сб.: В.Г. Вержбицкий (ред.), *Ежегодник Государственного исторического музея 1965–1966*. М., 55–61.
- Фоломеев, Б.А., Чернай, И.Л. 1980: К вопросу о раннем ткачестве в лесной полосе Восточной Европы. В сб.: Т.Б. Попова, Д.Л. Талис, М.В. Фехнер, А.И. Шкурко (ред.), *История и культура Евразии по археологическим данным* (Тр. ГИМ 51). М., 49–52.
- Фосс, М.Е. 1952: *Древнейшая история севера Европейской части СССР* (МИА 29). М.
- Цветкова, И.К. 1953: Волосовские неолитические племена. В сб.: *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 22). М., 21–52.
- Цветкова, И.К. 1959: Стоянка Черная гора. *КСИИМК* 75, 114–122.
- Цветкова, И.К. 1960: Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залеского. В сб.: В.П. Левашева (ред.), *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 37). М., 48–55.
- Цветкова, И.К. 1973: Неолитические племена Рязанского течения Оки. В сб.: *Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита* (МИА 172). Л., 138–145.
- Цветкова, И.К. 1988: Волосовская стоянка. В сб.: С.В. Студзицкая (ред.), *Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии* (Тр. ГИМ 68). М., 86–100.
- Цветкова, И.К. 1993: Погребения на стоянке Володары. В сб.: С.В. Студзицкая (ред.), *Проблемы археологии Евразии* (Тр. ГИМ 74). М., 38–52.
- Цветкова, И.К., Кравцов А.Е. 1982: Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I. *СА* 2, 82–95.
- Цетлин, Ю.Б. 2008: *Неолит центра Русской равнины*. Тула.
- Чернецов, В.Н. 1953: *Древняя история Нижнего Приобья* (МИА 35). М.–Л.
- Шишлина, Н.И. 2004: Глиняные печати-штампы могильника Манджикины-1 в Калмыкии. *РА* 3, 136–143.
- Шишлина, Н.И. 2007: *Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.)* (Тр. ГИМ 165). М.
- Шишлина, Н.И., Цуцкин, Е.В., Фирсов, К.Б. 2001: Археологические исследования могильников Му-Шарет в Ики-Бурульском районе республики Калмыкия. В сб.: Е.В. Цуцкин, Н.И. Шишлина (ред.), *Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование*. М.–Элиста, 11–73.
- Attula, R., Dally, O., Huy, S., Larenok, P.A., Mommsen, H., Schlotzhauer, U., Žuravlev, D. 2014: Lokale Töpferwerkstätten am Nordpontos – Archäologische und archäometrische Untersuchungen zur Herkunftszuweisung der Keramikerzeugnisse aus der Don-Region und am

- Kimmerischen Bosphoros. In: N. Povalahev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov* (Altertümer Phanagoreias 3). Göttingen, 251–282.
- Dikaïos, P., Stewart, J.R.: 1962: *The Swedish Cyprus Expedition*. Vol. IV. Pt. IA. *The Stone Age and the Early Bronze Age in Cyprus*. Lund.
- Furumark, A. 1941: *The Mycenaean Pottery. Analysis and Classification*. Stockholm (Reprinted in 1972).
- Furumark, A. 1992: *Mycenaean Pottery III. Plates*. Stockholm.
- Karageorghis, V., Bukina, A., Collon, D., Diukov, Yu., Isaenko, N., Kunina, N., Neverov, O., Savelyev, Yu., Tugusheva, O., Zhuravlev, D. 2005: *Ancient Cypriot Art in Russian Museums. The State Historical Museum, Moscow. The Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. The State Hermitage Museum, St. Petersburg*. Nicosia.
- Karageorghis, V., Chamay, J., Chrzanowski, L., Decorouez, D., Zimmermann, J.-L. 2004: *Ancient Cypriot Art in the Musée D'Art et D'Histoire*. Geneva. Athens.
- Karageorghis, V., Rasmussen, B.B., Sørensen, L.W., Lund, J., Horsnæs Nielsen, A.M. 2001: *Ancient Cypriot Art in Copenhagen. The Collections of the National Museum of Denmark and the Ny Carlsberg Glyptotek*. Nicosia.
- Kashina, E., Petrova, N. 2019: The Kargopol type ceramics – the first pottery of the East European Plain Northern part? *Documenta Praehistorica* XLVI, 174–182.
- Mommsen, H., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. 2018: Determining the provenance of Archaic pottery imports from the settlement Golubitskaya 2 on the Taman peninsula. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции*. СПб., 286–291.
- Morris, D. 1985: *The Art of Ancient Cyprus: with a Check-List of the Author's Collection*. Oxford.
- Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D., Dan, A., Gehrke, H.-J., Kelterbaum, D., Mommsen, H. 2017: Interdisziplinäre Methoden in der Landschaftsarchäologie und andere archäometrische Untersuchungen am Beispiel der Griechischen Kolonisation im Nordpontus. В сб.: В.И. Молодин, С. Хансен (ред.), *Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. Материалы международного симпозиума «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы» (22–26 июня 2015 г., Новосибирск)*. Новосибирск, 392–404.
- Smith, A.H. 1925: *Corpus vasorum antiquorum. Great Britain. British Museum (Department of Greek and Roman Antiquities)* (Corpus vasorum antiquorum. Great Britain fasc. 1). London.
- Žuravlev, D., Demidenko, S., Treister, M. Yu. 1997: “Kruglij Kurgan”. Eine Gesamtvorlage des Materials aus den Grabungen des Barons V.G. von Tiesenhausen. *Eurasia Antiqua* 3, 409–435.
- Zupancich, S. 1997: *I vasi Ciprioti dell Età del Bronzo dei Civici Musei di Storia ed Arte di Trieste*. Trieste.

REFERENCES

- Agapov, S.A., Vasilyev, I.B., Pestrikov, V.I. 1990: *Khvalynskiy eneoliticheskiy mogil'nik [Khvalynsk Chalcolithic Necropolis]*. Saratov.
- Akimova, L.I., Kalinichev, D.A., Samar, O.Yu., Smolenkova, V.V. 2014: *Iskusstvo drevnego Kipra v sobranii GMII im. A.S. Pushkina [Art of Ancient Cyprus in the Pushkin Museum of Fine Arts]*. Moscow.
- Andreev, G.I. 1957: Poselenie Zaysanovka-I v Primor'e [Settlement of Zaysanovka-I in Primorye]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 2, 121–145.

- Andreev, G.I. 1960: Nekotorye voprosy kul'tur yuzhnogo Primor'ya III–I tys. do n.e. [Some issues of the cultures of Southern Primorye of the 3rd – 1st millennium BC]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 86. Moscow–Leningrad, 136–161.
- Andreev, G.I.: 1969. Arheologicheskie issledovaniya v Evenkii [Archaeological Research in Evenkia]. In: *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [The Origin of the Natives of Siberia and Their languages]. Tomsk, 188–190.
- Astashova, N.I., Belotserkovskaya, I.V., Gushchina, I.I., Kaverzneva, E.D., Moshinskiy, A.P. 1988: Katalog kollektsiy V.A. Gorodtsova [A catalogue of the V.A. Gorodtsov's collection]. In: S.V. Studzitskaya (ed.), *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoy arkheologii* [V.A. Gorodtsov's Heritage and Problems of Modern Archaeology] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum 68]). Moscow, 33–62.
- Attula, R., Dally, O., Huy, S., Larenok, P.A., Mommsen, H., Schlotzhauer, U., Žuravlev, D. 2014: Lokale Töpferwerkstätten am Nordpontos – Archäologische und archäometrische Untersuchungen zur Herkunftszuweisung der Keramikerzeugnisse aus der Don-Region und am Kimmerischen Bosporos. In: N. Povalachev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov* (Altertümer Phanagoreias 3). Göttingen, 251–282.
- Bader, O.N. 1962: *Balanovskij mogil'nik* [Balanovs Burial Ground]. Moscow.
- Bezrukov, M.G. 1998: Nekotorye tipologicheskie gruppy krasnolakovykh antichnykh pokrytiy (po rezul'tatam khimiko-tehnologicheskikh issledovaniy) [Some typological groups of antique red-slip coatings according to the results of chemical and technological studies]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika Severnogo Prichernomor'ya* [Hellenistic and Roman Pottery of the Northern Black Sea Coast] I (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum 102]). Moscow, 120–126.
- Bezrukov, M.G., Zhuravlev, D.V. 1998: Rezul'taty instrumental'nogo issledovaniya serii obraztsov antichnoy keramiki [Results of an instrumental study of a series of samples of ancient ceramics]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika Severnogo Prichernomor'ya* [Hellenistic and Roman Pottery of the Northern Black Sea Coast] I (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum 102]). Moscow, 107–119.
- Bratchenko, S.N. 1976: *Nizhnee Podon'e v epokhu sredney bronzy. Periodizatsiya i khronologiya pamyatnikov* [Lower Don in the Middle Bronze Age. Periodization and Chronology of Sites]. Kiev.
- Bryusov, A.Ya. 1951: Svaynoie poselenie Modlona i drugie stoyanki v Charozerskom rayone Vologodskoy oblasti [Pile settlement of Modlona and other sites in the Charozersk district of the Vologda region]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 20. Moscow, 7–76.
- Bryusov, A.Ya.: 1952: *Ocherki po istorii plemen evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu* [Essays on the History of Tribes of the European Part of the USSR in the Neolithic Age]. Moscow.
- Bzhaniya, V.V., Solov'yev, L.N. 1973: Raskopki poseleniya Kistrik [Excavations at the settlement of Kistrik]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1972 g.* [Archaeological Discoveries 1972]. Moscow, 3–8.
- Chernetsov, V.N. 1953: Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [Ancient History of the Lower Ob River Region]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 35. Moscow–Leningrad.
- Demidenko, S.V., Zhuravlev, D.V., Trejster, M.Yu. 1997: "Kruglyy kurgan" iz raskopok V.G. Tizengauzena 1866 g. ["Kruglyy kurgan" from the excavations by V.G. Tizengauzen in 1866].

- In: S.V. Demidenko, D.V. Zhuravlev (eds.), *Drevnosti Evrazii* [*Antiquities of Eurasia*]. Moscow, 186–215.
- Dikaïos, P., Stewart, J.R.: 1962: *The Swedish Cyprus Expedition*. Vol. IV. Pt. IA. *The Stone Age and the Early Bronze Age in Cyprus*. Lund.
- Dmitriev, P.A. 1938: Vtoraya Andreevskaya stoyanka [Second Andreevskaya site]. In: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [*Proceedings of the State Historical Museum*] 7. Moscow, 93–110.
- Emelyanov, A.V., Kashina, E.A. 2005: Raskopki poseleniya Velikodvor'e I v Shaturskom rayone Moskovskoy oblasti [Excavations at the settlement of Velikodvorye I in the Shatura district of the Moscow region]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 2004 g.* [*Archaeological Discoveries 2004*]. Moscow, 129–130.
- Fedorova-Davydova, E.A. 1960: Andronovskoe pogrebenie XV–XIII vv. do n.e. (K voprosu o periodizatsii andronovskoy kul'tury) [Andronovo burial of the 15th–13th centuries BC (Regarding of periodization of the Andronovo Culture)]. In: V.P. Levasheva (ed.), *Arkheologicheskii sbornik* [*Archaeological Miscellany*] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 37). Moscow, 56–59.
- Fedorova-Davydova, E.A. 1970: Pogrebeniya epokhi bronzy mogil'nika Pyatimary I [Bronze Age Burials of the Pyatimary I burial ground]. In: V.G. Verzhbitskiy (ed.), *Ezhegodnik Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 1965–1966* [*Yearbook of the State Historical Museum 1965–1966*]. Moscow, 55–61.
- Folomeev, B.A., Chernaj, I.L. 1980: K voprosu o rannem tkachestve v lesnoy polose Vostochnoy Evropy [Regarding of early weaving the forest zone of Eastern Europe]. In: T.B. Popova, D.L. Talis, M.V. Fekhnner, A.I. Shkurko (eds.), *Istoriya i kul'tura Evrazii po arkheologicheskim dannym* [*History and Culture of Eurasia according to the Archaeological Data*] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 51). Moscow, 49–52.
- Foss, M.E. 1952: *Drevneyshaya istoriya severa Evropeyskoy chasti SSSR* [*Ancient History of the North-European Part of the USSR*] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 29). Moscow.
- Furumark, A. 1941: *The Mycenaean Pottery. Analysis and Classification*. Stockholm (Reprinted in 1972).
- Furumark, A. 1992: *Mycenaean Pottery III. Plates*. Stockholm.
- Gak, E.I. 2011: *Poseleniya epokhi bronzy na severnoy okraïne donskoy lesostepi* [*Settlements of the Bronze Age on the Northern Outskirts of the Don Forest-Steppe*]. Moscow.
- Gerasimov, M.M., Chernykh, E.N. 1975: Raskopki Fofanovskogo mogil'nika v 1959 g. [Excavations at Fofanovskiy burial ground in 1959]. In: A.M. Mandelshtam (ed.), *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri* [*Prehistorical Archaeology of Siberia*]. Leningrad, 23–48.
- Glasko, M.P., Folomeev, B.A. 1996: Cherepki – arkheologicheskii i prirodnyy fenomen doliny Oki [Cherepki, an archaeological and natural phenomenon of the Oka Valley]. In: I.V. Belotserkovskaya, V.P. Chelyapov (eds.), *Arkheologicheskie pamyatniki Okskogo Bassejna* [*Archaeological Sites of the Oka River Basin*]. Ryazan, 7–33.
- Gorodtsov, V.A. 1901: *Russkaya doistoricheskaya keramika* [*Russian Prehistorical Pottery*]. Moscow.
- Karageorghis, V., Bukina, A., Collon, D., Diukov, Yu., Isaenko, N., Kunina, N., Neverov, O., Savel'yev, Yu., Tugusheva, O., Zhuravlev, D. 2005: *Ancient Cypriot Art in Russian Museums. The State Historical Museum, Moscow. The Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. The State Hermitage Museum, St. Petersburg*. Nicosia.
- Karageorghis, V., Chamay, J., Chrzanowski, L., Decorouez, D., Zimmermann, J.-L. 2004: *Ancient Cypriote Art in the Musée D'Art et D'Histoire, Geneva*. Athens.

- Karageorghis, V., Rasmussen, B.B., Sørensen, L.W., Lund, J., Horsnæs Nielsen, A.M. 2001: *Ancient Cypriote Art in Copenhagen. The Collections of the National Museum of Denmark and the Ny Carlsberg Glyptotek*. Nicosia.
- Kashina, E., Petrova, N. 2019: The Kargopol type ceramics – the first pottery of the East European Plain Northern part? *Documenta Praehistorica* XLVI, 174–182.
- Kashina, E.A., Petrova, N.Yu. 2021: Keramika kargopol'skogo tipa na Severe evropeyskoj chasti Rossii v kontekste sovremennykh predstavleniy o rannem neolite lesnoy zony russkoy ravniny [Pottery of the Kargopol type in the North of the European part of Russia in the context of modern ideas about the early Neolithic of the forest zone of the Russian plain]. In: *Tverskoy arheologicheskij sbornik [Tver Archaeological Miscellany]* 12. Tver, 334–344.
- Kaverzneva, E.D., 2012: Pogrebenie s lad'ey-kolybel'yu iz Shagarskogo mogil'nika epokhi bronzy [Burial with a boat-cradle in the Shagara burial ground of the Bronze Age]. In: I.V. Belotserkovskaya (ed.), *Obrazy vremeni. Iz istorii drevnego iskusstva. K 80-letiyu S.V. Studzitskoy [Images of Time. From the History of Ancient Art. To the 80th Anniversary of S.V. Studzitskaya]* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 189). Moscow, 57–63.
- Kiselev, S.V. 1935: Andronovskie pamyatniki bliz s. Ust'-Erba v Khakasii [Andronovo sites near the village of Ust-Erba, Khakassia]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]* 4–5, 206–210.
- Kiselev, S.V. 1937: Raskopki karasukskogo mogil'nika na r. Beya v Khakasii letom 1936 g. [Excavations at the Karasuk burial ground on the river Beya in Khakassia in the summer of 1936]. *Sovetskaya arkhologiya [Soviet Archaeology]* 4, 324–326.
- Kiselev, S.V. 1951: *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri [Ancient History of Southern Siberia]*. Moscow.
- Klimkova, I.V. 1994: Ranneneoliticheskaya keramika Sredney Oki (tekhnologicheskie nablyudeniya). [Early Neolithic pottery of the Middle Oka River (technological observations)]. In: G.F. Polyakova (ed.), *Drevnosti Oki [Antiquities of the Oka River]* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 85). Moscow, 20–26.
- Klimkova, I.V. 1996: Odoevskie fermi 1 (materialy pogrebeniy) [Odoevskie fermi 1: materials from burials]. In: I.V. Belotserkovskaya, V.P. Chelyapov (ed.), *Arkheologicheskie pamyatniki Okskogo basseyna [Archaeological Sites of the Oka Basin]*. Ryazan, 33–53.
- Korenevskiy, S.N., Petrenko, V.G. 1982: Kurgan maykopskoy kul'tury u poselka Inozemtsevo [Burial mound of the Maykop Culture near the village of Inozemtsevo]. *Sovetskaya arkhologiya [Soviet Archaeology]* 2, 96–112.
- Kraynov, D.A. 1960: *Peshchernaya stoyanka Tash-Air I kak osnova periodizatsii poslepal-eoliticheskikh kul'tur Kryma [Tash-Air I Cave Site as the Basis for the Periodization of the Post-Paleolithic Cultures of Crimea]* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 91). Moscow.
- Kraynov, D.A. 1963: *Pamyatniki fat'yanovskoy kul'tury. Moskovskaya gruppa [Sites of Fatyanovo Culture. Moscow Group]* (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] VI–19). Moscow.
- Kraynov, D.A. 1996: Verkhnevolzhskaya kul'tura [Upper Volga culture]. In: S.V. Oshibkina (ed.), *Neolit Severnoy Evrazii. Arkheologiya [Neolithic of Northern Eurasia. Archaeology]*. Moscow, 166–173.
- Krivtsova-Grakova, O.A., 1948: Alekseevskoe poselenie i mogil'nik [Alekseevskoe settlement and burial ground]. In: *Arheologicheskij sbornik [Archaeological Miscellany]* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 17). Moscow, 57–172.
- Krizhevskaya, L.Ya., 1977: *Rannebronzovoe vremya v Yuzhnom Zaural'e [Early Bronze Age in the Southern Trans-Urals]*. Leningrad.

- Mazurkevich, A.N., Kulkova, M.A., Dolbunova, E.V. (eds.) 2016: *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n.e.* [Radiocarbon Neolithic Chronology of Eastern Europe of the 7th – 3rd millenniums BC]. Smolensk.
- Merpert, N.Ya. 1958: *Iz drevneyshey istorii Srednego Povolzh'ya* [From the Earliest History of the Middle Volga River Region] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 61). Moscow.
- Mommsen, H., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. 2018: Determining the provenance of Archaic pottery imports from the settlement Golubitskaya 2 on the Taman peninsula. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World. Materials of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 286–291.
- Mommsen, H., Zhuravlev, D.V., Schlotzhauer, U. 2016: Arheometricheskie issledovaniya proiskhozhdeniya keramiki [Archaeometric studies of the origin of ceramics]. In: D.V. Zhuravlev, U. Schlotzhauer (ed.), *Drevnie elliny mezhdru Pontom Evksinskim i Meotidoy. K 10-letiyu Bosporskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Ancient Greeks between Pontus Euxinus and the Maeotis. To the 10th Anniversary of the Bosporan Archaeological Mission]. Moscow, 90–93.
- Morris, D. 1985: *The Art of Ancient Cyprus: with a Check-List of the Author's Collection*. Oxford.
- Moshinskaya, V.I. 1957: Suzgun-II – pamyatnik epokhi bronzy lesnoy polosy Zapadnoy Sibiri [Suzgun-II, a site of the Bronze Age in the forest zone of Western Siberia]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 58. Moscow, 114–135.
- Moshinskiy, A.P. 2019: Keramicheskiy kompleks kobanskogo poseleniya Sauar v kontekste kobano-kolhidskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [Ceramic complex of the Koban settlement Sauar in the context of the Koban-Colchis cultural and historical community]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 255. Moscow, 153–168.
- Munchaev, R.M., Sarianidi, V.I. 1963: Bamutskie kurgany epokhi bronzy. [Bamut burial mounds of the Bronze Age]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 98. Moscow, 90–98.
- Okladnikov, A.P. 1950: *Neolit i bronzovyy vek Pribajkal'ya. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie* [Neolithic and Bronze Age of the Baykal Region. Historical and Archaeological Studies]. Pt. I, II (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 18). Moscow–Leningrad.
- Panasyuk, N.V. 2014: Kuril'nitsy mogil'nika Zunda-Tolga v Kalmykii [Incense-burners at the Zunda-Tolga burial ground, Kalmykia]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Vseobshchaya istoriya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. World History Series] 3. Moscow, 85–101.
- Petrova, N.Yu. 2008: Prirodnaya orientatsiya goncharnogo proizvodstva drevnikh volosovtsev [Natural orientation of the pottery production of the ancient Volosovo tribes]. In: *Trudy II(XVIII) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Suzdale* [Proceedings of the II(XVIII) of the All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Vol. I. Moscow, 259–261.
- Petrova, N.Yu. 2010: Ornamentatsiya volosovskoy keramiki kak istochnik izucheniya istorii poseleniya [Ornamental pattern of the Volosovo ceramics as a source for studying the history of the settlement]. In: Yu.B. Tsetlin, N.P. Salugina (eds.), *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya* [Ancient Pottery-making: Results and Prospects of Study] Moscow, 107–116.

- Petrova, N.Yu. 2012: Rekonstruktsiya volosovskikh grebenchatykh i ramchatykh ornamentirov (po materialam poseleniya Velikodvor'e I) [Reconstruction of the Volosovo comb and frame decorative patterns (based on the materials of the Velikodvorye I settlement). In: I.V. Belotserkovskaya (ed.), *Obrazy vremeni. Iz istorii drevnego iskusstva. K 80-letiyu S.V. Studzitskoy* [Images of Time. From the History of Ancient Art. To the 80th Anniversary of S.V. Studzitskaya] 189. Moscow, 51–56.
- Petrova, N.Yu. 2014: Pamyatniki afanas'evskoy kul'tury v sobranii GIM. In: D.V. Zhuravlev, N.I. Shishlina (eds.), *Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey i otechestvennaya arkheologiya. K 100-letiyu otдела arkheologicheskikh pamyatnikov* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 201). Moscow, 44–48.
- Petrova, N.Yu. 2021: Tekhnologiya izgotovleniya keramiki volosovskoy kul'tury (po materialam pos. Velikodvor'ya I) [Technology for pottery-making of the Volosovo Culture (based on materials from the settlement of Velikodvorye I). In: *Tverskoy arheologicheskii sbornik* [Tver Archaeological Miscellany] 12. Tver, 345–352.
- Piotrovskiy, Yu.Yu. (Hrsg) 2013: *Bronzezeit. Europa ohne Grenzen. Katalog zur Ausstellung* Saint Petersburg.
- Popova, T.B. 1960: Proiskhozhdenie pozdnyakovskoy kul'tury [Origin of the Pozdnyakovo Culture]. In: V.P. Levasheva (ed.), *Arkheologicheskii sbornik* [Archaeological Miscellany] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 37). Moscow, 38–47.
- Popova, T.B. 1969: Dopozdnyakovskie pamyatniki v Okskom bassejne [Pre-Pozdnyakovo sites in the Oka River basin]. In: V.P. Levashova (ed.), *Ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Expeditions of the State Historical Museum]. Moscow, 64–73.
- Popova, T.B. 1988: Gruntovyy mogil'nik pozdnyakovskoy kul'tury pod Ryazan'yu [The burial ground of the Pozdnyakovo Culture near Ryazan]. In: S.V. Studzitskaya (ed.), *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoy arkheologii* [V.A. Gorodtsov's Heritage and Problems of Modern Archaeology] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 68). Moscow, 101–137.
- Raushenbakh, V.M. 1956: Srednee Zaural'e v epokhu neolita i bronzy [The Middle Trans-Urals in the Neolithic and Bronze Ages] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 29). Moscow.
- Raushenbakh, V.M. 1960: Fat'yanovskoe pogrebenie na neoliticheskoy stoyanke Nikolo-Perevoz [A Fatyanovo burial at the Neolithic site of Nikolo-Perevoz]. In: V.P. Levasheva (ed.), *Arkheologicheskii sbornik* [Archaeological Miscellany] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 37). Moscow, 28–37.
- Raushenbakh, V.M. 1969: Stoyanka Nikolo-Perevoz II na Dubne v Moskovskoy oblasti [Site of Nikolo-Perevoz II on Dubna in the Moscow region]. In: V.P. Levashova (ed.), *Ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Expeditions of the State Historical Museum]. Moscow, 80–93.
- Raushenbakh, V.M. 1970: Plemena l'yalovskoy kul'tury [Tribes of the Lyalovo Culture]. In: Okskiy bassejn v epokhu kamnya i bronzy (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 44). Moscow, 35–78.
- Raushenbakh, V.M. 1973: Neoliticheskie plemena basseynov Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [Neolithic tribes of the basins of the Upper Volga River region and the Volga-Oka Rivers interfluvium]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 172. Moscow, 152–158.
- Raushenbakh, V.M. 1980: K voprosu o verkhnevolzhskoy keramike v pamyatnikakh bassejna r. Dubny [Regarding of the Upper Volga River ceramics in the sites of the basin of the Dubna River]. In: T.B. Popova, D.L. Talis, M.V. Fekhnner, A.I. Shkurko (eds.), *Istoriya i kul'tura Evrazii po arkheologicheskim dannym* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 51). Moscow, 15–24.

- Sarianidi, V.I. 1961: Eneoliticheskoe poselenie Geoksyur [Eneolithic settlement of Geoksyur]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmeniskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South-Turkmenistan Archaeological Complex Mission] X. Ashkhabad, 225–318.
- Schlotzhauer, U., Žuravlev, D., Dan, A., Gehrke, H.-J., Kelterbaum, D., Mommsen, H. 2017: Interdisziplinäre Methoden in der Landschaftsarchäologie und andere archäometrische Untersuchungen am Beispiel der Griechischen Kolonisation im Nordpontos. In: V.I. Molodin, S. Hansen (eds.), *Mul'tidisciplinarnye metody v arkheologii: noveyshie itogi i perspektivy. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Mul'tidisciplinarnye metody v arkheologii: noveyshie itogi i perspektivy" (22–26 iyunya 2015 g., Novosibirsk)* [Multidisciplinary Methods in Archaeology: Newest Results and Perspectives. Proceedings of the International Symposium "Multidisciplinary Methods in Archaeology: Newest Results and Prospects" (June 22–26, 2015, Novosibirsk)]. Novosibirsk, 392–404.
- Shishlina, N.I. 2004: Glinyanye pechaty-shtampy mogil'nika Mandzhikiny-1 v Kalmykii [Clay seals-stamps of the Mandzhikiny-1 burial ground, Kalmykia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 136–143.
- Shishlina, N.I. 2007: Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tys. do n.e.) [North-Western Caspian in the Bronze Age (5th – 3rd millenniums BC)] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 165). Moscow.
- Shishlina, N.I., Tsutskin, E.V., Firsov, K.B. 2001: Arkheologicheskie issledovaniya mogil'nikov Mu-Sharet v Iki-Burul'skom rayone respubliki Kalmykiya [Archaeological study of the Mu-Sharet burial grounds in the Iki-Burul'sky district of the Republic of Kalmykia]. In: E.V. Tsutskin, N.I. Shishlina (eds.), *Mogil'niki Mu-Sharet v Kalmykii: kompleksnoe issledovanie* [Mu-Sharet burial grounds in Kalmykia: a comprehensive study]. Moscow–Elista, 11–73.
- Smith, A.H. 1925: *Corpus vasorum antiquorum. Great Britain. British Museum (Department of Greek and Roman Antiquities)* (Corpus vasorum antiquorum. Great Britain fasc. 1). London.
- Studzitskaya, S.V. 1971: Otrazhenie etnicheskikh processov v melkoy plastike drevneyshego naseleniya Severa Evropeyskoy chasti SSSR [Reflection of ethnic processes in the small plastic art of the ancient population of the North European Part of the USSR]. In: S.M. Oreshnikov, T.B. Popova, V.M. Raushenbakh, A.P. Smirnov, M.V. Fekhnner (eds.), *Istoriya i kul'tura Vostochnoy Evropy po arkheologicheskim dannym* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 51). Moscow, 23–45.
- Tolstov, S.P. 1948: *Drevniy Khorezm. Opyt istoriko-kul'turnogo issledovaniya* [Ancient Khorezm. Experience of historical and archaeological research]. Moscow.
- Tsetlin, Yu.B. 2008: *Neolit centra Russkoj ravniny* [Neolithic of the Center of the Russian Plain]. Tula.
- Tsvetkova, I.K. 1953: Volosovskie neoliticheskie plemena [Volosovo Neolithic Tribes]. In: *Arkheologicheskij sbornik* [Archaeological Miscellany] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 22). Moscow, 21–52.
- Tsvetkova, I.K. 1959: Stoyanka Chernaya gora [Chernaya Gora site]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture] 75. Moscow, 114–122.
- Tsvetkova, I.K. 1960: Novyy pamyatnik volosovskoy kul'tury bliz g. Pereslavl'ya-Zalesskogo [A new site of the Volosovo Culture near Pereslavl'-Zalessky]. In: V.P. Levasheva (ed.), *Arkheologicheskij sbornik* [Archaeological Miscellany] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 37). Moscow, 48–55.
- Tsvetkova, I.K. 1973: Neoliticheskie plemena Ryazanskogo techeniya Oki [Neolithic tribes of the Ryazan current of the Oka River]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 172. Leningrad, 138–145.

- Tsvetkova, I.K. 1988: Volosovskaya stoyanka [Volosovo site]. In: S.V. Studzitskaya (ed.), *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoy arkheologii* [V.A. Gorodtsov's Heritage and Problems of Modern Archaeology] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum 68]). Moscow, 86–100.
- Tsvetkova, I.K. 1993: Pogrebeniya na stoyanke Volodary [Burials at the Volodary site]. In: S.V. Studzitskaya (ed.), *Problemy arkheologii Evrazii* [Problems of Eurasia Archaeology] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 74). Moscow, 38–52.
- Tsvetkova, I.K., Kravtsov, A.E. 1982: Keramika neoliticheskoy stoyanki Vladychinskaya-Beregovaya I [Pottery of the Neolithic site of Vladychinskaya-Beregovaya I]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 82–95.
- Vadetskaya, E.B. 2012: Mogil'nik Malye Kopeny II [Burial ground of Malye Kopeny]. In: N.F. Stepanova (ed.), *Afanas'evskiy sbornik* [Afanasyev Miscellany] 2. Barnaul, 85–102.
- Videiko, M.Yu. (ed.) 2004: *Enzikloedia trpil'skoi tsivilizatsii* [Encyclopedia of Trypillia Civilization]. Kiev.
- Zhukov, B.S. 1929: Teoriya khronologicheskikh i territorial'nykh modifikatsiy nekotorykh neoliticheskikh kul'tur Vostochnoy Evropy po dannym izucheniya keramiki [The theory of chronological and territorial modifications of some Neolithic cultures of Eastern Europe according to the study of ceramics]. *Etnografiya* [Ethnography] 1, 54–77.
- Žuravlev, D., Demidenko, S., Treister, M. Yu. 1997: “Kruglij Kurgan”. Eine Gesamtvorlage des Materials aus den Grabungen des Barons V.G. von Tiesenhausen. *Eurasia Antiqua* 3, 409–435.
- Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. 2013: Kar'er dlya dobychi gliny (?) v rayone poseleniya Golubitskaya 2 [A quarry for the extraction of clay (?) near the settlement of Golubitskaya 2]. In: I.I. Marchenko (ed.), *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Materialy konferentsii* [Sixth International Kuban Archaeological Conference. Abstracts and Papers]. Krasnodar, 123–128.
- Zhuravlev, D.V., Ilyina, T.A. 2006: Kiprskie terrakoty iz kollektsii A.S. Uvarova v sobranii GIM [Cypriot terracotta figurines from the collection of A.S. Uvarov in the State Historical Museum]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Pamyati N.P. Sorokinoy* [North Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages. In memory of N.P. Sorokina] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 159). Moscow, 259–279.
- Zupancich, S. 1997: *I vasi Ciprioti dell Età del Bronzo dei Civici Musei di Storia ed Arte di Trieste*. Trieste.

CERAMICS IN THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS
OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM (A BRIEF OVERVIEW).
PART I. NEOLITHIC AND BRONZE AGE

Denis V. Zhuravlev¹, Natalia Yu. Petrova²

¹ State Historical Museum, Moscow, Russia

² Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ E-mail: denzhuravlev@mail.ru ² E-mail: petrovanatalya7@mail.ru

This is an overview of the collection of Neolithic and Bronze Age ceramics in the Department of Archaeology of the State Historical Museum (Moscow). This is the first of three papers that

give a general description of the ceramic collection in one of the largest museums of Russia. The paper briefly reviews the main ceramic finds of the 6th – 2nd millenniums BC from the territory of Eastern Europe, Trans-Urals and Siberia, as well as from Cyprus, stored in the Museum. The collection has been formed since the founding of the State Historical Museum and continues to grow to this day.

Keywords: Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, pottery, State Historical Museum (Moscow)

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2023), 299–311
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 299–311
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-299–311

АМФОРНЫЕ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗДАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

С.Ю. Монахов¹, Е.В. Кузнецова², Н.Б. Чурекова³

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

¹ E-mail: monachsj@mail.ru ² E-mail: ev_kuznetsova@list.ru ³ E-mail: nat-churekova@list.ru

¹ ORCID: 0000-0001-8098-828X ² ORCID: 0000-0002-1461-2070

³ ORCID: 0000-0001-8531-1032

В статье подводятся итоги работы над проектом по публикации амфорных коллекций музеев России. За 8 лет были обработаны собрания крымских музеев (Керченский, Херсонесский, Евпаторийский, Феодосийский, Ялтинский, музей Тавриды и музей-заповедник «Калос Лимен»), Государственного Эрмитажа, ГМИИ им. А.С. Пушкина и Краснодарского музея. За эти годы было издано 6 музейных каталогов, создана уникальная Интернет-база «Греческие амфоры (VII–II вв. до н.э.) с северных берегов Понта – АРЕ» (are.sgu.ru). Всего, на сегодняшний день опубликовано и введено в научный оборот 1544 амфоры и 217 комплексов, содержащих две или более амфоры и иной античный импорт. Активно продолжается работа над публикацией коллекций крымских музеев, на 2023 г. запланировано издание собрания Ялтинского историко-литературного музея.

Ключевые слова: археология, музейные коллекции, каталоги амфор, интернет-база данных по амфорам

На протяжении последних 30 лет в рамках работы кафедры истории древнего мира, а в последние 15 лет и Института археологии и культурного наследия СГУ активно развивалось археологическое источниковедение, которое получало грантовую поддержку различных иностранных и отечественных государственных (РФФИ, РГНФ, РНФ, Минобрнауки), а также некоммерческих фондов «Киммериды», «Вольное дело» и др.¹ Все эти годы коллектив целенаправленно работал над крайне востребованной задачей по обработке амфорных коллекций музейных собраний России.

Данные об авторах. Сергей Юрьевич Монахов – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира Института истории и международных отношений, руководитель Института археологии и культурного наследия СГУ им. Н.Г. Чернышевского; Елена Владимировна Кузнецова – кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия СГУ им. Н.Г. Чернышевского; Наталия Борисовна Чурекова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и культурного наследия СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ № FSRR-2023-0006.

¹ <https://www.sgu.ru/person/monahov-sergey-yurevich#>. Дата обращения 22.05.2023.

Данная категория источника обладает целым рядом преимуществ. Во-первых, узнаваемостью, типологическим сходством, т.е. набором ярких морфологических признаков, что позволяет не только определить регион изготовления сосуда, но и установить его датировку. Во-вторых, наличием разработанных хронологических схем эволюции амфор большинства производственных центров. В-третьих, присутствием амфорных фрагментов на всех без исключения античных памятниках. Являясь основным средством для транспортировки жидких (и не только) товаров, амфоры распространялись на значительные расстояния.

Очевидно, что именно амфорный материал предоставляет исключительную возможность через создание детальных типологических и хронологических классификаций тары различных центров выявить динамику и направления торговых связей².

Цель нашего проекта – обращение к амфорным материалам, накопленным за более чем двести лет раскопок и хранящимся в десятках музеев страны. Основная масса исследователей попросту не имеет возможности работать с музейными коллекциями, поскольку получение разрешения и доступ к экспонатам зачастую сопряжены с большими трудностями. Это связано как с политикой музеев в целом, так и с характером отдельных сотрудников. В итоге мы имеем парадоксальную ситуацию – предметы, обнаруженные во время раскопок еще в первой половине XIX в., до сих пор ни разу не публиковались!

За последние 7 лет (с 2015 по 2022 гг.) мы смогли обработать амфорные коллекции наиболее крупных музейных собраний России, в результате чего удалось подготовить и издать 6 крупных коллективных монографий, в которых опубликованы крупнейшие в России античные амфорные коллекции Керченского (2016 г.), Херсонесского (2017 г.) музеев, Эрмитажа (2018 г.), ГМИИ им. А.С. Пушкина (2020 г.) и Краснодарского музея (2021 и 2022 гг.)³. Кроме основного авторского коллектива в отдельных изданиях участвовали сотрудники музеев или авторы раскопок (Н.Ф. Федосеев, Д.Е. Чистов, В.П. Толстиков, Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко). В общей сложности была проведена аналитическая обработка 1544 амфор, а также множества образцов расписной и чернолаковой керамики, стеклянных изделий и т.п. В научный оборот введена информация о 217 керамических комплексах, включавших несколько амфор и другой импорт. Большая часть материалов была опубликована впервые. Обработка и издание такого массива керамических комплексов и отдельных амфор уникальны для мировой практики.

Работа с разнообразными музейными коллекциями в очередной раз продемонстрировала важность и необходимость создания каталогов определенных категорий материалов. Особенно это актуально для предметов античной эпохи, что вызвано несколькими факторами. Во-первых, на протяжении длительного периода огромное число находок с памятников Северного Причерноморья попадало в центральные музеи страны – Государственный Эрмитаж, ГИМ и ГМИИ. Даже после создания местных музеев в Керчи, Феодосии, Севастополе и т.д. в столичные хранилища вывозились целые коллекции с различных археологических раскопок. Только в 1993 г. был принят закон, обязывающий сдавать археологические коллекции в местные музейные собрания. В связи с этим находки из раскопок одного

² Монахов 2003, 7 сл.; Monakhov, Kuznetsova 2017, 59 ff.; Lawall, Tzochew 2020, 117 ff.

³ Монахов и др. 2016; 2017; 2018; 2019; 2020; 2021; 2022.

объекта истории и культуры могут находиться в нескольких фондохранилищах, что значительно затрудняет работу исследователей. Во-вторых, нам приходилось сталкиваться с ситуацией, когда в разных музеях оказывались предметы не только с одного памятника, но и с одного комплекса! К примеру, амфора «круга Фасоса» из могилы № 69 некрополя Ольвии, исследовавшейся в 1901 г. Б.В. Фармаковским, хранится в настоящее время в Эрмитаже, а чернолаковый болсал из этого же погребения был сдан в ГИМ⁴.

Третий фактор, на котором следует остановиться подробнее: утрата паспортных данных отдельных предметов и путаница в учетной документации. Очевидно, что данное обстоятельство не только значительно затрудняет работу с музейными предметами, но и в целом ряде случаев обесценивает научную значимость вещей. Это связано не только с непрофессиональной работой сотрудников музеев. Многие документы (и экспонаты) погибли или были утрачены во время Великой Отечественной войны. Потере шифров (да и самих предметов) способствовали ужасающие условия хранения коллекций, в силу элементарного отсутствия подходящих помещений. Разумеется, ситуация с паспортами предметов в музеях не одинакова. Для Эрмитажа, Керчи и музея-заповедника «Херсонес Таврический» характерно практически идеальное состояние шифров и документации. Чего нельзя сказать, к примеру, о коллекции Краснодарского музея. Работа с ней показала, что практически у трети сосудов отсутствует информация о происхождении. В настоящее время хранители музея пытаются восполнить этот пробел и по возможности восстановить паспорта предметов.

В некоторых случаях выяснить условия и обстоятельства происхождения амфор помогла скрупулезная работа с учетной документацией. Наиболее ярким примером здесь служит комплекс материалов из раскопок «Старшего» кургана группы «Три брата». В 2008 г. вышла монография, посвященная детальному анализу комплексов курганов этой группы. В ней, при описании материалов из «Старшего» кургана авторам удалось идентифицировать лишь одну амфору из центральной гробницы. Для остальных указано, что они в Керченском музее не обнаружены⁵. Вместе с тем, в фондах музея находятся все амфоры из этого кургана. Две из них, кинидские, в развале лежат в витрине, а в инвентарных номерах гераклейской амфоры была путаница, что не позволило авторам связать ее с комплексом. Установить принадлежность предметов удалось сотруднику музея, нашему соавтору Н.Ф. Федосееву⁶.

Еще более запутанная ситуация, также связанная с коллекцией Керченского музея, сложилась с материалами кургана «Змеиный». В фондах хранятся пять сосудов из тризны кургана и одно клеймёное горло. Еще пять амфор Н.Ф. Федосееву удалось зафиксировать в частной коллекции В. Чернова⁷. На этом история не закончилась, во время работы в фондах Центрального музея Тавриды (г. Симферополь), наше внимание привлекла пепаретская амфора, имеющая очень близкие морфологические характеристики с сосудами из керченской коллекции. Её метрические параметры практически идентичны описанным выше. В книге по-

⁴ Монахов и др. 2019, 167.

⁵ Трейстер 2008, 69 сл.; Монахов и др. 2016, 25, 56, 101.

⁶ Федосеев 2009, 448.

⁷ Монахов и др. 2016, 40–41, рис. 3, 4.

ступлений записано, что амфора была принесена в дар учеником первого класса Д.Ю. Полкановым в 1976 г. и происходит из раскопок кургана на Юз-Обе⁸. На наш взгляд, вероятность того, что сосуд происходит из рассматриваемого комплекса, очень велика.

Установить происхождение сосудов в отдельных случаях помогают и научные отчеты об археологических исследованиях. Так, при работе с коллекцией Краснодарского музея удалось идентифицировать практически все амфоры из раскопок А.З. Аптекаревым меотского некрополя у хут. Ленина. Неоценимую помощь в процессе установления конкретных сосудов нам оказал хранитель коллекции В.В. Бойцов, т.к. в отчетах содержались технические ошибки и в отдельных случаях изображения амфор из разных погребений дублировались.

Самая представительная коллекция амфор хранится в Краснодарском музее 673 экз., из них 324 происходят из Прикубанского некрополя, эти материалы составляют 43,7 % от общего количества амфор, представленных в шести монографиях на сегодняшний день. На втором месте – собрание Государственного Эрмитажа – 312 экз. (20,2 %), затем Керченский (242 экз., 15,7 %), Херсонесский музей (213 экз., 13,8 %) и ГМИИ (104 экз., 6,7 %) (рис. 3).

По центрам производства амфоры распределяются следующим образом: с большим отрывом лидирует Гераклея Понтийская – 313 экз. (20,3 %), затем следует Фасос – 167 экз. (10,8 %), Хиос – 158 экз. (10,2 %) и Менда 143 экз. (9,2 %). Остальные центры производители керамической тары сильно уступают по количеству амфор. Единичными экземплярами представлены сосуды Амастрии (рис. 1, 2), Колофона (рис. 1, 2), неустановленных центров «круга Менды» (рис. 1, 3) и «круга Родоса» (рис. 1, 4), Эгио (рис. 1, 5), неустановленного пунийского центра (рис. 1, 6), греко-италийская (рис. 1, 7) и римская (рис. 1, 8) амфоры. Часть из них попала в музейные собрания через дарения или приобретения⁹, а часть происходит с памятников Северного Причерноморья. В «наших краях» они являются редкими находками и зачастую целыми формами представлены в единственном экземпляре. Конечно, делать какие-то статистические расчеты исходя из одного экземпляра невозможно, но общую картину по набору центров-экспортеров керамической тары такие находки дополняют.

В целом же музейные коллекции в той или иной мере отражают характер торговых связей греческих полисов и варварских племен Северного Причерноморья. К примеру, 189 амфор из нашей выборки относится к V в. до н.э. – это 12,2 % от общего количества. И в этом пласте безоговорочным лидером является Хиос – 78 экз. (41,2 %), на втором месте находится продукция Фасоса – 42 экз. (22,2 %). Эти данные хорошо соотносятся с теми, что мы получаем при исследовании археологических памятников Причерноморья. В VI в. до н.э. Хиос также занимает лидирующие позиции по импорту – 30,2 %. При этом обращает на себя внимание очень небольшое количество в музейных коллекциях хиосских амфор эллинистического времени, что лишний раз подтверждает сделанный ранее вывод о резком сокращении хиосского экспорта в Причерноморье¹⁰, начиная с конца IV в. до н.э.

⁸ Монахов и др. 2016, 41, рис. 4, 2.

⁹ В этой связи весьма любопытна история римской амфоры, хранящейся в ГМИИ (Монахов 2020, 306–310).

¹⁰ Монахов 2003, 23.

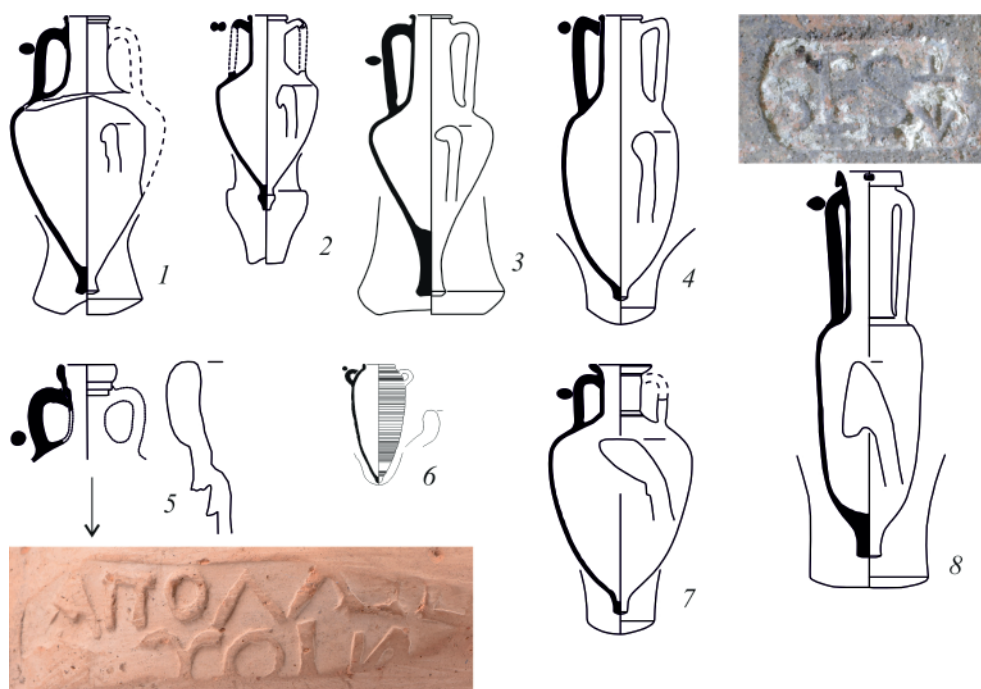

Рис. 1. Редкие амфоры из музейных коллекций. 1 – Амастрий (КМ, 11600/1919); 2 – Колофон (ГЭ, ПН.-87); 3 – «круг Менды» (ВКИКМЗ, ККТ 985); 4 – «круг Родоса» (КМ, 12094/389); 5 – Эгио (ГЭ, НФ.50-160); 6 – пунийская (ГИАМЗХТ, 23/37066); 7 – греко-италийская (КМ, 11600/2270); 8 – римская (ГМИИ, II 16 1344)

0	1	2	cm
0	4	8	cm
0	20	40	cm

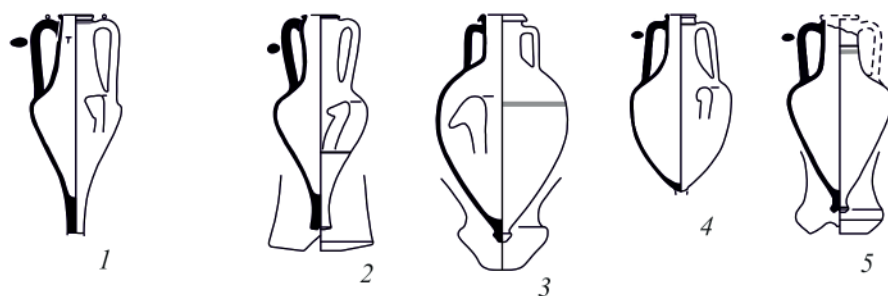

Рис. 2. Редкие амфоры из Ялтинского музея. 1 – Аканф (КП 969, 954); 2 – «с раздутым горлом» (КП 998); 3 – Кос (КП 982); 4 – неустановленный центр (КП 1008); 5 – неустановленный центр (КП 972)

Нельзя говорить о полном прекращении хиосских поставок в это время, однако большая часть имеющихся в нашем распоряжении поздних амфор этого центра происходит из Северо-Западного Причерноморья.

Примечательно, что общие тенденции, характерные для всего Северного Причерноморья и выявленные в свое время при анализе керамических комплексов¹¹, проявляются и при рассмотрении музейных коллекций. Благодаря широкому географическому охвату проекта, мы можем говорить и о региональных особенностях торговых отношений в рамках северопричерноморских государств¹². К примеру, на материалах херсонесской амфорной коллекции хорошо фиксируется, что среди импорта в Херсонесе Таврическом и на его хоре господствовала продукция понтийских производителей. Особенно ярко это проявляется на первом этапе – в конце IV – первой трети III в. до н.э. В этот период в большом объеме поступала синопская продукция¹³. Также имеются сосуды с энглифическими или рельефными клеймами, ранее считавшиеся продукцией Гераклеи, а в настоящее время предположительно отнесенные к производству западнопонтийских центров¹⁴. Среди импорта средиземноморских центров преобладает косская тара¹⁵. Начиная с 270-х гг. до н.э. лидирующие позиции переходят к таре средиземноморских центров (Родоса, Книда и Коса) при сохранении достаточно высокой доли синопских товаров, поступавших на протяжении всего III и II столетий¹⁶. Примечательно, что в амфорных коллекциях других регионов не фиксируется тара Книда, датирующаяся позднее начала III в. до н.э.

При этом, к примеру, для Прикубанского региона характерно наличие большого количества сосудов Книда и Коса, что видно из материалов краснодарского амфорного собрания (рис. 4). Ни один регион греческого мира не дает такого числа целых экземпляров. Благодаря наличию узко датированных комплексов, содержащих книдские сосуды, удалось выяснить, что в третьей четверти IV в. до н.э. объем поступившей книдской продукции сократился практически вдвое, по сравнению с предыдущим периодом. Вместе с тем, основная масса книдского импорта приходится на последнюю треть IV – самое начало III в. до н.э.¹⁷ Примечательно, что все имеющиеся в коллекции сосуды представляют собой крупные пифоиды с валикообразным венцом и кубаревидной ножкой. Амфоры с грибовидным венцом этого времени в выборке практически отсутствуют. Более того, книдские амфоры с грибовидным венцом конца IV – начала III в. до н.э. почти неизвестны и в других районах Северного Причерноморья, хотя их производство подтверждается находками в Средиземноморье фрагментов горл с клеймёными ручками¹⁸. Наибольшее число амфор Родоса также хранится в Краснодарском музее (рис. 5).

Кроме того, для Прикубанья мы фиксируем практически полное отсутствие продукции Хиоса и Пепарета¹⁹, двух прославленных винодельческих центров.

¹¹ Монахов 1999.

¹² Kuznetsova, Monakhov 2022, 447–463.

¹³ Монахов и др. 2017, Sn.8–Sn.11; 2019, Sn.3– Sn.7.

¹⁴ Монахов и др. 2017, WP.1–WP.3.

¹⁵ Монахов и др. 2017, Ks.1–Ks.5.

¹⁶ Монахов и др. 2017, Sn.12– Sn.27.

¹⁷ Монахов и др. 2022, Kn.9–Kn.29.

¹⁸ Cankardeş-Şenol 2015, 174, fig. 7c.

¹⁹ Монахов и др. 2021, 12.

Важным отличием торговых связей Прикубанья является наличие целой серии амфор т.н. «прикубанского» типа²⁰, получившего своё название по региону наибольшей концентрации. Они практически неизвестны в других районах. Исключением является лишь Боспор, где было найдено по одному сосуду на Европейской²¹ и Азиатской стороне²². Сосуды данной группы изготавливались на протяжении всего II в. до н.э.

Для удобства работы с материалами музеев, параллельно с изданием шести монографий, была создана база данных «Греческие амфоры (VII–II вв. до н.э.) с северных берегов Понта – АРЕ» (<https://ape.sgu.ru>). На сегодняшний день в русско- и англоязычную версии сайта включено 1544 амфоры, а также информация о 217 керамических комплексах. Были проведены работы по корректировке и усовершенствованию работы сайта, предусмотрены возможности открытия описаний, расширены позиции поисковых запросов. На сегодняшний день количество заходов и просмотров сайта превышает 39 000 и можно уверенно говорить о стабильном росте популярности и востребованности ресурса.

Идея создания специализированного сайта по амфорам возникла в рамках реализации гранта РНФ. Она базируется на той простой идее, высказанной И.Б. Брашинским²³, что амфорный материал обладает двумя важнейшими характеристиками – массовостью и синхронностью. И действительно, статистические методы при работе с массовым археологическим материалом ныне применяются довольно часто – от простых полевых отчётов до специальных работ²⁴. Вместе с тем при обращении к целым формам сосудов подобных исследований гораздо меньше, связано это, прежде всего, с количеством целых амфор, доступных для анализа. Сейчас с появлением серии упоминавшихся музейных каталогов и базы данных АРЕ²⁵ такая возможность стала более реальной²⁶.

Разумеется, так как в базе данных находятся музейные коллекции, её материалы не являются генеральной совокупностью, а представляют собой довольно специфическую выборку, так как при пополнении собраний музеев зачастую отдаются предпочтение целым сосудам, желательны с клеймами, дипинти и граффити. К тому же в такие крупные музеи, как Государственный Эрмитаж и ГМИИ им. А.С. Пушкина, не часто сдавались археологические коллекции, это происходило только в тех отдельных случаях, когда исследования проводились сотрудниками, благо в обоих музеях раскопкам уделяется огромное внимание и в их фондах хранятся материалы с многих памятников Северного Причерноморья. Зачастую же формирование собрания амфор происходит в результате дарений или поступления крупных коллекций. Именно так произошло, например, в Ялтинском музее²⁷. Есть и исключения из подобной практики: коллекция из Прикубанского некрополя была сдана в Краснодарский музей целиком и за исключением нескольких сосудов мы

²⁰ Лимберис, Марченко 2020.

²¹ Монахов и др. 2016, 186, Un.5.

²² Монахов и др. 2020, Un.6.

²³ Брашинский 1984.

²⁴ См., напр.: Ломтадзе 2005; Кузнецова 2013.

²⁵ URL: <https://ape.sgu.ru> (дата обращения: 27.03.2023).

²⁶ Предварительная информация см.: Monakhov, Churekova 2022, 307–317; Чурекова 2022; 2023.

²⁷ Новиченкова 1993.

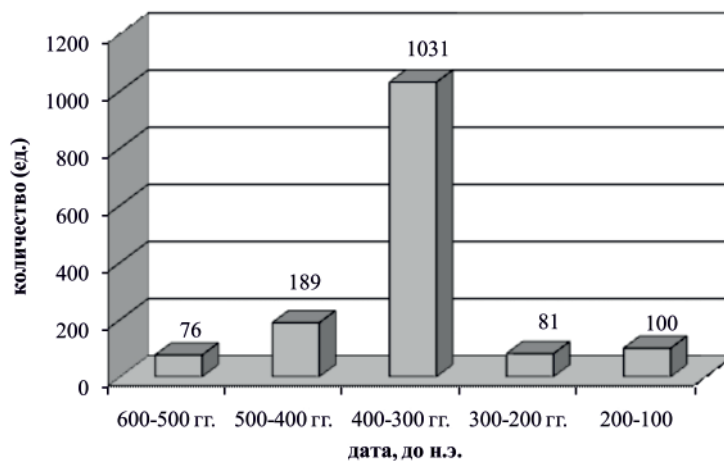

Рис. 3. Распределение амфор по хронологии

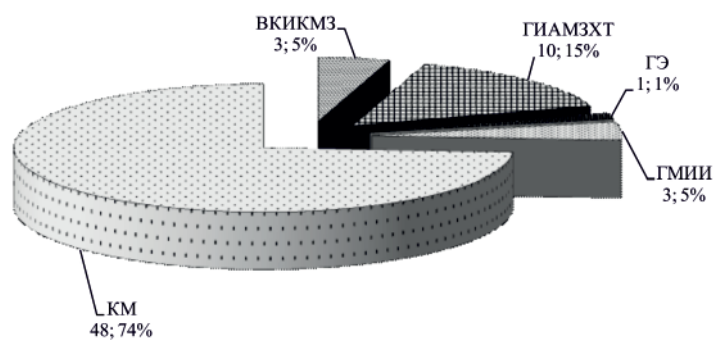

Рис. 4. Распределение амфор Книда по музейным коллекциям

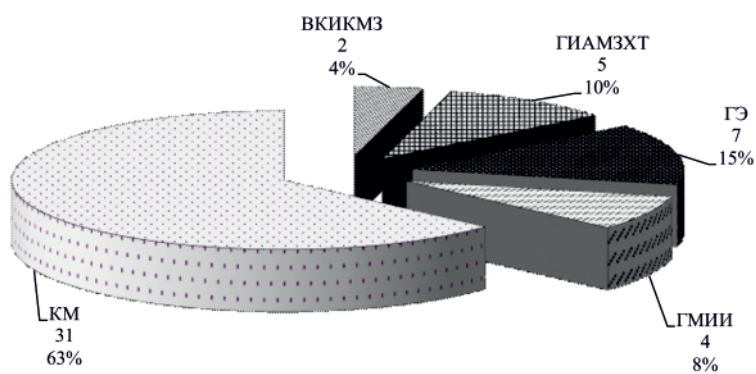

Рис. 5. Распределение амфор Родоса по музейным коллекциям

располагаем полным набором находок, включая амфоры и прочие материалы комплексов.

Разумеется, необходимо учитывать, что те статистические данные, которые получены в итоге работы с музейными коллекциями, в ряде случаев дают условные результаты, но тем не менее, зачастую они совпадают с выводами, которые сделаны на основании работы с отчётами или непосредственно с материалами раскопок памятников.

На сегодняшний день в базе содержатся данные об амфорах из пяти музейных коллекций, каждая имеет условное обозначение АРЕ и номер: I – Керченский музей; II – Херсонесский музей; III – Эрмитаж; IV – ГМИИ; V и VI – Краснодарский музей. Структура базы отчасти повторяет каталоги. Амфоры сгруппированы по центрам производства (каждый центр обозначен специальным сокращением), имеется раздел с описанием опубликованных керамических комплексов, на отдельных страницах размещены списки литературы (со ссылками), краткие биографии исследователей и др.

Одним из несомненных плюсов электронной базы является возможность использования системы поиска по центрам производства амфор, составу комплекса, даты амфоры и клейма, именам магистратов и фабрикантов и т.д. Разработка системы поиска ведётся до сих пор, в базу постоянно добавляются новые критерии и условия. Ресурс постоянно совершенствуется, основная его задача – облегчить исследователям определение материала и поиск аналогий.

Использование материалов базы АРЕ даёт большие возможности не только для поиска аналогий сосудов и клейм или определения их типов и хронологии, они могут быть также привлечены к интерпретации керамической тары как исторического источника, кроме того, позволяют перейти от анализа конкретных проблем к более широким реконструкциям экономических отношений в Причерноморье.

В целом, опубликованные материалы значительно продвинули наши представления о торговле античного мира. Начали появляться аналогичные издания в Турции²⁸, однако массив керамической тары в музейных собраниях других стран значительно уступает нашему. Работа по введению в научный оборот амфор из музейных собраний в настоящий момент продолжается. Наш коллектив готовит к изданию каталог коллекции Ялтинского историко-литературного музея, в основе которого лежит частное собрание Великого князя М.А. Романова, любые документы о котором в настоящее время утрачены, соответственно нет никакой возможности установить обстоятельства происхождения ни одной амфоры. Но, несмотря на это, и на её немногочисленность – 47 сосудов, она содержит редкие, и даже уникальные экземпляры (рис. 2). Впереди нас ждёт завершение работы с коллекциями феодосийского, евпаторийского музеев, музея Тавриды и заповедника «Калос Лимен».

ЛИТЕРАТУРА

- Брашинский, И.Б. 1984: *Методы исследования античной торговли*. Л.
Кузнецова, Е.В. 2013: *Экономические связи античных поселений Азиатского Босфора в VI–III вв. до н.э. (по данным керамической тары)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов.

²⁸ Sezgin et al. 2022.

- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2022: Комплексы с амфорами «Прикубанской» серии из могильников городищ Старокорсунского № 2 и хут. Ленина № 3. В сб.: А.П. Медведев (ред.), *«От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова*. Саратов, 268–282.
- Ломтадзе, Г.А. 2005: *Античный импорт на Боспоре в IV – начале III вв. до н.э. (опыт количественного анализа по материалам керамической тары)*. Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Монахов, С.Ю. 1999: *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары*. Саратов.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. М.–Саратов.
- Монахов, С.Ю. 2020: Подарок вождю: римская амфора с клеймом Сестия из ГМИИ. *Нижевожский археологический вестник* 19(2), 306–310.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Федосеев, Н.Ф., Чурекова, Н.Б. 2016: *Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника*. Каталог. Саратов.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Чурекова, Н.Б. 2017: *Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес-Таврический»*. Каталог. Саратов.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Чистов, Д.Е., Чурекова, Н.Б. 2019: *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э.* Каталог. Саратов.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Толстиков, В.П., Чурекова, Н.Б. 2020: *Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов.
- Монахов, С.Ю., Марченко, И.И., Лимберис, Н.Ю., Кузнецова, Е.В., Чурекова, Н.Б. 2021: *Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына)*. Саратов.
- Монахов, С.Ю., Марченко, И.И., Лимберис, Н.Ю., Кузнецова, Е.В., Чурекова, Н.Б. 2022: *Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына*. Саратов.
- Новиченкова, Н.Г. 1993: Археологическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея. *ВДИ* 1, 222–228.
- Трейстер, М.Ю. (ред.) 2008: *Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV–III вв. до н.э. в Восточном Крыму*. Симферополь–Бонн.
- Федосеев, Н.Ф. 2009: Керамическая эпиграфика и актуальные вопросы археологии Боспора Киммерийского. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы* (X Боспорские чтения). Симферополь–Керчь, 448–458.
- Чурекова, Н.Б. 2022: О возможностях использования статистических методов при работе с базой АРЕ. В сб.: *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами востока. VI международная научная конференция (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.)*. Материалы конференции. М., 459–468.
- Чурекова, Н.Б. 2023: Статистические методы при работе с амфорными каталогами и базой АРЕ. *АМА* 21, 226–239.
- Cankardeş-Şenol, G. 2015: Early Cnidian amphora exports to Alexandria, Egypt. In: E. Laffi, S. Pataci (eds.), *Recent Studies on the Archaeology of Anatolia*. Oxford, 169–192.
- Kuznetsova, E.V. Monakhov, S.Yu. 2022: Trade Connections of the Northern Black Sea Region in the Hellenistic Period (After Materials of Museum Collections). In: *IARPotHP* 4, 447–463.

- Lawall, M., Tzochev, Ch. 2020: New research on Aegean & Pontic transport amphorae of the ninth to first century BC, 2010–2020. In: *Archaeological Reports 66 (2019–2020). The Society for the Promotion of Hellenic Studies and the British School at Athens*. Athens, 117–144.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2017: Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. In: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity*. Cambridge, 59–99, 294–298, 318–360.
- Monakhov, S.Yu., Churekova, N.B. 2022: Hellenistic Amphorae in the Project “Greek Amphorae from the Northern Pontus Euxinus (7th – 2nd Century B.C.) – APE”. In: *IARPotHP 4*, 307–317.
- Sezgin, Yu., Kaan Şenol, A., Cankardeş-Şenol G. 2022: *İzmir Arkeoloji Müzesi Ticari Amphoraları*. İstanbul.

REFERENCES

- Brashinskiy, I.B. 1984: *Metody issledovaniya antichnoy trgovli [Methods of Research of the Ancient Trade]*. Leningrad.
- Cankardeş-Şenol, G. 2015: Early Cnidian amphora exports to Alexandria, Egypt. In: E. Laffi, S. Pataci (eds.), *Recent Studies on the Archaeology of Anatolia*. Oxford, 169–192.
- Churekova, N.B. 2023: Statisticheskie metody pri rabote s amfornymi katalogami i bazoj APE [Statistical methods when working with amphora catalogues and the APE database]. *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]* 21, 226–239.
- Churekova, N.B. 2022: O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya statisticheskikh metodov pri rabote s bazoy APE [On the possibilities of using statistical methods when working with the APE database]. In: *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami vostoka. VI mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Sevastopol', 3–7 oktyabrya 2022 g.). Materialy konferentsii [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Links of Crimea with the Mediterranean and the Countries of the Orient. VI International Scientific Conference (Sevastopol, October 3–7, 2022). Conference materials]*. Moscow, 459–468].
- Fedoseev, N.F. 2009: Keramicheskaya epigrafika i aktual'nye voprosy arkheologii Bospora Kimmeriyskogo [Ceramic epigraphy and topical issues of archaeology of the Cimmerian Bosphorus.]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problem [The Cimmerian Bosphorus and the Barbarian World in the period of Antiquity and the Middle Ages. Current Issues]* (X Bosporskije Chteniya [Bosporan Readings]), 448–458.
- Kuznetsova, E.V. Monakhov, S.Yu. 2022: Trade Connections of the Northern Black Sea Region in the Hellenistic Period (After Materials of Museum Collections). In: *IARPotHP 4*, 447–463.
- Kuznetsova, E.V. 2013: *Ekonomicheskie svyazi antichnykh poseleniy Aziatskogo Bospora v VI–III vv. do n.e. (po dannym keramicheskoy tary). Diss. ... kand. ist. Nauk [Economic Relations of Ancient Settlements of the Asian Bosphorus in the 6th – 3rd Centuries BC (According to Ceramic Containers). PhD Thesis]*. Saratov.
- Lawall, M., Tzochev, Ch. 2020: New research on Aegean & Pontic transport amphorae of the ninth to first century BC, 2010–2020. In: *Archaeological Reports 66 (2019–2020). The Society for the Promotion of Hellenic Studies and the British School at Athens*. Athens, 117–144.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2022: Kompleksy s amforami “Prikubanskoy” serii iz mogil'nikov gorodishch Starokorsunskogo № 2 i khut. Lenina № 3 [Complexes with amphorae of the “Prikubanskaya” series from the burial grounds of the settlements of Starokorsunsky No. 2 and hut. Lenin No. 3]. In: A.P. Medvedev (ed.), *“Ot Kavkaza do Dunaya”: Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu. Sb. nauchnykh trudov k 70-letiyu professora*

- S.Yu. Monakhova [“From the Caucasus to the Danube”: The Northern Black Sea Region in the Ancient Era. Papers Presented to Professor S.Yu. Monakhov in Occasion of his 70th Birthday]. Saratov, 268–282.
- Lomtadze, G.A. 2005: *Antichnyy import na Bospore v IV – nachale III vv. do n.e. (opyt kolichestvennogo analiza po materialam keramicheskoy tary). Diss. ... kand. ist. Nauk [Antique Imports on the Bosphorus in the 4th – Beginning of the 3rd Century BC (Experience of Quantitative Analysis of Ceramic Packaging materials). PhD Thesis]*. Moscow.
- Monakhov, S.Yu. 1999: *Grecheskie amfory v Prichernomor’e: komplekсы keramicheskoy tary [Greek Amphorae in the Black Sea Region: Complexes of Ceramic Containers]*. Saratov.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor’e: tipologiya amfor vedushchikh tzentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel’ [Greek Amphorae in the Black Sea Region: Typology of Amphorae of the Leading Centers Exporting Goods in Ceramic Containers. Catalogue]*. Moscow–Saratov.
- Monakhov, S.Yu. 2020: Podarok vozhdyu: rimskaya amfora s klejmom Sestiya iz GMII [A gift to the leader: a Roman amphora with the stamp of Sestius from the SMFA]. *Nizhnevolzhskiy arxeologicheskij vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]* 19(2), 306–310.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2017: Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. In: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity*. Cambridge, 59–99, 294–298, 318–360.
- Monakhov, S.Yu., Churekova, N.B. 2022: Hellenistic Amphorae in the Project “Greek Amphorae from the Northern Pontus Euxinus (7th – 2nd Century B.C.) – APE”. In: *IARPotHP* 4, 307–317.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Chistov, D.E., Churekova, N.B. 2019: *Antichnaya amfornaya kollektsiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI–II vv. do n.e. Katalog [Antique Amphora Collection of the 6th–2nd Centuries BC in the State Hermitage Museum. Catalogue]*. Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2017: *Amfory VI–II vv. do n.e. iz sobraniya gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii»». Katalog [Amphorae of the 5th–2nd Centuries BC in the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Taurian Chersonesus”. Catalogue]*. Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Fedoseev, N.F., Churekova, N.B. 2016: *Amfory VI–II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul’turnogo muzeya-zapovednika. Katalog [Amphorae of the 6th–2nd Centuries BC in the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Catalogue]*. Kerch–Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Tolstikov, V.P., Churekova, N.B. 2020: *Amfory VI–I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel’nykh iskusstv im. A.S. Pushkina [Amphorae of the 6th – 1st centuries BC in the Pushkin State Museum of Fine Arts]*. Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2021: *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna) [Amphorae of the Prikubanskiy Necropolis of the 4th – early 3rd century BC (the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)]*. Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2022: *Amfory VII–I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna [Amphorae of the 7th – 1st Centuries BC (the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)]*. Saratov.
- Novichenkova, N.G. 1993: Arkheologicheskaya kollektsiya Yaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeya [The archaeological collection of the Yalta Historical and Literary Museum]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 222–228.
- Sezgin, Yu., Kaan Şenol, A., Cankardeş-Şenol G. 2022: *İzmir Arkeoloji Müzesi Ticari Amphoraları*. İstanbul.

Treister, M.Yu. (ed.) 2008: *Trehbratnie kurgany. Kurgannaya gruppa vtoroy poloviny IV–III vv. do n.e. v Vostochnom Krymu* [*Trehbratnie Burial Mounds. The Kurgan Group of the Second Half of the 4th – 3rd Centuries BC in the Eastern Crimea*]. Simferopol–Bonn.

AMPHORAE COLLECTIONS OF RUSSIAN MUSEUMS: SOME RESULTS OF PUBLICATIONS OF THE LAST YEARS

Sergey Yu. Monakhov¹, Elena V. Kuznetsova², Natalia B. Churekova³

¹ *E-mail:* monachs@mail.ru ² *E-mail:* ev_kuznetsova@list.ru ³ *E-mail:* nat-churekova@list.ru

The paper summarizes the results of the work on the project for the publication of the amphorae collections of Russian museums. For eight years, the collections of the Crimean museums (Kerch, Chersonesus, Evpatoria, Feodosia, Yalta, the Taurida Museum and the “Kalos Limen” Museum-Reserve), the State Hermitage Museum, the Pushkin State Museum of Fine Arts and the Krasnodar Museum were processed. Over the years, six museum catalogues have been published, a unique online database “Greek Amphorae from the Northern Pontus Euxinus (7th – 2nd Centuries BC) – APE” has been created (ape.sgu.ru). In total, 1544 amphorae and 217 complexes containing two or more amphorae and other antique imports have been published and put into scientific circulation to date. Work is actively continuing on the publication of collections of Crimean museums, the publication of the collection of the Yalta Historical and Literary Museum is planned for 2023.

Keywords: archaeology, museum collections, catalogues of amphorae, an online amphorae database

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2023), 312–320
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2023), 312–320
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-2-80-312–320

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ А.А. МИЛЛЕРА

Ю.А. Виноградов

*Институт истории материальной культуры Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: vincat2008@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4447-5679

Изучение истории отечественной археологической науки раннего советского времени становится все более актуальным. Для обследования района Боспора Киммерийского важное значение имела Таманская экспедиция ГАИМК (1930–1931 гг.), во главе которой стоял А.А. Миллер. Результаты ее работ все еще изучены очень слабо, но материалы, хранящиеся в Научном архиве ИИМК РАН, позволяют оценить масштаб проведенных тогда исследований. Несомненную научную ценность имеет публикуемая записка А.А. Миллера, в которой дана характеристика состояния научных учреждений и музеев на Северном Кавказе в начале 1930-х гг.

Ключевые слова: история науки, Северный Кавказ, Таманская экспедиция, краеведческие музеи, охрана памятников

Таманская экспедиция ГАИМК, была создана в 1930 г. и просуществовала только до 1931 г., т.е. совсем недолго, но в истории отечественной археологии, в особенности археологии античной, она сыграла очень важную роль. Во главе ее стоял наш выдающийся археолог, этнограф, организатор науки Александр Александрович Миллер¹. Долгое время результаты работ Таманской экспедиции поч-

Данные об авторе: Юрий Алексеевич Виноградов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории культуры античного мира ИИМК РАН.

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 20–09–00180А «А.А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)».

¹ О нем см.: Паромов 1993; Решетов 2001; Алёшкин 2015; 2020; 2022; Ткачёв 2016, 189–191.

ти не привлекали внимание исследователей, серьезный научный интерес к ее деятельности появился лишь в последние годы², и это вполне закономерно.

В Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН) хранится немало документов, позволяющих лучше понять задачи, которые А.А. Миллер ставил перед участниками экспедиции, методы, которыми эти задачи могли быть реализованы, его оценки состояния археологической науки в СССР в начале 1930-х гг. и т.д. Однако среди множества принадлежащих перу А.А. Миллера кратких отчетов, записок, писем различным лицам и т.п. практически нет рукописей статей, подготовленных к печати и оставшихся по каким-то причинам неопубликованными.

В этом отношении чрезвычайно любопытным представляется архивное дело, озаглавленное «Миллер А.А. О плане археологических исследований на Таманском полуострове с отзывом Борисовского»³, которое почти не привлекало внимания исследователей. Как явствует из названия, в деле имеется отзыв известного советского археолога, исследователя палеолита П.И. Борисовского (1911–1991)⁴, составленный 3 ноября 1934 г. и направленный в журнал «Проблемы истории докапиталистических обществ»⁵. В нем Павел Иосифович дал характеристику двух рукописей А.А. Миллера. Первая из них – это записка о состоянии научно-исследовательских археологических учреждений и музеев в Северо-Кавказском крае, о ней я расскажу чуть ниже. Вторая – статья «Орудия труда доклассового общества как источник». По ее поводу П.И. Борисовский отметил:

«Работа несколько растянутая, но очень ценная и интересная. Содержит очень ценные, оригинальные, нигде не сведенные замечания о технике доклассового общества, о методике использования археологических материалов для исторических построений. Работа эта, судя по всем данным, возникла из преподавательской деятельности Миллера в Лен[инградском] Гос[ударственном] Университете (мне приходилось слышать на его лекциях в 1927–30 гг. отдельные положения этой работы)»⁶.

П.И. Борисовский обратил внимание на растянутость рассуждений А.А. Миллера, посвященных анализу высказываний Карла Маркса об орудиях труда. Он считал, что такие комментарии следует сократить, а немецкие цитаты перевести на русский язык (А.А. Миллер цитировал труды основоположника марксизма в оригинале!), и в этих замечаниях, очевидно, был свой смысл. Тем не менее, заключение П.И. Борисовского по поводу этой статьи является в полной мере положительным:

«Работа, безусловно, заслуживает напечатания. Полагал бы лично более целесообразным опубликовать ее не столько как комментарий к высказываниям Маркса об орудиях труда, сколько как замечания о технике доклассового общества, сжав тем самым места, посвященные анализу высказываний Маркса»⁷.

² Виноградов 2020; Виноградов и др. 2020а; 2020б; 2021; 2022.

³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 146.

⁴ О нем см.: Иванова, Решетов 1992; Белановская 1994; Григорьев 1994; Фан Куанг Шон 1994; Васильев 1996; 2001; Праслов 2001/2.

⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 146. Л. 4.

⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 146. Л. 4.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 146. Л. 4.

К сожалению, мы не имеем возможностью ознакомиться с этой рукописью, поскольку в Научном архиве ИИМК РАН она отсутствует. В журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ» статья не была опубликована, и этому никак не стоит удивляться. Напротив, немалое удивление вызывает то обстоятельство, что П.И. Борисковский счел возможным рекомендовать ее к печати. Дело в том, что к моменту написания отзыва (ноябрь 1934 г.) А.А. Миллер был уже давно арестован по делу о контрреволюционной «фашистской организации русских и украинских националистов» (сентябрь 1933 г.), в марте 1934 г. осужден на 5 лет и направлен в Исправительно-трудовые лагеря, где и скончался 12 января 1935 г.⁸ Публикация статьи политического заключенного в СССР (да и в любой другой стране) была абсолютно невозможной, и как-то странно, что П.И. Борисковский этого не понимал. Правда, во время составления отзыва на статью А.А. Миллера ситуация в стране, возможно, допускала такие «вольности» – до 1937 г. было еще сравнительно далеко, да и до покушения на С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.), послужившего важным событием на пути к развязыванию большого террора, оставался почти целый месяц, так что Павел Иосифович, по всей видимости, еще мог соблюсти объективность, не опасаясь того, что его записка в перспективе может послужить для него обвинительным документом.

Теперь стоит возвратиться к рукописи А.А. Миллера, находящейся в названном архивном деле. Мнение П.И. Борисковского о ней было более критичным:

«Первая работа Миллера на 3-х страницах без заглавия является запиской о состоянии научно-исследовательских археологических учреждений и музеев в Северо-Кавказском крае, относящейся к концу 1931 или к началу 1932 г. и адресованной кому-то из руководящих работников ГАИМК. Едва ли она предназначалась Миллером для печати. Это отрывочные замечания, связанные с планом работ ныне не работающей Таманской экспедиции ГАИМК, и сильно устаревшие, т.к. рисуют состояние на 1931 г. Печатать эту работу полагаю нецелесообразным»⁹.

Такое заключение, в общем, представляется вполне логичным, но только для своего времени. В наши дни, когда интерес к реалиям археологической деятельности в Советском Союзе 1920–1930-х гг. заметно возрос, с ним уже невозможно согласиться. Факты, связанные с исследованиями Таманской экспедиции ГАИМК, которые П.И. Борисковскому казались «устаревшими», сейчас приобрели особую ценность. Не меньший интерес представляет оценка А.А. Миллером состояния музейного дела на Северном Кавказе, а также существовавшей тогда системы подготовки научных кадров. Необходимо отметить, что эти вопросы волновали Александра Александровича всегда и к ним он неоднократно обращался в своих публикациях¹⁰. В общем, имеются все основания сделать этот документ известным широкой научной общественности. Ниже он публикуется без всяких сокращений¹¹:

«При составлении плана археологических исследований на Таманском полуострове предусматривалась необходимость проведения этих работ в тесной связи с местными научно-исследовательскими организациями, и при участии молодых

⁸ См. Ашнин, Алпатов 1994, 3; Застрожнова 2019, 185–187; Алёшкин, 2022, 118–124.

⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 146. Л. 4.

¹⁰ Миллер 1926; 1931; 1932, 63–64.

¹¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 146. Л. 1–2.

работников края. Предполагалось также большую часть материалов из раскопок передавать после их обработки в местные музеи, содействуя таким образом организации и пополнению их коллекций по истории древних поселений на территории Северо-Кавказского края.

Для осуществления такой организованной связи в 1930 году сделано было все возможное и казалось, что начало согласованной работы достаточно было обеспечено теми постановлениями Краевого Научного Комитета, которые приняты были после ряда совещаний и моего доклада по окончании работ прошлого года. В конце января 1931 года вопрос организации совместной работы вновь обсуждался в Научном Комитете, но, несмотря на все это, никакого реального участия краевых учреждений в экспедиции ГАИМК не последовало. Это обстоятельство побудило меня по окончании полевых работ приехать в Ростов и на месте выяснить причины столь нежелательно сложившейся обстановки. Полученные сведения, весьма неблагоприятные для ближайшей перспективы исследовательской работы в крае, привожу ниже в кратком изложении.

1). Научно-исследовательских организаций, с которыми можно было бы установить связь для плановой совместной работы, в сущности, нет. Научный Комитет, с которым велись переговоры в 1930 году, текущим летом был закрыт, а часть дел по планированию передана во вновь сформированный сектор науки при Плановой Комиссии.

Все дела, относящиеся к памятникам старины, направляются в Краевое Бюро Краеведения, которое по своей организации, личному составу и направлению деятельности совершенно не отвечает учреждению, которое в краевом масштабе могло бы организовать и направлять деятельность по охране и исследованию древностей.

2). Охрана памятников старины в Северо-Кавказском крае не осуществляется. Статья моя о разрушении памятников старины, напечатанная в вып. 4/5 Сообщений ГАИМК, написана, главным образом, по материалам Северо-Кавказского края¹². В то время, как в крае быстрым темпом развивается плановое строительство и многие памятники старины в связи с этим разрушаются без остатка, до сих пор со стороны краевых органов не было обращено на это никакого внимания.

3). Кадров лиц, подготовленных к работе по охране и исследованию памятников старины, в крае не имеется, и ни при одном из ВУЗов не ведется соответствующего преподавания. После указания на этот существенный пробел, в учебных планах С[еверо]-Кавказского университета мне было поручено Научным Комитетом представить особую записку по данному вопросу, что мной и было исполнено, впрочем, без всяких практических результатов. В октябре месяце в Ростове я видел, между прочим, как статуи каменных баб, стоявшие перед фасадом здания музея, были свалены на тротуар, после чего их перекачивали при помощи ломов во двор. Это удалось остановить. Работу эту производили аспиранты Горского Научно-Исследовательского Института, как мне объяснили, “в порядке самостоятельности”.

4). Музеи в Крае не организованы в форме единой сети при соответствующем разделении задач, в материальном отношении совершенно не обеспечены даже

¹² См. Миллер 1931.

для небольшой текущей работы. В большинстве музеев имеют характер собраний, отражающих тот или иной уклон интересов руководящего персонала, так, например, в Нальчике развился большой археологический отдел, в Адыгейском музее – этнографический. Во Владикавказе музей разделен был на две части для Осетинской и Ингушской автономных областей, причем все естественно-исторические коллекции Среднего Горного Кавказа оказались у ингушей, а археологические у осетин. В Ростове-на-Дону текущим летом свернуты были все коллекции, не относящиеся к горцам, т.к. вместо краевого музея решено было организовать <... лист оборван. – Ю. В.> ников для консультации, я не вынес ясного представления о задачах и плане этого нового учреждения. По-видимому, организуется не Краевой музей этнографии, а специальный музей Горного Кавказа с включением, впрочем, и не горных адыгейцев. Вопрос этот имеет для ГАИМК то значение, что вместе с этим новым музеем закрыт был музей с коллекциями, собиравшимися в более широком плане, которые могли бы послужить начальным материалом к развертыванию Центрального Краевого музея. В таком именно музее ГАИМК могла бы найти и должное место для помещения значительной части материалов своих экспедиций, работавших на Северном Кавказе. В настоящее время, например, в результате разведок и раскопок Таманской экспедиции в ГАИМК имеются обширные коллекции, относящиеся к 110 древним поселениям и отдельным могильникам (по весу груза 120 пудов), но в Крае нет музея, который мог бы поместить у себя хотя бы долю этого материала в показательных подборках. Все приведенные здесь замечания высказаны были мною в Ростове, в заседании бюро Краеведения в октябре месяце, и признаны были соответствующими действительному положению дела. В Бюро краеведения мне указывали также на желательность содействия со стороны ГАИМК в деле изменения существующего порядка в лучшую сторону.

После моего доклада Президиуму ГАИМК о работах Таманской экспедиции 1931 г., Вами мне было поручено дать в письменной форме свои замечания о научно-исследовательских археологических учреждениях и музеях в Северо-Кавказском крае, во исполнение чего представляю настоящую записку».

Документ, подготовленный А.А. Миллером, на мой взгляд, дает весьма содержательную и объективную картину состояния дел, связанных с охраной памятников древности, состояния музеев в нашей стране к началу 1930-х гг. Его последний абзац должен убеждать нас в том, что записка была составлена, как правильно отмечал П.И. Борисковский, «кому-то из руководящих работников ГАИМК». Вряд ли это был Н.Я. Марр, скорее его заместитель С.Н. Быковский, с которым А.А. Миллер был, так сказать, в постоянном контакте. Ситуация с этой запиской, однако, представляется более сложной и несколько комичной.

В Научном архиве имеется документ, обозначенный как «Записка о поездке заместителя председателя ГАИМК С.Н. Быковского в Северо-Кавказский край осенью 1932 г.»¹³. В некоторых местах он дословно совпадает с опубликованной запиской, более того – под ним стоит подпись А.А. Миллера и дата 22 июня 1932 г. На первой странице этого документа к тому же имеется приписка – «передано Н.Я. Марру 23.06.32 г.». Если верить всему, что обозначено на этой «казенной бумаге», то надо признать, что отчет о поездке С.Н. Быковского был составлен

¹³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 113. Л. 12–13, 51–53.

задолго до ее совершения и при этом совсем не С.Н. Быковским, а А.А. Миллером. И уж совсем странным представляется, что отчет был передан председателю ГАИМК, но он, как представляется, на эти несуразности не обратил никакого внимания.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексин, В.А. 2015: А.А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии. *Музей. Традиции. Этничность* 2. СПб., 6–19.
- Алексин, В.А. 2020: А.А. Миллер (1875–1935). Вехи жизни русского археолога. *Archäologie in Iran und Turan* 19, 1–17.
- Алексин, В.А. 2022: Александр Александрович Миллер (1875–1935). В сб.: В.А. Горончаровский (ред.), *Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку*. СПб., 100–125.
- Ашнин, Ф.Д., Алпатов, В.М. 1994: *Дело славистов. 30-е годы*. М.
- Белановская, Т.Д. 1994: Проблемы истории первобытного общества в трудах П.И. Борисковского. *АВ* 3, 260–261.
- Васильев, С.А. 1996: Вклад П.И. Борисковского в становление проблематики современного палеолитоведения. *РА* 1, 201–204.
- Васильев, С.А. 2001: П.И. Борисковский и проблемы азиатского палеолита. *АВ* 8, 316–318.
- Виноградов, Ю.А. 2020: Из истории Таманской экспедиции ГАИМК. *Таврические студии* 22, 25–30.
- Виноградов, Ю.А., Медведева, М.В., Панкратова, Е.Г. 2020а: Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания. *АВ* 30, 312–329.
- Виноградов, Ю.А., Григорьева, О.В., Застрожнова, Е.Г., Медведева, М.В., Четверкина, Е.В. 2020б: А.А. Миллер и его Таманская экспедиция (по материалам Научного архива ИИМК РАН). В сб.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов (отв. ред.), *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре III*. Самара, 118–120.
- Виноградов, Ю.А., Застрожнова, Е.Г., Медведева, М.В. 2021: Таманская экспедиция ГАИМК и исследования Фанагории. *БИ* 42, 271–301.
- Виноградов, Ю.А., Григорьева, О.В., Медведева, М.В. 2022: Археологические работы Таманской экспедиции ГАИМК. *МАИАСП* 14, 245–260.
- Григорьев, Г.П. 1994: П.И. Борисковский и П.П. Ефименко. *АВ* 3, 262–263.
- Застрожнова, Е.Г. 2019: *Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.)*. М.
- Иванова, Е.В., Решетов, А.М. 1992: Памяти Павла Иосифовича Борисковского. *Восток* 2, 198–199.
- Миллер, А.А. 1926: О музейной работе в Кабарде и Балкарии. *Горский краеведческий журнал* 1, 23–24.
- Миллер, А.А. 1931: К вопросу об охране памятников старины. *СГАИМК* 4–5, 22–50.
- Миллер, А.А. 1932: Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае. *СГАИМК* 9–10, 63–67.
- Паромов, Я.М. 1993: К биографии А.А. Миллера. В сб.: И.Л. Тихонов (отв. ред.), *Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции*. СПб., 30–31.
- Праслов, Н.Д. 2001/2: Павел Иосифович Борисковский: Основные вехи жизни и творчества (27.05.1911 – 27.09.1991). *Stratum plus* 1, 9–13.
- Решетов, А.М. 2001: Александр Александрович Миллер – выдающийся археолог, этнограф и музеевед (к 125-летию со дня рождения). В сб.: М.Л. Бережнова (отв. ред.), *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Омск, 8–16.

- Ткачев, А.Н. 2016: *Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.): Библиографический словарь-справочник*. Краснодар.
- Фам Куанг Шон 1994: Роль П.И. Борисковского в формировании и развитии археологии во Вьетнаме. *АВ* 3, 264–265.

REFERENCES

- Alekshin, V.A. 2015: A.A. Miller i ego vklad v razvitie otechestvennoy arkheologii [A.A. Miller and his contribution to the development of Russian archaeology]. *Muzy. Traditsii. Etnichnost'* [Museums. Traditions. Ethnicity] 2, 6–19.
- Alekshin, V.A. 2020: A.A. Miller (1875–1935). Vekhi zhizni russkogo arkheologa [Milestones of the life of a Russian archaeologist]. *Archäologie in Iran und Turan* 19, 1–17.
- Alekshin, V.A. 2022: Aleksandr Aleksandrovich Miller (1875–1935). In: V.A. Goroncharovskiy (ed.), *Ottsy-osntovately RAIMK: ikh zhiznenny put' i vklad v nauku* [The Founding Fathers of the Russian Academy for the History of Material Culture: Their Life Path and Contribution to Science]. Saint Petersburg, 100–125.
- Ashnin, F.D., Alpatov, V.M. 1994: *Delo slavistov. 30-e gody* [The Case of Slavistics Students. The 1930s]. Moscow.
- Belanovskaya, T.D. 1994: Problemy istorii pervobytnogo obshchestva v trudakh P.I. Doriskovskogo [The problems of history of primitive society in the works of P.I. Boriskovskiy]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 3, 260–261.
- Fam Kuang Shon 1994: Rol' P.I. Boriskovskogo v formirovani i razviti arkheologii vo V'etname [The role of P.I. Boriskovskiy in the formation and development of archaeology of Vietnam]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 3, 264–265.
- Grigoryev, G.P. 1994: P.I. Boriskovskiy i P.P. Efimenko [P.I. Boriskovskiy and P.P. Efimenko]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 3, 262–263.
- Ivanova, E.V., Reshetov, A.M. 1992: Pamyati Pavla Iosifovicha Boriskovskogo [In memory of Pavel Iosifovich Boriskovskiy]. *Vostok* [Orient] 2, 198–199.
- Miller, A.A. 1926: O muzeynoy rabote v Kabarde i Balkarii [About museum work in Kabarda and Balkaria]. *Gorskiy kraevedcheskiy zhurnal* [Journal of Local History of Mountain Region] 1, 23–24.
- Miller, A.A. 1931: K voprosu ob okhrane pamyatnikov stariny [Concerning the protection of ancient sites]. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Transactions of the State Academy for the History of Material Culture] 4–5, 22–50.
- Miller, A.A. 1932: Desyat' let raboty GAIMK v Severo-Kavkazskom krae [Ten years of work of the State Academy for the History of Material Culture in the North Caucasus region]. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Transactions of the State Academy for the History of Material Culture] 9–10, 63–67.
- Paromov, Ya.M. 1993: K biografii A. A. Millera [On the biography of A.A. Miller]. In: I.L. Tikhonov (ed.), *Problemy istorii otechestvennoy arkheologii. Tezisy dokladov konferentsii* [Problems of History of Russian Archaeology. Abstracts and Papers]. Saint Petersburg, 30–31.
- Praslov, N.D. 2001/2: Pavel Iosifovich Boriskovskiy: Osnovnye vekhi zhizni i tvorchestva (27.05.1911 – 27.09.1991) [Pavel Iosifovich Boriskovskiy: the main milestones of life and creativity (27.05.1911 – 27.09.1991)]. *Stratum plus* 1, 9–13.
- Reshetov, A.M. 2001: Aleksandr Aleksandrovich Miller – vydayushchiysya arkheolog, etnograf i muzeved (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya) [Aleksandr Aleksandrovich Miller, the outstanding archaeologist, ethnographer and museologist (on the 125th anniversary of birth)]. In: M.L. Berezhnova (ed.), *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Omsk, 8–16.

- Tkachev, A.N. 2016: *Arkheologi Kubani i Severo-Zapadnogo Kavkaza (1917–1991gg.): Bibliograficheskiy slovar'-spravochnik* [Archaeologists of the Kuban and the North-West Caucasus (1917–1991): Bibliographic Dictionary-Reference]. Krasnodar.
- Vasilyev, S.A. 1996: Vklad P.I. Boriskovskogo v stanovlenie problematiki sovremennogo paleolitovedeniya [P.I. Boriskovskiy's contribution to the modern investigation of Paleolithic]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 201–204.
- Vasilyev, S.A. 2001: P.I. Boriskovskiy i problemy aziatskogo paleolita [P.I. Boriskovskiy and Problems of Asian Paleolithic]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 8, 316–318.
- Vinogradov, Yu.A. 2020: Iz istorii Tamanskoy ekspeditsii GAIMK [From the history of the Taman Mission of the State Academy for the History of Material Culture]. *Tavricheskie studii* [Taurian Studies] 22, 25–30.
- Vinogradov, Yu. A., Medvedeva, M.V., Pankratova, E.G. 2020a: Tamanskaya ekspeditsiya GAIMK: k istorii sozdaniya [The Taman Mission of the State Academy for the History of Material Culture: history of the foundation]. *Archeologicheskie vesti* [Archaeological News] 30, 312–329.
- Vinogradov, Yu.A., Grigoryeva, O.V., Zastrozhnova, E.G., Medvedeva, M.V., Chetverkina, E.V. 2020b: A.A. Miller i ego Tamanskaya ekspeditsiya (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN) [A.A. Miller and his Taman Mission (based on the materials of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)]. In: A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, O.D. Mochalov (eds), *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare* [Proceedings of VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara] 3. Samara, 118–120.
- Vinogradov, Yu.A., Zastrozhnova, E.G., Medvedeva, M.V. 2021: Tamanskaya ekspeditsiya GAIMK i issledovaniya Fanagorii [Taman expedition of the State Academy for the History of Material Culture and studies of Phanagoria]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] 42, 271–301.
- Vinogradov, Yu.A., Grigoryeva, O.V., Medvedeva, M.V. 2022: Arkheologicheskie raboty Tamanskoy ekspeditsii GAIMK [Archaeological works of the Taman expedition of the State Academy for the History of Material Culture]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials on the Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region] 14, 245–260.
- Zastrozhnova, E.G. 2019: *Fanagoriya. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya (konets XVIII – seredina XX v.)* [Phanagpria. History of Archaeological study (the End of the 18th – Middle of the 20th Century)]. Saint Petersburg.

FROM THE MANUSCRIPT HERITAGE OF A.A. MILLER

Yuriy A. Vinogradov

*Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia*

E-mail: vincat2008@yandex.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20–09–00180A

Studies on the history of Russian archaeology of the early Soviet period are becoming increasingly relevant. The Taman expedition of the State Academy for the History of Material Culture (1930–1931) was important for the investigation of the area of the Cimmerian Bosporus.

It was headed by A.A. Miller. The results of the field work of this expedition are still very poorly studied, but the materials stored in the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences make it possible to assess the scale of the studies carried out at that time. The published essay of A.A. Miller has a certain scientific significance. It characterizes the state of scientific institutions and museums in the North Caucasus the situation in the early 1930s.

Keywords: historiography of the Russian archaeology, North Caucasus, Taman expedition, local history museums, protection of ancient sites

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	–	<i>Археологические вести</i> . Санкт-Петербург
АМА	–	<i>Античный мир и археология</i> . Саратов
АО	–	<i>Археологические открытия (ежегодник)</i> . Москва, 1965–1986, 1993–
Аристей	–	<i>Аристей. Вестник классической филологии и античной истории</i> . Санкт-Петербург
БИ	–	<i>Боспорские исследования</i> . Симферополь–Керчь
ВДИ	–	<i>Вестник древней истории</i> . Москва
ВИЕТ	–	<i>Вопросы истории естествознания и техники</i> . Москва
ДБ	–	<i>Древности Боспора</i> . Москва
ЗООИД	–	<i>Записки Одесского общества истории и древностей</i> . Одесса.
ИБАИ	–	<i>Известия на Българския археологически институт</i> . София
ИИАК	–	<i>История и археология Крыма</i> . Симферополь
КБН	–	Струве, В.В. <i>Корпус боспорских надписей</i> . М.–Л., 1965
КСИА	–	<i>Краткие сообщения Института археологии</i> . Москва
КСИИМК	–	<i>Краткие сообщения Института истории материальной культуры</i> . Москва–Ленинград
МАИАСК	–	<i>Материалы к археологии и истории античного и средневекового Крыма</i> . Москва–Тюмень–Нижевартовск.
МАИАСП	–	<i>Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья</i> . Нижневартовск–Ness Ziona
МАСП	–	<i>Материалы по археологии Северного Причерноморья</i> . Одесса
МИА	–	<i>Материалы и исследования по археологии СССР</i> . Москва–Ленинград
<i>Мысхакский некрополь</i> – Малышев, А.А. (ред.), <i>Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. (Некрополи Черноморья V)</i> . М.		
Нисф	–	<i>Нумизматика и сфрагистика</i> . Киев
НЭ	–	<i>Нумизматика и эпиграфика</i> . Москва
ПИ	–	<i>Проблемы на изкуството</i> . София
ПИФК	–	<i>Проблемы истории, филологии, культуры</i> . Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА	–	<i>Российская археология</i> . Москва
СА	–	<i>Советская археология</i> . Москва
САИ	–	<i>Свод археологических источников</i> . Москва–Ленинград
СГМИИ	–	<i>Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина</i> . Москва
СЭ	–	<i>Советская этнография</i> . Москва
ТГЭ	–	<i>Труды Государственного Эрмитажа</i> . Санкт-Петербург
ХСб	–	<i>Херсонесский сборник</i> . Севастополь
ABSA	–	<i>The Annual of the British School at Athens</i> . London
ACSS	–	<i>Ancient Civilizations from Scythia to Siberia</i> . Leiden
AJA	–	<i>American Journal of Archaeology</i> . Chicago
AM	–	<i>Athenische Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung</i> . Athen
ASAA	–	<i>Annuario della scuola archeologica di Atene e delle missioni italiane in oriente</i> . Roma
BAR 1102	–	Frolova, N.A., Ireland, S. <i>The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD</i> (BAR International Series 1102). Oxford, 2002
BAR IS	–	<i>British Archaeological Reports International Series</i> . Oxford

-
- BCH – *Bulletin de correspondance hellénique*. Paris
 BSS – *Black Sea Studies*. Aarhus
 CIRB – *Corpus inscriptionum regni Bosporani*
 DHA – *Dialogues d'histoire ancienne*. Besançon
 EA – *Eurasia Antiqua*. Berlin
Hypanis – В.Д. Кузнецов (ред.), *HYPANIS*. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Москва
 IARPotHP 4 – *IARPotHP 4. Manufacturers and Markets. The Contribution of Hellenistic Pottery to Economies Large and Small*. Wien
 IDélos – Durrbach, F. et al. (eds.), *Inscriptions de Délos*. Paris, 1926–1950
 LIMK – *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Zürich, 1981–1999
 MEFRA – *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*. Paris–Rome
 NC – *The Numismatic Chronicle*. London
 RE – Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., Witte, K., Mittelhaus, K., Ziegler, K. (Hrsg.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung*. Stuttgart, 1894–1980
 RE. Supplbd. IX – *Sonderdruck aus Pauly- Wissowa, Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Supplementband IX*. Stuttgart, 1962
 RM – *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung*
 SNG BM I – *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. IX. *British Museum*. Pt. I. Price M. *The Black Sea*. London, 1993
 ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*

СОДЕРЖАНИЕ

В честь профессоров А.А. Масленникова и В.Д. Кузнецова	5
<i>Толстиков В.П.</i> (Москва) – Археологические свидетельства катастрофы 480–475 гг. до н.э. в Пантикапее. прощание с одной концепцией?	9
<i>Агафонов А.В.</i> (Москва), <i>Муратова М.Б.</i> (Нью-Йорк, США) – Афина Эргана в Пантикапее	37
<i>Завойкин А.А.</i> (Москва) – Амфорный комплекс дома 888 на «Верхнем Городе» Фанагории	55
<i>Голофаст Л.А.</i> (Москва) – Ионические импостные капители из раскопок Фанагории	69
<i>Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Каменные ящики Фанагории: индивидуальные гробницы или коллективные усыпальницы?	85
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – К дискуссии о так называемом «граффито Фанагора»	97
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн, Германия), <i>Винокуров Н.И.</i> (Москва) – Золотые и серебряные подвески-лунницы из слоя пожара 46/47 г. н.э. ранней цитадели городища Артезиан в Восточном Крыму	112
<i>Яйленко В.П.</i> (Москва) – Текстология, палеография, историческая ретроспектива новоизданного позднеэллинистического наговора из Ольвии	129
<i>Масленников А.А.</i> (Москва) – Изнутри или снаружи? (О статусе поселения на мысе Зюк, «малых городах» и внутренней колонизации Боспора)	163
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Москва/Магнитогорск), <i>Баринев Д.Г.</i> (Энгельс), <i>Колесников А.Б.</i> (Москва) – Монеты из раскопок античного поселения Чекупс-2	197
<i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь) – Два новых поселения бронзового века в окрестностях урочища Сююр-Таш в Керченском Приазовье	218
<i>Браунд Д.</i> (Exeter, UK) – Antakaïos: осетр Афродиты?	231
<i>Подосинов А.В.</i> (Москва) – Плиний Старший о локализации гипербореев	241
<i>Завойкина Н.В.</i> (Москва) – О войне царя Аспурга против скифов и тавров	252

В МУЗЕЯХ МИРА

<i>Журавлев Д.В., Петрова Н.Ю.</i> (Москва) – Керамика в фондах отдела археологических памятников Государственного исторического музея (краткий обзор). Часть I. Эпоха неолита и бронзы	272
<i>Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б.</i> (Саратов) – Амфорные собрания музеев России: некоторые итоги по результатам изданий последних лет	299

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Виноградов Ю.А.</i> (Санкт-Петербург) – Из рукописного наследия А.А. Миллера	312
---	-----

CONTENTS

In honour of Professor A.A. Maslennikov and Professor V.D. Kuznetsov	5
<i>V.P. Tolstikov</i> (Moscow) – Archaeological Evidence of the Disaster of 480–475 BC in Panticapaeum. Saying Goodbye to One Concept?.....	9
<i>A.V. Agafonov</i> (Moscow), <i>M.B. Muratov</i> (New-York) – Athena Ergana in Panticapaeum...	37
<i>A.A. Zavoykin</i> (Moscow) – Amphoric Complex from the House No. 888 In The “Upper City” of Phanagoria.....	55
<i>L.A. Golofast</i> (Moscow) – Ionic Impost Capitals from the Excavations at Phanagoria.....	69
<i>A.N. Voroshilov, O.M. Voroshilova</i> (Moscow) – Stone Boxes of Phanagoria: Individual or Collective Tombs?.....	85
<i>S.Yu. Saprykin</i> (Moscow) – Regarding the Discussion on the So-called “Graffito of Phanagoras”.....	97
<i>M.Yu. Treister</i> (Bonn), <i>N.I. Vinokurov</i> (Moscow) – Gold and Silver Lunula-Pendants from the AD 46/47 Burnt Layer of the Early Citadel of Artezian Fortified Settlement in Eastern Crimea.....	112
<i>V.P. Yailenko</i> (Moscow) – Text Criticism, Paleography, Historical Perspective of the New Published Late Hellenistic Curse Inscription from Olbia Pontica.....	129
<i>A.A. Maslennikov</i> (Moscow) – Inside or Outside? (On the “Status” of the Settlement on Cape Zyuk, Small Towns and “Internal” Colonization of the Bosporus).....	163
<i>M.G. Abramzon</i> (Moscow/Magnitogorsk), <i>D.G. Barinov</i> (Engels), <i>A.B. Kolesnikov</i> (Moscow) – Coins from 2018–2019 Excavations at the Settlement of Chekups 2 (the Krasnodar Territory).....	197
<i>T.N. Smekalova</i> (Simferopol) – Two New Bronze Age Settlements in the Vicinity of the Syur-Tash Tract, the Kerch Sea of Azov.....	218
<i>D. Braund</i> (Exeter, UK) – Antakaïos: Aphrodite’s Sturgeon?.....	231
<i>A.V. Podossinov</i> (Moscow) – Pliny the Elder on the Localization of Hyperboreans.....	241
<i>N.V. Zavoykina</i> (Moscow) – The War of King Aspurgus Against the Scythians and Taurians.....	252

IN WORLD MUSEUMS

<i>D.V. Zhuravlev, N.Yu. Petrova</i> (Moscow) – Ceramics in the Department of Archaeological Monuments of the State Historical Museum (A Brief Overview). Part I. Neolithic and Bronze Age.....	272
<i>S.Yu. Monakhov, E.V. Kuznetsova, N.B. Churekova</i> (Saratov) – Amphorae Collections of Russian Museums: Some Results of Publications of the Last Years.....	299

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>Y. A. Vinogradov</i> (Saint Petersburg) – From the Manuscript Heritage of A.A. Miller	312
--	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в **References** указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	‘		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их рас-
шифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2023

Сдано в набор 7.09.2023. Подписано в печать 15.09.2023.

Дата выхода 30.09.2023.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.